

СТРАНЫ
И
НАРОДЫ
ВОСТОКА

СТРАНЫ
И
НАРОДЫ
ВОСТОКА

ВЫПУСК
XIV

ВЫПУСК
XIV

ПОСВЯЩАЕТСЯ
ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТИЮ
НЕЗАВИСИМОСТИ ИНДИИ
(1947—1972)

DEDICATED
TO THE 25TH ANNIVERSARY
OF INDIA'S INDEPENDENCE
(1947—1972)

USSR ACADEMY OF SCIENCES
ORIENTAL COMMISSION
GEOGRAPHICAL SOCIETY OF THE USSR

COUNTRIES AND PEOPLES OF THE EAST

General editor
D. A. OLDEROGGE,
corresponding member
of the Academy of Sciences of the USSR

VOL. XIV

INDIA — LAND AND PEOPLE
Book 3

Compiled and edited by I. V. Sakharov

NAUKA PUBLISHING HOUSE
Central Department of Oriental Literature
Moscow 1972

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГЕ

ВЫП. XIV

ИНДИЯ — СТРАНА И НАРОД
Книга 3

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1972

Составитель и ответственный редактор
И. В. САХАРОВ

Сборник представляет собой третью посвященную Индии книгу в известной серии «Страны и народы Востока», выпускаемой Восточной комиссией Географического общества СССР (первые две книги составили вып. V и XII этой серии). В ней опубликованы статьи по экономической географии, демографии, этнографии, истории и культуре Индии. В частности, рассматриваются такие традиционные для индологических книг темы, как национальный состав населения страны, вопросы ее районирования, урбанизация и миграция населения, индийцы за пределами Индии, русско-индийские связи и т. д.

И. В. Сахаров

НАСЕЛЕНИЕ ИНДИИ ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ ДАННЫМ ПЕРЕПИСИ 1971 г.

1971 год — знаменательная дата в истории индийской демографической статистики: в этом году исполнилось сто лет со времени проведения первой всеобщей переписи населения Индии — 1872 г.

Переписи населения Индии — уникальный источник информации об этой стране, по обилию, разносторонности и ценности публикуемых данных не имеющий себе равных. Поэтому каждая очередная перепись привлекает к себе большое внимание широких кругов общественности как в самой Индии, так и за рубежом.

Как известно, переписи проводятся в Индии раз в десять лет, в год, оканчивающийся на единицу. В колониальный период в Индии не было постоянной организации, ведавшей подготовкой и проведением переписи, обработкой и публикацией собранных данных. Обычно за год-два до очередной переписи назначался комиссар по проведению переписи, затем назначались уполномоченные в провинциях и набирался многочисленный штат временных работников. По завершении же обработки и публикации данных (через один-два года после переписи) вся организация распускалась — пока не наступало время следующей переписи, когда организация по ее осуществлению создавалась заново.

В независимой Индии было принято решение реорганизовать службу переписи и превратить ее в постоянно действующий институт. Был учрежден пост генерального регистратора Индии (Registrar General), и под его началом основано постоянное специальное ведомство, на которых и было возложено проведение переписи. Сам генеральный регистратор *ex officio* является комиссаром по проведению переписей (Census Commissioner). Соответственно в каждом штате и в каждой союзной территории были созданы небольшие постоянные группы сотрудников, возглавляемые на время подготовки и проведения переписи и составления отчета уполномоченными по проведению переписи — чиновниками, выделяемыми на это время правительством соответствующего штата.

В межпереписной период сотрудники организации в центре и на местах заняты завершением огромной работы по подготовке к печати всех намеченных материалов. О масштабах этой работы красноречиво свидетельствует следующая цифра: в соответствии с программой переписи 1961 г. должно быть опубликовано около 1100 томов статистических таблиц и текстовых отчетов, причем до сих пор эта работа не доведена до конца.

Существование постоянно действующей организации, несомненно, помогло своевременной и квалифицированной подготовке и проведению переписи 1971 г. Как по числу тех, кого предстояло переписать, так и по числу тех, кто непосредственно участвовал в осуществлении переписи, равно как и по обработке и опубликованию собранных материалов, перепись 1971 г. явилась мероприятием поистине грандиозным.

Разработка структуры и анкеты переписи 1971 г. началась уже в 1967 г. В июне 1968 г. к исполнению обязанностей генерального регистратора и комиссара по проведению переписи 1971 г. приступил А. Чандра Секхар, сменивший на этом посту Ашока Митру (в 1961 г. А. Чандра Секхар был уполномоченным по проведению переписи в штате Андхра Прадеш). После долгих обсуждений, в которых принимали участие работники различных министерств, Плановой комиссии, Центральной статистической организации и различных других ведомств, представители торгово-промышленных палат и многочисленные ученые и специалисты, была разработана и опробована анкета, проведен подсчет всех имеющихся в стране домов и составлены их списки.

Специального упоминания заслуживает проделанная сотрудниками ведомства генерального регистратора картографическая работа: были подготовлены планы каждой деревни и каждого города с указанием местоположения каждого дома. Эти карты, оказавшие счетчикам большую помощь во время переписи, сохранены вместе со списками домов для различных исследований в будущем. Были также обновлены с учетом новейших изменений карты административно-территориального деления.

Важное место в подготовке к проведению переписи заняло обучение счетчиков. Они набирались в основном из учителей из расчета один счетчик на 600—750 человек (с превышением в размере 10% в качестве резерва). Кроме того, для руководства и проверки на каждые пять счетчиков был назначен один контролер. Таким образом, общая численность занятых в проведении переписи 1971 г. превысила 1,2 млн.

Первоначально было намечено осуществить перепись в феврале, однако этому помешали внеочередные всеобщие выборы 1971 г. Поскольку как проведение переписи, так и проведение выборов на местах осуществляется с помощью одних и тех же лиц — работников низовых административных органов, двойная нагрузка оказалась бы для них чрезмерной; было решено отсрочить перепись на один месяц. Поэтому она была проведена с 10 по 31 марта, причем критический момент (т. е. момент, к которому был приурочен весь сбор сведений о населении) был установлен на час восхода солнца 1 апреля 1971 г. Для этой цели в течение последующих трех дней (1—3 апреля) на местах была проведена контрольная проверка данных.

В некоторых труднодоступных районах перепись была проведена в другие сроки. Так, в горных областях Джамму и Кашмира, Химачал Прадеша и Уттар Прадеша она была проведена в сентябре — октябре 1970 г., в некоторых населенных племенами районах Андхра Прадеша — в декабре 1970 — январе 1971 г., в Северо-Восточном пограничном агентстве — с сентября 1970 по февраль 1971 г. Ввиду сложной и неспокойной политической обстановки, сложившейся ко времени переписи в Западной Бенгалии, и из-за того, что 10 марта здесь должны были состояться выборы, было решено провести перепись в этом штате раньше, чем в других штатах, а именно — с 1 по 27 февраля; контрольная проверка в Западной Бенгалии с целью привести данные по Западной Бенгалии в соответствие с данными по другим штатам была осуществлена 1—3 апреля.

Перепись населения Индии 1971 г.— впервые в истории индийских переписей — не охватила индийский протекторат Сикким. В этом княжестве перепись была осуществлена в те же сроки и по той же программе, что и в Индии, но под непосредственным руководством сиккимского правительства (при техническом руководстве со стороны директора по проведению переписи в штате Западная Бенгалия).

Публикация окончательных данных переписи 1971 г. еще впереди. Пока же в нашем распоряжении имеются предварительные данные, изданные в виде отдельной тетради [3], содержащей некоторые сведения по Индии в целом и по отдельным штатам и союзным территориям, и обширного приложения к ней, в котором помещены материалы с более детальной территориальной разбивкой — по дистриктам [4]¹.

Хотя в упомянутых выше источниках содержатся лишь самые общие статистические сведения о численности, размещении, динамике, половом составе и грамотности населения, их анализ — неизбежно краткий и носящий обзорный характер — представляет большой интерес. В частности, опубликованные сведения заслуживают внимания потому, что они сгруппированы в соответствии с новым административно-территориальным делением страны. Между тем за десятилетие, прошедшее со времени переписи 1961 г., в административно-территориальной структуре Индии произошли существенные изменения. Так, Нагаленд, который в 1961 г. имел статус союзной территории, в 1963 г. получил права штата. В 1966 г. прежний штат Пенджаб был разделен: здесь были созданы два новых штата — Пенджаб и Хариана и новая союзная территория Чандигарх. Кроме того, часть территории прежнего Пенджаба была передана союзной территории Химачал Прадеш, которой в 1970 г. были предоставлены права штата. Наконец, в 1968 г. из штата Ассам был выделен автономный штат Мегхалая. Таким образом, ко времени проведения переписи 1971 г. в Индии было 18 штатов (в 1961 г. — 15) и 11 союзных территорий и других административных единиц (в 1961 г. — 13). В результате этой переписи впервые были получены точные сведения о числе жителей новых административных единиц.

Итак, что же показали предварительные данные переписи 1971 г.?

В момент восхода солнца 1 апреля 1971 г. численность населения Индии достигла 546 955 945 человек — 283 055 987 мужчин и 263 899 958 женщин. Таким образом, в Индии проживает около одной седьмой (15%) всего человечества (хотя на нее приходится лишь 2,4% территории), и по числу жителей она уступает только Китаю (по оценке, население его составляет около 750 млн.) и превосходит СССР (в 1970 г. — 243 млн. человек), США (в 1970 г. — 205 млн.) и Японию (103 млн.), вместе взятые [5; 6].

Данные по основным административно-политическим единицам страны (табл. 1) показывают, что на первом месте стоит штат Уттар Прадеш, который по числу жителей намного превосходит любую западноевропейскую страну (напомним для сравнения, что крупнейшее государство Западной Европы — ФРГ — насчитывало в 1970 г. 61,5 млн. жителей [7, 25], Великобритания — 55,7 млн. [2, 7], Италия — 53,7 млн. [5, 131], Франция в 1970 г. — 50,5 млн. [1, 14]) и уступает лишь крупнейшим странам мира — Китаю, СССР, США, Японии, Индонезии и Бразилии [5, 127—133]. Еще два штата насчитывают более чем по 50 млн. жителей (Бихар и Махараштра) и четыре штата — бо-

¹ За любезную присылку этих материалов автор считает своим приятным долгом поблагодарить генерального регистратора Индии А. Чандра Секхара.

Основные предварительные данные о населении Индии *

	Численность населения в 1971 г.		всего	%	Число женщин на 1000 мужчин		Плотность населения на 1 кв. км	
	мужчин	женщин			1961 г.	1971 г.	1961 г.	1971 г.
Индия	283 055 987	263 899 958	546 955 945	100,0	941	932	138	182
Штаты:								
Анхра Прадеш	21 944 826	21 450 125	43 394 951	7,9	981	977	131	157
Ассам	7 813 565	7 043 749	14 857 314	2,7	871	901	112	149
Бихар	28 839 524	27 547 772	56 387 296	10,3	994	955	268	324
Гуджарат	13 771 613	12 889 316	26 660 929	4,9	940	936	112	136
Джамму и Кашмир	2 452 661	2 162 515	4 615 176	0,8	878	882
Западная Бенгалия	23 488 244	20 951 851	44 440 095	8,1	878	892	394	507
Керала	10 538 873	10 741 524	21 280 397	3,9	1022	1019	435	548
Мадхья Прадеш	21 352 291	20 097 438	41 449 729	7,6	953	941	74	93
Майсур	14 910 851	14 313 195	29 224 046	5,3	959	960	123	152
Махараштра	26 024 146	24 270 935	50 295 081	9,2	936	933	129	163
Нагаленд	275 359	240 202	515 561	0,1	933	872	22	31
Орисса	11 028 036	10 906 791	21 934 827	4,0	1001	989	113	141
Панджаб	7 192 305	6 280 667	13 472 972	2,5	854	873	221	268
Раджастан	13 442 056	12 282 086	25 724 142	4,7	908	914	59	75
Тамилнад	20 772 549	20 330 576	41 103 125	7,5	992	979	259	316
Уттар Прадеш	46 896 648	41 402 805	88 299 453	16,1	909	883	250	300
Хариана	5 317 149	4 654 016	9 971 165	1,8	868	875	172	225
Химачал Прадеш	1 735 106	1 689 226	3 424 332	0,6	938	974	51	62
Союзные территории и другие районы:								
Андаманские и Никобарские острова**	70 005	45 085	115 090	0,02	617	644	8	14
Гоа, Даман и Диу	431 026	426 154	857 180	0,2	1071	989	169	225
Дадра и Нагар Хавели	36 949	37 216	74 165	0,01	963	1007	117	151
Дели	2 244 290	1 800 048	4 044 338	0,7	785	802	1792	2723
Лаккадивские, Миникой и Аминдивские острова	16 062	15 736	31 798	0,01	1020	980	831	994
Манипур	539 101	530 454	1 069 555	0,2	1015	984	35	48
Мегхал	503 351	479 985	983 336	0,2	953	954	33	44
Пондичери	236 850	234 497	471 347	0,1	1013	990	787	982
Северо-Восточное пограничное агентство	233 154	211 590	444 744	0,1	894	908
Трипура	802 509	754 313	1 556 822	0,3	932	940	107	149
Чандигарх	146 888	110 091	256 979	0,1	652	749	1052	2254

* [3, 51].

** Без Джавара и Сентинала

лее чем по 40 млн. (Западная Бенгалия, Андхра Прадеш, Мадхья Прадеш и Тамилнаду). Остальные штаты по численности населения заметно уступают семи вышеназванным.

Среди союзных территорий и прочих административно-политических единиц, не обладающих полными правами штата, выделяются территории Дели, Трипура и Манипур. Самыми маленькими по числу жителей районами являются союзные территории Дадра и Нагар Хавели на границе между Гуджаратом и Махараштрой (0,01% населения Индии) и Лаккадивские, Миникой и Аминдивские острова (0,01% населения страны) в Аравийском море.

В результате быстрого роста числа жителей плотность населения Индии — одной из густонаселенных стран мира — за 1961—1971 гг. заметно возросла. Средняя плотность населения в стране в целом увеличилась за это время со 138 до 182 человек на 1 кв. км. Средняя плотность населения сильно меняется от штата к штату. В двух из них она превышает 500 человек на 1 кв. км — в Керале и Западной Бенгалии. К числу сравнительно редко заселенных штатов относятся Мадхья Прадеш, Раджастан, Химачал Прадеш и Нагаленд.

Однако данные по штатам в целом не показывают действительной картины размещения населения страны. Гораздо более красноречивую информацию можно получить из данных по дистриктам, которые показывают, что в Индии имеется четыре обширных района с повышенной плотностью населения. Один из них занимает южную и восточную части Западной Бенгалии, другой — прилегающие друг к другу восточные дистрикты Уттар Прадеша и северные дистрикты Бихара, третий расположен в западной части Уттар Прадеша, а четвертый вытянулся узкой полосой вдоль юго-западного побережья страны, совпадая с границами штата Керала.

Средние данные по отдельным дистриктам (не считая дистрикты-города, такие, как Калькутта, Большой Бомбей, Мадрас, и союзные территории Дели и Чандигарх) показывают следующее. В Западной Бенгалии средняя плотность населения в слабоурбанизированных дистриктах Муршидабад и Надиа составляет соответственно 553 и 568 человек на 1 кв. км, а в таких высокоурбанизированных дистриктах, как Бардван, 24 Парганы, Хугли и Хаура, достигает 557, 623, 913 и 1625 соответственно. Среди дистриктов Уттар Прадеша выделяются Деориа (521), Варанаси (556), Мирут (566) и Лакхнау (645); впрочем, в последнем дистрикте высокая плотность в значительной степени объясняется расположением здесь административного центра штата — крупного города Лакхнау. В Бихаре самыми густонаселенными дистриктами являются Дарбханга (605), Музаффарпур (618), Саран (620) и Патна (635), где расположен главный город штата — Патна. Особенно высока плотность населения в Керале. В дистрикте Тричур она достигает 701, в Эрнауламе — 727, в Тривандраме — 1000, а в Аллеппи — даже 1124 человека. Высокой плотностью (729) характеризуется и прилегающий к Керале Каньякумари — самый южный дистрикт Индии, входящий в состав штата Тамилнаду.

Вместе с тем обширные наименее заселенные районы (плотность населения — менее 50 человек на 1 кв. км) расположены в пустынной и полупустынной западной части Раджастана и Гуджарата (на границе с Пакистаном), в граничащих с Китаем горных областях Джамму и Кашмира, Химачал Прадеша и Уттар Прадеша, на крайнем северо-востоке страны (в горных областях, окаймляющих штат Ассам и лежащих на границе с Китаем, Бирмой и Бангладеш) и, наконец, в центральной части Индии, прежде всего в области Дандакаранья, рас-

положенной на стыке территорий Мадхья Прадеша, Ориссы, Андхра Прадеша и Махараштры. Так, например, в штате Ассам дистрикты Горы Микир и Горы Мизо имеют среднюю плотность 30 и 15, а прилегающие к Ассаму штаты Мегхалая и Нагаленд — 44 и 31 человек соответственно. Величина аналогичного показателя для дистрикта Бастар (Мадхья Прадеш) составляет 39. На крайнем северо-западе Уттар Прадеша расположены дистрикты Питхоргарх, Чамоли и Уттар Каши со средней плотностью соответственно 43, 33 и 19 человек. На западе страны дистрикт Кач (Гуджарат) имеет среднюю плотность 19, а дистрикты Бармер и Джайсалмер (Раджастхан) — 27 и 4 человека.

Как известно, наблюдающиеся в Индии за последние десятилетия чрезвычайно высокие темпы увеличения численности населения (табл. 2), опережающие темпы ее экономического развития, представляют важную и актуальную проблему для этой страны. В межпереписное десятилетие (1961—1971) представления о темпах роста населения основывались на разного рода оценках. В частности, согласно

Таблица 2

Численность населения Индии в переписные годы XX в.*, тыс.

	1901 г.	1911 г.	1921 г.	1931 г.	1941 г.	1951 г.	1961 г.	1971 г.
Индия	238 396	252 093	251 321	278 977	318 661	361 088	439 073	546 956
Штаты:								
Андхра Прадеш	19 066	21 447	21 420	24 204	27 289	31 115	35 983	43 395
Ассам	3 376	3 944	4 740	5 694	6 861	8 239	11 128	14 857
Бихар	27 314	28 317	28 129	31 350	35 174	38 786	46 456	56 387
Гуджарат	9 095	9 804	10 175	11 490	13 702	16 263	20 633	26 661
Джамму и Кашмир	2 139	2 293	2 424	2 670	2 947	3 254	3 561	4 615
Западная Бенгалия	16 940	17 999	17 474	18 897	23 230	26 300	34 926	44 440
Керала	6 396	7 148	7 802	9 507	11 032	13 549	16 904	21 281
Мадхья Прадеш	16 861	19 441	19 172	21 356	23 991	26 072	32 372	41 450
Майсур	13 055	13 525	13 378	14 633	16 255	19 402	23 587	29 224
Махараштра	19 392	21 475	20 850	23 959	26 833	32 003	39 554	50 295
Нагаленд	102	149	159	179	190	213	369	516
Орисса	10 303	11 379	11 159	12 491	13 768	14 646	17 549	21 935
Панджаб	7 545	6 732	7 153	8 012	9 600	9 161	11 135	13 473
Раджастхан	10 294	10 984	10 293	11 748	13 864	15 971	20 156	25 724
Тамилнаду	19 253	20 903	21 629	23 472	26 268	30 119	33 687	41 103
Уттар Прадеш	48 625	48 152	46 670	49 777	56 532	63 216	73 746	88 300
Хариана	4 623	4 175	4 256	4 560	5 273	5 674	7 590	9 971
Химачал Прадеш	1 920	1 897	1 928	2 029	2 263	2 386	2 812	3 424
Союзные территории и другие районы:								
Андаманские и Никобарские острова	25	26	27	29	34	31	64	115
Гоа, Даман и Диу	508	519	501	542	584	596	627	857
Дадра и Нагар Хавели	24	29	31	38	40	42	58	74
Дели	406	414	488	636	918	1 744	2 659	4 044
Лаккадивские, Миникой и Аминдивские острова	14	15	14	16	18	21	24	32
Манипур	284	346	384	446	512	578	780	1 070
Мегхалая	337	389	418	472	543	591	745	983
Пондичери	246	257	244	259	285	317	369	471
Северо-Восточное пограничное агентство							337	445
Трипура	173	230	304	382	573	639	1 142	1 557
Чандигарх	22	18	18	20	23	24	120	257

* [3, 52—53]

подсчетах, сделанным официальным экспертным комитетом по прогнозированию численности населения, предполагалось, что число жителей в Индии на 1 апреля 1971 г. составит 561 млн. Таким образом, расхождение между оценкой комитета экспертов и фактической численностью населения, зафиксированной переписью 1971 г., составило внушительную цифру — 14 млн.

В своих расчетах комитет экспертов исходил из предположения, что смертность должна уменьшиться с 17,6 человека на тысячу в 1963 г. до 14 в 1968 г. и до 11,3 к 1973 г. (в результате чего средняя продолжительность жизни за 1961—1970 гг. должна была ежегодно возрастать на 0,9 года) и что коэффициент общей фертильности в течение 1961—1966 гг. сохранится на прежнем уровне, а за 1966—1970 гг. снизится на 5%. Однако в действительности, согласно данным выборочной регистрации, проведенной ведомством генерального регистратора Индии, смертность не только не уменьшилась, но составила в 1968 г. 16,8, а в 1969 г. — 19,3 человека на тысячу.

Кроме того, ожидалось, что коэффициент детской смертности в 1961—1970 гг. сохранится на прежнем уровне (в 1951—1960 гг., согласно Национальному выборочному обследованию, — 146 на 1000 рождений); однако, возможно, что либо Национальное выборочное обследование дало преуменьшенную величину этого коэффициента, либо за 1961—1970 гг. он увеличился. Наконец, возможно, результаты выполнения официально поощряемой в Индии программы планирования семьи оказались более ощутимыми, чем это предположил комитет экспертов. Отсутствие достоверной и полной статистики рождаемости и смертности не позволяет сделать определенные выводы о степени эффективности программ планирования семьи, однако можно надеяться, что, когда будут обработаны собранные переписью 1971 г. данные о возрастной структуре населения, картина станет яснее.

Итак, в 1971 г. численность населения Индии оказалась ниже, чем предполагалось.

Тем не менее относительный рост населения за межпереписное десятилетие (1961—1971) был самым высоким за всю историю индийских переписей. Как показывает табл. 3, на протяжении последних пятидесяти лет темпы роста числа жителей Индии из десятилетия в десятилетие почти неизменно возрастали. Если за 1911—1921 гг. численность населения Индии уменьшилась, то за 1921—1931 гг. она возросла на 11%, а за последние десять лет — на 24,6%, т. е. почти на четверть. Всего же за XX столетие население страны увеличилось на 130%, т. е. более чем удвоилось. За этими темпами стоят весьма внушительные абсолютные цифры. За 1951—1961 гг. абсолютный прирост численности населения Индии составил около 78 млн., а за 1961—1971 гг. достиг 108 млн., т. е. превысил общую численность населения такой крупной страны, как Япония, или двух таких больших стран, как Франция и Великобритания, вместе взятых.

Темпы роста численности населения в разных районах страны были далеко не одинаковыми и не равномерными. Так, за последнее десятилетие население Уттар Прадеша возросло менее чем на 20%, тогда как в Мадхья Прадеше оно увеличилось на 28, а в Ассаме — более чем на 33% при среднеиндийских темпах, равных 24,6%. За более длительный период — 1901—1971 гг. — число жителей в Уттар Прадеше, Пенджабе и Химачал Прадеше возросло примерно на 80%, а за те же годы в Ассаме оно увеличилось на 340%.

Заметны различия в темпах роста населения и между разными дистриктами одних и тех же штатов. Например, в Уттар Прадеше,

Изменение численности населения Индии по межпереписным десятилетиям XX в., %

	1901—1911 гг.	1911—1921 гг.	1921—1931 гг.	1931—1941 гг.	1941—1951 гг.	1951—1961 гг.*	1961—1971 гг.	Общая прирост за 1901—1971 гг.
Индия	+5,7	-3,0	+11,0	+14,	+13,3	+21,6	+24,6	+129,5
Штаты:								
Андрха Прадеш	+12,5	-0,1	+13,0	+12,8	+14,0	+15,7	+20,6	+127,6
Ассам	+16,9	+20,2	+20,1	+20,5	+20,1	+35,1	+33,5	+340,1
Бихар	+3,7	-0,7	+11,5	+12,2	+10,3	+19,8	+21,4	+106,4
Гуджарат	+7,8	+3,8	+12,9	+19,3	+18,7	+26,9	+29,2	+193,2
Джамму и Кашмир	+7,2	+5,8	+10,1	+10,4	+10,4	+9,4	+29,6	+115,7
Западная Бенгалия	+6,3	-2,9	+8,1	+22,9	+13,2	+32,8	+27,2	+162,3
Керала	+11,8	+9,2	+21,9	+16,0	+22,8	+24,8	+25,9	+232,7
Мадхья Прадеш	+15,3	+11,4	+11,4	+12,3	+8,7	+24,2	+28,0	+145,8
Махисур	+3,6	-1,1	+9,4	+11,1	+19,4	+21,6	+23,9	+128,9
Махараштра	+10,7	-2,9	+14,9	+23,0	+19,3	+23,6	+27,2	+159,4
Нагаленд	+46,8	+6,6	+12,6	+6,0	+8,6	+14,1	+39,6	+407,7
Орисса	+10,4	-1,9	+11,9	+10,2	+6,4	+19,8	+25,0	+112,9
Панджаб	-10,8	+6,3	+12,0	+19,8	-4,6	+21,6	+21,0	+78,6
Раджастан	+6,7	-6,3	+14,1	+18,0	+15,2	+26,2	+27,6	+149,9
Тамилнад	+8,6	+3,5	+14,1	+11,9	+14,7	+11,9	+22,0	+113,5
Уттар Прадеш	-1,0	-3,1	+6,7	+13,6	+11,8	+16,7	+19,7	+81,6
Хариана	-9,7	+2,0	+7,1	+15,6	+7,6	+33,8	+31,4	+115,7
Химачал Прадеш	-1,2	+1,7	+5,2	+11,5	+5,4	+17,9	+21,8	+78,3
Союзные территории и другие районы:								
Андаманские и Никобарские острова	+7,3	+2,4	+8,8	+14,6	-8,3	+105,2	+81,1	+366,9
Гоа, Даман и Диу	+2,3	-3,5	+8,2	+7,8	+2,1	+5,1	+36,8	+68,9
Дадра и Нагар Хавели	+19,5	+7,0	+23,2	+5,7	+2,7	+39,6	+28,0	+205,5
Дели	+2,0	+18,0	+30,3	+44,3	+99,0	+52,4	+52,1	+896,6
Лаккадивские, Миникой и Амндивские острова	+4,9	-6,3	+17,6	+14,4	+14,6	+14,6	+31,9	+129,0
Манипур	+21,7	+10,9	+16,0	+14,9	+12,8	+35,0	+37,1	+276,0
Мегхалая	+15,6	+7,3	+12,9	+15,1	+8,9	+26,0	+32,0	+191,8
Пондшери	+4,4	-5,1	+5,9	+10,2	+11,3	+16,3	+27,7	+91,3
Северо-Восточное пограничное агентство								
Трипура	+32,5	+32,6	+25,6	+34,1	+24,6	+78,7	+32,1	+798,2
Чандигарх	-16,1	-1,7	+9,1	+14,1	+7,5	+394,1	+114,4	+1069,8

* [3, 53].

показавшем за десятилетие (1961—1971) в целом весьма низкие темпы роста (в дистриктах Гархвал и Гонда даже менее 12%), прирост в дистрикте Дехра Дун составил почти 36%, а в Наини Тал — почти 38%. В Ассаме, для которого, напротив, оказались характерны весьма высокие темпы роста в целом (при почти 44% в дистрикте Гоалпара и почти 68% в Горах Микир), прирост, зафиксированный в дистрикте Горы Мизо, составил менее 21%.

Межрайонные контрасты характерны и для других штатов — Раджастана (дистрикт Кота — почти 35%, дистрикт Аджмер — немногим более 17%), Кералы (Малаппурам — почти 34%, Аллеппи — немногим более 17%), Махараштры (Тхана — почти 38%, а Ратнагири — менее 9%). Даже в маленьком Нагаленде, состоящем из трех дистриктов, в Кохиме был зафиксирован прирост почти 61%, а в Туенсанге — немногим более 28%².

Очевидно, указанные различия между штатами и дистриктами объясняются, с одной стороны, региональными различиями в естественном движении населения, а с другой — неодинаковыми масштабами миграции между теми или иными районами.

Подробный анализ этих различий как между штатами и дистриктами, так и между отдельными десятилетиями не входит в нашу задачу. Обратим лишь внимание на то, что наибольший рост за все XX столетие в целом и особенно за последние тридцать лет (исключая такие небольшие высокоурбанизированные — и потому не сопоставимые со штатами — административно-территориальные единицы, как Дели или Чандигарх) был зафиксирован в районах, непосредственно примыкающих к Восточной Бенгалии, которая с момента раздела Индии в 1947 г. и до самого недавнего времени входила в состав Пакистана и где недавно образовалось новое независимое государство Бангладеш. В частности, Западная Бенгалия, бывшая по числу жителей в 1941 г. на седьмом месте среди других штатов Индии (имеются в виду нынешние штаты в их современных границах), за десятилетие (1941—1951) обогнала штат Мадхья Прадеш и передвинулась на шестое место, к 1961 г., опередив штат Мадрас (ныне — Тамилнаду), перешла на пятое место, а к 1971 г. опередила штат Андхра Прадеш и заняла четвертое место (см. табл. 2).

Нет никакого сомнения в том, что эти данные в значительной степени отражают факт массовой миграции в Индию жителей Восточного Пакистана — как индусов, уходивших в соседние районы Индии от преследований и дискриминации со стороны пакистанских властей, так и (этот факт сравнительно малоизвестен) мусульман, переселявшихся в Западную Бенгалию и Ассам по причинам не политическим, а экономическим.

Характерно в связи с этим, что наиболее высокий прирост как за период 1961—1971 гг., так и за предшествующее десятилетие был зафиксирован в дистриктах, лежащих непосредственно на границе с Восточной Бенгалией или близ нее. Например, за 1961—1971 гг. в Западной Бенгалии в дистрикте 24 Парганы прирост составил более 36%, в Коч Бихаре — более 38%, а в Западном Динаджпуре — более 39%, тогда как в наиболее удаленном от границы дистрикте — Пурулия — он составил менее 19%. Интересно, что и в Бихаре самый высокий прирост был обнаружен в лежащем очень близко от границы

² В целом прослеживается некоторая связь между величиной прироста и величиной плотности населения: очень часто густонаселенные штаты и дистрикты обнаруживают низкий прирост, а редконаселенные — высокий.

дистрикте Пурния — за 1961—1971 гг. немногим менее 28%, а за предшествующее десятилетие — 37%. Очень высокий прирост был зафиксирован и в лежащей на границе союзной территории Трипура: за 1961—1971 гг. — более 36%, за предшествующие десять лет — почти 79%, а за период с 1901 по 1971 г. в целом — 798%.

Заметим, что недавняя катастрофическая миграция бенгальцев в Индию (в основном опять-таки в Западную Бенгалию, Ассам и Трипуру), вызванная массовым террором и насилиями, развязанными пакистанскими властями против населения Восточной Бенгалии, в переписи 1971 г. почти не нашла своего отражения, так как эти трагические события начались в самые последние дни марта 1971 г. и развернулись после того, как перепись была завершена.

Еще одной причиной ускоренного роста численности населения Западной Бенгалии был не прекращающийся приток выходцев из Бихара, Уттар Прадеша и других районов Индии, устремляющийся в Калькутту и другие развивающиеся промышленные центры этого штата.

Переписи одна за другой всегда фиксировали в Индии заметное численное преобладание мужского населения над женским, и перепись 1971 г. не составляет в этом отношении исключения (см. табл. 1). В 1971 г. мужчин оказалось более чем на 19 млн. больше, чем женщин. На каждую тысячу мужчин в 1971 г. в среднем пришлось 932 женщины, что еще ниже соответствующего показателя для 1961 г. Единственным штатом, где число женщин превышало число мужчин в 1971 г., была Керала, но и здесь по сравнению с данными предшествующей переписи доля женщин несколько уменьшилась. В то же время в некоторых штатах (в Харьяне, Панджабе, Нагальенде) соотношение числа мужчин и женщин особенно неблагоприятно.

Если межрайонные различия в половом составе населения в значительной степени могут быть объяснены характером миграционных процессов, связанных, в частности, с неодинаковым уровнем и темпами урбанизации, то объяснение положения, наблюдаемого в Индии в целом, не лежит на поверхности.

Обычно младенцев мужского пола рождается больше, чем женского. Затем диспропорция в половой структуре частично сглаживается, так как смертность среди мальчиков несколько выше, чем среди девочек. Среди взрослого населения средняя продолжительность жизни у женщин выше, чем у мужчин. Но для Индии характерно заметное преобладание мужского населения почти во всех возрастных группах. По-видимому, в определенной степени это зависит, с одной стороны, от традиционного предпочтения, отдаваемого в индийских семьях мальчикам, и, с другой стороны, от высокой женской смертности при родах и от различных женских болезней, что связано с недостаточным уровнем развития здравоохранения, трудными бытовыми условиями и т. п. В результате в Индии средняя продолжительность жизни среди женщин ниже, чем среди мужчин. Так или иначе причины этого явления (в частности, причины того, что удельный вес женщин во всем населении продолжает снижаться) еще не до конца раскрыты.

Опубликованные предварительные материалы переписи 1971 г. содержат данные о грамотности населения Индии. Согласно принятому в переписи довольно расплывчатому определению, грамотным считается тот, кто осмысленно может читать и писать. Обычно при определении уровня грамотности в Индии принято исключать из расчета возрастную группу 0—4 года. Однако поскольку ко времени публикации предварительных материалов переписи 1971 г. сведения о возраст-

ной структуре населения еще не были получены, доля грамотных была высчитана для всего населения страны. Согласно этим данным, грамотные составляют 29% населения Индии (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Грамотность в Индии, 1971 г.*

	Грамотное население в 1971 г.			Грамотные в процентах ко всему населению		
	всего	мужчин	женщины	всего	среди мужчин	среди женщин
Индия	160 508 654	111 777 772	48 730 882	29,4	39,5	18,5
Штаты:						
Андхра Прадеш	10 657 107	7 299 940	3 357 167	24,6	33,3	15,7
Ассам	4 270 585	2 955 054	1 315 531	28,8	37,8	18,7
Бихар	11 259 948	8 839 272	2 420 675	20,0	30,7	8,8
Гуджарат	9 517 702	6 348 169	3 169 533	35,7	46,1	24,6
Джамму и Кашмир	844 615	647 813	196 802	18,3	26,4	9,1
Западная Бенгалия	14 688 745	10 063 468	4 625 277	33,1	42,8	22,1
Керала	12 802 821	7 012 792	5 790 029	60,2	66,5	53,9
Мадхья Прадеш	9 130 323	6 956 400	2 173 923	22,0	32,6	10,8
Майсур	9 198 195	6 229 671	2 968 524	31,5	41,8	20,7
Махараштра	19 643 522	13 346 381	6 297 141	39,1	51,3	26,0
Нагаленд	140 911	94 769	46 142	27,3	34,4	19,2
Орисса	5 729 288	4 229 124	1 500 164	26,1	38,4	13,8
Панджаб	4 498 438	2 881 292	1 617 146	33,4	40,1	25,8
Раджастхан	4 833 785	3 819 600	1 014 185	18,8	28,4	8,3
Тамилнаду	16 189 713	10 734 758	5 454 955	39,4	51,7	26,8
Уттар Прадеш	19 107 658	14 884 792	4 222 866	21,6	31,7	10,2
Хариана	2 661 379	1 978 046	683 333	26,7	37,2	14,7
Химачал Прадеш	1 072 466	434 003	338 463	31,3	42,3	20,0
Союзные территории и другие районы:						
Андаманские и Никобарские острова	50 036	36 079	13 957	43,5	51,5	31,0
Гоа, Даман и Диу	381 664	234 715	146 949	44,5	54,5	34,5
Дадра и Нагар Хавели	11 020	8 129	2 891	14,9	22,0	7,8
Дели	2 290 986	1 433 472	857 514	56,7	63,9	47,6
Лаккадивские, Миникой и Амнидивские острова	13 814	9 036	4 778	43,4	56,3	30,4
Манипур	350 799	248 848	101 951	32,8	46,2	19,2
Мегхалая	279 369	165 687	113 682	28,4	32,9	23,7
Пондишери	204 357	129 221	75 136	43,4	54,6	32,0
Северо-Восточное пограничное агентство	41 520	34 032	7 488	9,3	14,6	3,5
Трипура	480 519	325 470	155 049	30,9	40,6	20,6
Чандигарх	157 369	97 738	59 631	61,2	66,5	54,2

* [3,55].

Этот показатель весьма сильно меняется по районам. По распространению грамотности резко выделяется среди других штатов страны Керала: здесь грамотность более чем вдвое превышает среднеиндийскую величину, что значительно превышает соответствующий показатель для стоящего на втором месте штата Тамилнаду и даже для столичной территории Дели. Среди союзных территорий выделяются высоким процентом грамотных Чандигарх и Гоа, Даман и Диу. На противоположном полюсе находятся штаты Уттар Прадеш, Бихар, Раджастхан, Джамму и Кашмир, в которых грамотные составляют лишь

18—22%. Уровень грамотности еще ниже в союзных территориях Дадра и Нагар Хавели и Северо-Восточном пограничном агентстве.

Обращают на себя внимание различия в уровне грамотности между мужчинами (в стране в целом — около 40%) и женщинами (менее 19%). В некоторых штатах (особенно в тех, которые отличаются низким общим уровнем грамотности) это различие особенно велико, например в Раджастхане, Бихаре, Северо-Восточном пограничном агентстве.

Таблица 5

Сельское и городское население Индии, 1971 г.*

Штаты, союзные территории и другие районы	Население		Долг горожан во всем населении, %	Прирост населения за 1961—1971 гг., %	
	сельское	городское		сельское	городское
Индия	438 580 844	108 787 082	19,9	+21,8	+37,8
Штаты:					
Андхра Прадеш	34 999 146	8 395 805	19,4	+17,8	+33,8
Ассам	13 697 129	1 254 979	8,4	+32,9	+53,0
Бихар	50 678 457	5 653 789	10,0	+19,1	+44,5
Гуджарат	19 180 094	7 507 092	28,1	+25,2	+41,2
Хариана	8 197 829	1 773 336	17,8	+30,5	+35,6
Химачал Прадеш	3 182 703	241 629	7,1	+20,8	+35,5
Джамму и Кашмир	3 772 417	842 759	18,3	+27,1	+42,0
Керала	17 814 983	3 465 414	16,3	+24,2	+35,7
Мадхья Прадеш	34 880 361	6 770 323	16,3	+25,7	+46,3
Махараштра	34 632 089	15 703 403	31,2	+22,0	+40,7
Майсур	22 148 627	7 114 707	24,3	+20,9	+35,1
Нагаленд	464 490	51 071	9,9	+32,7	+166,6
Орисса	20 120 336	1 814 491	8,3	+22,4	+63,5
Панджаб	10 265 827	3 207 145	23,8	+19,8	+24,9
Раджастхан	21 194 817	4 529 325	17,6	+25,6	+38,0
Тамилнад	28 656 265	12 446 860	30,3	+16,0	+38,4
Уттар Прадеш	75 996 292	12 368 487	14,0	+18,3	+30,5
Западная Бенгалия	33 511 696	10 928 399	24,6	+27,0	+28,0
Союзные территории и другие районы:					
Андаманские и Никобарские острова	88 878	26 212	22,8	+79,7	+86,2
Чандигарх	23 975	233 004	90,7	+16,3	+134,7
Дадра и Нагар Хавели	74 165	—	—	+28,0	—
Дели	414 496	3 629 842	89,8	+38,5	+53,9
Гоа, Даман и Дну	631 781	225 399	26,3	+20,1	+123,9
Лаккадивские, Миникой и Амнидывские острова	31 798	—	—	+31,9	—
Манипур	927 860	141 695	13,3	+30,3	+109,3
Мегхалая	855 325	128 011	13,0	+31,2	+37,7
Северо-Восточное пограничное агентство	430 885	13 859	3,1	+28,0	—
Трипура	1 435 047	121 775	7,8	+38,1	+18,2
Пондичери	273 076	198 271	42,1	-2,5	+122,8

* [4].

Перепись зафиксировала заметные сдвиги в уровне образования за десятилетие. Доля грамотных, составлявшая в 1961 г. 24%, поднялась в 1971 г. до 29%, т. е. увеличилась за десятилетие на 22%, а их абсолютная численность возросла более чем на 55 млн., или на 52%, т. е. более чем вдвое по сравнению с темпами роста всего населения в

целом. Это следует рассматривать как большой успех Индии на пути преодоления социально-экономической и культурной отсталости, унаследованной ею от колониального прошлого.

Все же нельзя не видеть и другую сторону. Уровень грамотности, достигнутый Индией к 1971 г., никак нельзя назвать высоким, тем более что, вполне вероятно, часть жителей страны, не умеющих читать и писать, отнесла себя к грамотным из соображений престижа. Увеличение доли грамотных во всем населении (за десятилетие 1961—1971 — немногим более чем на 22%) было меньшим, чем прирост численности населения (более 24%). В некоторых штатах рост образовательного уровня населения был крайне низок. Например, в Бихаре, стоящем по уровню грамотности на одном из последних мест, доля грамотных во всем населении за десять лет увеличилась менее чем на 9%. Грамотность среди женщин по-прежнему сохраняется на очень низком уровне. В целом число неграмотных в стране за десятилетие не только не уменьшилось, но существенно возросло — на 55 млн., в итоге их общая численность превысила 386 млн. Это показывает, что в деле развития народного просвещения (в частности, начального образования) Индии предстоит сделать еще очень многое.

При разработке программы переписи 1971 г. было решено уделить особое внимание сбору информации о городах и городском населении. Основные данные о городском населении страны по штатам и территориям приведены в табл. 5. Эта таблица показывает что, несмотря на то что городское население за 1961—1971 гг. росло намного быстрее сельского, доля горожан во всем населении составляет в Индии в целом менее 20% и что этот показатель не одинаков для разных районов страны. Как и в прежние годы, наиболее урбанизированными штатами являются Махараштра, Тамилнаду, Гуджарат и Западная Бенгалия, наименее же урбанизированными остаются Ассам, Орисса и Химачал Прадеш.

Одним из важнейших показателей урбанизации является степень развития крупных (100 тыс. жителей и более) городов и особенно городов-«миллионеров». По данным переписи 1971 г., в Индии насчитывается девять городов или городских агломераций с числом жителей, превышающим 1 млн. (табл. 6).

Т а б л и ц а 6

Население крупнейших городов Индии, 1971 г.*

Город или городская агломерация	Население			Число женщин на 1000 мужчин
	всего	мужчин	женщин	
Калькутская агломерация (Западная Бенгалия)	7 040 345	4 152 322	2 888 023	696
Большой Бомбей (Махараштра)	5 931 989	3 447 393	2 484 596	721
Делийская агломерация (союзная территория Дели)	3 629 842	2 018 852	1 610 990	798
Мадрас (Тамилнаду)	2 470 288	1 298 786	1 171 502	902
Хайдарабадская агломерация (Андхра Прадеш)	1 798 910	933 581	865 329	927
Ахмадабадская агломерация (Гуджарат)	1 746 111	953 340	792 771	832
Бангалурская агломерация (Майсур)	1 648 232	879 267	768 965	875
Канпур (Уттар Прадеш)	1 273 042	722 643	550 399	762
Пунская агломерация (Махараштра)	1 123 399	603 965	519 434	860

* [3,56]

Согласно переписи 1971 г., крупнейший сгусток городского населения сконцентрирован по берегам р. Хугли в Западной Бенгалии. Здесь вокруг главного города — ядра Калькутты расположен 81 сросшийся друг с другом город, и численность населения этой гигантской конурбации превышает 7 млн. Помимо крупных городов, входящих в Большую Калькутту, в Западной Бенгалии насчитывается еще четыре города, число жителей в которых превышает 100 тыс. (табл. 7). Три из них расположены в западном дистрикте Бардван (Бардхаман): промышленные центры Дургапур, Асансол и административный центр дистрикта — Бардван. Четвертый город — Кхарагпур находится в дистрикте Миднапур. Таким образом, в одной только Калькуттской конурбации сосредоточено 16% всего населения Западной Бенгалии, а всего в крупных городах, включая вышеназванные, проживает 17,5% жителей штата. Городское население в целом (включая тех, кто живет в мелких городах) в Западной Бенгалии составляет около 25% всего населения (в Индии в целом 20%).

Таблица 7

Население крупнейших городов штата Западная Бенгалия, 1971 г.*

Город **	Население	Прирост, %		Число женщин на 1000 мужчин
		1951—1961 гг.	1961—1971 гг.	
Калькуттская агломерация	7 005 362	25,0	22,1	701
В том числе Калькутта	3 141 180	8,5	7,3	638
Дургапур (Бардван) . . .	207 232	—	397,0	776
Кхарагпур (Миднапур) . .	161 911	13,6	10,0	874
Асансол (Бардван)	157 388	35,6	52,2	747
Бардван (Бардван)	144 970	43,6	34,0	810
Итого	7 676 863			

* [4] Все последующие таблицы составлены по данным этого же источника.

** В скобках указан дистрикт.

Городское население в штате росло ненамного быстрее сельского: за 1961—1971 гг. оно увеличилось на 28%. Следует обратить внимание на замедление темпов роста Большой Калькутты: число жителей в конурбации в целом возросло на 20%, а в ее перенасыщенном ядре — собственно Калькутте — лишь на 7%. В то же время промышленные города на западе штата росли намного быстрее, а Дургапур, в частности, обнаружил феноменальные темпы роста: его население за десятилетие увеличилось на 397%, т. е. почти в пять раз. Обращает на себя внимание также крайне несбалансированный половой состав населения большой Калькутты: в 1971 г. в конурбации в целом на 1000 мужчин приходилось лишь 701, а в собственно Калькутте даже 638 женщин — один из самых низких показателей в стране.

Второй по величине центр сосредоточения городского населения расположен в противоположном конце страны — в Махараштре. Это — Большой Бомбей, который в отличие от Большой Калькутты конституирован в единую одноименную административную единицу. Число жителей в нем почти 6 млн., что составляет 12% населения штата. В Махараштре расположен и еще один город-миллионер, ставший таковым в течение 1961—1971 гг., — Пуна. Впрочем, в собственно Пуне

853 тыс. жителей, однако в Пунской агломерации (конкретные данные о ее составе не приводятся) проживает 1123 тыс. человек.

Т а б л и ц а 8

Население крупнейших городов штата Махараштра, 1971 г.

Город	Население	Прирост, %		Число женщин на 1000 мужчин
		1951—1961 гг.	1961—1971 гг.	
Большой Бомбей	5 968 546	40,0	43,8	717
Нагпур	866 144	43,3	34,6	900
Пуна	853 226	24,2	42,8	879
Шолапур	398 122	21,8	17,9	911
Колхапур	259 068	37,0	38,2	886
Амравати	193 636	34,1	40,4	881
Малегаон	191 784	120,7	58,0	928
Насик	176 187	35,1	34,4	898
Тхана	170 167	63,7	68,3	779
Акола	168 454	29,2	45,5	877
Улхаснагар	168 128	33,3	56,0	882
Аурангабад	150 514	51,1	71,9	828
Дхулиа	137 089	28,6	38,6	886
Нандед	126 400	24,7	55,9	875
Ахмаднагар	117 275	19,9	21,0	903
Сангли	115 052	46,8	55,8	871
Джалгаон	106 739	17,5	32,8	891
Итого	10 166 531			

Помимо Бомбея и Пуны в Махараштре насчитывается еще 15 городов с числом жителей более 100 тыс. в каждом (табл. 8), причем Дхулиа, Джалгаон, Сангли, Аурангабад и Нандед выдвинулись в ряд городов «стотысячников» за последнее десятилетие. Во всех крупных городах Махараштры, вместе взятых, проживает около одной пятой населения штата, доля же всего городского населения (включая и мелкие города) превышает здесь 31%, т. е. она выше, чем во всех других штатах Индии. Рост населения в Большом Бомбее шел намного более высокими темпами, чем в Большой Калькутте, а ряд крупных городов Махараштры обнаружил еще более высокий прирост.

На третьем месте в Индии по числу жителей стоит столичная Делийская агломерация, состоящая из трех основных частей (табл. 9) — Дели, Нового Дели и так называемого Кантонмента, т. е. бывшего военного городка, в котором и сейчас проживает много военных.

Т а б л и ц а 9

Население городов союзной территории Дели, 1971 г.

Город	Население	Прирост, %		Число женщин на 1000 мужчин
		1951—1961 гг.	1961—1971 гг.	
Делийская агломерация . . .	3 629 842	64,2	53,9	798
Дели	3 279 955	84,1	59,1	806
Новый Дели	292 857	—5,4	12,0	745
Кантонмент	57 030	—11,8	58,0	615

Четвертое место принадлежит Мадрасу — центру штата Тамилнаду, в котором проживает около 6% населения штата. Как и Махараштра, Тамилнаду относится к числу наиболее урбанизированных штатов Индии: доля городского населения составляет здесь свыше 30%, общее число городов (443) — самое высокое в стране, число городов-«стотысячников», как и в Махараштре, равно семнадцати (табл. 10). Заметим, что только в одном дистрикте — промышленном Коимбатуре — расположено четыре крупных города — Коимбатур, Синганаллур, Тирупपुर и Эроде. Во всех городах-«стотысячниках» Тамилнаду, вместе взятых, проживает более 5,4 млн. человек, что составляет 44% городского и 13% всего населения штата.

Т а б л и ц а 10

Население крупнейших городов штата Тамилнаду, 1971 г.

Город*	Население	Прирост, %		Число женщин на 1000 мужчин
		1951—1961 гг.	1961—1971 гг.	
Мадрас (Мадрас)	2 470 388	22,1	42,9	902
Мадурай (Мадурай)	558 298	17,4	29,1	949
Коимбатур (Коимбатур)	353 469	44,8	23,5	897
Салем (Салем)	308 303	23,1	23,7	949
Тиручирапалли (Тиручирапалли)	306 247	14,1	22,6	947
Тутикорин (Тирунелвели)	154 804	25,7	24,6	982
Нагеркойл (Каньякумари)	141 207	34,0	33,0	994
Тханджавур (Тханджавур)	140 470	10,4	26,4	973
Веллур (Северный Аркот)	138 220	7,3	21,5	957
Диндигул (Мадурай)	127 406	18,6	37,1	969
Синганаллур (Коимбатур)	113 397	24,3	359,6	928
Тирупपुर (Коимбатур)	113 171	52,0	41,9	927
Кумбаконам (Тханджавур)	112 971	1,0	22,0	992
Канчипурам (Чинглепут)	110 505	9,3	19,2	967
Тирунелвели (Тирунелвели)	108 509	19,8	23,3	986
Эроде (Коимбатур)	103 704	28,1	40,6	925
Куддалур (Южный Аркот)	101 345	14,6	28,0	976
Итого	5 452 314			

* В скобках указан дистрикт.

Число жителей больших городов Тамилнаду росло быстрее, чем общая численность населения штата. Особенно значительным был рост населения в Синганаллуре — за десять лет на 360%, т. е. более чем в 4,5 раза. Высокие темпы были зафиксированы и для самого Мадраса — почти 43%. В отличие от крупных городов Западной Бенгалии и Махараштры половой состав населения больших городов Тамилнаду характеризуется относительной сбалансированностью: почти во всех городах на 1000 мужчин приходится более 940 женщин, а в Нагеркойле — даже 994.

На пятом месте среди индийских городов стоит столица штата Андхра Прадеш — Хайдарабад, который вместе со сросшимися с ним пригородами — Секандерабадом, Кантонментом, Малакаджгири, Боларамом, университетским городком Османья и другими насчитывает 1,8 млн. жителей.

Помимо Хайдарабада в Андхра Прадеше насчитывается двенадцать городов-«стотысячников» (табл. 11), среди которых в первую

очередь должны быть упомянуты агломерации Висакхапатнама (она же обнаружила и наибольший прирост числа жителей за десятилетие) и Виджаявады. Общее число жителей крупных городов этого штата превышает 4 млн.

Таблица 11

Население крупнейших городов штата Андхра Прадеш, 1971 г.

Город или агломерация*	Население	Прирост, %		Число женщин на 1000 мужчин
		1951—1961 гг.	1961—1971 гг.	
Хайдарабадская городская агломерация (Хайдарабад)	1 798 910	10,8	44,0	927
Висакхапатнамская агломерация (Висакхапатнам)	362 270	68,5	71,5	921
Агломерация Виджаявада (Кришна)	343 664	42,9	46,6	936
Гунтур (Гунтур)	269 941	49,4	44,3	973
Варангал (Варангал)	207 130	17,3	32,7	929
Агломерация Раджахмундри (Восточный Годавари)	188 841	23,5	45,3	968
Какинада (Восточный Годавари)	164 172	22,9	33,6	988
Карнул (Карнул)	136 682	67,4	35,6	955
Неллур (Неллур)	133 607	31,1	25,1	955
Элуру (Западный Годавари)	127 047	24,2	17,3	1011
Низамабад (Низамабад)	114 868	43,3	45,2	935
Мачилипатнам (Кришна)	112 636	30,1	11,1	953
Тенали (Гунтур)	102 943	35,1	31,1	975
Итого	4 062 711			

* В скобках указан дистрикт.

Шестое место принадлежит крупнейшему городу штата Гуджарат — Ахмадабаду. В нем насчитывается около 1,6 млн. жителей, а в Ахмадабадской агломерации в целом (данные о ее составе не опубликованы) проживает более 1,7 млн. человек. В Гуджарате имеется еще шесть городов с населением более 100 тыс. (табл. 12). Всего в крупных городах (с их пригородами) проживает более 3,5 млн. чело-

Таблица 12

Население крупнейших городов штата Гуджарат, 1971 г.

Город	Население	Прирост, %		Число женщин на 1000 мужчин
		1951—1961 гг.	1961—1971 гг.	
Ахмадабад	1 588 378	37,4	38,1	834
Сурат	471 815	29,1	63,8	889
Барода	467 422	41,2	56,6	852
Раджкот	300 152	47,0	54,6	923
Бхавнагар	226 072	27,9	28,1	915
Джамнагар	214 853	42,3	44,6	916
Надиад	108 268	26,0	37,1	889
Итого	3 376 960			

век, или 13% населения штата. По удельному весу горожан во всем населении (28%) Гуджарат занимает третье место среди всех штатов Индии. Рост населения крупных городов штата был весьма значительным: в Ахмадабаде число жителей за 1961—1971 гг. увеличилось на 38%, в Сурате — почти на 64% и т. д. Новый главный город штата — Гандинагар, несмотря на свой быстрый рост (в дистрикте Гандинагар за 1961—1971 гг. население увеличилось на 46%), еще не вошел в число городов-«стотысячников».

На седьмом месте по числу жителей в стране стоит Бангалур (штат Майсур): в этом городе (вместе с пригородами) в 1971 г. было зарегистрировано более 1,6 млн. жителей. Не менее чем по 100 тыс. жителей насчитывает еще десять городских центров Майсура (табл. 13). Ряд крупных городов штата обнаружил рост более чем на 50%, а в самом быстро растущем из них — Шимоге число жителей увеличилось на 61%.

Таблица 13

Население крупнейших городов штата Майсур, 1971 г.

Город*	Население	Прирост, %		Число женщин на 1000 мужчин
		1951—1961 гг.	1961—1971 гг.	
Бангалурская агломерация (Бангалур)	1 648 232	48,0	43,0	875
Хубли-Дхарвар (Дхарвар)	379 555	26,7	52,8	886
Майсур (Майсур)	355 636	3,9	40,1	904
Мангалурская агломерация (Южный Канара)	214 093	45,0	22,7	996
Белгаумская агломерация (Белгаум)	213 830	24,6	45,7	885
Гулбарга (Гулбарга)	145 630	25,8	50,0	901
Беллари (Беллари)	125 127	21,8	46,1	908
Давангере (Читрадурга)	121 018	39,5	54,9	879
Биджапур (Биджапур)	103 308	20,0	31,0	899
Шимога (Шимога)	102 703	37,1	61,1	887
Агломерация Бхадравати (Шимога)	101 315	55,0	54,0	893
Итого . . .	3 510 447			

* В скобках указан дистрикт.

Восьмым по величине городом-«миллионером» является Канпур — крупнейший промышленный центр Уттар Прадеша. В нем насчитывается почти 1,3 млн. жителей. По числу крупных городов Уттар Прадеш стоит на первом месте в стране. Помимо Канпура здесь насчитывается 21 город или агломерация с числом жителей не менее чем 100 тыс. (табл. 14). Это главный город штата — Лакхнау, Агра, Варанаси, Аллахабад, Мирут и др. В этих 22 городах проживает около 8% населения штата.

В остальных штатах городов-«миллионеров» нет, и вообще уровень урбанизации этих штатов невысок. В частности, штаты, соседние с Западной Бенгалией, — Бихар, Ассам и Орисса — по доле горожан во всем населении (соответственно 10,0%, 8,4 и 8,3% занимают последние места в стране (этот показатель еще ниже — 7% — только в Химачал Прадеше).

Таблица 14

Население крупнейших городов штата Уттар Прадеш, 1971 г.

Город или агломерация	Население	Прирост, %		Число женщин на 1000 мужчин
		1951—1961 гг.	1961—1971 гг.	
Агломерация Канпура	1 273 016	37,7	31,1	762
Канпур	1 161 553	35,7	31,4	766
Агломерация Лакхнау	826 246	32,0	26,0	809
Агломерация Агры	637 785	35,4	25,4	839
Агломерация Варанаси	582 915	37,7	19,0	826
Агломерация Аллахабада	513 997	29,6	19,3	785
Агломерация Мирута	367 821	21,8	29,5	816
Агломерация Барейли	326 127	31,1	19,5	845
Агломерация Мордабада	272 355	18,5	42,0	842
Алигарх	254 008	30,7	37,3	830
Горакпур	230 701	36,1	28,0	798
Сахаранпур	225 698	24,8	21,9	833
Агломерация Дехра-Дун	199 443	8,4	27,6	778
Агломерация Джханси	198 101	33,3	16,7	890
Рампур	161 802	0,8	19,5	871
Агломерация Шахджанпура	144 058	12,3	22,4	864
Агломерация Матхуры	140 468	18,4	12,1	833
Фирозабад	133 945	50,7	35,8	835
Агломерация Гхазиабада	128 036	61,0	81,8	796
Музаффарнагар	114 859	36,5	31,1	843
Агломерация Фаррукхабад—Фатех-гарх	111 373	17,8	17,7	835
Агломерация Фанзабада	109 765	7,0	24,3	770
Мирзапур-Виндхьячал	105 920	15,7	5,8	853
Итого	7 058 439			

Таблица 15

Население крупнейших городов штата Бихар, 1971 г.

Город*	Население	Прирост, %		Число женщин на 1000 мужчин
		1951—1961 гг.	1961—1971 гг.	
Агломерация Патны (Патна)	490 265	28,6	34,5	790
Агломерация Джамшедпура (Сингхбхум)	465 200	50,4	41,8	801
Агломерация Дханбада (Дханбад)	433 085	172,6	115,9	664
Агломерация Ранчи (Ранчи)	256 011	31,3	82,5	804
Гая (Гая)	179 826	13,0	19,0	844
Бхагалпур (Бхагалпур)	172 700	25,6	20,1	809
Дарбханга (Дарбханга)	132 129	21,5	28,3	844
Музаффарпур (Музаффарпур)	127 045	48,2	16,5	743
Агломерация Бокаро	108 012	—	—	650
Монгхир (Монгхир)	102 462	20,7	14,1	844
Бихар (Патна)	100 052	24,5	27,3	876
Итого	2 566 787			

* В скобках указан дистрикт.

В Бихаре — одиннадцать агломераций и городов «стотысячников» (табл. 15). Крупнейший среди них — главный город штата Патна, на втором месте — важнейшие индустриальные центры Бихара Джамшедпур и Дханбадская агломерация. По темпам роста среди них резко выделяется Дханбадская агломерация (за 1961—1971 гг. прирост на-

селения здесь составил 116%) и агломерация Ранчи (почти 83%), что объясняется строительством ряда крупных промышленных предприятий. Во всех крупных агломерациях и городах Бихара, вместе взятых, проживает более 2,5 млн. человек.

В соседней Ориссе лишь четыре крупных города (табл. 16), в том числе административный центр штата — Бхубанешвар. Всего в этих городах проживает менее 3% населения штата и почти 33% его городского населения. В то же время темпы роста этих городов были довольно внушительными. Так, число жителей Руркелы возросло за 1961—1971 гг. на 91%, а Бхубанешвара — на 176%.

Что касается Северо-Восточной Индии, то, согласно опубликованным данным, доля горожан во всем населении Ассама в среднем составляет лишь 8,4% (снижаясь в дистрикте Дарранг до 5,8%, а в дистрикте Микир — до 2,7%), в Мегхалае — 13%, а в Нагаленде — 10%. Единственным городом на северо-востоке страны, население которого превышает 100 тыс. человек, является крупнейший город Ассама Гаухати (123 тыс.).

Т а б л и ц а 16

Население крупнейших городов штата Орисса, 1971 г.

Город*	Население	Прирост, %		Число женщин на 1000 мужчин
		1951—1961 гг.	1961—1971 гг.	
Каттак (Каттак)	194 036	42,7	32,6	776
Агломерация Руркелы (Сундаргарх)	172 536	—	91,1	745
Берхампур (Ганджам)	117 635	23,4	52,9	930
Бхубанешвар (Пури)	105 514	131,4	176,1	727
Итого	589 721			

* В скобках указан дистрикт.

Т а б л и ц а 17

Население крупнейших городов штата Керала, 1971 г.

Город*	Население	Прирост, %		Число женщин на 1000 мужчин
		1951—1961 гг.	1961—1971 гг.	
Кочин (Эрнакулам)	438 420	—	56,2	957
Тривандрам (Тривандрам)	409 761	28,3	70,9	989
Каликут (Кожикод)	333 980	21,3	73,5	987
Аллеппи (Аллеппи)	160 064	19,4	15,3	994
Квилон (Квилон)	124 072	37,6	36,3	987
Итого	1 466 297			

* В скобках указан дистрикт.

В южном штате Керала удельный вес городского населения тоже ниже среднего — немногим более 16%. Более двух пятых горожан (и почти 7% населения штата) проживает здесь в пяти крупных городах (табл. 17). Некоторые из них показывали весьма высокие темпы роста:

за 1961—1971 гг. население Тривандрама увеличилось почти на 71%, а Каликута — более чем на 73%. Половой состав населения крупных городов в Керале еще более сбалансирован, чем в соседнем Тамилнаду: в Кочине на 1000 мужчин приходится 957 женщин, а в остальных четырех городах-«стотысячниках» — от 987 до 994.

Уровень урбанизации соседствующих друг с другом штатов Мадхья Прадеш и Раджастан также невысок.

В Мадхья Прадеше насчитывается одиннадцать городских агломераций и городов с числом жителей не менее 100 тыс. каждая (табл. 18), в которых проживает 7,5% населения штата. Темпы роста крупных городов штата весьма высоки. Особенно выделяются агломерации Бхопала и металлургического центра Дург — Бхилаинагар, число жителей которых за последние десять лет увеличилось соответственно на 76 и 84%.

Таблица 18

Население крупнейших городов штата Мадхья Прадеш, 1971 г.

Город или агломерация *	Население	Прирост, %		Число женщин на 1000 мужчин
		1951—1961 гг.	1961—1971 гг.	
Индур (Индур)	572 622	27,1	45,0	861
Агломерация Джабалпура (Джабал- пур)	533 751	42,8	45,4	817
Гвалиор (Гвалиор)	406 755	20,4	35,3	842
Агломерация Бхопала (Сехур)	392 077	117,9	75,9	825
Агломерация Дург—Бхилаинагара (Дург)	245 333	558,0	84,1	828
Удджайн (Удджайн)	209 118	11,1	45,1	903
Райпур (Райпур)	205 909	55,7	47,3	891
Агломерация Сагара (Сагар)	154 811	30,7	48,0	845
Биласпур (Биласпур)	130 804	121,8	50,9	898
Ратлам (Ратлам)	118 625	38,0	35,6	900
Бурханпур (Кхандва)	105 349	17,2	28,3	930
Итого . . .	3 075 154			

* В скобках указан дистрикт.

Таблица 19

Население крупнейших городов штата Раджастан, 1971 г.

Город	Население	Прирост, %		Число женщин на 1000 мужчин
		1951—1961 гг.	1961—1971 гг.	
Джайпур	613 144	38,6	52,0	856
Джодхпур	318 894	24,4	41,9	852
Аджмер	262 480	17,6	13,5	888
Кота	213 005	84,8	77,0	814
Биканер	188 598	28,6	25,2	872
Удайпур	162 934	24,0	46,6	837
Алвар	100 791	25,6	38,6	831
Итого . . .	1 859 846			

В Раджастане крупных городов — семь (табл. 19) с общим числом жителей более 1,8 млн., что составляет 41% всех горожан и не-

многим более 7% населения штата. По темпам роста населения за 1961—1971 гг. на первом месте стоят Кота и Джайпур.

В штате Панджаб — четыре города-«стотысячника» (табл. 20), крупнейший из них — Амритсар. В них проживает почти 1,3 млн. человек.

В соседней Хариане таких городов только два: Рохтак (125 тыс. жителей) и Кантонмент Амбала (103 тыс.), причем если в первом населении за 1961—1971 гг. увеличилось почти на 42%, то во втором (и это — единственный случай среди крупных городов Индии) оно сократилось на 2,9%.

Расположенный между Ганджабом и Харианой г. Чандigarх — столица Панджаба до его разделения в 1966 г., на которую теперь претендуют оба новых штата, — насчитывает с пригородами 233 тыс. человек, причем рост числа жителей за десятилетие составил здесь 134,7%.

Таблица 20

Население крупнейших городов штата Панджаб, 1971 г.

Город	Население	Прирост, %		Число женщин на 1000 мужчин
		1951—1961 гг.	1961—1971 гг.	
Амритсар	432 663	15,5	15,0	831
Лудхиана	401 124	58,7	64,4	807
Джалландар	296 103	31,8	33,0	859
Патиала	151 903	28,0	21,3	835
Итого	1 281 793			

В новом штате Химачал Прадеш крупных городов нет, в расположенном же на крайнем севере Индии штате Джамму и Кашмир их два — Сринагар (почти 404 тыс. жителей, прирост за 1961—1971 гг. — 41,5%) и Джамму (155 тыс., прирост 51,1%).

Из приведенных выше данных можно сделать вывод о том, что, хотя Индия до сих пор остается слабо урбанизированной страной, удельный вес городского населения и, что особенно важно, доля населения, живущего в крупных и сверхкрупных городах и городских агломерациях, почти повсеместно возрастают, причем в основе этого процесса лежат успехи на пути промышленного развития.

Выше был дан краткий обзор предварительных результатов переписи 1971 г. В опубликовании материалов этой переписи сделаны первые шаги, и все те, кто интересуется Индией, с нетерпением ждут выхода в свет новых многочисленных томов, в которых итоги переписи 1971 г. должны найти полное и всестороннее отражение.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Annuaire Statistique de la France 1970/71, Paris, 1971.
2. Annual Abstracts of Statistics, London, 1971, № 108.
3. Census of India 1971. Series 1. India. Paper 1 of 1971. Provisional Population Totals, Delhi, 1971.
4. Census of India 1971. Series 1. India. Paper 1 of 1971. Supplement, Provisional Population Totals, Delhi, 1971.
5. Demographic Yearbook 1970, New York, 1971 (United Nations).
6. Statistical Abstracts of the United States 1971, Washington, 1971.
7. Statistisches Jahrbuch für die Bundesrepublik Deutschland 1971, Wiesbaden, 1971.

И. В. Сахаров

КРАТКИЙ ОЧЕРК ЭТНИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ИНДИИ

Национальный вопрос представляет собой одну из важнейших проблем, стоящих перед Индией в настоящее время, и всестороннее изучение своеобразной этноязыковой ситуации в этой многонациональной и разноязычной стране имеет огромное научное и практическое значение.

Этой проблеме посвящена обширная научная литература, изданная как в самой Индии, так и в ряде других стран. Не имея возможности привести здесь исчерпывающий библиографический список, отметим лишь, что важный вклад в изучение национального вопроса на Индостанском полуострове представляют, в частности, книги и статьи советских ученых — прежде всего А. М. Дьякова [9; 10; 11] и Ю. В. Ганковского [6; 7; 8].

Тем не менее многие аспекты этой сложной и многогранной проблемы остаются вплоть до настоящего времени малоизученными. В особенности это относится к пространственному аспекту этноязыковой ситуации. В то время как в подавляющем большинстве географических сочинений, посвященных Индии, этническим проблемам отводится неоправданно мало места (в качестве характерного примера можно привести капитальную монографию О. Х. К. Спейта [27]), в трудах об Индии, написанных негеографами (в том числе и этнографами), систематический региональный подход, как правило, недооценивается, а то и просто игнорируется (типичным примером может служить известная книга американского демографа К. Дэвиса [50])¹.

Можно констатировать, что региональный анализ национального вопроса в Индии и составление сводной картины этногеографии этой страны остаются еще не решенными задачами как зарубежной, так и советской науки.

Цель настоящей статьи кратко охарактеризовать некоторые основные особенности этнической географии Индии и в общей форме очертить круг вопросов, этногеографическое изучение которых представляется особенно актуальным.

¹ По существу, сводная этногеографическая картина страны дается (средствами картографии) лишь в весьма интересных и оригинальных картах, составленных М. Я. Берзиной [2; 3; 4; 5]. Однако они составлены по устаревшим и не очень точным данным, и в них отражены далеко не все аспекты этнической географии Индии. Известная же книга «Народы Южной Азии» [12], представляющая собой важный вклад в советскую этнографическую науку, при всем богатстве содержащегося в ней фактического материала, все же не может быть названа этногеографической работой.

Особенности этноязыкового состава населения Индии

Индийская демографическая и социальная статистика (это относится и к переписям населения) не содержит данных о национальной принадлежности жителей страны (за исключением «зарегистрированных племен»). Поэтому основным источником сведений о национальном (этническом) составе населения Индии служат данные о языках, являющиеся самым важным и, как правило, наиболее достоверным показателем этнической принадлежности из всех, которыми мы располагаем.

Изучение языковых данных переписи 1961 г. показывает, что национальный состав населения Индии характеризуется чрезвычайной разнородностью и пестротой. Страну населяет множество разнотипных этнических общностей — наций, народностей, племен и прочих этнических групп, отличающихся друг от друга по численности (от нескольких сот до нескольких десятков миллионов человек каждая), языку, происхождению, расовому типу, религии, уровню общественного развития и социальной структуре, экономическому положению, этнописическому складу и культуре, степени национальной консолидации и этнического самосознания, характеру расселения и другим признакам.

По данным переписи 1961 г., в соответствии с принятой в этой переписи языковой классификацией в Индии говорят по крайней мере на 187 одних только классифицированных индийских (не считая иностранных) языках, принадлежащих к четырем разным языковым семьям.

Впрочем, подавляющее большинство этноязыковых общностей Индии относится к категории весьма малочисленных — в совокупности они составляют небольшую часть населения страны. Так, из 187 языков 94, т. е. половину, составляют языки с числом носителей менее 10 тыс. человек каждый, и на них в совокупности говорит ничтожная часть жителей страны. В то же время здесь насчитывается двадцать три языка (включая в это число хинди, урду, бихари и раджастхани), которые в 1961 г. были указаны в качестве родного не менее чем 1 млн. человек каждый (табл. 1 и 2), причем совокупное число их носителей составляет свыше 427 млн., а их доля в населении Индии — 97,3%. Если же взять за основу не язык, а национальность, то только за пределами хиндиязычного ареала можно насчитать по меньшей мере двадцать пять народов численностью не менее 1 млн. каждый, из них одиннадцать (телугу, бенгальцы, маратхи, тамилы, бходжпурцы, гуджаратцы, майтхильцы, каннара, малаяли, ория и панджабцы) насчитывают более 10 млн. человек каждый, причем первые четыре указанных народа принадлежат к числу крупнейших народов мира.

Таким образом, бросается в глаза следующая важная особенность этноязыкового состава населения Индии: доля даже самого крупного населяющего эту страну народа (равно как и двух, трех, четырех ее крупнейших народов) во всем населении сравнительно невысока, и ни один народ и ни один язык в стране численно не преобладают над всеми остальными, вместе взятыми.

Носители хинди, урду, бихари и раджастхани. По данным переписи 1961 г., на первом месте по числу носителей стоит хинди: этот язык был указан в качестве родного 133 435 тыс. человек, что составляет 30,4% населения Индии. Сама по себе эта доля для первого языка страны сравнительно невелика. Впрочем, к численности хиндиязычного населения следует добавить тех жителей страны (23 324 тыс.), кто относит себя к говорящим на урду, так как, по мнению авторитетных

Распространение языков хинди и урду*

Штаты и союзные территории	Население, тыс.	Родной язык				Второй язык					
		численность говорящих, тыс.		доля в числе говорящих на этом языке во всей Индии, %		численность говорящих, тыс.		доля в населении данного района, %			
		хинди	урду	хинди	урду	хинди	урду	хинди	урду		
		хинди	урду	хинди	урду	хинди	урду	хинди	урду		
Уттар Прадеш	73 746	62 975	7 892	85,4	10,7	47,2	33,8	631	383	0,9	0,5
Мадхья Прадеш	32 372	25 272	7 140	78,1	2,3	18,9	3,2	1607	51	5,0	0,2
Бихар	46 456	20 581	4 149	44,3	8,9	15,4	17,8	1713	71	3,7	0,2
Западная Бенгалия	34 926	1 898	833	5,4	2,4	1,4	3,6	434	77	1,2	0,2
Орисса	17 549	220	213	1,3	1,2	0,2	0,9	139	—	0,8	—
Ассам**	11 873	524	11	4,4	0,1	0,4	—	275	—	2,3	—
Нагаленд	369	4	—	1,2	—	—	—	9	—	2,4	—
Панджаб***	20 307	11 299	256	55,6	1,3	8,5	1,1	472	444	2,3	2,2
Дели	2 659	2 057	153	77,4	5,8	1,5	0,7	122	61	4,5	2,4
Джамму и Кашмир	3 561	22	13	0,6	0,4	—	—	62	244	1,8	6,9
Химачал Прадеш****	1 351	144	6	10,6	0,5	0,1	—	136	10	10,1	0,7
Раджастан	20 156	6 715	510	33,3	2,5	5,0	2,2	169	45	0,8	0,2
Гуджарат	20 633	192	595	0,9	2,9	0,1	2,6	525	60	2,5	0,3
Махараштра	39 554	1 280	2 726	3,1	6,9	0,9	11,7	2436	90	6,1	0,2
Андхра Прадеш	35 983	1 139	2 554	0,4	7,1	0,1	10,9	301	333	0,8	0,9
Майсур	23 587	82	2 034	0,3	8,6	0,1	8,7	219	99	0,9	0,4
Мадрас (Тамилнаду)	33 687	39	616	0,2	1,8	—	2,6	30	36	0,1	0,1
Керала	16 904	7	9	—	—	—	—	35	2	0,2	—
Вся Индия (включая другие территории)	439 235	133 435	23 324	30,4	5,3	100	100	9363	2006	2,1	0,5

* Полсчитано по данным: [41; 44].

** В границах 1961 г. (в 1968 г. из состава Ассамы был выделен штат Мегхалая).

*** В границах 1961 г. (в 1966 г. Панджаб был разделен на два штата: Панджаб и Харьяна; часть территории передана Химачал Прадешу; из города Чандigarх образована союзная территория).

**** В границах 1961 г. (в 1966 г. к Химачал Прадешу была присоединена часть территории Панджаба).

Таблица 2

Распространение прочих крупных (число носителей не менее 1 млн.)
языков Индии *

Язык	Численность носителей данного языка в Индии в целом, тыс.	Основной район (штат или территория) распространения	Численность носителей этого языка в данном районе	Доля носителей данного языка, %	
				в населении данного района	в числе носителей данного языка во всей Индии
Телугу	37 668	Андхра Прадеш	30 934	86,0	82,1
		Тамилнаду (Мадрас)	3 364	10,0	8,9
		Майсур	2 047	8,7	5,4
Бенгали	33 889	Махараштра	641	1,6	1,7
		Западная Бенгалия	29 436	84,3	86,9
		Ассам	2 089	17,6	6,2
Маратхи	33 287	Бихар	1 221	2,6	3,6
		Трипура	745	65,2	2,2
		Махараштра	30 279	76,6	91,1
Тамил	30 563	Мадхья Прадеш	1 260	3,9	3,8
		Майсур	1 072	4,5	3,2
		Тамилнаду (Мадрас)	28 016	83,2	91,7
Гуджарати	20 304	Майсур	859	3,6	2,8
		Керала	528	3,1	1,7
		Андхра Прадеш	511	1,4	1,7
Каннада	17 416	Гуджарат	18 673	90,5	92,0
		Махараштра	1 102	2,8	5,4
		Майсур	15 372	65,2	88,3
Малаялам	17 016	Тамилнаду (Мадрас)	948	2,8	5,4
		Махараштра	633	1,6	3,6
		Керала	16 066	95,0	94,4
Бихари	16 807	Тамилнаду (Мадрас)	404	1,2	2,4
		Бихар	16 442	35,4	97,8
		Орисса	14 443	82,3	91,9
Ория	15 719	Мадхья Прадеш	389	1,2	2,5
		Раджастхан	11 386	56,5	76,2
		Мадхья Прадеш	1 612	5,0	10,8
Раджастхани	14 933	Махараштра	629	1,6	4,2
		Андхра Прадеш	584	1,6	3,9
		Панджаб	8 343	41,1	76,2
Панджаби	10 951	Джамму и Кашмир	978	27,5	8,9
		Уттар Прадеш	419	0,6	3,8
		Раджастхан	404	2,0	3,6
Ассами	6 803	Ассам	6 784	57,1	99,7
		Бихар	1 659	3,6	51,1
		Сантали	3 247	1 141	3,3
Бхили	2 440	Западная Бенгалия	376	2,1	11,6
		Орисса	876	2,7	35,9
		Мадхья Прадеш	832	4,1	34,1
Кашмири	1 956	Махараштра	441	1,1	18,1
		Гуджарат	276	1,3	11,3
		Джамму и Кашмир	1 938	54,4	99,1
Гонди	1 501	Мадхья Прадеш	1 046	3,2	69,7
		Махараштра	347	0,9	23,1
		Синдхи	1 372	500	2,4
Конкани	1 352	Гуджарат	341	0,9	24,9
		Махараштра	233	1,2	17,0
		Раджастхан	221	0,6	19,3
Курукх (ораон)	1 142	Гоа, Даман и Дчу	557	88,8	41,2
		Майсур	492	2,0	36,4
		Махараштра	215	0,5	15,9
Кумауни	1 030	Бихар	549	1,2	48,1
		Мадхья Прадеш	276	0,9	24,2
		Западная Бенгалия	221	0,6	19,3
Непали	1 021	Уттар Прадеш	1 028	1,4	99,8
		Западная Бенгалия	525	1,5	51,4
		Ассам	215	1,8	21,1

* Подсчитано по данным: [44].

лингвистов, этими двумя терминами обозначаются языковые формы, мало отличающиеся друг от друга. Для совокупности языковых форм, объединяемых терминами «хинди» и «урду», известный индийский лингвист А. Р. Келкар предложил весьма удачный, на наш взгляд, общий термин «хирду» [55]; быть может, еще более удачным был бы термин «хирдустани». В итоге общее число говорящих на хирду, по данным переписи 1961 г., составляет 156 882 тыс. человек² — 35,7%, т. е. немногим более трети жителей Индии.

Заметим также, что, как показывает табл. 1, в качестве второго языка хирду владеет лишь 11 369 тыс. человек (т. е. лишь 2,6% всего населения). Хирдуязычное население сосредоточено главным образом в северной и центральной частях страны (штаты Уттар Прадеш, Мадхья Прадеш, Бихар, Хариана, Химачал Прадеш, а также Дели [29; 30]).

Этот огромный по численности народ (или, вернее, совокупность нескольких крупных родственных друг другу этнических общностей) известен в литературе под названием «хиндустанцы» или (термин П. А. Баранникова) «хиндийцы». Следуя языковому термину А. Р. Келкара, можно предложить еще один этноним — «хирдустанцы», который представляется нам более удачным.

Здесь необходимо подчеркнуть, что, с одной стороны, действительная численность носителей хинди и урду в 1961 г. была явно завышена, а с другой — сами хирдустанцы отличаются большой этнолингвистической разнородностью.

Завышение числа хирдуязычного населения было особенно значительным за счет тех, кто фактически говорит на языках, отнесенных к группам бихари и раджастхани. Например, основную массу населения Бихара составляют бходжпуры (они населяют также восточную часть Уттар Прадеша), майтхилицы и магахи, численность которых в Индии в 1961 г., по примерной оценке В. А. Чернышева [28, 88], составляла соответственно свыше 28 млн., более 17 млн. и около 9,5 млн., итого примерно 55 млн. Разговорными языками этих народов служат бходжпури, майтхили и магахи — родственные хирду языковые формы, которые, по мнению многих лингвистов, представляют собой самостоятельные языки, объединяемые в группу *бихари*.

Чрезвычайно важной особенностью этноязыковой ситуации в Бихаре и районах, расположенных к западу от него, является то, что подавляющая часть населения имеет здесь весьма смутное представление о своей этнической принадлежности и даже о правильном названии своего языка.

Между тем, поскольку данные о языках, собираемые во время переписей, служат фактически единственным официальным источником сведений о языковом составе населения Индии, этим данным в стране придается огромное значение (это объясняется, в частности, тем, что в независимой Индии языковой состав населения стал общепризнанным критерием реорганизации административно-территориального устройства). Характерной особенностью общественной жизни Индии стала пропаганда и контрпропаганда в пользу того или иного языка по политическим, религиозным и иным мотивам. Эта агитация, естественно, активизируется как раз в период подготовки и проведения очередной переписи, что нередко накладывает отпечаток на поведение

² В это число включены также 123 тыс. человек (из них 101 тыс. в Уттар Прадеше), которые указали в качестве своего родного языка хиндустани; это название, несомненно, обозначает либо хинди, либо урду, но какой из них именно — работникам Службы переписи оказалось невозможным установить.

населения и на характер полученных статистических данных. Низкий уровень этноязыкового самосознания, характерный для бихарцев, делает их особенно сильно подверженными воздействию языковой агитации. Поэтому, например, одних и тех же майтхильцев можно сравнительно легко убедить указать в качестве своего родного языка как майтхили (на котором они в действительности говорят), так и хинди (если это индусы) или урду (если это мусульмане), хотя на самом деле этими языками (в их «стандартной» литературной форме) они могут и не владеть.

В соответствии с установившейся традицией ответы опрашиваемых на вопросы счетчиков фиксируются как они есть, независимо от того, соответствуют они действительному положению вещей или нет. В результате во многих случаях влияние чисто конъюнктурных и, во всяком случае, внелингвистических факторов (таких, как возникновение территориальных споров между штатами, обострение религиозных разногласий и т. п.) было настолько сильным, что собранные в Бихаре во время переписей данные о языках оказывались сильно искаженными, а то и вовсе не соответствовали действительности. Нередко одни и те же лица при проведении переписей в разные годы называют в качестве родного языка разные языки. Так, в результате пропаганды в пользу языка хинди значительная часть населения Бихара в какой-то степени восприняла идею принадлежности своих разговорных языков (бходжпури, магахи, майтхили) к хинди и из десятилетия в десятилетие во время проведения переписей до 1961 г. включительно в ответ на вопрос о родном языке указывала именно хинди. В 1951 г. 31,4 млн. из 38,8 млн. жителей Бихара (т. е. 81,0% населения штата в его нынешних границах) назвало в качестве родного языка не один из языков группы бихари, на которых они фактически говорят, а язык хинди, 2,6 млн. человек (6,8% населения) — язык урду, а бходжпури, магахи и майтхили, вместе взятые, указали лишь 112 тыс. человек.

Однако прошло лишь десять лет, и во время переписи 1961 г. значительная часть тех самых людей, которые еще в 1951 г. утверждали, что их родной язык — хинди, а именно 16,4 млн. человек (т. е. 35,4% населения Бихара) вместо 112 тыс., отнесла себя к говорящим на одном из бихарских языков: на бходжпури (свыше 7,8 млн.), майтхили (почти 5 млн.) и магахи (более 2,8 млн.) [44, XXXVIII—XLIII].

Впервые в истории индийских переписей собранные данные о языках бихари в какой-то степени отразили реальную этноязыковую ситуацию. Материалы переписи 1961 г. свидетельствуют о том, что среди основных этнических групп Бихара — бходжпурцев, майтхильцев и магахов — развивается и крепнет сознание отдельности своих языков — процесс, несомненно отражающий рост их национальной консолидации. Правда, до сих пор этноязыковое самосознание этих трех народов все же развито довольно слабо и отличается неопределенностью и даже неустойчивостью. Об этом свидетельствует прежде всего тот факт, что даже в 1961 г. значительная часть бходжпурцев, майтхильцев и магахов назвала в качестве своего родного языка хинди или урду (численность и доля урдуязычного населения по сравнению с 1951 г. даже возросла). Однако, судя по данным переписи 1961 г., в направлении и результатах этнических процессов сомневаться не приходится, и можно предположить, что дальнейшие переписи покажут усиление позиций бходжпури, магахи и майтхили за счет еще большего сокращения числа и доли тех, кто считает своим родным языком хинди.

Итак, данные о численности хирдуязычного населения в Бихаре

преувеличивают численность хирдустанцев. Сходная картина наблюдается также в Восточном Уттар Прадеше, в Раджастхане и некоторых других районах страны.

Более того, собственно хирдустанцы ни в лингвистическом, ни в этническом отношении тоже не представляют собой единое однородное целое. Хотя в ареале распространения собственно хирду одна перепись за другой фиксируют почти повсеместно абсолютное преобладание хинди (при наличии в некоторых районах значительной прослойки говорящих на урду), эта картина обманчива. Абсолютное преобладание хирду скрывает имеющееся здесь значительное этнолингвистическое разнообразие. Так, по мнению ряда авторитетных лингвистов, совокупность родственных друг другу языковых форм, объединяемых термином «хирду», представляет собой не один, а минимум два языка (по терминологии Дж. А. Грирсона, «западный хинди» и «восточный хинди») [см. 52, т. VI и т. IX, ч. I], которые, в свою очередь, распадаются на ряд крупных диалектов, отличающихся друг от друга (авадхи, чхаттисгархи, багхелькханди и т. п.) и тоже квалифицируемых многими лингвистами не как диалекты, а как хотя и близкородственные, но все же самостоятельные языки.

При этом специфика (и особая сложность) этноязыковой ситуации в зоне хирду состоит в том, что здесь весьма распространено явление лингвистической и этнической территориально непрерывной переходности [26]. На огромной территории великой Индо-Гангской равнины и в соседних с нею районах — от Бихара на востоке до Панджаба на западе — нередко одни разговорные языки и диалекты местного населения переходят в другие постепенно и незаметно, через серию промежуточных языковых форм. Характерна в этом отношении следующая распространенная в зоне хирду поговорка: «Через каждые семь косов³ язык меняется».

Точно так же постепенно, через ряд промежуточных форм, от района к району, от одной местности к другой переходят друг в друга и разные этнические общности. Например, два территориально наиболее удаленных друг от друга народа — майтхильцы на востоке Бихара и панджабцы в Панджабе — резко отличаются друг от друга по своему этническому облику, но между ними протянулась длинная «цепочка», каждое звено которой мало отличается от своих соседей. Случаи такой этнической и особенно языковой территориально непрерывной переходности встречаются в Индии и за пределами Индо-Гангской равнины, а также в некоторых других странах, однако нигде в мире такое явление не наблюдается на столь обширной территории и не охватывает столь многочисленное население.

В конечном счете по ряду объективных признаков это «расплывчатое разнообразие» в зоне хирду можно свести к нескольким крупным этническим общностям (авадхи, чхаттисгархи, хариани и т. п.), которые, в свою очередь, подразделяются на ряд субэтнических групп, что, однако, не находит почти никакого отражения в языковой статистике⁴. В значительной мере это объясняется тем, что уровень национальной консолидации данных общностей крайне низок, их этнолингвистическое самосознание характеризуется неразвитостью, расплывча-

³ Кос — мера длины, равная приблизительно 4 км.

⁴ Одним из редких исключений оказались данные 1961 г. о языковом составе населения дистрикта Дург (Мадхья Прадеш): 91,7% жителей этого дистрикта отнесли себя к говорящим на чхаттисгархи [44, стр. LXV, 11]. Не являются ли эти данные показателем начавшейся тенденции роста этноязыкового самосознания чхаттисгархов? Ответ на этот вопрос, быть может, даст перепись 1971 г.

тостью и неустойчивостью в еще большей степени, чем у бихарцев. Во всяком случае, чувство этнической принадлежности как к «хиндустанцам», или «хирдустанцам», так и к авадхам, чхаттисгархам и т. д. среди широких народных масс развито очень слабо или даже, по существу, отсутствует и заменяется просто сознанием чисто локальной принадлежности.

Таким образом, приходится констатировать (и в этом состоит одно из самых слабых мест индийских переписей), что ни одна из переписей населения (включая и перепись 1961 г.) пока что не смогла отразить реальное этноязыковое разнообразие, наблюдающееся в ареале хирду. До сих пор в нашем распоряжении нет достаточно точных и достоверных данных ни о численности носителей различных языков и диалектов группы хирду, ни о числе и взаимной таксономической соподчиненности населяющих этот ареал этнических общностей и численности каждой из них, ни о характере и направлении этнических процессов, весьма сложных и неопределенных. В частности, имеющиеся материалы не позволяют с уверенностью судить о том, консолидируются ли, сольются ли различные местные этносы в единую хирдустанскую нацию, или же здесь сформируется несколько разных наций (и если так, то сколько и какие именно).

Особенно неполноценны имеющиеся статистические данные с точки зрения потребностей пространственного анализа этноязыковой ситуации. Данные, публикуемые переписями, не дают нам возможности сделать определенные выводы ни о порайонном расселении отдельных этнических групп хирдустанцев, ни о характере внутренних этнолингвистических рубежей в зоне распространения хирду. По существу, мы можем судить лишь о расположении «ядер» существующих или складывающихся здесь национальных районов, но не о площади и конфигурации этих районов, этническом составе их населения и о характере этноязыковых рубежей между ними. Можно лишь констатировать, что между ядрами этих районов (равно как и на периферии всей зоны распространения хирду) расположены довольно обширные этнически смешанные или этнически переходные (гибридные) территории.

Иными словами, современная этническая география Хиндустана и Бихара известна нам в самых общих чертах. Поэтому здесь нельзя не вспомнить слова А. Р. Келкара: «Если в том, что касается хирду, что-нибудь и ясно, так это то, что ничего не ясно» [55, 19—20], которые можно с полным правом приложить не только к языковой, но и к этнической ситуации в зоне хирду.

Очевидно, неспособность переписей выявить и зафиксировать действительное положение вещей в рассматриваемом ареале заложена в самих принципах сбора данных и сохранится до тех пор, пока не произойдут какие-то сдвиги в этноязыковом самосознании населения, говорящего на языках и диалектах группы хирду.

Поскольку традиционный метод пока не дает удовлетворительных результатов, путь к выяснению реальной этноязыковой ситуации здесь, с нашей точки зрения, лежит в применении других методов сбора данных. Мы имеем в виду осуществление в зоне распространения хирду (в Уттар Прадеше, Мадхья Прадеше, Хариане, Раджастане, Бихаре и некоторых других районах) специальной дополнительной переписи или особого выборочного опроса. Так, можно было бы предложить жителям этих районов ответить на вопросы специального опросного листа, содержащего, в частности, наводящие вопросы, которые побудили бы опрашиваемых дать необходимую информацию (анкета могла бы содержать, например, тщательно составленный список воз-

можных разновидностей хирду — названий языков, диалектов, субдиалектов и других языковых форм, чтобы каждый опрашиваемый мог указать одно или несколько названий своего родного языка, вопрос о других возможных названиях данного языка и т. д.). Сбор этих материалов потребовал бы сравнительно небольших дополнительных расходов, если бы был осуществлен силами сотрудников Ведомства Генерального регистратора Индии в рамках очередной переписи населения; его можно было бы провести также и в период между переписями.

Еще больший эффект, разумеется, дали бы непосредственные полевые экспедиционные исследования на местах, в специально отобранных (по принципу репрезентативности) опорных пунктах, расположенных минимум по одному в каждом дистрикте страны. Однако размах таких исследований должен быть столь велик и для их осуществления потребовалось бы привлечение столь большого числа специально подготовленных работников, что трудно ожидать осуществления такой программы в ближайшие годы.

Все же здесь хотелось бы отметить, что в Индии, очевидно, нет ни одного другого учреждения, которое в организационном и иных отношениях было бы лучше приспособлено для выполнения этой задачи в масштабах всей страны, чем Ведомство генерального регистратора, имеющее территориально разветвленную и в то же время централизованную структуру, располагающее штатом опытных и квалифицированных сотрудников и целой армией добровольных помощников-энтузиастов. Поэтому можно надеяться, что со временем этнолингвистические исследования в ареале хирду, как и в других районах страны, будут проведены в рамках намеченной Отделом языков Службы переписи монументальной программы составления Общендийского свода социолингвистических данных [13], который призван дать объективную научную картину этноязыковой ситуации в стране.

Прочие народы Индии. Что же касается большинства других народов страны, то данные индийских переписей достаточно репрезентативны, чтобы сделать более определенные заключения о численности этих народов.

Народы, населяющие те области Индии, которые лежат за пределами ареала распространения хирду, бихари и раджастанхи или на периферии этого ареала, можно разделить на две группы.

К первой из них можно отнести народы, обладающие относительно высоким уровнем социально-экономического и культурного развития: бенгальцы, маратхи, тамилы, гуджаратцы, телугу, каннара, малаяли, ория, панджабцы, ассамцы, кашмирцы, синдхи и некоторые другие. Почти все они представляют весьма крупные нации, насчитывающие, как правило, не менее 10 млн. человек каждая, а некоторые из них принадлежат к числу крупнейших народов мира. Собственно говоря, бходжпурцы, майтхильцы и другие крупные этнические общности Северной и Центральной Индии, о которых говорилось выше, тоже могут быть включены в эту группу, но в качестве ее особой подгруппы, так как в отличие от этнически расплывчатых и неформившихся народов Хиндустана, Бихара и Раджастанха почти все прочие народы рассматриваемой группы представляют собой вполне сложившиеся нации, обладающие высоким уровнем национальной консолидации и весьма развитым (иногда даже обостренным) национальным самосознанием. Соответственно в отличие от хирдустанцев, бихарцев и раджастанцев данные о языках других народов рассматриваемой группы в большинстве случаев отражают действительное положение вещей и позволяют

судить о численности соответствующей нации и ее размещении на территории страны⁵.

Ко второй группе народов можно отнести своеобразную прослойку населения Индии — многочисленные народности и племена, как правило, потомки древнейшего населения Индии, называемые здесь обычно «адиваси» (что значит «первопоселенцы»). В общественном строе большинства из них в той или иной степени сохранились пережитки родо-племенных отношений (впрочем, у ряда этнических групп адиваси под влиянием внутреннего развития и контактов с окружающими народами процесс разложения родо-племенных отношений зашел довольно далеко, и некоторые из них, особенно самые крупные, стоят на пути превращения их в нации). Для многих адиваси характерны своеобразные формы хозяйственной деятельности, особые черты материальной и духовной культуры.

Учитывая, что в целом по уровню развития адиваси уступают другим народам страны, и стремясь создать для них благоприятные условия для преодоления отсталости, парламент Индии законодательным путем предоставил адиваси особый социально-правовой статус: по Конституции подавляющее большинство этих этнических групп отнесено к категории «зарегистрированных племен». Благодаря этому переписи населения фиксируют не только языковую, но и этническую их принадлежность, и поэтому о численности этих народов мы располагаем точными сведениями, независимо от того, на каком языке они говорят. Многие народы этой группы вообще изучены в научной этнографической литературе гораздо лучше, чем ряд народов первой группы.

О совокупной численности адиваси и их доле во всем населении по штатам и союзным территориям дает представление табл. 3. При этом перепись обнаруживает значительное несоответствие между численностью некоторых «зарегистрированных племен» и численностью тех, кто указывает в качестве своего родного соответствующий племенной язык. Такого рода данные обычно отражают реальную этноязыковую ситуацию среди адиваси. По данным переписи 1961 г. [45], племенные языки в целом указало в качестве своего родного лишь 16,6 млн. из 29,9 млн. адиваси (т. е. лишь 55,9%), а некоторые группы адиваси полностью утратили свои национальные языки и перешли на язык соседей. В Мадхья Прадеше, например, к говорящим на племенных языках отнесло себя лишь немногим более трети адиваси [подсчитано по данным: 46].

По количественному признаку этнические общности группы адиваси иногда относят к группе малых народов. Действительно, численность большинства их не превышает 10 тыс. человек, немногие из них насчитывают более 100 тыс. и лишь шесть (табл. 4) насчитывают более 1 млн. человек. Но хотя к первой группе принадлежат в основном крупные, а ко второй — в основном малые народы, некоторые этнические общности второй группы — бхилы, гонды, санталы и др. — превосходят по численности некоторые народы первой группы, прежде всего кашмирцев и синдхов. Таким образом, подразделение двух указанных групп по чисто количественному признаку (что иногда делается в научной литературе) не только весьма условно, но и неточно.

⁵ К редким исключениям из этого правила относятся данные об этнолингвистическом составе населения Ассама (есть основания предполагать, что в 1951 и 1961 гг. переписи преувеличили численность ассамцев за счет бенгальцев), Харианы, Панджаба и Химачал Прадеша (где, по-видимому, часть населения, говорящего на панджаби, отнесла себя к говорящим на хинди) и некоторых других районов.

Таблица 3

Численность «зарегистрированных племен» и распределение их по талукам (или эквивалентным им административно-территориальным единицам), в которых они составляют большинство населения (1961 г.)*

Штаты и территории союзного подчинения	Общая численность населения, тыс.	Численность адиваси, тыс.	Доля адиваси во всем населении, %	Число талуков, где адиваси составляют не менее 50% жителей	Численность адиваси в этих талуках, тыс.	Доля адиваси, проживающих в этих талуках, в общей численности адиваси в данном штате или территории, %
Андхра Прадеш	35 983	1 324	3,7	6	321	24,2
Ассам	11 873	2 068	17,4	18	1 098	53,2
Бихар	46 456	4 205	9,1	67	2 505	59,6
Гуджарат	20 633	2 754	13,4	28	1 875	68,1
Джамму и Кашмир	3 561	—	—	—	—	—
Керала	16 904	208	1,2	—	—	—
Мадхья Прадеш	32 372	6 678	20,6	38	3 906	58,5
Тамилнаду (Мадрас)	33 687	253	0,8	1	14	5,5
Махараштра	39 554	2 397	6,1	14	798	33,3
Майсур	23 587	192	0,8	—	—	—
Орисса	17 549	4 224	24,1	64	2 567	60,8
Панджаб	20 307	14	0,1	2	14	100,0
Раджастхан	20 156	2 309	11,2	—	—	—
Уттар Прадеш	73 746	—	—	—	—	—
Западная Бенгалия	34 926	2 058	5,9	2	63	3,1
Андаманские и Никобарские о-ва	64	14	22,2	2 (острова)	14	99,9
Дадра и Нагар Хавели	58	51	88,4	—	—	—
Дели	2 659	—	—	—	—	—
Гоа, Даман и Диу	627	—	—	—	—	—
Химачал Прадеш	1 351	108	8,0	5 (тахсиллов)	60	55,6
Лаккадивские, Миникой и Аминдивские о-ва	24	23	97,0	10 (островов)	23	100,0
Манипур	780	249	31,9	5 (субдистриктов)	233	93,5
Нагаленд	369	344	93,1	9 (субдистриктов)	344	100,0
Северо-Восточное пограничное агентство	337	298	88,6	—	—	—
Пондичери	369	—	—	—	—	—
Трипура	1 142	360	31,5	16	199	55,3
Индия в целом	439 073	30 130	6,7	287	14 035	46,6

* [58].

Хотя адиваси по численности, расовому типу (как правило, негроавстралоидному или монголоидному) и языкам (большой частью принадлежащим к австрической, дравидийской или тибето-китайской языковым семьям), уровню развития, занятиям и всему укладу жизни очень неоднородны, они в целом имеют некоторые общие черты и, во всяком случае, все вместе заметно отличаются от остального населения Индии. Это позволяет нам ниже рассматривать их все вместе, не уделяя специального внимания — за недостатком места — отдельным народам этой группы.

Завершив на этом краткий обзор этноязыкового состава жителей Индии в целом, отметим, что чрезвычайная национальная и языковая разнородность населения страны; огромная численность как населения в целом, так и его отдельных основных этноязыковых компонентов; от-

существование численного преобладания какого-нибудь одного народа или даже двух-трех народов (и языков) над всеми остальными, вместе взятыми; низкий уровень этнической консолидации и слабое развитие национального самосознания многих (в том числе и весьма крупных) народов в сочетании с некоторыми особенностями их территориального распространения (о чем речь пойдет ниже) придают этноязыковой ситуации в Индии поистине уникальный характер и отличают эту страну от других многонациональных и разноязычных государств.

Пространственный анализ этноязыковых данных

Какая же картина вырисовывается при *территориальном* анализе этнолингвистических данных, содержащихся в публикациях переписей населения Индии (прежде всего переписи 1961 г.)?

Необходимый уровень территориальной дробности. Совершенно очевидно, что особенности расселения индийских народов, с одной стороны, и характер административно-территориальной структуры этой страны — с другой, таковы, что порайонный анализ, проведенный только по штатам в целом, не позволяет в большинстве случаев охарактеризовать действительную этноязыковую ситуацию достаточно точно. Более того, нередко даже данные по более мелким административно-территориальным подразделениям — дистриктам — с точки зрения правильности отражения пространственной специфики этноязыкового состава населения Индии могут ввести в заблуждение. Большинство индийских дистриктов имеет более чем по 1 млн. жителей, а некоторые — 2—3 млн. Площадь ряда дистриктов превышает 20—30 и даже 40 тыс. кв. км. Границы подавляющего большинства дистриктов были установлены еще в колониальный период и, как правило, без учета этноязыкового состава населения и наличия тех или иных объективных этнических рубежей. В итоге существующая ныне сетка дистриктов, не подвергшаяся за годы независимости заметному изменению, не соответствует этноязыковому районированию страны. Многие из них имеют разнородный и иногда довольно пестрый состав населения, причем нередко расселение различных этнолингвистических групп в пределах дистрикта характеризуется территориальной гетерогенностью. Данные по таким дистриктам в целом маскируют факт их внутренней пространственной неоднородности.

В качестве иллюстрации можно привести материалы о расселении адиваси (см. табл. 3 и 4). Данные не только по Индии в целом, но и в целом по отдельным штатам создают впечатление, что, за исключением нескольких небольших штатов и союзных территорий, доля адиваси в общей численности населения повсюду в Индии незначительна: ни в одном штате (кроме Нагаленда и, после 1966 г., Мегхалая) они не составляют даже четверти населения. Данные на уровне дистриктов позволяют уточнить действительное положение вещей. Оказывается, что в двадцати двух дистриктах (включая дистрикты штатов Нагаленд и Мегхалая) «зарегистрированные племена» составляют более половины жителей, причем во всех них, вместе взятых (включая также населенные в основном адиваси союзные территории — Северо-Восточное пограничное агентство, Дадра и Нагар Хавели, Лаккадивские, Миникой и Аминдивские острова), проживает 8891 тыс. адиваси, или 29,5% всех адиваси Индии. Если же рассмотреть ситуацию по еще более мелким территориальным единицам — на уровне талуков или других эквивалентных им низовых единиц административного деления,

Численность крупнейших (не менее 1 млн. человек) «зарегистрированных племен» Индии и их распределение по штатам *

Племя	Численность, тыс.	Основные районы расселения	Численность племени в данном штате, тыс.	Доля членов племени, %	
				во всем населении штата	в общем числе членов племени
Гонды	3992	Мадхья Прадеш	2670	8,2	66,9
		Орисса	446	2,5	11,2
		Махараштра	256	0,6	6,4
Бхилы	3838	Андхра Прадеш	144	0,4	3,6
		Мадхья Прадеш	1222	3,8	31,8
		Гуджарат	1123	5,4	29,3
		Раджастхан	907	4,5	23,6
Санталы	3154	Махараштра	546	1,4	14,2
		Бихар	1541	3,3	48,9
		Западная Бенгалия	1200	3,4	38,0
Ораоны	1447	Орисса	411	2,3	13,0
		Бихар	735	1,6	50,8
		Западная Бенгалия	297	0,9	20,5
		Мадхья Прадеш	283	0,9	19,6
Мина	1156	Орисса	129	0,7	8,9
		Раджастхан	1156	5,7	100,0
Мунда	1019	Бихар	629	1,4	61,7
		Орисса	221	1,3	21,7
		Западная Бенгалия	160	0,5	15,7

* Подсчитано по данным: [45].

то картина станет намного яснее. Табл. 3 свидетельствует о том, что «зарегистрированные племена» составляют более половины жителей в 287 низовых административных единицах Индии и что в этих районах проживает почти половина адиваси Индии (свыше 14 млн. человек, или 46,6%).

Характерным примером может служить Махараштра, где имеется весьма многочисленная прослойка адиваси — 2397 тыс. человек, которые составляют, однако, лишь 6,1% населения штата. Если взять данные по дистриктам, то ни в одном из них адиваси не составляют хотя бы половину жителей. Даже в дистриктах Насик, Тхана и Дхулиа, где адиваси наиболее многочисленны, они составляют соответственно лишь 24,5; 30,3 и 38,0% всего населения указанных дистриктов. Если же рассмотреть положение по отдельным талукам, то обнаружится, что в Махараштре насчитывается четырнадцать талуков, в которых адиваси составляют большинство жителей, причем в этих талуках их проживает 798 тыс. — 33,3% адиваси Махараштры⁶ [47].

Еще более выразительно соотношение в Гуджарате. Здесь к «зарегистрированным племенам» относятся 2754 тыс. человек, т. е. лишь 13,4% населения штата. Как и в Махараштре, здесь нет ни одного дистрикта, где доля адиваси превышала бы 50% (в Сурате, стоящем по их общей численности — 1225 тыс. — на втором месте среди всех дистриктов Индии, эта доля в 1961 г. была равна 49,9%). Однако на уровне низовых административных единиц в Гуджарате обнаруживается двадцать восемь талуков, где «зарегистрированные племена»

⁶ Из них в девяти талуках адиваси составляют более трех четвертей, в том числе в четырех — более девяти десятых всего населения [47, 221].

составляют большинство населения, причем в них проживает 1875 тыс. адиваси, т. е. 68,1% адиваси Гуджарата [45]⁷.

Сказанное выше относится, разумеется, не только к «зарегистрированным племенам», но и ко всем остальным народам страны. Нет сомнения, что данные по всем талукам и эквивалентным им единицам Индии, если бы мы ими располагали, позволили бы составить национально-языковую карту страны (особенно ее контактных, смешанных ареалов) гораздо точнее.

К сожалению, однако, опубликованные материалы переписи 1961 г. не содержат этноязыковых данных по подразделениям дистриктов, и нам пришлось пользоваться данными по дистриктам в целом, дополняя их там, где это оказывалось возможным (с привлечением других источников), территориально более дифференцированными данными. Большую пользу могли бы оказать и сведения (мы ими не располагаем) об этноязыковом составе городского и сельского населения раздельно, так как часто в одном и том же дистрикте сельские и городские жители по своему составу заметно отличаются друг от друга.

Характер расселения отдельных народов и некоторые вопросы этноязыкового районирования Индии. Ареалы расселения одних народов Индии образуют целостную, компактную территорию (это относится в первую очередь к крупнейшим, многомиллионным народам), ареалы других (примером могут служить ораоны, мина) — расчлененные, иногда весьма удаленные друг от друга районы. Некоторые этнолингвистические группы (в том числе и ряд сравнительно малочисленных) проживают на весьма обширной территории, охватывающей иногда несколько дистриктов, причем эти дистрикты могут быть расположены в разных штатах (таковы, например, ораоны, гонды, бхилы). Другие (в том числе и некоторые довольно крупные по численности) народы, напротив, занимают сравнительно небольшую территорию, иногда ограниченную даже пределами одного-двух-трех дистриктов (например, кумауңцы, гархвальцы, хо, нага, гаро, кхаси). Одни этнические группы (среди крупных — гуджаратцы, малаяли и т. д.) расселены по территории своего обитания более или менее равномерно, другие (каннара, гонды, санталы и многие другие), даже в районах своего преимущественного распространения, расселены неравномерно, образуя чередующиеся ареалы то большей, то меньшей концентрации. Наконец, некоторые этноязыковые общности (в том числе такие довольно многочисленные, как санталы, мина, кхонды) повсюду или почти повсюду в зоне своего распространения (даже в ареалах своей максимальной концентрации) составляют меньшинство населения, иногда даже ничтожное меньшинство. Другие же этнические группы (в том числе кхаси, гаро, мизо, канаурцы, сирмаурцы и некоторые другие малочисленные и локализованные в пределах небольших районов народы), напротив, образуют в районах своего расселения (пусть даже и незначительных по площади) большинство или даже подавляющее большинство жителей.

Разработка статистической типологии расселения разных народов Индии и их классификация по типам расселения — важная и очень интересная задача, стоящая перед демогеографами и этнографами. Необходимым предварительным этапом разработки такой типологии

⁷ Не менее интересные и важные наблюдения можно сделать, если обратиться к аналогичным статистическим данным по отдельным этническим группам адиваси, однако нехватка места не позволяет сделать это в настоящей статье.

должно быть составление детальных крупномасштабных карт расселения каждого народа страны.

Статистически можно выделить не только разные типы расселения народов, но и разные типы национально(этно)языковых районов Индии.

Наложение ареалов расселения различных народов страны друг на друга дает весьма сложную картину. Многокрасочная этноязыковая карта Индии представляет собой чрезвычайно пеструю и причудливую мозаику многочисленных больших и малых разноцветных пятен разных тонов и самого разного размера и конфигурации.

Так, прежде всего обнаруживается, что ареалы расселения всех крупных (не менее 5 млн. человек каждый) народов представляют собой более или менее компактные территории, в пределах которых соответствующие народы почти повсеместно составляют подавляющую часть населения. То же самое можно сказать также и о некоторых малых народах (кхаси, гаро, мизо, хо и др.).

Анализ этнолингвистического состава населения по дистриктам показывает, что в подавляющем большинстве дистриктов, т. е. на большей части территории Индии, тот или иной народ численно преобладает над всеми другими, вместе взятыми. В то же время, однако, территория с мононациональным составом населения (т. е. те районы, в которых тот или иной народ составляет не менее 90% жителей) сравнительно невелика.

Произвести точные подсчеты и дать оценки на этот счет по Индии в целом практически невозможно из-за неясности этнолингвистической ситуации в ареале распространения хирду, бихари и раджастхани, о чем выше уже говорилось. Так, по формальным данным переписи 1961 г., крупнейший сгусток моноязычных дистриктов (более пятидесяти) располагается в ареале хинди. Однако, как уже отмечалось, за этим в действительности скрывается значительное этнолингвистическое разнообразие. Впрочем, по-видимому, некоторые дистрикты здесь и на самом деле моноязычны: в одних почти все население говорит на бходжпури, в других — на авадхи и т. д. Однако некоторые дистрикты в этом ареале представляют собой контактные зоны (зоны смешения и территориального взаимопроникновения бходжпури и авадхи, чхаттисгархи и багхелькханди и т. д.) и, таким образом, имеют смешанный или даже многоязычный состав населения. Рубежи же между областями распространения указанных языковых форм и соответствующих им этнических общностей изучены недостаточно, чтобы можно было сделать определенные этнолингвогеографические выводы. Точно так же лингвистическое разнообразие некоторых дистриктов Бихара, зафиксированное переписью 1961 г., тоже не отражает действительное положение вещей: с одной стороны, некоторые из этих псевдоразнородных дистриктов, быть может, моноязычны и моноэтничны (т. е. населены, например, одними только бходжпурцами или майтхильцами); с другой стороны, за цифрами переписи может скрываться реальное разнообразие и разнородность, но не по линии смешения бходжпури — хинди, майтхили — хинди, магахи — хинди, майтхили — хинди — урду и т. д., а по линии смешения самих майтхили, магахи и бходжпури.

Рассмотрим положение, наблюдающееся за пределами ареала хирду—бихари—раджастхани. Обращает на себя внимание, что в пределах всех крупных национальных районов, имеющих выход к морю (кроме района расселения каннара), все обширные и сплошные мононациональные (моноязычные) территории (за редкими исключениями) ограничены узкой полосой, вытянутой вдоль морского побережья. Все-

го в восьми штатах, имеющих выход к морю,— Гуджарате, Махараштре, Майсуре, Керале, Тамилнаду, Андхра Прадеше, Ориссе и Западной Бенгалии — насчитывается 133 дистрикта (включая дистрикты-города Калькутту, Бомбей и Мадрас); вместе с двумя небольшими приморскими союзными территориями — Гоа (включая Даман и Диу) и Пондишери (включая Маэ, Янам и Карикал) — это дает 135 однопорядковых по величине территорий и численности населения административно-территориальных единиц. Из них у моря расположено 47, в глубинных районах — 88. Из этих 135 административных единиц моноязычными (мононациональными) являются лишь 50, причем 32 единицы из этих 50 (т. е. почти две трети) расположены на побережье и лишь 18 — в глубинных районах; к тому же из последних 18 дистриктов 10 непосредственно примыкают к морским дистриктам, и если объединить приморские дистрикты и дистрикты «второго ряда», то они составят свыше пяти шестых всех мононациональных единиц.

Яркой иллюстрацией могут служить штаты Андхра Прадеш и Махараштра. Андхра Прадеш состоит из 20 дистриктов, из которых 7 расположены на побережье. Все 7 приморских дистриктов мононациональны, тогда как из 13 глубинных дистриктов мононационален только один. Еще более выразительны данные по Махараштре. Здесь насчитывается 26 дистриктов, из них 3 (включая Бомбей) приморских. Из трех мононациональных дистриктов, имеющих в этом штате, два находятся непосредственно на побережье, а третий вплотную к ним примыкает; в обширных же глубинных районах штата мононациональных дистриктов нет совсем.

Исключение составляет национальный район каннара. Ему вообще присуще почти повсеместное наличие значительной этнически инородной примеси, и это, в частности, характерно и для той его сравнительно небольшой части, которая расположена у моря: приморская полоса штата Майсур (она, кстати, сравнительно невелика по протяженности и по удельному весу в общей площади и общей численности населения этого штата) — его самая пестрая в этноязыковом отношении часть. Это объясняется тем, что национальный район каннара в отличие от других приморских районов здесь как бы «прорывается» к морю через расположенные непосредственно на побережье небольшие национальные районы конканцев и тулу, и часть майсурского побережья, по сути дела, вообще не относится к национальному району каннара. Единственный же мононациональный дистрикт Майсура (Мандья) расположен в глубинной части штата. Однако этот случай — единственное исключение, и можно сказать, что оно лишь подтверждает правило.

Особый вариант типичного случая представляют национальные районы гуджаратцев на западе и ория и бенгальцев на востоке. Здесь мононациональная зона занимает не только прибрежную полосу, но и довольно обширные глубинные районы; впрочем, и здесь половина мононациональных глубинных дистриктов принадлежит ко «второму ряду».

У рассмотренного выше любопытного этнолингвогеографического явления есть еще одна сторона. Из 47 расположенных на морском побережье дистриктов и других соизмеримых с ними (по площади и населению) административно-территориальных единиц мононациональными являются 32 (т. е. более двух третей), а немононациональными — только 15 (тогда как на 88 глубинных дистриктов мононациональных приходится только 18, т. е. лишь пятая часть). Если сравнить эти две категории приморских дистриктов друг с другом по их величине и осо-

бенно по длине приходящейся на них береговой линии, то «перевес» в пользу мононациональных дистриктов станет еще более ощутимым. Кроме того, среди тех сравнительно немногих приморских единиц, которые имеют немононациональный состав, имеется несколько таких, состав населения которых очень близок к мононациональному (т. е. к 90%). Например, в приморских дистриктах Раманатхапурам (Тамилнаду), Коттаям (Керала) и Барода (Гуджарат) говорящие на национальном языке национального района, в котором они расположены, составляют соответственно 89,5% (тамил), 89,5% (малаялам) и 89,6% (гуджарати) [44, стр. XLIV, LIII, LXXXIV]; таким образом, эти три дистрикта, по существу, тоже можно отнести к категории мононациональных. Во многих других дистриктах побережья доля носителей главных языков превышает 80% жителей. Более того, если рассмотреть положение не по приморским дистриктам в целом, а по талукам, в частности, взяв только собственно приморскую часть некоторых из этих дистриктов (например, Палгхата или Коттаяма), то и здесь обнаружится мононациональность. Таким образом, приморская мононациональная полоса в Керале окажется непрерывной. Наконец, как уже отмечалось выше, 10 из 18 (т. е. свыше половины) остальных мононациональных дистриктов рассматриваемых восьми штатов непосредственно прилегают к прибрежным дистриктам.

Таким образом, за редчайшими исключениями, а именно за исключением двух крупных дистриктов-городов Бомбея и Мадраса, которые, естественно, притягивают иммигрантов из разных частей Индии, и дистриктов, расположенных непосредственно на стыке соседних национальных районов (ория и телугу — дистрикт Ганджам, телугу и тамилы — Чинглепут, тамилы и малаяли — Каньякумари и т. д.), вся узкая полоса территории, вытянувшаяся вдоль морского побережья, независимо от того, частью какого национального района она является, представляет собой наиболее однородную в этноязыковом отношении часть Индостанского полуострова.

Удовлетворительное объяснение этому явлению найти нелегко. Во всяком случае, оно не лежит на поверхности. Так, не подтверждается предположение, высказанное одним индийским социологом в беседе с автором настоящей статьи, что, быть может, мононациональность приморской полосы связана с относительно более высоким уровнем ее социально-экономического развития. Данные, опубликованные Ашок Митрой [42; 43], показывают, что по уровню социально-экономического развития прибрежные дистрикты резко отличаются друг от друга; что большинство самых развитых в социально-экономическом отношении дистриктов рассматриваемых штатов расположено как раз в глубинных районах; что нигде в Индии не прослеживается прямая связь между уровнем социально-экономического развития района и степенью этнолингвистической однородности его населения. Можно лишь высказать предположение, что важную роль в формировании моноязычия и моноэтничности приморской полосы сыграли такие, быть может, в других отношениях и ситуациях частные факторы, как благоприятные транспортные условия (как в настоящее время, так и в прошлом) и длительность пребывания каждого национального участка приморской полосы в составе единых административно-политических единиц. С другой стороны, быть может, определенное значение имеет тот простой этногеографический факт, что прибрежная полоса всех крупных национальных районов Индии более других их частей удалена от расположенной в основном в глубине полуострова зоны контакта этих национальных районов друг с другом — зоны, которая, при про-

чих равных условиях, неизбежно должна иметь более или менее смешанный национальный состав.

Наряду с мононациональными, моноязычными районами в Индии имеются также районы противоположного типа — со смешанным, разнородным и иногда даже весьма пестрым, полиэтническим и полиязычным составом населения (к последней категории этноязыковых районов мы условно относим такие районы, в которых ни один народ численно не преобладает над всеми другими, вместе взятыми, т. е. не составляет 50% населения или более). Общая площадь этих районов (на уровне дистриктов) тоже невелика. В отличие от мононациональных районов этнически и лингвистически разнородные и особенно полиэтнические и многоязычные ареалы расположены главным образом во внутренних частях Индии. Это в значительной степени определяется тем, что смешанные в этноязыковом отношении дистрикты расположены на стыке крупных национальных районов, в полосе контакта и территориального взаимопроникновения и смешения соседних крупных народов. Это характерно для всех контактных районов, но особенно типично для юга Индии. Самыми пестрыми в национально-языковом отношении дистриктами здесь являются Колар и Бангалур, расположенные там, где сходятся национальные районы телугу, тамиллов и каннара; Нилгири (здесь смыкаются районы тамиллов, каннара и малаяли), Кург и Южная Канара (зона контакта национальных районов тулу, малаяли, каннара, конканцев и кургов), Северная Канара, расположенная на стыке районов конканцев, маратхов, каннара, и, наконец, Бидар, где сходятся национальные районы маратхов, каннара и телугу.

Что же касается центрального пояса Индии (представляющего собой в основном периферийную полосу, окаймляющую на юго-востоке, юге и юго-западе этнически расплывчатую зону распространения хирду, бихари и раджастхани), то присущие этому контактному поясу пестрота и полиэтничность в значительной степени определяются тем, что его важным, а иногда даже преобладающим этническим компонентом являются часто не только сами соприкасающиеся здесь крупные народы, но и этнически чуждые им малые народы и племена, особенно адиваси. Это относится, например (двигаясь с востока на запад), к дистриктам Парганы Санталов, Сингхбхум и Ранчи (Бихар), Бастар, Балагхат, Бетул, Западный Нимар, Восточный Нимар, Дхар, Джхабуа (Мадхья Прадеш), Дхулия и Тхана (Махараштра), Сурат и Данги (Гуджарат) [41].

Здесь необходимо отметить, что в контактных районах наблюдается два типа промежуточной этноязыковой ситуации и соответственно имеются этноязыковые районы двух типов, различающиеся между собой не по числу и не по относительной значимости слагающих их этнических и языковых компонентов, а по характеру взаимодействия этих компонентов между собой [подробнее об этом см.: 26].

Очень часто в ареалах, расположенных на стыке двух или более национальных районов, существует этноязыковая ситуация, которую можно определить как *смешанную*. В таких ареалах смешанно живут представители народов, населяющих соседние районы, носители различных этносов и языков. Так, смешанная ситуация характерна для контактной зоны между бенгальским и ассамским национальными районами, между национальными районами каннара и телугу. Смешанными являются также бенгальско-санталские ареалы и многие другие районы страны. Для смешанных районов характерно то, что представители народов, входящих в «смесь», этнически остаются са-

мими собой, прекрасно сознают свою этническую принадлежность и отличают себя от представителей соседних народов.

Однако в ряде контактных ареалов сложилась ситуация, которую правильнее назвать не смешанной, а *переходной*. Примером может служить дистрикт Пурния, расположенный на границе двух национальных районов — Бенгалии и Митхилы. Хотя и здесь часть населения составляют бенгальцы и майтхильцы, для этого района характерно не столько смешанное расселение бенгальцев, как таковых, и майтхильцев, как таковых, сколько постепенный переход одного народа в другой через серию переходных этнических форм и сложение объективно переходного, «гибридного» этноса. Такие же гибридные ситуации характерны и для пограничных районов между Бенгалией и Ориссой, а также для Бихара, Хиндустана и некоторых других областей страны.

Этнически смешанные и этнически переходные (гибридные) районы — это два разных типа этнических районов; их следует различать и, кстати, по-разному изображать на этнолингвистических картах, что требует разработки специальной методики картографирования.

Особое положение наблюдается в северной и северо-восточной пограничной полосе Индии. Состав населения этой полосы резко меняется от района к району. Ее населяет ряд сравнительно небольших этнических общностей, большинство из которых принадлежит к группе адиваси. Для северной и северо-восточной горной и предгорной полосы на всем ее протяжении (за исключением ее выдвинутого на юг центрального участка, расположенного вдоль границы с Непалом) типичны небольшие компактные районы, в каждом из которых тот или иной малый народ составляет подавляющее большинство жителей. Некоторые дистрикты здесь (Алмора, Питхоргарх, Техри Гархвал, Сринагар, Анантнаг, Джамму, Катхуа) имеют даже моноэтническое население.

Важными центрами сосредоточения пестрого по национальному составу и разноязычного населения помимо указанных выше являются также крупные города и конурбации страны, в первую очередь Калькутта и Бомбей. Однако в городах население, этнически чуждое преобладающей национальности района, в котором расположен тот или иной город, представлено в основном временными иммигрантами и имеет поэтому текучий состав. Следует заметить, что индийские города в отличие от городов Европы и Америки нельзя назвать «плавильными котлами»: как правило, проживающие в одном и том же городе различные этнические группы не смешиваются друг с другом и устойчиво сохраняют свою этническую обособленность. Это ярко показали, например, недавно проведенные социологические обследования такого многонационального города, как Калькутта [35, 36; 37; 60; см. также 19].

Характерно, что в городах Индии, особенно в крупных, почти совсем нет адиваси, которые избегают селиться в городах и почти все живут только в сельской местности. Напротив, некоторые этнические группы Индии принадлежат к числу высокоурбанизированных — это парсы, англоиндийцы и др. Попутно заметим, что в Индии есть смешанные в национальном отношении районы, где среди сельского населения преобладает один народ, а среди городского — другой. Примером может служить дистрикт Белгаум, где основную массу сельских жителей составляют каннара, тогда как среди горожан весьма высока доля маратхов.

Этноязыковая география Индии в сопоставлении с природными, административно-политическими, экономическими и прочими условиями

Картина национального и языкового состава населения Индии в целом и ее отдельных районов и расселения различных ее народов, полученная путем группировки и нанесения на карту этнолингвостатистических данных, должна быть дополнена дальнейшим анализом и интерпретацией. Этот анализ должен сопровождаться привлечением материалов, характеризующих особенности природных условий страны, ее административно-территориального устройства, порайонный уровень ее регионального экономического развития и т. д., и исследованием разного рода взаимоотношений и связей между этноязыковыми факторами, с одной стороны, и экономическими, природными, административно-политическими, социальными, историческими факторами — с другой.

Этнолингвогеография Индии и природные условия. Сопоставление региональных особенностей природных условий Индии и особенностей порайонного национального состава ее населения и расселения различных ее народов в целом не обнаруживает повсеместной связи между этими особенностями, хотя в некоторых районах и для некоторых народов такая связь прослеживается. Так, в одних случаях постепенное изменение географической среды сопровождается постепенными изменениями и в этническом составе населения (примером может служить упоминавшийся выше дистрикт Пурния), а резкие изменения природной среды обитания (почвенно-климатических условий, рельефа и т. д.) — резкими различиями в национальном составе (примером могут служить граница между ареалом расселения маратхов, с одной стороны, и телугу — с другой; граница между горной и низменной частями дистрикта Дарджилинг и т. д.). Некоторые (как правило, сравнительно малочисленные) народы и этнические группы как бы приурочены к определенному типу географической среды и почти не встречаются за его пределами (например, выходцы из Непала населяют почти исключительно горные и предгорные районы Западной Бенгалии и Ассама). Обширные территории с однородными природными условиями имеют иногда и однородное в национальном отношении население (примером могут служить дельтовые районы Западной Бенгалии или Ориссы). Главные районы концентрации в Западной Бенгалии санталов — народа, в целом рассеянного в виде сравнительно небольшой «примеси» среди бенгальцев, — приурочены к районам с менее благоприятными почвенно-климатическими условиями (например, Баринд); доля же бенгальцев в этих районах сравнительно невысока.

Разумеется, факты такого рода не следует понимать как проявление некой прямой зависимости расселения тех или иных народов от характера природных условий. Природная среда обитания оказывает определенное, иногда весьма значительное влияние на географию населения в целом и в частности на расселение отдельных народов. Однако это влияние, особенно в современный период развития человеческого общества, осуществляется главным образом косвенно, через посредство социально-экономических факторов. К тому же в Индии более распространены случаи, когда в одних и тех же экологических условиях, в одном и том же природном районе живут разные народы (как смешанно — например, ассамцы и бенгальцы в долине Брахмапутры, так и раздельно — например, кхаси и гаро на плато Шиллонг). С другой стороны, нередко один и тот же народ населяет территорию,

В пределах которой наблюдаются заметные ландшафтные различия (это относится в первую очередь ко многим крупным народам Индии, а также, например, к санталам).

Интерпретация всех этих связей, соответствий и несоответствий (в частности, изучение того, где, в какой степени и как природные различия повлияли и влияют на формирование различий этнических и в какой мере и почему некоторые этнические общности приурочены и даже тяготеют к тем или иным определенным природно-экологическим условиям или избегают их) — важная задача, стоящая перед этногеографами.

О характере расселения адиваси. В литературе широко распространено мнение, что адиваси сохранились в центральном поясе Индии и в горных районах Северо-Востока, с одной стороны, потому что они были оттеснены другими народами в эти районы, природная среда которых в целом менее благоприятна для обитания человека, чем соседние области Индии (а многие из этих районов к тому же сравнительно труднодоступны), и, с другой стороны, потому что племена оказались здесь в условиях некоторой изоляции от остального населения Индии.

В какой-то степени такое объяснение можно признать правильным. Однако есть и другие точки зрения, во всяком случае, оно не может служить единственным объяснением.

Одну из важнейших географических особенностей расселения народов группы адиваси (а также и некоторых других малых народов Индии) можно сформулировать следующим образом: главные районы их концентрации расположены в зоне контакта нескольких, как правило, крупных народов, на стыке двух-трех, а то и четырех крупных национальных районов. Так, один крупнейший «сгусток» адиваси (санталов, ораонов, мунда и др.) расположен на стыке национальных районов бенгальцев, магахов, бходжпурцев, хиндустанцев и ория, второй (гондов, кхондов и других племен) — на стыке районов хиндустанцев, маратхов, телугу и ория, третий (бхиллов и др.) — там, где сходятся рубежи национальных районов маратхов, хиндустанцев, раджастханцев и гуджаратцев. В контактной зоне расположены и населенные малыми народами районы северных и северо-восточных окраин Индии с той лишь разницей, что эта зона расположена вдоль государственных границ страны. Возникает вопрос: случайно ли то, что адиваси столь многочисленны и составляют столь большую долю населения именно в этих контактных зонах?

Ответить на этот вопрос весьма затруднительно, тем более что ответ для разных районов и народов окажется разным. Во всяком случае, большой интерес представляет концепция Б. К. Роя Бёрмана [15; 57; 58]. Изучая племена Северо-Восточной Индии, Рой Бёрман высказал весьма интересное предположение о том, что сохранению сгустков адиваси именно в пограничных районах способствовало то обстоятельство, что некоторые из них (будучи территориально расположены между районами, в которых доминировали другие, более крупные народы, в отдельные периоды враждовавшие между собой) играли специфическую роль — либо роль народов-посредников, либо роль народов-буферов. При этом, как считает индийский ученый, эти крупные и враждовавшие между собой народы могли быть обоюдно заинтересованы именно в поддержании этнической самостоятельности разделявших (и в то же время соединявших) их малых народов и племен, а не в ассимиляции их и поглощении. То же самое, по-видимому, можно сказать и о размещении отдельных этнических групп адиваси по отно-

шению друг к другу. Так, по мнению Б. К. Роя Бёрмана, ассамских куки можно рассматривать как народ-буфер между мизо и нага. Выступая в роли посредника или буфера, некоторые племена вырабатывали даже специфический социальный и культурный механизм, регулировавший их отношения со своими соседями и в то же время подерживавший их этническую обособленность.

Поскольку в доколониальный период Индия была разделена на большее число княжеств и соответственно пограничных районов в стране было больше, в роли посредников или буферов в прошлом, как считает Б. К. Рой Бёрман, вероятно, выступали многие племена, и было бы интересно изучить, какова связь между размещением нынешних «сгустков» адиваси и политическими границами различных индийских княжеств в разные периоды истории.

Концепция Б. К. Роя Бёрмана заслуживает самого пристального внимания, и ее разработка может дать интересные результаты. Весьма вероятно, что она окажется применимой не только к адиваси, но и к другим малым пограничным народам (например, кумаунцам, гархвальцам, тулу). В то же время такая трактовка географии расселения малых народов, очевидно, не является универсальной и не всегда может служить единственным объяснением, а то и вовсе неубедительна. Кстати, возможно, что сохранение особенно значительных по концентрации адиваси районов именно на территории нынешних Мадхья Прадеша, Бихара и Ориссы в какой-то степени можно объяснить тем, что слаборазвитые по уровню национальной консолидации этнические общности, населяющие Хиндустан и Бихар, не могли оказать на адиваси столь же сильное ассимилирующее влияние, как, например, маратхи или гуджаратцы.

Этнолингвогеография Индии и административно-политическое устройство страны. Исключительно важное значение приобрела за последние годы этнолингвогеографическая проблематика в связи с реорганизацией административно-политического устройства Индии.

Колониальная Индия представляла собой пример вопиющего несоответствия административно-политического устройства страны потребностям ее политического, хозяйственного и культурного развития. В частности, с одной стороны, границы провинций и княжеств расчленили области, населенные одной и той же национальностью, с другой — в пределах многих административно-территориальных единиц были искусственно соединены районы, населенные разными народами.

После завоевания Индией независимости этнолингвистические проблемы в стране выступили на передний план и приобрели огромное значение и актуальность. Под напором массовых национальных движений отдельных народов прежнее административно-территориальное деление страны было коренным образом реорганизовано. В стране был создан ряд автономных национальных штатов [8; 9; 14; 17; 31; 32].

В целом в результате реорганизации штатов федеративное устройство Индии приведено в большее или меньшее соответствие с языковым (национальным) составом населения. Мы не будем здесь касаться весьма сложного положения в зоне распространения хирду, бихари и раджастхани, потому что, как об этом уже говорилось выше, этноязыковая ситуация здесь весьма неопределенна. Заметим лишь, что, с одной стороны, в хирдуязычном ареале существует не один, а несколько штатов, в каждом из которых носители хирду составляют большинство жителей, а с другой — границы между штатами в этом ареале не соответствуют внутренним этнолингвистическим (в частности, субэтническим и диалектным) рубежам. Что же касается почти всех осталь-

ных крупнейших народов страны, то они получили свои «собственные» штаты, в пределах которых, во-первых, сосредоточена основная масса лиц соответствующей этнолингвистической принадлежности и, во-вторых, лица данной национальности составляют большинство (как правило, подавляющее) населения данного штата.

Тем не менее часть (иногда весьма значительная) почти всех крупных народов даже после реорганизации проживает за пределами «своих» национальных штатов (особенно в пограничных районах) на положении меньшинства, и даже в наиболее однородных в национально-языковом отношении штатах существует заметная инациональная, иноязычная прослойка (см. табл. 2). Некоторые народы, будучи сосредоточены в основном в пределах одного штата, хотя и образуют в «своих» штатах большинство, но большинство незначительное. Примером может служить Майсур. Здесь сосредоточено 88,3% всех носителей языка каннара, однако они составляют менее двух третей (65,2%) жителей штата. В ряде дистриктов Майсура доля лиц, родным языком которых является каннара, составляет лишь около половины, а в Курге и Южной Канаре — соответственно даже 32,3 и 20,6% всего населения. Точно так же, например, 99,1% всех говорящих на кашмири проживает, в Джамму и Кашмире, но их доля во всем населении этого штата составляет лишь 54,4%.

Другой пример несоответствия административно-территориальной структуры Индии этнолингвистическому составу населения представляют во многих районах малые народы. Подавляющее большинство этих народов (даже те из них, которые в ряде районов составляют большинство жителей) не только не имеет «своих» штатов, но и вообще не пользуется никакой автономией. При этом территория многих средних и малых народов оказывается расчлененной между различными штатами, в каждом из которых они составляют ничтожное меньшинство населения.

Так, обширная территория, населенная санталами, которая представляет собой географически более или менее целостный ареал, разделена между тремя штатами — Бихаром, Западной Бенгалией и Ориссой: по данным переписи 1961 г. [45], из 3154 тыс. санталов 1541 тыс. (48,9%) проживают в Бихаре, 1200 тыс. (38,0%) — в Западной Бенгалии и 411 тыс. (13,0%) — в Ориссе, и в каждом из этих штатов санталы образуют меньшинство жителей.

Названные выше несоответствия нередко объясняются самим характером расселения некоторых индийских народов, отсутствием во многих случаях «линейных» этнических рубежей, наличием контактных районов с этнически смешанным или переходным населением, что делает невозможным четкое национально-территориальное размежевание. Так, порайонный этногеографический анализ на уровне низовых административно-территориальных единиц приводит к выводу о том, что решить задачу создания национального штата санталов, в котором было бы сосредоточено большинство всех санталов Индии и в котором они составляли хотя бы не менее половины жителей, невозможно. Дело в том, что для территории, населенной этим народом, характерна следующая этногеографическая особенность: несмотря на свою многочисленность, санталы почти нигде не только не составляют большинства населения, но даже не являются самой крупной этнической группой. Большинство лиц этой национальности рассеяно, расплылено мелкими вкраплениями в виде небольшой «примеси» среди бенгальцев, майтхильцев, магахов и других народов. Единственный сколько-нибудь крупный по территории и населению ареал сантальского боль-

шинства, который может быть очерчен на этнической карте Индии, расположен в центральной части дистрикта Парганы Санталов, но здесь проживает лишь около четверти всех санталов страны. Другие же ареалы концентрации санталов, во-первых, разрознены и территориально весьма удалены друг от друга, а во-вторых, недостаточно велики по площади и по числу жителей, чтобы претендовать на автономию. Иными словами, характер расселения санталов по территории Восточной Индии таков, что этот народ в целом, несмотря на свою многочисленность, так сказать, «обречен» на то, чтобы быть народом-меньшинством.

Пример санталов (как и некоторых других народов Индии) показывает, что в рамках существующей ныне в Индии федеративной структуры возможность для того или иного народа добиться региональной автономии (в частности, организации собственного национального штата) зависит не столько от численности данного народа, уровня его национального самосознания или методов, с помощью которых он пытается добиться автономии, сколько от географии его расселения. Поэтому такие мелкие по численности народы, как, например, нага, кхаси, гаро, мейтхей, мизо, кумаунцы и т. д., благодаря тому, что они расселены компактно и в районах своего обитания составляют подавляющее большинство жителей, имеют реальные шансы добиться автономии для своих национальных районов, а некоторые из них уже получили ее [33; 34], тогда как гораздо более многочисленные санталы или синдхи, будучи распыленными среди еще более крупных народов, практически лишены такой возможности.

Однако в ряде случаев причина несоответствия административно-территориального деления Индии этноязыковому составу населения лежит в несовершенстве самой административно-территориальной структуры страны. Выше уже говорилось о недостатках нынешней сетки дистриктов, восходящей к колониальным временам. Это относится в особенности к дистриктам, расположенным на стыке между различными национальными районами, в частности, к дистриктам того ареала, где представлены главные концентрации адиваси. Действительно, если, например, на северо-востоке страны границы дистриктов более или менее соответствуют расселению не только адиваси в целом, но даже и их отдельных этнических групп, то в Центральной Индии такого соответствия нет. Кстати, об этом несоответствии свидетельствует приведенная выше табл. 3, составленная с привлечением данных по дистриктам и талукам; подобная картина наблюдается не только среди адиваси.

В особенности это бросается в глаза в этнотерриториально гетерогенных дистриктах, таких, как, например, Сингхбхум, в одних районах которого большинство населения составляют бенгалцы и санталы, в других — хо, в третьих — ория и т. д., или Ранчи, где выделяется район, большинство населения которого составляют ораоны, или район, населенный главным образом мунда, и т. д.

В индийской литературе неоднократно высказывались суждения о желательности и необходимости реорганизации нынешней территориальной структуры дистриктов ввиду ее несоответствия порайонной дифференциации экономических условий; очевидно, многое может быть сделано и по линии рационализации дистриктной сетки в этнолингвистическом плане. Во всяком случае, в контактных зонах взаимопроникновения ряда крупных национальных районов, а также в ареалах концентрированного расселения некоторых малых народов можно обнаружить районы потенциальных (а в некоторых случаях и факти-

ческий уже происходящих) межэтнических территориальных конфликтов и районы возможных и предполагаемых изменений административно-территориального деления и федеративной структуры Индии и их усовершенствования. По какому пути пойдет дальнейшее развитие в этой сфере, должен решить и решит сам индийский народ. В этом отношении, как нам представляется, большой интерес для Индии может иметь опыт, накопленный в области решения административно-территориальных аспектов национального вопроса в СССР (в частности, применение принципа автономии различного рода).

Здесь необходимо остановиться на следующем очень важном, интересном и почти не изученном вопросе. До сих пор в литературе рассмотрение проблемы соответствия административно-территориального устройства Индии и этноязыкового состава ее населения шло по линии выяснения того, насколько территориальная структура индийской федерации отвечает характеру расселения индийских народов и как наилучшим образом привести административно-политические границы в соответствие с объективными этническими рубежами. Между тем эта проблема имеет и весьма интересный противоположный аспект. Представляет огромный теоретический и практический интерес вопрос о том, насколько федеративное государственное устройство влияет на национальный состав населения, на характер и направление этнических процессов, на формирование этноязыковых районов.

В этом отношении богатую пищу для размышления дает сопоставление данных переписей 1951 и 1961 гг. Перепись 1961 г. зафиксировала ряд любопытных фактов. Например, хотя бходжпурцы, населяющие соседние районы двух штатов — Бихара и Уттар Прадеша, в этноязыковом отношении по объективным признакам представляют единое целое, огромное большинство представителей этого народа, проживающих в соседних с Уттар Прадешем дистриктах Бихара, указало в качестве родного языка бходжпури, тогда как почти все бходжпурцы в соседних с Бихаром дистриктах Уттар Прадеша отнесли себя к говорящим на хинди.

Еще более характерны в этом отношении данные о дистриктах Пурния и Пурулия, расположенных на границе между Западной Бенгалией и Бихаром. Как известно, часть дистрикта Пурния и почти весь дистрикт Пурулия, входившие прежде в состав Бихара, в 1956 г. были переданы Западной Бенгалии. Эта передача сыграла роль своего рода уникального этнолингвистического эксперимента, так как дала в руки социологов, этнологов, этногеографов исключительно интересный материал, позволяющий установить связь между изменением фактической административно-территориальной принадлежности и изменениями национального самосознания и направления этнических процессов. В 1961 г. в переданных районах обнаружилось [48, 334—335], что доля считающих своим родным языком хинди здесь резко упала (например, в Пурулия с 29,9% в 1951 г. до 2,4% в 1961 г.), а доля относящих себя к говорящим на бенгали не менее резко возросла (в Пурулия за тот же период — с 52,0 до 83,3%). Причин здесь несколько, но главная, на наш взгляд, состоит в том, что на этноязыковое сознание жителей этих районов, характеризующееся весьма низким уровнем развития, решающее воздействие оказывает административно-территориальная принадлежность их района к тому или иному национальному штату. Пурния и Пурулия представляют большой интерес потому, что на значительной части территории этих дистриктов этноязыковая ситуация характеризуется переходностью (гибридностью). Так, многие жители Пурнии по своему этническому облику и особенно по разговорному язы-

ку, так сказать, ни бенгальцы, ни майтхильцы, скорее — и те и другие сразу; во всяком случае, это люди, которые сравнительно легко могут превратиться как в бенгальцев, так и в майтхильцев. Поэтому не приходится удивляться, что смена административно-территориальной принадлежности части территории Пурнии всего лишь через несколько лет отозвалась на этноязыковом самосознании жителей дистрикта.

Сейчас в той, большей, части Пурнии, которая осталась в Бихаре, как и повсюду в Митхиле, активно идет процесс консолидации местного населения в майтхильскую нацию. Однако, с нашей точки зрения, если бы этот дистрикт в 1956 г. весь был передан Западной Бенгалии, то перепись 1961 г. (не говоря уже о переписи 1971 г.) скорее всего обнаружила бы, что те самые люди, которые, оставаясь в Бихаре, идут по пути превращения в майтхильцев, оказавшись в Западной Бенгалии, сменили бы свое этноязыковое самосознание и постепенно превратились бы в бенгальцев.

Иными словами, в таких районах, как Пурния, невозможно установить по объективным показателям, как провести административную границу-линию, чтобы она соответствовала рубежу между бенгали и майтхили, между бенгальскими районами и районами майтхильскими, так как здесь имеется достаточно широкая промежуточная (как смешанная, так и переходная, гибридная) зона. Вопрос стоит иначе: там, где административная граница между Бенгалией и Митхилой будет проведена, там со временем сложится и граница языковая и этническая. Таким образом, мы приходим к важному выводу о том, что в Индии в ряде случаев сами границы штатов — независимо от того, соответствовали они первоначально уже имеющимся этническим рубежам или нет — играют активную этноформирующую и этнодифференцирующую роль.

Этнолингвогеография Индии и некоторые вопросы регионального экономического развития. Этногеографический анализ наблюдающихся в Индии резких межрайонных контрастов и региональных диспропорций в уровне экономического развития показывает, что в стране существует заметное экономическое неравенство между различными национальными районами и тем самым в какой-то степени и между разными народами.

Примером могут служить различия между Западной Бенгалией — национальным районом бенгальцев, с одной стороны, и соседними с ней инациональными штатами Восточной Индии — Ассамом, Бихаром и Ориссой — с другой. Западная Бенгалия отличается высоким уровнем развития производительных сил, сравнительно разносторонней и лучше сбалансированной отраслевой народнохозяйственной структурой, в частности высоким уровнем индустриализации. Соседние же штаты стоят по многим показателям значительно ниже среднеиндийской нормы, а по некоторым из них — на одном из последних мест в стране. Для них в целом характерны весьма низкий уровень развития производительных сил, однобокая структура народного хозяйства (преобладание сельского хозяйства, которое само отличается крайней отсталостью), низкий уровень индустриализации (в частности, слабое развитие крупной, особенно обрабатывающей, индустрии), низкая степень урбанизации. Возьмем, например, уровень развития крупной фабричной индустрии. По данным «Ежегодного обследования промышленности» Индии за 1960 г. [34, 2—5; см. также 53], Западная Бенгалия превосходит три соседних штата, вместе взятые, по числу крупных предприятий более чем в полтора раза, по валовой продукции почти вдвое, по вновь произведенной стоимости более чем вдвое, а по числу

заняты более чем в 2,5 раза. По числу занятых в крупной индустрии и ее валовой продукции Западная Бенгалия в 1960 г. опережала инонациональные Ассам, Бихар, Ориссу, Мадхья Прадеш и Уттар Прадеш, вместе взятые, хотя по численности населения эти пять штатов превосходят Западную Бенгалию более чем в 5, а по территории почти в 14 раз! Характерно также то, что по удельному весу горожан во всем населении Западная Бенгалия стоит в Индии на четвертом месте (а по доле населения, сосредоточенного в крупных городах, на первом), соседние же три штата занимают три последних места. По численности городского населения Западная Бенгалия превосходит Бихар, Ассам и Ориссу, вместе взятые, почти в полтора раза [подсчитано по данным: 41]. Значительны различия между национальными штатами и по величине дохода на душу населения [51, 6, 9, 14].

Эти резкие региональные (и в определенной степени межнациональные) контрасты — тяжелое наследие колониального периода. В течение двух столетий развитие народного хозяйства Индии насильственно приспособлялось к удовлетворению нужд экономики метрополии и мирового рынка. В этих условиях на уродливое, неравноправное разделение труда между Индией, с одной стороны, и заокеанской метрополией — с другой, «наложилось» не менее уродливое территориальное разделение труда между различными районами самой Индии. Западная Бенгалия, как и другие районы колонии, выступала в подчиненной роли экономического придатка мирового рынка. В то же время ее экономическое развитие происходило в ущерб развитию соседних инонациональных областей и в какой-то мере за счет последних. В итоге Западная Бенгалия (это относится главным образом к Калькуттскому району) превратилась в своеобразную метрополию «второго порядка» по отношению к обширным областям страны, которые входили в зону хозяйственного влияния Калькутты и в целом выступали в роли своего рода внутренних колоний Калькуттского района. В этом неравноправном положении различных частей Индии по отношению друг к другу проявился свойственный капитализму межрайонный антагонизм, принявший в условиях колониальной страны особенно острые и уродливые формы.

В то же время не следует забывать, что, с одной стороны, заметные территориально-экономические диспропорции наблюдаются и *внутри* многих национальных районов Индии и, с другой стороны, нередко в одном и том же районе разные этнические группы заметно отличаются друг от друга по характеру участия в местной экономической жизни и по материальному и социальному положению. Так, региональный (по дистриктам) анализ, осуществленный Ашоком Митрой в рамках программы переписи 1961 г. [42; 43], показывает, что и в Бихаре, и в Западной Бенгалии имеются дистрикты, которые по уровню социально-экономического развития относятся к категориям как наиболее развитых, так и наименее развитых в Индии. Наличие региональных контрастов внутри национальных районов подтверждает и подсчет, осуществленный Национальным советом прикладных экономических исследований [54]: оценка подушевого дохода в каждом из дистриктов Индии показала, что, например, в Западной Бенгалии имеются дистрикты, относящиеся к числу экономически наименее развитых в Индии, а в Бихаре — дистрикты, отличающиеся высоким уровнем развития. Сходная ситуация наблюдается в Андхра Прадеше [38], Махараштре и ряде других национальных штатов.

Резкие различия в уровне развития экономики и народнохозяйственной структуре между национальными районами, особенности раз-

мещения производительных сил страны (в частности, особенности размещения немногих крупнейших городов, с одной стороны, и бедствующих перенаселенных аграрных районов — с другой) влияют на направление, интенсивность и этнический состав миграционных потоков, в которые разные народы вовлечены в неодинаковой степени, и порождает массовую миграцию лиц одних национальностей в районы преимущественного расселения других. В крупнейших центрах скопления мигрантов из разных национальных районов нередко наблюдаются своего рода разделение отраслей, профессий и занятий между представителями различных этнических групп и своеобразные этнические «аномалии» отдельных звеньев социальной и профессиональной структуры. При этом в экономике ряда национальных районов представители некоторых чужеродных этнических групп играют огромную роль, намного превосходящую их долю в населении соответствующего района.

Одним из примеров может служить Западная Бенгалия, где небенгалцы, представленные преимущественно иммигрантами из других штатов, весьма многочисленны и составляют заметную долю населения. Социально-экономическое положение бенгалцев и небенгалцев (а также различных этнических групп среди последних) в этом штате неодинаково. В то время как крестьянство, средняя и мелкая буржуазия города и деревни, городские средние слои и интеллигенция состоят почти целиком из бенгалцев, современный пролетариат (работники, занятые в фабрично-заводской и горнодобывающей промышленности, на чайных плантациях и железных дорогах, в порту, в городском хозяйстве Калькутты), мелкие торговцы, кустари, лица, занятые в личном услужении, и т. д., с одной стороны, и крупная, особенно монополистическая, буржуазия — с другой, представлены в этом штате в основном или в значительной степени национальными меньшинствами [этот вопрос подробно рассмотрен нами в статьях: 19; 20].

Так, по данным переписи 1961 г., выходцы из других штатов (в первую очередь бихарцы, особенно бходжпурцы, и ория) составляют 31,5% занятых в обрабатывающей промышленности (исключая надомную), 32,1% на транспорте, 28,0% в горнодобывающей промышленности [подсчитано по данным: 49, 164—167]. Среди работающих в крупной фабрично-заводской промышленности их доля еще выше: по данным на 1957 г., иммигранты из других штатов (в основном из Бихара, Уттар Прадеша и Ориссы) составляли 60,3% занятых, в том числе в черной металлургии — 68,4%, в бумажном производстве — 73,5%, в стекольном — 76,4%, а в главной отрасли индустрии штата — джутовой — даже 77,2% [61, 37].

Как писал Ашок Митра, возглавлявший проведение переписи 1951 г. в Западной Бенгалии, «иммигранты внесли очень большой вклад в развитие промышленности в этом штате, и... трудно вообразить, как была бы заполнена пустота в том случае, если бы сегодня штат лишился рабочих-иммигрантов» [39, 318]. Небенгалцы, в первую очередь адиваси, составляют также значительную часть рабочих в горнодобывающей промышленности и особенно на чайных плантациях (на плантациях также велика прослойка непальцев). Адиваси составляют наиболее угнетенную и обездоленную прослойку деревни: среди них особенно много безземельных сельскохозяйственных рабочих.

Особенно велико значение иммигрантов и вообще небенгалцев в хозяйстве Калькутского промышленного района. Так, выборочный анализ материалов переписи 1951 г. по этому району (за вычетом бе-

женцев) показал, что, например, в торговле лица, родившиеся вне Бенгалии, составляли 43%, а на транспорте — 64% всех работающих [40, III]. О. Х. К. Спейт, оценивая роль иммигрантов-небенгальцев в экономике Большой Калькутты, писал: «Жизнь в ослабленном скученностью организме зоны Хугли поддерживается лишь постоянными переливаниями крови — главным образом за счет притока бихарцев» [27, 567].

Небенгальцы (марвари, гуджаратцы, панджабцы и др.) составляют значительную часть действующей в Западной Бенгалии буржуазии, особенно крупной. Говоря о разнородном национальном составе крупных предпринимателей в этом штате, Ашок Митра отмечал, что нигде в Индии, кроме, может быть, центральных министерств в Нью-Дели, не представлена вся страна с такой полнотой, как в торгово-промышленных палатах Калькутты [56, 21]. Влияние чужеродных капиталистов в экономической жизни Западной Бенгалии весьма велико, что вызывает большое недовольство бенгальской буржуазии.

Западная Бенгалия может служить также примером того, как между отдельными этническими группами в некоторых районах сложилось своеобразное устойчивое разделение круга профессий и занятий. Например, в джутовой промышленности Большой Калькутты нередко даже на одной и той же фабрике различные виды работ как бы закреплены за определенными этническими, а иногда также кастовыми и религиозными группами. Сходная картина наблюдается и в других сферах народного хозяйства.

В связи с этим заслуживает внимания важный и малоизученный вопрос о региональных и межнациональных различиях в кастовой структуре населения Индии (так как «набор» каст, их иерархия, характер их занятий в разных частях страны и у разных населяющих ее народов неодинаковы, и даже одни и те же касты у разных народов нередко заметно отличаются друг от друга) и о соотношении этноса и касты. Не меньший интерес представляет изучение религиозного состава отдельных народов Индии и соотношения между религиозной и этнической (в частности, языковой) принадлежностью населения различных районов страны.

Этнолингвогеография Индии и формирование экономических районов. Этноязыковой состав населения Индии через посредство ее административно-территориального деления (в особенности ее федеративного устройства) оказывает огромное воздействие на развитие экономических районов в стране. Исследование этого вопроса, стоящего на стыке этнолингвогеографии, с одной стороны, и экономической географии — с другой, имеет чрезвычайно важное теоретическое и практическое значение для Индии и других развивающихся стран.

Политическая и экономическая жизнь современной Индии характеризуется параллельным существованием обеих отмеченных В. И. Лениным [1, 124] тенденций в национальном вопросе, свойственных развивающемуся капитализму: пробуждением национальной жизни, сопровождающимся экономической консолидацией наций, их борьбой за административно-государственное сплочение национальных территорий, с одной стороны, и ломкой национальных перегородок и уничтожением национальной замкнутости — с другой. При этом в Индии первая из двух названных тенденций нередко преобладает над второй, и это накладывает заметный отпечаток на формирование и трансформацию экономических районов.

Согласно индийской Конституции решающие позиции по наиболее существенным вопросам, имеющим общегосударственное значение

(в том числе многие важнейшие рычаги регулирования хозяйственной жизни в стране), сосредоточены в руках центральных властей. Тем не менее анализ положений Конституции Индии и практики реализации этих положений приводит к выводу, что штатам Индии предоставлены важные и многообразные полномочия в самых различных сферах политики и экономики. Это определяет значительные масштабы, разносторонность деятельности правительств штатов и большее влияние, оказываемое ими на местную хозяйственную жизнь.

Перестройка административно-территориального деления по национально-языковому принципу, проведенная в независимой Индии, имела первостепенное экономическое и политическое значение. Реорганизация штатов повлекла за собой определенный сдвиг в реальном соотношении сил между центром и штатами в пользу последних. Многие крупные народы и некоторые мелкие получили «свой» штат, представляющий не просто административную единицу, а территориально-политическое образование соответствующего народа. Национальные устремления этих народов оказались непосредственно связанными с развитием и укреплением «своих» штатов. Более того, реорганизация штатов, проведенная под напором национальных движений, порожденных становлением наций в Индии, в свою очередь, сама дала новый мощный импульс дальнейшей консолидации нации. Благодаря своему национальному характеру новые штаты стали более монолитными и стабильными. Под их автономию была подведена гораздо более прочная политическая и экономическая база.

В этих условиях штаты стали не только стремиться к полной реализации всех прав, закрепленных за ними Конституцией, но и активно добиваться перераспределения полномочий и сфер компетенции органов власти Союза в пользу органов власти в штатах, требовать предоставления им более значительных финансовых средств, права проводить более независимую хозяйственную политику и т. д. Стремление штатов к ускоренному и всестороннему экономическому развитию нередко принимает форму тенденции к автаркии и вступает в конфликт с политикой и планами центра. Правительство Индии вынуждено принимать во внимание требования штатов, и, например, в некоторых случаях выбор места сооружения крупных хозяйственных объектов в государственном секторе, их величина, очередность и темпы строительства определяются в конечном счете не столько технико-экономическими, сколько политическими факторами.

С другой стороны, нынешняя система государственного регулирования экономики в Индии в значительной степени основывается на федеративной структуре: штаты выступают в качестве основных единиц общендийского регионального планирования.

Реорганизация штатов имела своим следствием совмещение и взаимное усиление влияния национального и административно-политического районообразующих факторов — оба они стали действовать в одних и тех же пространственных рамках и стали играть по отношению друг к другу роль своеобразных катализаторов. В результате их объединенное воздействие на процесс формирования экономических районов усилилось. Оба названных фактора накладывают заметный отпечаток на формирование региональных различий в экономическом базисе страны: на изменение соотношения между различными социально-экономическими укладами в разных районах, на развитие капитализма в стране, на развитие и размещение производительных сил, на складывание порайонной специализации народного хозяйства, на формирование территориального разделения труда, региональных осо-

бенностей аграрного строя, особенностей социальной структуры населения и т. д. Происходят или намечаются важные изменения районобразующей роли многих крупных городов страны (в частности, морских портов): под воздействием федеративной территориальной структуры меняются абсолютная и относительная величина их хозяйственного потенциала, характер их соподчинения, величина и конфигурация зон их экономического влияния и тяготения; появляются новые города как следствие реорганизации штатов.

Федеративное устройство в настоящее время способствует сохранению и закреплению уже существующих экономических, социальных, этнических, политических различий между штатами, а в некоторых случаях даже их углублению и формированию новых различий. Напротив, внутри самих мононациональных штатов происходит стирание некоторых внутренних региональных различий, в результате чего отдельные штаты в экономическом отношении становятся внутренне более однородными. С другой стороны, по мере дальнейшего роста производительных сил в каждом отдельном национальном штате складывается и все более упрочивается общность хозяйственной жизни, усиливается экономическая консолидация наций.

Анализ положения в Индии позволяет сделать вывод о том, что ни разнородный этноязыковой состав населения *сам по себе* (если отдельные народы не имеют своих автономных административно-территориальных единиц), *ни само по себе* административно-территориальное деление, в частности федеративное устройство, страны (если оно не построено на этноязыковой основе) не оказывают такого большого воздействия на формирование экономических районов, как в том случае, когда оба эти фактора приведены в соответствие друг с другом. Современные границы штатов, словно некая жесткая решетка, как бы «наложились» на стихийный процесс районобразования и, не меняя его стихийного характера, вполне определенным образом воздействуют на него, пространственно его направляют. Можно говорить о явно выраженной тенденции к складыванию экономических районов на базе национальных штатов, многие из которых (одни в большей степени, другие в меньшей) уже обладают рядом существенных признаков экономического района. Во всяком случае, сейчас трудно представить себе систему генерального интегрального экономического районирования Индии вне существующей федеративной структуры страны.

Однако в то же время необходимо видеть и другой аспект проблемы. С одной стороны, в ходе реорганизации штатов политическая и хозяйственная автономия была предоставлена не *экономическим* районам (очерченным в соответствии с той или иной научной экономической концепцией или с какими-либо практическими хозяйственными нуждами), а *национальным* территориям. С другой стороны, влияние национального и административно-политического факторов, как бы велико оно ни было, все же не является всеобъемлющим. Поэтому в Индии процесс формирования экономических районов не совсем укладывается в «прокрустово ложе» федеративных границ, и было бы неправильно без оговорок называть национальные штаты Индии экономическими районами (если вкладывать в последнее понятие тот смысл, который имеется в виду при районировании унитарных государств или федераций с однородным национальным составом населения, а также при переходе к следующим, более низким таксономическим этапам районирования самой Индии — к районированию самих национальных штатов). В специфических условиях Индии штаты представляют особую разновидность регионального деления, которой трудно найти ана-

логию в других странах и сущность которой лучше всего можно передать термином «административно-экономический» или, что для большинства из них еще более точно, «административно-национально-экономический район».

Следует подчеркнуть, что абсолютная и относительная сила районобразующего воздействия трех рассматриваемых факторов (административно-политического, национального и экономического), характер их взаимодействия и противоречий между ними и соответственно конечный результат — их «равнодействующая», а также тенденция будущего складывания и трансформации экономических районов не одинаковы в различных частях страны. Одни штаты представляют собой территориально-хозяйственные единицы, весьма близкие к крупным экономическим районам в обычном понимании этого термина, другие же никак нельзя считать таковыми. Примером административно-национально-экономического района, в котором все три названных компонента образуют более или менее единое целое, могут служить штаты Западная Бенгалия [см.: 25] и Керала, примером противоположного характера (среди национальных штатов) — Андхра Прадеш и Махараштра.

Проблема влияния национального состава населения Индии на формирование и трансформацию экономических районов в этой стране чрезвычайно сложна и еще недостаточно изучена в специальной литературе (некоторые важные аспекты этой проблемы рассмотрены нами в статьях: 22; 25; 59). Важный вклад в ее изучение призвана внести этническая география.

* * *

Выше мы кратко охарактеризовали основные особенности этноязыковой ситуации в Индии с географической точки зрения и определили ряд задач, стоящих перед этногеографией как наукой. Таковыми, по нашему мнению, являются: изучение национального состава населения Индии и составление комплексных этногеографических характеристик каждого народа страны, разработка типологии расселения народов, разработка типологии этнических районов и этническое районирование Индии, исследование связей между этногеографией и природной средой, между этногеографией и административно-территориальным делением страны, между этногеографией и экономической географией (в частности, между этническим и экономическим районированием). При этом важной формой решения этих задач может стать серия монографических исследований этноязыковой ситуации в каждом из штатов Индии.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И., Критические заметки по национальному вопросу, — Полное собрание сочинений, т. 24.
2. Берзина М. Я., Карта народов Индостана, М., 1956.
3. Берзина М. Я., Народы Южной Азии (карта), — «Атлас народов мира», под ред. С. И. Брука и В. С. Апенченко, М., 1964.
4. Берзина М. Я., Народы Южной Индии и Цейлона (карта), — там же.
5. Берзина М. Я., Народы Северной Индии и Непала (карта), — там же.
6. Ганковский Ю. В., Народы Пакистана (Основные этапы этнической истории), М., 1964.
7. Ганковский Ю. В., Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане, М., 1967.

8. Ганковский Ю. В., Об автономистских движениях в странах Южной Азии,— «Мировая экономика и международные отношения», М., 1970, № 8.
9. Дьяков А. М., Национальный вопрос в современной Индии, М., 1963.
10. Дьяков А. М. и Сахаров И. В., О характере этнолингвистической статистики Индии (Обзор языкового тома переписи населения 1961 г.),— «Индия — страна и народ», кн. 2, М., 1972 («Страны и народы Востока», вып. XII).
11. Дьяков А. М. и Сахаров И. В., Языковой состав населения Индии (Краткий региональный обзор по данным переписи 1961 г.),— «Индия — страна и народ», кн. 2, М., 1972 («Страны и народы Востока», вып. XII).
12. Народы Южной Азии. Индия, Пакистан, Непал, Сикким, Бутан, Цейлон и Мальдивские острова, М., 1963 («Народы мира. Этнографические очерки»).
13. Нигам Р. Ч., Языки Индии и роль переписей населения в изучении языковой ситуации в стране,— «Индия — страна и народ», кн. 2, М., 1972 («Страны и народы Востока», вып. XII).
14. Петров В. В., О современных изменениях политико-административных границ в Республике Индии,— «Ученые записки кафедр географии и экономики стран Востока», вып. 3, М., 1960 (Ин-т междунар. отношений).
15. Рой Бёрман Б. К., Некоторые особенности размещения «зарегистрированных племен» Индии,— «Индия — страна и народ», кн. 2, М., 1972 («Страны и народы Востока», вып. XII).
16. Сахаров И. В., Об изучении проблемы экономического районирования Индии,— «Проблемы востоковедения», 1959, № 1.
17. Сахаров И. В., Новое административное деление Индии,— «Страны и народы Востока», вып. I, М., 1959.
18. Сахаров И. В. и Бонифатьева Л. И., [рец. на кн.:] Княжинская Л. А., Западная Индия (М., Географгиз, 1959),— «Проблемы востоковедения», 1960, № 4.
19. Сахаров И. В., О специфике национального состава населения Западной Бенгалии,— «Индия — страна и народ», М., 1967 («Страны и народы Востока», вып. V).
20. Сахаров И. В., Миграции и некоторые особенности национального состава населения Западной Бенгалии,— «Материалы Второго межведомственного совещания по географии населения (Москва, 30 января — 4 февраля 1967 г.), вып. II, симпозиумы четвертый и пятый», М., 1968.
21. Сахаров И. В., Уровень экономического развития и отраслевая структура народного хозяйства Западной Бенгалии (в сравнении с соседними штатами Индии),— «XXI Гершенковские чтения (Межвузовская конференция). География и геология. Программа и краткое содержание докладов. Декабрь 1968 г.», Л., 1968.
22. Сахаров И. В., Национальный состав населения и федеративное устройство как факторы формирования экономических районов в Индии,— «Экономическое районирование развивающихся стран», М., 1968 («Вопросы географии», сб. 76).
23. Сахаров И. В., Основные особенности этнолингвостатистики Индии (Доклад на I Всесоюзной конференции индологов. Москва, декабрь 1970 г.), Л., 1970.
24. Сахаров И. В., Основные особенности этногеографии Индии,— «География и развивающиеся страны (Проблемы использования природных и трудовых ресурсов). Тезисы докладов (29 января — 3 февраля 1971 г.)», М., 1970.
25. Сахаров И. В., Западная Бенгалия как административно-национально-экономический район,— «XXIV Гершенковские чтения. География и геология. Краткое содержание докладов», Л., 1971.
26. Сахаров И. В., Явление территориальной непрерывности (гибридности) как проблема этнической географии (на примере Индии). Доклад на симпозиуме «Проблемы географии населения и поселений». 5—10 октября 1971 г. (Варна, Болгария), Л., 1971.
27. Спейт О. Х. К., Индия и Пакистан. Общая и региональная география, М., 1957.
28. Чернышев В. А., К вопросу о формировании национальных языков в Бихаре (на примере майтхили),— «Языковая ситуация в странах Азии и Африки», М., 1967.
29. Чернышев В. А., К вопросу о специфике языковой ситуации в областях распространения хинди,— «Народы Азии и Африки», 1968, № 2.
30. Чернышев В. А., Диалекты и литературный хинди, М., 1969.
31. Шапошникова Л. В., Борьба народов Индии за национальное самоопределение и реорганизацию штатов (1950—1956),— «Индия и Афганистан», М., 1958.
32. Юревич Л. И., Борьба народов Индии за реорганизацию штатов на национальной основе (1947—1956 гг.),— «Ученые записки кафедры истории стран Востока», вып. I, Вопросы истории стран Востока (Ин-т междунар. отношений), М., 1958.
33. Юревич Л. И., Нагаленд (К истории создания нового штата Индии),— «Экономика и история Индии и Пакистана», М., 1966.
34. Annual Survey of Industries 1960, vol. I, Calcutta — Delhi, 1963.
35. Bose N. K., Calcutta: a Premature Metropolis,— «Scientific American», 1965, vol. 213, № 3.

36. Bose N. K., A Social Survey of Calcutta,—«Science and Culture», 1965, vol. 31, № 12.
37. Bose N. K., Calcutta: 1964. A Social Survey, Bombay, 1968.
38. Chandra Sekhar A., Regional Variation in Development as Reflected by Certain Population Characteristics in Andhra Pradesh, India. [Paper Submitted to the] 21st International Geographical Union Congress — Pre-Congress Symposium S/21, «Population Geography», New Delhi (27th—30th November, 1968), New Delhi, 1968.
39. Census of India. 1951, vol. VI. West Bengal, Sikkim, Chandernagore, pt I-A. Report, by A. Mitra, Delhi, 1953.
40. Census of India, Paper № 6.—1955. Working Population in Calcutta Industrial Region — Distribution by Industry, Place of Birth and Educational Attainment — 1951 Census, Delhi, 1958.
41. Census of India, Paper № 1 of 1962, Final Population Totals — 1961 Census, Delhi, 1962.
42. Census of India 1961, vol. I. India, pt I-A(i). Levels of Regional Development. Text, by A. Mitra, Delhi, 1965.
43. Census of India, 1961, vol. I. India, pt I-A(ii). Levels of Economic Development. Tables, by A. Mitra, Delhi, 1966.
44. Census of India, 1961, vol. I, Indiz, pt II-C(ii). Language Tables, Delhi, 1964.
45. Census of India 1961, vol. I, India, pt V-A(ii). Special Tables for Scheduled Tribes, Delhi, 1966.
46. Census of India 1961, vol. VIII. Madhya Pradesh, pt V-A(ii). Special Tables for Scheduled Tribes, Delhi, 1966.
47. Census of India 1961, vol. X. Maharashtra, pt V-A. Scheduled Castes and Scheduled Tribes in Maharashtra, Delhi, 1964.
48. Census of India 1961, vol. XVI. West Bengal and Sikkim, pt II-C(i). Social and Cultural Tables, Delhi, 1965.
49. Census of India 1961, vol. XVI. West Bengal and Sikkim, pt II-C(ii). Migration Tables, Delhi, 1966.
50. Davis K., The Population of India and Pakistan, Princeton, 1951.
51. Distribution of National Income by States 1960—61, New Delhi, 1965.
52. Grierson G. A., Linguistic Survey of India, vol. I—XI, Calcutta, 1902—1929.
53. Income and Structure of Manufacturing Industry 1960—61 (A Statewise Analysis), New Delhi, 1964 (NCAER. Occasional Paper № 8).
54. Inter-District and Inter-State Income Differentials — 1955/56, New Delhi, 1963 (NCAER. Occasional Paper № 6).
55. Kelkar A. R., Studies in Hindi — Urdu, vol. I. Poona, 1968.
56. Mitra A., Calcutta — India's City, Calcutta, 1963.
57. Roy Burman B. K., Structure of Bridge and Buffer Communities in the Border Areas,—«Man in India», 1966, vol. 46, № 2.
58. Roy Burman B. K., Pattern of Distribution of the Scheduled Tribes of India and its Possible Implications,—«A Collection of Papers of Dr. B. K. Roy Burman, Deputy Registrar General (Social Studies)», [6. r., 6. m.].
59. Sakharov I. V., Ethnic Composition of the Population and the Federative Structure as Factors of the Formation of Economic Regions in India,—«Problems of Economic Regionalisation in the Developing Countries», Moscow, 1968.
60. Sen S. N., The City of Calcutta. A Socio-Economic Survey 1954—55 to 1957—58, Calcutta, 1960.
61. West Bengal Labour Year Book, 1958, [6. m.], 1960.

Г. В. Сдасюк

**ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЙОНИРОВАНИЯ
И РЕГИОНАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ИНДИИ
НА XXI МЕЖДУНАРОДНОМ ГЕОГРАФИЧЕСКОМ КОНГРЕССЕ
(Нью-Дели, 1968)**

Обсуждение теоретических и прикладных аспектов экономического районирования и регионального планирования заняло одно из главных мест в работе XXI Международного географического конгресса, в центре внимания которого стояли актуальные географические проблемы стран «третьего мира».

В Дели перед открытием конгресса, с 22 по 26 ноября 1968 г., проходил симпозиум «Региональное планирование», привлекая большое число участников, в том числе почти всех индийских специалистов, занимающихся этими вопросами.

Знаменательно, что обращение президента Международного географического союза проф. Ш. Чаттерджи при открытии конгресса «К всемирному миру и гармонии: взаимоотношения между развитыми и развивающимися странами» заканчивалось изложением опыта экономического районирования Индии [9].

Вопросы регионального планирования широко освещались на пленарной сессии конгресса «Географические проблемы развивающихся стран», особенно в совместном докладе В. В. Вольского, А. Р. Куклинского, Ш. Радо. Им было уделено основное внимание и на пленарной сессии «География Индии и планы развития», которую открыл проф. Д. Р. Гадгил, заместитель председателя Плановой комиссии Индии. На этой сессии большой интерес вызвало выступление главы советской делегации акад. И. П. Герасимова о создании силами институтов географии и этнографии АН СССР и Организацией генерального регистратора Индии монографии «Экономическое районирование Индии: проблемы и подходы» [34]. Проблемы районирования для целей планирования заняли центральное место и в работе секции региональной географии, где они почти вытеснили традиционные описательные темы, посвященные отдельным территориям. Большое внимание уделялось им и в работе секции экономической географии. Насыщенно проходили заседания комиссии по методам экономического районирования, которая подводила итоги своей плодотворной восьмилетней деятельности. Вопросы районирования и планирования обсуждались и на других заседаниях конгресса. Так, симпозиум по географии населения открылся докладом польского ученого А. Куклинского о программах региональных исследований Научно-исследовательского института социального развития ООН (ЮНРИСД).

Серия докладов на эти темы была представлена учеными социалистических стран. Известный польский географ проф. С. Лещицкий выступил с докладом на тему, которой он занимается много лет: «Карта политико-экономических районов мира»¹. Советский опыт региональных исследований и практики регионального развития излагался в докладе акад. Н. Н. Некрасова. А. А. Минц выступил с докладом на тему «Территориальные сочетания природных ресурсов — их изучение и экономическая оценка для целей регионального планирования».

Среди материалов конгресса была распространена книга, подготовленная географами Чехословакии, — «Функции и формирование районов» [13]. Мирослав Стршида (ЧССР) подготовил сообщение «Прикладная география и региональное планирование в Чехословакии», а Коломан Иваничка выступил с докладом «Центры роста Словакии». Взаимоотношения географии и регионального планирования анализировались в докладе Х. Кёля (ГДР); вопросу границ экономических районов была посвящена работа болгарского географа Христо Маринова и др.

Западные географы представили обзорные доклады об опыте регионального планирования в Великобритании (М. Вайз), в ФРГ (доклад И. Умлауфа представлял В. Л. С. Пракаша Рао), во Франции (Лоуренс Д. Манн и Джордж Дж. Пиллорге).

Однако естественно, что большинство региональных исследований было посвящено Индии и принадлежало индийским авторам.

Многочисленные² и весьма разнообразные работы по экономическому районированию Индии, проблемам регионального планирования, проблемам развития отдельных территорий и районов, представленные на конгрессе, — результат систематических исследований, которые ведутся научно-исследовательскими учреждениями, географическими отделениями университетов и рядом ученых Индии. Многие из них проводятся по заказу правительственных органов и субсидируются последними.

Специальная глава индо-советской монографии «Экономическое районирование Индии: проблемы и подходы», изданной к открытию конгресса, посвящена анализу основных концепций интегрального экономического районирования, разрабатываемых в Индии. Выделяются следующие основные концепции «районирования для планирования», имеющие принципиально важное значение и представленные большими конкретными работами:

1) Природно-экономическое районирование — как бы переходная ступень от традиционного описательного «общегеографического» районирования к районированию экономическому. Это направление представлено работами проф. В. Л. С. Пракаша Рао (Географическое отделение Делийского университета), Л. С. Бхата (отдел региональных исследований Индийского статистического института), В. Натха (Плановая комиссия), С. Чандрасекхара (Организация городских и районных планировок) и др. Основные принципы выделения природно-экономических районов — внутренняя гомогенность природных и экономических условий и максимальные различия с соседними территориями.

2) Ресурсно-энергетическое районирование разрабатывается в основном индийскими инженерами-энергетиками, работниками Центральной водно-энергетической комиссии — К. Л. Виджем, С. К. Чандраном и др. Для этой концепции характерно рассмотрение энергетической

¹ Резюме этого и большинства других докладов, на которые делаются ссылки в данной статье, опубликованы в сборнике тезисов конгресса [2].

² Всего, по нашей оценке, на XXI конгрессе было представлено до 50 докладов по вопросам регионального развития Индии. Резюме многих из этих докладов вошли в сборник [2].

основы как ведущего районообразующего фактора, а также инженерный, конструктивный подход к выделению районов с учетом задач перспективного развития.

3) Штаты остаются в Индии пока единственными официально используемыми районами планирования, поэтому естественно, что в стране широко ведутся работы по изучению их ресурсов, возможностей и тенденций развития. Национальным советом прикладных экономических исследований опубликована многотомная серия «Технико-экономические обзоры» по всем штатам и территориям центрального подчинения, в которых обосновываются перспективы развития на 10—15 лет. Главный недостаток этих работ тот, что каждый штат рассматривается как отдельный, изолированный от других территорий «район планирования». При этом хозяйство штатов изучается лишь в отраслевом разрезе.

4) Комплексное экономическое районирование развивается в Индии примерно с 60-х годов. Для него характерен учет многих факторов, влияющих на формирование экономических районов. Большое внимание уделяется экономической оценке природных условий и естественных ресурсов. Но главное — производственный принцип районообразования, причем ведущими факторами признаются энергетика, комплексное гидротехническое строительство, развитие промышленности и в связи с этим процесс урбанизации. Наиболее полно и последовательно это направление было представлено в работах Ф. Сен Гупты, умершей накануне открытия конгресса. Она опубликовала на эту тему ряд статей, подытожив свои исследования в этой области в индо-советской монографии, упоминавшейся выше.

Разработка комплексного экономического районирования в целях перспективного планирования Индии в большой степени происходит в результате индо-советского научного сотрудничества в этой области. Важное значение имели поездки в Индию советских ученых И. В. Комара и К. М. Попова (1961 г.), А. М. Рябчикова и В. А. Николаева (1961—1962 гг.), которые были наряду с автором данной статьи приглашены Индийским статистическим институтом специально для разработки проблем экономического районирования³. Подготовка и проведение XXI Международного географического конгресса в Дели укрепили индо-советское научное сотрудничество в этой области. Большой интерес в Индии к опыту советского экономического районирования и возможностям его применения в специфических местных условиях проявлялся как в активных обсуждениях этих проблем на самом конгрессе, так и в довольно широком освещении этих вопросов в индийских газетах⁴.

Обзор опытов районирования для планирования Индии стал предметом специального доклада индийских географов К. В. Сундарамы и В. Л. С. Пракаша Рао [37]. Многозначительно заявление авторов обзора о том, что «в современном мире нет страны, которая не признавала бы необходимости регионального планирования». Но авторы подчеркивают, что, «в то время как существует полное согласие о необходимости регионального планирования, мнения расходятся относительно целей и задач такого планирования». Сами авторы дают следующее, весьма спорное определение регионального планирования, состоящего, по

³ Часть статей советских географов, подготовленных во время работы в Индийском статистическом институте, была опубликована в роталпринтном сборнике [32].

⁴ В частности, во время работы конгресса в газете «National Herald» от 12 декабря 1968 г. была опубликована статья автора об изучении проблем экономического районирования Индии советскими и индийскими географами.

их мнению, в основном в подготовке интегрированного плана использования земель и развития сети населенных пунктов в выделенном районе. Далее они развивают эту мысль, считая, что региональное планирование представляет собой продолжение и развитие в новой форме опыта городских планировок. Многие в таком понимании объясняется их ссылкой на английский опыт в этой области⁵. В соответствии со своим пониманием сущности регионального планирования авторы обзора выдвигают на одно из первых мест работы в области городских планировок, специально останавливаясь на опыте подготовки генерального плана развития и реконструкции Дели. При характеристике других типов региональных исследований Сундарам и Пракаша Рао большое место отводят работам отдела региональных исследований Индийского статистического института, причем особо отмечают «Атлас ресурсов» и том «Региональный синтез» по штату Майсур, подготовленные под руководством британского географа А. Т. А. Лермонта. Продолжением этих работ явились книга Пракаша Рао «Города штата Майсур» и статья, написанная им в соавторстве с Л. С. Бхатом, «Районы планирования штата Майсур — необходимость изменения границ дистриктов». Отдел подготовил также макрорегиональный обзор Южной Индии (штаты Тамилнаду, Майсур, Керала и Андхра Прадеш), в котором выделены «физико-географические комплексы, ядра районообразования, территории распространения ведущих сельскохозяйственных культур, территориальное размещение промышленных предприятий, потенциальные ресурсы и отсталые территории».

В докладе Сундарамы и Пракаша Рао упоминаются технико-экономические обзоры штатов Индии, опубликованные Национальным советом прикладных экономических исследований. Подчеркивается большая роль опубликования Национального атласа Индии на языке хинди в 1957 г. (масштаб 1:5 млн.) и отдельных листов основного английского издания (масштаб 1:1 млн.), которые были выпущены к открытию конгресса. В годы третьей пятилетки (1960/61—1965/66) впервые центральное правительство выделило прямые ассигнования (в размере 30 млн. рупий) на разработку городских и районных плацировок. В результате департаментами городского планирования в штатах и в центре была начата разработка 72 проектов развития метрополитенских центров, столиц штатов, портовых городов, быстро растущих промышленных центров и центров туризма и паломничества. К сожалению, результаты этих работ, а также их связь с общими проблемами регионального планирования в представленном докладе не были проанализированы.

На XXI Международном географическом конгрессе были представлены разные школы и концепции экономического районирования, разрабатываемые в Индии в целях перспективного планирования, причем ведущее место заняли сообщения о результатах коллективных работ научных, научно-учебных и проектных учреждений, изучающих эти проблемы. Были представлены работы разного территориального охвата и разного таксономического ранга, однако их объединяло общее целевое назначение — обоснование перспектив наиболее рационального, комплексного развития хозяйства территорий — и внутренняя логика поисков объективных критериев и методов, обеспечивающих достижение этой общей цели. Ниже мы попытаемся кратко охарактеризовать основные обсуждавшиеся на конгрессе проблемы регионального планирования Индии в районах разного таксономического ранга, начиная с низшего территориального уровня.

⁵ В частности, одним из лучших выражений сути регионального планирования они считают книгу [25].

Ряд докладов индийских ученых был посвящен характеристике ресурсов, проблем развития и регионального планирования в дистриктах — основных административно-территориальных единицах низшего ранга в Индии. Это доклады П. С. Агарвала «География и региональное планирование в дистрикте Бастар, штат Мадхья Прадеш», Р. К. Нигама «План регионального развития дистрикта Сехор, Мадхья Прадеш», Б. Аруначалама «Потенциальные ресурсы района Южного Ратнагири», Пандит Патанкара «Планирование в микрорайонах — на примере дистрикта Вардха» и др. Исследования такого рода прямо связаны с «планированием снизу», которое официально провозглашено важнейшим средством привлечения к участию в процессе планирования широких народных масс и осуществления гандистского принципа «антѐ-даи» — равного распределения полученных материальных благ.

Первый и наиболее законченный опыт такого рода — исследование ресурсов и перспектив регионального развития дистрикта Вардха (Махараштра), разработка которого была предпринята Институтом экономики и политики им. Гокхале (Пуна) еще с начала 60-х годов под руководством проф. Д. Р. Гадгила (бывшего в то время директором этого института) [39]. План развития дистрикта Вардха делится на три основные части: 1) районно-географическую, в которой сделан упор на проблемы развития внутрирайонного транспорта; 2) предложения по охране и использованию природных ресурсов; 3) развитие сельской промышленности. Территория дистрикта была разделена на шесть микрорайонов, «как можно более однородных по почвенным условиям, использованию земель, возделываемым сельскохозяйственным культурам и наличию ирригации». В своем докладе на конгрессе Пандит Патанкар [27], один из ведущих участников этих исследований, основное внимание уделит проблеме подъема и усиления сельскохозяйственной специализации микрорайонов путем развития торговых кооперативов и консолидации этих территорий вокруг местных торговых центров — манди. В качестве конкретного примера приводилась рекомендация об изменении специализации территории, тяготеющей к торговому центру Арви, — к переходу от маслоделия на поставки свежего молока. Такой переход связан с изменением в использовании выгоннопастбищных угодий, улучшением дорожной сети, средств доставки, последующим подключением к молочной зоне снабжения Нагпура и т. д. Отмечалось, что такое изменение специализации вызовет и важные социальные последствия: относительное освобождение женского труда, сокращение перегонов скота и миграций населения и др.⁶

Изучение местных ресурсов, попытки микрорайонирования и составления планов развития дистриктов на такой территориальной основе — большой шаг вперед в развитии научно обоснованного планирования в Индии. Однако ход дискуссий на XXI конгрессе показал, что перед индийскими географами стоят большие задачи по выработке методико-методологических основ такого рода исследований, и в частности методики оценки земель, крупномасштабного картирования, организации полевых исследований и т. п. Индийские географы, и особенно работники Института им. Гокхале, заинтересовались опытом советской географии в этой области, с которым, как выяснилось, они почти не знакомы.

⁶ Характерно, что на конгрессе был поставлен и общий доклад о роли традиционных рынков в развивающихся странах, автор которого Б. У. Ходдер (Великобритания) считает, что «местный рынок и местный обмен товарами могут сыграть решающую роль в экономической географии страны и в попытках воздействовать на существующее производство, распределение и потребление» [2, 207].

На конгрессе обсуждалась принципиально важная проблема рациональности самой территориальной основы — административных округов (дистриктов) — для разработки комплексных планов развития. Хотя многочисленные конкретные примеры (в том числе и дистрикта Вардха) показывают, что в большинстве случаев границы дистриктов не имеют природной, экономической либо этнолингвистической основы, однако в то же время «административное районирование представляет собой чрезвычайно консервативную и устойчивую систему» [2, 339]. В результате возникает задача, с одной стороны, выявления сетки объективно существующих экономических районов низшего ранга, с другой — практического использования этой основы при разработке планов применительно к существующей административно-территориальной сетке, которая, как правило, не совпадает с первой.

На конгрессе довольно широко была представлена «городская» индийская тематика в связи с проблемами регионального планирования и развития. В докладах Харговинд Раи «Защита земель и разрастания Джабалпура, Мадхья Прадеш», Уджагир Сингха «Проблемы разрастания некоторых городов долины Ганга» анализировались проблемы быстрого роста конкретных городов, что связано обычно с бессистемной застройкой ценных сельскохозяйственных земель. В Индии с ее острым земельным голодом это явление принимает особенно болезненные формы. В общем, в докладах этой категории основное внимание уделялось взаимоотношению города с окружающей его местностью, а также внутригородским проблемам.

Работники Организации городских и районных планировок С. С. Чандрасекхар и К. В. Сундарам выступили с сообщением «Метрополитенские центры и районы в Индии», в котором изложили результаты эмпирического изучения двенадцати крупнейших городов страны. В качестве критериев определения значимости этих городов и их «ранга» были взяты следующие показатели: темпы роста — во времени и пространстве, расстояние между городами, размеры, морфология города и его функции. Авторы пришли к выводу, что шесть крупнейших городов Индии обладают характерными чертами метрополитенских центров — Бомбей, Калькутта, Дели, Мадрас, Бангалур и Ахмадабад; Хайдарабад и Канпур, по их мнению, находятся в стадии приближения к метрополитенским центрам; Пуна, Нагпур, Лакхнау и Агра пока лишь «районные центры». Авторы обратили внимание на различие терминов «метрополитенская территория» и «метрополитенский район».

Однако классификация С. С. Чандрасекхара и К. В. Сундарам не получила полного одобрения. По мнению С. Д. Дешпанде, сделавшего доклад «Региональное планирование и физико-географические условия метрополитенского района Пуны», а также С. Манзур Алама, К. Н. Гопи и В. А. Кхана (Хайдарабадская планирующая метрополитенская организация), выступивших с докладом «Планирование метрополитенского района на примере Хайдарабата» [3], оба эти города могут рассматриваться как сложившиеся метрополитенские центры. Доклад по Хайдарабату, сделанный работниками специальной проектной организации, был особенно интересен тем, что вышел за традиционные рамки детальной планировки городов. Однако слабость этой работы в большой степени обусловлена тем, что проекту планировки Хайдарабата и плану развития Хайдарабадского метрополитенского района (радиусом в 40 миль) не предшествовала разработка сетки экономических районов более высокого ранга с определением их взаимосвязанных проблем регионального развития, а также разработка схемы планировки Хайдарабадского промышленного узла и прилегающего района [15].

Новый подход к изучению городов как районообразующих центров получил дальнейшее развитие в докладах В. Б. Трипати «Тенденции и планирование размещения промышленности в Канпурском районе, Уттар Прадеш» (причем этот район рассматривается в составе восьми дистриктов, тяготеющих к Канпуру) и Т. Б. Лахири (Калькутская метрополитенская планирующая организация) «Построение регионального плана на примере Халдии, Западная Бенгалия» [23]. Лахири анализирует роль Халдии — нового порта, создаваемого для разгрузки Калькутты, — и его взаимодействие с районами трех рангов: с близлежащей территорией площадью 160 кв. миль, которую автор называет «ядром», с мезорайоном, границы которого определяются возникающей системой крупнейших городов штата (Калькутта — Кхарагпур — Миднапур — Халдия), и с «внешним» районом — хинтерландом. Как справедливо подчеркивает Лахири, региональный план должен строиться в этих трех масштабах. Перспективы хозяйственного развития районов указанных таксономических рангов находятся под воздействием (различным по функциям и интенсивности) Халдии — нового центра роста.

Доклад о Халдии, являясь опытом регионального планирования типа «город — район», в то же время принадлежит к чрезвычайно важной новой категории экономико-географических исследований крупных новостроек и их роли в формировании промышленно-территориальных комплексов и экономических районов, а также в социально-экономическом подъеме окружающей территории. Естественно, что эта жизненно важная для развивающихся стран проблема привлекла живое внимание участников конгресса. Центральное место заняло обсуждение развития Дамодарской долины — главного угольно-металлургического района Индии, где осуществляется первый и единственный в стране проект комплексного развития речного бассейна. Участники конгресса получили сборник из 30 карт масштабом 1:1 млн. из готовящегося «Атласа планирования района Дамодарской долины» [33]. Это первая печатная продукция Объединенного комитета диагностического обзора Дамодарской долины (Joint Committee for Diagnostic Survey of the Damodar Valley Region), учрежденного по рекомендации Плановой комиссии Индии в 1958 г. Работы комитета финансируются министерством энергетики и ирригации через Корпорацию Дамодарской долины⁷. Участниками комитета, призванными осуществить комплексные исследования района, являются географические отделения университетов Калькутты и Патны, а также Технологический институт в Кхарагпуре. К сожалению, как отмечалось в упоминавшемся выше обзоре Сундарама и Пракаша Рао, «эти исследования являются главным образом академическими упражнениями, выполненными тремя различными учреждениями, из которых каждое действует независимо, без координации и сотрудничества с правительственными организациями района и проводимыми полевыми работами». В докладе К. С. Шиварамакришна-на, директора Планирующей организации Асансола, также говорилось: «Если бы диагностические исследования, как предполагает само название, были проведены быстро, участвующие в них штаты и центр могли бы располагать лучшей оценкой перспектив по использованию возможностей долины и пониманием необходимости сотрудничества». Таким образом, индийские ученые с сожалением констатировали на конгрессе, что благоприятная возможность проведения комплексных географиче-

⁷ В 1948 г. для осуществления комплексного развития бассейна р. Дамодар центральное правительство и правительства штатов Западная Бенгалия и Бихар учредили автономную организацию — Корпорацию Дамодарской долины.

ских исследований в районе первостепенной важности не была использована с должной эффективностью — упущен прекрасный случай для «самоутверждения» географии в Индии как науки, обеспечивающей научный базис регионального планирования. Это тем более важно, что развитие Дамодарского района сталкивается с большими трудностями, преодоление которых требует конструктивных географических исследований.

Проблемам регионального планирования и развития Дамодарского бассейна были посвящены два специальных доклада на конгрессе — С. Р. Патхака [28] и упоминавшийся выше доклад Шиварамакришнана [35]. Последний доклад был особенно интересен постановкой конкретных вопросов развития Дамодарского района, связанных с изучением и решением ряда проблем регионального планирования общего значения.

В ходе индустриализации независимой Индии на северо-востоке страны сформировался крупнейший в стране Калькуттско-Дамодарский промышленный район, основой развития которого послужило уникальное сочетание полезных ископаемых плато Чхота Нагпур и Дамодарского бассейна, где сконцентрированы основные угольные запасы страны (в том числе весь коксующийся уголь), богатейшие металлические руды и нерудные полезные ископаемые. Большую роль сыграли выгоды экономико-географического положения и прежде всего близость к Калькутте — центру фабричной обрабатывающей промышленности (в основном джутовой). В годы независимости общегосударственную специализацию района все более определяют угольно-металлургическая промышленность и тяжелое машиностроение. Четко оформившийся Калькуттско-Дамодарский промышленный пояс состоит из ряда промышленных центров, вытянувшихся на северо-запад от Калькутты вдоль долины р. Дамодар и связанных между собой единой энергосистемой и транспортной сетью. В средней части бассейна Дамодара выделяется сгусток новых быстро растущих промышленных городов: Дургапур — крупнейший промышленный комплекс, выросший за годы независимости из деревни; группа городов Бурнпур — Култи — Асансол, где размещаются частные предприятия черной металлургии и алюминиевой промышленности; Читтарджан — крупнейший в стране центр локомотивостроения; Синдри, где действует самый мощный в стране государственный комбинат азотных удобрений; Дханбад — центр угледобычи и машиностроения. На плато Чхота Нагпур развиваются промышленные центры того же типа: Джамшедпур — центр металлургии и тяжелого машиностроения; Ранчи — растущий комплекс машиностроительных предприятий.

Естественно, что именно в этом районе с наибольшей силой проявилась потребность в региональном планировании. С этой целью правительством Западной Бенгалии в 1962 г. была создана Калькуттская метрополитенская планирующая организация, в 1964 г. — Планирующая организация Асансола, а затем Организация по планированию Дургапуре. Почти одновременно правительство штата Бихар создало аналогичные планирующие организации в Дханбаде и Ранчи. Но, как подчеркнул С. Р. Патхак, «региональное развитие не координируется должным образом, и планирование охватывает лишь отдельные изолированные участки». Это прямо перекликается с заявлением Шиварамакришнана о том, что «единственный значительный эксперимент и ожидание плодов межштатного регионального планирования и развития остаются невыполненными». По его мнению, «главная причина этой неудачи заключается в том, что с самого начала Корпорация Дамодар-

ской долины не имела полномочий подготовить и осуществить региональный план развития хотя бы в общем виде, несмотря на то что все ее программы носят региональный характер». Будучи директором одной из местных региональных планирующих организаций, Шиварамакришнан имел тем больше оснований прийти к неизбежному выводу о «трудностях планирования для микрорайона при отсутствии перспектив развития для более крупного района». В его докладе были приведены факты, убедительно показывающие, как из-за отсутствия комплексного регионального планирования для всего Дамодарского района развитие Дургапурского промышленного центра (в котором уже возникло около 50 предприятий тяжелой индустрии) сталкивается с серьезными трудностями водоснабжения, обеспечения рабочей силой, транспортировки.

Обсуждение сложных проблем развития Дамодарского района и слабости Корпорации Дамодарской долины как автономной региональной организации вплотную подвело участников географического конгресса к рассмотрению вопроса о роли национальных штатов в системе регионального планирования и развития Индии. Однако этот вопрос не привлек должного внимания.

В то же время доклады по проблемам развития отдельных штатов Индии заняли значительное место в работе экономико-географических секций и комиссий конгресса. Там говорилось о конкретных проблемах использования ресурсов и регионального планирования в Уттар Прадеше (доклад Манеш Н. Нигам), Раджастхане (Амул Кумар Сен), Харианы (Бела Рам), Мадхья Прадеша (Прамила Варма), Джамму и Кашмира (А. Н. Райна).

Профессор Чикагского университета Б. Дж. Л. Берри⁸ и профессор Делийского университета В. Л. С. Пракаша Рао представили совместный доклад «Дуализм города и деревни в региональной структуре Андхра Прадеша — проблема для регионального планирования и развития» [5]. Этот доклад наряду с общей краткой характеристикой внутренних районных различий штата содержит важные теоретические положения, выведенные на основе математической обработки большого статистического материала. 60 экономико-демографических показателей переписи населения 1961 г. по 189 тахсилам (административно-территориальным единицам низшего ранга, на которые делится дистрикты) Андхра Прадеша были обработаны методом многофакторного анализа. В результате были выявлены точные корреляционные связи между взятыми показателями и проведено районирование территории штата. Один из главных выводов, к которому приходят авторы на основании анализа полученных материалов, заключается в установлении «ярко выраженной полярности между развивающимися метрополиями и неменяющейся деревней», «дуализма» (раздвоенности) их экономики — изолированности традиционного, отсталого сельского хозяйства от урбанизированных, промышленных ареалов. Останавливаясь на теории регионального развития молодых государств, разработанной Дж. Фридменом, на процессе «разбрызгивания» (trickle-down process) индустриа-

⁸ Брайан Берри, один из ведущих американских специалистов в области применения математических методов в географии, приступил к изучению современных проблем регионального развития и планирования Индии в начале 60-х годов в качестве одного из экспертов Калькуттской метрополитенской планирующей организации (основанной с участием американского фонда Форда). В 1966 г. он с шестью младшими коллегами по Чикагскому университету опубликовал монографию [4]. В 1967 г. он участвовал в работе семинара по городскому и промышленному развитию Канпурского района, где выступил с важными теоретическими положениями, которые получили дальнейшее развитие в совместном докладе с Пракаша Рао на XXI конгрессе.

лизации и современных методов хозяйствования от крупных городов через систему более мелких городских поселений и рыночных центров к сельским местностям, авторы приходят к выводу, что «в Индии этот механизм действует слабо, если вообще действует». Это они объясняют тем, что «слаборазвитая система городской иерархии, существующая между метрополитенскими центрами и деревней в Индии, по происхождению преимущественно административная, а не экономическая, и ее генерирующие функции ослаблены». Главные причины слабости процесса территориально-экономической интеграции в Индии, по мнению Берри и Рао, объясняются быстрыми темпами роста населения, при которых «миграция сельского населения в города превышает темпы экономического роста метрополитенских центров». Авторы считают, что помимо политики контроля над рождаемостью, которая уже активно проводится в Индии, «проблема регионального планирования для любого района Индии заключается в организации систематической децентрализации промышленности при продолжающейся концентрации новейших крупных и капиталоемких производств в крупнейших метрополитенских центрах страны». Доклад Берри и Рао завершается выводом о том, что дуализм, характерный для региональной структуры Андхра Прадеша (как и для любого другого района Индии), может быть преодолен при региональном планировании, сочетающем политику «нисходящей децентрализации» (по Дж. Льюису [24]) с «восходящей централизацией» — от сельских местностей через развитие системы мелких рыночных городов (теория Е. А. Дж. Джонсона [19]).

Работа Берри и Рао интересна математическими методами исследования региональной структуры штата Андхра Прадеш. В ней ставится известная проблема «дуализма» производственно-территориальной структуры развивающихся стран. Однако вряд ли можно согласиться с интерпретацией сути этого явления, которую авторы видят главным образом в отсутствии адекватной системы городских поселений. Основную причину, очевидно, следует искать в отсталости социально-экономического строя индийской деревни и связанной с ней отсталости технической базы сельского хозяйства, препятствующей развитию широких производственных связей между современным промышленным городом и деревней. Отсюда вытекают и соответствующие задачи планирования вообще и регионального планирования в частности. Вызывает сомнения и справедливость тезиса о целесообразности дальнейшей концентрации крупного промышленного производства в крупнейших городах. Доклад Берри и Рао с многочисленными ссылками на американские исследования свидетельствует, насколько активно разрабатывают американские ученые проблемы регионального развития и планирования в странах «третьего мира».

На конгрессе был представлен и другой доклад американского ученого Дж. С. Фишера «Замечания о необходимости регионального (пространственного) планирования на уровне штатов в Индии» [12]. Однако этот доклад, написанный после недолгого пребывания в Индии ученого, который никогда ранее не занимался изучением этой страны, оставил впечатление весьма поверхностного изложения общих положений о целесообразности дополнения вертикально-отраслевого планирования горизонтально-пространственным — комплексным региональным планированием.

На конгрессе был заслушан и ряд конкретных докладов индийских географов о специфических проблемах развития районов среднего порядка в пределах штатов. Так, были доложены результаты интересно исследования, которое провели географы Бенаресского университета

С. Л. Кайастха и С. Н. Мисра, о развитии хозяйства и социально-экономических изменениях в отсталом, заселенном племенами районе Сонпар (на юго-востоке штата Уттар Прадеш) под воздействием современного крупного промышленного строительства [20]. С. Д. Коушик выступил с докладом «Региональное планирование в Восточном Химачал Прадеше». Среди материалов конгресса, которые получил каждый участник, был специально изданный сводный том «Индия. Региональные обзоры» (под ред. проф. Р. Л. Сингха) [16]. Эту книгу составляют 13 статей, дающих экономико-географические характеристики ряда мезорайонов страны: Восточного Уттар Прадеша (авторы Р. Л. Сингх и К. Н. Сингх), района тераев того же штата (Л. Р. Сингх), Южного Бихара (Дж. Сингх), Теленганы (М. Алам) и др. Будучи в основном описательного характера, книга содержит сводку ценного фактологического материала, полезного при разработке планов регионального развития.

Естественно, что при обсуждении проблем экономического районирования и регионального планирования Индии большое внимание привлекли опыты экономического районирования страны в целом. Как отмечалось, один из таких опытов был изложен в краткой форме в докладе президента XXI конгресса Ш. П. Чаттерджи. Представленная схема районирования явилась, по словам Чаттерджи, синтезом картирования (в масштабе 1:1 млн.) «основных данных о формах рельефа, климате, географии растительности, размещении населения, транспортной сети и местоположении промышленности». Была составлена «иерархия» экономических районов, включающая 136 подразделений низшего порядка (subdivisions), 40 дистриктов, 13 провинций и 3 района. Приведенный перечень данных, которые были приняты за основу при районировании, показывает, что Чаттерджи старался сохранить «баланс» между природными и населенческо-хозяйственными элементами. Он дал краткую характеристику 13 следующих провинций, которые он сгруппировал в три крупных района: на северо-западе — Западные Гималаи, Великие северные равнины, западные аридные равнины, центральные возвышенности, Гуджаратские равнины; в северо-восточном районе — Великие восточные равнины, северо-восточные горы, полуостровное восточное плато; в южном районе — северное деканское плато, южное деканское плато, восточное побережье, западное побережье, острова. В целом, насколько позволяет судить преамбула о принципах проведенного районирования, само название выделенных районов и их краткие характеристики (содержащие общие сведения о площади, населении, земельных, лесных и минерально-энергетических ресурсах, о сельскохозяйственной специализации и об отдельных промышленных центрах), данная работа представляет собой скорее опыт «общегеографического», а не экономического районирования, причем в качестве районов в основном выделяются физико-географические единицы, а в характеристиках преобладают экономико-географические показатели.

На одном из заседаний комиссии по методам экономического районирования обсуждался большой доклад «Районы планирования Индии», подготовленный Ш. П. Чаттерджи и С. С. Чандрасекхаром в сотрудничестве с В. Л. С. Пракаша Рао и Л. С. Бхатом при участии в качестве помощников К. В. Сундарамы и других сотрудников Организации городских и районных планировок [29]. В докладе отмечался прямой «заказ» индийского правительства и Плановой комиссии на разработку научно обоснованной схемы экономического районирования для целей перспективного планирования. Территории, выделенные в качестве «районов планирования», должны, по мнению авторов, удовлетворять

двум главным требованиям, а именно: быть рациональными с экономической точки зрения, под чем подразумевается рациональность развития производства и обеспечения занятости; обеспечивать «экологический баланс», под чем подразумевается борьба с деструкцией природы и взаимодополняемость природных ресурсов.

Рассматриваемый доклад, сложный по структуре и местами противоречивый, представляет результат большого коллективного труда. Знаменательно провозглашение в нем производственных принципов в качестве ведущих критериев экономического районирования. В излагаемой концепции явно прослеживается глубокое влияние советской теории экономического районирования. Так, авторы указывают, что в качестве крупных экономических районов должны выделяться территории, достаточно обширные по площади, чтобы обеспечить желаемую степень экономической рациональности. Ссылаясь на совместную статью индийских и советских географов Л. С. Бхата, М. Н. Пала, И. В. Комара и К. М. Попова [6], авторы отмечают, что важнейшими признаками крупных экономических районов должны быть, с одной стороны, экономическая специализация общегосударственного значения, с другой — относительная самообеспеченность в производстве продовольствия, способность самостоятельно развивать производство и сферу услуг. В соответствии с этим говорится, что территории, образующие экономические районы, обычно характеризуются не единообразием, а разнообразием природных ресурсов и естественноисторических условий. Характеристика выделенных макрорайонов дается по следующим признакам: общерегиональные народнохозяйственные проблемы развития, энергетическая база, ведущие (организующие) промышленные и городские центры и территории; ресурсы, создающие основу интегрированного развития; объединяющие факторы развития. Характеристики мезорайонов включают определение экономической специализации и ее внутрирайонной структуры на основе «взаимодополняющих» сочетаний ресурсов.

Однако, несмотря на такие ярко выраженные экономико-географические характеристики, территориально в качестве «районов планирования» высшего ранга (13 макрорайонов) и среднего ранга (35 мезорайонов), как правило, выделяются физико-географические области. Перечислим хотя бы названия выделенных макрорайонов⁹: южный район полуостровной части, юг Центрального Декана, Западный Декан, север Центрального Декана, Северо-Восточный Декан, Гуджарат, Ганга-Джамские равнины, Нижне-Гангские равнины, Северо-Восточный район, Западный Раджастхан, район Аравалли, Джамму и Кашмир с Ладакхом, Транс-Индо-Гангские равнины и горы.

Обращает на себя внимание то, что в данном опыте выделения «районов планирования» последние не совпадают с границами национальных штатов. Как отмечают сами авторы, «некоторые штаты образуют части единого макрорайона... Другие штаты разделены на два или более макрорайона... Западная Бенгалия разделена между тремя макрорайонами. Штат Мадхья Прадеш разделен на части, входящие в состав четырех разных макрорайонов».

В ходе дискуссии на конгрессе именно это отсутствие согласован-

⁹ Хотя по числу выделенных макрорайонов эта схема совпадает со схемой экономических провинций Ш. П. Чаттерджи, о которой говорилось выше, однако по территориальному строению они различны. В данной работе авторы отступили несколько дальше от традиционной схемы физиографического районирования, которая ранее в большинстве случаев служила основой схем как «ресурсного», так и «интегрального» районирования для целей перспективного планирования.

ности между границами штатов и выделенными «районами планирования» подверглось наибольшей критике. Указывалось, что фактически единственными районами планирования в стране являются штаты, в которых в годы независимости происходит интенсивный процесс экономической консолидации; усиливается хозяйственная автономия штатов и их роль в общегосударственном планировании. Присутствовавший представитель департамента планирования штата Бихар прямо заявил, что, в частности, неприемлем выделенный авторами район Северо-Восточного Декана, образованный из отдельных частей шести штатов: Бихара, Западной Бенгалии, Ориссы, Андхра Прадеша, Мадхья Прадеша и Уттар Прадеша. Критика именно этого района была особенно серьезной, поскольку по нему был представлен и специальный доклад, разработанный Организацией городских и районных планировок [36]. Правда, в последнем докладе тот же район именуется иначе — «Юго-Восточный район планирования ресурсов»¹⁰.

Небезынтересно отметить, что научные дискуссии о роли штатов в региональном планировании перекликаются с теми общеполитическими дискуссиями, которые проходят в настоящее время в Индии по вопросу о взаимоотношениях и правах центра и штатов. Так, через четыре месяца после закрытия Международного географического конгресса, в марте 1969 г. в том же зале Вигьян Бхаван в Нью-Дели проходила сессия «Федерации индийских торгово-промышленных палат» — центральной организации индийских магнатов капитала, на которой много говорилось об усилении напряженности во взаимоотношениях штатов и центра, о росте «местнических тенденций». Инициатор резолюции по этому вопросу, известный западноиндийский монополист С. Л. Кирлоскар в своем выступлении зашел так далеко, что объявил «ошибкой» проведенную по требованию демократических сил реорганизацию штатов Индии по языковому принципу¹¹.

Индийский монополистический капитал выступает рьяным сторонником сосредоточения власти в центре и противником расширения автономии языковых штатов, что объясняется его стремлением овладеть всем индийским рынком, захватить господствующие экономические позиции как в масштабах Индии в целом, так и в отдельных районах. Этому оказывает сопротивление мелкая и средняя буржуазия, которая в своей конкурентной борьбе с монополиями противопоставляет их экономическому и финансовому могуществу поддержку со стороны правительств «своих» языковых штатов.

Наиболее последовательно комплексное экономическое районирование Индии для целей перспективного планирования разрабатывалось в трудах д-ра Ф. Сен Гупты, результаты которых были синтезированы в индо-советской монографии «Экономическое районирование Индии: проблемы и подходы», представленной на конгресс. Сен Гупта учитывала воздействие на формирование экономических районов Индии многих факторов. Большое внимание она уделяла экономической оценке

¹⁰ При сугубо «планирующей» целевой установке большую часть доклада составляют главы описательные: земля; люди; экономика. Правда, завершающие главы посвящены будущему района и вопросам организации планирования. Работа построена на компиляции уже опубликованных данных.

¹¹ С. Л. Кирлоскар заявил: «Наши экономисты и специалисты в области политических наук совершили тяжелую ошибку, запроектировав образование языковых штатов в независимой Индии и создав видимость того, что это является предпосылкой экономического прогресса... Недостаточно внимания они уделили тому, что, поощряя и организуя создание языковых штатов, они одновременно пробуждали политическое местничество, которое заставляет руководителей и население каждого штата занимать пагубную позицию — торговаться с другими штатами и с центром» [11].

природных ресурсов и естественных условий, проблеме «давления населения» на ресурсы. Главным для нее при экономическом районировании выступал производственный принцип. Используя теорию энергопроизводственных циклов проф. Н. Н. Колосовского, Сен Гупта дала характеристику современной специализации и перспективам хозяйственного развития крупных экономических районов страны. Границы национальных штатов в ее системе районирования рассматриваются как важные объективно существующие рубежи. Она выделяет семь крупных экономических районов, представляющих группировку штатов либо отдельные штаты: Восточный район (Западная Бенгалия, Бихар и Орисса), Северо-Восточный (Ассам, Нагаленд и прилегающие территории центрального подчинения), Северо-Центральный (Уттар Прадеш), Центральный (Мадхья Прадеш), Северо-Западный (Раджастхан, Панджаб, Хариана, Джамму и Кашмир, Химачал Прадеш), Западный (Махараштра и Гуджарат), Южный (Тамилнаду, Керала, Андхра Прадеш, Майсур). В крупных экономических районах она выделяет 41 подрайон, которые характеризует по существующей производственной специализации, ресурсным возможностям для развития энергопроизводственных циклов общегосударственного, районного и местного значения, указывая при этом главные районообразующие центры.

В общем, почти все доклады по проблемам районирования для целей планирования Индии содержали ценный фактический материал и были интересны с методико-методологической точки зрения. Слабее оказались обобщающие теоретические доклады: «Концепция экономического района» В. В. Раманадама [30], «Районное развитие и национальное планирование в Индии» Л. С. Бхата, «Теоретические основы регионального планирования» В. Л. С. Пракаша Рао [31]. В этих сообщениях в основном суммировались различные виды и типы районирования. В докладе Раманадама было предложено довольно искусственное различие понятий: «район, ориентированный на производство» (a production-oriented region), и «район, ориентированный на распределение» (a distribution-oriented region), под чем подразумевается однородная территория, избранная для осуществления определенной программы хозяйственного развития. В докладе Пракаша Рао была сделана попытка исторического анализа возникновения и развития теории экономического районирования и практики регионального планирования, начиная с Вебера и Леша и кончая Б. Берри, однако не упоминалось ни о советских работах в этой области, ни о трудах Комиссии по методам экономического районирования Международного географического союза.

Следует отметить большой интерес, проявляемый индийскими географами к вопросам применения математических методов в области экономического районирования. Они активно участвуют в работе индийской секции Ассоциации региональной науки, образованной в сентябре 1967 г. Первый выпуск «Индийского журнала региональной науки» появился ко времени открытия XXI Международного географического конгресса в Дели [17]. О методике регионального планирования и роли региональной науки на материалах Индии сделал доклад на конгрессе М. Чаттерджи, индийский ученый, работающий в Пенсильванском университете (США). М. Н. Пал, статистик отдела региональных исследований Индийского статистического института, много лет работающий над проблемами экономического районирования, представил доклад об использовании метода главных компонентов в региональном анализе [26]. Та же тема была развита в докладе сотрудников Института экономики и политики им. Гокхале Г. С. Кулкарни и М. П. Кхаре «Роль обработки материалов методом главных компонен-

тов в выделении районов» [22]. Б. Венугопал представил доклад об использовании метода ближайшего расстояния [38]. Однако работ об опыте экономического районирования страны в целом на основе математических методов пока представлено не было. Правда, в ходе дискуссий неоднократно делались ссылки на работу Брайана Берри и шести его коллег «Очерки о грузовых перевозках и пространственной структуре индийской экономики» [4], в которой на основе теории поля, а также с помощью метода многофакторного анализа при обработке статистических данных о грузовых железнодорожных и речных перевозках выявлено 3—4 функциональных района, тяготеющих к главным метрополитенским центрам страны¹².

* * *

Итак, XXI Международный географический конгресс еще раз показал, как широко развернулся фронт исследований проблем экономического районирования и регионального планирования в Индии и других развивающихся странах. Качественно новая сущность этих работ определяется прямыми заказами планирующих и других правительственных учреждений этих стран.

Концепции регионального развития составляют одну из сторон решения кардинального вопроса — выбора пути социально-экономического и политического развития стран «третьего мира». На заседаниях конгресса красной нитью проходила тема о том, что главная задача, которую стремятся разрешить Индия и другие молодые государства — ускорение темпов развития. Экономическое районирование и региональное планирование призваны служить эффективными средствами достижения этой цели. Эти проблемы включают вопросы наиболее рационального размещения производительных сил страны, их производственно-территориального интегрирования, подъема отсталых районов, оценки эффективности капиталовложений и т. п. На конгрессе подчеркивалась сложность решения этих вопросов, объективная противоречивость таких проблем, как оптимальное размещение производства с точки зрения максимальной прибыльности капиталовложений и задачи выравнивания уровней регионального развития.

Проблемы экономического районирования и регионального планирования Индии стали объектом интенсивного изучения географов и экономистов западных стран, в первую очередь США. Индия и другие развивающиеся страны, сталкиваясь с необходимостью разрабатывать и решать сложные проблемы регионального развития, стремятся использовать опыт, приобретенный более развитыми странами. При этом естественно, что для них особый интерес представляет ознакомление не с уникальными сторонами этого опыта, а с возможностями применить этот опыт к специфическим условиям каждой страны.

Однако приходится констатировать, что зачастую развивающиеся страны руководствуются методико-методологическими указаниями и конкретными рекомендациями, выработанными западными экспертами. Так, по заказу ООН американская научно-исследовательская корпорация «Ресурсы для будущего» подготовила «Проект всемирного исследования регионального развития» [10]. Эта книга представляет собой как

¹² Краткий критический анализ этой работы содержится в монографии [34] — в разделе, посвященном географии транспорта Индии в связи с процессом формирования экономических районов.

бы методико-методологическую «инструкцию» для развивающихся стран по вопросам регионального планирования. Опубликование под маркой ООН придает ей видимость беспристрастности и повышает ее авторитетность. Такого рода работам западных специалистов пока не противостоят исследования советских ученых.

На конгрессе в Дели большое внимание географов привлекла программа региональных исследований Научно-исследовательского института социального развития ООН, доложенная директором этой программы, известным польским географом А. Куклинским [21]. Программа ЮНРИСД предусматривает 10-томное издание, обобщающее опыт и перспективы регионального развития и планирования по всем континентам и крупнейшим странам. В дальнейшем, по словам Куклинского, предполагается организация специальных курсов подготовки высококвалифицированных специалистов в области регионального планирования из развивающихся стран (числом 5—10 тыс.).

На XXI Международном географическом конгрессе ярко проявились большие возможности плодотворного применения советской теории экономического районирования и регионального планирования к специфическим условиям Индии. Как специально указывалось в предисловии акад. И. П. Герасимова к советско-индийской монографии «Экономическое районирование Индии: проблемы и подходы», «Индия отличается от Советского Союза по природным условиям, общественному строю, историческому прошлому, по характеру демографических проблем и т. п. Поэтому, естественно, возникает вопрос о том, насколько эффективным для Индии может стать использование опыта полувековых советских исследований по районированию? Ответ на этот вопрос и составляет задачу настоящей книги. Она показывает, что, несмотря на указанные различия, имеется немало таких особенностей в технико-экономическом развитии обеих стран, которые открывают большие возможности для творческого применения в индийских условиях ряда методических приемов, разработанных советскими учеными и проверенных на практике планирования развития народного хозяйства в СССР»¹³.

Чрезвычайно большую ценность для Индии и других развивающихся стран представляет многолетний опыт советской науки и практики регионального планирования в разработке таких проблем, как комплексное экономическое районирование и теория энергопроизводственных циклов, методика оценки природных ресурсов и сельскохозяйственное районирование, территориальная организация хозяйства и районные планировки, соотношение административно-территориального деления, построенного на национальной основе, и экономического районирования и др.

Активное участие СССР в экономическом развитии Индии требует и принципиально новой организации как изучения конкретных проблем развития отдельных штатов и районов, так и разработки концепций и схем экономического районирования и регионального планирования всей страны.

¹³ На конгрессе был представлен интересный доклад об использовании советского опыта экономического районирования и размещения промышленности на примере металлургической промышленности Индии, подготовленный бывшим аспирантом университета им. Лумумбы Р. Г. Гидадхубли [14].

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Советские географы XXI Международному географическому конгрессу (Нью-Дели, 1968 г.). Тезисы докладов и сообщений, М., 1968 (АН СССР, Национальный комитет советских географов).
2. Abstracts of Papers, 21st International Geographical Congress, Calcutta, 1968.
3. Alam S. M., Gopi K. N., Khan W. A., Planning a Metropolitan Region: a Case Study, New Delhi, 1968 (ротапринт).
4. Berry B. and others, Essays on Commodity Flows and the Spatial Structure of Indian Economy, Chicago, 1966.
5. Berry B. and Rao L. S. P., Urban-Rural Duality in the Regional Structure of Andhra Pradesh: a Challenge to Regional Planning and Development (ротапринт).
6. Bhat L. S., Pal M. N., Komar I. V., and Popov K. M., Problems of Regionalization for the Development of National Economy,—«Sankhya», 1963, Series B, vol. 25.
7. Bhat L. S., Regional Development and National Planning in India, Delhi, 1968.
8. Blažek M., Analysis of Administrative Regionalization,—«Abstracts of Papers, 21st IGC», Calcutta, 1968.
9. Chatterjee S. P., Economic Regionalization in India, Presidential Address, 21st International Geographical Congress, Calcutta, 1968.
10. Design for a Worldwide Study of Regional Development. A Report to the United Nations on a Proposed Research-Training Program. Resources for the Future Staff Study, Washington, 1966.
11. «The Economic Times», 18.III.1969.
12. Fisher J. C., Notes on the Need for Regional (Spatial) Planning at the State Level in India, the Exploratory Paper Developed for Preliminary Ford Foundation Purposes, 1968.
13. Functions and Forming of Regions, ed. by C. Ivanička, Bratislava, 1968.
14. Gidadhuri R. G., Economic Regions and Industrial Location,—«The Study of the Utilization of Soviet Experience in Balanced Regional Perspective Growth of Steel Industry in India», New Delhi, 1968 (ротапринт).
15. The Hyderabad Metropolitan Research Project, Final Report, Hyderabad, 1969.
16. India: Regional Studies, Calcutta, 1968.
17. «Indian Journal of Regional Science», Kharagpur, 1968/69, vol. 1, № 1.
18. 21st International Geographical Congress, India, 1968, Abstracts of Papers, National Committee for Geography, Calcutta, 1968.
19. Johnson E. A. J., Market Towns and Spatial Development in India, New Delhi, 1965.
20. Kayastha S. L. and Misra S. N., Growth of Tribal Economy in Sonpar Region, Uttar Pradesh, India,—«The National Geographical Journal of India», 1968, vol. XIV, pt 2—3, IGU Special Number.
21. Kuklinski A., Programme of Research on Regional Development, Geneva, July 1968 (United Nations Research Institute for Social Development).
22. Kulkarni G. S. and Khare M. P., Effect of Data Transformation on the Delineation of Regions by the Principal Components Method, Abstracts of Papers, 21st IGC, Calcutta, 1968.
23. Lahiri T. B., (CMPO), Construction of a Regional Plan: an Outline of Approach with Reference to the Haldia Region of West Bengal, Calcutta, 1968 (ротапринт).
24. Lewis J. P., The Problem of Growth Centers, Hyderabad, 1966 (Hyderabad Seminar on Accelerating District Industrialization).
25. Mackaye B., The New Exploration — a Philosophy of Regional Planning, 1928.
26. Pal M. N., Use of Principal Components in Regional Analysis, New Delhi, 1968 (ротапринт).
27. Pandit Patankar, Planning for Micro-Regions — Wardha District: a Case Study, Poona, 1968 (ротапринт).
28. Pathak C. R., Regional Planning in India: a Case Study of the Damodar Valley Region, New Delhi, 1968 (ротапринт).
29. Planning Regions of India, Prepared Jointly by Dr. S. P. Chatterjee, Director, National Atlas Organisation, and Shri C. S. Chandrasekhar, Town and Country Planning Organisation, in Collaboration with Prof. V. L. S. Prakasa Rao and Dr. L. S. Bhat, Assisted by Shri K. V. Sundaram and Other Officers of the Town and Country Planning Organisation, 1968 (ротапринт).
30. Ramapadham V. V., The Concept of an Economic Region, Delhi, 1968 (ротапринт).
31. Rao V. L. S. Prakasa, Theoretical Framework for Regional Planning, Delhi, 1968 (ротапринт).
32. Regionalization for Planning, Reports Prepared by Soviet Scientists during Their Visit to India 1961—62, New Delhi, 1962 (ротапринт).

33. Selected Maps from the Planning Atlas of the Damodar Valley Region, Calcutta, 1968.
34. Sen Gupta P. and Sdasyuk G., Economic Regionalization of India: Problems and Approaches, New Delhi, 1968 (Census of India 1961. Monograph Series, № 8).
35. Sivaramakrishnan K. C., Planning for a Resource Region — a Case Study, New Delhi, 1968.
36. South East Resource Regional Plan. Summary of the Preliminary Report Prepared by CPO for the Joint Planning Board, New Delhi, 1968 (ротапринт).
37. Sundaram K. V. and Prakasa Rao V. L. S., Regional Planning: A Review, Delhi, 1968 (ротапринт).
38. Venugopal B., Application of Neighbourhood Distance Technique, 1968.
39. Wardha District Development Plan — Important Features, Poona, 1963 (Gokhale Institute of Politics and Economics) (ротапринт).

Л. И. Бонифатьева

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СТОЛИЦЫ ИНДИИ

В XX в. удельный вес городского населения в Индии повышается медленно. В последнее десятилетие между переписями (1961—1971) он остался почти неизменным, составив в 1971 г. лишь около пятой части жителей.

Тем не менее Индия относится к числу стран со значительным развитием городских агломераций. Некоторые из них входят в группу крупнейших в мире. Перепись 1971 г. обнаружила в стране девять городов-«миллионеров», среди которых городская агломерация Калькутты насчитывала 7 млн. жителей, Большого Бомбея — почти 6 млн., Дели — 3,6 млн., Мадраса — около 2,5 млн. [4].

Стихийная урбанизация и особенно хаотичный рост крупнейших городов сопровождаются непрерывным нарастанием скученности населения, резким ухудшением санитарно-бытовых условий его жизни, быстрым распространением трущоб, осложнением водоснабжения, обострением транспортной проблемы, сокращением сельскохозяйственных земель в пригородной зоне.

В большинстве индийских городов наблюдается сложное переплетение различных социально-экономических укладов и традиций. К Индии в полной мере могут быть отнесены слова советского специалиста по географии городов Г. М. Лаппо: «Города, представляющие собой наложения разных исторических эпох, ощущают свое несоответствие современным экономическим и социальным требованиям» [1, 9].

К самым большим городским агломерациям Индии в значительной мере приложимы некоторые положения о гиперурбанизации, высказанные советскими экономистами-географами В. В. Покшишевским и В. М. Гохманом применительно к США [3]. Не только в отношении высокоразвитых капиталистических стран, но и относительно Индии можно говорить о достижении «сверхгородом» в определенных условиях критических размеров, при которых начинают в самой острой форме сказываться отрицательные черты многомиллионного города, если его рост совсем не регулируется или регулируется недостаточно.

Первые попытки как-то регулировать рост крупных индийских городов, улучшить условия жизни в них относятся ко второй половине XIX в. Вслед за созданием в некоторых городах санитарных комиссий были организованы особые «тресты благоустройства» (в одних городах — во второй половине XIX в., в других — уже в XX в.; в Дели подобное учреждение возникло в 1937 г.) [8]. «Тресты благоустройства» занимались прокладкой транспортных путей, расчисткой трущоб, раз-

бивкой парков и пр. Несмотря на то что в отдельных случаях деятельность трестов была довольно плодотворной, в целом она не меняла хаотичного характера урбанизации и ни в коей мере не решала проблемы реконструкции индийских городов.

Лишь после достижения независимости в Индии стали осуществляться более широкие, комплексные мероприятия по государственному регулированию развития городов. Эта проблема нашла свое отражение в пятилетних планах экономического развития страны.

В теории и практике государственного регулирования развития индийских городов первостепенная роль принадлежит разработке и осуществлению их генеральных планов. В первую очередь генеральные планы составляются для городов, обладающих особой значимостью: крупнейших агломераций, столиц штатов и быстро растущих промышленных центров. За последние годы в Индии было разработано около 200 генеральных планов городов [8]. Кроме того, более чем в 100 городах было проведено выборочное обследование характера использования земли [9].

Осуществлением государственного регулирования городов занимаются власти штатов. В штатах созданы управления регионального планирования, представляющие рекомендации правительствам штатов. Создан и ряд общегосударственных учреждений. Среди них одним из наиболее важных является Организация городских и сельских планировок (Town and Country Planning Organisation), занимающаяся разработкой комплексных планов развития целых районов и составлением генеральных планов отдельных городов.

Среди индийских городов, перспективное развитие которых требует первоочередного государственного регулирования, важное место занимает столица.

За время независимого развития Индии столица быстро росла. Ее население увеличилось с 697 тыс. в 1941 г. до 1437 тыс. в 1951 г., 2359 тыс. в 1961 г. и 3630 тыс. в 1971 г.¹ Дели постоянно привлекает большое число переселенцев. За 1947—1970 гг. в Дели прибыло не менее 1,5 млн. мигрантов (треть из них — переселенцы из Пакистана) [5]. Рост числа жителей сопровождается одновременным расширением городской территории. С 50-х годов она увеличилась более чем в 2 раза [4; 5]. Постепенно в состав города включаются окружающие его сельские местности с расположенными в них деревнями.

Быстрый стихийный рост столицы сопровождается нежелательными последствиями, общими для всех крупнейших городов Индии. Серьезность возникающих проблем выдвинула необходимость государственного регулирования дальнейшего развития Делийской агломерации.

В первую очередь встал вопрос о трущобах, неизбежно возникающих в местах расселения неимущих пришельцев. В 1956 г. был принят закон о расчистке трущоб и строительстве новых микрорайонов столицы [5]. На окраинах Делийской агломерации, преимущественно вблизи промышленных предприятий, ведется упрощенное, удешевленное строительство жилых и общественных зданий. Сооружаются типовые двух-трехэтажные здания, некоторые — блочные. Муниципальные власти, завершив строительство, сдают помещения в таких домах в аренду малоимущим семьям, взимая невысокую квартирную плату. Иногда жилые дома строятся кооперативами, которым оказывается государственная помощь. Создано более 20 подобных микрорайонов [5].

¹ Эти цифры относятся к городской агломерации. Ее основные части составляют Старый Дели — почти 3,3 млн. человек и Новый Дели — около 300 тыс. человек [4].

Но городские власти не обладают достаточными средствами, чтобы переселить в новые дома если не всех, то хотя бы значительную часть неквалифицированных рабочих и безработных, обитающих в жалких лачугах, кое-как построенных из старой жести, мешковины, кусков фанеры, глины. Все же принимаются меры, несколько улучшающие условия жизни в трущобных кварталах. Органы городского самоуправления выделяют специальные земельные участки, куда на государственные средства подводятся водопровод, канализация и электричество, где строятся школы и магазины. Здесь же возводятся бетонные платформы-фундаменты, на которых каждой семье выделяется место для строительства жилья. Разрешается строить здания любого качества, чтобы в будущем заменить их благоустроенными жилыми домами, когда появятся необходимые для строительства средства у государства или у частных владельцев. Такие созданные в последние годы жилые кварталы не теряют характера трущобных, но санитарные и бытовые условия в них лучше, чем в тех трущобных кварталах, где нет никакого вмешательства и контроля со стороны городских властей.

Но, несмотря на некоторые успехи государственного регулирования роста Дели, они далеко не достаточны для того, чтобы предотвратить нежелательные последствия стихийного развития города. Не решена еще проблема трущоб, которые то и дело возникают бесконтрольно в разных частях города.

Не отвечают требованиям современного благоустройства жилые кварталы старой части города — Старого Дели, где сосредоточено почти 90% населения агломерации. В пределах исторического ядра этой части города — Шахджаханабада, застройка которого происходила в основном в XVII в., средняя плотность населения достигает 90 тыс. человек на 1 кв. км², тогда как в Новом Дели, застроенном в XX в., на 1 кв. км приходится в среднем менее 7 тыс. жителей [4; 5]. Старый Дели представляет пример хаотичной застройки, где к главным торговым рядам, составляющим основной каркас улиц, примыкает запутанная сеть узких переулков с жилыми одно- и двухэтажными домами, обычно лишенными коммунальных удобств.

Планомерная, рациональная реконструкция столицы задерживается из-за сохранения частной собственности на землю, которая нередко становится предметом спекуляции. Ко времени достижения Индией независимости Дели выделялся из крупнейших индийских городов самыми большими резервами государственных земель, но к настоящему времени этот запас почти исчерпан. Многие лучшие площадки в городе застроены частными домами, причем за последние годы растут кварталы роскошных коттеджей и вилл, занимающих немалые территории и принадлежащих молодой буржуазии. Разительный контраст между такими богатыми кварталами и трущобами подчеркивает нарастающее классовое расслоение.

Город непрерывно расширяется, поглощая новые и новые сельскохозяйственные площади, столь необходимые для земледелия. При преобладании малоэтажной застройки чрезвычайно растягиваются транспортные и коммунальные коммуникации, что создает немалые сложности в их эксплуатации.

Для определения перспектив развития Дели важное значение имеет разработка генерального плана роста столицы. Первый вариант генерального плана был опубликован в 1960 г. Он был составлен специально созданным Управлением по развитию столицы (Delhi Develop-

² В Старом Дели в целом — более 9 тыс. человек на 1 кв. км [4].

ment Authority). В дальнейшем более глубокой разработкой генерального плана Дели стала заниматься Организация городских и сельских планировок. По мнению многих индийских специалистов, создаваемый план является одним из наиболее удачных примеров разработки проекта перспективного роста большого многофункционального города и образуемой им агломерации. Подчеркивается, что в генеральном плане Дели делается попытка сочетать архитектурно-планировочные задачи с социальными и экономическими целями. Важно отметить, что этот план является одним из первых в Индии опытов региональной планировки целой системы населенных пунктов, входящих в Делийскую агломерацию или тесно с ней связанных.

Для осуществления генерального плана Дели выделена особая Национальная столичная область радиусом около 110 км и площадью более 32 тыс. кв. км. В ее состав включены административная территория Дели и участки соседних штатов — Уттар Прадеша, Харианы и Раджастанха [4]. Поднимался вопрос о выделении столичной области в новую административную единицу, но это оказалось невозможным из-за противодействия тех штатов, которые связаны с выделением этой области. Для координации в осуществлении проектов развития отдельных частей столичной области, входящих в различные штаты, создан специальный Высший совет во главе с министром внутренних дел Индии и с участием первых министров всех заинтересованных штатов, а также мэра Дели. Технический комитет при совете включает главных планировщиков всех административных единиц, входящих в состав столичной области.

В столичную область постоянно идет поток переселенцев из других частей страны. Это обстоятельство наряду с естественным приростом ведет к быстрому росту населения; одновременно повышается доля столичной области во всем населении страны (табл. 1).

Т а б л и ц а 1
Динамика населения Национальной
столичной области *

Год	Млн. человек	Процент от населения Индии
1961	11,1	2,5
1968	14,5	2,7
1981—прогноз	21,8	3,1
2000—прогноз:		
наименьший	30,3	3,5
средний	32,4	3,6
наибольший	40,0	4,0

* [7,7].

В составе столичной области — не только Дели, но еще свыше 50 других городов, а также сельская местность. Несмотря на скопление большого числа городов, преобладает сельское население, хотя доля городского населения намного выше, чем в Индии в целом (табл. 2).

Предполагается, что в будущем уровень урбанизации столичной области возрастет и доля городского населения повысится до 45% в 1981 г. и 49% в 2000 г. По среднему варианту прогноза, городское население столичной области достигнет к 2000 г. 15,5 млн. человек [7].

Таблица 2

Городское население столичной области *

Год	Всего		В том числе					
	млн. человек	процент от всего населения области	в Дели		в городах с населением в 100—500 тыс.		в городах с населением менее 100 тыс.	
			млн. человек	%	млн. человек	%	млн. человек	%
1961	3,6	32,4	2,4	66,6	0,8	22,2	0,4	11,2
1968	5,2	35,8	3,4	65,4	1,2	23,1	0,6	11,5

* [7, 22].

Один из важнейших вопросов, который должен быть решен при разработке генерального плана Дели,— это вопрос о распределении увеличивающегося городского населения между столицей и другими городами, входящими в столичную область. В основу плана положена концепция ограничения дальнейшего роста центрального города столичной области — Дели. Предусматривается установление определенных границ расширения Дели. Считается, что такой границей должен стать окружающий город зеленый сельскохозяйственный пояс, в котором городское строительство должно быть запрещено.

В то же время генеральный план предусматривает дальнейший рост населения Дели, которое должно достигнуть к 1981 г. 5,2—5,8 млн. [7]. Для размещения возрастающего населения предполагается более рациональное и интенсивное использование городской территории внутри зеленого пояса. Для этого проектируется: застройка пустырей; реконструкция вошедших в состав города деревень; использование для строительства площадок, освобождаемых некоторыми вредными для города промышленными предприятиями (химическими, кожевенными, гончарными и др.), которые должны быть выведены за город; замена малоэтажных домов Старого Дели новыми многоэтажными зданиями.

Одновременно предусматривается ряд мер, направленных на улучшение благоустройства столицы. Например, предполагается дальнейшее озеленение города путем разбивки на некоторых пустырях городских парков³. Большое значение приобретает проблема водоснабжения столицы. В настоящее время город снабжается водой из р. Джамны в соответствии с соглашением, заключенным между правительствами штатов Уттар Прадеш, Хариана, Раджастхан и союзной территорией Дели. Но с ростом города непрерывно возрастает потребность в воде, и для ее удовлетворения привлекаются новые источники. Так, на р. Рамганга в Уттар Прадеше построена плотина, и часть воды образованного водохранилища перебрасывается по каналам в Дели. Но проблема водоснабжения столицы, особенно в перспективе дальнейшего увеличения потребностей, остается сложной. Иногда ее решению препятствуют сепаратизм и местничество различных штатов.

Несмотря на проектируемый значительный рост населения Дели, его доля в городском населении столичной области должна постепенно снижаться: в 1968 г., как было показано выше, на Дели приходи-

³ В настоящее время значительной озелененностью отличается лишь Новый Дели, где многие улицы представляют собой тенистые шоссевые дороги, обсаженные деревьями.

лось 65% городских жителей всей области, а в 1981 г. по предположениям в Дели будет проживать 53—59% их числа. Такое снижение должно произойти за счет более быстрого развития других городов столичной области, которое ныне подавляется гипертрофированным значением Дели. Предполагается, что города-спутники Дели будут развиваться на месте уже существующих городов и что государство будет проводить специальную политику поощрения их промышленного развития путем установления льготных цен на землю, воду, электроэнергию. Разрабатывается несколько вариантов развития городов столичной области, которые призваны уменьшить гипертрофированную роль Дели и способствовать его разгрузке.

Один из них предполагает довольно равномерное развитие двенадцати городов-спутников, находящихся в непосредственной близости к столице и выступающих в качестве «спален», при отсутствии достаточной собственной градообразующей базы. Все эти города должны сохранить значительную зависимость от Дели в отношении занятости их населения, его торгового и культурного обслуживания.

Другой проект предусматривает первостепенное развитие Мирута — второго после Дели города столичной области (в 1968 г. его население составляло 0,5 млн. человек) [7]. Согласно этому проекту Мирут должен принять на себя часть функций Дели и превратиться во второй фокус притяжения населения и средоточия городских функций в пределах столичной области. Ускоренный рост Мирута должен привести к увеличению в 1981 г. числа его жителей до 1 млн. или даже более.

Третий вариант включает предположение, что развитие двух городов-миллионеров — Дели и Мирута — будет сопровождаться ростом еще одиннадцати крупных городов (с населением от 150 тыс. до 350 тыс. человек в каждом), специализированных на выполнении самостоятельных городских функций и тесно связанных не только с Дели, но и между собой [7].

Оба последних проекта предполагают, что во всех городах столичной области будет усилена их градообразующая база за счет роста индустриализации. Одновременно должен повыситься общий уровень занятости городского населения столичной области. О намечаемых изменениях можно судить по табл. 3.

Таблица 3

Распределение занятого населения столичной области по отраслям хозяйства *

Отрасль хозяйства	Занятых, тыс.			Процент всех занятых		
	1961 г.	1981 г.	2000 г.	1961 г.	1981 г.	2000 г.
Сельское хозяйство	54	114	124	4,8	3,0	2,0
Обработывающая промышленность (включая кустарные промыслы)	274	1140	2356	24,2	30,0	38,0
Строительство	46	190	310	4,1	5,0	5,0
Транспорт и связь	77	266	496	6,8	7,0	8,0
Торговля и финансы	220	722	1054	19,5	19,0	17,0
Услуги и прочие отрасли	459	1368	1860	40,6	36,0	30,0
Всего	1130	3800	6200	100,0	100,0	100,0

* [7, 10]. Доля занятых во всем населении: в 1961 г. — 30,8%, в 1981 г. — 38,4%, в 2000 г. — 40%.

По одним проектам Дели и другие города столичной области должны разделяться между собой широкими пространствами сельскохозяйственных территорий. По другим проектам, сельскохозяйственные участки должны сохраняться лишь между «урбанизированными коридорами», расходящимися радиально от Дели, и городскими зданиями, транспортными и коммунальными коммуникациями. В этих «коридорах» уже сейчас сосредоточена основная часть городского населения и подавляющее большинство городских функций той части столичной области, которая расположена вне Дели. В 1961 г. на долю городов, расположенных цепочками в «коридорах», приходилось 77% городского населения области (без Дели) и 67% занятых (в том числе 90% в фабрично-заводской обрабатывающей промышленности, 80% в строительстве, 78% на транспорте). Предполагается, что в будущем эти «коридоры» вместят почти непрерывные «урбанизированные полосы», которые будут сходиться в Дели.

Индийские планировщики считают, что вариант «урбанизированных коридоров» потребует меньших затрат сравнительно с другими вариантами городского строительства в столичной области: согласно существующим расчетам, в 1968—1981 гг. потребуются 2,8 млрд. рупий для осуществления проекта «коридоров», тогда как для развития сети городов-спутников, разбросанных вокруг Дели и не объединенных в компактно застроенные «коридоры», понадобится 3,2 млрд. рупий.

При любом варианте развития и застройки столичной области предполагается значительная интенсификация сельского хозяйства в ее пределах, в первую очередь за счет расширения ирригации. Одновременно проектируют изменить специализацию сельскохозяйственного производства с целью усиления отраслей пригородного хозяйства. Намечается также создание агро-промышленных предприятий, занимающихся производством и обработкой пшеницы, сахарного тростника, плодовых культур⁴.

Осуществление реконструкции и дальнейшего развития столичной области предполагает координированное участие государственных учреждений, кооперативных обществ и частных лиц. Для выполнения любого из намечаемых проектов предстоят огромные работы по созданию необходимой инфраструктуры, производственному и жилищному строительству. Выполнение всех этих задач требует затраты крупных средств, что представляет для Индии серьезные трудности.

Очень важна задача разработки и введения законов, делающих обязательным для различных организаций и частных лиц выполнение положений генерального плана. Подобное законодательство должно дополнить действующую ныне систему государственных лицензий, с помощью которой городские власти в какой-то мере регулируют новое строительство в столице.

В Дели, сравнительно с другими крупнейшими городами Индии, достигнуты значительные успехи в реконструкции и государственном регулировании дальнейшего развития. Однако эти успехи недостаточны, чтобы противостоять отрицательным последствиям хаотичной урбанизации. В то же время можно предполагать, что столичная область в силу ее выдающегося общенационального значения, должна стать одним из первых образцов практического осуществления государственного генерального плана.

⁴ Подобная специализация сельского хозяйства этой территории предусмотрена в проекте экономических районов Индии, который был подготовлен индийскими специалистами к XXI Международному географическому конгрессу в Дели (декабрь 1968 г.) [6].

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Лаппо Г. М., География городов с основами градостроительства, М., 1969.
2. Мухарджи Г., Планировка метрополий в Индии,— «Районная планировка метрополий и новых городов», ООН, Нью-Йорк, 1969.
3. Покшишевский В. В., Гохман В. М., Проблема гиперурбанизации в развитых капиталистических странах и ее географические аспекты,— «Научные проблемы географии населения», М., 1967.
4. Census of India, 1971, Series 1 of 1971. Provisional Population Totals, Delhi, 1971.
5. Fonseca Rory, The Walled City of Old Delhi,— «Landscape», 1970, vol. 18, № 3.
6. Planning Regions of India. A Paper Presented Jointly by the Town and Country Organisation and the National Atlas Organisation, New Delhi, 1968.
7. Seventeenth Annual Town and Country Planning Seminar. Delhi, Development Authority, New Delhi, 1968.
8. Town and Country Planning in India. Town and Country Planning Organisation, New Delhi, 1962.
9. Town and Country Planning News. Town and Country Planning Organisation, New Delhi, 1967, № 1.

Т. Б. Лахири¹

ОСОБЕННОСТИ УРБАНИЗАЦИИ ШТАТА ЗАПАДНАЯ БЕНГАЛИЯ²

Общие сведения о штате Западная Бенгалия. Накануне провозглашения независимости Индии в 1947 г. старая провинция Бенгалия была разделена на две части, одна из которых — Западная Бенгалия — стала штатом Индийского Союза.

Западная Бенгалия относится к числу сравнительно высокоразвитых штатов. Территория ее — 88 тыс. кв. км, население в 1961 г. составляло 35 млн. человек³. Плотность ее населения в 1961 г. была 399 человек на 1 кв. км при среднеиндийской величине 133 человека⁴. Около 21,9% работающего населения штата было занято в промышленности и строительстве против 14,5% в среднем по Индии. Положение Западной Бенгалии по основным экономическим показателям отражено в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Положение Западной Бенгалии по некоторым экономическим показателям

А. Внешняя торговля Индии по таможенным зонам

Таможенная зона	Экспорт				Импорт			
	1961/62 г., тыс. т	%	1962/63 г., тыс. т	%	1961/62 г., тыс. т	%	1962/63 г., тыс. т	%
Калькутта	2958,8	46,1	3266,1	47,1	4 628,0	41,2	3 431,7	31,9
Бомбей	1548,1	24,1	1524,6	22,0	4 335,1	38,7	5 072,3	47,1
Мадрас	1017,0	15,9	1043,3	15,0	1 443,9	12,9	1 435,9	13,3
Вся Индия	6420,7	100,0	6936,9	100,0	11 216,2	100,0	10 770,9	100,0

¹ Д-р Тарун Бикас Лахири (род. 1 января 1934 г.) — известный индийский экономико-географ и урбанист. Окончил географический факультет Калькуттского университета. Преподавал географию в университете «Вишва Бхарати» и в «Президенси Колледж», а затем, в 1962 г., перешел на работу в Калькуттскую метрополитенскую плановую организацию при правительстве штата Западная Бенгалия (Департамент развития и планирования). В настоящее время — технический руководитель проекта регионального развития Халдна. В 1969 г. избран президентом Всеиндийского института экономической географии. Автор многочисленных статей по экономической географии Индии, особенно — по географии населения Западной Бенгалии.

² Перевод с англ. Б. П. Супруновича.

³ По переписи 1971 г., население штата — 44 440 тыс. человек. (Прим. перев.)

⁴ По переписи 1971 г., 507 и 182 человека на 1 кв. км соответственно. (Прим. перев.)

Б. Производство чугуна и стали в 1962 г.

Штат	Сталь		Чугун	
	тыс. т	%	тыс. т	%
Западная Бенгалия .	2141,9	37,2	1097,4	30,0
Бихар	1759,7	30,5	1118,7	36,6
Мадхья Прадеш . .	1147,0	19,0	510,8	14,0
Вся Индия . . .	5764,0	100,0	3564,4	100,0

В. Производство угля и электроэнергии в 1963 г.

Штат	Уголь		Электроэнергия	
	тыс. т	%	млн. квч·ч	%
Западная Бенгалия .	19 546,5	29,2	3 346,3	13,8
Бихар	32 187,9	48,1	1 980,4	8,2
Махараштра	934,7	1,4	4 135,6	17,1
Мадрас	982,4	1,5	2 838,7	11,7
Мадхья Прадеш . .	7 946,6	11,9	99,6	4,1
Вся Индия . . .	66 890,0	100,0	24 221,1	100,0

Исторический обзор экономического развития городов. Важные изменения в городской сети штата происходят с середины XIX в. До этого времени города штата представляли собой в основном торговые и ремесленные центры. Размещение этих центров диктовалось главным образом пересечением внутренних водных путей и важных сухопутных дорог. Старые города поддерживали равновесие между городским и сельским населением, и городское и сельское хозяйство до середины XIX в. было органически взаимосвязано.

Однако в результате мер, принятых директорами британской Ост-Индской компании, эти старые деловые торговые и промышленные центры начали приходить в упадок. Ост-Индская компания запретила вывоз многих товаров из портов Бенгалии. В результате местные производства, которые пользовались большой известностью далеко за пределами Бенгалии, начали разрушаться. Экономический кризис постепенно привел к упадку процветавших ранее городов.

С другой стороны, Ост-Индской компанией была введена в Бенгалии совершенно новая система массового производства. Центры этого производства (главным образом джутовой промышленности) стали гигантскими магнитами, притягивавшими население со всей страны. Поскольку новая система производства была чуждой для местного населения, жители Бенгалии не хотели работать в этих отраслях промышленности. Рабочая сила прибывала главным образом из относительно менее развитых районов Индии, причем пришлые рабочие соглашались на более низкую оплату труда. Таким образом, новые промышленные центры превратились в фокус межпровинциальной миграции. Индустриальные города Западной Бенгалии до сих пор несут на себе отпечаток этого.

Новая система производства принесла также изменения социологического порядка. Прежде промышленность была большей частью кустарного, домашнего типа, и в ней могла участвовать вся семья. При новой же системе был необходим лишь взрослый, работающий

постоянно рабочий. Следовательно, в новых индустриальных городах семьи рабочих рассматривались как обуза и были нежелательны из-за низкой заработной платы, нехватки жилья и т. п. Поэтому новые промышленные районы привлекали преимущественно взрослых мужчин.

Спрос внутри страны на новые промышленные изделия был невелик. Они производились в основном на экспорт. Естественно, что порт должен был стать центром притяжения для этих современных производств. Так выросла Калькутта, укрепившаяся позднее благодаря строительству железных дорог. К концу XIX в. развивались и росли вокруг Калькутты новые промышленные города, в то время как старые центры торговли и местных промыслов приходили в упадок. Ведущее место, которое Калькутта завоевала в Восточной Индии с середины XIX в., она сохраняет до сих пор. Главенствующую роль Калькутского комплекса подтверждают следующие данные переписи населения 1961 г.:

Территория Восточной Индии	236 682 кв. мили
Все население Восточной Индии	144 720 тыс. человек
Городское население	13 400 тыс. человек
Население метрополитенского дистрикта Калькутты (Калькуттская агломерация)	6 721 тыс. человек

Население Калькутты в официальных границах было около 3 млн. в 1961 г. Второй город Восточной Индии, столица Бихара — Патна, имел лишь 350 тыс. человек.

Поляризация городского населения и несельскохозяйственная деятельность. Уже было указано на высокую степень агломерации в Калькуттском районе. Так, хотя по доле городского населения Западная Бенгалия уступает Махараштре, Тамилнаду и Гуджарату, городское население в штате распределяется крайне неравномерно.

	Все городское население	Крупнейший город	Прочие города
Махараштра	11 163 (100%)	4152 (37,2%)	7011 (62,8%)
Мадрас (Тамилнаду)	8 990 (100%)	1729 (19,2%)	7261 (80,8%)
Западная Бенгалия	8 541 (100%)	6721 (78,7%)	1820 (21,3%)

Примечательно, что такая степень поляризации городского населения в Западной Бенгалии не имеет равных в Индии. Она соответствует высокой концентрации промышленности. Калькуттский метрополитенский дистрикт (Калькуттская агломерация) охватывает части четырех административных дистриктов. Второй главный промышленный район, Асансол — Дурганур, входит в состав дистрикта Бардван. Крупная промышленность почти отсутствует за пределами этих пяти дистриктов. Остальные 11 дистриктов сосредоточивали 52,2% населения штата в 1961 г., но их доля в общем числе занятых в фабрично-заводской промышленности составляла всего 7,3%. К 1965 г., после пятнадцати лет планового развития, доля этих слаборазвитых дистриктов возросла лишь с 7,3 до 7,4%. Самый значительный рост урбанизации и индустриализации происходит в дистрикте Бардван, и его доля в числе занятых в фабрично-заводской промышленности возросла с 6,3% в 1951 г. до 8,7% в 1965 г. Это подтверждается простым расчетом: в 1951—1965 гг. в крупной промышленности Западной Бенгалии только 15,3 тыс. новых рабочих мест были созданы в отсталых дистриктах, тогда как в развитых дистриктах — 211 тыс. По-видимому,

тенденция к концентрации остается в силе. Из факторов, определяющих продолжение концентрации, особенно важны два: большие неиспользуемые производственные мощности в Калькуттской агломерации и высокая стоимость создания инфраструктуры в новых городах.

Оказалось, что джутовая промышленность, вопреки нехватке сырья и конкуренции синтетического волокна, способна к диверсификации своей продукции и выпуску новых видов изделий. Например, джутовые коврики, которые начали выпускать всего десять лет тому назад, ныне приносят ежегодно на 600 млн. рупий иностранной валюты, главным образом в долларах. Если наладить снабжение джутовых фабрик сырьем надлежащего качества, можно будет использовать простаивающие мощности этих предприятий и укрепить экономику страны.

В Западной Бенгалии насчитывается около 300 фабрик, производящих электротехнические и машиностроительные товары. Большинство их расположено в Калькуттской агломерации. Производственные капиталовложения в эти предприятия составляют около 1 млрд. рупий, а их валовая продукция оценивается в 1,5 млрд. рупий.

Следующие данные показывают, как мало используются мощности в основных отраслях машиностроения и металлообработки (%):

	1965 г.	1966 г.	1967 г.
Металлоконструкции	76,3	66,9	39,8
Стальные трубы	88,3	82,4	57,7
Литье и поковки	67,4	49,0	48,1
Цинковый прокат	91,7	84,8	18,8
Железнодорожные вагоны	85,3	55,8	42,2
Трейлеры	154,2	70,3	60,1
Водопроводные трубы	63,6	86,0	62,7
Прядильное оборудование	136,4	83,6	78,6
Металлорежущие станки	76,3	81,2	70,4

Капитальные затраты, необходимые для создания производственных возможностей в новых городах, включая водоснабжение, канализацию и т. д., представляют действительно тяжелое бремя с точки зрения экономики нынешнего дня. В то же время расходы на душу населения сокращаются с увеличением его численности. Это способствует росту существующих городов и препятствует развитию новых городских центров (табл. 2).

Таблица 2

Стоимость инфраструктуры в расчете на душу населения для новых индийских городов (в рупиях) при проектируемом населении, тыс. человек

Город	Проектируемое население	Приобретение земли, обследование, подготовка строительной площадки	Водоснабжение	Канализация и осушение почвы	Электрификация и освещение улиц	Гражданское строительство (кроме жилищного)	Всего
Чандigarх	150	23	175	208	29	215	650
Бихар	60	127	136	85	100	305	753
Руркела	60	86	172	152	124	200	734
Дургапур	70	151	148	145	131	241	816
Пимпри	5	35	59	33	...	140	267
Намруп	10	155	125	134	115	160	689

Конечно, имеются и определенные преимущества в развитии новых городов. Но здесь инициатива редко исходит от средних и даже крупных промышленников, поскольку их интересы ориентированы преимущественно на рынок и они руководствуются лишь перспективой получения максимальной прибыли. В результате ответственность за развитие новых городов ложится главным образом на правительство, но ограниченность государственных ресурсов сдерживает при нынешней системе это развитие. Низкая продуктивность и малая товарность сельского хозяйства — вот другая причина, тормозящая развитие городов как рыночных центров. Отсталое сельское хозяйство не требует современного обслуживания, включая ремонт и изготовление сельскохозяйственных машин. В результате значительные по величине города — центры обслуживания сельского хозяйства возникают очень редко.

Миграция и урбанизация. Большой приток мигрантов в Западную Бенгалию происходит уже много лет. Поскольку в сельском хозяйстве есть избыточная рабочая сила, мигранты концентрируются в основном в городских промышленных центрах. Кроме того, часть мигрантов поглощают плантационные зоны.

Перепись 1961 г. установила, что 46,1% городского населения родилось в месте переписи, 16,9 — в других частях Западной Бенгалии и остальные 37% — мигранты из-за пределов штата. Доля переселенцев неодинакова в различных городах. Например, в Калькутте только 41,3% населения — местные уроженцы, 10,6 прибыли из других частей штата, а 48,1% — из-за пределов Западной Бенгалии. Доля мигрантов зависит от функциональной характеристики города: более индустриальные городские районы показывают большую концентрацию мигрантов.

Раздел Бенгалии положил также начало притоку беженцев. Свыше 4 млн. человек прибыло из Восточной Бенгалии, из них 3 млн. осели в Западной Бенгалии, в том числе 1,5 млн. — в городах (18,3% всего городского населения Западной Бенгалии).

Прочие районы, откуда прибывают мигранты в Западную Бенгалию, — это соседние штаты Бихар и Орисса, а также Уттар Прадеш. Бихар дает главную часть мигрантов, которые составляли в 1961 г. 9,6% всего городского населения Западной Бенгалии. Примечательно, что внутри штата движение населения невелико: лишь 9% городского населения родились в Западной Бенгалии за пределами дистрикта, где они были переписаны.

Миграции ставят серьезную социологическую проблему. Из штата в штат переселяются главным образом мужчины. На тысячу мигрантов из Бихара, Ориссы и Уттар Прадеша приходится менее 350 женщин. Доля женщин лишь немного больше (439 из 1000) среди мигрантов, прибывающих из более отдаленных штатов. Явное несоответствие между мужским и женским населением ведет к тому, что большая часть городского населения Западной Бенгалии лишена семейного уюта, а следовательно, менее заинтересована в благосостоянии места, где они живут и работают. Значительная часть их доходов переправляется на родину. Города Западной Бенгалии теряют вследствие этого часть средств для своего развития. Из-за отсутствия семьи многие из переселенцев не чувствуют себя дома в районах иммиграции и не стремятся к интеграции с местным населением.

Современная сеть городских поселений. На общем фоне истории западнобенгальской урбанизации можно рассмотреть основные особенности сети городов.

Города Индии по величине населения делятся на шесть классов: I — 100 тыс. человек и более, II — от 50 до 100 тыс., III — от 20 до 50 тыс., IV — от 10 до 20 тыс., V — от 5 до 10 тыс., VI — менее 5 тыс. В табл. 3 показаны изменения за 50 лет (1911—1961) числа городов и доли (в %) городского населения по соответствующим классам городов.

Т а б л и ц а 3

Число городов Западной Бенгалии и их население

Класс городов	Число городов в 1911 г.	Процент городского населения в 1911 г.	Число городов в 1961 г.	Процент городского населения в 1961 г.
I	2	45,76	12	55,48
II	2	4,43	19	14,93
III	21	25,66	46	17,01
IV	25	15,07	45	7,45
V	22	7,00	50	4,52
VI	9	1,08	12	0,61
Всего	81	100,0	184	100,0

Плотность городского населения убывает в соответствии с уменьшением населения города. В 1961 г. плотность в городах I класса составляла (округленно) 40 тыс. человек на I кв. милю, II класса — 13 тыс., III класса — 7,6 тыс., IV класса — 5 тыс. и VI класса — 3 тыс.

Территориально только три города I класса расположены за пределами Калькуттской агломерации: Кхарагпур, Асансол и Бардван. Центры дистриктов, расположенные более равномерно, в большинстве своем относятся к II или III классу.

Зависимость между величиной городов и их функцией. Попытки сопоставить функции и величину городских поселений приводят к определенным выводам. Применяя статистический метод среднего отклонения, находим следующую взаимозависимость:

1. Города с преобладанием функций обслуживания и торговли имеют население от 50 тыс. до 100 тыс.

2. Города — транспортные узлы имеют население от 100 тыс. до 150 тыс.

3. Индустриальная функция городов не связана прямо с их величиной. Промышленными могут быть и небольшой город с населением 51,4 тыс. (Халисахар), и крупный город с населением 512,6 тыс. (Хаура).

Однако взаимозависимость, указанная выше, не может считаться абсолютной, поскольку расчеты сделаны только по 29 городам I и II классов, расположенных в южной части штата.

Зависимость между плотностью населения и урбанизацией. Много различных факторов влияет на рост городов: производственные функции, географическое положение, величина территории, плотность населения и др. Но по ряду показателей (доход, объем производства) соответствующие данные в низовом территориальном разрезе не всегда имеются. Однако они косвенно отражаются в показателе плотности населения. Следовательно, можно рассчитать зависимость между плотностью и урбанизацией.

Метод, которым ведется изучение подобного соотношения, предус-

матривает следующее: 1) за низовую единицу принимается полицейский участок; 2) полицейские участки, не имеющие городского населения, исключаются; 3) избранные полицейские участки группируются по плотности населения; 4) по каждой группе высчитываются средняя плотность и средний процент городского населения, а затем изображаются в виде диаграммы. Получается кривая, которая показывает, что имеется определенная связь между плотностью и урбанизацией. При увеличении плотности населения на 1 человека на 1 кв. милю доля городского населения возрастает на 0,00714%.

Проблемы роста городов. Ряд факторов, включая экономические, физикогеографические и социальные, сдерживает рост городского населения в штате.

Джутовое производство — важнейшая отрасль хозяйства Западной Бенгалии. Но джут высшего качества произрастает в Восточной Бенгалии. Сильная конкуренция восточнобенгальских джутовых изделий, так же как и нехватка джутового сырья хорошего качества, привела к уменьшению роли джутовой промышленности в Калькутском промышленном узле. В 1951 г. из 552 тыс. человек, занятых на крупных промышленных предприятиях Калькутского метрополитенского дистрикта, 277,5 тыс. работали в джутовой промышленности. Соответствующие цифры для 1963 г. — 666,5 тыс. и 239,6 тыс. Занятость в джутовой промышленности в 1963 г. составляет лишь 86% от уровня 1951 г. Хотя ряд других отраслей производства развивался успешно, кризис в этой крупнейшей отрасли тормозил развитие промышленности в целом.

Другой район, где были сделаны крупные капиталовложения в промышленность, — это Дургапур, расположенный поблизости от каменноугольного бассейна, к северо-западу от Калькутты. Здесь создано много предприятий тяжелой промышленности, в том числе металлургические, коксовые, химические, машиностроительные. Эти капиталоемкие отрасли не требуют очень большого числа занятых, в результате чего к 1961 г., после 13 лет планового развития, население Дургапура достигло лишь 100 тыс. (табл. 4).

Т а б л и ц а 4

Занятость на предприятиях Дургапура и Калькутты

	Предприятия Дургапура в 1966/67 г.	Крупные предприятия Калькутской агломерации в 1962 г.
Производительный капитал	4070 млн. рупий	5480 млн. рупий
Выпуск продукции	650 " "	6660 " "
Добавленная стоимость . . .	420 " "	2610 " "
Валовой доход	250 " "	1730 " "
Занятость	50,8 тыс человек	619,5 тыс. человек

Примечательно, что в Калькутском комплексе рентабельность составляет около 32% против 6% в Дургапуре. Дургапурские предприятия требуют 80 тыс. рупий капиталовложений для создания одного рабочего места, тогда как в Калькутском комплексе для этой цели требуется лишь 9 тыс. рупий. Это показывает, что эффективность капиталовложений для разнообразных отраслей Калькутского комплекса намного больше, чем для отраслей тяжелой промышленности, создан-

ных в новых городах типа Дургапура. Но в связи с кризисом джутовой промышленности основа промышленной структуры Калькутского района изменилась. В независимой Индии все большее значение приобретают государственные капиталовложения, а они направляются в первую очередь на развитие базовых отраслей. Большая часть капиталовложений в джутовую промышленность шла из иностранных источников. Из всего этого следует, что рост занятости в городах недостаточен, чтобы ускорить темп урбанизации в штате.

Модернизация сельского хозяйства могла бы усилить рост промышленности. Насосы понадобились бы в сельской местности для нужд малой ирригации, сельскохозяйственные машины — для современных форм сельского хозяйства и т. д. Но спрос на эти товары невелик, поскольку большие территории еще не электрифицированы, а также ощущается нехватка средств. Только солидная многоцелевая организация с четкой долгосрочной программой развития может обеспечить здесь прогресс, но она еще не развернула свою деятельность.

Вторая причина отставания урбанизации — хронический кризис городского благоустройства. Большинство муниципалитетов не имеет возможности для нормального обеспечения горожан водоснабжением и канализацией, школами, лечебными учреждениями и т. п. Существует постоянная нехватка жилья. Так, в Калькутте годовые муниципальные расходы на одного жителя составляют 12 рупий, в Хауре, Дам-Даме, Хугли-Чинсуре, Чандернагоре, Котранге и Уттарпаре — от 7 до 11 рупий, а в остальных городах Калькуттской агломерации — от 2 до 7 рупий (данные за 1961 г.).

Загрязнение р. Хугли наносит огромный ущерб Калькуттскому комплексу. В результате постепенного сокращения притока свежей воды с верховьев и заиливания русла условия судоходства на реке ухудшаются, так что теперь только суда водоизмещением до 10 тыс. т могут заходить в порт Калькутты. Извилистость русла, наличие мелей увеличивают трудности судоходства. Растущая стоимость землечерпательных работ, медленная транспортировка через перегруженную в пределах Калькутты часть реки, малая грузоподъемность судов, сокращение торговли углем удорожают портовые операции в столице штата. Объем грузопотоков в порту Калькутты фактически находится все время на одном уровне, тогда как расходы быстро растут. Такое положение дел мешает росту Калькутты, так как не менее трети ее жителей прямо или косвенно связано с работой порта.

Уже говорилось о существующей в городах диспропорции полов. Естественный прирост в Калькуттской агломерации очень мал, и ее население растет лишь в результате иммиграции. Например, за 10 лет (1951—1961) естественный прирост в Калькутте едва составил 1%, хотя население города возросло за этот период на 8,5%. Число женщин на 1000 мужчин в городах Западной Бенгалии составляло:

	1901 г.	1911 г.	1921 г.	1931 г.	1941 г.	1951 г.	1961 г.
Калькутта	518	492	487	468	456	581	612
Хаура	584	564	520	537	528	610	644
Все города штата	650	614	591	578	559	660	701

Некоторое выравнивание соотношения мужчин и женщин с 1951 г. объясняется иммиграцией из Восточной Бенгалии, которая осуществлялась семьями. Однако нужно указать, что несоответствие мужского и женского населения, а также замедление естественного прироста менее выражены в небольших городах, которые в 1951—1961 гг. росли быстрее.

Перспективы урбанизации. Более высокий темп роста городского населения очень желателен для Западной Бенгалии. Сельская местность перенаселена. Ее экономика выиграет, если избыточная рабочая сила найдет себе применение в городах. Желательно также, чтобы большая часть будущего естественного прироста была поглощена городами.

Существующая неравномерность между концентрацией населения в городах и на других территориях штата должна быть уменьшена. Конечно, это сложная задача, требующая времени, но нужно начать этот процесс. Иначе будет очень трудно сбалансировать региональное развитие. По оценке Государственной плановой комиссии, в менее урбанизированных районах желателен рост городского населения на 7% в год в ближайшие 15 лет, чтобы он мог оказать существенное влияние на развитие этих районов. Однако для урбанизированных частей штата на этот период более целесообразным представляется ежегодный прирост на 3,5%. На этой основе можно сделать очень приблизительный подсчет проектируемого городского населения для различных регионов Западной Бенгалии (табл. 5).

Т а б л и ц а

Перспективы роста городов Западной Бенгалии

Регион	Городское население, тыс.		Занятые в промышленности, тыс.	
	1961 г.	1981 г.	1961 г.	1981 г.
Менее развитый регион с важным значением плантаций и лесов (дистрикты Дарджилинг, Джалпайгури и Кочбихар). Городской центр — Силигури	340	1 317	15	198
Сравнительно развитой земледельческий регион (дистрикты Западный Динаджпур, Малда, Муршидабад, Надия и Бирбхум)	761	2 950	51	442
Промышленно развитой регион (дистрикты Хаура, Хугли, 24 Парганы, Калькутта, Бардван). Главные городские центры: Калькуттская агломерация и Асансол-Дурганпур	6891	13 690	948	2250
Сравнительно слабо развитый земледельческий регион (дистрикты Миднапур, Банкура и Пурулия). Главные городские центры: Халдиа, Ххарагпур—Миднапур	549	2 127	35	320

Насколько эти проекты окажутся реальными, будет зависеть от способности открыть и использовать необходимые ресурсы. В настоящее время существует и развивается урбанизированная территория, очерчиваемая 160-мильной кривой с тремя основными узлами: Асансол-Дурганпур на западе, Калькуттский метрополитенский дистрикт в центре и строящийся порт Халдиа на юго-западе. Другой центр, который быстро вырос после раздела, главным образом благодаря притоку беженцев, а также вследствие переориентации транспортных путей, связывающих Северный Бихар, северную часть Бенгалии и Ассам,— это Силигури в гималайских предгорьях дистрикта Дарджилинг. Но здесь промышленная база очень слаба, поэтому Силигури трудно состязаться в темпах роста с тремя другими городскими центрами штата.

Асансол-Дурганпур — это сгусток 14 городов, вытянутый полосой в 50 миль. В 1961 г. там насчитывалось около 400 тыс. жителей. Этот

городской комплекс основывается в первую очередь на развитии угольной и металлургической промышленности. В нем прирост городского населения в 1951—1961 гг. был больше, чем в Калькуттской агломерации (40% против 8,5). Около 18% прироста были связаны с иммиграцией. Предполагается, что к 1985/86 г. население Асансолско-Дургапурской агломерации достигнет 1,5 млн.

Калькуттский метрополитенский дистрикт, безусловно, останется надолго первенствующей городской агломерацией. Его население превышало 6,5 млн. в 1961 г.⁵; предполагается, что оно возрастет к 1985/86 г. до 11—12 млн. Вследствие огромной концентрации населения, рыночного характера экономики, преимуществ географического положения и некоторых улучшений в деятельности порта в связи с осуществлением проекта строительства плотины в Фаракке крупнейшая городская агломерация штата сохранит свою роль поляризатора населения. Проект Фаракка близок к окончанию. Ожидается, что после 1971/72 г. часть гангской воды будет проходить через р. Хугли, что улучшит условия судоходства и водоснабжения Калькутты. Новый глубоководный порт Халдиа строится в 60 милях ниже Калькутты на правом берегу р. Хугли. Этот порт будет способен принимать крупные суда грузоподъемностью 60 тыс. т, а затем, после углубления судоходного русла,—свыше 80 тыс. т, Калькутта же может принимать лишь суда грузоподъемностью до 10—12 тыс. т. Ожидается, что Халдиа будет перерабатывать 12—13 млн. т грузов в 1975/76 г. (через Калькуттский порт проходит в среднем 10 млн. т грузов в год). Новый портовый город должен иметь крупную промышленность, включая нефтепереработку, нефтехимию, производство удобрений и машиностроение. По оценке на 1985/86 г., население города Халдиа достигнет 350 тыс.

На оси Асансол — Дургапур — Калькутта — Хаура — Халдиа имеется ряд других процветающих городских центров. Ожидается, что эта ось останется и впредь становым хребтом урбанизации штата. Если удержится существующая тенденция, то едва ли до конца нынешнего столетия тяга к рассредоточению городского населения станет сколько-нибудь заметной. Только в отдаленных территориях, например в Силигури, или в районах важнейших строек, например в Фаракке, могут развиваться зачатки новых ядер урбанизации. Но небольшим городам, расположенным вне основных районов урбанизации, вряд ли представится возможность развить свои экономические и культурные функции и стать значительными городскими центрами.

⁵ В 1971 г.—7040 тыс. человек. (Прим. перев.)

Б. П. Супрунович

АГРАРНЫЕ МИГРАЦИИ И СДВИГИ В ГЕОГРАФИИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ИНДИИ

Основные особенности расселения 500-миллионного населения Индии сложились еще в древности. В течение многих столетий земледельческой колонизации были освоены прежде всего равнинные по преимуществу районы с плодородными аллювиальными, красноземными и желтоземными почвами и относительно большим (не менее 800—1000 мм) количеством осадков. Вследствие этого зона высокой плотности населения охватывает прежде всего Индо-Гангскую равнину и прибрежные низменности, в то время как Гималаи, внутренние горные и плоскогорные, засушливые и пустынные районы заселены гораздо реже. В эту общую схему расселения были внесены значительные изменения в колониальный период, особенно в XX в., а также в первые десятилетия существования независимого индийского государства.

Сдвиги, происходящие в географии населения Индии в последние десятилетия, в большой степени касаются роста крупных городов и городского населения в целом. Однако изменения происходят и в географии сельского населения. Исследовать их важно и интересно, поскольку Индия была и остается аграрной страной. В сельской местности живет 82% населения, и удельный вес сельского населения не уменьшается, несмотря на сравнительно быстрый рост городов. Известно, что в абсолютном исчислении сельское население растет быстрее городского. Так, в 1951—1961 гг. сельское население выросло на 63 млн. (18%), а городское — на 16 млн. (26,2%)¹.

Исследование миграций населения Индии базируется прежде всего на материалах переписей². Особенно подробные сведения по этому вопросу содержит перепись населения 1961 г. [21], которая подразделяет мигрантов на выходцев из сельской и городской местности, группирует их по длительности пребывания в данном штате, по полу и возрасту.

При всем многообразии типов и направлений миграций в аграрной Индии в них участвуют прежде всего сельские жители. Это относится как к переселению в города, так и к переселению из сельской местности в сельскую же.

Население Индии, как и других развивающихся стран Азии и Африки, не отличается большой подвижностью. Аграрное перенаселение,

¹ Все сведения о численности и приросте населения в 1961 г. взяты из источника: [18].

² Имеется ряд работ советских авторов, исследующих сдвиги в географии населения Индии, в том числе и миграции [1; 2; 3; 4; 6].

разорение крестьянства и частичное его обезземеление выталкивает людей из родной деревни. Но другие экономические силы, включая задолженность крестьянина и трудности в поисках новых источников дохода ввиду слабого развития промышленности и недостатка свободных земель для освоения, приковывают крестьянина к его деревне. Ряд социальных факторов, к числу которых относятся кастовый строй, а также ранние браки и большая патриархальная семья, препятствует переселению. Немаловажное значение имеют и национальные (языковые и культурные) различия, существующие в разных районах многонациональной Индии, закрепленные ныне границами штатов, которые также могут сдерживать миграции.

С другой стороны, развитие капитализма в Индии и связанные с ним строительство крупных промышленных предприятий, рост городов, прокладка железнодорожных путей, ирригационное строительство, развитие плантационного хозяйства еще в конце XIX в. дали толчок миграциям по экономическим причинам. В этом направлении действует также значительное промышленное и ирригационное строительство, осуществляемое в независимой Индии. Сеть современных путей сообщения облегчает миграции.

Как уже указывалось, сельское население Индии считается относительно малоподвижным. Это правильно, если рассматривать только миграции между штатами или между дистриктами. Но если добавить мигрантов между деревнями внутри дистрикта, а также иммигрантов из-за границы в сельскую местность, то резко увеличатся как общее количество мигрантов, так и их удельный вес.

Таблица 1, составленная индийскими исследователями К. Закариа и Дж. Амбаннаваром, дает объем внутренних миграций населения Индии за 1901—1961 гг. Не представляется возможным определить объем миграций из сельской местности в сельскую за 1901—1951 гг. в целом по Индии, но он, несомненно, превышал половину общего числа мигрантов.

Таблица 1

Миграции населения между штатами и дистриктами *

Период	Миграции между штатами		Миграции между дистриктами	
	число мигрантов, млн.	процент ко всему населению	число мигрантов, млн.	процент ко всему населению
1901—1911	6,2	2,54	9,4	3,89
1911—1921	3,7	1,45	6,8	2,79
1921—1931	3,5	1,33	5,9	2,26
1931—1941	4,0	1,33	6,7	2,27
1941—1951	6,4	1,88	10,7	3,18
1951—1961	9,2	2,29	13,0	3,25

* [4, 163].

Перепись 1961 г., учитывающая сельское или городское происхождение мигрантов и длительность их пребывания в месте переписи, позволяет подробно исследовать этот вопрос для десятилетия 1951—1961 (табл. 2).

В сельской местности в 1961 г. насчитывалось около 108,8 млн. мигрантов, т. е. 30% сельского населения было затронуто миграциями.

Кроме того, в городах живет 19,7 млн. сельских уроженцев. Из этих данных видно, что, хотя подвижность сельского населения меньше, чем городского, где 45% жителей — мигранты, сама по себе она значительна.

Естественно, что миграции между деревнями одного и того же дистрикта, составляющие большую часть (78%) всего объема миграций в сельской местности, не приводят, как правило, к сдвигам в географии сельского хозяйства или географии сельского расселения. Они связаны с социальными факторами, прежде всего с экзогамией деревенских общин и кастовых групп. Отсюда резкое преобладание женщин (60,9 млн. из 77,5 млн. мигрантов) в движении населения такого рода. Это преимущественно брачные миграции. Надо сказать, что значительная часть миграций между дистриктами и штатами тоже представляет собой небольшие передвижки в пределах соседних деревень, которые находятся по разные стороны извилистых границ. Среди сельских мигрантов, пересекающих границы дистриктов, женщины составляют около 70%, среди пересекающих границы штатов — почти 59%.

Т а б л и ц а 2

Миграции сельского населения Индии *

Направление миграций	Тыс. человек	Процент к сельскому населению
Мигранты из сельской местности в сельскую	99 101	27,6
в том числе:		
внутри дистрикта	77 521	21,6
мигранты между дистриктами одного и того же штата . .	16 244	4,5
мигранты между штатами . . .	5 336	1,5
Мигранты из городской местности в сельскую	4 815	1,3
Мигранты из неустановленных местностей в сельскую	345	0,1
Иммигранты из-за границы в сельскую местность	4 493	1,2
Всего	108 754	30,2
Мигранты из сельской местности в города	19 680	

* Составлено по: [21].

Брачные миграции или миграции в связи с рождением ребенка особенно характерны между штатами хиндиязычного ареала, где отсутствуют четкие этнические рубежи. Так, в Мадхья Прадеше среди 670 тыс. сельских иммигрантов из других штатов насчитывается 414 тыс. женщин (62%), в Уттар Прадеше из 753 тыс.— 455 тыс. (61%), в Дели из 77 тыс.— 52 тыс. (68%), в Раджастанхана из 402 тыс.— 277 тыс. (69%) и т. д. В Южной Индии преобладание женщин среди мигрантов меньше.

Значительная часть сельских миграций на небольшие расстояния (будь то между деревнями внутри дистрикта, между соседними дист-

риками или между соседними штатами)³ происходит по экономическим причинам. Это прежде всего сезонные сельскохозяйственные миграции в периоды жатвы и других полевых работ. В миграциях этого рода преобладают мужчины, что подтверждается данными переписи относительно времени пребывания мигрантов в районах, где они прошли перепись.

Переписи улавливают сезонные миграции в различных штатах. Например, переписи 1901—1931 гг. отмечают довольно значительный приток сельскохозяйственных рабочих, в том числе и из соседних провинций и княжеств, на жатву пшеницы и уборку урожая хлопка в долину Нармады (современный штат Мадхья Прадеш), на уборку джута в дельту Ганга, на сев и жатву риса в Нижнюю Бирму и т. д. Региональные отчеты о переписи 1961 г. отмечают сезонные миграции с преобладанием мужчин в Восточном Гуджарате в связи с уборкой пшеницы и хлопка урожая раби, в Уттар Прадеше — в периоды сева и уборки хариф и раби. В Западной Бенгалии сельскохозяйственные рабочие передвигаются в период сева и жатвы из дистрикта Банкура в Бардван и Хугли, из Миднапура в восточные дистрикты и т. д.

Своеобразная форма сезонных миграций сложилась в районе Ку-маонских Гималаев, где обрабатываются суходольные поля на бхабаре, т. е. на сложенных обломочным материалом и выположенных под действием текучих вод участках в предгорьях Сиваликского хребта. В холодный период года сюда спускаются жители гор из Алморе и Найни-Тала и поднимаются крестьяне из соседних равнинных дистриктов. Отгонно-пастбищное животноводство и кочевой образ жизни бхотия и некоторых других этнических групп, обитающих в гималайских дистриктах Уттар Прадеша и Химачал Прадеша, тоже представляют собой пример сезонных миграций.

Миграции внутри сельской местности в поисках работы связаны также с потребностью в рабочей силе на строительстве дорог, ирригационных сооружений, на шахтах и других предприятиях. Так, переписи 1951 и 1961 гг. отмечают значительное скопление мужчин, уроженцев соседних дистриктов, в дистрикте Мирзапур (Уттар Прадеш), где шло строительство Рихандской ГЭС. В сельских районах дистрикта Бардван (Западная Бенгалия) мигрантов притягивает работа на шахтах, в Кумаоне — лесоразработки и т. д.

Однако заметные изменения в географии сельского населения вызывают лишь миграции на средние и дальние расстояния, когда переселение происходит на длительный срок либо навсегда, причем в потоки переселенцев включаются и их семьи. В результате этого резко увеличивается численность и плотность населения в районах иммиграции, что сопровождается усиленным развитием производительных сил в сельском хозяйстве. Кроме того, районы иммиграции часто становятся также ареной хозяйственного и этнического взаимодействия и взаимовлияния коренного и пришлого населения. Районы, привлекающие переселенцев, могут быть и городскими и сельскими, в то время как резервуары мигрантов — это почти всегда территории с преобладающим сельским населением.

В XX в., как показывает анализ переписей, крупнейшими районами оттока сельского населения являются штат Бихар (как его равнинные, так и чхотанагпурские дистрикты), штат Уттар Прадеш (особен-

³ Реорганизация штатов и связанные с ней изменения границ привели к тому, что ряд миграций между соседними дистриктами или даже внутри дистрикта попали в разряд миграций между штатами и наоборот. Уже после переписи 1961 г. произошла реорганизация штата Панджаб

но 10 аграрных дистриктов областей Горакхпур, Фаизабад и Варанаси), территория современного штата Тамилнаду. Орисса, современные штаты Раджастхан и Андхра Прадеш также принадлежали и принадлежат к районам оттока сельского населения. Но разница между эмиграцией и иммиграцией здесь гораздо меньше: 60—80 тыс. человек (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Объем миграций из сельской местности в сельскую по штатам и некоторым территориям *

Штат, территория	Миграция между дистриктами		Миграция между штатами				Иммиграция из-за рубежа в сельскую местность	
	тыс. человек	процент к сельскому населению	въезд, тыс. человек	процент к сельскому населению	выезд, тыс. человек	баланс внутренних миграций, тыс. человек	тыс. человек	процент к сельскому населению
Андхра Прадеш	1205	4,0	224	0,8	306	—82	5	0,0
Ассам	333	3,0	358	3,4	58	+300	670	6,1
Бихар	1599	3,8	461	1,1	972	—511	133	0,3
Гуджарат	728	4,8	125	0,8	76	+49	26	0,2
Керала	630	4,4	145	1,0	127	+18	6	0,0
Мадхья Прадеш	1437	5,2	670	2,4	435	+235	31	0,1
Тамилнаду	635	2,6	118	0,5	375	—257	40	0,2
Махараштра	1609	6,0	368**	1,3	325	+43	12	0,0
Майсур	739	4,1	435	2,4	265	+170	2	0,0
Орисса	478	2,9	190	1,2	251	—61	14	0,1
Панджаб***	1146	7,1	355	2,2	493	—138	1210	7,5
Раджастхан	782	4,6	402	2,4	460	—58	158	0,9
Уттар Прадеш	4064	6,2	554	0,9	753	—199	68	0,1
Западная Бенгалия	753	2,8	659	2,5	289	+370	1507	5,6
Химачал Прадеш***	20	1,5	52	4,0	38	+14	13	1,0
Андаманские и Никобарские о-ва	—	—	13	26,5	0,3	+13	19	38,7
Дели	—	—	77	25,6	46	+31	4	1,3
Трипура	—	—	15	1,4	11	+4	344	33,1

* Составлено по: [21].

** Без учета иммигрантов из Гоа, Дамана и Диу.

*** В границах 1961 г.

До раздела Индии существенное место во внутренних миграциях, особенно колонизационного типа, занимали восточнобенгальские и восточнопанджабские крестьяне.

При рассмотрении экономической структуры населения вышеуказанных районов и их экономического положения оказывается, что общая экономическая отсталость, хозяйственный застой и аграрное перенаселение достигают в районах оттока населения особенно большой величины. В этих районах, за небольшим исключением, отсутствуют притягательные для населения промышленные центры, а плотность населения, в том числе сельского, как правило, очень высока.

Таблица 4 показывает структуру сельского населения основных районов эмиграции в сравнении со среднеиндийскими цифрами. Из таблицы видно, что во всех главных районах эмиграции, исключая Тамилнаду, доля сельского населения и, что еще важнее, доля занятых в земледелии гораздо выше, чем в целом по Индии. Плотность сельского населения на равнинах Уттар Прадеша, Бихара и Тамилнаду в 1,5—3,5 раза превышает среднюю плотность сельского населения

Индии. Бросается в глаза исключительно высокий процент безземельных батраков среди земледельцев в равнинном Бихаре и Тамилнаду.

Можно думать, что в действительности число безземельных намного больше, чем показывает перепись, ибо безземельность маскируется большой патриархальной семьей, столь характерной для Индии, и небольшими размерами земельных наделов, которые, конечно, уменьшаются в районах высокой плотности. Сельские жители, не занятые в сельском хозяйстве, также по сути дела зависят от него, ибо это большей частью члены ремесленных каст и другие лица, обслуживающие деревенскую общину и получающие за свой труд вознаграждение в период сбора урожая.

Таблица 4

Структура сельского населения основных районов оттока населения (1961 г.)*

Район	Население, млн. человек	Сельское население, млн. человек	Процент сельского населения	Занято в земледелии		Процент безземельных батраков к земледельческому населению	Плотность сельского населения (на 1 кв. км)
				млн. человек	процент к работающему сельскому населению		
Восточные равнины Уттар Прадеша *	22,5	21,1	94,0	8,1	88,0	19,0	364
Равнины Бихара	34,8	32,3	92,5	10,2	82,2	37,2	354
Чхота Нагпур	11,7	10,2	87,1	4,5	82,0	13,1	125
Тамилнаду	33,7	24,7	73,3	8,9	72,5	30,0	197
Индия в целом	439,2	360,3	82,0	127,5	78,5	24,0	116

* Сюда включено 12 аграрных дистриктов областей Горакхпур, Фаизабад и Варанаси. Исчислено по данным: [19].

Нужно иметь в виду также исключительно высокий процент низших и неприкасаемых каст, которым отличаются вышеуказанные районы, особенно Тамилнаду. Несомненно, что значительную часть людей, переселяющихся из Уттар Прадеша, Бихара и Тамилнаду, составляют безземельные крестьяне и выходцы из низших неземледельческих каст, которых не может прокормить их традиционное ремесло, а никакой возможности получить землю для земледельческих занятий нет⁴.

Численность эмигрантов зависит также от уровня занятости населения, от величины наделов, от наличия местных притягательных центров. Так, в восточной части Уттар Прадеша эмигрирует в среднем 5% населения. Наибольшее число эмигрантов (7—8% населения) уходит из дистриктов Деория и Баллия, где самый маленький размер землевладений и часты наводнения, наименьшее — из Бахрайча, где имеются свободные земли для освоения, и дистрикта Варанаси с его

⁴ Конкретные исследования индийских социологов и этнографов показывают, что из деревень уходят, с одной стороны, члены каст, профессии которых пришли в упадок, и беднейшие земледельцы, а с другой стороны — выходцы из богатых землевладельческих семей. Если первые уходят на заработки, чтобы накопить денег на погашение долгов, на покупку скота, инвентаря и т. д., то вторые, главным образом молодежь, уезжают на учебу или на работу в конторах и лавках близлежащих городов. Среди эмигрантов из Бихара много людей из касты земледельцев, которые занимаются на земляные работы в дорожное или иное строительство.

относительно развитой кустарной промышленностью и крупнейшим религиозным центром [30, 33—34].

Условия оттока населения в центральных районах Уттар Прадеша и береговой Ориссы сходны с условиями, существующими на востоке Уттар Прадеша и в равнинном Бихаре; положение в береговых округах Андхра сходно с положением в Тамилнаду.

Несколько по-иному обстоят дела в Чхота Нагпуре и в смежных и сходных с ним по национальному составу населения районах внутренней Ориссы и восточной части Мадхья Прадеша. Здесь плотность населения сравнительно невелика, а процент безземельных невысок. Отсюда уходили представители отсталых народностей и племен (адиваси), у которых интенсивно идет процесс разрушения общинной собственности на землю. Поставленные в безвыходное положение потерей земли и деморализованные гибелью племенных порядков горцы во множестве отправлялись в чужие края для работы на плантациях.

К районам оттока сельского населения в последние годы снова присоединился Панджаб. В границах штата до реорганизации 1966 г. деревня дала почти полмиллиона переселенцев в сельские местности других штатов. Эта цифра значительно увеличится, если учесть переселенцев в современный штат Хариану.

Внутренние аграрные миграции тесно смыкаются с расселением беженцев из Пакистана после раздела Индии. Из 8857 тыс. перемещенных лиц, зарегистрированных накануне переписи 1961 г., 4163 тыс. были расселены в сельской местности [28, 1961, 139]. Они и составляют главную часть 4,5 млн. заграничных уроженцев, переписанных в сельской местности в 1961 г. Многие из них сменили место жительства внутри Индии в 1951—1961 гг.

Изучая аграрные миграции, обязательно нужно учитывать и миграции между дистриктами. Таблица 4 показывает, что штаты Уттар Прадеш, Мадхья Прадеш, Махараштра, Майсур, Раджастхан, Панджаб и некоторые другие выделяются как большим объемом аграрных миграций между дистриктами (от 700 тыс. до 4 млн.), так и высоким удельным весом таких миграций в населении, превышающим общендийский уровень. Во многих случаях эти миграции вызывают заметные сдвиги в географии сельского населения и сельского хозяйства.

Среди штатов, где велики и число, и удельный вес мигрантов в сельской местности, прежде всего выделяются Ассам и Трипура. В 1961 г. в сельской местности Ассама было зарегистрировано 1,1 млн. уроженцев других районов Индии, Пакистана и Непала. По материалам соответствующих переписей, в 1951 г. доля некоренного населения в штате составляла 14,8%, в 1931 г.— 20%, в 1921 г.— 16,1%, и в 1911 г.— 12,5% [17; 14; 12; 10]. Следующие три основных потока миграций характерны для Ассама за последние 60—70 лет: приезд плантационных рабочих-кули на чайные плантации, переселение бенгальцев-земледельцев на новые земли равнинной части штата и наплыв непальцев (скотоводов и земледельцев). Поток бенгальских земледельцев-мусульман после раздела сменился потоком бенгальских индусов-беженцев, однако и проникновение мусульман не прекратилось. За 60 лет (1901—1961) население Ассама увеличилось на 320%, т. е. росло вдвое быстрее, чем в целом по стране (186%). Подобная же картина наблюдается и в Трипуре.

К числу штатов, где количество сельских иммигрантов превышает отток населения из сельской местности, относятся также Майсур (точнее, его западные дистрикты, особенно Малнад), Мадхья Прадеш, Западная Бенгалия (главным образом северные плантационные дист-

рикты), в небольшой степени Махараштра, Гуджарат, Керала⁵, а также Андаманские и Никобарские острова. В Раджастхане, имеющем отрицательный баланс сельских миграций, выделяется северо-западный дистрикт Гангангар, привлекающий панджабских земледельцев. В пределах Уттар Прадеша обращает на себя внимание приток сельских иммигрантов в гималайские округа области Кумаон.

Существует определенная постоянная связь между районами оттока и районами вселения. Так, из восточных округов Уттар Прадеша половина переселенцев уходит в Западную Бенгалию, главным образом в промышленный район Калькутты, 15% — в Ассам (на плантации), 13% — в Бихар (на угольные шахты), 10% — в Бомбей (на фабрики) [30, 35—36]. Равнинный Бихар и береговая Орисса дают рабочую силу промышленным районам Калькутты и долины Дамодара, а Чхота Нагпур и внутренняя Орисса — чайным плантациям Ассамы и северных округов Западной Бенгалии.

К числу миграций, изменяющих географию сельского населения и хозяйства страны, относятся, во-первых, миграция плантационных рабочих, во-вторых, внутренние колонизационные миграции, связанные с сельскохозяйственным освоением новых земель, в-третьих, расселение пакистанских беженцев в сельской местности. Последний вид миграции частично тоже относится к колонизационным.

Миграции плантационных рабочих. Миграции плантационных рабочих длительное время занимали ведущее место среди внутренних миграций населения Индии на дальние расстояния. Плантационные культуры требуют значительного числа рабочих рук, а наиболее приспособленные по климатическим условиям для выращивания плантационных культур районы были малонаселенными.

Создание крупных плантаций было одной из форм вовлечения Индии в мировой капиталистический оборот и эксплуатации ее со стороны английского капитала. Первая чайная плантация была заложена в 1835 г. в ассамском округе Лакхмипур вскоре после того, как был обнаружен в этом районе дикорастущий чайный куст и отменена монополия Ост-Индской компании на торговлю с Китаем. Плантации основывались на государственной земле, арендуемой на 30-летний срок. Бурный рост плантаций, сопровождавшийся биржевыми спекуляциями, приходится на 60-е годы XIX в.⁶. В 30-е годы XIX в. началось также широкое выращивание кофе в Южной Индии. В послевоенные годы средняя ежедневная численность плантационных рабочих колеблется от 1,1 млн. до 1,3 млн., из них примерно две трети приходились на чайные плантации [35, 1963/64 г., 531].

Два основных района плантационного хозяйства — чайный в Северо-Восточной Индии (Ассамско-Бенгальский) и кофейно-чайно-каучуковый в Южной Индии (Тамилнадуско-Майсурско-Керальский) — различаются не только по своей специализации и значению в индийском хозяйстве, но и по условиям формирования рабочей силы. Когда в 30-х годах прошлого столетия было сочтено выгодным вкладывать капиталы в развитие чайных плантаций Ассамы и Бенгалии, эти районы сами не могли дать достаточное количество рабочей силы, так как товарно-денежные отношения здесь были развиты слабо и процесс расслоения крестьянства только начинался. Горцы, владевшие землей

⁵ В Западной Бенгалии, Махараштре и некоторых других штатах значительная часть переселенцев в сельскую местность занята в промышленности. Гуджарат и Керала в целом имеют отрицательный баланс миграций.

⁶ История и экономика чайных плантаций в Индии освещается в книге: [7].

на общинных началах, и ассамцы-райяты не хотели идти в плантационную кабалу. В лучшем случае коренные жители (главным образом качары) соглашались работать на расчистке джунглей, что было для них привычным делом. В заболоченных джунглях, покрывавших склоны гор, которые окаймляют долины Брахмапутры и Сурмы, население было малочисленным, к тому же тогда велось военное строительство в этих пограничных районах. Вследствие отсутствия общинный рынок труда и неразвитости средств сообщения не могло быть и свободного притока рабочей силы извне.

Первоначально вербовка кули проводилась по системе кабального найма, и рабочие жили на плантациях в особых поселках под охраной. Специальные подрядчики-вербовщики через своих агентов — аркатти доставляли партии обманутых людей на плантации, где их ожидал каторжный труд. За доставленных на плантации кули плантатор расплачивался с подрядчиками, а те — с аркатти. Часто аркатти, заплатив долги помещику и ростовщику, становился жестоким кредитором кули, который вынужден был отрабатывать свои долги аркатти, оставаясь на плантациях и после истечения пятилетнего срока.

Вербовка по системе аркатти стоила сравнительно дорого. В результате борьбы рабочих, возмущения общественности и ограничения произвола плантаторов в законодательном порядке этот вид найма стал невыгоден, и на смену ему пришла видоизмененная система вербовки сардари. На место посредников-аркатти стали служащие — сардары. В Ассаме их роль заключалась лишь в вербовке рабочих. В Дарджилинге же они становились также надсмотрщиками, артельщиками и ростовщиками для завербованных ими кули (часто их земляком). Вербовка по системе сардари стоила дешевле, контракт был одногодичным, после чего кули мог вернуться на родину, наняться снова на год или поселиться здесь же, на полученном по системе райят-вари клочке земли. Сардары стремились вербовать рабочих с семьями, чтобы иметь возможность эксплуатировать дешевый труд женщин и детей. Постепенно и эта система изжила себя и была отменена к концу 20-х годов.

Существовало большое сходство между миграциями на чайные плантации Ассама и эмиграцией на плантации в заморские страны: в системе вербовки рабочей силы, в отдаленности района, в частичном превращении плантационных рабочих после истечения срока контракта в свободных поселенцев. По необходимости вербовка велась в достаточно удаленных от Ассама местах.

Миграции рабочих на плантации Ассама и Бенгалии, начавшись в 1858—1859 гг., продолжались в течение многих десятилетий, в большой степени способствуя развитию производительных сил в Северной Бенгалии и Ассамской долине. В джунглях были расчищены обширные участки под плантации. По последним данным, площадь плантаций составила 86 тыс. га в Западной Бенгалии и 172 тыс. га в Ассаме, а сбор чая в этих районах с первых 12 ящиков, проданных на лондонском аукционе в 1838 г., вырос до 276 тыс. т в 1966/67 г. Одновременно происходит быстрый рост населения в плантационных районах. Только рабочее население, живущее на чайных плантациях Ассама, выросло со 136 тыс. в 1876 г. до 1,1 млн. в 20—50-е годы.

Миграции на чайные плантации Северо-Восточной Индии шли преимущественно из Бихара и Ориссы, восточных дистриктов Соединенных провинций (ныне Уттар Прадеш) и Центральных провинций (ныне Мадхья Прадеш). Особое место среди завербованных рабочих занимали выносливые и трудолюбивые адиваси (санталы, ораоны,

гонды, мунда) из Чхота Нагпура и других горных и плоскогорных районов Центральной и Восточной Индии, за которых сардары-вербовщики получали особые комиссионные в придачу к своему жалованью⁷. Кроме того, выходцы из Непала пополняли ряды плантационных рабочих в Дарджилинге и Дуарах.

Уже в отчете о переписи 1901 г. движение плантационных рабочих в Ассам ставится на первое место в списке направлений миграций. В течение десятилетия, предшествовавшего переписи 1901 г., за пределами Ассама было завербовано 597 тыс. взрослых рабочих (от 32 тыс. до 96 тыс. в год), причем объем вербовки был особенно велик в 1897 г., когда в Чхота Нагпуре свирепствовал голод [91, 90]. По данным соответствующих переписей, в 1901—1911 гг. на плантации Ассама было ввезено свыше 500 тыс. кули, в 1911—1921 гг.—769 тыс., а в 1921—1931 гг.— всего лишь 169 тыс. [37, 24]. Таким образом, за 40 лет (1891—1931) число иммигрантов кули превысило 2 млн. Резкое уменьшение иммиграции плантационных рабочих в 1921—1931 гг. было связано как с кризисными явлениями в чайной промышленности, так и с забастовками и волнениями на чайных плантациях. Вербовка на плантации стала непопулярной среди горцев Чхота Нагпура. Кроме того, нужда в приезжих рабочих стала меньше, так как на плантациях сложился определенный контингент постоянных рабочих. Частично и местные жители, ассамцы и горцы, стали наниматься на плантации. Тенденция к уменьшению ввоза кули на чайные плантации получает развитие в последующие десятилетия, включая военное время и период после раздела Индии. С начала 30-х годов число местных рабочих⁸ превышает число приезжих первоначально ненамного, а затем в полтора-два раза [17, 69]. Ввоз рабочих, однако, продолжается и позднее—от 28 тыс. до 56 тыс. в год в 1931—1951 гг. Например, в 1949/50 г. на плантации Ассама прибыли 13 тыс. мужчин, 8 тыс. женщин и 7 тыс. детей, причем 80% из них по вербовке [33, 15].

В настоящее время приток плантационных рабочих в Северо-Восточную Индию почти прекратился в связи с общим сокращением рабочих на чайных плантациях как в этом районе (с 701 тыс. в 1955 г. до 631 тыс. в 1964 г.), так и в целом по Индии [28, 1967 г., табл. 139].

Наделение рабочих землей было одной из форм заработной платы на плантациях, и часть их, отработав срок контракта, оседала в Ассаме. Уже в 1901 г. осели на землю 7 тыс. кули, которые получили для расчистки и освоения 90 тыс. акров земли, а в 1911 г. число бывших кули, занявшихся потребительским земледелием на собственной или арендованной земле, определялось в 300 тыс. [9, 90; 10, 86].

Перепись 1961 г. зарегистрировала в сельской местности Ассама 358 тыс. сельских мигрантов, в том числе 199 тыс. из Бихара и 49 тыс. из Ориссы. Из них примерно 100 тыс. занято на плантациях, а 74 тыс.— в земледелии. Среди последних много бывших плантационных рабочих [22].

Сходное положение и в чайных районах на севере Западной Бенгалии, где насчитывается около 200 тыс. плантационных рабочих. Например, в сельской местности дистрикта Джалпайгури перепись 1961 г. зарегистрировала 143 тыс. сельских жителей—уроженцев других штатов, в основном Бихара, Ориссы и Уттар Прадеша, а также 38 тыс.

⁷ Так, в 1921 г. из 922 тыс. плантационных рабочих в Ассаме 533 тыс. родились вне Ассама, в том числе 388 тыс.— в провинциях Бихар и Орисса и 60 тыс.— в Центральных провинциях [11, 86].

⁸ Эти местные рабочие были, однако, большей частью детьми рабочих-иммигрантов.

уроженцев Непала. Свыше трети работающих иммигрантов заняты на плантациях [26а].

Миграции рабочих на чайные плантации, а также на земляные работы оказали значительное влияние на национальный состав населения Ассамской долины. Некоренное население долинного Ассамы, связанное преимущественно с чайными плантациями, весьма значительно: в 1951 г. оно превышало 700 тыс. (7,8% населения), а в 1961 г.— 880 тыс. (7,5%). Оно состоит из трех основных групп: хиндустанцы и бихарцы — выходцы из восточных округов Уттар Прадеша, Мадхья Прадеша и равнинного Бихара (306 тыс. и 510 тыс. соответственно), народности Чхота Нагпура (243 тыс. и 201 тыс.) и ория (110 тыс. и 145 тыс.) [15, 21].

Несмотря на наличие такой значительной прослойки некоренного населения в густонаселенных округах, нет указаний на враждебное к нему отношение со стороны ассамцев, поскольку экономические интересы ассамских земледельцев и пришлых рабочих не сталкиваются. Чхотанагпурцы и гонды в Ассаме имеют тенденцию к ассимиляции, усваивая хинди или ассамский язык.

Плантационный район Южной Индии, где выращиваются кофе, чай и каучук, включает Кург и часть других горных дистриктов штата Майсур, горную часть штата Керала и дистрикт Нилгири в штате Тамилнаду. Плантации современного типа, небольшие по размеру, возникли здесь в середине XIX в., пережили упадок на рубеже XIX и XX вв. и усиленно развиваются в последние десятилетия. Особенно это относится к производству кофе, которое с 1950 до 1965 г. выросло в 2,5 раза. Площадь кофейных насаждений составила, по данным 1964/65 г., 111 тыс. га (в том числе 78 тыс. га в Майсуре), а число занятых на кофейных плантациях превышает 300 тыс. [28, 1967 г., табл. 14, 15, 139].

В горном дистрикте Нилгири до двух третей посевной площади занято под чаем и кофе. В Курге около трети посевной площади занято под кофе. Почти все каучуковые плантации размещаются в Керале. Как и в Ассаме, пригодные для возделывания плантационных культур местности были здесь труднодоступными и слабозаселенными. Традиционные занятия коренного населения сводились к охоте, собирательству и разведению крупного рогатого скота. Однако в отличие от Ассамы эти слабозаселенные гористые районы были окружены со всех сторон равнинами с высокой плотностью земледельческого населения, у которого далеко зашел процесс классового расслоения. Эти районы и дали массу переселенцев — тамилы, малаяли, каннада, тулу — в плантационные районы, а проведение железных и шоссейных дорог сильно облегчило это переселение.

В отличие от Ассамы в юго-западном плантационном районе переселение происходило на небольшие расстояния. Многие рабочие, проработав 1—3 года, возвращались на родину, другие оседали на месте, но контингент рабочих все время обновлялся. В 1931 г. в горной части княжества Траванкур свыше 40% населения составляли выходцы из других штатов, в основном тамилы. Движение на плантации охватывало в Мадрасской провинции десятки тысяч человек ежегодно, особенно в дистриктах Коимбатур, Тирунелвели и Раманатхапурам. Другой поток рабочих — тулу и каннада — направлялся на плантации с запада, из приморского округа Южная Канара, причем значительная их часть ехала по вербовке.

По переписи 1951 г., на 229 тыс. населения в Курге было 55 тыс. уроженцев других дистриктов Майсура и Мадраса, а из 312 тыс. на-

селения Нилгири 113 тыс. родились в других дистриктах Мадраса, 15 тыс.— в Майсуре и 12 тыс.— в Керале [16]. Наибольшая часть пришельцев в этих дистриктах связана с плантационным хозяйством, хотя часть из них— земледельцы, колонизирующие целинные земли.

Переселенческие движения полностью изменили не только хозяйственный, но и национальный облик ряда территорий Южной Индии, так что, по переписи 1961 г., коренные национальности— курги в Курге и бадага в Нилгири— составляют соответственно 24 и 17% населения. Большинство же населения— это каннада, малаяяли и тулу в Курге, тамилы, каннада и телугу— в Нилгири⁹.

В отличие от чайных кофейные и каучуковые плантации на юго-западе усиленно развиваются. В 1950—1960 гг. число занятых на кофейных и каучуковых плантациях выросло с 219 тыс. до 379 тыс. [35, 1963/64 г., 531]. Следовательно, их притягательность для мигрантов сохранилась и даже растет. Это подтверждается данными переписи 1961 г., согласно которым сельские мигранты составили 35% населения в дистрикте Нилгири и около 27% в дистрикте Кург. Перепись обнаружила также, что значительное количество мигрантов привлек майсурский дистрикт Чикмагалур (112 тыс. человек, или 22% сельского населения), где также имеются большие посадки кофе [24; 25].

Некоторый сдвиг населения из перенаселенных низменных талуков в горные, где расположены чайные и каучуковые плантации, происходит и в Керале. Туда продолжают прибывать рабочие из других штатов, прежде всего из соседнего Тамилнаду. В главном плантационном дистрикте Кералы— Коттаяме, где 7% сельского населения родились в других дистриктах того же штата, зарегистрирована 131 тыс. иммигрантов из других штатов. Иммиграция в сельские местности Кералы из других штатов несколько возросла за 1951—1961 гг. [23, 273, 283].

Колонизационные миграции. Слабоосвоенные и малонаселенные территории притягивают безземельных и малоземельных крестьян из густонаселенных районов с большим аграрным перенаселением.

Некоторые колонизационные потоки отличаются большой многочисленностью, другие невелики по численности. Ряд движений на новые земли протекает в определенный период, но есть и такие, которые наметились в очень давние времена и продолжают до сих пор (например, передвижение хиндустанцев и панджабцев в предгорья Гималаев, а хиндустанцев, бихарцев и ория— в Чхота Нагпур и другие центральные районы, населенные отсталыми народностями и племенами). Колонизационные миграции часто связаны с крупным ирригационным строительством.

Миграции бенгальцев в Ассам и Трипуру относятся к важнейшим миграционным потокам Индии первой половины XX в. Ассам, типичный район иммиграции, привлекал страдающих от безземелья и жестокой эксплуатации крестьян из густонаселенных восточных округов Бенгалии¹⁰ своими годными для освоения пустующими землями в долинах Сурмы, Барака и Брахмапутры. Коренное население (ассамцы, земледельческие народности и племена группы бодо-боро) здесь было редкое, хозяйство края неразвито. Это были миграции из одного аграрного района в другой. Переселение велось стихийно, и при всем бездорожье края близость колонизируемых земель и наличие водного пути облегчали бенгальцам заселение долин Ассама.

⁹ Все сведения о национальном составе на 1961 г. взяты из источника: [20].

¹⁰ Мусульман-переселенцев было 85%, а среди индусов большинство принадлежало к одной из низших каст— намашудро.

Это переселение началось в 10-х годах и продолжалось четыре десятилетия, вплоть до раздела Индии, причем началось оно неожиданно для колониальных властей. Еще в отчете о переписи 1901 г. отмечалось не только отсутствие, но и невозможность бенгальской иммиграции в Ассам. Однако в следующее десятилетие началась массовая иммиграция, и население дистрикта Гоалпара выросло на 30%. Это был авангард переселенцев, а в 1911—1921 гг. происходило, по определению руководителя переписи Дж. Т. Мартена, «мирное завоевание» Ассама бенгальцами из Майменсингха, Пабны и других дистриктов. Характеризуя миграцию бенгальцев в равнинные округа Ассама (прежде всего в Силхет и Качар, а затем Гоалпару, Дарранг, Наугонг и Камруп), Мартен подчеркивает неодолимость и постоянство этого движения. «Где только есть свободная земля, туда и устремляются майменсингхцы. Сущему наваждению подобен захват ими пустующих территорий в Ассамской долине. Без суеты, без шума, не докучая властям, за последние 25 лет из Бенгалии в Ассамскую долину переместилось население, которое исчисляется, наверное, более чем полумиллионом человек» [11, 87].

Малоземельные и безземельные восточнобенгальские крестьяне из перенаселенных, подверженных наводнениям районов, где они в качестве арендаторов и субарендаторов обрабатывали дорогие и неудобные участки, нашли в Ассаме плодородную и дешевую землю, открытую для заселения по системе райятвари. Только между 1911 и 1921 гг. прибыло около 300 тыс. переселенцев, которые расселялись вдоль рек Сурмы, Барака, Брахмапутры, все дальше уходя от их берегов [12, 41—42]. К 1931 г. количество переселенцев составило 500 тыс., в том числе 140 тыс. вновь прибывших [14, 65].

В последующие два десятилетия иммигранты-бенгальцы стали селиться и в долине верхнего течения Брахмапутры (дистрикты Сибсагар и Лакхимпур). Число переселенцев в 1930—1950 гг. оценивается в 322 тыс. Даже раздел Индии не прекратил просачивания мусульман-иммигрантов, хотя и был принят закон о запрещении иммиграции пакистанцев [17, 75—76].

В 1951 г., уже после отделения дистрикта Силхет в пользу Пакистана, перепись зарегистрировала в Ассаме 559 тыс. уроженцев Восточной Бенгалии (не считая перемещенных лиц), в том числе 536 тыс. на равнинах (6,9% населения равнинного Ассама) [17, 754].

С экономической точки зрения оценка миграций бенгальцев в Ассам может быть только положительной, ибо она дала отдушину для Восточной Бенгалии, страдавшей от аграрного перенаселения, и способствовала развитию производительных сил Ассама. Трудолюбивые и опытные земледельцы-бенгальцы принесли с собой более эффективные методы хозяйствования и усовершенствованные орудия, и их поля давали намного больше продукции, чем поля коренных жителей Ассама. Кроме того, они способствовали распространению товарно-денежных отношений, внедряя товарные культуры, например джут и табак. За 50 лет (1901—1951) площади под рисом возросли с 1789 тыс. акров до 4093 тыс., удвоились посевы рапса, горчицы и сахарного тростника [27, 28—29]. Местное население начинало выращивать какие-то новые культуры, только убедившись в успехах, достигнутых переселенцами.

В то же время бенгальская колонизация вызвала ряд нежелательных последствий: произошло несколько конфликтов с местным населением, прежде всего в Гоалпаре, по вопросу о собственности на землю. Переселенцы оседали не только на государственных землях, но и на пустошах, принадлежавших коренному населению, включая адива-

си. Специальное законодательство с 1920 г. установило разделение колонизируемых районов на три зоны, или «линии»: земли, предназначенные только для иммигрантов; земли, где могли селиться как иммигранты, так и коренные жители; земли, где иммигрантам было запрещено селиться. Все-таки бенгальцы оседали и в запретных районах, либо покупая землю, либо (в годы войны) захватывая пустоши явочным порядком [27].

После раздела Индии в Ассам хлынул поток индусов-бенгальцев, максимум иммиграции которых приходился на 1950 г.¹¹. Общее число беженцев из Пакистана в штате достигло 487 тыс. к 1960 г., причем встречной эмиграции мусульман и общинных беспорядков в Ассаме почти не было. После возобновления переселения индусов из Восточной Бенгалии с января 1964 г. по 31 декабря 1968 г. в Ассам прибыло еще 198 тыс. бенгальцев (вместе с санталами и хаджонгами) [28, 1969, 116]. Две трети индусов-иммигрантов к 1960 г. расселились в сельской местности.

Происходит также перераспределение сельского населения внутри штата. Оно направляется из дистриктов Гоалпара и Качар, которые служат воротами миграций, в Верхний Ассам и частично в горные дистрикты, где еще сохранились неосвоенные земли.

Бенгальцы стали второй по численности национальностью в Ассаме. По переписи 1961 г., на бенгали говорило 17,4% населения штата (2,1 млн.). Богатая и образованная верхушка бенгальцев претендовала на преобладающую роль в экономической и политической жизни штата, соперничая с растущим ассамским средним классом. Это обстоятельство также способствует ассамо-бенгальскому национальному конфликту, который обострился в 1960 г. в связи с объявлением ассамского языка единственным официальным языком штата.

Что касается мусульман-земледельцев, то они не только легко усваивают ассамский язык, но и объявляют его родным языком, чтобы упрочить свое политическое положение. Только этим можно объяснить исключительно быстрый рост численности говорящих на ассамском языке (36,5% за 1951—1961 гг.) и тот факт, что удельный вес бенгальцев в населении штата, несмотря на массовую иммиграцию, даже снизился (19,5% в 1951 г., 17,4% в 1961 г.).

Трипура, как и Ассамская долина, была и остается частью зоны бенгальской колонизации. 60% территории Трипуры занято невысокими горами, поросшими лесом. Освоено под пашню примерно 20% территории и, следовательно, имеются некоторые резервы пригодных земель [36, 6, 23]. Колонизируются бенгальцами в первую очередь низменные северо-западные районы, орошаемые реками Хаурат, Гумти, Буриганг, а также крайняя восточная часть, примыкающая к ассамскому дистрикту Качар, который тоже населяют бенгальцы. Перед разделом Индии бенгальцы уже составляли основную часть населения Трипуры, но поток переселенцев из Восточной Бенгалии буквально захлестнул ее. В 1951 г. здесь было зарегистрировано 226 тыс. уроженцев Восточной Бенгалии, из них половина — беженцы. К 1960 г. количество беженцев-индусов возросло до 374 тыс., а позже, с января 1964 г. до марта 1967 г., к ним присоединились еще 115 тыс. перемещенных лиц [17, 62; 28, 1961 г., 139; 1967 г., 112]. В 1951—1961 гг. в Трипуру переселилось 56 тыс. мусульман. В результате этих процессов за десятилетие сельское население союзной территории возросло на 72%. Бен-

¹¹ Автор не касается событий 1971 г., связанных с образованием Народной Республики Бангладеш.

галцы составляют примерно две трети населения Трипуры, тогда как удельный вес коренной народности — трипура — снизился до 25%.

Освоение новых земель в Западном Панджабе и заселение так называемых Колоний-на-Каналах — единственный пример значительного расширения посевных площадей посредством крупного ирригационного строительства в колониальной Индии. Спейт считает, что «не было бы преувеличением рассматривать равнины Инда до 1947 г. как житницу Индии» [5, 490]. Основной массив земель, орошаемых из современных ирригационных систем, находится между реками Джелам и Сатледж, в пределах пакистанских дистриктов Монтгомери, Лаялпур и Мултан¹².

В 1905—1917 гг. англо-индийским правительством был осуществлен проект тройной оросительной системы, использующей воды Джеламы, Чинаба и Сатледжа для орошения 10 млн. акров земли в междуречьях (доабах). Конечно, эти сооружения, на которые было затрачено немало индийских средств, строились не из альтруистических побуждений, а прежде всего для увеличения производства хлопка, в котором нуждалась Англия; кроме того, не нужно забывать и об арендной плате за землю и воду, взимавшейся правительством. Тем не менее положительное значение освоения этих земель для Панджаба очень велико [подробнее см.: 5, 490—495].

Поскольку районы новых ирригационных систем были слабо заселены, освоение новых земель стало делом рук панджабцев из густонаселенной полосы предгорий, главным образом из округов Гуджрат, Сиалкот (ныне в Пакистане), Амритсар, Джалландар, Фирузпур, Хошиарпур и Гурдаспур (современный индийский штат Панджаб). Перепись 1921 г. зарегистрировала в северо-западных засушливых районах Панджаба свыше 600 тыс. уроженцев других дистриктов и княжеств провинции, и эта цифра дает косвенное свидетельство о масштабах миграций [13, 152].

Панджабцы, заселившие эти районы, принадлежали преимущественно к касте джат, но исповедовали различные религии (ислам, индуизм, сикхизм). Орошенная земля делилась на блоки — чаки, к которым приурочивались деревни-колонии. Наделы были крупные — 25—55 акров, привлекавшие состоятельных переселенцев. Часть земли была роздана отставным солдатам и унтер-офицерам, тоже панджабцам. На этих новых землях, больше чем где бы то ни было в Панджабе, получили развитие хозяйства кулацкого, капиталистического типа с соответствующим уровнем товарности и расслоения крестьянства. Нужно отдать должное упорству, трудолюбию и земледельческому опыту крестьян, которые преодолели все трудности первоначального заселения.

В результате раздела Индии в 1947 г. орошаемые земли и ирригационные системы отошли к Пакистану, но головные сооружения каналов остались в пределах Индии (соглашение об источниках водоснабжения состоялось в 1960 г.). Религиозно-общинные волнения вызвали массовое бегство индусов и сикхов из Колоний-на-Каналах. Часть беженцев вернулась в родные места, заняв брошенные мусульманами земли.

В независимой Индии сдвиги в географии сельского населения и связанные с ними новые направления колонизационных миграций свя-

¹² Пакистанские дистрикты указаны по старому административному делению

заны прежде всего с ирригационным строительством, причем потоки переселенцев, как правило, захватывают лишь смежные с районом освоения дистрикты внутри одного и того же штата или соседнего. Примером может служить переселение панджабских земледельцев в Гангангар и в районы на стыке Панджаба и Харианы из густонаселенных западных дистриктов штата. В дистриктах Хиссар, Патиала, Карнал и Сангрур насчитывается по 100—125 тыс. сельских иммигрантов из других районов Панджаба [25а]. Госал Сингх объясняет это введением потолка земельных владений в 30 акров и использованием воды для орошения из нового Бхакра-канала [32, 107—133].

В дистрикте Гангангар (штат Раджастан), полупустынным районе с низкой плотностью сельскохозяйственного населения, благодаря искусственному орошению (каналы Ганга и Гхаггар) создано развитое сельское хозяйство, обеспечивающее наивысший в штате годовой доход на душу населения. Перепись 1961 г. зарегистрировала в этом дистрикте 144 тыс. сельских иммигрантов из Панджаба и 95 тыс. уроженцев Пакистана, тоже панджабцев (вместе они составляют около 36% сельского населения) [25б]. Строительство Раджастанского канала и орошение новых земель, несомненно, вызовет новый приток земледельцев в Западный Раджастан.

Усиленный прирост сельского населения, который происходит в горно-лесном Малнаде за счет миграций из других дистриктов Майсура, также частично связан с ирригационным проектом Шаравати на реке Бхадра и другими гидротехническими работами. Отмечается прибытие земледельцев из береговых дистриктов Андхра Прадеша в районы осуществления ирригационных проектов Тунгабхадра, Хиракуд, Нагарджунасагар. Во всех этих случаях местное население не может полностью освоить новые орошаемые земли, так как не имеет для этого средств или навыков [31].

Примером района, где приток сельских мигрантов не связан с орошением, может служить область Кумаон в Уттар Прадеше, особенно дистрикты Найни-Тал и Дехра-Дун, где идет освоение земель тераев и бхабара путем расчистки лесов. Сельские переселенцы из прочих дистриктов штата составляют 31% сельского населения в Найни-Тале и 11% в Дехра-Дуне; кроме того, здесь осело также значительное число уроженцев Пакистана и Непала [26, гл. V].

Расселение перемещенных лиц из Пакистана (4,2 млн. человек в сельской местности в 1960 г.) было одной из серьезнейших проблем в 50—60-е годы. Большинство беженцев осело в Ассаме, Панджабе, Западной Бенгалии и Трипуре, где они либо заняли брошенные мусульманами земли, либо включились в освоение целинных земель.

Наряду с этим для размещения беженцев были созданы специальные колонии. Наиболее известен и значителен проект Дандакаранья, который осуществляется под руководством специальной правительственной организации. Дандакаранья — это обширная (78 тыс. кв. км) слабонаселенная местность, которая расположена к северу от реки Годавари, на стыке штатов Мадхья Прадеш (дистрикт Бастар) и Орисса (дистрикты Корпут и Калаханди). Эта территория предоставлена беженцам из Восточной Бенгалии для хозяйственного, в первую очередь земледельческого освоения. Земля первоначально предоставляется в аренду на 5 лет, а затем переходит в собственность тех семей, которые хорошо ее обрабатывают. Заселению предшествуют работы по выявлению пахотнопригодных земель, причем до 25% земли выделяется коренным обитателям этого горно-лесного района — адиваси. К декабрю 1968 г. здесь было выявлено 113,5 тыс. акров пахотнопри-

годных земель, 58 тыс. акров уже обрабатываются. Построены 241 деревня для 12,6 тыс. семей перемещенных лиц и 61 деревня для адиваси [28, 1969, 117], создано несколько образцовых ферм. Кроме того, проложены шоссейные и железная дороги, сооружена гидростанция на реке Мачкунд и предприняты шаги к созданию промышленности [8].

Для расселения перемещенных лиц из Восточной Бенгалии предназначены также Андаманские острова, которые составляют одну административную единицу с группой Никобарских островов, но резко отличаются от последних по составу населения. Если на Никобарах существует 14-тысячное аборигенное население, которое все время увеличивается, то негроидные андаманцы почти полностью вымерли, не выдержав столкновения с британской полицейской и миссионерской цивилизацией.

Колонизация Андаманских островов (точнее, Южного Андамана) началась после Национального восстания 1857—1859 гг., когда острова были превращены в место ссылки для врагов британских властей. Потомками каторжников и ссыльных борцов за свободу Индии являются местные уроженцы, говорящие на языках хинди и урду, бирманцы, малаяли, панджабцы. Только карены-христиане прибыли сюда добровольно. Почти все население сосредоточено в районе Порт-Блэра, где было расчищено и освоено под рис и кокосовую пальму до 75 тыс. акров. В 1951 г. на острове было представлено 50 национальных групп на 19 тыс. населения. Только 7 тыс. были местными уроженцами. Господствовал язык хиндустаны [34].

Был разработан проект колонизации Андамана бенгальцами-беженцами, и в 1959 г. туда было намечено отправить около 10 тыс. населения [28, 1960, 158]. Этот план, судя по всему, выполнен, так как в период между переписями 1951 и 1961 гг. население территории Андаманские и Никобарские острова выросло на 105%, а численность бенгальцев — почти в 5 раз, т. е. более чем на 10 тыс. Бенгальцы стали основной национальной группой на Андамане, составив 20% сельского населения этой союзной территории. Переселение на Андаман продолжается. Так, в официальном издании в марте 1965 г. сообщалось, что на о-ве Средний Андаман выявлено 3—4 тыс. га земли, пригодной для обработки, на которой будет расселено 600 семей перемещенных лиц [29, 1965, № 4].

Для перемещенных лиц во второй половине 60-х годов создано пять специальных проектов расселения во внутренних районах страны: Чанда в Махараштре, Бетул, Сургуджа, Панна в Мадхья Прадеше, Исагаон в Андхра Прадеше. В этих колониях к апрелю 1968 г. поселилось 5400 семей [28, 1968, 114].

* * *

За последние 100 лет, когда производились всеобщие переписи населения, аграрные миграции оказывают значительное влияние на географию сельского населения Индии. Они приводят к заселению малонаселенных территорий и созданию новых сельскохозяйственных районов, развитию производительных сил в сельском хозяйстве в районах иммиграции, ослабляя в то же время аграрное перенаселение и давление на землю в районах древнего заселения. Ассамская долина и Колонии-на-Каналах в Западном Панджабе (ныне в Пакистане) были наиболее важными районами освоения новых земель и развития сельского хозяйства в результате аграрных миграций.

Аграрные миграции способствовали созданию в Индии планта-

ционных районов (так же, как и в ряде других стран Азии, Южной и Центральной Америки, Африки и Океании). Плантационное хозяйство, созданное руками рабочих-иммигрантов, до сих пор в значительной мере определяет место Индии на мировом рынке. Для тех районов Северо-Восточной и Юго-Западной Индии, где производство чая и других плантационных культур выступает как главная товарная отрасль, миграции сельскохозяйственных рабочих представляют собой один из районообразующих факторов.

Аграрные миграции способствовали и способствуют внедрению более передовых методов сельского хозяйства и новых культур в отсталых районах, в частности горных районах Гималаев и Центральной Индии. Они усиливают процессы этнической консолидации, если миграция происходит в пределах одного языкового ареала, и процессы этнического взаимодействия в многоязычных районах. И в том и в другом случае это положительное явление. Однако нередки и конфликты из-за земли между местным населением и переселенцами. Это характерно для Ассама, Центральной Индии и некоторых других районов. Землевладельцы, ростовщики и торговцы из среды иммигрантов становятся эксплуататорами и для коренного населения. Администрация штатов и правительство Индии часто принимают специальные меры для охраны прав местного населения, особенно адиваси.

Освоение новых земель и аграрные миграции колонизационного типа в Индии происходят большей частью стихийно. В современной Индии освоение новых земель связано в первую очередь с ирригационным строительством, а также расчисткой джунглей в горных и предгорных районах. Крупные ирригационные и гидротехнические проекты предусматриваются в пятилетних планах развития общественного сектора на уровне Индии в целом и отдельных штатов. Так, наметки четвертого пятилетнего плана (1969—1974) предусматривают расходы на ирригацию и борьбу с наводнениями в объеме 11 млрд. рупий [266, 15]. Открывается возможность планового регулирования миграций сельского населения.

Наряду с орошением и расчисткой новых земель появляются и некоторые социальные предпосылки аграрных миграций. Развитие аграрных реформ и снижение потолка земельных владений может вызвать в отдельных местах излишки сельскохозяйственных земель, которые привлекают переселенцев из близлежащих районов.

В современной Индии почти не осталось малонаселенных районов с большими резервами доступных для освоения земель. Поэтому в будущем следует ожидать преимущественно небольших по объему миграций, главным образом между соседними штатами и смежными дистриктами.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Бонифатьева Л. И., Миграции населения Индии из деревни в город,— «Страны и народы Востока», вып. III, М., 1964.
2. Княжинская Л. А., Изменения в численности и размещении населения Индии за годы независимости,— «Вопросы географии», сб. 64, М., 1964.
3. Петров В. В., Население Индии, М., 1965.
4. Сдасюк Г. В., Сдвиги в географии населения независимой Индии,— «Вопросы географии», сб. 71, М., 1966.
5. Спейт О. Х. К., Индия и Пакистан, М., 1957.
6. Супрунович Б. П., География сельского населения и основные направления миграций в Индии,— «Вопросы физической и экономической географии», М., 1964 (Ученые записки МГПИ им. В. И. Ленина, № 207).

7. Широков Г. К., Экономическое развитие чайных плантаций в Индии, М., 1959.
8. Bose S. C., Dandakaranya — a Developing Hinterland of Visakhapatnam,— «Deccan Geographer», 1969, № 1.
9. Census of India 1901, vol. I, pt I. Report by H. Risley, Calcutta, 1903.
10. Census of India 1911, vol. I, pt I. Report by E. A. Gait, Calcutta, 1913.
11. Census of India 1921, vol. I. India, pt I. Report by J. T. Marten, Delhi, 1924.
12. Census of India 1921, vol. III, Assam, pt I, Delhi, 1923.
13. Census of India 1921, vol. XV, Punjab and Delhi, pt I, Delhi, 1922.
14. Census of India 1931, vol. I, India, pt I. Report by J. H. Hutton, Delhi, 1933.
15. Census of India 1951. Paper № 1. Languages, Delhi, 1954.
16. Census of India 1951, vol. III, Madras and Coorg, pt II-B, Madras, 1953.
17. Census of India 1951, vol. XII, Assam, pt I-A, Delhi, 1954.
18. Census of India 1961. Paper № 1. Final Population Totals, Delhi, 1962.
19. Census of India 1961, vol. I, India, pt 2-A(ii). Union Primary Census Abstracts, Delhi, 1963.
20. Census of India 1961, vol. I, India, pt 2-C(ii). Language Tables, Delhi, 1964.
21. Census of India 1961, vol. I, India, pt 2-C(iii). Migration Tables, Delhi, 1966.
22. Census of India 1961, vol. III, Assam, pt I-A, Delhi, 1966.
23. Census of India, 1961, vol. VII, Kerala, pt I-A(i), Delhi, 1965.
24. Census of India 1961, vol. IX, Madras, pt I-A(i), Delhi, 1965.
25. Census of India 1961, vol. XI, Mysore, pt I-A(i), Delhi, 1965.
- 25a. Census of India 1961, vol. XIII, Punjab, pt 2-C(ii), Delhi, 1965.
- 25b. Census of India 1961, vol. XIV, Rajasthan, pt 2-C(ii), Delhi, 1965.
26. Census of India 1961, vol. XV, Uttar Pradesh, pt I-A(i), Delhi, 1966.
- 26a. Census of India 1961, vol. XVI, West Bengal and Sikkim, pt I-A, Delhi, 1967.
- 26b. Fourth Five Year Plan, Faridabad, 1970.
27. Goswami P. C., Economic Development of Assam, Bombay, 1963.
28. India, a Reference Annual, New Delhi.
29. Indian Information, New Delhi.
30. Joshi V. R., Patterns of Rural Mobility (East Uttar Pradesh),— «Indian Journal of Agricultural Economics», Delhi, 1957, № 4.
31. Narayana D. L., Migration of Farmers and Optimum Distribution of Population,— «Manpower Journal», Delhi, 1966, № 2.
32. Patterns of Population Changes in India 1951—1961, ed. by A. Bose, Bombay, 1967.
33. Plantation Labour in Assam Valley, Simla, 1951.
34. Sinha S., Types of Human Adaptations in Andamans,— «Geographical Review of India», Calcutta, 1952, № 3.
35. Statistical Abstract of the Indian Union, New Delhi.
36. Techno-Economic Survey of Tripura, New Delhi, 1961.

В. А. Пуляркин

СКОТОВОДСТВО В РАМКАХ ТРАДИЦИОННОГО КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА ИНДИИ

Тезис об отсталости индийского и вообще южноазиатского скотоводства (понимаемого здесь в узком значении этого слова как разведение крупного рогатого скота и буйволов) стал уже общеизвестной, можно сказать, банальной истиной. И действительно, на первый взгляд трудно, пожалуй даже невозможно, спорить с этим утверждением, особенно побывав в Индии и увидев на ее дорогах, и пустырях измученных худых коров, с трудом бредущих в поисках корма и, кажется, совсем не пользующихся заботой и вниманием со стороны своих хозяев.

Ясны, казалось бы, и причины такого положения: малоземелье крестьянских хозяйств не позволяет им выделять достаточные площади под посевы фуражных культур, а пастбищных угодий в Индии явно не хватает, особенно в главных сельскохозяйственных районах, которые сильно распаханы. Религиозные традиции индусов, запрещающие забой крупного рогатого скота, приводят к сохранению в стаде старых, больных, малопродуктивных животных и тем самым еще усугубляют тяжелую ситуацию. Такова в кратких чертах общая схема, которой объясняют обычно состояние местного животноводства. И хотя ей трудно отказать в убедительности, все же она несколько однобоко отражает действительность.

Причина, по нашему мнению, кроется в «европоцентристском» взгляде на индийское скотоводство. Между тем функции последнего в национальной экономике принципиально иные, чем в странах умеренного пояса. Крупный рогатый скот в Индии разводится отнюдь не ради молока и мяса, как в Европе, а в качестве тягловой силы. В результате на первый план выдвинулись не коровы, а волы, на которых по существу держится все земледельческое производство. Полевые работы, подъем воды на поверхность из колодезев, перевозка грузов — все это в сельских районах Южной Азии выполняет преимущественно крупный рогатый скот (а также буйволы). От него же зависит сохранение плодородия почвы; поэтому не следует удивляться, что навоз составляет одну из важнейших статей животноводческой продукции. Напротив, это представляется вполне закономерным в тех условиях, когда скотоводство служит как бы осью, скрепляющей между собой различные подразделения сельскохозяйственного производства.

Возможно, ни в одном другом регионе земного шара скотоводству не принадлежит столь существенная экономическая роль, но она выражается не через объем животноводческой продукции, а функционально, ибо лишь наличие крупного рогатого скота обеспечивает вы-

полнение всего цикла сельскохозяйственных работ в южноазиатской деревне. Поэтому прямые сопоставления по продуктивности данной отрасли в пределах региона, в частности в Индии и в зоне умеренного климата, нельзя считать обоснованными. В странах Южной Азии скотоводство практически не стало еще специализированной отраслью, его можно в известной мере считать здесь скорее своеобразным элементом инфраструктуры в сельском хозяйстве. Корова же в этих условиях нужна в первую очередь как средство воспроизводства стада.

Производственное назначение крупного рогатого скота теснейшим образом сказывается на размещении его поголовья. В общем виде можно утверждать: чем сильнее распаханность, тем больше требуется тягловых животных для обработки земли. Поскольку степень распаханности территории тесно связана с плотностью сельского населения, в Индии именно в районах с густым населением наблюдается и сосредоточение стада крупного рогатого скота. В результате некоторые авторы не без основания писали об экономическом парадоксе Индии: районы с минимальной обрабатываемой площадью в расчете на 1 человека характеризуются относительно высокой концентрацией крупного рогатого скота, и насыщенность им в расчете на 1 га посевов прямо пропорциональна плотности сельского населения и обратно пропорциональна площади посевов, приходящейся на одного жителя [25, 12].

Последствие такого положения очевидно — поголовье концентрируется в важнейших земледельческих районах, где основная часть территории давно уже пущена под плуг и потому особенно плохо обстоит дело с пастбищными угодьями. Известный специалист по географии Индии О. Спейт отмечал: «В этих районах скученность населения зачастую настолько велика, что для самой деревни едва находится место среди моря распаханых земель, а следовательно, никаких лугов, никаких постоянных пастбищ, никаких кормовых культур здесь нет и в помине, есть только пустоши, которые в наиболее перенаселенных частях равнины Ганга сведены к маленьким клочкам по обочинам дорог. В иных местах имеющийся корм — главным образом рисовая, пшеничная и просяная солома — идет в первую очередь рабочему скоту — волам; коровам же предоставляется самим заботиться о себе. К апрелю — маю, в разгар жаркой погоды, соломы остается уже очень мало. Подъедена и стерня, во многих районах на деревьях почти нет листьев, а скудная растительность пустошей, грубая, пучковатая и малопитательная или же охраняемая неистовой стражей колючек, превратилась, по существу, в массу сохшейся клетчатки. В это время в большинстве районов Индии скот выглядит просто ужасно — это обтянутые шкурами скелеты, бредущие, пошатываясь, туда, где есть хоть немного тени» [4, 244—245].

В приведенной цитате отмечается прежде всего узость местной кормовой базы, но мимоходом засвидетельствовано также предпочтение, оказываемое крестьянами своему рабочему скоту. То же подтверждает высказывание одного из индийских этнографов: «Вопреки распространенному представлению, крестьяне, насколько позволяют им ресурсы, очень заботятся о своих животных. Вола усиленно используют на полях в июне — августе, а в последующие месяцы, когда работы становится меньше и изможденный скот получает отдых, крестьянин иногда поднимается ночью, чтобы дать волам молодых рисовых побегов» [34, 219]. Количество имеющегося в хозяйстве рабочего скота в известной мере влияет на общественный статус крестьянина. Обследование одной из деревень близ Майсура показало, что почти

В каждом дворе есть пара волов, но из-за недостатка пастбищ лишь немногие могут содержать корову или буйволицу с целью получения молока и навоза. Землевладельцы сдают участки в аренду только тем хозяйствам, которые располагают собственными волами, поэтому даже безземельные крестьяне стремятся приобрести тягловую упряжку. Отсутствие своего скота не позволяет крестьянину провести сельскохозяйственные работы в требуемые сроки — весьма короткие в условиях муссонного климата, что заметно отражается на урожайности. Богатые собственники земли иногда содержат больших, мощных волов в престижных целях. В последнем случае крупный рогатый скот сохраняет значение главного мерил богатства, характерное для ранних стадий товарного обмена и отчетливо прослеживаемое также в странах Тропической Африки.

Уже в довоенное время Британская королевская комиссия по сельскому хозяйству в Индии писала о замкнутом круге, в котором находится скотоводство субконтинента. Объясняется это тем, что поголовье крупного рогатого скота в каждом земледельческом районе регулируется требованиями на волов, спрос на которых тем выше, чем сильнее распаханность. Таким образом, чем хуже условия для содержания скота, тем в большем количестве он нужен. Диспропорция между кормовыми ресурсами и наличным поголовьем ведет к ухудшению качества стада. Тягловый скот становится маломощным, и его требуется, в расчете на единицу обрабатываемой площади, все больше и больше. И наконец, наступает такая стадия, при которой волов и буйволов приходится ввозить из других областей субконтинента. Подобное положение уже в колониальный период очень отчетливо наблюдалось в Бенгалии [2, 57, 99, 137 и др.; 13, 88]. В независимой Индии Западная Бенгалия по-прежнему находится впереди других областей по насыщенности сельского хозяйства рабочим скотом: в середине 50-х годов в штате на каждые 40 га чистой посевной площади приходилось 41 тягловое животное при среднеиндийском показателе 21, т. е. в 2 раза меньшем. Такой разрыв, несомненно, обусловлен прежде всего плохим качеством бенгальского скота. Для сравнения укажем, что в Пенджабе (включая современный штат Хариану) в те же годы 40 га чистой посевной площади обрабатывались с помощью лишь 14 голов рабочего скота [38, 228], но зато последний по своим кондициям выделяется в лучшую сторону в масштабе всего субконтинента.

Следует указать еще на некоторые факторы, влияющие на насыщенность сельского хозяйства тягловым скотом и тем самым на географию последнего. К их числу относятся особенности почвенного покрова: на легких почвах полевые работы проводятся при значительно меньшей численности тяглового скота, чем на тяжелых, глинистых землях. Например, в центральных районах географической области Пенджаб обычная норма для упряжки рабочего скота составляет в сезон около 6 га. Зато на юго-востоке Пенджаба, где почвы значительно легче, пара рабочих животных может обрабатывать до 8 и даже 10 га пашни. Сходные данные приводятся и для Южной Индии — в среднем 6 га, но на черных хлопковых почвах хорошая упряжка вспахивает до 12—16 га [32, 118].

Отраслевая структура земледелия также относится к числу важнейших факторов, воздействующих на концентрацию рабочего скота. Рисоводческие районы предъявляют повышенный спрос на рабочий скот, который здесь к тому же быстро выходит из строя и нуждается в частой замене. Обычно пара волов обрабатывает около 2,5 га рисовых полей; что же касается интенсивно используемых приусадебных

земель в рисоводческой зоне, то для них нормой служит 1 упряжка на 0,8 га [там же].

Орошаемое хозяйство нуждается, естественно, в значительно большем поголовье рабочего скота, чем неполивное. Во-первых, по материалам Андхра Прадеша, на 1 га орошаемых земель требуется по меньшей мере в полтора раза больше затрат труда при пахоте, чем на 1 га суходольных [30, 78]. Во-вторых, ирригация вызывает интенсификацию производства, в частности благодаря использованию второго полевого сезона в году, что резко увеличивает нужду в тягле. В-третьих, рабочий скот требуется для обслуживания мелких ирригационных сооружений. Внедрение дизельных и электрических насосов действует в обратном направлении; так, в одной из деревень в Бароде по указанной причине поголовье рабочего скота уменьшилось со 132 в 1930/31 г. до 89 к 1949 г., когда животные стали использоваться только для тягла [33, 26].

Следует заметить, что в большинстве районов Индии, несмотря на, казалось бы, численно огромное поголовье, ощущается нехватка рабочего скота. Так, для бывших хайдарабадских округов Андхра Прадеша указывалось, что пара волов приходится в среднем на 7,2 га пашни, тогда как рациональной нагрузкой следовало бы считать 4 га [30, 78]. Аналогичное положение отмечено и для ряда районов индийского Панджаба — Амбала, Патияла и Гургаона, несмотря на завоз скота из харианских округов [37, 29].

Хорошие тягловые животные по своей цене недоступны среднему крестьянину. Поэтому часто он вынужден ставить в упряжку корову, стоимость которой в несколько раз ниже. В Панджабе, например, в округе Хисар в конце 50-х годов даже молочные коровы продавались за 100—235 рупий, тогда как цена тяглового скота была от 245 до 450 рупий [25, 128]. Более медлительные буйволы популярны в рисовых районах, поскольку эти животные хороши для работы на затопленных полях; но все же тягловый буйвол ценится примерно в два раза дешевле вола.

В целом по Индии на конец 50-х — начало 60-х годов потребность в тягле оценивалась в 120 млн. голов (при наличии около 60 млн. хозяйств — из расчета минимум 1 упряжка на хозяйство), но фактически в стране насчитывалось менее 70 млн. рабочих волов. Это значит, что около двух третей крестьянских дворов не имеют в достаточном количестве тяглового скота [17, 220]. Таким образом, можно говорить еще об одном парадоксе индийского животноводства — нехватке рабочего скота при огромном, казалось бы, поголовье. Очевидно, в первую очередь это относится к маломощным хозяйствам, которые плохо обеспечены скотом как в абсолютном исчислении, так и в расчете на единицу обрабатываемой площади. Последнее подтверждается результатами всеиндийского обследования, проведенного в начале 50-х годов Резервным банком, на примере районов с развитым торговым земледелием, тогда как в районах с преимущественно потребительским земледелием крупные хозяйства ведут относительно интенсивное производство, что сказывается на их показателях насыщенности скотом (табл. 1).

Сравнение дистриктов, отнесенных к разным типам, помогает уловить тенденцию, выражающуюся в поляризации социальных групп в деревне. Материалы обследования показывают, что с развитием капиталистических отношений крупные хозяйства начинают вырваться вперед по насыщенности скотом. Причем это относится прежде всего к тягловому скоту, так как число молочных животных остается обычно стабильным даже с увеличением размеров хозяйств (среди послед-

них исключение составляет очень небольшое число хозяйств, специализирующихся на продаже молока и молочной продукции). Именно к такому заключению пришли авторы обследований деревень близ Дели [36, 347, 52] и одной западнобенгальской деревни [7, 71]. Следует еще учесть, что мелкие хозяйства обладают обычно плохим по качеству скотом и хуже оснащены современными сельскохозяйственными машинами и орудиями.

Таблица 1

Обеспеченность скотом групп хозяйств в районах с различной степенью развития торгового земледелия *

	Группа хозяйства по стоимости валовой продукции	Размер обрабатываемого участка, акры	Стоимость скота, рупии	Стоимость скота на 1 акр пашни, рупии
Дистрикты с развитым торговым земледелием:				
Акола (Махараштра)	низшая	8,2	227,7	27,7
	высшая	78,6	3827,0	48,7
Махбубнагар (Андхра Прадеш)	низшая	8,2	532,7	65,0
	высшая	98,2	3155,0	32,1
Коимбатур (Тамилнаду)	низшая	5,0	316,9	63,4
	высшая	22,0	2507,9	114,0
Дистрикты со слабо развитым торговым земледелием:				
Биласпур (Мадхья Прадеш)	низшая	4,5	192,2	42,7
	высшая	60,1	3035,7	55,1
Самбалпур (Орисса)	низшая	3,7	228,0	61,6
	высшая	85,3	4466,7	52,8
Бурдван (Западная Бенгалия)	низшая	2,7	355,5	131,7
	высшая	29,4	1352,9	46,0
Султанпур (Уттар Прадеш)	низшая	1,8	184,4	102,4
	высшая	11,0	1228,5	111,7

* [3, 26—27]. Последняя графа рассчитана нами.

Дефицит рабочего скота, отмечаемый в большинстве районов субконтинента, наблюдается одновременно с «перегруженностью» стада животными, потерявшими всякую ценность для экономики. Правда, эти старые, больные и непродуктивные животные не пользуются вниманием крестьянина, который предоставляет им самим заботиться о прокорме, выгоняя их со двора утром на весь день. Таким образом, животные не составляют конкуренции для человека в отношении продуктов питания. Польза от них есть — навоз, пока они живы, шкура — после смерти. Но, разумеется, эта часть стада все же ложится дополнительным бременем на и без того напряженный кормовой баланс страны. В этом случае можно считать, что интересы каждого отдельного хозяйства расходятся с национальными интересами отрасли. Обычно долю указанных животных в общем поголовье крупного рогатого скота оценивают примерно в 10% [11, 1]. Число же малоценных животных значительно больше — они составляют около половины всего поголовья [12, 72]. Рассуждая теоретически, замена их скотом лучших кондиций положительно сказалась бы на показателях животноводства, но на этом пути много трудностей.

Среднему крестьянину трудно поддерживать чистоту породы своего скота, который значительную часть года пасется в общем деревенском стаде на скудных общественных выгонах или без призора бродит по пустырям и жнивью. Главное же то, что в качестве необходимой предпосылки для коренного улучшения положения в индийском скотовод-

стве требуется решить проблему кормов. В частности, по мнению специалистов [28, 143; 42, 90—92], Индию нельзя считать страной, где оправдан круглогодичный выпас скота, хотя это и является сложившейся практикой. В большинстве районов страны эффективный пастбищный сезон длится не свыше 4—5 месяцев в году, но даже в эти месяцы питательная ценность трав недостаточна, чтобы поддерживать высокопродуктивный скот. Особенно во влажных районах травы лишь на очень короткий срок сохраняют высокую питательность, после чего в них резко сокращается содержание белков и увеличивается содержание клетчатки.

Положение с течением времени ухудшается в связи с продолжающейся в стране распашкой пастбищных угодий, причем этот процесс распространяется в первую очередь на лучшие из пастбищ. Многие общинные выгоны выбиты уже до такой степени, что числятся кормовыми угодьями лишь формально. Требуется их постепенное восстановление, для чего рекомендуется на несколько лет выводить их мелкими частями из оборота и эксплуатации [39, 4]. Однако при существующей перегрузке пастбищных угодий это вряд ли может исправить положение. Внедрение товарных культур в земледелие Южной Азии тоже отрицательно сказалось в ряде случаев на кормовой базе скотоводства, так как производилось частично за счет фуражных культур. Исключение в этом отношении составил хлопчатник, в севооборот которого неизменно входят кормовые культуры. Последние в районах поливного хлопководства занимают до 20% и более всей посевной площади, в результате эти районы выделяются относительно развитым скотоводством, в том числе молочным.

Все же именно пахотные земли обеспечивают поступление основной части кормов для местного скота. С полей получают, не говоря уже о специально произведенных кормах, также солому и другие побочные продукты земледелия, которые доминируют в кормовом балансе ряда районов, особенно ориентированных на возделывание риса. Но производство концентрированных кормов в полеводстве экономически не оправдывается в условиях низкой продуктивности скотоводства в регионе. Отрицательно сказывается на местной кормовой базе практикуемый экспорт семян и жмыхов масличных культур, которые могли бы служить ценным подспорьем при содержании породистого тяглого и молочного скота. В целом нехватка концентрированных кормов больше всего ощущается в рисоводческой зоне, где потребность в них удовлетворяется за счет собственного производства лишь на 25%, тогда как в просяной зоне — на 30 и пшеничной — на 55% [39, 50—51].

Стерня, а также пары и залежные земли служат фактически главными выгонами. Прежде всего это справедливо для густонаселенных территорий, характеризующихся высокой распаханностью: так, «в большинстве районов Бихара вся местность после жатвы риса превращается в сплошное пастбище» [29, 204].

Дополнительно в качестве пастбищных угодий в Индии широко используются леса. Они сохранились преимущественно в горных и возвышенных пересеченных районах, где и получила наибольшее распространение практика содержания скота в лесах. В одних случаях интересы животноводства и лесного хозяйства при этом совпадают, так как с поеданием скотом травы уменьшается опасность лесных пожаров, в других — противоречивы, особенно в тех лесах, где ведется заготовка древесины. На крутых склонах выпас скота, в особенности тяжеловесных буйволов, часто приводит к развитию эрозионных процессов, что в итоге нанесло большой ущерб, например, ценным смешанным лесам

у подножья Гималаев. Особенно тяжелое положение складывается вдоль скотопрогонных трасс и близ водоемов, где наблюдается большая концентрация скота.

Возможности для ведения смешанного хозяйства, в котором рационально сочетались бы интересы земледелия и скотоводства, появляются на поливных участках размерами минимум 2 га, по данным Махараштры, и 3 га и более — близ Дели, но на неорошаемых землях крестьянин в этих целях должен располагать наделом примерно в 10 га [39, 8]. Очевидно, большинство хозяйств не имеет возможности для развития подобного многоотраслевого производства и вынуждено отодвигать нужды скотоводства на второй план.

Напряженность кормового баланса в стране, естественно, выдвигает вопрос о сокращении поголовья крупного рогатого скота. Помимо наличия значительного числа абсолютно бесполезных животных, о чем уже упоминалось выше, поголовье излишне «разбухает» также от того, что многомиллионный отряд рядовых крестьянских дворов не обладает возможностями для приобретения хорошего скота и удовлетворяет свои потребности за счет все большего числа посредственных животных. Между тем улучшение условий содержания крупного рогатого скота признается в качестве главной предпосылки для поднятия его кондиций: эффективность работы волов благодаря этому может быть повышена примерно на 30%, еще на 15% ее можно увеличить за счет улучшения породности скота и также на 15% — путем борьбы с болезнями [19, 17]. Аналогичным образом производство молока в регионе можно утроить при меньшем поголовье коров, если соответствующим образом кормить и содержать их на протяжении 2—3 поколений [39, 13].

В этих условиях встает вопрос о религиозных традициях индуизма как о еще одном препятствии на путях подъема скотоводства. Признание коровы священным животным в Индии восходит к глубокой древности. Уже во времена вед существовала школа мыслителей, которая протестовала против убоя столь полезного животного, как корова. Того же взгляда позднее придерживался и Будда. Это не позволяет согласиться с мнением, что вегетарианство есть в конечном счете результат высокой плотности населения в Индии [26, 142]: еще на рубеже XVI—XVII вв. численность населения здесь составляла, видимо, лишь около 100 млн. [14, 25] и имелись значительные ресурсы неиспользованных пахотопригодных земель, а также намного лучше обстояло дело с пастбищными угодьями. Другое объяснение исходит фактически именно из признания этого факта: поскольку в прошлом с кормами и пастбищами положение было явно лучше, то и возникла традиция не убивать крупный рогатый скот, поскольку его сравнительно легко было содержать [11, 1]. Нам представляется справедливым мнение чешских ученых: «Самым священным животным индуистов считается корова. Объяснить это явление одной или двумя причинами невозможно. Развитие данного представления было несомненно сложным. В ведийский период арии занимались разведением скота, и, хотя в те времена после жертвоприношения еще съедали говяжье мясо, исключительное положение коров среди прочих животных берет свое начало именно отсюда. Корова была мерой стоимости у древних индийцев. Одно из санскритских слов, означающих «сражение», буквально расшифровывалось как «стремление получить коров». Их использовали очень широко, и в какой-то степени от этого зависело само существование индийцев. Позднее брахманы провозгласили корову воплощением всех божеств. Все ее продукты считаются священными и очистительными» [1, 399—400].

Особо важная роль, которая принадлежит крупному рогатому скоту в процессе сельскохозяйственного воспроизводства, объясняет тот ореол, которым окружена корова в Индии, но вряд ли отсюда непосредственно можно вывести объяснение обычая вегетарианства и заповеди «не убий», которая у правоверных индуистов распространяется на каждое живое существо. Разумеется, эти религиозные догмы препятствуют экономическому прогрессу, но придавать им первенствующее значение не следует. В частности, положение с животноводством в мусульманской Восточной Бенгалии обстоит не лучше, чем в соседней Западной Бенгалии. Конечно, можно сослаться на сильное влияние там индуистских традиций и пережитков, но основная причина отсталости местного скотоводства заключается в том же комплексе социально-экономических и природных факторов, которые действуют и в соседних районах Индии. Напротив, в Пакистане природные предпосылки для занятий животноводством более благоприятны благодаря лучшей обеспеченности пастбищными угодьями и засушливому климату, в условиях которого скот реже подвержен заболеваниям и меньше страдает от нападений вредных насекомых, и как следствие эта часть субконтинента выделяется относительно развитым скотоводством.

Таким образом, основная непосредственная причина отсталости индийского животноводства лежит в слабости кормовой базы. Пословица телугу четко говорит: «Нет пастбищ — нет хорошего скота, без скота — нет удобрений, без удобрений — нет урожая» [10, 2], подчеркивая взаимозависимости, существующие в рамках сельскохозяйственного производства. Следует заметить также, что традиция вегетарианства у населения имеет под собой весьма серьезное экономическое обоснование в современных условиях. Таблица 2 показывает, сколько при научно сбалансированной диете требуется одному взрослому продукту в Индии.

Т а б л и ц а 2

**Потребности в продовольствии на одного
взрослого в Индии ***

Вид продукции	Потребность, кг в год	Необходимая земельная площадь, акры
Зерновые	146	0,417
Бобовые	31	0,124
Овощи	104	0,023
Масличные	21	0,210
Сахар	21	0,011
Фрукты	31	0,002
Итого продукты растительного происхождения		0,787
Молоко	67	0,186
Мясо	31	1,550
Всего . . .		2,523

* [31, 80].

Учитывая, что в настоящее время в стране пригодная к распашке площадь насчитывает лишь 0,45 га на 1 жителя, в том числе находится в обработке 0,31 га на 1 человека, указанная выше диета не может стать для Индии реальностью (чтобы содержать 1 молочную корову на отходах земледелия, крестьянин должен располагать участком около 1,2 га; в действительности же в стране на 1 корову приходится около 0,4 га пахотной земли) [там же]. Поэтому возможность улучшения питания за счет продуктов животноводства пока маловероятна не только вследствие их относительно высокой стоимости, но и ввиду земельного «голода» в странах Южной Азии. Особенно возрастает потребность в культурных площадях при вводе в диету мяса, о чем отчетливо свидетельствуют вышеприведенные данные; они подтверждают, что при современном уровне продуктивности сельского хозяйства население Индии фактически не может позволить себе отказаться от вековых обычаев вегетарианства.

Заметим, что отказ от забоя не распространяется на буйволов. Они не считаются у народов субконтинента священными животными. Буйволы заметно уступают волам как тягловый скот, и крестьяне содержат в основном буйволиц для нужд молочного хозяйства. Буйволов же забивают на мясо, и поэтому их доля в стаде сравнительно скромная.

В условиях отсутствия специализированного мясного животноводства забой скота бывает связан с отрицательными последствиями для всего сельского хозяйства. Торговцы скупают молочных животных в сельской местности в конце лактационного периода и продают их на мясо в города. Следует заметить, что и крестьяне-индуисты нередко вынуждены продавать скот прасолам, зная, что животные будут забиты, но не имея возможности прокормить их в засушливый сезон. В противном же случае скот погибает, и крестьянин получает лишь стоимость необработанной шкуры [13, 8]. Для забоя обычно стремятся закупить сильных, здоровых животных. Но даже учитывая все эти факторы, следует считать вредной проведенную правыми партиями в Индии кампанию, направленную на полное запрещение убоя крупного рогатого скота. Объективно она тяжелее всего скажется на бедных хозяйствах, лишенных возможности маневрировать с кормами.

При малом потреблении мяса или целиком вегетарианском питании особую роль приобретают молоко и молочные продукты, поскольку они становятся почти единственными источниками белков животного происхождения для населения в большинстве районов Индии. Определенное исключение составляет лишь приморская полоса, где часть жителей занята рыболовством.

Потребность в молоке для жителя региона была оценена в 40-х годах примерно в 280 г в сутки (10 унций), но поскольку подобная цифра была и остается нереальной, то эта норма была снижена почти вдвое (до 6 унций в сутки). Фактическое положение значительно хуже: в 1965 г. производство молока в Индии составило, например, около 3 млн. л в сутки и на 1970 г. оценивалось не более 10 млн. л (или 0,02 л на 1 человека) вместо расчетных требуемых 90 млн. л [40, 23—24, 40; 41, 28]. Автор этих подсчетов, видный специалист по животноводству развивающихся стран, Р. Уайт полагает, что официальные данные ФАО, согласно которым житель Индии получает в день за счет молока и молочных продуктов около 5 г белка в день, при всей мизерности этой цифры должны считаться завышенными. В этом отношении контраст с развитыми странами получается разительный: в последних потребление белков животного происхождения, по мате-

риалам ФАО, равняется 44 г на 1 человека в день, причем обнаруживается тенденция роста в отличие от стагнационных явлений в Южной Азии.

Молочное хозяйство в стране примерно в равной степени опирается на коров и буйволиц. Но доля последних в производстве молока постепенно растет, по мере увеличения спроса на товарное молоко. Это обусловлено тем, что только в качестве производителя молока держать буйволицу явно выгоднее: удоимость ее выше — в среднем по Индии, например, она составляет около 450 кг молока в год против 170 кг у коровы. Высокая жирность молока буйволиц (до 7—8%) тоже составляет большое достоинство в условиях местного климата, когда 40—45% молочной продукции перерабатывается на топленое масло гхи [32, 128—131]. В последние годы, однако, с увеличением потребления растительного масла доля молока, идущего на изготовление гхи, стала сокращаться, что при недостаточном производстве молока в Индии следует оценить положительно.

Соотношение поголовья буйволиц и коров в крестьянском хозяйстве обусловлено взаимодействием ряда факторов. Буйволицы выносливы, устойчивы к болезням и требуют за собой меньше ухода, чем коровы. К тому же буйволицы обладают замечательной способностью превращать в молоко грубые травы, и в голодные годы прокормить их легче. Однако при наличии достаточных пастбищных угодий, а также при высокой стоимости покупных кормов крестьянину выгоднее держать корову [5, 10; 23, 244—248]. В любом случае о ее вытеснении с крестьянского двора не может быть и речи, так как корова обеспечивает воспроизводство поголовья рабочего скота.

Заметим, что в качестве молочного животного корова не должна утратить свою ценность. Молоко буйволиц хорошо для изготовления гхи, но пить его неприятно из-за высокой жирности. Разбавление же водой приводит к снижению относительного содержания белков и минеральных солей, что уменьшает питательную ценность молока, особенно для детей. Поэтому страна нуждается в увеличении надоя, в первую очередь коровьего молока [6, 51].

Среди многих причин, которые объясняют отставание молочного животноводства в стране, специально следует указать на узость внутреннего рынка. По существу покупное молоко доступно лишь зажиточной городской прослойке. В среднем индийцу требуется работать 1 час 7 мин., чтобы заработать на 1 л молока (в Англии для этого нужно 20 мин.) [20, 203]. Относительно высокие цены на молоко и молочные изделия резко ограничивают спрос, между тем исследования по сравнению экономической рентабельности молочного животноводства и земледелия в индийском Панджабе в 1964—1965 гг. показали, что для хозяйств, ориентированных на производство пшеницы в сезон раби и кукурузы в сезон хариф, рыночная цена на молоко (0,70 рупий за 1 л) была явно недостаточной, чтобы оправдать коммерческое содержание буйволиц. Ситуация могла измениться лишь при повышении цен минимум на 10% [15, 55].

Если такое положение наблюдалось в Панджабе — штате с наиболее высоким душевым доходом, то можно с уверенностью утверждать, что в большинстве районов страны экономические условия для развития молочного производства складывались еще менее благоприятно. Этот вывод подтверждает и привлечение показателя подходной эластичности спроса: по суммарным результатам двух обследованной величины этого показателя была определена для всей группы «молоко и молочные продукты» в 1,324 для сельских районов Индии

и 1,459 для городов [24, 85]. В высоком коэффициенте эластичности спроса находит отражение явно недостаточное потребление молока основной массой населения, в результате чего оно стремится при увеличении доходов в первую очередь хотя бы несколько улучшить структуру своего питания. Как показало изучение молочного рынка в г. Дургапуре (Западная Бенгалия), в группе населения с месячным доходом менее 300 рупий потребление молока совсем ничтожно [9, 28—29].

По данным для всей Индии, около 96% молока дают мелкие крестьянские хозяйства, содержащие 1—2 коровы или буйволицы [20, 203]. Даже в окрестностях крупных городов, по материалам обследования 50-х годов одного из районов в непосредственной близости от такого большого города, как Дели, не происходит обособления молочного животноводства в качестве специализированной отрасли. Конечно, влияние Дели ощутимо, особенно в тех частях района, где крестьяне могут ежедневно сами продавать молоко в городе, обходясь без посредников. Однако по-прежнему скотоводство ведется традиционными методами, без перехода на предпринимательские рельсы. Из хозяйств, дающих молоко, 45% содержат лишь 1 молочное животное и только в 4,6% хозяйств оказалось более чем по 5 голов молочного скота, но и то преимущественно для целей воспроизводства стада [36, 4]¹.

Обследованный район как территория, хорошо обслуживаемая транспортными путями, пересеченная оросительным каналом и получающая удобрения за счет сточных вод, обладает неплохими предпосылками для создания сельскохозяйственного производства смешанного направления. Но пока эти возможности остаются не реализованными. Показательно, что среди хозяйств, в которых имелся молочный скот, лишь 3,2% специализировались на молочной продукции, а еще для 71% продажа молока давала второстепенный доход. В тех деревнях района, которые лучше обеспечены кормами, содержится больше молочных животных, но — очередной парадокс! — это не означает заметного увеличения производства молока.

Причина в том, что для крестьянина молочное скотоводство, как уже отмечалось, — второстепенное занятие, которому он может уделить лишь свободное от полевых работ время. Уход за молочными животными поручается старикам и детям, которые пасут скот, заготавливают для него траву, сторожат его и т. п. Чем больше молочного скота в крестьянском хозяйстве, тем меньше заботятся о каждом животном в отдельности. Поэтому, если принять удойность 1 головы скота в хозяйствах района, располагающих 1 коровой, за единицу, то соответствующий показатель в хозяйствах, владеющих 2 коровами, был равен в районе 0,80, в хозяйствах с 3 коровами — 0,71, в хозяйствах с 4 коровами — 0,61, в хозяйствах с 5 коровами — 0,50 и т. д. [36, 47]. Конечно, развитие товарного производства постепенно вносит изменения в отмеченную ситуацию: например, наблюдения в южноиндийской деревне показали, что в помещичьих хозяйствах, поставляющих молоко

¹ Сходная картина была выявлена также в западнобенгальской деревне: число молочных животных остается стабильным в категориях хозяйств с площадью земли до 8 га (в отличие от поголовья рабочего скота, которое увеличивается прямо пропорционально размерам землевладений), и лишь в группе крупнейших хозяйств площадью 8—10 га, происходит резкий скачок — рост в три раза на хозяйство. Однако в этом случае коровы содержатся в первую очередь не ради молока, а для получения навоза. Собственно молочного скота на 1 хозяйство независимо от его размера приходится немногим более 2 голов [7, 71].

на рынок, коровы за лактационный сезон дают в три раза больше продукции, чем у крестьян [18, 23—24].

В чем причины медленного перехода крестьянских хозяйств в Индии к товарному молочному животноводству, даже когда для этого, казалось бы, возникают соответствующие условия? Основная причина, видимо, та же, которая препятствует крестьянину увеличивать вложения в земельное производство, несмотря на внешнюю выгодность: требуется решительная перестройка крестьянином своей экономики, превращение хозяйства в коммерческое, со всем вытекающим отсюда риском. Притом риск становится, пожалуй, большим, чем при товарном земледелии, так как к угрозе неурожая (от чего зависит обеспечение скота кормами) добавляется опасность эпизоотий, яловость и т. д.

Выше уже говорилось, что фуражные культуры на полях предназначаются в первую очередь для рабочего скота, а коровы, тем более когда они не дают молока, живут на травах и побочных продуктах земледелия, которые мало что стоят крестьянину. Лишь в лактационный сезон животные получают концентрированные корма, которые покупаются на деньги, вырученные от продажи молочной продукции. Часто молочное скотоводство приносит крестьянину очень скромную прибыль или даже убыток (если учитывать затраты труда), но в рамках его хозяйства оно является традиционным компонентом, по существу необходимым элементом самого образа жизни.

При организации же товарного производства молока крестьянин должен пойти на значительные первоначальные издержки, в частности на приобретение породистого скота, закупки кормов, наем работника и т. д., и коренным образом перераспределить свои заботы между земледелием и животноводством. На доставку молока к потребителю крестьянину жарким южным климатом отпускается лишь 3—4 часа. Продажа молока посреднику ставит крестьянина в зависимое положение и лишает основной части и без того скромных доходов: считают, что крестьянин получает от торговцев лишь около 60% цены за молоко, уплачиваемой покупателем [35, 5].

В этих условиях снабжение жителей городов свежим молоком более чем наполовину обеспечивается за счет собственного «городского» молочного скота [20, 203]. По одной из оценок, в городах Индии сосредоточено 4% молочных коров и около 6% буйволиц, имеющих в стране [21, 165]. С ростом населения в городах заметно увеличилось в них и поголовье молочных животных. На окраинах возникают специализированные хозяйства, содержащие до 20 буйволиц и живущие целиком за счет покупных кормов. Ежедневно в города прибывают крестьянские повозки, груженные соломой, зеленой массой и другим фуражом, который продается на рыночных площадях, подобно тому как это происходило в средневековых городах Европы.

Наличие значительного количества скота в городах ведет и к отрицательным последствиям. Скученность животных, невозможность быстрой уборки навоза создают антисанитарную обстановку, которая способствует распространению эпизоотий и болезней среди населения— бруцеллеза и др. Поэтому власти стремятся ограничить поголовье скота в городах, создавая, в частности, государственные молочные фермы, а также специализированные «колонии» для частного скота, выводимого из городов. Одна из подобных крупных колоний создана в 30 км к северу от Бомбея и насчитывает 15 тыс. молочных животных, дающих в среднем 2,5 тыс. л молока за лактацию. Зеленые корма выращиваются на месте, остальные привозятся, так как земельная

площадь колонии недостаточна, чтобы достигнуть самообеспечения по фуражу. Все производственные операции в колонии осуществляют собственники скота, покинувшие вместе с ним Бомбей. Непродуктивный скот был вывезен из Бомбея в другую, специальную колонию в Паллгхате [40, 125].

Подобные колонии были основаны и близ других крупнейших городов субконтинента — Мадраса, Калькутты. И все же неофициальная оценка, сделанная для столицы Западной Бенгалии, свидетельствует, что позиции городских производителей молока остаются еще весьма прочными — в собственно Калькутте они обеспечивают поступление около 75% свежего молока, потребляемого в городе [8, 462].

Опыт создания колоний крупного рогатого скота в целом получил в научной литературе положительную оценку. Но создание подобных колоний следует считать частным решением, не отменяющим поисков наиболее рациональных путей развития молочного скотоводства. Последнее должно оставаться в рамках интегрированного сельскохозяйственного производства. Подъем молочного животноводства в индийской деревне в перспективе представляется нам медленным, постепенным процессом, который должен начинаться с укрепления фуражной базы в тех районах, где для этого имеются наилучшие предпосылки. Предварительным условием служит ослабление напряженности продовольственного баланса, притом на путях интенсификации. Экстенсивное расширение производства продовольственного зерна, характерное в прошлом, все более суживало кормовую базу животноводства и привело к обострению противоречий между двумя важнейшими подразделениями сельского хозяйства.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Боги, брахманы, люди. Четыре тысячи лет индуизма, М., 1969 (пер. с чешск.).
2. Материалы Королевской комиссии по сельскому хозяйству в Индии, т. 1, М., 1935 (пер. с англ.).
3. Растяников В. Г., Максимов М. А., Развитие капитализма в сельском хозяйстве современной Индии, М., 1965.
4. Слейт О. Х. К., Индия и Пакистан, М., 1957 (пер. с англ.).
5. Ананд Р. Л., Economic Aspects of Animal Husbandry in Hissar — a Famine Area of Punjab, Lahore, 1945.
6. Arnold F., Pakistan. Economic and Commercial Conditions, May, 1954, London, 1955.
7. Bhattacharjee J. P. and associates, Sahajapur: Socio-Economic Study of a West Bengal Village, Santiniketan, 1958.
8. Bose S., Consumption Demand and Market Structure of Milk in Greater Calcutta, — «AICC Economic Review», New Delhi, 1969, vol. 20, № 17.
9. Bose S., The Milk Market in Durgapur, — «AICC Economic Review», 1969, vol. 20, № 17.
10. Cattle Wealth of Andhra Pradesh, Hyderabad, 1957.
11. Cattle Welfare in Madras, Madras, 1955.
12. Chaudhuri M., An Economic Geography of India, Calcutta, 1953.
13. Das Gupta S. C., The Cow in India, vol. I, Calcutta, 1945.
14. Davies K., The Population of India and Pakistan, Princeton, 1951.
15. Dhawan K. C. and Johl S. S., An Economic Analysis of Dairy Enterprise vis-a-vis Crop Cultivation in Punjab. (A Case Study), — «Indian Journal of Agricultural Economics», Bombay, 1969, vol. 24, № 2.
16. The First Five Year Plan 1955—1960, vol. II, Karachi, 1956.
17. Harris M., The Myth of the Sacred Cow, — «Man, Culture and Animals», Baltimore, 1965.
18. Haswell M. R., Economics of Development in Village India, London, 1967.
19. Human Nutrition vis-a-vis Animal Nutrition in India, New Delhi, 1957.
20. Mann E. J., Impressions of India, — «Dairy Industries», London, 1965, vol. 30, № 3.
21. Matoria C. B., Agricultural Problems of India, Allahabad, 1960.

22. Marsden A., Dairying in India and Pakistan,—«Indian Dairyman», Bangalore, 1956, vol. 8, № 5.
23. Maule J., The Water Buffalo as a Dairy Animal,—«British Agricultural Bulletin», 1953, vol. 6, № 28.
24. Mazumder D. D., Estimates of Increase in Demand for Specific Items of Milk and Milk Products during Fourth and Fifth Five Year Plans,—«Economic Affairs», Calcutta, 1969, vol. 14, № 1—2.
25. Mukherjee P. K. and Gupta S. C., A Pilot Survey of 14 Villages in U. P. and Punjab, New Delhi, 1959.
26. Mukherjee R. K., Food Planning for 400 Millions, London, 1938.
27. Pakistan Census of Agriculture 1960, vol. II, Karachi, 1963.
28. Payne W. J., The Problem of Milk Production in Tropical Countries, I. Introduction,—«Tropical Agriculture», London, 1957, vol. 34, № 2.
29. Prasad K., The Economics of a Backward Region in a Backward Economy. A Case Study of Bihar in Relation to Other States of India, vol. I, Calcutta, 1967.
30. Qureshi A. I., The Economic Development of Hyderabad, vol. I, Bombay, 1947.
31. Rajalakshmi R. and Ramakrishnan C. V., Horticulture in Relation to Nutritional Requirements,—«Plant Foods for Human Nutrition», Oxford, 1969, vol. I, № 2.
32. Randhawa M. S. and others, Farmers in India, vol. 2, New Delhi, 1961.
33. Shah V. and Shah S., Bhuvel. Socio-Economic Survey of Village, Bombay, 1949.
34. Shrinavas M. N., Village Studies and Their Significance,—«The Eastern Anthropologist», Lakhnaw, 1955, vol. 8, № 3—4.
35. Singh H., Key Village in India (The Key Village Scheme), New Delhi, 1961.
36. Sultan M., Survey of Milk Production in the Jamia Development Circle, New Delhi, 1954.
37. Techno-Economic Survey of Punjab, New Delhi, 1962.
38. Techno-Economic Survey of West Bengal, New Delhi, 1962.
39. Whyte R. O., The Grassland and Fodder Resources of India, New Delhi, 1957.
40. Whyte R. O., Milk Production in Developing Countries, London, 1967.
41. Whyte R. O., Livestock Planning for Monsoon Asia,—«Span», London, 1970, vol. 13, № 1.
42. Williamson G. and Payne W. J., An Introduction to Animal Husbandry in the Tropics, London, 1959.

С. А. Мартина

**ОБРАЗОВАНИЕ СОСЛОВИЙ И КЛАССОВ
У ГОРНЫХ НАРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ИНДИИ
(к проблеме классовобразования)**

В связи с проблемой классовобразования заслуживают особого внимания племена и малые народности, которые в силу каких-то исторических причин задержались на ранних этапах общественного развития. Они дают редкую возможность на современном материале проследить конкретные пути превращения бесклассового общества в сословно-классовое.

Речь пойдет о народностях и племенах, населяющих горные районы штата Ассам, штаты Нагаленд (образован в 1963 г.) и Мегхалая (создан в 1968 г.), а также этнически примыкающие к ним Манипур и Горную Трипуру, бывшие княжества, ныне союзные территории центрального подчинения. Это племена и народности гаро, кхаси (Мегхалая), микиры (горы центрального Ассама), куки-чин (южная часть Ассама, районы Манипура и Трипуры), нага (Нагаленд и отчасти Манипур). Общая численность всех горных народов превышает два миллиона человек [подробнее см. 1; 4, 483—506].

Для всех этих малых народностей и племен на северо-востоке Индии характерен процесс становления классового общества, процесс длительный и не одновременный у разных групп. Так, у одних (некоторые народы группы бодо) он начался давно — в начале II тысячелетия нашей эры и был связан с раннегосударственными объединениями этих племен; у других народов (группа чин) европейские колонизаторы застали складывающееся сословное расслоение общества, которое происходило в рамках отдельных общин, но было единым для всего племени; наконец, у некоторых групп (гаро, нага) возникновение имущественного неравенства и выделение классов в общине началось лишь с проникновением товарно-денежных отношений и влияния более развитых равнинных народов (бенгальцев, ассамцев), т. е. лишь с начала XX в.

Особенностью этих процессов у рассматриваемых народов является то обстоятельство, что здесь они происходят в недрах общины. Община до сих пор остается основной ячейкой социально-экономического строя, вне которой не существовало (по крайней мере на ранних этапах классовобразования) никаких социальных групп. Строго говоря, весь прогресс общества на этих этапах выражался в эволюции общинных форм и институтов. Отсюда вытекает необходимость рассмотрения процессов классовобразования в тесной связи с разложением общины.

Все многообразие путей образования сословных и классовых категорий у народностей горного Ассама может быть сведено к двум основным направлениям: путь автохтонного развития сословий и классов; формирование социальных групп и классов под воздействием извне. Первый путь — более ранний, хотя, конечно, нельзя полностью игнорировать возможность тех или иных влияний и на раннем этапе.

Итак, у тех народностей, которые раньше других вступили на путь классовобразования, социальная эволюция в меньшей степени, чем у других, зависела от внешних влияний. К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении материалы крайне скудны и позволяют восстановить лишь отдельные моменты формирования сословий в Ассаме в X—XVI вв. В основном же этот процесс может быть рассмотрен в современных условиях на живом этнографическом материале.

Сами горные народы письменности не имели; ничего не дают для рассматриваемого вопроса и памятники древней индийской литературы — удаленность и труднодоступность Ассамских гор препятствовали знакомству народов Северной Индии с их далекими восточными соотечественниками. Самые ранние сохранившиеся материалы об ассамцах — это исторические хроники на языке пали¹, принадлежащие народу ахом, таиязычным выходцам из Бирмы, которые в XII в. проникли на территорию современного Ассама и в течение последующих веков постепенно распространили свое господство на всю долину Брахмапутры и ее притоков. Беря за основу этот материал, исследователи восстанавливают основные этапы политической истории ассамских народов, попутно приводя сведения и об их социальном строе. Касаются эти материалы народов, принадлежащих к группе бодо, — одной из групп тибето-бирманских переселенцев, представители которой и сейчас разбросаны по различным районам Ассама (гаро, качари, бара-бодо и др.). Бодо были единственными из ассамских народов, относящихся к числу национальных меньшинств, которые имели свои раннеклассовые образования и оставили след в политической истории Ассама.

Согласно имеющимся сведениям [20; 16], к XIII в. значительная часть Ассама (в первую очередь равнинного) находилась под властью различных народов группы бодо — качари, коччов и др. Наиболее ранним считается государство *качари*, которые еще до XIII в. объединили под своей властью большую часть нынешнего Западного Ассама [20, 9]. Период XIII—XIV вв. (так называемый димапурский период — по названию столицы качари г. Димапур) является временем становления ранней государственности у качари. Этот период можно рассматривать как время преимущественно самостоятельного развития политических и социальных институтов качари. В XVI в., после разгрома Димапура ахомами и перенесения столицы в Майбонг, качари стали испытывать заметное влияние индуизма, который на протяжении веков постепенно проникал к ним из Северной Индии². Это влияние сказалось на всей структуре их государства, так же как и на государствах коччов и чхутия, кульминация развития которых совпадает с обращением в индуизм раджей этих государств и перестройкой государственного аппарата по индийскому образцу.

Длительность существования объединения качари (качари были окончательно разгромлены ахомами в конце XVII в.), обширность

¹ Издания этих материалов нам недоступны, а ссылки на них у европейских исследователей, как правило, неточны.

² Периодические переселения с запада в ассамскую равнину происходили с незапамятных времен, и влияние индуизма было ощутимо, насколько можно судить по именам раджей, еще у династий, предшествующих бодо.

территории, позволяющая говорить о многочисленности населения, и главное — высокий уровень цивилизации заставляют считать это образование не просто племенным союзом, а государством, хотя и раннеклассовым. Так, от димапурского периода сохранились замечательные памятники материальной культуры — развалины огромных каменных храмов и крепостей, выложенных камнем прудов и оросительных систем, не уступающих по масштабам аналогичным сооружениям величайших культур древности [20, 76—82]. Подобные сооружения не могли быть воздвигнуты силами племенного союза. Они свидетельствуют о планомерном использовании больших масс рабочей силы, для организации которых требуется государственный аппарат.

Этот вывод подтверждается и характеристикой социального строя качари, переживавших тогда период разложения родовой общины и складывания на ее базе общества сословного типа³. Судя по имеющимся данным, для общества качари было типично постепенное превращение отдельных родов в социально привилегированные группы. Начало этого процесса относится, по-видимому, еще к додимапурскому периоду, т. е. к X—XII вв. В то время зафиксировано существование семи родов [12, 132]: бодоса — царский род, правивший когда-то, тхаосенгса — правящий царский род, хасьонгса — род царских родичей и другие высокопоставленные роды. Факт выделения этих родов свидетельствует о разложении общества родового на так называемые «благородные» и «неблагородные» роды. Возвышение «благородных» родов скорее всего, как это обычно бывает в сходных исторических условиях, было связано с войной: непрерывные войны, которые проходят через всю историю качари, неизбежно придавали особый вес военачальникам. Недаром вождь всегда (это относится и к современным горным общинам) пользовался наибольшей властью именно во время войн. Ближайшие родичи вождя — его ближайшие помощники и соратники на войне. А основная масса общинников-производителей служила военной силой: есть сведения о существовавших правилах вербовки солдат, согласно которым каждая деревня должна была поставлять установленное количество воинов из числа общинников-земледельцев [22, 26]. Возвышавшиеся в результате успешных войн «благородные» роды в процессе становления ранней государственности стали привилегированными сословиями. Вероятно, это превращение происходило как посредством завоевания других родов (своего и чужого племени), так и в результате мирного подчинения более слабых родов своего племени. Выделившиеся роды составили правящую верхушку объединения качари, что ускорило превращение этих родов в привилегированные сословия.

К XVI в. (концу димапурского периода) у качари окончательно сложилась авторитарная организация раннеклассового типа во главе с наследственным вождем и аристократией [22, 4]. Если в ранний период выделилось небольшое число «благородных» родов, то теперь уже появилась целая иерархия, несколько десятков сословно-профессиональных групп кастового типа. Подобная система могла сложиться лишь на основе уже далеко зашедшего общественного разделения труда, с сопутствующим ему выделением ряда профессий. Таким образом, дальнейшее расслоение общества качари шло по линии дробления социальных групп. Появились новые «благородные» роды (например, «род матери раджи»), но основной процесс шел в сторону воз-

³ Под сословиями автор понимает те социально неравноценные группы, которые предшествуют возникновению классов.

никновения групп, объединяющих людей одной профессии, в том числе и «нечистых» («род наследственных царских рыбаков», «род царских прачек», «род слуг, рабов и прочих отверженных» и т. д.) [12]. Это вызывает определенные ассоциации с кастами: развитие социальных форм путем отпочкования все новых групп свойственно процессу кастообразования, профессиональный признак и социальная неравноценность являются характерными чертами системы каст [5, 235]. Видимо, это складывание групп кастового типа на базе разложившихся родов было результатом в основном внутреннего развития социального строя качари, ибо воздействие индуизма в то время не было столь значительным, чтобы образование новой структуры качари можно было отнести за его счет [16, гл. «Качари»]. Между описанными группами сохранились брачные взаимоотношения, восходящие к родовому периоду. Пережитком этих родов у современных качари являются своеобразные мужские и женские брачные группы, связанные сложными брачными правилами [22, 36].

Государство качари знало институт рабства. Число рабов постоянно пополнялось в результате войн (с кочхами, ахомами и др.) — за счет военнопленных. Есть сведения и о том, что рабов выменивали у других народов [22, 47]. По-видимому, рабский труд применялся на строительстве упоминавшихся выше дворцов, крепостей, акведуков, однако основной прибавочный продукт давали общинники-земледельцы. Именно общины составляли и составляют поныне основу экономики у этих народов. На протяжении всей истории развития общественной жизни как бодо, так и других народов Ассама рабовладение оставалось подчиненным укладом.

Дальнейшее развитие сословных группировок качари, как и развитие их социальной структуры в целом, было остановлено разгромом государства качари ахомами. Социально и политически уже выделившаяся и ставшая над общиной верхушка была сравнительно быстро и легко ассимилирована завоевателями-ахомами. Что же касается основной массы населения качари, жившего в сельских общинах, то процесс социального расслоения их почти не затронул. Они были отеснены в труднодоступные районы Ассама, где на протяжении долгих веков сохраняли свою общинную организацию, хотя первобытные родовые институты были подорваны и в общинах в период роста и разрушения государства качари.

Исторические судьбы других горных народов Северо-Восточной Индии были иными. Находясь далеко в горах, в условиях географической изоляции, они в периоды существования раннеклассовых образований качари и кочхов играли пассивную роль в политической жизни Ассама (на их территории распространялась часто формально власть того или иного завоевателя). Эта географическая и политическая изоляция сохранялась очень долго, а при английском колониальном владычестве была даже юридически закреплена постановлением о так называемых зарегистрированных племенах. Таким образом, фактически до начала XX в. горные народы в большинстве своем развивались самостоятельно, без интенсивных контактов с ассамцами и бенгальцами, у которых уже давно существовало развитое классовое общество. Конечно, необходимость обмена побуждала соседние племена к некоторому общению, но и это общение было ограничено трудностями, связанными с географической средой.

Во всяком случае, до последней трети прошлого века можно с уверенностью говорить об отсутствии внешних влияний, достаточных для того, чтобы наложить отпечаток на развитие общины у горных

народов, т. е. можно говорить об автохтонном развитии народов, у которых в этот период началось становление классового общества. Шедший замедленными темпами процесс развития социальных институтов, единый для всех народов на определенном отрезке времени, имел для каждого племени свою специфику из-за различия общественных форм у каждого конкретного народа. Известный путь в этом направлении к моменту знакомства с ними европейских колонизаторов уже пределали многие народности группы чин (лушеи, лакхеры, тхадо и др.), кхаси, некоторые племена нага.

Новый стимул для процесса классовообразования появился после нарушения географической и политической изоляции Ассамских гор и установления постоянных связей с населением равнин. Все более энергично проникавшие в горные районы товарно-денежные отношения были своего рода катализатором процесса классового расслоения, причем их влияние давало себя знать во всех общинах — и у тех племен, где уже имелись свои сословия, и у тех, где под воздействием этих отношений лишь начались процессы классовообразования. К этим последним относятся гаро, большинство нага, некоторые куки из группы куки-чин. При этом, если преимущественно автохтонное развитие было очень специфичным для каждого племени, то влияние товарно-денежных отношений действовало нивелирующе, стимулируя прежде всего сходные явления у всех народов и направляя по единому пути все общины — как те, где уже были свои сословия, так и те, где последние так и не успели оформиться. Становление сословий и классов сопровождалось расслоением общины — будь то родовая (как у качари в XIII—XVI вв.) или соседская (в современных условиях). Как конкретно это происходило?

Производственная основа, на которой возникает та или иная социально-экономическая структура, в немалой степени определяет особенности и характер этой последней. Экономической спецификой общины у горных народов Северо-Восточной Индии было то, что эта община возникла здесь и в значительной степени продолжает существовать на основе суходольного подсечно-огневого земледелия, что обусловлено экологическими особенностями региона. Подсечно-огневое земледелие (джхум) по самой своей природе, связанной с периодической сменой обрабатываемых участков, с постоянными (в прошлом) переселениями, никак не способствует развитию частной собственности на землю. Характерно, что, как правило, у большинства народов мира этот способ мотыжного земледелия соответствовал первобытнообщинному строю, а классовые отношения складывались при переходе к земледелию высшего порядка, пашенному, постоянному, для некоторых районов — с применением искусственного орошения, налаженных севооборотов и т. д.

Несколько особое положение в горах — там джхум имеет больше возможности сохраниться, так как он приспособлен к особенностям рельефа и природной среды. Конечно, и здесь дает себя знать краткость пребывания общинных земель под обработкой, свойственная этому типу земледелия: даже при наличии предпосылок для перехода земли в частное владение джхум может некоторое время способствовать сохранению общинного контроля за землей, причем время от времени происходят необходимые переделы земли (регулярные переделы здесь неизвестны). На основе этого способа земледелия сложился и ведущий тип землевладения, сохранявшийся на протяжении многих веков, — сочетание коллективного (родового или общинного) землевладения и индивидуального семейного землепользования («дуализм между общин-

ной собственностью на территорию пахотной земли и парцеллярной ее обработкой каждым домохозяйством» [6, 77]). Сейчас постепенно индивидуальное землепользование превращается в индивидуальное владение, а общинное право остается лишь как право контроля, причем и это его назначение часто выглядит просто как дань традиции. Сохранением этого права община в значительной степени обязана джхуму⁴. В последние десятилетия в Северо-Восточной Индии распространяются и новые способы постоянного поливного земледелия: террасное и долинное (в горах), плужное — на арендованных у равнинных народов землях (это последнее пока в единичных случаях, только у некоторых кулки Манипура).

Такова в самых общих чертах экономическая основа общин, служащих ареной сословного и классового расслоения. При этом, конечно, конкретные его формы у отдельных народов имеют свои особенности. В настоящее время в земледельческой общине с разной степенью интенсивности происходит процесс обособления индивидуальных производителей и становления частного землевладения. Этот переходный период имеет принципиальное значение для развития общества, ибо на его протяжении постепенно осуществляется замена общинного принципа частнособственническим. Это начало превращения общины из производственного коллектива в объединение «мелких индивидуальных производителей мелких хозяйств» [8, 52].

Сословная стратификация у тех народов, общество которых мы рассматриваем как результат в основном спонтанного развития, связана с рядом особенностей, например в соотношении социального и имущественного расслоения в общине. У изучаемых нами горных народов формирование сословий или иных социальных групп, в частности кастового типа, еще не означает обязательного наличия имущественного расслоения. В этом смысле рассматриваемые народы не представляют собой исключения среди других народов Востока. Безусловно, при формировании и выделении высшего сословия имущественные причины играют немалую роль. Однако экономическое преимущество остается лишь одним из факторов — наряду с такими важными моментами, как принадлежность рода, на базе которого формируется это сословие, к старшей ветви племени или к числу первоначальников, личные качества вождя, вокруг которого группируется аристократическая прослойка, и т. п., — способствующих выделению сословия. Это экономическое преимущество само по себе еще не определяет уровня происшедшей в общине дифференциации. Социальный фактор в таких общинах (и на данном уровне развития вообще) является, на наш взгляд, ведущим, и социальное положение человека в сословном обществе такого типа определяется не его имущественным положением, а принадлежностью к тому или иному социальному слою — будь то сложившееся сословие или только наметившееся деление на «благородные» и «неблагородные» роды. О живучести этих традиционных социальных градаций, а также о сохранении социального равенства в среде рядовых общинников свидетельствует тот факт, что даже в современных условиях влияние окружающих высокоразвитых народов, которое формирует разделение уже по имущественному признаку, с трудом пробивает брешь в общинных традициях, нарушая социальный статус отдельных групп.

Итак, формирование сословий у части горных народов — процесс, начавшийся не позже начала прошлого века (т. е. до знакомства евро-

⁴ Подробнее о вопросах землевладения у горных народов Северо-Восточной Индии см.: [1, 51—60].

пейских исследователей с этими народами) и отчасти продолжающийся и сейчас, хотя новые процессы, начавшиеся в последние десятилетия под воздействием внешнего мира, сказываются на развитии сословий, в одних случаях форсируя их превращение в классы, в других — тормозя их эволюцию. Природа этих сословий у большинства народов достаточно ясна. Как показывают этнографические материалы, в основе большинства сословных групп лежат роды, вернее, остатки родовой организации, разложение которой дало начало новой иерархической структуре, состоящей из социальных групп с различным статусом.

Таким образом, проблема формирования сословий связана с вопросом о судьбах родов и родовых институтов в современной общине горных народов Северо-Восточной Индии [см. 2, 27—38]. У всех этих народов уже к середине прошлого века господство родовых отношений ушло в прошлое (во всяком случае, в области общинного производства) и ведущими стали отношения соседскообщинные. Роды, которые и сейчас упоминаются исследователями при описании общественной структуры многих ассамских народов, не являются первобытными родами доклассового общества. Род у ассамских малых народов — это род поздний, рассредоточенный, хотя иногда части рода в пределах деревни еще сохраняют территориальное единство и даже тотемистический характер, как, например, многие роды у различных племен нага [17, 390—397]. В советской литературе наряду с термином «род» иногда в аналогичном смысле употребляют термин «родовая группа», или «вторичный род»⁵. Возможно, в основе современных родов лежат разросшиеся большие семьи, однако никаких фактов, свидетельствующих об общем хозяйстве, мы привести не можем, если не считать общих прав на землю, сохраняющихся в отдельных случаях, и обычая взаимопомощи (наряду с взаимопомощью общинной и узкососедской). Вероятно, уточнение экономических взаимоотношений внутри отдельных родов позволит отнести их к социальным категориям типа патро- или матронимии, но это отдельная проблема, требующая специального исследования.

Положение рода в общине горных народов можно охарактеризовать по-разному. Род сросся с общиной, и даже при утрате общиной в целом ее родового характера дух этого рода продолжает существовать, окрашивая многие социальные функции общинных органов. Нормы родового права и поныне продолжают давать себя знать во многом: например, при избрании или передаче по наследству должностей главы общины и членов деревенского совета, при решении тяжб, при заключении браков и наследовании семейного имущества. Вместе с тем род — категория отживающая, которая с каждым годом утрачивает свои позиции, передавая постепенно свои функции соседской общине и малой семье. Но община под влиянием разлагающего действия товарно-денежного производства не всегда сама в состоянии сохранить эти функции надолго, так что нередко распаду рода сопутствует и распад соседскообщинных форм. Это характерно для современных условий, когда форсируются различные социальные процессы. Раньше всего род уходит из сферы экономической деятельности общины, затем он теряет свои позиции в социальной сфере. Дольше всего он сохраняется как экзогамная единица, но и здесь границы экзогамной группы все более суживаются. Один из путей исчезновения рода как кровнородственной категории — трансформация его в сословную группу.

⁵ См., например, выступление А. Д. Давыдова в дискуссии об азиатском способе производства [7, 160—165].

Возникновение сословий на базе родов у отдельных племен Ассам тесно связано с интересной проблемой «старшей» и «младшей» ветвей рода и их роли в историческом развитии родового коллектива. Изучение этой проблемы показывает, что по мере превращения первобытного общества в раннеклассовое деление на старшую и младшую ветви, имевшее вначале сравнительно небольшое значение, становится подчас основой для возникновения социального неравенства внутри общины. Если у народов, не достигших стадии сложения сословий, принадлежность к старшей или младшей ветви сказывалась лишь на традиции выбора вождя из числа представителей старшей ветви старейшего (по времени проживания на данной территории) рода [9, 8], то у народов, у которых социальное расслоение началось уже несколько столетий тому назад, это деление на ветви становится иногда базой для возвышения группы родов [17, 385]. Дальнейшее развитие этой тенденции — выделение «благородных» родов и возникновение иерархии родов (например, у качари). Однако у ряда современных народов, у которых в условиях многовековой изоляции это развитие происходило хотя и медленнее, но не нарушалось внешними вторжениями, мы видим как бы следующие стадии тех процессов, которые были оборваны у бодо. Следующим шагом является узурпация общинных земель выделившейся верхушкой, что свидетельствует о начале превращения сословного дробления в классовое.

Как уже отмечалось, формирование сословий имеет свою специфику у каждого народа. Характерный пример общества сословного типа представляют *лакхеры* — одна из народностей группы чин. У лакхеров зафиксировано несколько десятков родов, которые располагаются на различных социальных уровнях и каждый из них как бы соответствует определенному сословию. Высшую ступень занимают 6 так называемых царских родов — абей, ниже располагаются 17 аристократических родов — пхансанг, наконец, еще ниже — множество непривилегированных родов — мацхи [18, 229]. Видимо, первые две категории отражают первоначальное выделение «благородных» родов, среди которых произошла дальнейшая дифференциация. К настоящему времени это первоначальное расслоение внутри родовой общины углубилось настолько, что общество лакхеров превратилось в развитое сословное, хотя родовая природа сословных группировок еще чувствуется. На вершине этого сословного общества стоит вождь, вокруг него группируется ближайшая родня («царские» роды), а все общество подразделяется на два сословия — привилегированное (аристократические роды) и простой народ. Но основной социально-экономической ячейкой остается община: в каждой имеется своя иерархическая лестница во главе с вождем, и отношения сословного подчинения проявляются в ее рамках [18, 245].

Такова структура общества лакхеров, описанная в начале 30-х годов нашего века. Это общество, сословное по своему существу, находится на пути превращения в классовое. Сословное членение уже не ограничивается чисто социальными привилегиями, а подкрепляется экономическими правами, связанными главным образом с землей. Продолжается дальнейшее расслоение сословных групп. В сословии пхансанг выделился слой высшей аристократии — куэй, к которой относятся потомки лиц, освобожденных в свое время от обязательных налогов за оказанную по тому или иному случаю помощь вождю. В 20-х годах нашего века у лакхеров выделилась группа крупных землевладельцев [18, 250—251], владения которых располагались на землях вождя, за что владелец уплачивал вождю определенную долю земельного дохо-

да. Но такой землевладелец мог рассчитывать на независимое положение лишь при слабом вожде. Между вождем и землевладельцами существовали постоянные трения, и сильный вождь нередко захватывал их владения. В 1924 г. приказом английской администрации эти владения были уничтожены, так как английские власти были против дробления земель и выступали на стороне вождя.

Общинное землевладение у лакхеров фактически исчезает, и вождь теперь выступает в качестве землевладельца, которому принадлежат все деревенские земли. Сильный вождь-землевладелец, обладающий вполне реальной властью, группирующаяся вокруг него аристократия, сословное членение общины — все это говорит о тенденции складывания общества феодального типа; в то же время эта тенденция еще не вылилась в законченные формы, о чем говорят такие факты, как отсутствие вассальных отношений (есть лишь отношения непосредственных производителей и землевладельца), сохранение земледельцами значительной личной свободы, их незакрепленность, сохранение многих общинных традиций, неоформленность земельной ренты. Все эти обстоятельства позволяют определить общество лакхеров как дофеодальное, как общество переходного типа, в отношении которого можно говорить лишь о тенденциях развития, а не о законченных общественных формах [6, 75, 87].

Вождь остается членом общины, и в отношениях между ним и рядовыми общинниками сохраняется значительный элемент патриархальности, что препятствует окончательному закреплению земледельцев. Но под формой традиционной общинной взаимопомощи отчетливо выступают отношения феодальной эксплуатации. Главным свидетельством этого является то, что земельные права вождя из чисто формальных, бывших лишь показателем его общественного престижа⁶, стали вполне реальным средством дальнейшего возвышения вождя и его окружения, способствуя превращению их в эксплуататорский класс.

О том, что общество лакхеров так и не сложилось окончательно как феодальное, о переходном его характере говорят налоги и повинности, которые несут рядовые общинники. Можно выделить две основные категории обязательств: по отношению к вождю и по отношению к общине. Вождю принято выплачивать налоги сабай и рапау (рисом); к 30-м годам право на эти налоги получили еще два должностных лица в общине — писец и кузнец. Сабай платят «в знак признания прав вождя», рапау — за право расчистки под пашню лесного участка, владельцем которого считается вождь. По существу, этот последний налог представляет собой одну из первоначальных форм земельной ренты — ренту продуктами или земельный оброк [8, 72]. Вождю также полагается сахау — доля мяса с каждого дикого животного, убитого членом общины. Что касается обязательных отработок на вождя — непрерывной черты феодального общества, то у лакхеров они еще в зачаточном состоянии: их вожди, как правило, сами работают на земле и не прибегают к безвозмездной помощи своих односельчан. Исключение составляет одна деревня — Чхапи, где каждый член общины обязан один день в году работать на земле вождя. В остальных же общи-

⁶ На примере общин отдельных горных народов Северо-Восточной Индии можно проследить последовательные этапы развития прав вождя на общинные земли: общинный глава у гаро приобретает «права на землю» исключительно из соображений престижа, ибо у гаро сохраняется общинное землевладение при семейном земледельческом хозяйстве. У сема нага наследственный вождь выступает в качестве владельца земли, фактически же он оставляет себе лишь тот участок, который может обработать силами своей семьи. Наконец, у лакхеров держатели наделов — общинники — оказываются в реальной экономической зависимости от вождя.

нах отдельные услуги вождю не являются обязательными, но исполняются по традиции как дань уважения защитнику и покровителю [18, 252].

Обязательства по отношению к общине очень многочисленны, в них дает себя знать сохранившаяся сила общинных связей: обязательное участие в расчистке дорог, в организации снабжения общины водой, поочередная поставка свиней для традиционных общинных пиров, обязательные взносы в коллективный рисовый фонд общины и ряд других [18, 257—259]. Насколько можно судить по данным Пэрри, вождь, хотя и остается членом общины, в этих ее повинностях участия не принимает и выступает лишь в качестве организатора и руководителя общинных работ и повинностей.

В сословном обществе лакхеров, как уже отмечалось, рядовые общинники — мацчи в социальном отношении представляют собой единое целое. Их социальное положение определяется, с одной стороны, остатками демократических общинных традиций, с другой — их местом на более низкой по сравнению с привилегированными группами ступени иерархической лестницы. В последние годы в их среде идет процесс имущественного расслоения, которое с развитием товарного хозяйства стало обычным почти для всех народов рассматриваемого района. Таким образом, если в прошлом у лакхеров при разложении первобытно-общинного строя происходило социальное (в смысле сословное) расслоение, а вождь и его сородичи выделялись прежде всего как сословная группировка и имущественные привилегии были ими присвоены позднее, то теперь, напротив, с проникновением товарно-денежных отношений в общине тех же лакхеров среди простых общинников идет прежде всего имущественное расслоение. Подобный процесс характерен и для других горных народов с ранее сложившимся сословным обществом.

Низшую ступень на иерархической лестнице лакхеров занимают долговые рабы и различные категории зависимых. К числу последних, например, относится несколько групп лично зависимых от вождя. Это нарушители обычного права, люди обездоленные или запятнавшие себя неблаговидным с точки зрения местных традиций поступком и т. п. [18, 223]. Широко распространено долговое рабство: задолжав вождю в голодное время, земледелец должен потом отработать свой долг на протяжении едва ли не всей жизни, а иногда и передавать свой долг потомкам [18, 272, 286]. Сейчас долговое рабство в горах Ассама смыкается с ростовщической кабалой — порождением современной эпохи (для этого района). Рабовладение у лакхеров, как и у большинства горных народов Ассама, существовало как уклад до сравнительно недавнего времени [18, 223]. Ряды рабов пополнялись в основном за счет военнопленных, и окончание межплеменных войн способствовало исчезновению института рабства. Рабство, безусловно, было одним из факторов, который позволил укрепиться аристократическим сословиям; основными владельцами рабов были вождь и представители аристократии. Но рабство всегда оставалось патриархальным, рабы через два-три поколения вливались в общину и образовывали вместе с рядовыми общинниками тот слой, который в конце концов по мере расслоения общины, стал основным объектом эксплуатации со стороны выделившейся ранее знати во главе с вождем. При этом время от времени отдельные общинники, обогатившиеся в связи с развитием торговли или благодаря присвоению лишних наделов, выбивались наверх, и разрыв между двумя прослойками уже среди мацчи становится все более ощутимым,

Такова картина одного из обществ, где сословное членение началось сравнительно давно и усилилось в современных условиях новыми факторами. В настоящее время общество лакхеров можно охарактеризовать как складывающееся классовое, поскольку основные средства производства фактически присвоены господствующей верхушкой. Становление общества феодального типа, которое намечалось у них, прекратилось под влиянием капиталистического окружения. В результате складывается общее для всех народов в современных условиях положение, когда сталкиваются различные влияния и два отдаленных по уровню развития процесса сближены во времени, что создает сложное переплетение отношений и явлений, принадлежащих к разным этапам развития.

Другим примером сословного общества в горах Северо-Восточной Индии являются *лушеи* (*мизо*) из той же группы куки-чин, что и лакхеры. Своеобразие их общества заключается в том, что господствующее положение привилегированного сословия у них занял один род — род Сайло [21, 43—46]. История знает немало подобных примеров, когда «благородный» род, члены которого не понуждаются к совместному существованию требованиями производства, по мере своего роста мог распространиться на значительные территории, сохраняя в то же время прочные связи между членами [см.: 7, 67]. Мы застаем лушеев уже в то время, когда род Сайло, поставляющий вождей во все общины, был признанным главой племени. Это не значит, что у лушеев существовало политическое объединение, выходящее за рамки отдельных общин. Нет, и здесь каждая община представляла собой и в значительной мере представляет поныне самодовлеющее целое. Но вожди всех общин связаны между собой родственными узами. Эта солидарность вождей помогает общими усилиями укреплять монопольное положение рода, давно уже превратившегося в привилегированное сословие, особенно могущественное благодаря единородству его членов.

В общинах лушеев демократические традиции еще живы. Так, большую роль играет общественное мнение, с которым вождь должен считаться, рискуя в ином случае лишиться своих подданных, которые всегда могут перейти под покровительство другого вождя [21, 43—46]. Вместе с тем экономическая зависимость общинников от вождя очень сильна. За два-три последних десятилетия окончательно утвердилось земельная монополия Сайло; вожди этого рода присвоили себе общинные земли, которые еще недавно были в полном распоряжении общинников [см. 23, 9; 18, 249]. Превращение вождей Сайло в феодальных собственников земли зашло, по-видимому, дальше, чем у лакхеров: вожди Сайло перестали сами работать на земле [18, 252], а поддержка родственных вождей позволяет им шире использовать безвозмездный труд своих подданных. Начиная с 50-х годов нашего века газеты Индийской республики неоднократно публиковали сообщения о борьбе обезземеленных крестьян с землевладельцами из рода Сайло [13; 19]. Так, бывший род из экзогамной группы кровных родственников в результате длительной эволюции превратился в корпорацию крупных землевладельцев феодального типа. Новые веяния последних лет не прошли бесследно и для лушеев. Теперь могущественные вожди Сайло часто совмещают в своем лице землевладельца с ростовщиком и торговцем, что дает им лишние возможности для укрепления своего имущественного положения. Это затрудняет обогащение рядовых общинников, ибо все торговые и прочие операции, которые могли бы этому способствовать, фактически сосредоточены в руках вождей Сайло.

Категории зависимых лиц у лушеев очень напоминают аналогич-

ные категории у лакхеров. Таковы бои (или бави), личные зависимые вождя, которые по разным причинам (должники, преступники, сироты, перебежчики и пр.) оказались в его полном распоряжении, не имеют собственного хозяйства и работают исключительно на своего господина [21, 46, 216]. Не следует смешивать положение этих людей с долговым рабством, которое тоже распространено у лушеев, но среди крестьян, обладающих личным наделом, полученным ими от вождя. Налоги и повинности лушеев схожи с описанными у лакхеров. В целом общество лушеев может быть охарактеризовано, как и у лакхеров, как период становления классового строя на базе сословной организации, с той разницей, что у лушеев в силу особенностей эволюции их родов становление класса феодалов зашло несколько дальше, чем у лакхеров.

Особые формы сословное расслоение приняло у *коньяк нага*. Это — самая восточная группа нага, расселенная в наиболее удаленных местах труднодоступных гор Нагаленда. Влияние внешнего мира там еще незначительно, и развитие их социальной организации самостоятельно в большей степени, чем у других горных народов Восточной Индии. Материалы о коньяках значительно уступают по полноте сведениям о других нага, тем не менее у нас есть возможность проследить особенности развития их родовой организации [14; 15]. По происхождению родовая организация коньяков, по-видимому, существенно не отличается от соответствующих институтов других нага (типичная дуальная система — два первоначальных рода с последующим дроблением). Однако с течением времени у коньяков происходит процесс, напоминающий тот, который шел у лушеев, а именно: преимущественное выделение одного рода, рода вождей. У большинства народностей нага вожди были лишены реальной, а нередко и номинальной власти, авторитет их признавался преимущественно во время войн. Наследственные вожди, пользовавшиеся уважением в общине, имелись у сема нага, однако они не представляли один род и их социальное превосходство обычно не поддерживалось реальными имущественными факторами, ибо у них не было земельной монополии. Экономическое положение вождей у коньяков известно нам, к сожалению, недостаточно, но непрекаемость их авторитета очевидна.

У коньяков, видимо, еще при распаде родовой организации произошло обычное дробление господствующего рода Анг. Из этого рода выделилась особо привилегированная часть — так называемый «род великого анга» (анг — титул вождя и название рода вождя), где должность вождя является наследственной [15, 111]. Этот подрод давно уже утратил свойства кровнородственной единицы и превратился в замкнутую эндогамную группу (с обязательным заключением браков в ее пределах). Такое постепенное сужение правящей группировки, пользующейся властью и прибавочным продуктом, который дают непосредственные производители — земледельцы, характерно для различных народов Востока, стоящих на сходном уровне общественного развития. Отражающее эту тенденцию ограничение брачных контактов выражается у коньяков в том, что они личность своего вождя считают священной и особенно заботятся о чистоте его крови.

Эта тенденция дальнейшего ограничения правящей группы у коньяков продолжает развиваться. В пределах «рода великого анга» формируется своя иерархия членов этого рода, среди которых выделяются маленькие группки равно высокопоставленных семей, могущих вступать друг с другом в брак [15, 111]. Такое постепенное обособление все более мелких замкнутых групп с четким определением их места на иерархической лестнице напоминает отдельные моменты развития ка-

стовой организации. Подобная тенденция давала себя знать и в период раннеклассовых образований бодо, что отмечалось выше. В XIX в., в ходе социальной эволюции, не нарушаемой извне, коньяк нага приблизились по уровню внутреннего развития общины к той стадии, на которой находились качари семь веков назад, и у них наблюдались сходные тенденции. Однако у качари в прошлом и у коньяков в настоящем проявляются разные стороны процесса кастообразования: у бодо на первый план выступали такие кастовые признаки, как профессиональная специализация, сочетающаяся с присущей касте замкнутостью, у коньяков же кастами становятся привилегированные группы, причем особое внимание уделяется эндогамности обособляющихся групп, ограждению их от примеси чужеродной крови.

В числе народов, у которых расслоение общины происходило до нарушения изоляции горных районов Северо-Восточной Индии, следует упомянуть *кхаси*, живущих в горах Кхаси и Джайнтгя. У них еще в доколониальный период существовало княжество раннефеодального типа во главе с раджой. Это редкий случай для ассамских меньшинств, у которых, как правило, отсутствует элемент политической организации, стоящей над общинами. В период английской колонизации княжество кхаси распалось на множество мелких владений, каждое во главе со своим раджой (по сути — вождем, объединившим под своей властью несколько общин). Такое положение свидетельствует о происходившем уже в ранний (доколониальный) период расчленении общества, приведшем к возвышению феодальной привилегированной верхушки. До недавнего времени, т. е. до образования Индийской республики, у кхаси существовали специальные «земли сиема» [23, табл.] (наряду с основным фондом общинных земель), сохранялись определенные повинности в отношении сиема — раджи кхаси. Однако, судя по имеющимся материалам, социальное расслоение не коснулось общины кхаси. Этнографические описания показывают нам (в начале XX в.) развитую общинную (соседскообщинную) организацию с сохранившейся в ее пределах структурой материнского рода. В этой демократической организации нет места неравноправным сословиям. Таким образом, у кхаси в их княжестве верхушка выделилась из общины, а сама община сохранила свои обычаи, свой уклад, свое социальное единство. Кхаси имеют выборных глав общин, ведущую роль в деревенских делах сохраняют представители матрилинейных подразделений [11, 28]. Эти процессы очень схожи с теми, что происходили в раннем государстве качари, у которых социальное расслоение также не коснулось самой общины. Видимо, это естественный путь развития для тех горных народов, у которых существовали объединения в масштабах племени, союза племен. У остальных же народов, которые не имели таких объединений, социальное расслоение ограничивалось рамками общины.

После образования независимой Республики Индии кхаси добились исключительных успехов на пути прогресса и сейчас по уровню своего развития, по уровню культуры стоят ближе к большим народам Индии с их богатыми культурными традициями, чем к своим горным соседям. В общинах еще сохраняются старые традиции, но в культуре появляются новые веяния, формируется своя интеллигенция.

До сих пор в основном речь шла о становлении сословий в результате внутреннего развития социальной структуры народов. Проникновение товарно-денежных отношений на территорию горных районов Ассама вызвало новые формы классового расслоения. Поскольку воздействие этих новых отношений не миновало почти ни одного народа

рассматриваемого района, мы говорим о его последствиях для всего горного северо-востока Индии. При этом в одних случаях это новое направление развития сталкивалось с уже проходившими у того или иного народа процессами социальной дифференциации, в других же расщепление было обусловлено именно этими новыми течениями.

Как уже отмечалось, в современных условиях под непосредственным воздействием более развитых народов происходит в первую очередь уже не социальное, а имущественное расслоение общины. Это означает, что в доселе едином социальном коллективе (а таким единым целым являлась как община в целом у народов, не знавших сословных делений, так и коллектив рядовых общинников у народов с сословным строем) развиваются новые отношения имущественного неравенства, приводящие в конечном счете к выделению не социальных сословий, а классов, свойственных уже не феодальному строю, а деревне капиталистического типа (пока, разумеется, можно говорить лишь о перспективе подобного развития).

Так как основным средством производства в общине горных народов является земля, то имущественное расслоение общины связано с изменившимся отношением к земле, со становлением частного землевладения. Причем эти процессы в конечном счете тоже являются результатом развития общины, но это развитие направляется по единому пути и ускоряется благодаря проникновению новых экономических отношений, свойственных товарному хозяйству. Применительно к земле это выглядит как постепенная смена общинного землевладения индивидуальным с тенденцией к установлению частного владения (а потом и собственности) на землю. Но если раньше (у лакхеров, лусеев) вожди захватывали общинные земли, опираясь на свое социальное превосходство, то теперь земля переходит в индивидуальное владение уже по экономическим причинам. Это значит, что земельные богатства могут сосредоточиться в руках человека, не принадлежащего к привилегированному сословию, но разбогатевшего в результате удачной экономической деятельности.

Социально-экономическое развитие народа в ряде случаев достигает такого уровня, что отдельная малая семья, раньше неспособная существовать вне общинного коллектива, производит избыточный продукт, достаточный для того, чтобы вести самостоятельное хозяйство. Новые тенденции проявляются и в том, что раньше избыточный продукт, если он оказывался в руках семьи, тратился на пиры, угощения, праздники для общинников, т. е. перераспределялся среди всей общины; теперь же он идет на укрепление и расширение личного хозяйства. Отсюда постепенный переход пахотных земель из общинного фонда (в котором они числятся лишь формально) в полное распоряжение малой семьи. Учащаются случаи отчуждения земли пришельцам — факт, еще недавно совершенно недопустимый.

Новый толчок развитию частного землевладения дает владение орошаемым полем, которое не подотчетно общине и целиком принадлежит расчистившему или приобретшему его общиннику. Владение подобным полем дает его владельцу чувство свободы по отношению к общине и позволяет пользоваться лишним прибавочным продуктом с дополнительного поля, что, в свою очередь, дает ему возможность применять на своей земле труд своих однообщинников, которые, в силу ли увеличения семьи при стабильности земельного надела (количество свободных земель отстает от растущего населения) или по каким-либо иным причинам, нуждаются в дополнительном приработке. Людей, еще недавно равных перед лицом общины, разделяет теперь барьер в виде

лишнего куска земли, который, увеличиваясь в площади, становится орудием эксплуатации менее имущих соседей.

Другим средством имущественного возвышения отдельных семей могут служить удачные торговые операции и ростовщичество, которое в свою очередь способствует дальнейшему развитию товарного производства у горных народов. В результате в общинах формируются новые социальные группы — ростовщиков (ростовщичество обычно еще не отделено от земледелия), а также зажиточных крестьян. Выделение зажиточного слоя среди крестьян-земледельцев говорит уже о буржуазных тенденциях развития деревни.

Вместе с тем в общине продолжают действовать законы, свойственные первобытнообщинному строю, который еще не миновали рассматриваемые народы. Общинные связи так сильны, что разбогатевший общинник должен подтвердить свое имущественное возвышение социальными привилегиями. Ворвавшиеся в общину товарно-денежные отношения наталкиваются на крепкие еще общинные и даже родовые традиции, с которыми приходится считаться: они требуют традиционного утверждения претендента на более высокое положение в общине. Сам по себе разбогатевший общинник ничем не отличается от рядового земледельца: он несет те же обязательства, имеет те же права, что и остальные. Социальное равенство еще продолжает сохраняться. Если же подобный «нувориш» хочет занять достойное своего богатства положение в общине, на которое он не имеет традиционных прав, он должен пройти через определенную социальную церемонию⁷, т. е. приобщиться перед лицом общины необходимым для этого заслуги. Человека начинают уважать не за то, что у него есть лишний участок земли, а за то, что он устроил для общинников угощение и увековечил свою память достойным с точки зрения общины деянием, например установил на окраине деревни каменный столб, который почитается священным у многих ассамских народов [10].

Такого рода имущественное расслоение соседской общины у разных народов идет с разной интенсивностью. Так, у *гаро* традиции общественного равенства еще настолько сильны, что для общинника более заманчивыми представляются чисто социальные привилегии и престиж, чем реальный имущественный достаток. Показателем престижа главы общины *гаро* — *нокмы* (а часто и основным критерием, согласно которому его выбирают) является наличие «прав на землю». Эти «права на землю» *нокма* и зажиточные общинники покупают у соседней общины или у какого-либо рода, прежнего владельца *акинга*⁸ [10а, 225—226]. Однако это «право на землю» чисто формальное: на этой земле работают и владеют ею традиционные владельцы, и *нокма*-«владелец» ничего не может сделать с землей без их согласия. Весь доход с земли получают те, кто ее обрабатывает. Таким образом, *нокма* тратит средства не на увеличение своего богатства, а на утверждение социального престижа. Факт наличия «прав на землю» придает человеку общественный вес, и именно такого «владельца» скорее всего изберут *нокмой* (конечно, если он принадлежит при этом к старейшему роду — это обязательное условие).

В то же время у *гаро*, а также у *нага* и других народов экономическое положение все в большей степени начинает определять расстановку сил внутри общины. Здесь опять сказываются особенности переход-

⁷ Имеются в виду церемонии типа *потлача*, которые зафиксированы у многих народов в горах Северо-Восточной Индии.

⁸ *Акинг* — крупный участок пахотной земли, включающий несколько наделов.

ного времени: старые социальные нормы еще действуют, но тенденции развития свидетельствуют о неуклонном имущественном расслоении общества. Форсированное развитие под влиянием внешних факторов заставило горные народы Северо-Восточной Индии как бы перешагнуть через ступень в своем социально-экономическом прогрессе.

* * *

Итак, в настоящее время сословное и классовое расслоение с большей или меньшей интенсивностью проходит у всех горных народов северо-востока Индии. Так как становление классового общества у них проходит внутри общины, то уровень развития общинной организации накладывает свой отпечаток на этот процесс. Хотя все эти народы находятся на стадии соседской общины, однако в пределах этой стадии они стоят на различных ступенях развития. Одни народы уже столетия назад вступили на путь расслоения общины, причем это происходило у них параллельно с распадом родовой структуры. Другие к моменту установления контактов с внешним миром имели развитую общинную организацию с остатками родовой структуры. Для этих народов в силу развития товарно-денежных отношений в период складывания у них классового общества ведущим в этом процессе оказался имущественный фактор. Первоначальное сословное расслоение у отмеченных ранее народов также подвергалось воздействию внешних влияний, в результате чего традиционные процессы были либо оборваны, либо направлены в новое русло.

В результате столкновения разнородных тенденций и влияний отчетливо выступает неравномерность развития. Многие народы, которые с точки зрения исторического развития стояли ниже других, в новых условиях стали двигаться вперед более быстрыми темпами и в экономическом и культурном отношении оказались впереди (примеры: ангами нага, среди которых появляются уже представители собственной интеллигенции, и коньяк нага, которые, несмотря на давнее сословное расслоение, оказались позади ангами).

Одним из новых процессов, который пока существует лишь как тенденция, является постепенная унификация социальных институтов различных народов под влиянием новых экономических факторов, единых для всех. Под этим влиянием специфика социального расслоения у отдельных народов отступает, давая дорогу общим процессам имущественного расслоения общины. Дальнейший путь развития классового общества у горных народов, вероятно, будет связан с усилением имущественного неравенства среди земледельцев-производителей, с накоплением земельных богатств у части семей и обезземелением большинства.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Маретина С. А., Малые народы Ассама (этнический состав),— «Страны и народы Востока», вып. V. Индия — страна и народ, М., 1967.
2. Маретина С. А., Община и вопросы землевладения у народов Ассамских гор,— «Народы Азии и Африки», 1966, № 3.
3. Маретина С. А., Община у горных народов Ассама,— «Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии», М., 1967.
4. Народы Южной Азии, М., 1963.
5. Неру Дж., Открытие Индии, М., 1955.

6. Неусыхин А. И., Дофеодалный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодалному,— «Вопросы истории», 1967, № 1.
7. Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке, М., 1966.
8. Поршнев Б. Ф., Феодализм и народные массы, М., 1964.
9. Bose J. K., Dual Organisation in Assam,— «Journal of the Department Letters», Calcutta, 1934, vol. XXV.
10. Bose J. K., The Gana — Nokma Ceremony of the Garos of Assam,— «Man in India», Ranchi, 1935, vol. XV, № 4.
- 10a. Burling R., Rengsangri. Family and Kinship in a Garo Village, London, 1963.
11. Chattopadhyay K. P., Khasi Kinship and Social Organisation,— «Anthropological Papers», Calcutta, 1941, № 6.
12. Grace J. H., The Hill Cacharis,— «Census of India», 1930, vol. I, pt 8.
13. «Cross-Roads», Delhi.
14. F ü r e r-H a i m e n d o r f Ch. von, Staat und Gesellschaft bei den Naga,— «Zeitschrift für Ethnologie», Berlin, 1932, H. 1—3.
15. F ü r e r-H a i m e n d o r f Ch. von, The Naked Nagas, London, 1939.
16. G a i t E., A History of Assam, Calcutta, 1926.
17. H u t t o n J., The Angami Nagas, London, 1921.
18. P a r r y N. E., The Lakhers, London, 1932.
19. «Peoples' Age», Delhi.
20. S h a k e s p e a r L., History of Upper Assam, Upper Burmah and N.-E. Frontier, London, 1914.
21. S h a k e s p e a r L., The Lushai-Kuki Clans, London, 1912.
22. S o p p i t t C. A., An Historical and Descriptive Account of the Kachari Tribe, Shillong, 1885.
23. V e r m a B., Agriculture and Land Ownership System among the Primitive People of Assam, Delhi, 1956.

Д. А. Ольдерогге

СИДДИ — АФРИКАНЦЫ В ИНДИИ

Во многих исследованиях по африканистике вплоть до начала нашего века встречаются указания, что в западной части Индии живут африканцы, сохраняющие в своем быту язык суахили. Источник этих сведений — хорошо известная языковедам работа Р. Кэста «Современные языки Африки», где были приведены данные о состоянии изученности африканских языков к концу прошлого века [7]. Сообщая об африканцах в Индии, Кэст основывался на книге о народах Синда, написанной Р. Ф. Бэртоном. Ричард Френсис Бэртон, впоследствии известный исследователь Африки, вместе со Спиком принимавший участие в путешествиях к истокам Нила и открывший вместе с ним оз. Танганьика, начинал свою карьеру в Индии. В 1842—1853 гг. он находился на военной службе в Индии, объездил район Синда и издал описание своих путешествий [5]. Он сообщал, что среди населения этой области встречались группы африканцев, потомки рабов, вывезенных из Восточной Африки, и в частности с о-ва Занзибар, которые еще сохранили свой язык. Язык их, называемый сидди, по сообщению Бэртона, был диалектом языка суахили. Бэртон составил небольшой словарь этого языка и опубликовал его в приложении к своей книге [1, 85]. Сообщение Бэртона долгое время было единственным источником наших знаний о языке сидди и в специальной литературе по африканистике повторялось без изменений вплоть до 20-х годов нашего века [10, 12]. Однако в работе Стиганда [11] о диалектах суахили оно уже не встречается, равно как и в большой сводке описаний всех известных языков банту, изданной Джонстоном [9].

Сообщение Бэртона для лингвиста и историка культуры представлял большой интерес, так как интересно выяснить черты грамматического строя и лексики этого диалекта, а также связи народов Восточной Африки с Индией и установить время появления африканцев в этой стране. Из описаний некоторых районов Хадрамаута известно, что в Южной Аравии также живут группы темнокожего населения, история которых совершенно не исследована¹. Все это непосредственным образом связано с проблемой исторических взаимоотношений Восточной Африки с Южной Азией. Ведь давно было установлено, что муссонные ветры дают возможность совершать регулярные плавания

¹ В Северном Йемене существует особая социальная группа певцов и танцоров, называемых *ахдам*, несомненно, африканского происхождения. Они считаются низшей кастой, стоят вне общества, и местное население не вступает с ними в браки [см.: 6]. О них сообщали еще 120 лет назад французские путешественники Арно и Весьер, считая их потомками древних химьяритов [см.: 2].

между Занзибаром и Бенадирским побережьем Африки и Южной Аравией.

Однако африканисты почти не занимались этими вопросами и изучению групп негритянского населения Аравии и Индии не уделяли никакого внимания. Между тем в этнографических описаниях отдельных областей Индии, так же как и в переписях населения 1901, 1931 гг. и других, группы сидди постоянно учитывались. Правда, сообщаемые о них сведения были очень краткими и не давали представления об образе жизни, обычаях и языках сидди.

Лишь недавно этим вопросом занялись индийские ученые, и теперь мы располагаем краткими описаниями этнографии сидди и характеристикой их физического типа. Первая из этих работ, написанная проф. Триведи, один из выпусков «Переписи населения Индии 1961 г.» [13], представляет собой обстоятельный отчет об этнографическом обследовании этой группы населения. Небольшая статья проф. Бхаттачарья [3] посвящена результатам антропологических измерений небольшой группы сидди и описанию негроидных черт их облика. Другая работа того же автора [4] по существу представляет всего лишь краткий пересказ работы Триведи (но без ссылки на него).

Благодаря любезности заместителя генерального регистратора Индии д-ра Роя Бёрмана, приславшего упомянутые работы индийских ученых, мы имеем возможность познакомиться с современным состоянием этого «племени», как сидди официально именуются в переписях населения.

Сидди живут небольшими группами на побережье Гуджарата, Махараштры и Майсура. Известно также, что они встречаются и в Хайдарабаде, где еще в начале нашего века они служили в войсках низама. Однако только в Гуджарате (в районе Раджкота) и Майсуре (в округе Северная Канара) они составляют учитываемые в переписях компактные группы населения.

Название *сидди* арабского происхождения и связано со словом *сайид* — почетным титулом, который давался потомкам африканских уроженцев, находившимся на военной службе у мусульманских владетелей Декана. Однако оно получило другое значение и наряду со словом *хубши* служит для обозначения негров вообще (последнее обозначение происходит, очевидно, от арабского *хабшат* — наименования Эфиопии). Сидди-мусульмане производят себя от одного из учеников и последователей Пророка, некоего Хазарата Билаля, негра по происхождению.

К сожалению, не сохранилось никаких данных о времени появления сидди в Индии. Предполагают, что большая их часть была вывезена в XVII в. португальцами из Восточной Африки и Эфиопии в качестве рабов и слуг. Однако, по некоторым данным, уже в середине XV в., при династии Бахмани, во многих домах находились на службе африканцы, которые составляли опору знати. Правитель Бенгалии Рух-уд-дин-Барбак, правивший в середине XV в., как сообщают исторические хроники, имел восемь тысяч африканских рабов, которые затем были переселены в Гуджарат и Декан.

По преданию, живущие в деревне Джамбур сидди, которые и были объектом изучения индийского этнографа Триведи, были привезены в Индию в XVIII в. неким купцом Джагдушахом. Этот купец вел торговлю с Южной Аравией и Африкой, во время своих путешествий он вывез отсюда много домашних слуг, и население Джамбура — потомки их. Хотя африканцы попали в Индию в качестве рабов и домашних слуг, некоторые сидди достигли высокого положения в войсках и гвардии

разных династий. Так, в государствах Занджира правили владельцы из числа сидди. В середине XVIII в. один из них, по имени Хиледж, захватил Джафарабад, затем стал его правителем, а его потомки образовали аристократию этого района. Это не единственный случай, когда сидди достигали высокого положения. Из их числа следует упомянуть сидди Исмаила, ставшего министром в Северном Гуджарате. Однако сидди, составившие аристократию Джафарабата, считают своих африканских сородичей-сидди — простых крестьян Гуджарата — ниже себя и не поддерживают с ними никаких связей, предпочитая брать себе жен из среды знатных мусульманских семей. Их внешний облик и обычаи отличаются от остальных групп сидди. К сожалению, о них почти ничего не известно.

Большинство сидди Гуджарата (в округе Раджкот) — мусульмане и составляют одну эндогамную группу. Р. Э. Энтховен в своем «Описании племен и каст Бомбея» [8] сообщает, что среди них различают две группы — *муваллады* — основное, или коренное, население и *вилайти* — пришельцы. Первые избегают выдавать своих дочерей замуж за вновь пришедших. Известны и другие названия коренного населения — *деси*, или *салтайесо*. Однако в настоящее время обе группы слились и между ними уже нет никаких различий. Население Джамбура называет обитателей других деревень, где живут те же сидди, «народом севера» — *симали*, а жителей Диу — африканцев, привезенных португальцами из Африки, — *суахили*. Наряду с этими названиями существует еще одно — обозначение жителей других районов области Саураштры (Раджкота, Джамнагара и др.) именем *таис*. Как таис, так и симали говорят теперь на местных индийских языках гуджарати и хинди, однако небольшая группа симали говорит до сих пор в своей среде на языке суахили. По-видимому, их язык никем до сих пор не изучался и, к сожалению, ничего не известно о его особенностях. Между тем для изучения истории языка суахили было бы интересно выяснить характерные черты диалекта сидди — диалекта, в котором, как всегда бывает в подобных случаях, должны сохраниться архаизмы.

В Гуджарате, где сидди учитываются как особое племя, в округе Раджкот, по данным переписи 1961 г., их насчитывалось 3645 человек. Кроме того, около 400 человек живет в соседних районах. Из этого числа в сельских местностях живет 63%, в городах 37%. Трудно сказать что-либо о движении населения за последние десятилетия, так как в прежних переписях сидди округа Раджкот отдельно не учитывались. Во всяком случае, достойно упоминания то, что в описании племен и каст Бомбея Энтховен сообщал, что в 1901 г. во всей провинции Бомбей, включая северную часть округа Канара, входившую тогда в его состав, насчитывалось 12848 сидди.

Из общего числа 3645 человек соотношение мужчин и женщин составляет почти точно 50% — 1005 женщин на 1000 мужчин. Процентное соотношение женщин в сельских местностях несколько выше, чем в городах: на 1000 мужчин приходится 973 женщины в городах и 1061 — в деревнях.

Физический тип сидди сохранил черты негроидной расы. Это сказывается прежде всего в форме волос, в отчетливо выраженном прогнатизме, а также в темном цвете кожи, который варьирует от черного до светло-коричневого. Проф. Бхаттачарья измерил 20 мужчин сидди, средний рост которых оказался 166 см (в пределах от 174,4 до 151,5 см).

Большинство деревень сидди находится в районе большого леса Гир, известного тем, что это единственное место в Индии, где водятся

львы. В этом районе сидди живут, судя по сообщениям местных жителей, уже в течение десяти поколений.

Основное занятие сельского населения — земледелие, которое дополняется разведением домашних птиц и мелкого скота. В городах сидди работают механиками, сторожами, шоферами грузовых машин, носильщиками, а в портовых городах — грузчиками и механиками на судах.

Дома в деревне Джамбур, которую изучал проф. Триведи, построенные из камня и глины, имеют прямоугольный план и двускатную крышу. Для защиты от дождей они строятся на довольно высоком фундаменте. Дома низкие, и внутри темно. Обычно дом представляет собой одну комнату и в одном и том же помещении спят, варят пищу и едят. Скот держат в домах, так как в этой лесной области необходимо постоянно остерегаться львов, леопардов и гепардов. С наступлением сумерек весь пасущийся скот загоняется в дом. Дома по отдельности не огорожены, но общая стена окружает небольшую группу домов. В некоторых из них имеется небольшое отверстие для вентиляции. Дверь низкая, и при входе в дом приходится наклоняться. Стены нередко украшаются росписями, среди которых можно увидеть изображения домашних животных, птиц и растительный орнамент. Обстановка несложная: деревянный сундук, глиняные сосуды для хранения зерна, деревянные стулья, подставка для хранения скатанных подстилок, стойка для сосудов с водой и зернотерка. Во многих домах есть керосиновые лампы, зеркала и транзисторные радиоприемники. Домашняя утварь обычно из алюминия и желтой меди.

Одежда мужчин состоит из рубахи, шаровар и тюрбана. Иногда молодежь вместо шаровар надевает брюки, а вместо тюрбана шапку. Женская одежда состоит из рубахи, блузки, головной повязки. Дети, как мальчики, так и девочки, до 6—7 лет бегают нагишом. Обuvi обычно не носят, но в некоторых случаях надевают башмаки местного производства. По старинному обычаю молодые женщины закрывают лицо, но этот обычай сохраняется только в сельских местностях.

Хотя сидди воздерживаются от употребления в пищу свинины и говядины, их, по словам проф. Триведи, «нельзя назвать вегетарианцами». Они едят баранину, рыбу, яйца и дичь, которой изобилуют леса. Пищу обычно принимают два раза в день — утром и вечером. Основное питание — просо и сорго с соусами из различных растений, лишь по праздникам едят рис или пшеницу. Чай — излюбленный напиток, особенно по утрам.

Первоначально сидди говорили на языке суахили, а возможно, и на каком-то другом, близком к нему языке Восточной Африки, а теперь — к 1961 г. — языком общения стали языки Индии. На первом месте по распространенности стоит язык гуджарати. Число говорящих на нем сидди составляет 95%. Остальная часть сидди назвала своим языком либо хинди, либо урду, каччи или синдхи. Лишь один человек назвал африканский язык (суахили?) своим родным языком. В качестве второго языка многие назвали язык гуджарати. Преподавание в мусульманских школах ведется на языках урду или арабском. Индийские ученые отмечают, что в фонетическом отношении говор языка гуджарати, а именно диалект катхиавари, отличается от обычного катхиавари, причем эти различия не могут быть отнесены за счет сидди района Джамбур, но характерны и для сидди, живущих в других местностях. По данным переписи 1961 г., процент грамотных среди сидди составляет всего 9,77, что втрое ниже средней грамотности в Индии. Особенно мало грамотных среди женщин.

В отчете проф. Гриведи подробно описываются обряды, связанные с рождением ребенка, обрезанием, свадьбой и похоронами. Все эти обряды имеют чисто местный, индийский характер, а у мусульман соответствуют обычаям ислама. Из описания этих обрядов нельзя усмотреть какие-либо следы обычаев, вывезенных сидди из Африки.

Среди сидди существует деление на экзогамные кланы — *атак*, которых насчитывается пятнадцать. Происхождение их неизвестно. Некоторые из них имеют те же названия, что и кланы раджпутов, другие имеют мусульманские названия. Счет происхождения идет по мужской линии, брак патрилокальный. При вступлении в брак молодые почти всегда селятся неподалеку от дома родителей мужа. Большие семьи встречаются редко, семья насчитывает обычно 5—6 человек. Браки, как говорилось, не могут заключаться в пределах кланов, но поощряются перекрестно-кузенные браки обеих форм — как с дочерью сестры отца, так и с дочерью брата матери, хотя они и не считаются обязательными. Процент кузенных браков довольно велик. Так, в деревне Талала из девятнадцати браков восемь приходится на браки с дочерью дяди со стороны матери.

Большинство сидди исповедуют ислам (99,3%), остальные индуисты. Вероятно предки нынешних сидди уже были мусульманами, когда были привезены в Индию, и обращение какой-то части их в индуизм относится к недавнему времени.

Следует отметить, что в отличие от мусульман Восточной Африки, исповедующих ислам маликитского толка, сидди — ханафиты, и, очевидно, это следует объяснить влиянием окружающего их мусульманского населения Гуджарата. Среди сидди распространено почитание святых — *пиров*, из которых главным считается Баба Кхор — «эфиопский» святой, могилу которого показывают у деревни Ратампур. По преданиям, он был негром-торговцем и имел трех братьев и четырех сестер, из них особо почитается старшая по имени Мамаи. Баба Кхор первоначально вел жизнь отшельника в лесу. Рассказывают, что, приготавливая пищу в очаге, сложенном из камней, он заметил, что некоторые из них от жары приобретают блеск и становятся прозрачными. Это навело его на мысль заняться их обработкой, и ему удалось создать в Ратампуре агатовый промысел. После его смерти сидди Ратампура признали его святым. Одного из его братьев — Нагарчи Пира — считают покровителем деревни Джамбур. Мусульмане этой деревни поклоняются и изображением Ганумана, а также молятся местным индуистским божествам Меладии Мата и Ситла Мата. Наряду с почитанием святых и божеств индуистского пантеона среди сидди распространена вера в духов и привидения.

Древние африканские традиции сказываются только в одной области, а именно в праздничных обрядах и танцах, где употребляются типично африканские музыкальные инструменты, в частности барабаны разных типов, а также лучковый музыкальный инструмент — *шелани* с тыквенным резонатором. Весь характер празднеств, в особенности танцев, типичен для Африки. Танцующие, украшенные перьями, изображают один охотника, другой — дичь. Во время плясок танцоры впадают в транс по мере убыстряющегося ритма барабанов, которым сопутствуют песни, глухие звуки рогов и раковин.

* * *

Таким образом, этнографо-статистическое обследование африканцев сидди показало, что за сто лет, прошедших со времен Бэртона, они

утратили почти полностью свое африканское наследие. Составляя часть населения Гуджарата, они говорят на местных индийских языках, их материальная культура — одежда, утварь, весь образ жизни уподобился окружающему их населению. Они выделяются лишь по физическому облику, а в сфере культуры — лишь своими верованиями и некоторыми обрядами.

Невольно хочется провести сравнение между судьбой сидди и судьбами негритянских рабов, вывезенных несколько веков тому назад в Америку. Те также утратили свой язык, усвоили материальную культуру тех народов, среди которых оказались, но сохранили свои расовые черты, старинные верования и связанные с ними обряды. Сохранили они и музыкальные инструменты, напевы и мелодии, а также фольклор, которые пришли в Европу уже в виде джаза, негритянских танцев и сказок дядюшки Римуса.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Гоцко Г. Н., История изучения языка суахили, — «Africa. Этнография, история, языки народов Африки», Л., 1971 (Труды Ин-та этнографии, Новая серия, ХСVI. Африканский этнографический сборник, VIII).
2. Arnaud Th. et Vayssière A., Les Akhdam de l'Yémen, — «Journal Asiatique», 4me série, t. XV, 1850.
3. Bhattacharya D. K., Anthropometry of a Negro in India: Siddis of Gujarat, — «Zinruigaku Zassi. The Journal of the Anthropological Society of Nippon», 1969, vol. 77, № 5/6.
4. Bhattacharya D. K., Indians of African Origin, — «Cahiers d'Etudes Africaines», 1970, vol. X, № 40.
5. Burton R. F., Sindh and the Races that Inhabit the Valley of the Indus, London, 1851.
6. Chelhad J., L'organisation sociale au Yémen, — «L'Ethnographie», 1970, Nouvelle série, № 64.
7. Cust R. N., A Sketch of the Modern Languages of Africa, London, 1883.
8. Enthoven R. E., The Tribes and Castes of Bombay, Bombay, 1920.
9. Johnston H. H., A Comparative Study of the Bantu and Semi-Bantu Languages, Oxford, 1919, 1922.
10. Meinhof C., Die moderne Sprachforschung in Afrika, Berlin, 1910.
11. Stigand C. H., A Grammar of Dialectic Changes in the Kiswahili Language, Cambridge, 1915.
12. Struck B., Entwurf einer Übersichtskarte der Hauptsprachfamilien in Afrika, — «Globus», 1910, Bd XCVIII, № 15.
13. Trivedi R. K., Siddi. A Negroid Tribe of Gujarat, Delhi, 1969 (Census of India 1961, vol. V, pt V—B, № 1. Ethnographic Series. Gujarat).

Л. Б. Алаев

К ВОПРОСУ О РОЛИ ТРУДА БЕЗЗЕМЕЛЬНЫХ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНЫХ ПРОВИНЦИЙ ИНДИИ В XIX в.

В индологии довольно распространено мнение, что категория безземельных работников, столь обширная в современном сельском хозяйстве,— порождение сравнительно недавних процессов имущественного расслоения, обеднения и обезземеливания крестьянства. Нередко всех их считают классом наемных работников и связывают с развитием капиталистических отношений. «Существует общее мнение,— пишет, например, С. Дж. Патель,— что в Индии до XIX в. не было скольконибудь значительного класса сельскохозяйственных рабочих. Существовали слуги, помогавшие по хозяйству, но число их было незначительно и они не составляли определенной группы лиц, единственным или главным занятием которых была бы работа на чужой земле, оплачиваемая натурой или деньгами. Появление большого класса сельскохозяйственных рабочих знаменует собой новую форму социальных отношений, возникшую в конце XIX и начале XX столетия в Индии» [9, 54]. В предисловии Г. Г. Котовского к русскому переводу этой книги говорится: «С. Патель пришел к правильному заключению, что образование сельского пролетариата началось в последней трети XIX в.» [9, 4].

В недавней монографии М. К. Кудрявцева, посвященной современной сельской общине в Хиндустане, утверждается, что «профессия, особая социальная категория и кастовая группа харваров (харвахов), т. е. пахарей, могла появиться в индийской деревне, а тем более в системе джаджмани, сравнительно поздно», что «безземельные земледельцы в условиях общинной организации—это уже продукт разложения ее, продукт капиталистического развития деревни» [7, 149, 88].

Не касаясь вопроса о том, в какой степени современные безземельные работники являются наемными рабочими в политэкономическом смысле слова, мы хотели бы обратить внимание на то, что «значительный класс» людей, «единственным или главным занятием которых была бы работа на чужой земле, оплачиваемая натурой или деньгами», существовал в Индии издавна.

В древней Индии (по крайней мере с последних веков до н. э.) значительной прослойкой сельского населения были «наемные работники» — кармакары и бхртаки [см. 8]. Авторы труда «Древняя Индия» посвятили описанию положения этого слоя отдельную главу, в которой отмечают, что «множество людей жило продажей своей рабочей силы», что данных о них «сохранилось больше, чем сведений о рабах» [5, 372]. Г. Ф. Ильин, автор этой главы, резонно объясняет это явление

особенностями хозяйства: «Условия производства требовали, чтобы кроме рабов, которых надо было кормить круглый год, существовали члены общества, которых можно было использовать на короткие сроки и лишь в эти сроки обеспечивать их содержание» [5, 373]. Правда, при этом автор считает, что «наемный труд» употреблялся лишь в крупных хозяйствах, мелкие же удовлетворяли «потребность в дополнительной рабочей силе» «благодаря системе взаимопомощи», но это мнение невозможно доказать на основе имеющегося материала.

В средние века сведения о труде безземельных в чужих хозяйствах сокращаются, но это связано с изменением характера источников, ослаблением их внимания к проблемам ведения хозяйства. В связи с этим падает и внимание исследователей-медиевистов к слою безземельных работников, хотя их наличие обычно упоминается [например, 17, 112; 4, 274—275; 14, 120—122].

В начале колониального периода вновь меняется характер источников. Британские администраторы интересовались, правда, в первую очередь вопросами землевладения и землепользования, но сведения о способах ведения хозяйства, а следовательно, и о труде безземельных также попадали на страницы их отчетов.

Ранние британские материалы многими индологами использовались для характеристики доколониального аграрного строя. Наиболее полное отражение вопросы ведения крестьянского хозяйства нашли в работе Э. Н. Комарова по Бенгалии второй половины XVIII в. Материалы показали, что труд кабальных батраков и поденщиков настолько широко применялся в хозяйствах зажиточных и средних слоев крестьян [6, 56—66], что требовалось теоретическое осмысление причин этого явления в условиях развитой, но все же в основе феодальной Бенгалии. Э. Н. Комаров отнес возникновение этого слоя к последнему этапу феодальных отношений, связав его с развитием товарно-денежных отношений и господством денежной ренты.

Автор настоящей статьи показал, что и в Южной Индии примерно в то же время существовала значительная категория людей, лишенных средств производства, но, следуя теоретической позиции Э. Н. Комарова, отнес ее лишь к концу исследуемого периода, т. е. к XVII—XVIII вв., также связав с распространением денежных рент и еще более умалил значение данного явления, представив положение безземельных работников как временное, как переходное состояние между двумя основными категориями: крестьянином-владельцем и крестьянином-закабаленным держателем земли [2, 115—117].

Между тем феномен безземельности части сельского населения и распространенности «наемного» труда допускал и даже требовал и другого объяснения, на что также указывалось в советской литературе. Так, К. А. Антонова писала: «Особенностью индийского сельского хозяйства было то, что при трудоемких культурах на поливных землях, при крайней примитивности крестьянских орудий труда даже незажиточный крестьянин не всегда мог в страду обойтись только силами своей семьи и должен был порой прибегать к помощи поденщиков». Она же отметила, что подобные «наемные» отношения были не новым явлением в XVIII в., а унаследованным от средневековья: «Эти работники были зависимыми наймитами средневекового типа, а не капиталистическими сельскохозяйственными рабочими» [3, 145].

Интересно, что И. Хабиб, не ставя под сомнение положение о развитии наемного труда в новое время, также должен был искать объяснение существования его прототипа в могольский период в особенностях агрикультуры. Он указывал, что в то время земли было до-

статочны и, следовательно, «среднее крестьянское держание было значительно крупнее, чем сегодня. Крестьянская семья, имея большой участок, должна была ощущать большую потребность во временных рабочих руках в помощь своему собственному труду в такие критические периоды, как, например, время уборки. Эти руки могло дать лишь некрестьянское сельское население» [14, 121].

В последнее время внимание исследователей все больше привлекает XIX век — век предполагаемой перестройки индийского традиционного аграрного строя в колониальный (или полуфеодальный). Задачу определить, насколько изменился удельный вес безземельного трудового населения в течение XIX в. на территории Южной Индии, поставила перед собой Дх. Кумар. Ее задача упрощалась тем, что безземельные работники на юге принадлежали в основном к нескольким крупным неприкасаемым кастам, так что была возможность опереться если не на данные о профессиональной занятости, то по крайней мере на оценки кастовой принадлежности населения. Кроме того, «рабское» положение значительной части трудового населения в Южной Индии оказало исследователю другую услугу. Вопрос о рабстве в британских владениях глубоко волновал общественность Англии в начале XIX в. Было создано несколько комиссий по расследованию «вопроса о рабстве в Британской Индии», в материалах которых имеется много и цифровых данных. Дх. Кумар пришла к выводу, что закабаленные безземельные работники составляли на территории Мадрасского президентства в начале XIX в. 10—15% населения и 17—25% сельскохозяйственного населения. В начале же XX в. их доля в сельскохозяйственном населении выросла до 27—29%, т. е. сравнительно незначительно [15, 191].

Целью настоящей статьи является оценка роли чужого труда, имевшего различное правовое оформление, в сельскохозяйственном производстве в XIX в. на территории современного штата Уттар Прадеш, составлявшего в то время Северо-Западные провинции и Ауд. Мы стремились пользоваться как можно более ранними данными, ограждающими в какой-то мере добританскую практику. Но сведения о положении и особенно о численности этого слоя, относящиеся к первой половине XIX в., чрезвычайно скудны. Достаточно массовые данные появляются лишь с первыми переписями населения в 1872 и 1881 гг. Этими данными пришлось пользоваться широко. Впрочем, они служат в какой-то мере для уяснения вопроса о традиционных формах использования чужого труда, так как сторонники тезиса о недавнем появлении класса безземельных работников относят 1870-е годы к начальному этапу процесса его формирования.

Аграрная экономическая и правовая структура Северо-Западных провинций после первых мероприятий англичан выглядела следующим образом. Собственность на землю была утверждена за мелкими землевладельцами-общинниками (их называли заминдарами, паттидарами, бисвадарами, «партнерами», «дольщиками» и т. п.). В западной части провинции (Верхнем Доабе) общины были крупнее, число дольщиков — больше, каждый из них как землевладелец — мельче. В восточной части (Рохилкханде, Нижнем Доабе и Восточных округах) землевладельцем нередко становилась небольшая группа заминдаров, семья или даже частное лицо. Отчасти сохранилось и крупное частное землевладение (талук, радж), особенно в Ауде, где талукдарам принадлежало от двух третей до пятой части земли разных дистриктов. По отношению к талукдару общины и деревенские заминдары рассматривались как держатели. Последним иногда предоставлялись пра-

ва «подсобственников» или «подчиненных собственников», но чаще держатели земли в талуках рассматривались как арендаторы. Значительная часть земли сдавалась в аренду и мелкими землевладельцами — индивидуально или через общину.

Эти две категории сельского населения — землевладельцы и арендаторы — получили довольно полное отражение в колониальных документах. Известно, что часть землевладельцев (в том числе и мелких) была феодалами, не работавшими на земле. Другая часть мелких землевладельцев была крестьянами. Процент трудового населения среди арендаторов был, конечно, значительно выше, но и среди них были как эксплуататоры, так и «справные» крестьяне, а также бедняки, получавшие часть средств к существованию работой по найму. Подавляющая часть крупных и значительная часть мелких землевладельцев принадлежала к высшим кастам (брахманам, раджпутам, мусульманским кастам), считавшим зазорным трудиться. Кроме того, в составе владельцев, особенно на западе провинции, было много представителей и земледельческих (джаты, курми, лодх) и других средних каст.

Третья группа сельского населения состояла из ремесленников, работников «сферы обслуживания» (прачечников, брадобреев и т. д.), торговцев и ростовщиков. Следует сделать оговорку, что имеются в виду не все члены ремесленных, профессиональных и торговых каст, проживавшие в деревне, а лица, действительно занимающиеся соответствующими профессиями и не связанные с земледелием или скотоводством. Их было значительно меньше, чем членов «неземледельческих» каст.

Упомянутые выше три группы сельского населения охарактеризованы лишь в общих чертах, ибо не они являются в данном случае объектом изучения.

Подробнее мы остановимся на положении четвертой категории — безземельных работников, занятых в сельском хозяйстве. Они находились в разной степени зависимости от сельских хозяев.

Многие чиновники, работавшие в Северо-Западных провинциях, отмечали, что здесь нет рабов. Так, в дистрикте Алигарх коллектор знал лишь одного раба, трудившегося на поле заминдара в деревне Хери Бузури, паргане Секундрарао [23, 117]. Однако в другом источнике чамары того же Алигарха характеризуются как «просто сервы собственников, прикрепленные к земле и отчуждаемые вместе с нею. Право, ни один дольщик не сочтет раздел совершившимся, пока ему не будет выделено определенное число чамаров, пропорциональное его доле в земле деревни» [10, II, 396].

Т. Фортескую в отчете о дистрикте Дели в 1820 г. также заявляет, что рабов здесь нет, но «работники» «рассматриваются как разновидность исключительной собственности, принадлежащей землевладельцам, как что-то вроде постоянной принадлежности земли, которую они призваны обрабатывать. Другими словами, дольщики не могут переманивать их друг у друга, хотя сами они имеют право уйти к другому хозяину» [20, 80].

Весьма похожие сведения о наследственной связи между общинниками-землевладельцами и чамарами-пахарями сообщаются в отчетах по Музаффарнагару [23, 89] и Сахаранпуру [10, II, 225]. Интересно, что эта серия данных относится к западным дистриктам, где большая часть земли была в руках общин земледельческих каст, члены которых и сами не чуждались труда.

В памятной записке Ч. Максвина от 1831 г. говорится применительно ко всему Доабу, что заминдара «пользуются помощью в обра-

ботке земли со стороны других групп общины, чей труд не оплачивается или оплачивается недостаточно» [23, 342].

В Мирзапуре, крайней южной окраине провинции, где землевладельцами были в основном раджпуты, положение работников было идентичным: «Заминдары упорно рассматривают своих пахарей и работников как вид имущества, как сервов по давнему обычаю. Нет более распространённого источника столкновений, чем переманивание одним земледельцем (т. е. землевладельцем.— Л. А.) людей другого» [10, XIV, 49].

Во всех этих случаях мы видим зависимость, базирующуюся только и исключительно на традиции, оформленной в межкастовые отношения. Это служит дополнительным доказательством традиционного, средневекового характера данных отношений. Относительная слабость зависимости с точки зрения типичного рабства или серважа (право уйти), во-первых, практически сводится на нет экономическими факторами — отсутствием у работника средств производства, а во-вторых, сохраняется также в интересах хозяев, которые должны иметь возможность избавиться от серва в трудный или неурожайный год.

В Ауде зависимость чаще принимала экономические формы. Возможно, это объясняется тем, что местные землевладельцы (мусульмане и раджпуты) были сравнительно недавнего происхождения. Захватив землю в XVIII в. или получив ее от наваба в XIX в., они не успели еще установить прочных межкастовых связей с низшими слоями деревни.

В дистрикте Бахрайч работник, нанимаясь в хозяйство, получал некоторую сумму, от 30 до 100 рупий, и становился «наследственным рабом», пока не выплатит ее. За работу он получал шестую часть собранного им урожая, но этого не могло хватить для пропитания семьи из четырех человек [13, I, 146]. В Гонде залоговая сумма равнялась 100—200 рупиям, во всем же остальном долговой раб (савак или харваха) не отличался от собрата в Бахрайче. «Слуга получает долю продукта, обычную для наемного работника, но этого не хватает, чтобы прокормить семью, и время от времени он должен получать мелкие подачки от хозяина, стоимость которых добавляется к сумме долга. Харваха может перепродать себя другому хозяину, если тот согласится выплатить за него сумму долга» [13, I, 516].

Считалось, что хозяин обязан кормить савака вне зависимости от того, есть для него работа или нет. Однако фактически в случае неурожая савак вынужден был уходить искать работу на стороне, в то же время хозяин сохранял право призвать его обратно [13, I, 145].

Кроме наследственных «закупов», в тех же дистриктах были люди, продавшие себя на год за 6—12 рупий в Бахрайче и за 5—10 рупий в Гонде [13, I, 147, 516].

Наконец, имелось какое-то количество сезонников и поденщиков, о которых неизвестно ничего, кроме того, что их положение было еще хуже, чем положение «закупов». Напротив, в дистрикте Файзабад как будто бы преобладали именно поденщики, которых «земледелец» прогонял, если ожидался голодный год, «как губернатор осажённого города высылает всех неспособных сражаться» [13, I, 418—419].

Социально-экономическое положение маздуров (работников) в дистрикте Кхери неизвестно, ясно лишь, что, как правило, они принадлежали талукдарам. Последние одалживали работников своим арендаторам, за что взимали с них помимо традиционной ренты еще дополнительный сбор — маздури, равный одиннадцатой или двенадцатой части урожая [13, II, 178—179].

Сведения о положении работников довольно случайны — их фиксация зависела от доброй воли налогового чиновника или составителя газеттира. То, что определенные категории работников отмечены в ряде округов, не означает, что подобные же, а то и совсем другие, неизвестные нам категории, не существовали в других районах. Так, подлинный документ о продаже себя в «долговое рабство» зафиксирован в дистрикте Горакхпур, где нарративные источники молчат о наличии такого института. Запродажная запись не датирована, но была опубликована в 1837 г. В ней говорится, что человек продал себя с детьми за 51 рупию «для того, чтобы вести плуг и оставаться всегда на месте, чтобы выполнять любой вид работы, который потребует. Если я оставляю свой плуг или работу на один день, я ответствен золотом весом в одну рупию за каждый день отсутствия. Если я уйду куда-нибудь с целью сбежать, пусть вся моя семья будет схвачена. Если другой человек даст мне большую сумму денег, пусть он уплатит первоначальную сумму и все проценты на нее» [16, 951]. Проценты на полученную сервом сумму равнялись 8 ана в месяц, около 12% годовых.

По-видимому, рабовладельческих отношений в земледелии действительно не существовало. Индийскую разновидность серважа нельзя назвать также крепостничеством. Но все же несомненно, что положение постоянных работников характеризовалось зависимостью — групповой (традиционно-кастовой) или индивидуальной (долговой). Существовал и более свободный труд временных работников. Было бы интересно установить соотношение сервилльного и более свободного труда, но это невозможно, да и не столь необходимо. Типологически и «наемные» и закабаленные слуги представляли собой более или менее несвободных, по сути средневековых (в индийских условиях — даже унаследованных от древности) работников. Они не были наемными рабочими в политико-экономическом смысле слова, ибо их существование не предполагало капитала, их труд не был направлен на производство прибавочной стоимости [см. 1, 454—461].

Широкое употребление чужого труда в хозяйствах собственников и арендаторов отчасти объясняется социальными факторами, а именно кастовыми запретами определенных видов труда членам высших каст. Так, из сельскохозяйственных операций наиболее нечистой считалась вспашка почвы, и для многих брахманов и раджутов прикасаться к плугу было грехом. Другие операции тоже, хотя и в меньшей степени, считались недостойными.

Однако значение этого фактора, почти всегда выдвигаемого самими землевладельцами и с их слов британскими чиновниками на первый план, не следует переоценивать. Многие кастовые запреты имеют под собой материальную почву. И в данном случае прав, нам кажется, составитель газеттира Горакхпура, который склонен объяснять не кастовыми правилами привлечение труда пахарей, а, наоборот, возникновение «отвращения» к пахоте тем обстоятельством, что пахари-харваха принадлежали большей частью к самым низшим кастам [10, VI, 402].

Кроме того, чужой труд применялся, хотя, возможно, в значительно меньшей степени, не только в хозяйствах высококастовых индусов, но и на полях членов земледельческих и даже низших каст (если последние имели землю). В этом случае его применение можно объяснить уже только хозяйственными факторами.

Интересны в этой связи расчеты Ф. Н. Райта, бывшего долгое время коллектором Канпура. В одной из своих книг он приводит примерную роспись трудовых операций в трех хозяйствах, условных, но, видимо, достаточно типичных. Делает он это с целью доказать, что по-

давящая часть физического труда падает на землепользователя и его семью, а привлечение чужого труда носит спорадический характер. С нашей точки зрения, интересно, что и при этом тенденциозном подходе автор все же предусматривает употребление чужого труда.

«Возьмите,— пишет Ф. Н. Райт,— чамара с женой и тремя детьми 8, 10 и 12 лет, дайте ему владение в 12 бигха, расположенное в разных местах, чтобы имелись разные сорта земли, и пару быков». Из допущений автора видно, что берется оптимальный вариант: отсутствие грудных детей, несколько подростков-помощников, поля в «разных местах», что позволяет хозяину рассредоточить операции на весь год. Хозяин — чамар, т. е. человек, не гнушающийся никаким трудом и неизменно привлекающий к работе жену и детей.

Из описания следует, что хозяин и члены семьи круглый год (!) делают ту или иную работу по хозяйству. Однако даже в этом хозяйстве семья не успевает прополоть хлопок: надо нанять 11 человек на один день четыре раза за сезон. Очистка поля после осеннего урожая для его обработки под зимнюю культуру производится детьми чамара с привлечением четырех наемников. Джовар должны убирать хозяин, два его сына и 7 наемников. Итак, это хозяйство, поставленное по воле автора в идеальные экономические условия, прибегает к чужому труду в размере 51 человеко-дня в году [27, 76—77].

Другое хозяйство, взятое в качестве примера, принадлежит каччи-садоводу. Каччи также исключительно трудолюбивы и привлекают к труду членов семей. Это более интенсивное хозяйство потребует уже как минимум 298 человеко-дней чужого труда за год [27, 82—83].

В соседнем с Канпуром дистрикте Фатехпур члены касты мураи (очень близкая к каччи каста садовников) в том случае, если они не работают в чужих хозяйствах, а ведут собственное, оказываются наиболее жестокими эксплуататорами. Арендатор-мураи «платит работнику меньше, а требует работы больше, чем любой другой земледелец» [19, 11].

Наконец, Райт берет хозяйство, принадлежащее курми — члену основной земледельческой касты данного района. Этому хозяйству, не считая труда хозяина, его жены и троих детей, потребуется 216 человеко-дней чужого труда [27, 86—87].

Ф. Н. Райт доказал по крайней мере одно — спорадическое применение чужого труда было необходимо в условиях Северной Индии XIX в. во всех без исключения хозяйствах для их нормального функционирования. Это служило экономической основой существования закабаленного труда, который нередко использовался и гораздо шире, чем это диктовала чисто экономическая целесообразность.

Оценка количества сельскохозяйственных безземельных работников затруднена. В переписи 1872 г. «рабочие» были даны единой цифрой, без разделения на сельскохозяйственных и несельскохозяйственных, и таким образом выведены из состава «сельскохозяйственного населения». Другая крупная часть сельскохозяйственных работников, принадлежавшая к ремесленным кастам, попала в соответствующие профессиональные группы. В результате в «сельскохозяйственном населении» остались почти исключительно землевладельцы и арендаторы, а процент «сельскохозяйственного населения» оказался резко заниженным. По Северо-Западным провинциям он составил 56,4 [25, 7].

Немыслимость этой цифры сразу бросается в глаза. Ее совершенную непригодность для использования в буквальном значении показывают хотя бы следующие примеры. Составитель газеттира Лакхнау сравнил процент «сельскохозяйственного населения» с процентом обра-

батываемых земель. Оказалось, что в паргане Биджнаур, где наименьший процент обрабатываемых земель, самая высокая доля «сельскохозяйственного населения», а в паргане Малихабад, напротив, наибольший процент обрабатываемых земель сочетается с самым низким процентом «сельскохозяйственного населения». Объяснение заключается, оказывается, в том, что в Биджнауре имеются «многочисленные деревенские общины, члены которых считают, что вспашка земли собственными руками унизительна для них» [13, II, 336]. Другими словами, высокий процент «сельскохозяйственного населения» обеспечивается включением в него нетрудовых элементов. В Малихабаде положение обратное — больше трудового населения и потому меньше «сельскохозяйственного».

Показательны также цифры по округу Итава, приводимые в отчете 1839 г. В паргане Итава «сельскохозяйственное население» составляло 39,9%. Оно, по мнению коллектора, делилось между высшими и низшими кастами в пропорции 35:65. (Под «низшими кастами» в данном случае понимаются все, считающиеся ниже брахманов, раджпутов и банья.) В соседней паргане Барпура аграрный строй, по-видимому, имел отличия. Там было 66,1% «сельскохозяйственного населения», которое делилось между высшими и низшими кастами как 61,2:38,8 [22, 253, 269]. Видно, что процент «сельскохозяйственного населения» близок к доле высших каст, наиболее непроизводительной части населения, и по существу обратно пропорционален доле непосредственных производителей.

Впрочем, официальная цифра «сельскохозяйственного населения» по переписи 1872 г. не лишена достоинств. Она включает всех землевладельцев и арендаторов, в том числе мельчайших. Тем самым из числа безземельных работников, определением которого мы займемся, с самого начала будут исключены все те, кто работал в чужом хозяйстве в порядке взаимопомощи, а также продававшие свой труд частично и время от времени. Это служит известной гарантией от преувеличения роли «наемного» и закабаленного труда в сельском хозяйстве.

Вычтя из 100% доли «сельскохозяйственного», городского, а также сельского торгово-ремесленного населения, мы должны получить цифру, весьма близкую к искомой — процент полностью безземельных, не имевших других средств к существованию, кроме работы в чужом земледельческом хозяйстве.

Мы отдаем себе отчет в том, что категории «сельскохозяйственно-го» и городского населения несопоставимы. Значительная часть «сельских хозяев» проживала в городах, особенно в мелких. Вычитая последовательно эти две цифры из 100%, мы часть населения вычитаем дважды. Впрочем, это дает еще одно основание надеяться, что роль безземельных не будет преувеличена.

В 1872 г. в городах с населением 10 тыс. жителей и более проживало 7,1% населения Северо-Западных провинций [25]. Эта цифра не учитывает жителей более мелких городов (от 5 тыс. до 10 тыс.) и потому занижена. По данным отдельных дистриктов, где у нас есть обе цифры (для городов с населением свыше 5 тыс. и свыше 10 тыс.), можно заключить, что отнесение к городскому населению жителей населенных пунктов с числом жителей от 5 тыс. до 10 тыс. повышает долю городского населения на 3—4%. В 1881 г. городское население провинции (включая более аграрный Ауд) составляло 9,7% [21, 272]. По всей вероятности, 11% будет достаточно близкой (во всяком случае, не заниженной) цифрой для оценки городского населения в 1872 г.

Определение сельского несельскохозяйственного населения еще бо-

лее затруднено. Широко распространено мнение, что ремесленники и торговцы составляли значительную часть населения деревень. М. К. Кудрявцев, опираясь на современные социологические обследования ряда деревень, считает, что процент несельскохозяйственного населения в индийской общине составлял от 25—30 до 50 [7, 32]. Надо сказать, что общая доля членов торгово-ростовщических и ремесленных каст в 1881 г. составила в провинции 21,3% [21, 303—306]. Это тот максимум, выше которого доля несельскохозяйственного населения не могла быть. Из него следует вычесть торговцев и ремесленников, живших в городах, а также торговцев и ремесленников по касте, являвшихся фактически земледельцами.

Налоговый чиновник в Биджнауре Маркхам писал, например: «Тысячи ткачей, плотников, кузнецов, пастухов, горшечников, цирюльников, маслобойщиков, резчиков по дереву, торговцев и других занимаются сельскохозяйственным трудом» (имеется в виду — в чужих хозяйствах.— Л. А.) [10, V, 296]. Данные о «втором занятии» сельскохозяйственных рабочих в 1881 г. показывают, что многие члены торгово-ремесленных каст, даже если они отчасти сохранили свое кастовое занятие, на самом деле были батраками. Так, 58 713 сельскохозяйственных работников были одновременно парикмахерами. Общая численность наи (касты цирюльников) составляла в провинции 639 957. Чтобы сопоставить эту цифру с первой, ее надо разделить на 4 (среди работников учитывались только работающие мужчины). Получится 159 989. Другими словами, более трети наи не были цирюльниками по основному занятию. Сравнив таким же образом число членов касты лохар (кузнецов — 496 547) и число сельскохозяйственных работников, практикующих кузнечное ремесло в качестве вспомогательной специальности (55 637), мы найдем, что почти половина лохаров не была кузнецами по основному занятию. То же относится к сутарам (касте плотников), дхоби (касте прачечников), кумхарам (касте горшечников) и др. [21, 366].

Учитывая несовпадение предписанного кастой и реального занятия, я думаю, что процент сельского неземледельческого населения должен быть по крайней мере наполовину меньше, чем процент членов торгово-ремесленных каст во всем населении. Предположительно будем считать его равным 11.

Вычтя из общего населения «земледельческое» (56,4%), городское (11%) и сельское торгово-ремесленное (11%), мы получим, что доля сельского земледельческого, но безземельного населения должна была составлять 21,6%. В реальном земледельческом населении, которое, как ясно из изложенного, мы считаем равным 78%, группа безземельных будет в этом случае составлять 27,7%.

К оценке достоверности этой общей цифры по провинции мы вернемся. Теперь же перейдем к рассмотрению материалов по отдельным дистриктам.

Сначала выясним, что дает для порайонного анализа официальная цифра «сельскохозяйственного населения». Оказывается, что среди дистриктов, где доля «сельскохозяйственного населения» меньше 50%, присутствуют почти исключительно районы Верхнего Доаба и Бунделкханда. Меньше всего «сельскохозяйственного населения» в Сахаранпуре и Музаффарнагаре (соответственно 35,3 и 36,5%). Кроме того, из районов Верхнего Доаба в эту группу входят Миратх (42,1%), Алигарх (42,5%), Агра (48,9%), Буландшахр (49,1%), Маттра (49,8%). В Бунделкханде доля «сельскохозяйственного населения» в целом несколько выше: в Джханси — 40,7%, в Хамирпуре — 45,2, в Джалау-

не — 45,8, в Банде — 49,7, в Лалитпуре — 49,8%. Правда, в эту же группу дистриктов с долей «сельскохозяйственного населения» меньше 50% вошло несколько дистриктов из других географических районов провинции. Это Биджнаур (38,0%) — географически часть Рохилкханда, примыкающая к Верхнему Доабу; Дера Дун (48,3%) — дистрикт, примыкающий к Верхнему Доабу с севера; Канпур (48,8%) и Аллахабад (47,3%) — дистрикты Нижнего Доаба, и Бенарес (43,9%), принадлежащий к группе Восточных округов.

Основная часть дистриктов Нижнего Доаба принадлежит к той группе округов, где процент «сельскохозяйственного населения» находится между 50 и 61. Это Фатехпур, Фарухабад, Майнпури, Итава, Ита.

В группе дистриктов с долей «сельскохозяйственного населения» между 62 и 81% находятся основные округа Рохилкханда (Барейли, Шахджаханпур и Бадаун) и восточной части провинции (Азамгарх, Джаунпур, Басти, Горакхпур).

Наибольшая доля «сельскохозяйственного населения» показана для Кумаона (89,5%) и Гархвала (86,0%) (все цифры даны по: [25]). К сожалению, нет сведений такого же типа от 1872 г., относящихся к дистриктам Ауа.

Если предложенный выше способ оценки числа безземельных сельских работников правилен, мы должны ожидать наибольшего их числа в Верхнем Доабе и Бунделкханде, меньше — в Нижнем Доабе, еще меньше — в Рохилкханде и Восточных округах.

Начнем с Верхнего Доаба. В Сахаранпуре в 1816 г. «по крайней мере мукаддамы и высшие прослойки райятов обычно используют чамаров и членов других низших каст при вспашке, сборе и складировании урожая» [24, 204].

В Музаффарнагаре в 1872 г. 54 тыс. взрослых мужчин, не считая женщин и детей, являлись сельскими «наемными» работниками [10, III, 583—584]. Другие категории сельского населения — землевладельцы и арендаторы — составляли соответственно 10 465 и 83 324 взрослых мужчин [10, III, 512]. Таким образом, доля безземельных работников-мужчин во всем мужском сельскохозяйственном населении составляла 36,5%. Если же учесть труд женщин и детей, а также то, что многие владельцы и некоторые арендаторы не принимали участия в физическом труде, реальная доля сельскохозяйственного труда, падавшая на безземельное население деревни в этом дистрикте, по-видимому, намного превысит 40%.

Э. К. Бак в 1865 г. отмечал высокую долю чамаров в населении округа Миратх (15,5% в 1872 г.) [10, III, 260] и выражал уверенность, что они «должны несомненно выполнять значительную часть сельскохозяйственного труда. Однако, — здесь коллектор вскрывает одну из причин невнимания к проблеме труда безземельных, — они находятся до такой степени в тени, что, несмотря на значительную численность, их наличие нигде не отмечается как отличительная черта земледельческого населения» [12, 7]. Позже Э. Аткинсон высчитал, что в 1862 г. неквалифицированных сельских «наемных» работников в Миратхе было 130 тыс. [10, III, 298]. Сравнив эту цифру с количеством самостоятельно «сельскохозяйственного населения» в 1872 г. (204 987 землевладельцев и арендаторов) [10, III, 296], т. е. не учитывая естественный прирост в группе безземельных работников за 10 лет, получим, что на долю последних приходится 38,8% самостоятельного сельскохозяйственного населения.

В дистрикте Дели, входившем тогда в Северо-Западные провинции, в 1820 г. отмечается «значительный слой» работников (камерá! в

хозяйствах тех общинников, которые считали «действительный труд унижительным» [20, 80]. Пытаясь объяснить либеральное отношение хозяев к зависимым работникам, характерное, по его мнению, для района Дели, Фортескью указывает на то, что хозяйства в основном базировались на труде лиц этой категории: «Его (владельца.— Л. А.) земли, может быть, полностью обрабатываются ими, и в его интересах сохранить и увеличить их число любыми приемлемыми способами» [24, 407].

В Буландшахре, по данным 1872 г., было 7299 собственников-неземледельцев, 141 269 земледельцев и 149 819 «пахарей и огородников» (50,2% сельскохозяйственного населения) [10, III, 49—50]. Уже выделение категории «собственников-неземледельцев» показывает, что, как и в Музаффарнагаре, доля безземельных в сельскохозяйственном труде была выше их доли в сельскохозяйственном населении.

Рохилкхандский округ Биджнаур, как мы видели, по проценту «сельскохозяйственного населения» ближе к Верхнему Доабу. Маркхам определяет число полностью безземельных сельских работников здесь в 112 179, т. е. 28,6% сельскохозяйственного населения [10, V, 296].

Остальные дистрикты Рохилкханда не дают материала для исчисления количества работников. Это служит своеобразным подтверждением высказанному выше предположению, что роль труда безземельных в этом районе была сравнительно незначительной.

Нет сведений также по округам Нижнего Доаба. Однако некоторые нарративные источники по Канпуру позволяют заключить, что труд безземельных использовался здесь меньше, чем в Верхнем Доабе. Так, коллектор дистрикта в 1816 г. писал, что здесь «коттер» (cottager) «вместо того, чтобы быть поденщиком, снимает землю и держит свои плуги» [24, 185]. Подтверждение известной распространенности землепользования среди низших категорий сельского населения находим и в более поздних источниках. В газеттире (1881 г.) говорится: «Чамары образуют главную часть работающего населения и 10% земледельцев. В деревнях их называют гаонкама („любимцы деревни“.— Л. А.). За право подобрать колосья на сжатом поле или подчистить ток после молотбы они делают всю работу заминдаров: служат на посылках, носят грузы, пашут, орошают поля и т. д.» [10, VI, 65]. Перекликается с мнением коллектора 1816 г. то, что чамары составляют заметную часть «земледельцев», т. е. арендаторов. Сервилный труд чамаров в чужом хозяйстве также отмечается, но он здесь был, видимо, все же меньше распространен, чем в Верхнем Доабе.

Из шести восточных дистриктов данные о значительном распространении труда безземельных есть только по Мирзапуру. Там, «за исключением мест, где живут некоторые земледельческие касты, работа на полях целиком выполняется сервами из низших каст, таких, как кол, паси и чамар, используемых брахманами и раджпугами-арендаторами, которым обычай запрещает работать самим» [10, XIV, 49]. В 1881 г., по подсчетам автора газеттира, в Мирзапуре насчитывалось 152 883 безземельных работника, т. е. 39,7% самодеятельного сельскохозяйственного населения [10, XIV, 73].

В других восточных дистриктах значение безземельных работников, видимо, было меньшим. В Бенаресе, например, «земледельцы сами делают почти всю работу по вспашке, посеву, уборке и т. д.» [10, XIV, 24]. Низкий процент «земледельческого населения» в данном дистрикте объясняется высокой долей городских жителей. Только в одном г. Бенарес жило 23,5% населения дистрикта. Впрочем, доля без-

земельных работников в округе Бенарес в 1881 г. составила 15,7% сельскохозяйственного самодеятельного населения [10, XIV, 45]. Эта цифра важна как пример роли этой категории работников в районе, где хозяева «все делали сами».

В Ауде в 1872 г. насчитывалось примерно 10,5 млн. населения, из него «сельскохозяйственное» составляло около 6,5 млн., т. е. 62%. Составитель аудского газеттира У. Ч. Бенетт считал, что последняя цифра преуменьшена за счет безземельных работников. Например, по его мнению, большая часть людей, записанных в «ткачи», на самом деле «либо просто сервы, либо поденщики, работающие на земле» и производящие ткани в лучшем случае в перерывах между сельскохозяйственными сезонами. Он оценивает количество безземельных работников в Ауде в 1,5 млн. [13, I, стр. XVI].

Данные о распространенности закабаленного труда заметно преобладают в северной полосе дистриктов Ауда — в Кхери, Бахрайче, Гонде.

Так, в Кхери автор газеттира сделал попытку пересчитать процент «сельскохозяйственного населения» по переписи 1872 г. (64,3%) не по кастовому, а по действительному занятию. У него получилось 78% [13, II, 226]. Разница между двумя цифрами (13,7%) есть минимальная доля безземельных рабочих в дистрикте. Она означает 36,5 тыс. взрослых мужчин, 17,1% мужчин, занятых в сельском хозяйстве.

Относительно Бахрайча нет цифровых данных, но составитель газеттира весьма решительно подчеркивает большое значение труда закабаленных. Здесь «один савак приставлен к каждому плугу», а «каждый второй человек, встречаемый на плодородных полях Хисампура (наиболее южная пригородская паргана.— Л. А.) является саваком» [13, I, 146—147].

В Гонде также «члены высоких каст, таких как брахманы и чхатри, большинство кайястхов и некоторые более состоятельные из низших каст сами не следуют за плугом, но содержат для этой цели, а также для ухода за скотом раба-пахаря» [11, 46; см. также 13, I, 515]. Напомним, что под «рабом» в данном случае имеется в виду долговой серв — савак или харваха.

В других дистриктах Ауда определить роль труда безземельных труднее. Так, в Лакхнау только сельское население (без городов) включало в 1869 г. 43,7% «несельскохозяйственного» [13, II, 336]. Эта цифра вызывает подозрения о весьма крупной доле закабаленных безземельных работников, тем более что в дистрикте отмечается большое число членов низших каст паси (10,6% всех индусов), чамаров (11,2%) и др. Однако официально сельскохозяйственными работниками считались всего 25 тыс. человек (3,6% сельского населения, 6,0% сельскохозяйственного).

В дистрикте Барабанки «лучшая часть арендаторов не работает сама и только тех, кто беден или находится в стесненных обстоятельствах, можно встретить на полях» [13, I, 239].

Положение в Фаизабаде отличалось от ситуации во всех других рассматриваемых районах тем, что здесь, по-видимому, почти совсем не было «сервов», но зато значительная часть сельских работ выполнялась сезонниками и поденщиками. В неблагоприятный год они в массе эмигрировали в окружающие районы, но зато в урожайный ощущалась нехватка рабочих рук, поэтому жалованье наемника здесь было выше, чем в других дистриктах [13, I, 415]. Подавляющая часть владельцев земли в Фаизабаде принадлежала к привилегированным ин-

дусским и мусульманским группам (брахманы, раджпуты, сайиды), которые сами не обрабатывали землю.

В дистриктах Ауада, расположенных полосой вдоль правого берега Ганга (Хардой, Ситапур, Унао, Рае-Барели, Партабгарх), роль поденщиков и закабаленных батраков, видимо, была меньше. Сведений об их численности в нашем распоряжении нет.

Выше мы использовали иногда данные переписи 1881 г. В целом она основывалась в интересующем нас вопросе на тех же принципах, что и перепись 1872 г., т. е. в ней число сельскохозяйственных работников значительно преуменьшено. Однако включение в самодеятельное население работающих мальчиков и более внимательное фиксирование основного занятия позволяют пользоваться этой переписью с большим доверием. В 1881 г. в Северо-Западных провинциях и Ауаде насчитывалось 977 976 земельных собственников, 4 648 042 арендатора, 1 773 321 сельскохозяйственный работник и 1 010 803 «разнорабочих» [21, 354, 386]. Если суммировать две последние цифры (составители переписи сами производят эту операцию), то на долю безземельных работников придется 24,4% сельскохозяйственного населения.

Попробуем, наконец, применить еще один способ исчисления сельскохозяйственных наемников — по численности низших каст. Касты, поставлявшие основную часть работников, нам уже известны. В первую очередь это чамары — каста «кожевников», самая многочисленная каста в Северо-Западных провинциях и Ауаде. Какая-то их часть действительно занималась кожевным промыслом, встречались среди них и арендаторы и даже землевладельцы, но все источники дружно утверждают, что подавляющая часть чамаров — это безземельные работники в чужих сельских хозяйствах.

Кроме того, известно, что в Гонде кроме чамаров «все кори... сами не арендаторы, а долговые рабы членов высоких каст» [11, 97]. В Горахпуре главными кастами безземельных работников являются паси и бхар [10, VI, 402], в Мирзапуре — кол, паси и чамар [10, XIV, 49], в Гхазипуре — бхар [18, 50], в Музаффарнагаре — чамар, сайни, кахар, джулаха и гаро [10, III, 583—584], в Миратхе семь восьмых безземельного населения составляли чамары, а остальные принадлежали к кастам кори, кахар, махи и кумхар [10, III, 298].

Есть сведения и другого рода, противоречащие представлению о тесной связи закабаленного и вообще чужого труда с низшими кастами. Так, в Ауаде «поденщики и кули» принадлежат в основном к тем же кастам, что и землепользователи, если только последние не тхакуры (раджпуты), брахманы или кайястхи [13, II, 338]. В Бахрайче саваки принадлежат к кастам лодх, чамар, кори, курми [13, I, 145]. Лодхи и курми — отнюдь не низшие, а средние земледельческие касты. В Дели сельскохозяйственные работники камера происходили «из всех каст и групп» [24, 406; 20, 80].

Но как раз наличие этих данных позволяет использовать численность низших каст для оценки доли безземельных работников. В эту группу будут включены чамары-кожевники и чамары-арендаторы, а также кори-ткачи, паси-сторожа, кахары-носильщики и т. д., но в то же время это неправомерное расширение числа сельских работников будет перекрываться тем, что из подсчетов будут исключены сельские работники из собственно ремесленных, средних земледельческих и высших каст.

Суммировав численность тех низших каст, которые наиболее часто встречаются среди безземельных работников (чамары, кори, паси, бхары, колы, каччи, кахары, джулаха-индусы, сеори, черу), а также ряде

других мелких каст, в числе традиционных занятий которых в переписи 1881 г. значится «труд на полях», мы получим 11 981 333 человека, т. е. 27,2% общего населения Северо-Западных провинций и Ауда в 1881 г. (44 107 869) [21, 303—306]. Доля этих каст в сельском, а также в сельскохозяйственном населении должна быть выше, а именно более 30%.

Подсчет по кастовой принадлежности, конечно, неточен. В нем содержатся допущения, которые не гарантируют от преувеличения числа безземельных работников. Однако он полезен для оценки возможной численности этого слоя. Кроме того, он указывает, что цифра в 27,7% сельскохозяйственного населения, к которой мы пришли в результате совсем других подсчетов, скорее всего не преувеличена.

Теперь вспомним все то, что в наших операциях по выведению этой цифры было направлено на преуменьшение труда безземельных:

1) вычитание дважды из общего числа жителей группы землевладельцев-горожан;

2) отсутствие учета труда малолетних и женщин;

3) отвлечение от труда в чужом хозяйстве людей, фактически безземельных, но формально имевших собственную или арендованную землю.

Учитывая все это, можно заключить, что в среднем примерно треть сельскохозяйственного физического труда в 1870-х годах падала на работников — чаще всего безземельных и находящихся в той или иной форме личной зависимости от землевладельцев. Эта средняя цифра покрывает районы, довольно резко отличавшиеся по составу сельского населения. Пригималайские дистрикты, по-видимому, вообще сильно отличались от остального изучаемого района. Там было весьма мало безземельных работников. В Нижнем Доабе, южных районах Ауда и в Восточных округах число безземельных работников было ниже среднего и предположительно достигало 20% трудящегося населения. В северных районах Ауда и в Мирзапуре это число должно было быть выше среднего и, по-видимому, достигать 40% самостоятельного населения. Примерно на таком же уровне находилась доля безземельных работников в Верхнем Доабе, но в ряде дистриктов (Музаффарнагар, Вуландшахр, Миратх) они составляли, по всей вероятности, больше половины всего трудящегося в сельском хозяйстве населения.

Детальное сопоставление этих цифр со сведениями о формах землевладения и землепользования не может быть выполнено в пределах данной статьи. Однако следует хотя бы в общих чертах указать, что Верхний Доаб — это район, где в землевладении в XIX в. почти безраздельно господствовала община, в Нижнем же Доабе, Рохилкханде, Ауде, Восточных округах крупное частное землевладение было развито сильнее. Соответственно в пользовании землевладельцев в деревнях Верхнего Доаба находилось в среднем 40—50% площади, а в других районах — 10—20%. Другими словами, употребление чужого труда в хозяйствах оказывается обратно пропорциональным степени концентрации землевладения и распространения аренды земли. Видимо, вполне правомерна постановка вопроса о том, что обширный слой безземельных зависимых работников — это не результат разрушения общины и обезземеливания крестьянства, а традиционная неотъемлемая черта самого индийского общинного строя. Впрочем, доказательство этого положения еще требует многих усилий.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К., Экономические рукописи 1857—1859 годов,—К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 46, ч. 1.
2. Алаев Л. Б., Южная Индия. Социально-экономическая история XIV—XVIII вв., М., 1964.
3. Антонова К. А., Английское завоевание Индии в XVIII веке, М., 1958.
4. Ашрафян К. З., Аграрный строй Северной Индии (XIII—середина XVIII в.), М., 1965.
5. Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф., Древняя Индия, М., 1969.
6. Комаров Э. Н., Бенгальская деревня и крестьянское хозяйство во второй половине XVIII в.,—«Ученые записки Ин-та востоковедения», т. XVIII, М., 1957.
7. Кудрявцев М. К., Община и каста в Хиндустане, М., 1971.
8. Медведев Е. М., Karmakara и bhṛtaka. К проблеме формирования низших каст,—«Касты в Индии», М., 1965.
9. Патель С. Дж., Сельскохозяйственные рабочие в Индии и Пакистане, М., 1955.
10. [Atkinson E. T.] Statistical, Descriptive and Historical Account of the North-Western Provinces of India, vol. II, III, V, VI, XIV, Allahabad, 1875—1884.
11. Bennett W. C., The Final Report on the Gonda District, Allahabad, 1878.
12. [Forbes], Settlement Report of the District of Meerut..., 1865—1870, Allahabad, 1874.
13. «Gazetteer of the Province of Oudh», vol. I—III, Lucknow—Allahabad, 1877—1878.
14. Habib Irfan, The Agrarian System of Mughal India (1556—1707), Bombay, 1963.
15. Kumar Dh., Land and Caste in South India. Agricultural Labour in the Madras Presidency during the Nineteenth Century, Cambridge, 1965.
16. Liston D., Translation of a Servitude Bond Granted by a Cultivator over his Family, and of a Deed of Sale of Two Slaves,—«Journal of the Asiatic Society of Bengal», vol. VI, Calcutta, 1837.
17. Moreland W. H., India at the Death of Akbar, London, 1920.
18. Oldham W., Historical and Statistical Memoir of the Ghazipur District, pt 1. Allahabad, 1870.
19. Patterson, Final Settlement Report of the Fatehpur District, North-Western Provinces, Allahabad, 1878.
20. Records of the Delhi Residency and Agency, 1807—1857, vol. I, [Lahore, 1915].
21. Report on the Census of British India taken on the 17th February 1881, vol. I, London, 1883.
22. Reports on the Revenue Settlements of the North-Western Provinces of the Bengal Presidency, under Regulation IX, 1833, vol. II, pt I, Benares, 1863.
23. Selections from the Revenue Records, North-Western Provinces, A. D. 1822—1833, Allahabad, 1872.
24. Selections of Papers from the Records at the East-India House, vol. III, London, 1826.
25. Tupp A. C., The Statistics of North-West Provinces of India, Allahabad, 1877.
26. Whiteway R. S., Report on the Settlement of the Muttra District, North-Western Provinces, Allahabad, 1879.
27. Wright F. N., Memorandum on Agriculture in the District of Cawnpore, Allahabad, 1877.

Е. М. Медведев

ГОРОДА СЕВЕРНОЙ ИНДИИ В VI—VII вв.

(по данным Сюань Цзана)

В индологической литературе существует представление об упадке городской культуры и городов в Индии в середине I тысячелетия н. э., связанном с возникновением феодального строя. «Рабовладельческое» хозяйство древней Индии противопоставляется замкнутому самообеспечивающемуся производству при феодализме как товарное, а высокая «рабовладельческая» культура — примитивной «феодальной» [см., например, 34, 66 и др.; 8, 78; 2, 557—559]. Это представление возникло по аналогии с западноевропейским путем развития и не имеет под собой прочного основания. В частности, само существование рабовладельческой формации в древней Индии не подтверждено убедительными доказательствами. Мы можем лишь констатировать, что число упоминаний «даса» и «даси» — терминов, далеко не всегда адекватных понятиям «раб» и «рабыня», — довольно велико [см. 19; 16; 6; 2].

С нашей точки зрения, социально-экономический строй древней Индии можно охарактеризовать как раннеклассовый многоукладный, где доминирующее значение в общественном производстве имел феодальный уклад, сосуществовавший с рабовладельческим. В первой половине I тысячелетия н. э. происходит переход от ранних форм феодальной эксплуатации, главным образом централизованных, государственных, к развитой феодальной структуре с преобладанием частной феодальной собственности. Складывание средневекового феодального общества предстает, следовательно, в новом свете как медленная эволюция в пределах однотипных производственных отношений при постепенном упадке рабовладельческого уклада [9; 10; 7; 13; 12]. В связи с этим иначе рисуется и судьба города, судьба городской культуры, в значительной мере индийской культуры этого периода вообще.

Для изучения истории раннесредневекового города наибольшую ценность должны иметь результаты археологических раскопок, однако, к сожалению, археологическое изучение железного века в Индии к настоящему времени еще недостаточно развито и не позволяет составить цельную картину жизни городов. Нумизматика дает подчас важные, но косвенные сведения. Поэтому нашим главным источником остаются письменные памятники. Среди них центральное место занимает уникальное по полноте данных сочинение китайского путешественника Сюань Цзана «Си-Ю-Цзы» — «Записки о Западном мире». В 630—645 гг. в качестве буддиста-паломника он объехал значительную часть Индии. Точность его сообщений многократно подтверждалась археологическими находками. Описание Сюань Цзаном Индии в настоящее время нельзя заменить каким-либо иным источником. Существенным

дополнением «Записок» является «Житие Сюань Цзана», составленное учениками путешественника по его дневникам и записям. В деталях «Житие» менее надежно, чем книга самого Сюань Цзана.

Для наших целей среди разнообразных данных этих источников представляют интерес характеристики состояния областей и городов Индии, которые собственно и послужили поводом к возникновению мнения об упадке городской жизни в Индии в VI—VII вв. Внимательное рассмотрение этих сведений позволит проверить правильность такого заключения. В работе нами использованы полные английские переводы «Записок о Западном мире» и «Жития Сюань Цзана», выполненные Сэмюэлом Билом [35; 30], и уточненный, но неполный перевод «Записок» Томаса Уоттерса, где часть текста дана в его переложении [36]. Изучение такого важного памятника в английских переводах имеет, конечно, свои недостатки, однако другой возможности у автора не было ввиду незнания вэньяня. В середине прошлого века Сюань Цзана перевел на русский язык акад. В. П. Васильев. Эта ценная рукопись, хранящаяся в Ленинградском отделении Института востоковедения АН СССР, оказалась чрезвычайно трудной для чтения и не была использована.

* * *

В период раннего средневековья в Северной Индии сохранилась большая часть известных старинных городов — центров ремесла и земледелия, возникли новые города. Сюань Цзан отметил большое число процветающих городов, но описал также области и города, находившиеся тогда в состоянии упадка. Данные о состоянии городов, названных Сюань Цзаном, почти не с чем сравнивать, но все же в отдельных случаях мы имеем сведения о некоторых из них, относящиеся к V или VI в.

В частности, свидетелем упадка ряда древних городов и областей — знаменитых центров буддизма — был другой китайский путешественник — паломник Фа Сянь, посетивший Индию в начале V в., когда империя Гуптов достигла апогея своего могущества в царствование Чандрагупты II Викрамадитьи.

О городе Шравати (в районе современного г. Сахет-Махет) Фа Сянь замечает: «Этот город малонаселен, в нем живет лишь около двухсот семей» [24, 43]. О родине Будды, столице шакьев — Капилавасту он писал: «В этом городе нет ни царя, ни горожан; он выглядит совсем заброшенным. Здесь живут лишь несколько монахов и семей мирян» [24, 60]¹. «Страна Капилавасту пустынна и по ее дорогам путешествует мало людей из страха перед белыми слонами и львами. Без великих предосторожностей одному здесь путешествовать нельзя» [24, 51]. Затем Фа Сянь посетил Кушинагару: «Этот город почти совсем покинут, в нем осталась только горстка монахов и немного мирян» [24, 54]. Спустя два с лишним столетия Сюань Цзан писал о царстве Шравати: «Главный город пустынен и разрушен. Нет записи о его точных границах. Руины стен, окружающие царский город, имеют в окружности 20 ли². Хотя большинство зданий разрушено, здесь еще есть жители. Злаки произрастают в великом изобилии, климат мягкий и прият-

¹ Имеются в виду буддийские монахи и миряне-буддисты.

² Ли, согласно С. Билу, равнялось примерно 300 м. Ян Куань в своем «Исследовании о размерах „чи“ в различные исторические эпохи Китая» (Шанхай, 1955, на кит. языке) установил, что «чи» (1 : 1800 ли) в период Суй составляло 0,274 м, при династии Тан — 0,302 м. Таким образом, суйское ли равно 493,2 м, танское ли — 543,6 м. В «Древней Индии» Г. М. Бонгард-Левин и Г. Ф. Ильин приняли длину ли в 270 м. Однако значение ли у Сюань Цзана неизвестно, поэтому размеры здесь даются без перевода в километры.

ный, нрав людей честный и простой. Они уделяют внимание образованию и любят религию. Есть несколько сангхарам (буддийских монастырей.— *Е. М.*), большинство их в развалинах. В них очень мало адептов, они изучают книги школы Самматия. Есть сто храмов дэвов с многочисленными еретиками (т. е. индусских храмов: еретики — небуддисты.— *Е. М.*)» [35, II, 1—2].

На первый взгляд кажется, что описания обоих пилигримов одинаковы. Однако Сюань Цзан уточняет, что древняя столица Кошалы находится в руинах, но сама область густо заселена и изобилует хлебом. Если буддийские монастыри бедствуют, то индусских храмов много и они процветают (см. подобные же сведения о других областях).

Совсем безотрадную картину рисует Сюань Цзан, рассказывая о Капилавасту: «В этой стране около десяти заброшенных городов, все они покинуты жителями и разрушены. Столица разрушена и лежит в руинах. Ее окружность не может быть точно измерена. Стены царской резиденции, находящейся в пределах города, имеют 14 или 15 ли в окружности. Они были построены из кирпича. Основания стен еще крепки и высоки. Город уже давно необитаем. Населенные деревни (или улицы) малочисленны и пустынные» [35, II, 24]³.

По-видимому, фраза о том, что окружность города не может быть точно измерена, как и соответствующее замечание о Шравасте, указывает на то, что руины под действием разрушительных сил времени уже частично сровнялись с землей или стали трудноразличимыми. Судя по всему, эти города пришли в упадок и стали разрушаться задолго до посещения их китайскими паломниками. Во всяком случае это произошло еще в догутпскую эпоху. Приведенный выше отрывок и последующие слова Сюань Цзана как будто противоречат друг другу. Сюань Цзан говорит, что в стране «нет верховного правителя, каждый город назначает своего собственного правителя. Почва богатая и плодородная и обрабатывается в обычный сезон. Климат ровный, обращение людей мягкое и любезное» [там же]. Из этого сообщения можно заключить, что Сюань Цзан имел в виду в данном случае не «десять заброшенных городов», а другие населенные города. Благоприятная характеристика сельского хозяйства и населения, хотя и выраженная не очень определенно, не согласуется с заявлением о малочисленности и пустынности деревень. Поэтому представляется более вероятным запасной вариант перевода С. Била — не «деревни» малочисленны и пустынные, а «улицы», тем более что эта фраза следует непосредственно за описанием города Капилавасту. В таком случае это место можно понять так, что в городе сохранились немногие населенные улицы, однако и они пустынные. Далее наш автор говорит о сохранившейся еще буддийской сангхараме в Капилавасту и «двух храмах дэвов». Совершенно очевидно, что эти два храма также находились в городе, ибо предположение о том, что Сюань Цзан имел здесь в виду всю область, неправдоподобно, так как население в эту эпоху упадка буддизма исповедовало индуизм [35, II, 25].

Следуя на восток, Сюань Цзан пришел в царство Рамаграма (не упоминаемое Фа Сянем), которое было «уже много лет пустынно и разрушено». «Города разрушены и жителей мало», — продолжает Сюань Цзан [35, II, 25].

Столь же определенно описание царства Кушинагара: «Столица этой страны в руинах, города ее и деревни заброшены и разрушены.

³ У Т. Уоттерса перевод здесь другой: «Так как этот район долгое время был необитаемым, то в нем население очень редкое» [36, т. II, 1].

Кирпичные фундаменты стен старой столицы имеют около 10 ли в окружности. Жителей мало и улицы города пустынные» [35, II, 31].

Приведенные высказывания Фа Сяня и Сюань Цзана ясно показывают, что упадок пригималайской области, почти целиком примыкающей к непальским тераям или даже включающей их, наступил задолго до того времени, к которому обычно относят установление господства феодализма, и потому предполагаемая перестройка экономики не могла оказать решающего влияния. Причины регресса еще не ясны. Возможно, здесь сыграло роль «перемещение политических и религиозных центров» [14, 83]. Перечисленные города стояли в стороне от основных торговых магистралей, по которым развивался товарооборот. Изоляция этого района была связана и с природными условиями: от пригангских областей он был отделен труднопреодолимыми лесами [35, II, 43]. Экономическое значение этого района в древности могло быть далеко не столь большим, как это можно предположить, принимая на веру данные буддийских сочинений. Поэтому с разложением кшатрийских олигархических государственно-племенных образований (ган) пригималайский район, потеряв былое политическое значение, оказался на положении маловажной окраинной провинции экономически передовых североиндийских государств. В этот период военные нападения (например, из Непала и Тибета) и связанное с этим разорение могли еще больше усугубить кризис.

Подобные предположения можно высказать и о городах области Вриджии — территории ганы, образовавшейся на базе союза племен. Сюань Цзан говорит, что столица страны Вайшали «большой частью разрушена. В старом царском городе есть еще около 3000 домов; это поселение может быть названо деревней или местечком (a village or a town)» [35, II, 78]. Сюань Цзан упоминает здесь еще о двух древних очень давно покинутых городах [35, II, 74, 80].

В то же время Сюань Цзан говорит, что почва в стране Вриджии «богатая и плодородная... Есть несколько десятков храмов дэвов с огромным числом неверных» [35, II, 77—78]. О соседней области Вайшали, в былые времена объединенной с Вриджии в рамках одного государства — ганы, говорится: «Почва богатая и плодородная, здесь изобилие цветов и плодов. Манго и бананов очень много, и они высоко ценятся. Климат приятный, умеренный. Поведение людей прямое и честное. Они любят свою религию и очень уважают образованность. Еретики и верующие живут вместе... Есть несколько сот сангхарам, которые в большинстве полуразрушены. В трех или пяти, что еще сохранились, монахов мало. Есть несколько десятков храмов дэвов, занятых сектантами разных толков. Последователи ниргрантхов очень многочисленны» [35, II, 66]. Из этих отрывков можно сделать заключение о благополучном состоянии сельского хозяйства в противоположность разрушению городской экономики.

Один из крупнейших городов древней Индии, столица конфедерации Вриджии, — Вайшали, по описанию Сюань Цзана, «в значительной степени разрушен. Развалины его старых построек имеют от 60 до 70 ли в окружности. Царский город имеет 4 или 5 ли в окружности. В нем мало жителей» [35, II, 66]. Вайшали (на месте современного Басарха) находился близко от Ганга, на небольшом расстоянии от Паталипутры. Фа Сянь еще называл Паталипутру «величайшим городом во всем Среднем царстве» (т. е. Мадхьядеше); люди, по его мнению, «богатые и процветающие и соперничают друг с другом в совершении добрых дел» [24, 60]. Паталипутра в это время была столицей Гуптской империи.

Сюань Цзан рисует совсем другую картину. Он пишет, что со времени Ашоки «сменились многие поколения и теперь остались только основания древних стен. Сангхарамы, храмы дэвов и ступы, которые все лежат в развалинах, можно насчитать сотнями. Только два или три (строения) остались целы. К северу от древнего дворца на берегу Ганга есть маленький поселок, состоящий примерно из тысячи домов» [35, II, 86; см. также 30, 101]⁴. По-видимому, этот городок и послужил основой будущей Патны.

Вопреки Сюань Цзану окончательное разрушение Паталипутры произошло незадолго до его прибытия в Индию, скорее всего в VI в., так как для ее гибели не было причин при могущественных гуптских императорах. В VI в., в период распада Гуптского государства и борьбы между феодальными государствами за преобладание в долине Ганга, закончившейся длительной войной между Шашанкой и Харшей (около 606 г.— до конца 30-х годов VII в.), Паталипутра и другие города Магадхи могли серьезно пострадать и — при неблагоприятной экономической конъюнктуре — прийти в запустение.

В целом Сюань Цзан говорит о Магадхе скорее как о стране процветающей, чем разоренной: «В укрепленных городах живут лишь немногие жители, но селения (towns) густо населены. Почва богатая и плодородная, урожаи зерна обильны» [35, II, 82]⁵. Таким образом, хотя Магадха в течение нескольких десятилетий была ареной военных действий, пострадали, по-видимому, в основном «укрепленные города», опорные пункты боровшихся за власть над Магадхой противников. Вероятно, значительный ущерб городам принесли, в частности, преследования буддистов Шашанкой, о чем упоминает Сюань Цзан⁶. Буддийская традиция также сохранила воспоминания о гонениях Шашанки. В «Арья-манджушримулякальпа» царь Сома, отождествляемый с Шашанкой (оба имени имеют значение «луна») [см., в частности, 25, прил. В, прим. к стр. 168], назван «совершителем злых дел» и после смерти «отправился в ад» [28, 50—51]. В этом же источнике говорится и о смутах, наступивших после смерти Шашанки.

Страна Каджугхира (Kie-chu-hoh-khi-lo), или, как восстанавливает Т. Уоттерс, Каджангала [36, II, 183], также отмечена Сюань Цзаном как область с пришедшими в упадок городами, причем он сам предлагает объяснение этому: «В течение последних столетий царская династия вымерла, страна управлялась соседним государством, вследствие чего города покинуты жителями и большая часть населения рассеялась

⁴ Уоттерс переводит это место так: «К северу от столицы, близ Ганга, был маленький, обнесенный стеной город с примерно тысячей жителей».

⁵ Следует отметить, что не всегда ясно, город или деревня имеется в виду в английских переводах «Записок», когда употребляется слово «town». А. М. Осипов, например, в этом месте переводит: «Города, укрепленные стенами, не имеют много жителей, но обычные города густо населены» [15, I, 159]. В некоторых случаях, очевидно, что подразумеваются деревни, возможно, большие села. Например, в 8—9 ли к юго-западу от монастыря Наланда был «town» Кулика (Ku-li-ka), в 20 ли от него «town» Ka-lo-pi-na-ka [36, II, 1]. Это были деревни, о чем можно судить и по характерным названиям. Автор «Жития Сюань Цзана» Хуэй Ли называл Кулику «монастырской деревней». В санскритских источниках соответствующие селения около Наланды названы grāma [36, II, 172]. В некоторых случаях С. Бил переводил употреблявшийся в источнике иероглиф как «village»: «мы пришли к густонаселенной большой деревне на южном берегу реки Ганг» [35, II, 184]. У Уоттерса это место переведено так: «a large populous town» [36, II, 176].

⁶ «После того как Шашанка-раджа разрушил религию Будды, духовенство было разогнано и рассеяно на многие годы» [35, II, 42]; «Недавно Шашанка-раджа, когда он ниспровергал и уничтожал закон Будды...» [35, II, 91]; «Шашанка-раджа, будучи сторонником ереси, порочил религию Будды и из зависти разрушил монастыри и срубил дерево Бодхи» [35, II, 118].

по деревням и поселкам» [35, II, 193]. Каджугхира идентифицирована с современным Раджмахалом [21, 478]. От Магадхи эту часть Западной Бенгалии отделяли царства Хиранья-парвата (примерно соответствует современному дистрикту Монгхир) и Чампа (дистрикт Бхагальпур), характеристика экономики которых положительная, причем о признаках упадка городов ничего не сказано. Вероятно, политические неурядицы, продолжавшиеся длительное время, могли нанести значительный ущерб именно городам, подорвав их весьма узкую экономическую базу и сравнительно мало затронув натуральный уклад сельской жизни. По видимому, Каджугхира в VI — начале VII в. была спорной территорией между правителями Магадхи из династии имперских Гуптов, а затем поздних Гуптов, и бенгальскими правителями, ставшими самостоятельными уже в начале VI в. (см. Фаридпурские грамоты из Восточной Бенгалии [26, 1910 г., XXXIX, 39]), особенно государем Гауды Шашанкой и его предшественниками. Следует заметить, что и Харша воевал здесь. Из-за разорения городов, как объясняет Сюань Цзан, он построил временный лагерь с дворцом «из ветвей и сучьев» [35, II, 193], который был сожжен после его отъезда.

Третий район с признаками упадка и разрушения городов — некоторые области Панджаба и верхней части долины Инда. Причины регресса здесь достаточно ясны: это результат эфталитского нашествия. По уровню своего социально-экономического развития эфталиты (*hūṇa* индийских источников, часто называемые в литературе «белыми гуннами») стояли неизмеримо ниже земледельческого населения плодородных долин Индии. Китайский посол в страну эфталитов Сун Юн, посетивший Северо-Западную Индию в 518 г. в царствование Михракулы, описывал е-да (эфталитов) как людей, занятых отгонным скотоводством — об этом говорит фраза, что «летом народ ищет прохлады в горах; зимой люди расходятся по деревням», т. е. нарисована картина, типичная для жителей афганских гор и предгорий. Характерная деталь — кожаная одежда е-да. По словам Сун Юна, у них не было письменности, «их правила вежливости очень несовершенны» [35, I, XCI]. У е-да «нет городов, обнесенных крепостными стенами, но они поддерживают порядок с помощью постоянной армии, которая то и дело передвигается то туда, то сюда» [35, т. I, стр. XC—XCI].

Индийская историческая традиция сохранила воспоминание о тяжелых испытаниях, выпавших на долю народа в пору эфталитского нашествия. В «Раджатарангини» Кальханы говорится: «Когда земля была опустошена ордами млеччхов⁷, его (Васукулы, иначе Тораманы.— Е. М.) сын Михракула, человек столь неистового нрава, что его можно сравнить с богом разрушения, стал царем... О его приближении население, бегущее от него, узнавало, увидев грифов, ворон и других подобных птиц, стремящихся напитаться трупами тех, кто был убит его войсками... Этот страшный враг человечества избивал всех и не знал ни жалости к детям, ни милосердия к женщинам, ни уважения к старикам» [33, 34—35].

Это позднее предание совпадает с данными современников. Сун Юн сообщает: «Нрав этого царя (или династии⁸) был жестокий и мстительный, и он совершал самые варварские жестокости» [35, I, стр. C].

Согласно Сун Юну, е-да «разрушили» Гандхару за два поколения до его посещения Индии [35, I, стр. C], т. е. примерно в середине V в. [см. об этом: 31, I, 75]. При Сюань Цзане Гандхара была под властью

⁷ Здесь имеются в виду эфталиты — хуна.

⁸ Имеется в виду Торамана (490—515) или, скорее, правители эфталитов вообще.

Капиши. «Города и деревни покинуты, жителей очень мало», — сообщает китайский путешественник. Он отмечает большие размеры Пурушапуры (современный Пешавар) — около 40 ли в окружности, но далее выясняется, что город почти необитаем и только «в одной части царской цитадели живет около тысячи семей» [35, I, 97].

Из археологических данных известно, что к V в. относится разрушение таксильских монастырей, но о судьбе города Таксилы в сущности ничего не известно [5, 80]. Сюань Цзан говорит о небольшом размере города (10 ли в окружности — это у Сюань Цзана минимальная цифра для характеристики города). Он упоминает о неурядицах в стране («знать силой борется за власть») и указывает, что «земля славится плодородием и дает богатые урожаи» [35, I, 136—137]. Таким образом, у нас нет определенных сведений об экономическом состоянии Таксилы. Скорее всего, после эфталитского завоевания город не смог оправиться и захирел.

В Таккадеше (Панджаб) Сюань Цзан говорит об упадке только одного города Шакалы, который имел 20 ли в окружности. Теперь «в середине его построен маленький город примерно 6—7 ли в окружности; жители его зажиточны, богаты» [35, I, 167; 36, I, 238]. Даже если предположить, что древняя Шакала не была разграблена и разрушена в V в., то она могла прийти в упадок уже во времена Михиракулы, ставкой которого она являлась, так как быт эфталитов был весьма примитивным и не способствовал сохранению городской жизни. Столицей Такки Сюань Цзан называет, однако, другой город средних размеров (около 20 ли в окружности). Одновременно с эфталитами в Панджаб пришли гурджарские племена, находившиеся, по-видимому, на том же уровне развития; они жили здесь и в последующие века.

Наконец, указан еще один разрушенный город — столица «царства» Сругхна, расположенного в верхней части долины Ганга и Ямуны и примыкающего к Гималаям [35, I, 186—187].

Упадок тех или иных областей и городов Северной Индии был вызван разными причинами, однако обращает на себя внимание замедленность восстановления некоторых городских центров, если не отсутствие его вообще. В течение десятилетий, а если говорить о пригималайской полосе, в течение многих столетий, попыток восстановления городских центров не предпринималось. То, что было разрушено и заброшено, оставалось незаселенным и разрушалось окончательно. Пригималайские районы в течение всего средневековья были захолустьем, ничем не напоминающим картин величия и процветания, рисуемых в буддийских легендах. Здесь вообще до последнего времени не строили сколько-нибудь крупных новых городов. Это ясно показывает, что сложение средневекового феодального общества не было причиной исчезновения древних городских центров.

Исчезли навсегда некоторые города и в других пострадавших в V—VI вв. районах, как, например, Таксила. Пурушапура возродилась как более или менее крупный торговый центр через длительное время. Патна в средние века оставалась малозначительным городом; говоря о раннем средневековье, о ней можно и не упоминать.

Оценивая приведенные выше данные в целом, можно заключить, что условия экономической жизни в Индии в IV—VIII вв. в ряде районов не способствовали восстановлению городов и в какой-то степени ограничивали их развитие.

Однако, делая такое обобщение, нельзя говорить лишь о регрессе городской экономики. Ведь большинство городов Северной Индии, по данным того же источника, не только не стали жертвами упадка,

но поразили китайского путешественника богатством и многолюдностью, причем особенно важно то, что эти города находились в районах, которые в раннее средневековье и в последующую эпоху играли важную и даже определяющую роль в экономическом развитии и политической жизни Индии. Это еще раз подтверждает явление смещения хозяйственно-политических центров в I тысячелетии н. э.

В бурных событиях раннефеодального периода складываются культурно-хозяйственные зоны Северной Индии, соответствующие в целом важнейшим государственным образованиям, и территории основных национальных групп, послуживших затем основой для образования крупнейших народностей [3, 103 и сл.].

Наиболее важной уже в VII в., безусловно, становится область долины Ганга от Восточного Панджаба до Варанаси (Центральная зона). Эта территория сначала составляла основу державы Харши, а позже — в VIII—X вв. — империи Гурджара-Прагитхаров. На востоке выделяется Бенгальская зона, с конца V — начала VI в. фактически обладавшая политической самостоятельностью и почти всегда объединявшая Бенгалию и часть Бихара в рамках единого государства (Гауды, затем государства Палов и Сенов). Магадха оказалась промежуточной зоной между этими двумя зонами. На западе очерчивается две зоны: экономически развитые Мальва и Гуджарат и отсталая Раджпутана. На северо-западе — Панджаб и Синд, причем последний по типу хозяйства и общему уровню развития сходен с Раджпутаной, а панджабский район хотя и походил на Джамна-Гангское двуречье, но большого самостоятельного значения в политической жизни не имел.

За пределами собственно Северной Индии, в областях Декана, тесно связанных с ней историческими судьбами, следует отметить две зоны: Ориссу (Одра, Конгода и Калинга) и Махараштру. Последняя, не отличаясь высоким развитием торговли и городской жизни (за исключением Конкана), обладала рядом общих хозяйственных и этнических признаков и составляла основу ряда крупных государств (ранних Чалукьев из Ватапи, Раштракутов, Западных Чалукьев из Кальяни, Ядавов).

Крупнейшим городом Северной Индии в VII в. и последующих веках был Каньякубджа, или Канаудж. При ширине 4—5 ли он тянулся на 20 ли. «Город окружен сухим рвом с крепкими и очень высокими башнями, стоящими друг за другом. Всюду видны цветы и прозрачные, чистые озера и пруды, сверкающие, как зеркала. Здесь в большом количестве скапливаются ценные товары. Народ зажиточен и доволен, дома богатые, добротные⁹. Всюду много цветов и плодов. Посев и уборка урожая производятся в соответствии с сезоном. Климат приятный и мягкий; люди честные и искренние. По виду люди благородны и добры. Они одеваются в узорчатые и яркие (ткани)¹⁰. Они много занимаются учением и во время своих путешествий часто обсуждают религиозные вопросы. Их чистый язык известен далеко. Верующих в Будду и еретиков здесь приблизительно поровну. Здесь имеется около сотни сангхам с 10 000 монахов... Есть двести храмов дэвов с несколькими тысячами последователей (т. е., вероятно, священнослужителей.— Е. М.)» [35, I, 207].

⁹ В переводе Т. Уоттерса это место звучит иначе: «Здесь собраны редкие вещи из чужих краев. Жители зажиточны и есть семьи, обладающие великим богатством» [36, I, 340].

¹⁰ В переводе Т. Уоттерса: «Люди имеют утонченные манеры и одеты в блестящие шелковые платья; они занимаются и ремеслами» [36, I, 340].

Для правильной оценки сообщения Сюань Цзана необходимо, конечно, учитывать, что это был образованный человек, пришедший из страны с высокой культурой и многочисленными большими городами. Индийская действительность вряд ли могла показать такое развитие городской жизни, которое бы особенно удивило его. Поэтому мы не можем заподозрить его в преувеличении, когда дело касается описания Канауджа и других индийских городов. Возвышение Канауджа началось, очевидно, во второй половине VI в., когда он стал столицей государства Маукхариев. Богатство и великолепие его в записках Сюань Цзана объясняются в большой степени тем, что Канаудж был уже столицей державы Харши. В нем находилась главная ставка Харши, двор, войско. Это обстоятельство способствовало росту города, но главным были, конечно, близость к основным торговым путям и выгодное его местоположение в центре важнейшего экономического района и государства. К тому же Канаудж был местом религиозного паломничества буддистов. Сюань Цзан рисует яркую картину использования монахами религиозных чувств буддийских паломников. Верующим показывают «зуб Будды около полудрагоценного камня длиной. Народ собирается сюда из ближних мест и издалека. Выдающиеся люди во множестве собираются здесь вместе для поклонения. Каждый день приходят сотни и тысячи (людей). Охраняющие реликвию, ввиду шума и беспорядка, которые бывают из-за множества народа, установили за осмотр (зуба) высокую плату и объявили всюду, что тот, кто желает видеть зуб Будды, должен уплатить одну большую золотую монету. Тем не менее верующих, которые приходят на поклонение, очень много, и они рады уплатить сбор в одну золотую монету» [35, I, 222]. Сюань Цзан, конечно, говорит подробно только о буддийских святых и монастырях, но индусских храмов было в Канаудже и округе больше, чем буддийских сангхарам (свыше 200).

Расцвет Канауджа приходится на время правления Пратихаров. Во время вторжения Махмуда Газневи современник писал о нем как о городе, который «вознес свою главу к небесам и который справедливо может похвалиться, что по мощи и архитектуре он не имеет себе равных» [см. 18, 243].

Вторым крупнейшим городом Северной Индии, по сведениям Сюань Цзана, был Варанаси (Бенарес). Его размеры — 18—19 ли в длину и 5—6 ли в ширину. Сюань Цзан сообщает, что город густо населен, «семьи очень богатые и в жилищах есть редкостные вещи»¹¹. Варанаси издавна был центром религиозного паломничества индусов, и Сюань Цзан более подробно, чем обычно, рассказывает в этом месте об индусах и храмах и описывает аскетов — саньсяи, многочисленность которых, очевидно, бросилась в глаза путешественнику. Индусская храмовая архитектура и скульптура поразили Сюань Цзана своим совершенством. Характер этих сведений подтверждает данные о Варанаси как одним из важнейших торговых и ремесленных городов и центре паломничества. Очевидно, последнее обстоятельство создавало постоянную благоприятную конъюнктуру для торговли города, хотя основой его процветания, несомненно, было выгодное местоположение на основной торговой артерии Северной Индии — Ганге, в экономически высокоразвитой области. Варанаси уже тогда специализировался, в частности, на производстве дорогих шелковых и парчовых тканей [20, 587].

¹¹ У Т. Уоттерса эта фраза передана так: «Жители очень многочисленны и имеют безграничные богатства, их дома полны драгоценностей» [36, II, 47].

С древних времен святым местом считалась Праяга. Сюань Цзан рассказывает, что сюда приходит много людей, чтобы смыть грехи в **священных водах** и умереть. Но известно, что Праяга всегда была и местом паломничества. Праяга была знаменита и как место раздачи благотворительных религиозных даров. Харша каждые 5 лет, по существовавшей традиции, устраивал здесь съезды своих вассалов, во время которых раздавал накопленную казну брахманам, буддийским монахам, нищим и беднякам [35, I, 233]. Размеры Праяги, по Сюань Цзану, были сравнительно невелики: 20 ли в окружности, что соответствовало наиболее часто встречающейся у этого автора оценке размеров столиц «царств» и большинства упомянутых городов.

К юго-западу от Праяги находился Кошамби (около 30 ли в окружности). Согласно переводу Т. Уоттерса, «его жители предприимчивы и любят ремесла» [36, I, 366]¹². «Ратнавали» — произведение, приписываемое поэту Харше, многими исследователями отождествляемому с царем Харшей, говорит о Кошамби как о городе купцов [22].

Один из главных городов на Джамне — древняя Матхура — описывается Сюань Цзаном как город средних размеров (20 ли в окружности); особенностью его автор считает производство «прекрасных сортов хлопчатобумажной ткани».

Столица княжества дома Пушпабхути, домена Харши — Стханешвара (размерами «20 ли или около того»), поразила Сюань Цзана богатством. «Семьи богаты и живут в чрезмерной роскоши... — писал он. — Большинство народа посвящает себя мирской корысти, немногие занимаются земледелием. Здесь есть множество редких и ценных товаров со всех сторон света» [35, I, 183].

Неизвестно, существовал ли город Стханешвара до VI в., но паломничество в это место, традиционно отождествляемое с полем Курукшетра, где сражались легендарные Пандавы и Кауравы, безусловно, происходило. Вплоть до вторжений Махмуда Газневи Стханешвара была богатым, процветающим городом. Помимо паломничества этому способствовало расположение города на основном пути между долиной Ганга и Панджабом. Сюань Цзан говорит еще о нескольких городах в Центральной зоне Северной Индии — Матипуре (около 20 ли), Маяпуре (20 ли), Вишакхе (16 ли), Кашапуре (10 ли), Айдохье (20 ли), Хаямукке (20 ли), Чен-чу — Гарджарапуре (10 ли). Все области, где расположены эти города, Сюань Цзан описывает как процветающие. Это относится ко всей Центральной зоне — Сюань Цзан неизменно говорит об изобилии здесь зерна и плодов, хороших почвах, в отдельных случаях приводя некоторые подробности. Так, об области Кошамби он говорит: «Земля славится своим плодородием, урожай удивительно большие. Выращивают очень много риса и сахарного тростника» [35, I, 235].

Сведения об этих городах снабжены иногда одобрительными замечаниями. О Кашапуре, например, сказано: «Жители богаты и счастливы...» [35, I, 239]. О Маяпуре (иначе Гангадвара, совр. Хардвар) говорится, что жители его очень многочисленны и что в это святое место всегда «собираются сотни и тысячи людей из далеких областей, чтобы искупаться и омыться» в водах Ганга [35, I, 190]. Из более поздних источников известно, что, используя большой приток богомольцев, торговцы регулярно устраивали в Хардваре ярмарки. О царстве Чен-чу сказано, что народ там «богатый и процветающий, и города и деревни расположены близко друг от друга» [35, II, 61].

¹² В переводе С. Била эта фраза отсутствует.

Положительные черты придает Сюань Цзан также и городам Бенгальской культурно-хозяйственной зоны. Здесь упомянута знаменитая торговыми связями с Юго-Восточной Азией Чампа — город довольно крупных размеров, по определению Сюань Цзана — около 40 ли. По-видимому, наибольшее впечатление на Сюань Цзана произвели городские укрепления: «Стены столицы построены из кирпича, высота их несколько десятков футов¹³. Стены поставлены на очень высоком валу и благодаря высокому эскарпу представляют неодолимое препятствие для атак врагов» [35, II, 192]. Далее говорится о многолюдной Пундравардхане окружностью около 30 ли, о столице Самататы (около 20 ли), о Тамралипти (около 10 ли в окружности) — главном бенгальском порте, о густонаселенной богатой Карнасуварне — столице Гауды (около 20 ли).

Пундравардхана и Карнасуварна возникли или по крайней мере превратились в крупные города, по-видимому, в гуптскую эпоху. Особенно важное значение для внешней торговли имел порт Тамралипти (совр. Тамлук), на что указывают различные источники. Именно из Тамралипти отправился на корабле на Цейлон Фа Сянь. Существование торговли через этот порт со странами Юго-Восточной Азии отмечено в записках И Цзина (конец VII в. [30, стр. XXXVIII; 37, II, 201]. Многие китайские корабли, на которых плыли монахи, упоминаемые И Цзином, направлялись именно сюда. Тамралипти фигурирует в «Дашакумарачарите» Дандина [4, 95] и других произведениях индийской литературы. «Здесь во множестве собраны удивительные ценности и поэтому люди эти вообще очень богаты» [35, II, 201].

В Западной зоне (Мальва и Гуджарат) названы Удджайини, Дхаранагара, Брахманапура, Суратха, Бхарукачха, Валабхи, Анандапура, столица области Каччха, идентифицировать которую трудно.

Знаменитый Удджайини (Удджайяни, совр. Удджайн) стоял на пути из Мадхьядеша к западным портам, через него шел путь и на Декан. Он был центром экономически и политически важного района и почти постоянно служил столицей независимых и вассальных правителей. Будучи одним из главных культурных центров и местом паломничества, он постоянно упоминается в литературе. «Он окружен глубоким, как преисподняя, рвом, как будто океаном, окружившим его по ошибке вместо другой земли, и опоясан оборонительными стенами, белыми от штукатурки, как Кайласа... Его украшение — большие базары, которые подобны океанам, когда их воды пил Агастья, протянувшимся далеко, с золотой пылью вместо песка, с разложенными открыто раковинами и жемчугом, кораллами и изумрудами!.. Он как дерево желаний, которое одаривает своих добрых граждан; он возносит свои островерхние здания, зеркало всех форм... Как дикий танец Шивы, его улыбки — белые базары...» — так описывает Банабхатта город Удджайини в «Кадамбары» [29, 210—212]. Согласно Сюань Цзану, город имел в окружности 30 ли, был богат и многолюден [35, II, 270]. Район Удджайяни Сюань Цзан считает отдельной страной, столицей же Мальвы называет другой большой город (тоже окружностью в 30 ли); возможно, это был Дхаранагара, совр. Дхар [21, 560, 562].

Во всех крупных городах-портах западного побережья главными занятиями были транзитная торговля и мореходство. Сюань Цзан дает точное определение характера экономики прибрежных районов: «Так как эта страна стоит на западной морской дороге, все люди добывают средства к жизни из моря и занимаются торговлей и обменом товаров»

¹³ В тексте, вероятно, «чи», примерно равное англ. футу.

[35, II, 269]. Богатые многолюдные города Суратха (совр. Сурат) и Валабхи (столица государства Валабхи, совр. Бхавнагар) имели, по Сюань Цзану, в окружности по 30 ли, Бхарукачча (совр. Броч) — 20 ли. О Валабхи Сюань Цзан говорит: «Население очень плотное. Семьи богаты. Есть около сотни семей, которые владеют ста лакхами (очевидно, крупные купцы.— Е. М.). Редкостных и ценных товаров из далеких мест здесь очень много» [35, II, 266].

Менее пригодная для земледелия и экономически отсталая Раджпутанская зона описана Сюань Цзаном все же в положительных тонах, города — как большие и богатые. Столица Гурджара-деши Пи-ло-мо-ло (Бальмер?) имела 30 ли в окружности, «население плотное; семьи богаты и хорошо всем обеспечены» [35, II, 270]. Город Атали (не идентифицирован) имел 20 ли в окружности. Об области Атали сказано, что «торговля — главное занятие населения» [35, II, 265], земли не плодородны.

Столица плодородной области Чи-цзы-то (не идентифицирована) имела 15—16 ли в окружности [35, II, 271]. Махешварапура, столица одноименного царства, сходного с областью Удджайни, достигала в окружности 30 ли [35, II, 271]. В Восточной Раджпутане названа Парьятра (совр. Байрат) размерами 14—15 ли. Хотя, описывая эту область, Сюань Цзан говорит об обилии всякого зерна, пшеницы, скороспелого риса, он добавляет, что «быков и овец здесь много, плодов и цветов мало» [35, I, 178].

Синд также охарактеризован Сюань Цзаном как преимущественно скотоводческий район [35, II, 272—273], несмотря на благоприятные условия для выращивания пшеницы, проса и бобов. Так же как и при описании Раджпутаны, Сюань Цзан упоминает сравнительно много городов. Столичный город P'i-shen-p'o-ru-lo достигал в окружности 30 ли, что можно объяснить отчасти выгодным положением на торговом пути по Инду.

Главный город области Атьянабакела — Khie-tsi-shi-fa-lo; вероятно, идентичен важному порту в устье Инда — Дебалу. Его размер — 30 ли. Страна «лежит на реке Син-ту (Инд) и на берегу океана. Дома богато украшены и в них много редкостных и дорогих вещей» [35, II, 276]. В таких выражениях Сюань Цзан рассказывал до сих пор о наиболее богатых городах Индии. К северу от устья Инда была расположена область Питашила с главным городом окружностью в 20 ли, а рядом с ней область Аванда со столицей такой же величины. Оба эти «царства» находились во владении Синда.

Выше говорилось об упадке некоторых районов Панджаба. Общий обзор Панджабской зоны показывает, что ущерб, нанесенный эфталитами экономике этой части Индии, уже в VII в. был в значительной степени устранен. Большая часть Панджаба входила в состав области Такка; о ней у Сюань Цзана сказано, что «почва пригодна для риса и производит много ярового зерна» [35, I, 165]. Столица такой большой области, однако, невелика (около 20 ли), и Сюань Цзан не счел нужным что-либо добавить о ней. Область царства Такка Парвата, судя по названию («Горная») и расположению на северо-восток от Мульта-на, находилась в предгорьях Гималаев, но в описании стран Панджаба она не была включена. Сюань Цзан характеризует ее как густонаселенную плодородную страну. Величина главного города — 20 ли [35, II, 275].

Наиболее богатой частью Панджаба, по Сюань Цзану, оказывается район Мулястханануры (совр. Мульта-на): «(Страна) плотно населена. Семьи богаты... Земля богата и плодородна» [35, II, 274]. В окруж-

ности Мульстханапура достигала 30 ли. Благодаря удобству расположения Мультаг играл важную роль в торговле Северо-Западной Индии. Но внимание Сюань Цзана больше всего привлек знаменитый храм бога Солнца — Адити, к которому стекалось множество верующих. «Цари и знать пяти Индий никогда не забывают сделать подношения драгоценными камнями (этому божеству)... — писал Сюань Цзан. — Люди из всех стран приходят сюда на богомолье. Здесь всегда несколько тысяч паломников» [35, II, 274—275]. Приток богомольцев, как и в других случаях, стимулировал развитие городской экономики.

Кризис, по-видимому, не коснулся двух областей Восточного Панджаба — Джаландхары и Шатадру. Хотя главные города этих «царств» не выделяются большими размерами (12—13 ли и 17—18 ли в окружности), Сюань Цзан свидетельствует об их процветании. «Дома богатые и хорошо всем обеспечены» [35, I, 175—176], — говорит он о Джаландхаре. «Люди одеваются в блестящие шелковые ткани; их одежда изящна и богата» [35, I, 178] — сказано о столице Шатадру. В обеих областях злаки выращивались в изобилии.

В нашем обзоре не были названы государства, расположенные по северо-восточной периферии Индо-Гангской низменности, временами игравшие значительную роль в политической жизни Северной Индии — в первую очередь Камарупа и Кашмир. В экономической жизни их роль сводится почти исключительно к транзитной торговле с Хотаном и Китаем (Кашмир) и Тибетом (Брахмапура, совр. Кумаон, и Непал), причем в период раннего средневековья эти торговые связи довольно часто прерывались и не имели большого значения. Поэтому и роль городов в гималайских долинах также была маловажной. Тем не менее представляет интерес существование, по-видимому, довольно больших городов и в этом районе.

Столица Кашмира несколько раз смещалась в пределах очень узкой территории; может быть, по этой причине Сюань Цзан говорит о ней как об одном из крупнейших городов Индии, рассматривая близко расположенные новые и старые постройки как один город. Во всяком случае площадь Сринагара, по его данным (12—13 ли на 4—5 ли), превышает площадь большинства равнинных городов и лишь Канаудж и Банарас могли бы с ним соперничать. Представляется маловероятным наличие экономической базы для существования такого большого города. Браhmaпура в Кумаоне имела размеры 20 ли. По словам Сюань Цзана, жители богаты, «большинство занято торговлей» [35, I, 98]. Столица Непала достигала 20 ли в окружности. Сюань Цзан упоминает об употреблении здесь медной монеты, что можно расценить по крайней мере как свидетельство достаточно развитой торговли.

Камарупа (Ассам) обычно оставалась изолированной областью. Ее экономические связи с Бенгалией и другими районами Индии как будто не оставили существенных следов. Однако мы вообще мало знаем о ранней истории этой местности. В VI—VII вв. Камарупа находилась в пору расцвета, особенно во времена Бхаскаравармана. По Сюань Цзану, кроме большого столичного города (около 30 ли) здесь были и другие города [35, II, 196].

Приведенный Сюань Цзаном материал с достаточной достоверностью рисует картину жизни индийских городов в первой половине VII в. Эти данные, безусловно, являются также и самыми полными для весьма большого периода: по существу, вплоть до конца I тысячелетия у нас нет источников, которые бы давали сведения такого рода в целом для Северной Индии. В то же время ценнейшие данные

Сюань Цзана имеют ограниченное значение (и прежде всего по времени). Необходимо комплексное исследование источников, особенно важно привлечение археологических материалов.

В настоящее время историки располагают скудными данными о городах и торговле в IV—IX вв., поэтому обобщения неизбежно носят предварительный характер, и многое еще остается неясным. Так, серьезным аргументом в пользу точки зрения об упадке торговли и натуральном характере индийской экономики в V—X вв. служит меньшее число находок монет, относящихся к этому периоду, чем к предыдущему и последующему. Особенно заметно отсутствие находок медной монеты. Однако в оценке нумизматических данных следует проявлять осторожность, так как им противоречат эпиграфические и литературные источники. Какие, например, выводы можно сделать из отсутствия находок монет чекана Палов и Раштракутов? Мы, конечно, не можем предполагать, что в государстве Палов (VIII—XII вв.) или Раштракутов (VIII—X вв.) не было в обращении денег. Напротив, имеется немало данных о торговле, деньгах, рынках, денежных сборах и пошлинах, религиозных дарениях денег, исчислении доходов с земли в деньгах и т. д.

Р. Ш. Шарма объясняет этот феномен натуральным характером феодальной экономики [34, 66]. По всей видимости, в этом мнении, так же как в высказанной много раньше сходной точке зрения А. М. Осипова, немало справедливого. Однако сама идея о натурализации индийской экономики в VI—X вв. основана на аналогии с процессами, характерными для перехода западноевропейского общества от античности к феодализму. Если же ее применять к Индии, то потребуются специальное обоснование. В самом деле, правомерна ли такая аналогия? Сходны ли были условия исторического развития в Индии и Европе? На этот вопрос можно ответить отрицательно. Изучение же истории хозяйства Индии в интересующем нас в данном случае аспекте — дело будущего. Поскольку и в древности и в средневековье господствовало натуральное хозяйство в форме мелкого парцеллярного земледелия, база для развития товарно-денежных отношений всегда оставалась очень узкой, и, если такое развитие происходило, причины его следует искать в каких-то конкретных обстоятельствах, внешних по отношению к основной сфере производства. Например, стимулом развития ткачества мог быть спрос на индийские ткани в странах Средиземноморья. Морская торговля портов Гуджарата, через которые эти ткани и другие товары вывозились в Аравию и Египет, была основой их процветания.

Существенную роль в жизни городов играло удовлетворение потребностей господствующих слоев и армии, поэтому изменения в форме распределения прибавочного продукта земледельцев могли оказывать влияние на уровень товарно-денежных отношений: с ростом частной феодальной собственности местопребыванием большей части господствующего класса стала деревня. Мы неоднократно встречаем указания на то, что феодалы жили в принадлежавших им деревнях [см. 11; 34]. В древности прибавочный продукт, собранный в форме налога, распределялся централизованно, тогда военная и чиновная знать жила, вероятно, главным образом в городах и армия почти полностью содержалась за счет государственных средств. Однако нельзя забывать, что в количественном отношении (территориально, по охвату населения) сфера эксплуатации была в те времена значительно уже, а названных выше мелких и средних феодалов, живущих в деревне, почти не было или было мало. По-видимому, говорить о натурализации хозяйства

масс индийских общинников в целом было бы не более справедливо, чем утверждать, будто у германских племен хозяйство к X в. стало более замкнутым, чем в IV в. Но в некоторых наиболее развитых в древности районах этот процесс, возможно, и происходил. Таким образом, при исследовании данной проблемы необходим дифференцированный подход и изучение конкретных исторических условий существования городов и развития торговли. Надо также иметь в виду, что никогда не существовало абсолютно замкнутого земледельческого хозяйства и его в целом натуральный характер не исключал определенных торговых связей.

В связи с изложенным важно подчеркнуть наличие для всего периода раннего средневековья примерно одинаковых (хотя и скудных) сведений о товарно-денежных отношениях в деревне.

В грамотах и литературных источниках упоминаются сельские рынки (*haṭṭa*, *haṭṭika*), являвшиеся иногда и объектами пожалований (имелись в виду, очевидно, доходы от торговых пошлин) [26, 1883 г., XII, 127—128; 23, III, 264; IV, 243]¹⁴. В Кхалимпурской грамоте Дхармапалы (VIII в.) говорится о дарении четырех деревень с их *haṭṭika* [23, IV, 243]. Надо полагать, что сбор торговых пошлин с рынка не обязательно был связан с владением самой деревней — иначе не было бы необходимости специально оговаривать дарение рынка. В данном случае речь шла о пожаловании объединения деревень, очевидно, общины. В связи с этим следует отметить объяснение лексикографами термина *grāma-tukha* (по-видимому, центр широкой общины, волости) как место базара [32, 373]. Феодалы были заинтересованы в развитии торговли, раджпутский феодал Каккука (X в.), как говорит надпись на колонне, найденной в 20 км от Джодхпура, сам построил торговое местечко (*haṭṭa*) [23, IX, 279—280]¹⁵. Упоминаются начальник рынка (*haṭṭapati*) [34, 248], помещения для сбора торговых пошлин в деревне [34, 247]. В ряде случаев мы узнаем о купцах, живших в деревнях [например, 23, III, 263; XVII, 350]¹⁶. Торговцы, живущие в деревнях [17, рассказы 29, 35, 38, 56, 61, 68, 69] и торгующие на местных рынках [17, рассказ 35], фигурируют в «Шукасаптари». Здесь упомянут купец, скупавший сезам [17, рассказ 35; 27, III, 365]. В другом случае упоминается купец, специализировавшийся на торговле грамом [34, 247]. Характерно, что в источниках называются среди товаров обычные продукты индийского сельского хозяйства: различные виды зерна, сахар и сахарный тростник, масло, хлопок, пряности, красители (индиго, марена), а также ремесленные изделия: пряжа и ткани [34, 246—247]¹⁷. Мы узнаем также о продаже крестьянами пряжи в городе [17, рассказ 58].

Уже эти данные указывают на довольно широкое развитие товарно-денежных отношений в деревне в раннее средневековье. Устанавливаются и товарные связи деревни с городом, поскольку зерно и прочие продукты труда крестьян, скупаемые торговцами, сбывались главным образом в городе.

Конечно, удельный вес продуктов, попадавших в сферу торговли, был, вероятно, невелик, но закрывать глаза на сложность реальных отношений в обществе и не придавать указанным фактам никакого

¹⁴ В «Артхашастре» говорится о наказании плетью на торговой площади посреди селения [1, III, 3]. О рынке в деревне рассказывается и в «Харшачарите» [25, 229].

¹⁵ Ср. упоминания торгового местечка в «Артхашастре» [1, II, 3] и у Дандина [4, 89].

¹⁶ См. также: 34, стр. 247, 252 (в частности, о торговцах зерном).

¹⁷ Речь идет об округе города Архуны в Раджастхане.

значения вряд ли правильно. В наиболее развитых районах, особенно вокруг больших городов, торгово-рыночные отношения могли оказывать существенное влияние на хозяйственную жизнь.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Артхашастра, или Наука политики, М.—Л., 1959.
2. Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф., Древняя Индия, Исторический очерк, М., 1969.
3. Ганковский Ю. В., Народы Пакистана, М., 1964.
4. Дандин, Приключения десяти принцев, пер. Ф. И. Щербатского, М., 1964.
5. Ильин Г. Ф., Древний индийский город Таксила, М., 1958.
6. Ильин Г. Ф., Основные проблемы рабства в древней Индии,— «История и культура древней Индии», М., 1963.
7. «История Индии в средние века», М., 1968.
8. «История стран Азии и Африки в средние века», М., 1968.
9. Медведев Е. М., Karmakara и bhṛtaka. К проблеме формирования низших каст,— «Касты в Индии», М., 1965.
10. Медведев Е. М., К вопросу о социально-экономическом строе древней Индии,— «Народы Азии и Африки», 1966, № 6.
11. Медведев Е. М., К вопросу о формах землевладения в Северной Индии в VI—VII вв. (по данным эпиграфики),— «Проблемы востоковедения», 1959, № 1.
12. Медведев Е. М., Рента, налог, собственность. Некоторые проблемы индийского феодализма,— «Проблемы истории Индии и стран Среднего Востока», М., 1972.
13. Медведев Е. М., Феодальные отношения в древней и средневековой Индии,— «Народы Азии и Африки», 1970, № 3.
14. Осипов А. М., Краткий очерк истории Индии до X века, М., 1948.
15. Хрестоматия по истории средних веков, т. I, М., 1961.
16. Чанана Д. Р., Рабство в древней Индии, М., 1964.
17. Шукасапати, Семьдесят рассказов попугая, пер. с санскрита, М., 1960.
18. Banerjea P., Public Administration in Ancient India, Glasgow, 1916.
19. Chana D. R., Slavery in Ancient India, New Delhi, 1960.
20. The Classical Age, Bombay, 1954 (The History and Culture of the Indian People, vol. III).
21. Cunningham A., Ancient Geography of India, Calcutta, 1924.
22. Das S. K., The Economic History of Ancient India, Howrah, 1925.
23. «Epigraphia Indica», Calcutta.
24. Fa-hsien, A Record of the Buddhist Countries, tr. from the Chinese by Li Yung-hsi, Peking, 1957.
25. Harshacharita of Bānabhaṭṭa with the commentary (Sanketa) of Sankara, ed. by Kaśināth Paṇḍurang Parab. 2nd rev. ed., Bombay, 1897.
26. «Indian Antiquary», Calcutta.
27. The Jātaka or Stories of the Buddha's Former Births, ed. by E. B. Cowell, vol. I—VI, Cambridge, 1895—1913.
28. Jayswal K. P., An Imperial History of India in Sanscrit Text (700 B. C.—770 A. D.), Lahore, 1934.
29. Kādambarī of Bāṇa, tr. by C. M. Riding, London, 1896 («Oriental Translation Fund», New series, vol. II).
30. The Life of Hiuen-Tsiang by the Shamah Hwui Li, with an Introduction Containing an Account of the Works of I-Tsing, by S. Bial, London, 1914.
31. Marshall J., Taxila, vol. I—III, Oxford, 1951.
32. Monier-Williams M., A Sanskrit-English Dictionary, Ethymologically and Philologically Arranged with Special Reference to Cognate Indo-European Languages, New ed. greatly enlarged and improved, Oxford, a. o.
33. Rājatarāṅgiṇī. The Saga of the Kings of Kashmir, Transl. from the Original Sanscrit of Kalhaṇa... Allahabad, 1935.
34. Sharma R. S., Indian Feudalism: 300—1200, Calcutta, 1963.
35. Hiuen-Tsiang, Chinese Accounts of India, Transl. from the Chinese, vol. 1—4, Calcutta, 1958 (Si-Yu-Ki, Buddhist Records of the Western World).
36. Watters T., On Yuan Chwang's Travels in India (629—645 A. D.), vol. I—II, London, 1904 (Oriental Translation Fund, New Series, vol. XIV—XV).
37. I-Tsing, A Record of the Buddhist Religion as Practised in India and the Malay Archipelago (A. D. 671—695), Oxford, 1896.

М. К. Кудрявцев

БУДДИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В НАЛАНДЕ (V—VII вв.)

Многогранная культура древней Индии давно стала привлекать внимание ученых. Отдельные разделы ее сравнительно хорошо изучены и стали достоянием широкой общественности. Немалый вклад в изучение древнеиндийской культуры внесли и русские ученые. На русском языке публиковались как памятники индийской литературы, так и исследования по религии, философии, искусству, языкам и многочисленным статьям по другим вопросам, в том числе о науке в древней Индии.

Однако мы еще мало знаем о тех корнях, на которых выросла и расцвела индийская культура, — о древнеиндийской системе народного образования. Если западные ученые не проявили интереса к этой проблеме, то сами индийцы, заинтересованные в практическом освоении культурного наследия предков, только за последние два-три десятилетия опубликовали несколько монографий [3; 4; 7] и ряд статей о народном образовании в древней Индии. Источником сведений о народном образовании служит древняя литература, включая веды, эпос, джатаки и другие буддийские книги, а также сочинения китайских путешественников V—VII вв.

Основным источником сведений о высшей школе в Наланде являются записки Сюань Цзана [5] и И Цзина [6], не только живших в Индии в VII в., но и обучавшихся в Наланде. В совокупности с археологическими материалами уже давно ведущихся раскопок Наланды они дают нам достаточно полные и, что особенно важно, достоверные сведения об организации, программе и методике образования в университете Наланды. Термин «университет» употребляется в известной мере условно, но речь идет о настоящем высшем учебном заведении, готовившем ученых в разных областях знания.

Прежде всего обращает на себя внимание относительно широкое распространение, массовость образования в древней Индии [3, 180]. В древности начальное образование было даже обязательным для некоторых групп населения, принадлежавших к варнам брахманов, кшатриев и вайшьев, которые составляли в то время значительную часть индийского общества. Существовал даже специальный обряд упанааны — обряд передачи детей в обучение, также обязательный для указанных варн [3, 18; 7, 16]. В те времена правом на образование пользовались и женщины. Кроме того, специальным предметом обучения было большое число детей из четвертой, самой многочисленной варны — шудра и из других социальных категорий индийского общества. По

подсчетам исследователей, специально занимавшихся этим вопросом, процент грамотных в древней Индии был значительно выше, чем, например, в Афинах и Спарте или в той же Индии в период английского владычества [3; 4].

Весьма существенно также, что образование в древней Индии было бесплатным и потому доступным всем имущим категориям населения. Учителя и учащиеся были освобождены от всех налогов.

Каждый считал своим священным долгом участвовать в деле народного просвещения. Одни выполняли этот долг тем, что учились, другие — тем, что обучали, а большинство — добровольными пожертвованиями школам, учителям или ученикам.

Важнейшей организационной особенностью народного образования в Индии была система гурукула, т. е. проживание ученика в доме учителя на правах члена его семьи в течение всего периода обучения [2, 88]. Ученики почитали учителя как отца: они обслуживали его лично и участвовали своим трудом в его домашнем хозяйстве. Учитель, в свою очередь, заботился о них, как о собственных детях. Характерной чертой системы гурукула было своеобразное нищенство учеников. Регулярный сбор милостыни на содержание учителя и самих себя считался первейшей и почетной обязанностью учеников.

Другой характерной чертой системы гурукула был индивидуальный метод обучения. Как правило, каждый учитель имел учеников разных возрастов и сроков обучения и занимался с каждым индивидуально. Поэтому дом учителя, несмотря даже на большое число учеников, не превращался в школу. Школ в нашем понимании этого слова, т. е. стационарных учебных заведений, имевших постоянные помещения, определенную программу и сроки обучения, в Индии, по-видимому, не было до первых веков нашей эры, когда возникают буддийские монастырские школы.

Еще одной особенностью индийской системы народного образования был преимущественно устный метод обучения. Наизусть заучивались не только священные тексты и эпические поэмы, но своды законов и научные трактаты, например по грамматике, логике и медицине. Между тем письменность существовала на нескольких индийских языках, и можно думать, что развитие ее не прерывалось. Но роль письменности в учебном процессе, как вообще в процессе развития индийской культуры, еще недостаточно изучена. Возможно, что в результате такого исследования наши традиционные представления об устном образовании в древней Индии окажутся преувеличенными [9].

С первых веков нашей эры народное образование в Индии, особенно среднее и высшее, все более сосредоточивалось в буддийских монастырских школах. В середине I тысячелетия н. э. на территории Индии существовали тысячи буддийских монастырей с сотнями тысяч монахов. Каждый монастырь был одновременно и школой, и почти каждый монах был учащимся. Но в монастырских школах обучались и миряне. Кроме духовного или общего образования учащиеся могли получить специальное или профессиональное образование по самым разнообразным дисциплинам [3, 305—306]. Некоторые монастырские школы по составу учащихся и учителей, по предметам, программе и методу обучения представляли собой высшие учебные заведения, которые в литературе принято называть университетами.

В VII в. н. э. одним из крупнейших университетов была Наланда в центре Гангской равнины на территории современного штата Бихар. Хотя Наланда упоминается в преданиях, относящихся ко времени

Будды, а первая вихара построена там Ашокой (III в. до н. э.), в качестве центра образования она стала известна с V в. и просуществовала до конца XII в. О том, что это была не обычная монастырская школа, говорит хотя бы число учащихся. По сведениям Сюань Цзана, относящимся к 40-м годам VII в., население Наланды насчитывало около 10 тыс. человек, а по подсчетам И Цзина (70-е годы VII в.), в Наланде было более 3 тыс. монахов [5; 6]. При Сюань Цзане из 10 тыс. обитателей Наланды около 1500 составляли учителя, по квалификации делившиеся на несколько категорий.

Наланда времен Сюань Цзана представляла собой целый городок со множеством разнообразных построек. И Цзин и Сюань Цзан объясняют нам их назначение. Среди этих построек были культовые сооружения, общежития для монахов и отдельно для мирян, около 300 небольших помещений для классных занятий и 8 обширных аудиторий для лекций и диспутов, несколько отдельных зданий для библиотеки, больница, бассейны для ежедневных омовений и ряд строений хозяйственного назначения. Весь учебный городок был обнесен стеной с угловыми башнями и несколькими воротами. Башни были приспособлены для астрономических наблюдений. На воротах каждый пришелец мог прочесть имена прославленных учителей Наланды и, таким образом, с самого начала проникался уважением к этому храму науки.

И действительно, обучаться в Наланде считалось большой привилегией, доступной наиболее способным. Поступали туда молодые люди в возрасте 16—20 лет, имевшие уже солидную общеобразовательную подготовку. Принимали только 10—20% державших конкурсные экзамены. Получившие образование в Наланде пользовались особым уважением в ученом мире и привилегией занимать места учителей и должности на государственной службе. В VII и последующих веках слава Наланды распространилась далеко за пределы Индии.

В состав Наланды времен Сюань Цзана входило 6 мужских монастырей. Соответственно и весь учебный центр делился на 6 отделений. Всей Наландой управлял выборный совет во главе со старшим настоятелем. Отделения подчинялись этому совету. У настоятеля был специальный помощник по учебной части (карманада), хозяйственными делами ведал другой помощник. Был и главный священник (стхавира), ведавший делами чисто религиозными [5; 8].

Хотя все 6 монастырей были махаянистскими, в Наланде учились и хинаянисты, например тот же И Цзин.

Как и повсюду в Индии, обучение в Наланде было бесплатным. Учащиеся обеспечивались питанием, одеждой, жильем и медицинской помощью. На даровом обеспечении были и учителя. По сведениям Сюань Цзана, к Наланде были приписаны 100, а по И Цзину — 200 деревень, доходы с которых шли на ее содержание. Эти деревни были царскими пожалованиями. Через посредство царей Магадхи или других индийских раджей Наланда получала земельные пожалования даже от правителей далеких заморских стран — таких, как Индонезия и Цейлон [8; 4].

В распоряжении Наланды были и собственные земли, на которых работали монахи и светские воспитанники. Они выполняли самые разнообразные сельскохозяйственные работы, но вспашку за них производили крестьяне из приписанных деревень или специально нанятые работники. Дело в том, что буддийский монах не мог подвергать себя риску раздавить плугом земляных червей или насекомых и тем нарушить обет ахимсы. Но, несмотря на материальную обеспеченность,

ученики Наланды не пренебрегали древней традицией гурукулы — сбором милостыни.

Буддийские монахи составляли большинство учащихся. Среди них были и иноземцы из стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии [1; 7; 10]. Учащиеся монахи назывались бхикшу или бхикху. Главной целью их занятий кроме общего образования было изучение буддийского богословия.

Для посвящения в монахи существовали определенные ограничения. Не принимались, например, следующие лица: не достигшие возраста 15 лет, страдающие заразными болезнями, состоящие на государственной службе, заведомые преступники, должники, рабы, евнухи.

В Наланде обучались и многие миряне — представители разных народов Индии. В отличие от индуистских, мусульманских и христианских школ в буддийские принимали учеников независимо от национальной, социальной (т. е. кастовой) и, что особенно важно, религиозной принадлежности.

Среди светских учеников Наланды также преобладали буддисты. Те из них, кто ставил своей задачей изучение богословия, назывались манавы, а стремившиеся получить только общее литературное и специальное образование назывались, как и ученики других вероисповеданий, брахмачари. В последней категории учащихся было много индуистов. Если основная масса светских учащихся жила в стенах самой Наланды и питалась в общих монастырских трапезных, то другие, в особенности индуисты, жили за пределами монастырей и питались отдельно.

Наланда была в основном общеобразовательной школой. Минимум знаний, который требовался от поступающих, предполагал 7—8-летнее предварительное обучение и включал элементарные навыки в чтении, письме и арифметике, основательное знание грамматики, в частности сутры Панини, некоторых начальных книг буддизма, в том числе сутр и «Винайи», а также основ логики. Санскрит в это время был основным языком преподавания. Курс среднего образования, проходившийся в самой Наланде, включал по крайней мере 5 наук (видья): шабда — грамматика и лексикография; шильпастхана — искусства; чикитса — медицина; хету — логика и абхидхарма — философия [3; 7].

Граматику учили по комментарию Джаядитьи (Кашикавритти) к сутре Панини, а логику — по сочинениям Нагарджуны и учебникам Диннага и Дхармакирти. Кроме того, учились писать сочинения в прозе и в стихах. И Цзин указывает, что именно с этого начинали свои занятия в Наланде приезжие китайцы [6].

Курс высшего образования расширял и углублял сведения, полученные прежде учениками по указанным предметам. Одним из основных предметов оставалась грамматика, точнее — курс языкознания на материалах санскрита. В течение трех лет изучался комментарий Патанджали (Махабхашья), или «чурни», на сочинения Панини и Джаядитьи. Комментарий состоял из 24 тыс. шлок. Известно, что уже сама сутра Панини представляла собой нечто большее, чем просто грамматику. Это был всесторонний анализ санскрита на материалах обширной литературы, с использованием не дошедших до нас сочинений других древних грамматиков. Вместе с комментариями Джаядитьи и Патанджали курс грамматики уже тогда принял формы всестороннего научного изучения языка. Но и этим дело не ограничивалось. Во времена И Цзина в Наланде изучали еще одну работу — комментарий ученого Бхартрихари на сочинение Патанджали. На этом курс высше-

го литературного образования считался оконченным, а прошедший его получал титул бахушрута.

Кроме грамматики и канонической буддийской литературы изучали основные произведения брахманистской литературы — веды и шастры, чтобы ученый буддист владел оружием своих соперников в спорах с иноверцами и еретиками. Так, основной целью пребывания Сюань Цзана в Наланде было изучение Йога-шастры под руководством знаменитого Шилабхадры, бывшего в то время главным настоятелем Наланды.

Некоторые ученики Наланды, особенно светские, получив общее образование по указанной программе, не занимались высшей грамматикой, шастрами и философией, а в течение нескольких лет специализировались в практических предметах, таких, как законоведение и судопроизводство, искусства, астрономия, медицина [7, 353—360]. Не занимались в Наланде, да и во всех буддийских монастырских школах, только военным делом, астрологией, черной магией и разными заклинаниями.

Составной частью учебного процесса в Наланде были систематически проводившиеся публичные лекции и ученые дискуссии. На них присутствовали не только жители Наланды, но и посторонние, прибывавшие иногда из отдаленных мест. В диспутах на религиозные, философские и научные темы принимали участие учителя и старшие ученики, приезжие ученые и просто искатели истины, представители разных буддийских сект и лица других вероисповеданий. Все вольны были в свободной дискуссии излагать и отстаивать свои воззрения и убеждения. И Цзин называл эти диспуты пробой остроты умственного оружия. Иногда подобные дискуссии проходили в присутствии раджей и высших сановников и даже в их резиденциях. Для завершающих свое образование в Наланде такие диспуты превращались в своеобразные смотры-соревнования, победители которых удостоивались особых званий и почестей и получали право занимать вакантные места на государственной службе [4, 334].

Замечательной особенностью буддийских монастырей были библиотеки. Библиотека Наланды была одной из крупнейших, уже в VII в. известной далеко за пределами Индии. Это была не только учебная, но и научная библиотека. Кроме учеников и учителей Наланды в ней занималось много приезжих ученых, даже из зарубежных стран. Сам факт существования ее красноречиво говорит о возросшей роли письменности в процессе обучения. Библиотека располагалась в трех специально для нее построенных зданиях и насчитывала многие тысячи рукописей. Она регулярно пополнялась новыми рукописями по разным отраслям знаний. В ней же велась систематическая работа по копированию и размножению старых рукописей. Кроме специальных переписчиков в этой работе принимали участие учителя и старшие ученики [9].

Крупную роль сыграла Наланда в пропаганде буддизма и распространении индийской культуры за рубежом, особенно в Китае и Тибете. Без преувеличений можно сказать, что в период расцвета (VII—X вв.) Наланда была одним из крупнейших азиатских центров образования и науки. Из Средней Азии, Тибета, Китая, Кореи, Японии, Индокитая, Индонезии, Цейлона в Индию съезжались ученые-буддисты, желавшие завершить свое образование под руководством прославленных учителей. Так, у И Цзина мы узнаем, что за сорок лет между поездкой Сюань Цзана и его собственной в Индии бывало 56 ученых из стран Восточной Азии и большинство их обучалось в Наланде.

Еще больше иностранцев приезжало в Индию в последующие столетия. Получив здесь всестороннее образование, собрав сотни ценнейших рукописей, они возвращались на родину, где основывали буддийские общины, обучали соотечественников санскриту и переводили на свои языки произведения индийской литературы. Так индийская культура просачивалась в самые отдаленные страны Азии.

Но, что особенно важно отметить, активными распространителями индийской культуры за рубежом были сами индийцы, в том числе и питомцы Наланды. С первых веков нашей эры индийские буддисты начали свою деятельность в Китае. Они привозили с собой индийские рукописи, переводили их на китайский, основывали школы и приобщали китайцев к индийской культуре. Индийский миссионер Дхармаракша в IV в. перевел на китайский 111 сочинений индийской литературы. Известно, что перед поездкой в Индию Фа Сянь обучался санскриту в Китае у известного индийского ученого Кумарадживы. В первой половине V в. буддизм на Яве, а затем в Китае проповедовал еще более знаменитый Гунаварман. Среди переселившихся в Китай индийских ученых много было воспитанников Наланды. Первыми проповедниками буддизма в Тибете также были выходцы из Наланды [8; 10].

Все это интересно и важно тем более, что почти до времен английского владычества мы не знаем примеров массового обратного движения, т. е. посещения индийцами других стран с целью получения образования, или приезда в Индию учителей из Китая, Индонезии и других стран Востока.

В заключение следует сказать, что, хотя высшее образование существовало в Индии задолго до организации Наланды, оно не имело программ, не было систематическим коллективным школьным образованием. Только буддийские монастырские школы высшего типа, подобные Наланде, Валабхи и Викрамшиле (Северная Индия), стали настоящими высшими учебными заведениями. Принадлежность монастырям не мешала им стать центрами разностороннего светского образования и науки.

В средневековой Европе после ликвидации императором Юстинианом языческих школ (VI в.) образование сосредоточилось также в монастырях. Но буддийские монастырские школы отличались от христианских большей демократичностью, веротерпимостью и свободой режима. Программа их была несравненно шире, в них было меньше схоластики. Все это, вместе взятое, а также отсутствие в них социальной дискриминации сделало индийские школы доступными всем слоям населения.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев В. П., Буддизм, его догматы, история и литература, ч. 3. История буддизма в Индии, сочинения Даранаты, СПб., 1869.
2. Кудрявцев М. К., О народном образовании в древней Индии.— «Индийский этнографический сборник», М., 1961 (Труды Института этнографии им. М. Н. Миклухо-Маклая, Новая серия, т. LXV).
3. Altekar A. S., Education in Ancient India, Benares, 1944.
4. Das S. K., The Educational System of the Ancient Hindus, Calcutta, 1930.
5. Hiuen-Tsiang, Chinese Accounts of India, Transl. from the Chinese, vol. 1—4, Calcutta, 1958 (Si-Yu-Ki, Buddhist Records of the Western World).
6. I-Tsing, A Record of the Buddhist Religion as Practised in India and the Malay Archipelago (A. D. 671—695), Oxford, 1896.
7. Mookerjee R. K., Ancient India Education, London, 1947.
8. Sankalia H. D., The University of Nalanda, Madras, 1954.
9. Sastri H., Nalanda and its Epigraphic Material,— «Memoir of the Archaeological Survey of India», № 66, Calcutta, 1942.
10. Shaman Hwui Li, The Life of Hiuen Tsiang, London, 1914.

Ю. А. Заднепровский

КУЛЬТУРА АХАР В ЮЖНОМ РАДЖАСТХАНЕ

В первобытной археологии Индостана, как известно, центральное место занимают памятники хараппской цивилизации конца III—II тысячелетия до н. э. За последнее время выявлен ряд поселений дохараппской культуры и установлено, что некоторые определяющие элементы культуры Хараппы сложились в предшествующий период. Но наиболее значительных успехов достигли археологи Индии в изучении ранее «Темного века», охватывающего период после падения хараппской цивилизации до начала распространения железа. Памятники этого времени, называемые в индийской литературе халколитическими, исследованы в Северном Декане, Центральной Индии и Южном Раджастане в результате целеустремленных работ прежде всего сотрудников Деканского колледжа в г. Пуна во главе с проф. Х. Д. Санкалия, а также таких выдающихся археологов, как Б. Б. Лал, Б. К. Тхапар, М. Дешпанде, Р. Ч. Агравал, В. Н. Мисра, С. Б. Део, З. Д. Ансари и др.

В настоящее время известно уже более 150 поселений эпохи халколита, которые географически и по особенностям материальной культуры объединяются в три комплекса — культуры Джорве, Навдатоли и Ахар. Опубликованы полные отчеты о раскопках памятников. Общая характеристика и исследования их содержатся в обобщающих трудах С. Б. Суббарао [34], в фундаментальной монографии Х. Д. Санкалия [32] и в книге супругов Олчин [13]. В советской литературе эти памятники рассмотрены в работах Ю. А. Заднепровского [3] и В. М. Массона [7], им посвящено специальное исследование А. Я. Щетенко [8].

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с изучением только одного комплекса памятников — культуры Ахар. Это объясняется прежде всего значением этой культуры и тем, что ее памятникам недостаточно уделено внимания в нашей литературе. Так, культура Ахар не была рассмотрена в книге А. Я. Щетенко, в которой исследованы памятники только Центральной Индии и Северного Декана [см. 4], и она вовсе не упоминается в труде Г. М. Бонгард-Левина и Г. Ф. Ильина «Древняя Индия» [2]. Это объясняется также и тем, что автор имел возможность во время научной командировки в Индию в 1967 г. совместно с Р. Ч. Агравалом осмотреть раскопки Ахара и изучить коллекции в музее поселения Ахар и в Пуне. Кроме того, автор благодаря любезности индийских коллег смог ознакомиться с рукописью

диссертации г-жи Мальти Нагар на тему «Культура Ахар: археологическое и этнографическое исследование», защищенной в Деканском колледже в 1966 г.

* * *

Группа древних поселений, объединяемых в археологической литературе понятием «культура Ахар», или по наименованию долины реки — «культура Банас», расположена в Южном Раджастане. Раджастан — один из крупнейших штатов страны — находится на северо-западе Индии и по географическим особенностям подразделяется на две части: северо-западную — равнинную, занятую пустыней Тар, и юго-восточную — горную, с цветущими межгорными долинами. Горы Аравалли разделяют эти природные зоны.

Первооткрывателем культуры Ахар является д-р Р. Ч. Агравал, который, будучи руководителем департамента археологии штата Раджастан, в 1952 г. провел небольшие раскопки поселения Ахар, находящегося на окраине г. Удайпур. На поселении обнаружен необычный комплекс керамики, в котором преобладает своеобразная черно-красная посуда. На основании найденных материалов поселение отнесено к халколиту. Раскопки были продолжены в 1954/55 и 1955/56 гг. [11; 12]. Результаты трехлетних работ Р. Ч. Агравала полностью еще не опубликованы.

В 1956/57 г. К. Н. Пури, обследуя долины рек Чамбел и Банас в Раджастане, обнаружил несколько поселений с керамикой, сходной с Ахаром [29]. Затем в 1959/60 г. Х. В. Триведи и В. С. Ваканкар продолжили исследования в долине р. Чамбел, а на территории соседнего штата Мадхья Прадеш произвели раскопки на поселениях Авра и Маноти, где также была добыта керамика, аналогичная Ахару [37]. Известный специалист по первобытной археологии Индии Б. Б. Лал в 1959/60 г. осуществил важные работы на поселении Джилунд, материальная культура которого оказалась близкой Ахару [20]. Все эти работы вызвали необходимость вернуться к изучению опорного памятника — поселения Ахар, и в 1961/62 г. было продолжено исследование этого поселения экспедицией во главе с проф. Х. Д. Санкалия [31]. Новые памятники культуры Ахар выявлены д-ром В. Н. Мисра в 1962/63 г. [24]. Результаты этих работ полностью опубликованы им в монографии [25]. В эти же годы археолого-этнографические работы в округе Ахар провела Мальти Нагар. И наконец, в 1969 г. вышел в свет коллективный труд о раскопках Ахара в 1961/62 г. — основной источник представлений об этой культуре, который будет подробно рассмотрен ниже.

Особый интерес вызывают начатые в 1968 г. З. Ансари, М. Дхаваликар и В. Ваканкар раскопки на поселении Кайата на территории Мадхья Прадеша в Центральной Индии. Это поселение оказалось многослойным, и в нем открыты значительные наслоения, относящиеся к культуре Ахар [14].

Отчет о раскопках Ахара Х. Д. Санкалия, С. Б. Део и З. Д. Ансари [33] содержит итоги работ совместной экспедиции Деканского колледжа, департамента археологии штата Раджастан и Мельбурнского университета (Австралия), проведенной под руководством крупнейшего специалиста по первобытной археологии Индии проф. Санкалия.

Поселение Ахар находится на окраине Удайпура. Оно состоит из двух холмов общим размером 500 × 275 м (площадью около 13 га).

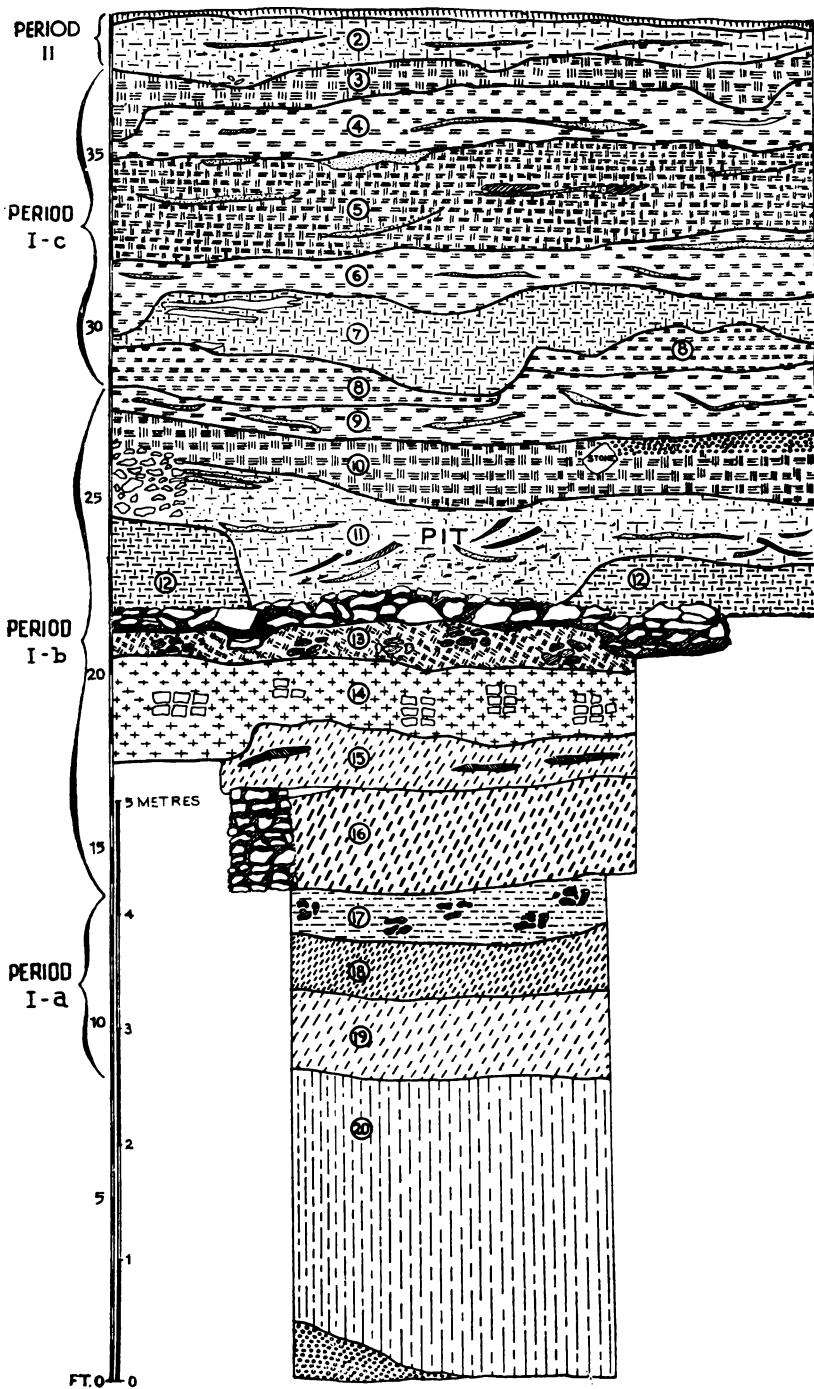
Культурный слой — толщиной около 13 м, основную часть его составляют отложения I — халколитического периода, перекрытые культурными наслоениями II — исторического периода. Каждый из этих двух периодов в свою очередь подразделяется на три фазы.

Проф. Санкалия дает краткое описание городища и раскопок с основным упором на освещение стратиграфии и обнаруженные остатки жилищ. Учитывая, что в предшествующих исследованиях Р. Ч. Агравала была изучена последовательность культурных наслоений, основные усилия были направлены на изучение жилищ и материалов для характеристики культуры в целом, а также для решения вопроса о происхождении культуры и ее связей с культурой Навдатоли в Центральной Индии и более далеких связей с Западной Азией. Полностью задачи не могли быть выполнены, поскольку вместо запланированных двухлетних раскопок они были прекращены после первого сезона.

Раскопки проводились в 14 шурфах-траншеях размером 20 × 20 футов¹, т. е. площадью около 36 кв. м. Две траншеи А и Х заложены в наиболее высокой восточной части поселения. 10 шурфов сосредоточены в одном месте, в центре, причем в ходе работ некоторые из них были соединены и в результате раскопанная площадь несколько увеличилась. Еще две траншеи находятся в южной части второго холма. Культурные слои всех трех фаз I периода вскрыты в 6 из 14 траншей, культурные слои II периода изучены только в одной траншее, где вскрыты также слои Ic.

Более подробно описана траншея А (см. рис.). Следы первоначального заселения обнаружены на слое коричневой глины, лежавшей на галечнике. На разрезе этой траншеи показано, что к фазе Ia относятся слои 17—19 толщиной около 1,5 м. В этом I горизонте строительных остатков не оказалось. Слои 9—16 (толщиной около 4,3 м) выделены в фазу Ib. Эта фаза была основной в истории раннего Ахара. II строительный горизонт с остатками построек на каменном фундаменте обнаружен в слое 16, III горизонт связан, очевидно, со слоем 14, в полу которого обнаружены вкопанные сосуды. В IV горизонте найден сосуд с двумя медными топорами. С каким слоем он связан — неясно. V горизонт — остатки прослойки с каменными стенами, лежащие между 13 и 11—12 слоями. С VI горизонтом исследователи, очевидно, связывают постройку в слое 11. Слои 3—8 отнесены к фазе Ic толщиной 2,7 м. В этой фазе отмечено два строительных горизонта в слоях 5 и 3. Всего в траншее А отмечено 8 жилых (строительных) уровней. Как утверждает исследователь, слои исторического периода в траншее А были смыты и разрушены. Но на разрезе именно ко II периоду почему-то отнесен слой 2 толщиной до 50 см. Перекрывает его дерновый слой, который не пронумерован. В этой траншее, как и в некоторых других, слой 1 вообще не выделен. Если же обратиться к корреляционной таблице В, то там слой 2 и даже слой 1 непонятно почему отнесены к фазе Ic. Остается только гадать, какое из этих утверждений правильно. Приходится признать, что краткое и беглое описание раскопок и стратиграфии не дает полного представления о проделанной работе. Несколько более подробно описаны остатки шести жилищ, основания стен которых сложены из сланца. Стены жилищ глинобитные с обмазкой, в которую добавлена примесь кварца.

¹ Размеры их в книге не указаны и приведен лишь суммарный подсчет раскопанной площади. Приведенные нами размеры, как и некоторые другие подробности, взяты из упомянутой диссертации Мальти Нагар. Они подтверждаются измерениями на общем плане.

Стратиграфия слоев в траншее А

Эти особенности домостроительства сохранились в Раджастхане вплоть до наших дней. Несмотря на то что полностью не удалось вскрыть ни одной постройки, имеющиеся данные позволяют говорить о больших размерах их — длина одной из стен составляет не менее 11 м. В целом добытые материалы дали возможность выявить специфику домостроительных приемов жителей Ахара, отличающихся от традиций хараппских поселений и других культур халколита.

Как уже было сказано, описанию раскопок и вопросам стратиграфии Ахара, к сожалению, уделено слишком мало внимания. Из 14 траншей кратко охарактеризованы только четыре. Этот раздел изложен без желательной полноты, что вызывает ряд сомнений и вопросов. Очень мало оснований для выделения фазы Ia, в которой не сохранились остатки построек. Последние отсутствуют и в фазе Ic. Следовательно, бесспорные данные имеются только для фазы Ib. Из этого следует, что в Ахаре отсутствуют данные для суждения об эволюции домостроительства на разных этапах его истории. Совсем ничего не сказано о стратиграфии II периода. Отметим также противоречия между данными разреза траншеи А — основного источника по стратиграфии и корреляционной таблицей. Вообще стратиграфические наблюдения недостаточно полно и четко отражены в графической документации. К тому же опубликовано только три разреза и один план траншей. Сильно затрудняет пользование основным разрезом траншеи А отсутствие условных знаков к ней и ссылок на слои в тексте. Из всего сказанного следует, что деление халколитического периода Ахара на три фазы стратиграфически не показано и недостаточно аргументировано.

Основную часть книги занимает описание и классификация керамики. Введение к каталогу керамики, написанное проф. Санкалия, содержит краткую характеристику семи основных видов глиняной посуды, подразделенных на несколько подвидов, каждый из которых представлен значительным количеством типов — форм посуды. Текст сопровождается схемой типологии комплекса керамики Ахара по трем фазам, которая дает наглядное представление о разнообразии керамики. На четырех таблицах показаны главные формы посуды четырех наиболее важных разновидностей. Для комплекса керамики Ахара типична прежде всего черно-красная керамика своеобразного обжига, при котором часть сосуда получается черного, а часть — красного цвета. Эта посуда украшена простыми узорами, исполненными белой краской. Она встречается в большом количестве и на всем протяжении I периода. Большое место занимает в Ахаре серая и красная посуда с разнообразной орнаментацией — резной, наклепной, рельефной, гребенчатой и т. д. В отличие от других памятников халколита на поселении оказалось очень мало расписной посуды. Характерно, что почти вся посуда изготовлена вручную, без применения гончарного круга.

Подробный каталог керамики, составленный С. Б. Део, содержит сведения о технике изготовления, орнаментации и формах сосудов. Весь материал распределен по трем фазам. В описании указан коллекционный номер, траншея и слой, из которого происходит данный сосуд. Для фазы Ia выделено 97 типов с вариантами и 119 образцов орнамента, для Ib — 98 типов и 143 орнамента, для Ic — 35 типов и 30 орнаментов. Несколько менее подробно описана керамика II периода.

Обстоятельное описание и классификация керамики Ахара представляют ценный вклад в археологию первобытной Индии, особенно в изучение культуры халколита. Вместе с тем этот раздел не лишен недостатков. Можно отметить несогласованность и ряд существенных:

противоречий. Приведем в качестве примера черно-красную посуду. Во введении она подразделена на 4 вида, а далее перечислено уже 6 разновидностей, причем обе классификации не согласованы. Некоторые типы этой посуды отнесены каждым из авторов к разным категориям. Перечисление таких досадных упущений можно было бы продолжить. Но более серьезны недостатки, которые имеют отношение к разделению I периода на три фазы.

Остановимся на этом вопросе подробнее, поскольку эта периодизация основана главным образом на анализе керамики. Фазы I периода характеризуются таким образом:

Фаза Ic — чаши с острым перегибом бортика (caginated) в черно-красной посуде; отсутствие посуды с металлическим звоном (sturdy metallic), появление глянцевой (lustrous), сходной с посудой Рангпура; отсутствие блюд (ваз) на подставке.

Фаза Ib — отсутствие керамики Buff и имитации ее, изобилие серой посуды, резная и реберчатая красная посуда, несколько медных кельтов.

Фаза Ia — преобладание чаш с изгибом закраины (convex) в черно-красной посуде, посуда Buff и имитация ее, отсутствие керамики типа Джорве, отсутствие чаш с перегибом.

Для начальной фазы Ia исследователи считают типичным черно-красные чаши с изгибом. Но аналогичные чаши представлены и в слоях Ib (тип 98), где они сосуществуют с чашами с перегибом бортика (типы 99—100). Последняя форма выделяется как типичная для фазы Ic. Следовательно, в фазе Ib сосуществуют формы, характерные как для ранней, так и для поздней фаз. Это обстоятельство не учтено и не отмечено в книге, хотя следовало бы вообще рассмотреть вопрос, насколько существенно это различие и может ли оно явиться основанием для периодизации.

Распределение керамики по фазам I периода Ахара

Вид керамики	Фаза			Вид керамики	Фаза II		
	С	В	А		С	В	А
Buff				Buff	—	—	+
Черно-красные } с перегибом	+	—	+	Черно-красные } с перегибом	+	+	—
чаши } с изгибом			—	чаши } с изгибом			+
Расписная типа Джорве			—	Расписная типа Джорве	+		+
Серая		+		Серая	+	+	+
Красная резная и реберчатая		+		Красная резная	+	+	+
Глянцевая	+			Рыжеватокрасная	+	+	+
С металлическим звоном	—			Глянцевая	+	—	—
Вазы на подставке	—						

По Х. Д. Санкалия, С. Б. Део

По опубликованным в отчете материалам

+ наличие
— отсутствие

В фазе Ia, как утверждают авторы периодизации, отсутствует керамика типа Джорве; очевидно, она появляется позднее. Действительно, описаны два фрагмента этого типа (тип 230 и 230a) из слоев II периода, но они отнесены автором к фазе Ic. Кроме того, в схеме

классификации керамики упомянуты находки типа Джорве и Мальва, относящиеся к фазе Ia. Причем имеются в виду другие находки, так как в той же схеме отмечена керамика Джорве (тип 230) в фазе Ic.

Находки керамики типа Джорве и Мальва в фазе Ia, несмотря на их малочисленность, имеют важное значение для решения вопросов хронологии, поскольку культура Джорве датирована значительно более поздним временем. Вообще комплекс керамики фазы Ia представлен в периодизации сильно обедненным, так как не включены находки серой и красной, а также рыжеватокрасной (tan) посуды. В фазе Ib, которая представляет основной этап жизни поселения, совсем не упомянуто о черно-красной посуде, но зато отмечается обилие серой и красной посуды. Здесь необходимо оговорить, что резная (cut) и реберчатая (ribbed) красная посуда в схеме классификации и в каталоге керамики не выделены в качестве самостоятельных разновидностей и поэтому трудно проследить их распространение. Но на корреляционной таблице отмечены находки резной красной посуды в слоях Ib, а также в слое Ia. Реберчатые сосуды представлены как в красной, так и в рыжеватокрасной посуде; они найдены в разных фазах. Из этого явствует, что указанные виды характерны не только для фазы Ib. Фаза Ic характеризуется чашами с острым перегибом, которые появляются, как мы отметили, уже в фазе Ib. Неясно, что за разновидность представляет посуда с металлическим звоном, и можно только предполагать, что это одна из разновидностей рыжеватокрасной посуды. Непонятно, почему авторы отмечают отсутствие в этой фазе блюд на подставке. Указанная форма выделена в черно-красной и рыжеватокрасной посуде. И совсем уж непонятно, почему в таблице В показаны находки сосудов этой формы в фазе Ic в траншее X.

Оценивая в целом периодизацию, приходится признать, что не все избранные признаки могли выполнять роль критерия для разграничения этапов. Обращают на себя внимание невыдержанность терминологии и существенные противоречия. Различия между фазами весьма незначительны. Так, между этапами Ia и Ib они сводятся, по сути дела, к наличию небольшого количества (40 фрагментов) импортной посуды Buff в ранней фазе² и отсутствию ее в последующей. Последняя фаза Ic отличается от предыдущей появлением двух черепков глянцевой посуды и еще нескольких расписных фрагментов. Из всего этого следует, что в керамике разных слоев нет существенных различий (см. таблицу). И, наоборот, можно говорить о большом единообразии комплекса в целом, что свидетельствует о стабильности культуры Ахар. В этих условиях значительную пользу принесло бы применение количественных показателей — статистики — для характеристики комплекса керамики и разграничения его. Удачный опыт использования статистики впервые в индийской литературе был осуществлен в работе Б. К. Тхапар [35]. В целом создается впечатление, что периодизация Ахара построена только на небольших отличиях керамического комплекса.

Время существования культуры Ахар установлено на основании десяти радиоуглеродных определений. Восемь образцов для анализа взяты из слоев фазы Ia и два — из фазы Ic. Авторы, вероятно, ошибочно отнесли в таблице на стр. 5 образец из слоя 7 траншеи Н к фазе Ib, так как на корреляционной таблице В эти слои входят в фазу Ia³.

² Кстати, на корреляционной таблице В в слоях Ia траншеи А находки этой керамики почему-то не отмечены.

³ В таблице В несколько определений возраста по С¹⁴ даны с ошибками.

Время фазы Ia охватывает период с 1940 до 1765 г. до н. э., фазы Ic — с 1550 до 1270 г., причем дата 1550 г. считается более достоверной. Санкалия определяет дату культуры Ахар как 1900—1200 гг. до н. э.

Для всех интересующихся первобытной культурой Индии большой интерес представляет заключительный раздел, в котором проф. Санкалия дает общий очерк культуры Ахар, ее связей с хараппскими поселениями и синхронными культурами Центральной Индии, а также разбирает вопрос о происхождении ее. Культура Ахар насчитывает уже 50 поселений, распространение которых показано на карте. Помимо своеобразной керамики она характеризуется отсутствием кремневой пластинчатой индустрии и значительным развитием металлургии меди. На поселении обнаружены следы этого производства и металлические изделия, которые исследованы с применением новейших методов. Находки отпечатков зерен риса являются одними из древнейших на территории Индии. Исследованные кости животных позволили охарактеризовать состав стада и установить, что жители Ахара не были вегетарианцами.

Рассматривая узловую проблему — проблему происхождения культуры, Санкалия подчеркивает наличие разрыва между нею и поздним каменным веком. Древнейшие земледельцы и скотоводы появились здесь уже со знанием керамики, домостроительства (кстати, отметим впечатляющую реконструкцию жилищ Ахара — см. рис.) и металлургии меди. Культура Ахара с самого начала выступает в зрелых формах, из чего следует предположение о формировании ее на другой территории или же о сильном влиянии извне. Такой областью, откуда могло исходить влияние, можно признать только территорию хараппской культуры, учитывая ее географическую и хронологическую близость.

Именно в этой связи Санкалия сопоставляет Ахар с Лотхалом и Рангпуром. Он приходит к заключению, что, очевидно, из Лотхала была заимствована своеобразная черно-красная керамика Ахара, и рассматривает конкретные пути распространения влияния Хараппы. Не вызывает сомнений вывод автора о большом сходстве Ахара с культурой Навдатоли, основанный на значительном сравнительном материале. Не рассматривая подробно вопроса об этнической принадлежности создателей культуры Ахар, ученый повторяет приводимые им ранее данные о связях ее с Западной Азией. Он сравнивает пряслица с орнаментом с аналогичными находками в Трое и Анау. Сходство этих изделий бесспорно. Правда, следовало бы оговорить, что орнаментированные прясла происходят из слоев Ic и Ib, т. е. что они появились не в самом начале жизни поселения. Имеющиеся доказательства влияния Западной Азии еще крайне малы, но они вместе с другими соображениями использованы как основание для важных заключений об этнической принадлежности. Автор приводит гипотезу Д. П. Агравала об арийской принадлежности Ахара [9], но не высказывает своего отношения к ней. В то же время он выдвигает другое предположение о связи ее населения с одним из племен, упомянутых в Пуранах. Санкалия все эти положения излагает как предположительные, считая невозможным в настоящее время решение вопроса о чужеземном или местном происхождении культуры. Он признает как факт, что около 1800 г. до н. э. в Индии появилось несколько этнических групп и что жители Ахара составляли одну из них.

В целом публикацию отчета о раскопках Ахара следует оценить как значительный вклад в изучение культуры Индии II тысячелетия

до н. э. В книге ясно показано, какое важное место в истории этого периода занимает культура Ахар. Надо отметить большой труд исследователей по классификации и описанию разнообразных материалов. Введение в научный оборот результатов раскопок Ахара создает благоприятную возможность для разработки общей классификации культур халколита и для решения важных исторических проблем. Вместе с тем нельзя пройти мимо недостатков в источниковедческой проработке комплекса Ахара.

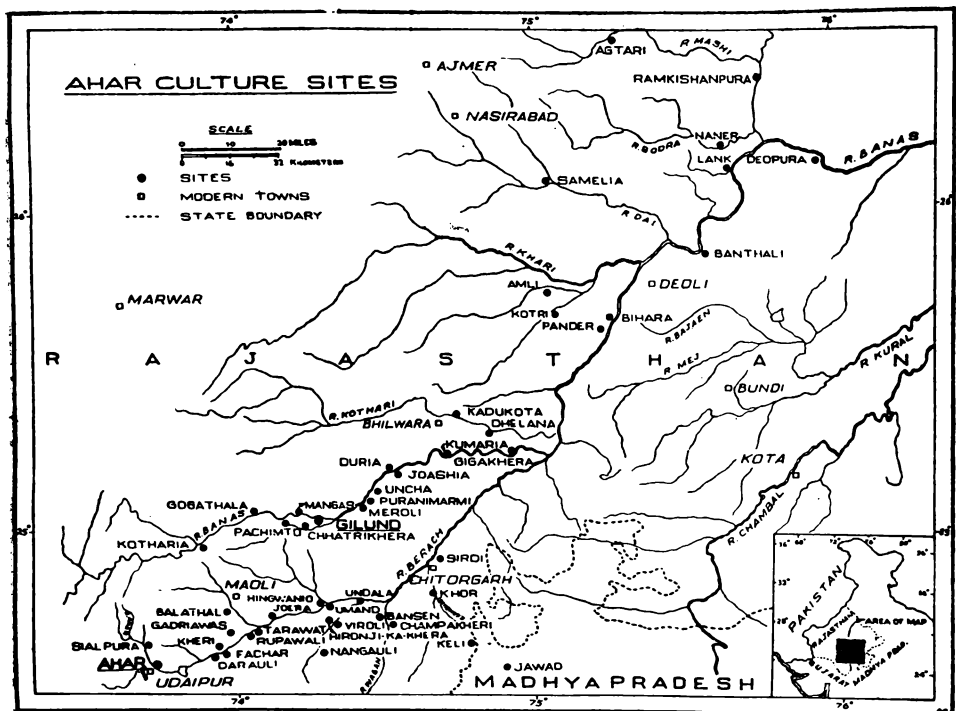

Схема распространения поселений культуры Ахар (из книги Х. Д. Санкалия)

Поселения и жилища. Памятники культуры Ахар располагаются на территории длиной около 300 км и шириной 60—75 км. Указанная территория несомненно отражает только состояние изученности этой культуры, а не реальные границы распространения. В этой связи отметим, что недавно открытые слои с керамикой Ахар на поселении Кайата значительно расширили наши представления об ареале этой культуры, памятники которой распространены не только в пределах Раджастанхана, но и в Центральной Индии. Наиболее изучено поселение Ахар, которое расположено на левом берегу реки того же названия. В обрыве правого берега видны выходы культурного слоя, что позволяет говорить о расположении древнего поселка на обоих берегах и, следовательно, о том, что он занимал большую площадь. В настоящее время развалины древнего поселка охватывают площадь около 13 га.

На поселении открыты остатки шести жилищ. Основание стен их — фундамент — сложено из плоских плит сланца (см. рис.). Сами

стены глинобитные и обмазаны глиной с примесью кварца. Эти особенности домостроительства сохраняются и у местного современного населения. Полностью не удалось раскопать ни одного дома, однако имеющиеся данные позволяют говорить о больших размерах комнат — не менее $9 \times 4,6$ м, а длина одной из стен составила около 11 м. В помещениях найдены очаги и зернотерки, а также вкопанные в пол корчаги.

Второе большое поселение — Джилунд занимает площадь размером 500×250 м, т. е. около 12,5 га. В постройках здесь применяли наряду с сырцовым и обожженный кирпич. Основная масса поселений, судя по обследованиям В. Н. Мисры, характеризуется небольшими размерами — от 0,5 до 1—2 га. Следовательно, в памятниках Ахара поселения четко различаются по своим размерам. Полученные материалы позволяют выявить некоторые особенности домостроительных приемов, отличающихся от традиций хараппских поселений и от других халколитических культур Центральной Индии. Однако этих материалов пока еще недостаточно для сравнительного изучения типов поселений и жилищ.

Материальная культура. Памятники культуры Ахар характеризуются комплексом своеобразной керамики, развитой металлургией и отсутствием каменно-кремневых орудий. Наиболее характерна черно-красная посуда специфического инвертного обжига, при котором верхняя часть сосуда получается черного цвета, а нижняя — разных оттенков красного и коричневого цветов. О технике производства керамики Ахара имеется специальная статья С. Б. Део [16]. Среди этой посуды исследователи выделяют несколько вариантов. Самой типичной для Ахара считается черно-красная посуда, украшенная геометрическими узорами белой или кремовой краски. Эта посуда встречается во всех трех фазах, и существенных изменений в ее развитии нельзя проследить. Она представлена в материалах Ахара в большом количестве. Как уже было сказано, подсчеты добытой в раскопках 1961/62 г. керамики не производились. В коллекции Деканского колледжа я насчитал 1602 венчика и 245 фрагментов стенок такой посуды, т. е. всего 1847 фрагментов. Примерно такое же количество черно-красной посуды было добыто при раскопках 1957—1959 гг. на поселении Навдатоли в Центральной Индии на раскопанной площади, которая в три раза превышала площадь, вскрытую на поселении Ахар. Судя по этим данным, можно заключить, что в керамическом комплексе Ахара этот тип занимал большее место, чем на поселениях культуры Навдатоли. Самые излюбленные формы — полусферические чаши, чаши с перегибом бортика. Черно-красная керамика не встречается на поселениях хараппской культуры в долине Инда. И первоначально ее считали характерной только для памятников Раджастхана. Однако позднее она была открыта при раскопках хараппских поселений Лотхал и Рангпур в Гуджарате. Материалы этих раскопок, как мы увидим далее, представляют значительный интерес для выяснения происхождения культуры Ахар в целом. Вопрос о происхождении черно-красной керамики является одним из ключевых для понимания развития культуры халколита Индии.

Основную массу керамики составляет красная и серая посуда нескольких разновидностей. Особо можно выделить группу сосудов, украшенную резным, штампованным и рельефным орнаментом. Всего исследователи выделяют семь разновидностей орнаментации. На некоторых сосудах встречаются узоры, выполненные в разной технике. Среди элементов резного орнамента представлены треугольники, зигза-

ги, шевроны, решетка и др. Керамика с таким узором найдена в небольшом количестве на поселениях Центральной Индии. Аналогичная посуда представлена также в комплексе Джангар и Чанху-Даро в долине Инда [22]. Но во всех этих памятниках она встречается редко. Точные подсчеты керамики, сделанные в Пракаше, позволяют составить представление о месте ее в комплексе. Шесть фрагментов с резной орнаментацией найдены здесь в самом нижнем слое. Всего к этой группе отнесено 207 фрагментов, что составляет 4,17% всей коллекции [35]. Однако ряд фрагментов следует исключить, так как они по фактуре и форме сосудов относятся к иному типу и объединены были при подсчетах только по одному признаку — наличию резного орнамента. Такого большого количества и такого разнообразия керамики с резным узором, как в Ахаре, на других памятниках в Индии не обнаружено. Это составляет особенность комплекса керамики Ахара, которую необходимо учитывать при сравнительном изучении его. К основным типам керамики относят также находки посуды с кремовым ангобом и расписным узором (керамика типа Buff). В раскопках найдено всего только 40 фрагментов ее. Наличия или отсутствия этой керамики в культурном слое индийские археологи придают большое значение, поскольку ее считают привозной ввиду сходства с керамикой Амри и Наля в долине Инда.

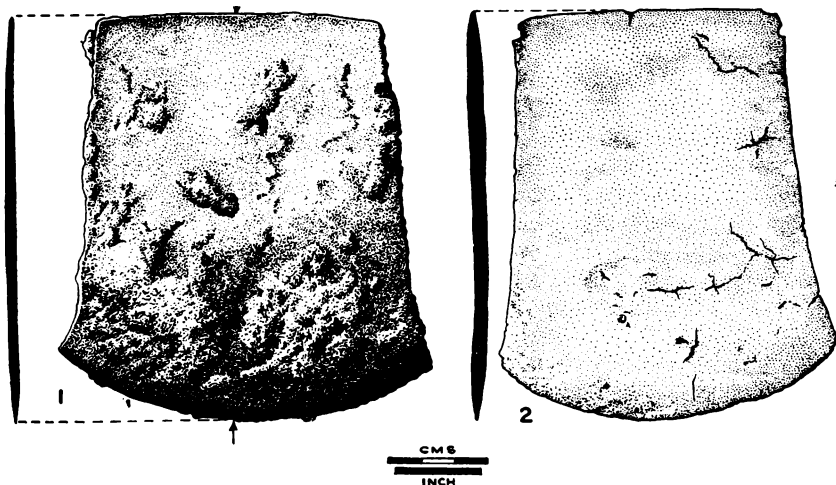
Во всех фазах представлена рыжеватокрасная посуда хорошего обжига, издающая металлический звук при постукивании. Посуда этого типа широко распространена в ранних хараппских слоях Рангпура, и сопоставление ее имеет существенное значение для изучения проблемы происхождения культуры Ахар. Для сравнительного изучения с другими памятниками важны также находки красной посуды с особенно блестящим ярким ангобом, так называемой глянцевой посуды, которая считается типичной для комплекса Рангпур III. В отличие от других халколитических культур в Ахаре расписная керамика представлена единичными находками. Она сопоставляется с типами Мальва (Навдатоли) и Джорве. Однако отсутствие представительной серии расписной посуды не позволяет с уверенностью выявить своеобразие этого типа керамики Ахара.

Среди других керамических изделий особое внимание уделяется глиняным пряслам с богатым резным узором, что совершенно не характерно для памятников Индии и заставило искать аналогий за пределами страны. Вся керамика Ахара изготовлена без применения гончарного круга, и эта особенность резко выделяет комплекс керамики Ахара.

Для периода халколита Индии на всей территории отмечается значительное развитие медно-бронзовой металлургии. В настоящее время только на поселении Ахар обнаружены бесспорные свидетельства производства металла в виде остатков литейной печи. Здесь найдено большое количество шлака, особые сосуды для расплавленного металла и сами металлические предметы — пять медных топоров, проколки, булава, обломок ножа и др. Топоры по своей форме мало чем отличаются от аналогичных орудий, широко распространенных в хараппских поселениях. Однако они резко отличны по химическому составу, например от топоров Рангпура [21, 152—153], отсутствием олова, большим количеством свинца и железа [10; 17]. Нет никаких сомнений, что это объясняется использованием местной рудной базы. Значительные месторождения медных руд в окружающих долину Банас горах Аравалли составляли естественную базу снабжения металлургов Ахара [28].

В отличие от других халколитических культур, где каменные орудия, и прежде всего кремневая пластинчатая индустрия, играли значительную роль, в Ахаре почти совсем не оказалось кремневых орудий, а в Джилунде они найдены в очень небольшом количестве. Это отличие в составе орудий производства весьма существенно.

Уже само количество поселений, расположенных на сравнительно небольшой территории, является показателем большой плотности на-

Медные топоры из Ахара

селения, которое могло существовать, только занимаясь земледелием. Имеющиеся данные не оставляют сомнений, что основу хозяйства составляли земледелие и скотоводство. На поселении Ахар обнаружены отпечатки зерен риса и проса. Причем свидетельство культивирования риса относят к фазе Ib, а проса — к заключительному этапу жизни поселения — к фазе Ic [33]. Следует отметить, что возделывание риса не было известно земледельцам хараппской культуры в долине Инда. И только на хараппских поселениях Лотхал и Рангпур в Гуджарате обнаружены отпечатки зерен риса. Правда, в литературе высказано предположение, что эти отпечатки принадлежат зернам дикого, а не культурного риса. Бесспорно культивирование риса отмечено в Навдатоли в Центральной Индии, где он появляется на II фазе. Гибридная форма риса позволяет высказать предположение о распространении его в Центральной Индии с севера или с востока [27].

Следовательно, древнейшие свидетельства возделывания риса в Индии, которую Н. И. Вавилов считает родиной этого злака, восходят ко II тысячелетию до н. э. И культура Ахар включается в первичный ареал культивирования его. Находка зерен проса в Ахаре также относится к наиболее раннему этапу распространения этой культуры в Индии. Просо другого вида обнаружено в слоях Рангпура. Возможно, что такое совпадение в составе культур, возделывавшихся жителями Гуджарата и Раджастанхана, не случайно и свидетельствует о тесных контактах между ними, а также о заимствовании культурных растений древними земледельцами Ахара от хараппского населения Гуджарата.

Вся совокупность археологических данных характеризует культуру Ахар, как культуру древнейших земледельцев и скотоводов, знакомых уже с металлургией меди и бронзы, т. е. относящуюся к бронзовому веку. В данной статье автор для ясности придерживается традиционной индийской терминологии, употребляя определение «халколит». Вместе с тем следует подчеркнуть неразработанность терминологии в индийской археологической литературе. Термин «халколит» стали употреблять в начале изучения культур, для которых характерно существование кремневой индустрии и металла. Однако высокий уровень развития этих культур и собственное производство металлов дают все основания относить их к бронзовому веку [10, 116—119].

Датировка культуры Ахар. Для того чтобы определить место культуры Ахар среди других халколитических комплексов Индии, рассмотрим вопросы ее хронологии. Время существования этой культуры устанавливается путем сравнительного изучения археологических комплексов и при помощи радиоуглеродного метода. Для периода халколита Индии — конца III — первой половины II тысячелетия до н. э. — эталоном является стратиграфическая колонка Рангпура, разработанная С. Р. Рао [30; 18; 8; 4]. На основании находок черно-красной и глянцевой керамики принято сопоставлять Ахар с периодом IIc — III Рангпура, т. е. с позднехарапским и постхарапским этапами Гуджарата. При этом обычно имеется в виду относительная датировка, поскольку абсолютные даты, предложенные С. Р. Рао, — 1100—800 гг. до н. э. — требуют уточнения.

При сопоставлении комплекса керамики Ахара и Рангпура можно заметить, что почти все основные виды керамики встречаются на обоих поселениях. Кроме уже упомянутых черно-красной и глянцевой следует отметить сходные типы рыжевато-красной посуды с черной росписью по красному фону, красную и серую с резным орнаментом. На обоих поселениях обнаружены сходные формы глиняных пряслиц и колесиков от игрушек. Очень близки металлические изделия. Это, разумеется, не означает идентичности комплексов, и прежде всего керамики, которые различаются как по набору форм и узорам, так и по количеству. Несмотря на отсутствие статистических данных, по опубликованным материалам можно все-таки вывести заключение, что в Ахаре было больше черно-красной керамики, но зато в комплексе Рангпура глянцевая посуда была представлена в большем количестве.

При более детальном сопоставлении можно найти некоторое соответствие Ахару и в материалах ранних, собственно харапских слоев Рангпура, относящихся к периодам IIa и IIb.

С другой стороны, исследователи отмечают наличие ряда общих черт между Ахаром и Навдатоли в Центральной Индии. Но с памятниками культуры Джорве в Северном Декане не обнаружено почти никакого сходства, что объясняется географическим и хронологическим разрывами между ними.

Из всего сказанного вытекает определение относительной даты Ахара, синхронизируемой с позднехарапским и постхарапским периодами. Для уточнения относительной хронологии культуры Ахар существенное значение представляют стратиграфические наблюдения на поселении Кайата (в Центральной Индии) [14]. Эти новые данные следует рассмотреть подробнее. На поселении Кайата выявлена такая последовательность слоев: 1) культура Кайата; 2) культура Ахар; 3) культура Мальва (Навдатоли); 4) слой исторического периода

Культурные отложения I периода достигают толщины 1 м. Обнаруженный комплекс керамики, в том числе с росписью, отличается

своеобразием и выделяется среди всех халколитических культур Индостана. Напомним, что первоначально найденную на поселении керамику сопоставляли с хараппской и на этом основании относили поселение к хараппской культуре. Большие коллекции, добытые в последних раскопках, позволили пересмотреть это заключение и выделить новую культуру — культуру Кайата. Кроме своеобразной керамики она характеризуется развитием металлургии (в раскопках найдено 2 медных топора, долото и 28 медных браслетов). Наряду с этим довольно широко употреблялись пластинчатые кремневые орудия. В настоящее время выделено около 40 поселений культуры Кайата. Население их было первыми земледельцами и скотоводами в Центральной Индии. Хронологические рамки культуры Кайата определяются на основании радиоуглеродных дат (3965 ± 100 , 3830 ± 105 , 3785 ± 100 , 3655 ± 95) примерно 2000—1700 гг. до н. э., но исследователи, учитывая толщину культурного слоя и другие данные, считают наиболее вероятной датой 2000—1800 гг. до н. э.

Стерильный слой отделяет нижние наслоения от последующих слоев, относящихся к культуре Ахар. Здесь найдены остатки простых жилищ, стены которых были построены из тростника, обмазанного глиной, а полы покрыты слоем булыжника и гравия и сверху также обмазаны глиной. В слое найдена типичная для ахарской культуры черно-красная керамика, а также другие типы, в том числе красная и серая посуда с резным и рельефным орнаментом. В отличие от Ахара на этом поселении обнаружено значительное количество пластинчатых кремневых орудий. Также новым является наличие терракотовых фигурок быков, выполненных в реалистической и стилизованной манере, тогда как на поселении Ахар встречены только единичные образцы подобной терракоты. На основании радиоуглеродных определений устанавливаются даты II периода культуры Ахар — примерно 1700—1500 гг. до н. э.

Выше залегают слои, относящиеся к культуре Мальва (Навдатоли). Поселения этой культуры широко распространены в Центральной Индии. Весь комплекс находок на поселении Кайата аналогичен другим памятникам культуры Навдатоли, за исключением того, что пока не найдено металлических изделий. Новым для этого периода является терракотовые фигурки быков, изготовление которых продолжает традиции предшествующего периода Ахара. Хронологические рамки периода Навдатоли — 1600—1300 гг. до н. э. На поселении не обнаружено данных о причинах внезапного прекращения жизни в этот период. Стерильный слой толщиной в 30 см отделяет слои периода Навдатоли от раннеисторического (600—200 гг. до н. э.). Такова стратиграфия поселения Кайата.

Предварительная публикация результатов исследования этого многослойного памятника позволяет сделать важное заключение по поводу относительной хронологии Ахара. Впервые слои с материалами этой культуры найдены в определенной последовательности. Таким образом, наряду с Рангпуром появилась новая стратиграфическая шкала для основных культур халколита. Напомним, что в Южном Раджастхане население ахарской культуры начинает земледельческое освоение района и что здесь культурные слои Ахара залегают в основании стратиграфической колонки. Совсем иное дело в Кайате, где своеобразная культура предшествует появлению ахарской. По-видимому, есть основания признать правильным заключение исследователей З. Ансари и М. Дхаваликара о приходе носителей культуры Ахар из Южного Раджастхана. Не менее важна впервые стратиграфически

засвидетельствованная последовательность залегания слоев культуры Ахара и культуры Навдатоли. Отметим, что определения абсолютной хронологии трех периодов, как заявляют и сами исследователи, имеют предварительный характер.

В настоящее время в науке отсутствуют бесспорные археологические основания для определения абсолютной хронологии памятников Индии III—II тысячелетий до н. э., поэтому исследователи опираются на единственно известный объективный метод радиоуглеродного датирования. В последнее время появилось несколько сводок радиоуглеродных дат памятников халколита [9; 10; 19; 35]. В последней работе Д. П. Агравала, руководителя радиоуглеродной лаборатории в Институте Тата (Бомбей), датировки даны с учетом нового определения времени полураспада (5730) [10]. Для Ахара получено девять определений, взятых из разных слоев. Начало Ахара Д. П. Агравал относит к 2000 г. до н. э. и датирует эту культуру в пределах от 2000 до 1600 гг. до н. э. Культура Навдатоли отнесена им к 1700—1400 гг. до н. э. Эти определения значительно удревняют возраст Ахара. Напомним, что Х. Д. Санкалия, учитывая археологические данные и радиоуглеродные определения, датировал Ахар 1800—1200 гг. до н. э., затем он несколько удревнил дату — 1900—1200 гг. до н. э. Как уже было сказано, нельзя признать окончательно установленной дату культуры Ахар.

Если собрать воедино имеющиеся в литературе определения абсолютного возраста Ахара, то получится следующая картина:

С. Р. Рао, 1963	1100— 800 гг. до н. э.
Б. Б. Лал, 1963	1800—1250 гг. до н. э.
Х. Д. Санкалия, 1963	1800—1200 гг. до н. э.
Д. П. Агравал, 1966	1800—1200 гг. до н. э.
В. Н. Мисра, 1967	1800—1200 гг. до н. э.
Б. К. Тхапар, 1967	1800—1200 гг. до н. э.
Х. Д. Санкалия, 1969	1900—1200 гг. до н. э.
Д. П. Агравал, 1971	2000—1600 гг. до н. э.
З. Д. Ансари и М. К. Дхаваликар, 1971	1700—1500 гг. до н. э.

При рассмотрении этого списка явно следует исключить датировку, предложенную Рао, основанную только на археологических данных без использования радиоуглеродных дат, и определение Ансари и Дхаваликара, имевших дело, возможно, с более поздним комплексом и к тому же расположенным за пределами основной культуры Ахар. Совершенно определенно можно заметить тенденцию к удревнению абсолютного возраста рассматриваемой культуры. Отмечается также исключительно большая продолжительность существования поселения Ахар — 700—900 лет, что не подтверждается имеющимися археологическими данными о толщине культурного слоя и количестве горизонтов. Учитывая эти данные, можно считать, что поселение существовало около 400 лет. Видимо, подобными соображениями руководствовался Д. П. Агравал при определении возраста Ахара. Но остается непонятным, почему он, сокращая наполовину время жизни Ахара, относит этот памятник к первой половине II тысячелетия до н. э. В этой связи следует обратить внимание на находки керамики типа Мальва (Навдатоли) и Джорве в фазе Ia. Если они не случайного происхождения, то эти находки дают основание для постановки вопроса об уточнении предлагаемой хронологии. Имеющиеся данные не позволяют признать окончательно установленной абсолютную дату культуры Ахар, которая несомненно требует дальнейших исследований и уточнений.

Но как бы ни были условны предлагаемые даты, они все же позволяют предполагать, что среди халколитических культур одной из наиболее ранней является именно ахарская. Она возникает в Южном Раджастане в тот период, когда в долине Инда хараппская цивилизация приходит в упадок и когда появляются хараппские поселения в Гуджарате. Именно с культурой Ахар связано появление земледелия в ряде районов Южного Раджастана. Культура Ахар определила все дальнейшее развитие населения этой части Индии. И этим обстоятельством определяется значительная роль, которую сыграли жители ахарских поселений в истории постхараппского периода. Еще более определенно значение культуры Ахар выступает, когда мы обратимся к рассмотрению вопроса о ее происхождении.

Проблема происхождения культуры Ахар. В настоящее время проблема сложения халколитических культур Индии в целом остается открытой. Это полностью относится и к культуре Ахар, о возникновении которой высказан ряд противоречивых суждений. В рассматриваемых культурах можно выделить четыре основных компонента — местный, хараппский, неолитический (вклад неолитических племен Южного Декана) и чужеземный.

В настоящее время полностью отсутствуют какие-либо данные о местном происхождении культуры Ахар. В Южном Раджастане период, предшествующий Ахару, достаточно известен благодаря исследованным В. Н. Мисрой памятникам каменного века. Между поздним каменным веком и Ахаром существует разрыв. Правда, он уже начинает сокращаться. И в этой связи особый интерес вызывает открытое в последние годы в Южном Раджастане более древнее халколитическое поселение Багор. Раскопки проведены в 1967—1970 гг. В. Н. Мисрой [23]. Поселение Багор располагается на песчаной дюне на берегу реки, в 25 км к западу от г. Бхилвара. Следует заметить, что примерно в 8 км к востоку от этого города находится один из памятников культуры Ахар, выявленный тем же исследователем [25]. Культурный слой общей толщиной около 1,75 м подразделяется на три культурные фазы: мезолит, халколит и железный век.

Древнейшие обитатели поселения занимались охотой и собирательством. Они жили в круглых хижинах, от которых сохранились каменные обкладки диаметром 3—5 м. Жители употребляли микролитические орудия, среди которых было много орудий геометрических форм.

Халколитическая культура фазы II характеризуется введением ряда новых элементов: начального земледелия, керамики, металла, многочисленных украшений, изменением погребального обряда. Хотя охота и собирательство все еще представляли важные источники добычи пищи, косвенные данные говорят о занятиях земледелием и скотоводством. Микролитические орудия те же, что и в предшествующий период, но их меньше. Металлические изделия представлены тремя наконечниками стрел, обломками наконечника копья и шилом. Керамика лепная, плохого обжига, хрупкая, красного цвета. Имеются сосуды и лучшего качества. Роспись полностью отсутствует. Небольшая часть керамики украшена резным узором. По технике изготовления, формам сосудов и украшению керамика Багора резко отличается от керамики Ахара и других халколитических культур, хотя некоторое общее сходство все же можно отметить с комплексами Ахара и Кайата.

Во II фазе продолжают существовать круглые хижины. Появляются разнообразные украшения и единичное пряслице. В этом слое об-

наружено три скорченных погребения, ориентированных по линии 3-В, с богатым инвентарем, в составе которого металлические изделия, сосуды и кости животных.

Сравнивая комплексы Багор и Ахар, исследователь приходит к заключению, что они принадлежат к разным традициям:

1. Кремневая индустрия полностью отсутствует в Ахаре, но составляет важную часть комплекса Багор.

2. Экономика Ахара основана на производящем хозяйстве (выращивание риса, разведение домашних животных), а охота играла второстепенную роль. В Багоре охота и собирательство стояли на первом месте, а земледелие и скотоводство имели меньшее значение.

3. Керамика Ахара изготовлена на круге, она хорошего качества и разнообразна, тогда как в Багоре она лепная, плохо обожжена и формы ее ограничены.

4. В Ахаре жилища построены из камня и в строительстве использован сырцовый кирпич, а также жженный (в Джилунде). В Багоре простые хижины.

5. Население Ахара знакомо было с искусством металлургии, тогда как в Багор металлические изделия, очевидно, поступали извне. Население Ахара — оседлые земледельцы, а жители Багора были общиной собирателей-охотников, воспринявших некоторые начатки земледелия и культуры (керамика, а также металл) от более развитых земледельческих общин.

Серия из пяти радиоуглеродных дат позволяет определить время мезолитической фазы I около 3800 лет до н. э., а II — 2800 лет до н. э. На этом основании можно считать Багор самой древней халколитической культурой в Индии.

Никакого сходства с харапской культурой нельзя отметить, за исключением медных наконечников стрел с треугольной выемкой в основании. Однако В. Н. Мисра убедительно доказывает, что эта форма стрел как в Багоре, так и в Харappe имеет независимое происхождение из одного или разных источников, может быть из Северного Ирана и Закавказья.

Разумеется, краткая публикация не позволяет составить полное представление о новом комплексе. Вне всякого сомнения, открытие В. Н. Мисры имеет исключительное значение и позволяет впервые для территории Индии поставить на конкретных материалах вопрос о становлении на северо-западе Индии производящего хозяйства. Все, что нам пока известно о культуре Багор, дает основания сопоставить ее с комплексами круга позднего Джейтуна (поры позднего неолита) или с раннеэнеолитическими памятниками периода Анау IA, когда появляются единичные металлические изделия [1; 6]. Таким образом, примерно в конце IV—III тысячелетия до н. э. в Южном Раджастане совершается переход к производящему хозяйству. Из всего этого вытекает, что в настоящее время существует разрыв между раннеэнеолитическим комплексом Багора и Ахаром, который по археологической классификации следует относить уже к бронзовому веку. Кстати, следует отметить неточность и неопределенность понятия «халколит», которое прилагается индийскими учеными к памятникам типа Багор и поселениям культур Ахар, Навдатоли и др.

До сих пор, однако, памятников, непосредственно предшествующих Ахару, на этой территории не обнаружено. Поселения ахарской культуры возникают на пустом месте, и появление их знаменует качественный скачок в историческом развитии местных племен. Основные новые элементы — земледелие, скотоводство, домостроительство, зна-

ние металлургии и производство высококачественной керамики — появились здесь извне. Индийские археологи справедливо отмечают, что культура Ахар уже в самом начале выступает в зрелых, законченных формах и на всем протяжении своего существования больших изменений в ней не отмечается. Разумеется, Южный Раджастан не был пустым регионом, он был заселен в предшествующий Ахару период, поэтому следует допустить участие местных племен в создании этой культуры.

Если признать правильным положение о более раннем возрасте культуры Ахар и об относительной датировке разных комплексов халколита, то придется тем самым исключить определяющее воздействие на нее со стороны племен Центральной Индии (культуры Навдатоли). Отсутствуют также данные о воздействии более ранней культуры Кайата.

Широкое развитие кремневой индустрии в памятниках Центральной Индии обычно связывают с влиянием неолитических племен Южного Декана. Почти полное отсутствие в Ахаре кремневых орудий является достаточным основанием, чтобы исключить участие этих неолитических племен в формировании культуры. Но зато определенно прослеживается влияние хараппской культуры. Это и естественно, учитывая географическую и вероятную хронологическую близость поселений Раджастана и хараппских поселений Гуджарата. Этот вопрос довольно обстоятельно рассмотрен индийскими исследователями. Сходство проявляется прежде всего в общей планировке поселений — их разделении на две части. Затем надо отметить относительно большие размеры жилищ и использование жженого кирпича в Джилунде. Последнее характерно для хараппской культуры в целом и полностью отсутствует в других комплексах — Навдатоли и Джорве. Выше уже говорилось о большом сходстве керамики, металлических изделий, пряслиц, а также терракотовых фигурок. Количество сходных элементов в культуре Ахар и хараппских поселений Гуджарата значительно больше, и они выступают более отчетливо, чем сходные элементы Навдатоли и Хараппы. Эти факты убедительно свидетельствуют об огромной, если не определяющей, роли более ранней хараппской культуры в сложении культуры Ахар. Однако о полном сходстве этих двух культур говорить не приходится, поскольку каждая из них обладает рядом специфических признаков.

Чужеземное влияние извне, из Западной Азии и Ирана, проявляется, по мнению Х. Д. Санкалия и Д. П. Агравала, в нескольких формах керамики, не свойственных местной культуре. К их числу относятся некоторые формы серой посуды, например вазы на подставке, сходные с сосудами в Тепе-Гиян в Иране; наличие на сосудах Ахара зооморфных ручек, которые были чужды индийской керамической традиции; пряслиц с резным узором, находящих аналогии в материалах Анау и Трои. К этому перечню следует добавить украшение расписных сосудов узором в виде танцующих фигурок человека и пятнистых животных и украшение сосудов инкрустацией пастой. Каждое из этих явлений само по себе малозначимо. К тому же большинство указанных аналогий относится к более древним памятникам. Но только на этом основании нельзя отвергать бесспорного факта сходства, принимая во внимание отсутствие местных прототипов им в хараппской культуре. Совершенно ясно, что приведенных доказательств недостаточно для окончательного решения вопроса о роли внешних влияний. Несмотря на малочисленность чужеземных элементов, все же, учитывая конкретную историческую обстановку эпохи крупных переселений, имеются

некоторые основания признать возможным участие их в сложении культуры Ахар. Всего, таким образом, можно выделить три составных компонента, а именно — харапский, чужеземный и местный. Судить о роли каждого из них в настоящее время мы не имеем достаточных данных.

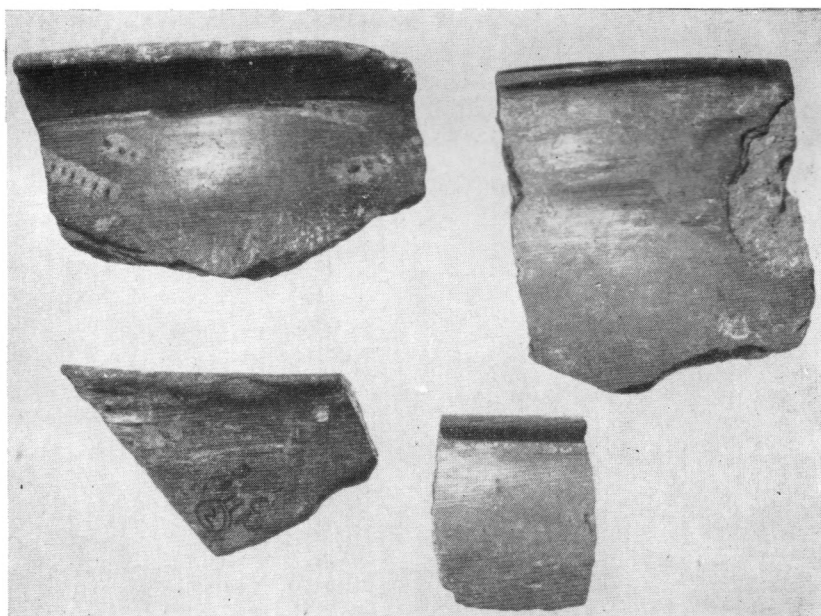
Д. П. Агравал еще в 1966 г. высказал гипотезу о принадлежности культуры Ахар ариям, а затем повторил это в работе 1971 г. Он основывает эту гипотезу на географической, хронологической и культурной близости Ахара харапским поселениям Гуджарата. Анализируя имеющиеся радиоуглеродные датировки, автор устанавливает, что харапские поселения в долине Инда прекращают существование около 2000 г. до н. э. и что как раз в это время расцветают харапские поселения в Гуджарате и появляются поселения ахарской культуры в Раджастхане. Важным доказательством Агравал считает комплекс Десалпура, где слой Ia представляет харапскую культуру, которая сменяется ахарской (слой Ib). Автор подчеркивает резкую смену технологической традиции — исчезновение в Ахаре каменных орудий и распространение металла. Но вместе с тем отмечаются пережитки харапской традиции в керамическом производстве. Поскольку Ахар появляется в период упадка харапской культуры и в нем наряду со сходством с последней имеются и различия, все это может быть объяснено тем, что новая культура была создана арийскими племенами, которые использовали труд харапских ремесленников.

Гипотеза Агравала подвергнута основательному критическому разбору в статье Д. К. Чакрабартти [15]. Автор отмечает, что приводимые аналогии в харапской культуре недостаточны и неубедительны. Так, форма вазы известна уже в дохарапских комплексах, а поэтому ее нельзя рассматривать как типичную для харапской. Харапская посуда, украшенная черным по красному фону, резко отличается от ахарской. То же можно сказать и о полихромной керамике Джилунда. Высказывается сомнение о правомерности сопоставления черно-красной керамики, которая, вероятно, имеет свои особенности в каждой из этих культур. Наличие построек из жженого кирпича в Джилунде еще не доказывает, что именно харапские мастера построили их. Терракотовые фигурки животных из этого поселения отличаются в деталях от харапских. Преждевременно, до проведения раскопок, говорить о харапском влиянии на планировку Джилунда. Чакрабартти не соглашается с трактовкой материалов Десалпура. Он считает возможным рассматривать появление керамики, сходной с ахарской, только как следствие контактов с Ахаром. Сопоставляя обе точки зрения, можно заключить, что Чакрабартти подчеркивает недостаточную убедительность приводимых Агравалом аналогий. При этом сам он не сопоставляет материалы. Как было уже сказано, при сравнительном изучении сходство между харапской и ахарской культурами выступает достаточно определенно. Чакрабартти, по сути дела, упускает из виду важные предпосылки сопоставления этих культур — их хронологическую и географическую близость, которые лежат в основе всех предположений о влиянии харапской культуры на ахарскую. Отсутствие полных аналогий вполне закономерно, поскольку если бы основные элементы харапской культуры повторились в Раджастхане, то в таком случае можно было бы говорить о распространении этой культуры на новую территорию, а не о появлении новой культуры. Роль харапского влияния не может быть исключена.

Д. К. Чакрабартти разбирает аналогии, приводимые в доказательство чужеземного влияния, и приходит к справедливому выводу, что

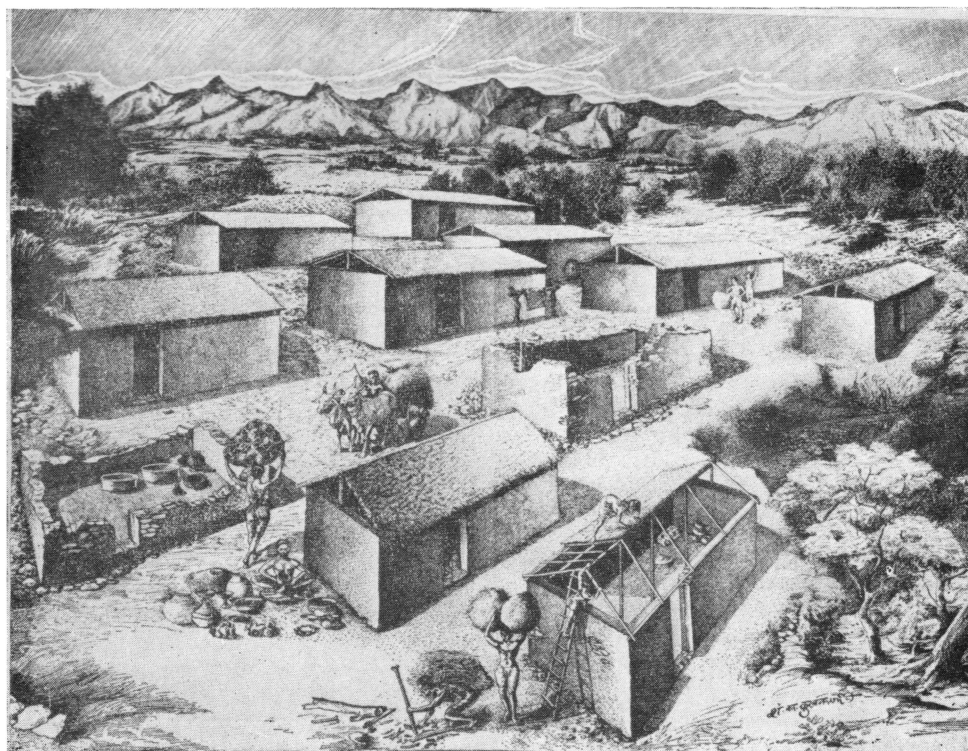
Каменное основание стен дома в Ахаре. Фото автора

Черно-красная керамика Ахара

Р. Ч. Агравал на раскопе в Ахаре в 1967 г. Фото автора

Реконструкция Х. Д. Санкалии древнего поселка Ахар

они недостаточны для утверждения о прямой миграции извне. Общий вывод автора, что гипотеза Д. П. Агравала несостоятельна, что связь ахарской культуры с ариями не доказана и проблема происхождения ее остается открытой. Сам автор склоняется к мысли о необходимости поисков аргументов в пользу автохтонного сложения этой культуры.

С заключением о том, что имеющихся данных для решения этой проблемы явно недостаточно, вполне можно согласиться. Нет пока оснований и принять гипотезу о создании этой культуры ариями, а также гипотезу о связи ее с племенами, упомянутыми в Пуранах. В настоящее время можно только определить общее направление исследования проблемы сложения культуры Ахар. Во-первых, необходимо провести детальное сравнительное изучение материалов Ахара и хараппских поселений для выяснения вопроса о степени влияния последних. Во-вторых, обратить внимание на поиски и исследования памятников предшествующего периода на территории Южного Раджастанана для решения вопроса об автохтонном происхождении ее. И, в-третьих, рассмотреть этот вопрос в связи с общей проблемой сложения халколитической культуры в Индии, включая Центральную Индию и Северный Декан. И в этом случае нельзя обойти вопрос об арийском вторжении. В индийской литературе целый ряд археологических культур связывают с ариями — культуру серой расписной керамики, культуру Навдатоли, культуру медных кладов в долине Ганга, культуру Ахар. Из всего этого вытекает, что невозможно однозначное решение вопроса о связи ариев с конкретными археологическими памятниками.

Если обратиться к культуре Ахар, то следует признать, что в конкретных исторических условиях II тысячелетия до н. э. переход неолитических племен охотников и собирателей Южного Раджастанана к земледельческо-скотоводческому хозяйству, так же как самостоятельное изобретение искусства изготовления глиняной посуды и металлических изделий, был невозможен. Такая трансформация автохтонных племен немыслима, поэтому нам представляется, что Д. П. Агравал находится на более правильном пути, нежели его оппонент Д. К. Чакрабарти.

Все новые элементы производящего хозяйства могли появиться в Раджастанане в готовом виде только под влиянием хараппских племен извне. Напомним, что на севере Раджастанана также было много хараппских поселков, но Ахар в силу географических условий был связан не с этим очагом хараппской культуры, а с поселениями Гуджарата. Поскольку все эти события совпадают во времени с упадком хараппской цивилизации и вторжением извне, то можно допустить участие в этих событиях и племен ариев, появление которых могло послужить толчком для переселений и продвижения групп хараппцев в не обжитые еще области Индии. Все эти предположения, разумеется, ввиду малочисленности конкретных фактов остаются лишь гипотезой, которую в дальнейшем необходимо подтвердить или опровергнуть. Культура Ахар в целом представляет исключительный интерес для понимания дальнейшего исторического развития Индии в послехараппский период.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Бердыев О., Южная Туркмения и Иран в эпоху камня и раннего металла, — «История Иранского государства и культуры», М., 1971.
2. Бонгард-Левин Г. М., Ильин П. Ф., Древняя Индия, М., 1969.

3. Заднепровский Ю. А., Древнеземледельческая культура Ферганы,— «Материалы и исследования по археологии СССР», № 118, Л., 1962.
4. Заднепровский Ю. А., Рец. на книгу А. Я. Щетенко «Древнейшие земледельческие культуры Декана» (Л., 1968),— «Советская археология», 1971, № 1.
5. Княжинская Л. А., От древней Раджпутаны к современному Раджастану, М., 1965.
6. Массон В. М., Поселение Джейтун,— «Материалы и исследования по археологии СССР», № 180, Л., 1971.
7. Массон В. М., Средняя Азия и Древний Восток, М.—Л., 1964.
8. Щетенко А. Я., Древнейшие земледельческие культуры Декана, Л., 1968.
9. Agrawal D. P., C¹⁴ Dates, Banas Culture and the Aryans,— «Current Science», march 5, 1966, vol. 35, № 5.
10. Agrawal D. P., The Copper Bronze Age in India, Delhi, 1971.
11. [Agrawal R. C.], Indian Archaeology. A Review (в дальнейшем IAR), 1954/55, Delhi, 1955, стр. 14—15.
12. [Agrawal R. C.], IAR, 1955/56, 1956, стр. 41.
13. Allchin B. and R., The Birth of Indian Civilisation, Baltimore, 1968.
14. Ansari Z. D. and Dhavalikar M. K., New Light on the Prehistoric Cultures of Central India,— «World Archaeology», 1971, vol. 2, № 3.
15. Chakrabarty D. K., Origin of Ahar Culture,— «Man in India», 1968, vol. 48.
16. Deo S. B., The Potter's Technique in Protohistoric Ahar,— «Bulletin of the Deccan College Research Institute» (в дальнейшем BDCRI), Poona, 1963, vol. 23.
17. Hedge K., Technical Studies in Copper Artifacts Excavated from Ahar,— H. D. Sankalia, S. B. Deo, Z. D. Ansari, The Excavations at Ahar, 1968.
18. Joshi T. P., Comparative Stratigraphy of the Protohistoric Cultures of Indo-Pakistan Subcontinent,— «Eastern Anthropologist», 1962, vol. XV, № 3.
19. Lal B. B., A Picture Emerges: an Assessment of the Carbon 14 Datings of the Protohistoric Cultures of the Indo-Pakistan Subcontinent,— «Ancient India. Bulletin of the Archaeological Survey of India» (в дальнейшем AI), vol. 18—19, 1963.
20. [Lal B. B.], IAR, 1959—60, Delhi, 1960, стр. 41—45.
21. Lal B. B., Scientific Examination of Metal Objects from Rangpur,— AI, vol. 18—19, 1963.
22. Mackay E., Chandhu-Daro Excavations, 1935—1936, New Haven (Conn.), 1943.
23. Misra V. N., Evidence for a Chalcolithic Culture in South Rajasthan,— «Indian Antiquary», 1970, vol. IV (Studies in Indian Archaeology, Professor Sankalia Felicitation Volume).
24. [Misra V. N.], IAR, 1962—63.
25. Misra V. N., Pre- and Protohistory of the Berach Basin, South Rajasthan, Poona, 1967 («Deccan College Building Centenary and Silver Jubilee Series», в дальнейшем DCBCS, № 41).
26. Misra V. N., Prehistory and Protohistory. Review of Indological Research in Last 75 Years, Poona, 1967.
27. Mittre V., Plant Economy in Ancient Navdatoli Maheshwar. Technical Reports on Archaeological Remains, Poona, 1962.
28. Mujumdar G. G. and Rajguru S. N., Early Mining and Metallurgy in Rajasthan, pt I. Copper around Udaipur,— BDCRI, 1963, vol. 23.
29. [Puri K. N.], IAR, 1956—57, Delhi, 1957, стр. 8.
30. Rao S. R., Excavation at Rangpur and Other Explorations in Gujarat,— AI, vol. 18—19, 1963.
31. [Sankalia H. D.], IAR, 1961—62, 1964, стр. 45—50.
32. Sankalia H. D., Prehistory and Protohistory in India and Pakistan, Bombay, 1963.
33. Sankalia H. D., Deo S. B., Ansari Z. D., Excavations at Ahar (Tambavati), Poona, 1969 (DCBCS, № 45).
34. Subbarao B., The Personality of India. Pre- and Protohistory Foundation of India and Pakistan, Baroda. 1958.
35. Thapar B. K., Prakash 1955: a Chalcolithic Site in the Tapti Valley,— AI, vol. 20—21, 1967.
36. Thapar B. K., Relationship of the Indian Chalcolithic Cultures with West Asia, Poona, 1965 (India Prehistory, 1964).
37. [Trivedi H. V., Wakankar V. S.], IAR, 1959—60, 1960, стр. 22—25.

П. Ф. Беликов

НИКОЛАЙ РЕРИХ И ИНДИЯ

Разносторонняя деятельность Николая Константиновича Рериха (1874—1947) давно уже является темой многих исследований. И какую бы сторону мы ни взяли — Рерих-художник, Рерих-мыслитель, ученый, писатель, педагог, путешественник, общественный деятель и борец за мир,—каждую из них пронизывает «сквозная» тема — Рерих и Индия. Эта страна с ее древнейшей культурой рано привлекла к себе внимание Николая Константиновича. Он писал: «От самого детства наметилась связь с Индией. Наше имение „Извара“ было признано Тагором как слово санскритское. По соседству от нас во времена Екатерининские жил какой-то индусский раджа, и до последнего времени оставались следы могульского парка. Была у нас старая картина, изображавшая какую-то величественную гору и всегда особенно привлекавшая мое внимание. Только впоследствии из книги Брайн-Ходсона я узнал, что это была знаменитая Канченджунга. Дядя Елены Ивановны¹ в середине прошлого столетия отправился в Индию, затем он появился в прекрасном раджпутанском костюме на придворном балу в Питере и опять уехал в Индию. С тех пор о нем не слыхали. Уже с 1905 года многие картины и очерки были посвящены Индии» [12, очерк «Индия»].

В доме отца художника, петербургского нотариуса Константина Федоровича Рериха, часто бывали востоковеды А. Позднеев и К. Голстунский, историк Н. Костомаров. Вспоминая юные годы, художник отмечал в «Листах дневника» [подробнее см.: 1, 265]: «К сердцу Азии потянуло давно, можно сказать с самых ранних лет. Имена Пржевальского, Потанина уже давно стали несказанными магнитами. Весь эпос монгольский, уже не говоря о сокровищах Индии, всегда привлекал [...] В семье нашей сама судьба складывала особые сношения с Азией. Постоянно появлялись друзья, которые или служили в Азии или вообще изучали ее. Профессора Восточного факультета бывали у нас. Из Сибири приезжали Томские профессора и все толковали об Азийских глубинах и усиленно звали не терять времени и так или иначе приобщиться к Азийским просторам. Каждая памятка из Азии была чем-то особенно душевным от ранних лет и на всю жизнь» [12, очерк «Азия»].

В гимназические годы, под влиянием археолога Л. Ивановского, проводившего раскопки в окрестностях «Извары» (под Гатчиной), Рерих серьезно увлекся археологией. В бытность студентом по реко-

¹ Елена Ивановна — жена Н. К. Рериха, урожденная Шапошникова (1879—1955).

мендации А. Спицина и С. Платонова он был избран членом Русского археологического общества. Кроме славянского отдела Николай Константинович регулярно посещал заседания восточного отдела, возглавляемого индологом В. Р. Розеном. Среди студенческих дневников Рериха мы находим выписки из книги Е. П. Блаватской (Радда-Бай) «Из пещер и дебрей Индостана» [17, 34].

Упомянув основательницу Теософского общества Е. П. Блаватскую, к деятельности которой в Индии Николай Константинович, как и многие прогрессивные люди этой страны, относился с уважением, нужно сразу же заметить, что его интерес к Востоку зародился отнюдь не под воздействием того нездорового увлечения «спиритизмом», которое бытовало среди некоторых кругов русской интеллигенции в конце XIX и начале XX в. Так, находясь в 1900 г. в Париже, Николай Константинович писал Елене Ивановне, тогда еще его невесте, что знакомые завлекли его на сеанс «столоверчения», в которое он не верил и не верит [17, 280]. Много позже Рерих имел переписку с некоторыми руководителями Теософского центра в Адьяре (Мадрас), но ни он, ни члены его семьи никакого участия в теософском движении не принимали. Что же касается «мистических струн души Рериха», то сам художник отзывался о них так: «В разных странах пишут о моем мистицизме. Толкуют вкривь и вкось, а я вообще толком не знаю, о чем это люди так стараются. Много раз мне приходилось говорить, что я вообще опасаясь этого неопределенного слова мистицизм. Уж очень оно напоминает мне английское слово мист, то есть туман. Все туманное и расплывчатое не отвечает моей природе. Хочется определенности и света. Если мистицизм в людском понимании означает искание истины и постоянное познание, то я бы ничего не имел против такого определения. Но мне кажется, что люди в этом случае понимают вовсе не реальное познание, а что-то другое, чего они и сами сказать не умеют. А всякая неопределенность — вредоносна» [12, очерк «Мистицизм»].

Вокруг вопроса об отношении Рериха к так называемому оккультизму было много разговоров, поэтому необходимо с самого начала уделить ему несколько слов. Вопрос этот умышленно раздувался с двух противоборствующих сторон — из лагеря ортодоксальных церковников и со стороны самих апологетов оккультизма. Первые усердствовали, изобличая Рериха в отступничестве от отечественного благочестия, а вторые — в стремлении использовать авторитет художника в своих целях. В действительности Николай Константинович никогда не связывал своего философского мировоззрения или своей деятельности с какими-либо оккультными или религиозными учениями и институтами, хотя ему и приходилось часто иметь с ними дело. В своих философских исканиях Рерих неизменно стремился к первоисточникам, и вначале сближение художника с индийской философской мыслью шло в направлении изучения оригинальных трудов индийских мыслителей. По словам самого Николая Константиновича, к духовной жизни Индии его приобщали Рамакришна, Вивекананда, Упанишады, «Бхагаватгита» и произведения Тагора.

В творчестве самого Рериха индийская тематика появилась с 1905 г., причем в характерном чередовании: сказка «Девассари Абунту» написана Рерихом в 1905 г., картины «Девассари Абунту» и «Девассари Абунту с птицами» — в 1906 г., сказка «Границы царства» — в 1910 г., картины «Граница царства» и «Мудрость Ману» — в 1916 г. Живописную сюиту «Сны Востока», начатую в 1920 г. в Лондоне, предваряли «Индийский путь» (1913), «Гаятри» (1916) и неко-

торые стихотворения, навеянные поэзией Тагора. Похоже, что Рерих-художник при отсутствии визуальной природы создавал предварительно литературные художественные образы, которые позже воплощались в его живописи.

Индия сразу же вошла в творчество Николая Константиновича темой больших философских обобщений, оказавших заметное влияние на трактовку многих сюжетов художника, в частности религиозных. Как на пример можно указать на роспись «Царица Небесная» в абсиде церкви во Фленове [подробнее см.: 5, 50] (первые эскизы относятся к 1909 г., закончена в 1914 г.). С одной стороны, эта роспись представляет собой замечательный образец возрождения подлинно национальной, древнерусской монументальной иконописи, а с другой — она противоречит ее догматическим нормам. И эта другая сторона — философская трактовка образа богоматери, которая выступает у Рериха не смиренной родительницей божественного младенца, а творящим началом мироздания, своего рода Праkritи индийской философии, отождествляемой часто с женским началом и материальной структурой мироздания. Не случайно духовенство возражало против размещения «Царицы Небесной» в алтаре храма [12, очерк «Памятка»].

Вспоминая работу над этой росписью, художник писал: «Хорошее было время, когда строился храм Святого Духа и заканчивались картины „Человечьи Праотцы“, „Древо Преблагое врагам озлобление“ и эскизы „Царицы Небесной“. Холмы смоленские, белые березы, золотые кувшинки, белые лотосы, подобно чашам жизни Индии, напоминали нам о вечном пастухе Леле и Купаве или, как сказал бы индус, о Кришне и Гопи» [9, 161].

В 1924 г. Рерихом была создана картина «Матерь Мира». Ее центральная фигура композиционно повторяет «Царицу Небесную», но, лишенная признаков национальной русской иконописи, она уже полностью символизирует индийские космогонические идеи и ту Радж-Раджесвари, которая воспевается в гимнах [21, 242]:

Если я прав, Матерь, Ты все:
Кольцо и путь, тьма и свет, и пустота,
Голод и печаль, и бедность и боль.
От зари до тьмы, от ночи до утра, и жизнь и смерть,
Если смерть бызает.— все есть Ты...

Показательно, что, говоря о своей «Царице Небесной», художник иногда даже называл ее «Матерью Мира». Например, в одной из книг он писал: «В последнее время ее (М. К. Тенишевой.— П. Б.) жизни в Талашкино внутренняя мысль увлекла ее к созданию храма. Мы решили назвать этот храм Храмом Духа. Причем центральное место в нем должно было занять изображение Матери Мира» [9, 223].

Уже ранние литературные произведения Рериха — «Девассари Абултуни» и «Лакшми Победительница» — свидетельствуют не только об увлечении индийской мифологией, но и о сильном воздействии восточного философского мировосприятия на мировоззрение художника. Отражение этих позиций в живописи первого творческого периода Рериха мало затрагивалось в нашем искусствоведении, между тем под покровом подлинно национального изобразительного языка искусства Рериха зачастую скрывается индийская философская интерпретация религиозных художественных образов, на что в свое время уже намекали некоторые критики. Так, Сергей Маковский писал: «Останавливаться на иконописи Рериха я не буду. Отдавая должное его археологическим познаниям, декоративному вкусу и „национальному“ чутью,— все это

бесспорно есть и в иконах,— я не нахожу в нем призвания религиозного живописца. Рерих — все, что угодно: фантаст, прозорливец, кудесник, шаман, йог, но не смиренный слуга православия» [8, 129].

Научные интересы и философская направленность художественного творчества Николая Константиновича не могли долго удовлетворяться исключительно книжными сведениями о притягательной для него стране. «Живет в Индии красота. Заманчив великий Индийский путь»,— замечает Рерих в своем очерке «Индийский путь» [20, 260]. Очерк был написан под впечатлением встреч художника с востоковедом В. В. Голубевым [подробно см.: 26, 214] в Париже весной 1913 г., после поездки последнего в Индию. Похоже, что Николай Константинович обсуждал с Голубевым планы будущих научно-художественных экспедиций и свое участие в них. «Жаль, если французы с их верным чутьем скорее поймут значение работы Голубева. Желаю нашей академии наук вовремя еще серьезнее обратить внимание на эти работы»,— писал художник [20, 260].

К этому же времени относятся и попытки Николая Константиновича организовать в Петербурге музей индийского искусства.

Первая мировая война помешала Рериху реализовать планы посещения Индии. В 1916 г., после перенесенного воспаления легких, здоровье Николая Константиновича сильно пошатнулось, и по предписанию врачей в конце этого года он переселился на жительство в Карелию, где и застала его Октябрьская революция.

Уединенная жизнь на берегу Ладожского озера под Сердоболем (Сортавала) способствовала углубленным философским размышлениям, которые нашли выход в стихотворных произведениях этих лет и в аллегорической повести художника «Пламя» (черновики повести относятся к 1917 г., окончательная редакция опубликованного варианта [18, 32] — к сентябрю 1918 г.).

По дневниковым записям и литературным произведениям Рериха можно заключить, что годы его жизни в Карелии были насыщены мыслями об Индии и подготовка к встрече с нею не прекращалась. Цитаты и ссылки на индийских философов и писателей заметно участились к концу войны, когда у Рериха опять появилась надежда попасть в Индию. К этому времени художника особенно сильно стали манить дальние пути.

Сборник стихотворений Рериха «Цветы Мории» [23] в основном составлен из произведений 1916—1918 гг., написанных в Сортавале. В них особенно бросается в глаза близость к поэзии Рабиндраната Тагора. А. Рылов сетовал на «архаику и трудно усваиваемую мистику» стихов Рериха [28, 149]. Между тем достаточно сопоставить стихотворения Тагора и Рериха, чтобы убедиться в сходстве их философского мировосприятия, которое может служить ключом к разгадке их поэтического самовыражения. Так, у Тагора в «Гитанджали» (1913):

О владыка моей жизни, должен ли я изо дня в день стоять перед лицом твоим?

Сложив руки, о владыка миров, должен ли я стоять перед лицом твоим?

Под твоим великим небом, в молчании уединения, со смиренным сердцем, должен ли я стоять перед лицом твоим?

В твоём трудовом мире, погруженном в борьбу и работу, среди суетливой толпы, должен ли я стоять перед лицом твоим?

И когда мой труд в этом мире кончен, о царь царей, должен ли я стоять одиноко и смиренно перед лицом твоим? [29, 326].

У Рериха в стихотворении «Благословенному» [23, 51]:

Как увидим Твой Лик?
Всепроникающий Лик,
глубже чувств и ума.
Неощутимый, неслышный,
незримый. Призываю:
сердце, мудрость и труд.
Кто узнал то, что не знает
ни формы, ни звука, ни вкуса,
не имеет конца и начала?
В темноте, когда остановится
все, жажда пустыни и соль
океана, буду ждать сиянье
Твое. Перед Ликом Твоим
не сияет солнце. Не сияет
луна. Ни звезды, ни пламя,
ни молнии. Не сияет радуга,
че играет сияние севера.
Там сияет Твой Лик.
Все сияет светом его.
В темноте сверкают
крупички Твоего сиянья,
и в моих закрытых глазах
брезжит чудесный Твой свет.

В этом стихотворении Рерих передает чувство, испытываемое человеком перед величием космической беспредельности, именно через призму индийской философской мысли, а поэтическая форма, образы и даже терминология предельно близки к тагоровским. Стихотворение написано в 1918 г. Примерно к этому времени относятся и некоторые вольные переводы Рериха из Тагора.

Цитаты из «Бхагаватгиты» мы находим в литературной аллегории «Пламя», а в неопубликованных фрагментах этой автобиографической повести имеются такие строки: «Делаю земной поклон учителям Индии. Они внесли в хаос нашей жизни истинное творчество и радость духа и типично рождающую. Во время крайней нужды они подали нам зов. Спокойный, убедительный, мудрый знанием. Культ истинного знания ляжет в основу ближайшей жизни, когда растает в пространстве все зло, рожденное человекоубийством и грабежом последних лет» [2, 259].

Это писалось в конце 1917 г. и поясняет поведение художника в последующие шесть лет зарубежной жизни. Все его действия, подтвержденные архивными документами, неоспоримо свидетельствуют о том, что для Рериха главной целью этих лет неизменно оставалась Индия, прямой путь куда через территорию Советской России оказался на многие годы закрытым.

Николай Константинович выехал с семьей из Финляндии в марте 1919 г. Его персональные выставки с большим успехом прошли в некоторых городах Европы, где у него было достаточно возможностей хорошо обосноваться. Рериха знали за границей еще по его довоенным поездкам, выставкам и совместной с С. П. Дягилевым работе в театре. Поэтому первые же известия о появлении Николая Константиновича в Западной Европе вызвали интерес в различных художественных кругах, в том числе и среди эмигрировавших из России художников. Любопытное письмо, датированное 19 июля 1920 г., послал Рериху из Парижа в Лондон С. Судейкин: «Здравствуйте, дорогой друг Николай Константинович! Здесь мы живем дружно, и есть проекты воскресить выставку „Мир искусства“. Григорьев в Берлине, здесь: Яковлев, Сорин, Реми, Гончарова, Ларионов, Стеллецкий — в Каннах. Только не хватает нашего председателя, который предпочитает холодного Альбиона Парижу, городу вечной живописи. С каким восторгом говорил

недавно о Вас Ф. Журден, председатель Осеннего Салона, вспоминая „Половецкие пляски“ и „Священную Весну“. Я думаю, Николай Константинович, что если Вы тронули глаза и сердца рыбободобных „бритов“, то здесь Ваше имя имело бы еще более горячих поклонников и друзей. Приходите и правьте нами. Судейкин» [12, очерк «Старые письма»].

В Лондоне Рерих обрел много сторонников, среди них известного писателя Герберта Уэллса, деятелей искусства и культуры Т. Бичама, Х. Райта, Ф. Бренгвина, С. Хора. Доктор Янг предлагал Николаю Константиновичу остаться в Лондоне на постоянную работу [9, 25]. Художник имел предложения переехать в Германию. Однако все это не устраивало Рериха. Зато на него произвела большое впечатление личная встреча с Рабиндранатом Тагором: «Мечталось увидеть Тагора, и вот поэт самолично в моей мастерской на Квинсгэттерасс в Лондоне в 1920 году. Тагор услышал о русских картинах и захотел встретиться. А в это самое время писалась индусская серия панно „Сны Востока“. Помню удивление поэта при таком совпадении. Помню, как прекрасно вошел он, и духовный облик его заставил затрепетать наши сердца» [22, 231].

Уже в 1920 г., т. е. за три года до приезда Рериха в Индию, в журнале «Модерн Ревью» (Калькутта) были опубликованы стихи художника, а в декабре 1921 г. там же появилась статья Дж. Финджера «Николай Рерих». В январском номере 1921 г. журнала «Артс» (Нью-Йорк) поместили статью Р. Тагора о русском художнике. Это была одна из первых публикаций о Рерихе в США [31].

В дальнейшем между Рерихом и Тагором постоянно поддерживались письменные контакты, они ставили друг друга в известность о своей деятельности и объединяли усилия на культурно-просветительном поприще и в борьбе за мир.

В 1920 г. в Лондоне Николай Константинович познакомился с Владимиром Анатолиевичем Шibaевым, впоследствии переехавшим в Ригу, а в 30-х годах в Индию, где он в течение десяти лет состоял секретарем Рериха. Шibaев переписывался с Анни Безант, руководительницей теософского движения в Индии, и такая связь с Индией, видимо, заинтересовала и Рериха. В 1920—1925 гг. между Рерихом и Шibaевым велась интенсивная переписка, сохранившая ценнейшие сведения об этом мало освещенном у нас периоде жизни Николая Константиновича.

Выезжая из Финляндии в Англию, Рерих не имел намерения посетить Америку. Поскольку он не пытался обосноваться и в Европе, следует предположить, что художник надеялся непосредственно из Англии попасть в Индию. Однако восторженное отношение англичан к искусству русского художника не распространялось на его планы заняться изучением «жемчужины английской короны». Интерес Рериха к Индии вызвал встречный интерес к нему тех должностных лиц империи, которые отвечали за ее колонии и с великой подозрительностью относились ко всему русскому, а слово «советский» признавали лишь в сочетании с негативными высказываниями. Но последних из уст Рериха никто не слышал, что и насторожило английскую разведку. Трагические последствия ее опеки Рерих испытал на себе позже, но уже в 1920 г. он натолкнулся на барьер, воздвигнутый англичанами между ним и желанной для него Индией. Попытки выехать туда из Лондона провалились, а они заходили весьма далеко. В 1940 г. в своих воспоминаниях Николай Константинович писал: «Еще одно двадцатилетие — первом пароходному билету на Индию. В музее Тривандрума откры-

вают особую нашу комнату. Они не знают, что это совпадает с памятным для нас сроком» [12, очерк «Со-роковой год»].

Пароходный билет остался неиспользованным, а само намерение Рериха попасть еще в 1920 г. из Англии прямо в Индию — малоизвестным для его биографов. Очень возможно, что Николай Константинович предпочитал не предавать этот эпизод широкой гласности, чтобы не осложнять отношений с английскими властями.

Приняв в конце 1920 г. предложение устроить выставку картин в США, Рерих не отодвинул на задний план сборы в Индию. Похоже, что какое-то время Николай Константинович возлагал большие надежды пробиться в Индию с помощью теософской организации. Художник действовал через В. Шибалева. Так, в письме от 25 сентября 1921 г. (из Америки) Рерих сообщал ему, что через год он сможет воспользоваться приглашением Вадья² посетить Адыар [16]. Больше того, Николай Константинович просил узнать об условиях жизни в Адыаре для приезжих и выразил намерение заняться там созданием фресок.

Однако через некоторое время в письмах Рериха начинает проскальзывать разочарование деятельностью Теософского общества, ему претят интриги между его руководителями и безграмотность «окультурной» литературы. В 1922 г. Рериха приглашает в Адыар один из оппозиционно настроенных руководителей движения, впоследствии порвавший с теософами, индийский философ и писатель Д. Кришнамурти [16, письмо от 30 апреля 1922 г.]. Но Николай Константинович уже решил не связывать свою деятельность с теософами, и этот канал сношений с Индией постепенно сходит на нет.

Между тем подготовка к переезду в Азию не ослабевает, она ведется планомерно и в разных направлениях. Весьма характерно письмо Николая Константиновича от 7 августа 1922 г.: «Если Вы потерпели разочарование в Каменской³, то я потерпел то же в Безант. Это печально, но это так. Но, конечно, наша работа на Россию и потому мы уже знаем, что „новые, новые, новые соберутся“. И потому каждый новый наполняет сердце радостью. Сейчас к нам подошли трое новых. Молодые ищущие души! Приятно, что всегда, когда нужно, кто-то приходит. Так и теперь, в этих новых мы видим наследников в Америке. Ведь здесь нам осталось 11 месяцев» [16].

Среди документов этих лет сохранилась запись Рериха о востоковедческой работе в Российской академии наук в 1917—1920 гг. В списке перечислены издания серий «Bibliotheca Buddhica» и «Памятники индийской философии», упомянуты сочинения П. Козлова и Г. Цыбикова, перечислены лекции С. Ольденбурга, Ф. Щербатского, Ф. Розенберга, Б. Владимирцова, читанные ими на буддийской выставке в августе 1919 г. в Петрограде [10]. Николай Константинович внимательно следил за всем, что делалось в области востоковедения у него на родине.

Особенно следует указать на основательную и разностороннюю востоковедческую подготовку старшего сына Рериха — Юрия Николаевича. Она началась еще с гимназических лет в Петербурге у Б. Тураева и А. Руднева. С приездом Рерихов в Лондон Юрий Николаевич сразу же поступил на индо-иранское отделение Школы восточных языков при Лондонском университете, где начал изучать санскрит, затем продолжил свои занятия по восточным языкам в Гарвардском университете в США и Школе восточных языков в Париже. В 1923 г. Парижский уни-

² А. Вадья — один из руководителей теософского центра в Адыаре.

³ А. А. Каменская — одна из руководительниц русского теософского центра в Женеве.

верситет присвоил Юрию Николаевичу степень магистра индийской филологии [подробнее см.: 7, 213].

Серьезная востоковедческая подготовка старшего сына, начатая немедленно после отъезда из Финляндии, занимала большое место в планах Николая Константиновича по организации азиатских научно-художественных экспедиций, и, возможно, она на какое-то время задержала отъезд Рерихов в Индию.

Душевные переживания художника в ожидании предстоящего путешествия нашли отражение в стихотворении «Ловцу, входящему в лес», которое было написано в апреле 1921 г., через какие-нибудь полгода после приезда в Америку. Как бы прозревая будущее, Рерих писал [23, 116]:

И ты и добыча будут на высотах.
И ни ты, ни добыча
не пожелае спуститься
в лощину...

В мае 1923 г. Николай Константинович выехал из Нью-Йорка в Европу и 17 ноября этого же года отплыл с семьей из Марселя на пароходе «Македония» в Индию. 24 ноября из Адена художник пишет с борта корабля письмо Шибаеву. В письме сквозят тревожные ноты. Николай Константинович просит Шибаева, через которого поддерживалась переписка с СССР, быть сугубо осторожным и не употреблять в письмах в Индию слова «Россия», заменяя его буквой «А». Важнейшие же события Николай Константинович рекомендует излагать под видом готовящегося к публикации рассказа [16].

Развитая Рерихом в США широкая международная культурная деятельность не спасла его от подозрений со стороны английских властей, и они решили учредить за ним слежку, признаки которой Николай Константинович обнаружил уже на корабле. Поводом для подозрений были патриотизм Рериха, его просоветские высказывания и переписка с Советским Союзом.

30 ноября 1923 г. Рерихи высадились в Бомбее. Отсюда они предприняли осмотр известных художественных и исторических достопримечательностей. Начали с памятников скульптуры эпохи Гупта на острове Элефанта, затем посетили Джайпур, Дели, Агру, Сарнатх с его древнейшими буддийскими памятниками, Бенарес, Калькутту, а оттуда направились в Дарджилинг. В конце декабря Рерихи поселились в Сиккиме, на южном склоне восточных Гималаев. Спешка, с которой Николай Константинович проложил свои первые маршруты по Индии, показывала, что его интересы сосредоточивались не в ее долинах и крупных населенных центрах, а в северных, пограничных с Тибетом, горных районах. Об этом говорят и путевые заметки художника: «Сарнат и Гайя — места личных подвигов Будды — лежат в развалинах. Являются лишь местом паломничества [...]. Известны места подвигов Будды на Ганге. Известны места рождения и смерти учителя в Непале. По некоторым указаниям посвящение совершилось еще севернее — за Гималаями [...]. Легендарная гора Меру по Махабхарате и такая же легендарная высота Шамбала в буддийских учениях — обе лежали на север» [18, 98].

Приезд Рерихов в Сикким совпал с необычным волнением в буддийском мире. Таши лама, оппозиционно настроенный к Лхассе, открыто порвал с нею, покинул Тибет и скрылся в Китай. Ходили слухи, что сам лама или его посланники побывали в Сиккиме, поэтому на его дорогах наблюдалось усиленное движение. Николай Константинович

встречался с некоторыми сторонниками Таши ламы, а позже обменивался с ним письмами. Это указывает на отрицательное отношение Рериха к официальной буддийской верхушке в Лхассе, возглавляемой Далай ламой, что полностью подтверждается и статьей художника «Буддизм в Тибете» [36].

Таким образом, Николай Константинович, сразу же по прибытии в Азию, оказался в курсе интересовавших его событий буддийского мира. И это, конечно, не случайно, как не случаен и выбор стремительно пройденного маршрута от Бомбея через Калькутту в Сикким, причем без заезда в Адыяр, куда художника приглашали.

Мы не можем подробно останавливаться на вопросе влияния буддизма на философское мировоззрение Рериха. Это — большая и сложная тема специального исследования. Нет особой надобности останавливаться и на вопросе о «переходе Рериха из христианства в буддизм». Для него самого такого вопроса не существовало. Широкая философская мысль Рериха была абсолютно свободна от догм и канонов каких бы то ни было религиозных институтов. Но буддизм кроме своей философии привлекал внимание художника еще и как весьма активно в его время функционировавший канал связи между странами Центральной Азии и Советской Сибирью.

Интерпретируя по-своему некоторые положения буддизма (детерминизм, диалектику, пространственно-временную относительность, учение об *общине*), Рерих искал в них точки соприкосновения с современной наукой и с современным революционным преобразованием общественной жизни. В очерке «Струны земли» имеется запись: «Буддизм есть самая научная религия», — говорит индусский биолог Боше. Радостно видеть, как этот истинный ученый, нашедший путь к тайнам жизни растений, говорит о Веданте, Махабхарате, о поэзии легенд Гималаев. Только настоящее знание может *найти* всему сущему достойное место. И *под* голос ученого, простой и понятный, серебристые звоны электрических аппаратов отбивают пульс жизни растений, открывая давно запечатанную страницу познания мира» [18, 98].

Однако главное, что привлекало внимание Николая Константиновича к буддизму, это — его отрицательное отношение к кастовым и классовым прерогативам, порицание *частнособственнической* психологии и учение об *общинных* принципах жизнеустройства. Гуманизм, обостренное чувство справедливости не могли примирить Рериха с буржуазной идеологией, между тем привитые с детских лет корни идеалистического мировосприятия мешали ему безоговорочно стать на материалистические философские позиции. Приняв Октябрьскую революцию как неизбежный этап закономерного развития человеческого общества, как крушение старого и рождение нового мира, Рерих подходил к пониманию последнего своим, круглым путем. Однако, по его глубокому убеждению, именно этим путем шли и *должны* были достигнуть Нового Мира народы Азии. Их освобождение от империалистического ига художник дальновидно связывал с *революционными* событиями на своей родине, но их духовное сближение с народами Советского Союза он хотел видеть во взаимопроникновении идей коммунизма и древнего общинного учения Будды.

Разумеется, Индия влекла к себе Рериха не только как колыбель буддизма. Многосторонние научные и художественные интересы Николая Константиновича, тесно переплетаясь с философскими исканиями, играли в этом влечении не меньшую роль. Заветной мечтой многих русских востоковедов и путешественников, в их числе Пржевальского и Козлова, было наиболее глубокое проникновение в Центральную Азию

и даже пересечение ее. Некоторые районы Тибета и Трансгималаев долгое время оставались «терра инкогнита» для западной науки. Занятия археологией и историей национальных культур смолоду привили Рериху охоту к путешествиям, а миграция народов Азии на запад и влияние их культур на славянские племена были давним предметом исследований Николая Константиновича. И это сказывалось на тяготеции художника именно к Северной Индии, в частности к Сиккиму, откуда через горный перевал Джелап-Ла пролегали древнейшие пути на Шигацзе, Лхассу и далее через Монголию в Сибирь.

Из Дарджилинга Николай Константинович организовал две научные экспедиции по Сиккиму и Бутану. В его книге «Алтай—Гималаи» [35] Сиккиму посвящена специальная глава, а отдельные выдержки из путевых заметок («Мысли в Сиккиме») вошли в книгу «Пути благословения» [18]. Анализ некоторых находок экспедиций был сделан также Ю. Н. Рерихом в книге «Тибетская живопись».

В первых азиатских экспедициях Рерих проявил особый интерес к сбору древнейших буддийских письменных источников и предметов искусства. В то же время, судя по отдельным заметкам («Мысли в Сиккиме»), Николай Константинович тщательно изучал также современное политическое положение в странах, находившихся между Индией и Советским Союзом, и ту несомненно большую роль, которую играло буддийское духовенство в политической и общественной жизни их народов.

Пробыв в Индии около десяти месяцев, из которых девять пришлось на Сикким, Николай Константинович внезапно выехал в Европу и США. Такая поездка на первый взгляд кажется трудно объяснимой. Мечтать об Индии и стремиться туда в течение многих лет с тем, чтобы после посещения нескольких ее городов и кратковременного пребывания в отдаленном, малохарактерном для страны районе так скоро покинуть ее пределы! Может быть, этого требовали спешные дела на Западе или обстоятельства, связанные с продолжением научно-исследовательской работы в самой Индии? Нет, нисколько. Просто пребывание в Индии не исчерпывало далеко идущих планов Рериха, хотя эта страна и входила в них непременно компонентом.

Проблема культурных связей между народами Востока и Россией, захватившая Николая Константиновича еще в самом начале его научной и художественной деятельности, расширяясь с годами, в конце концов вышла за рамки чисто исторических интересов. Настоящее и будущее культурного сотрудничества народов стало для Рериха существеннее прошлого, а это усложняло всю проблему, поставив художника перед необходимостью приравливать каждое свое действие к современной ему политической обстановке.

Правда, свое отношение к ней Рерих не замедлил высказать сразу же, как только оказался за рубежом. Он решительно отказался оформиться для себя и своей семьи так называемые нансеновские паспорта — единственный в то время официальный «вид на жительство» русских эмигрантов — и не пожелал также ассимилироваться в какой-либо чужой стране. Следовательно, Рерих не переставал считать себя подданным той реально существующей России, которая из царской превратилась в Советскую. Казалось бы, в таком случае проще всего было оформить свою принадлежность к ней советским паспортом. Но именно это лишило бы Николая Константиновича возможности находиться в Индии. А чтобы следовать своим убеждениям, выполнять свой научный долг, как его понимал Рерих, ему были одинаково нужны и Россия и Индия.

Чтобы лучше понять Николая Константиновича, можно обратиться к другому гуманисту нашего века, испытавшему на себе так же, как и Рерих, сильнейшее влияние индийского мировосприятия. Мы имеем в виду Романа Роллана, писавшего: «Я ни на миг не покидал и ни в чем не отодвигал на второй план дело Русской революции и то титаническое строительство нового мира, которое она осуществляла в борьбе. Я ставил перед собой парадоксальную задачу: объединить огонь и воду, примирить мысль Индии и мысль Москвы [...]. Я рассматриваю самые мощные социальные и религиозные доктрины не как догмы, а как жизнеспособные гипотезы, указывающие путь человечеству,— вот почему доктрина СССР и доктрина гандистской Индии представлялись мне (а Ганди это и сам признает относительно своей доктрины) двумя опытами, двумя самыми спасительными опытами, единственно спасительными, могущими предотвратить катастрофу, нависшую сейчас над человечеством» [27, 47].

Историческое чутье безошибочно указывало Рериху, где началось строительство нового мира и где гнетущий большинство человечества колониализм потерпит первое серьезное поражение. Кровная принадлежность к России, более сильное, чем у Романа Роллана, увлечение Востоком и, несомненно, более активная натура толкали Рериха на практические дела по слиянию двух главнейших исторических течений нашей эпохи — революционных преобразований в России и освободительной борьбы народов Азии. Сфера деятельности Николая Константиновича была ограничена областями науки, искусства и культурного строительства, но он отлично понимал несостоятельность беспечной игры в жмурки на политической арене мира. Все действия и высказывания Рериха отличались железной последовательностью, которая не позволяла сомневаться в том, на чьей именно стороне его политические симпатии.

Выехав в сентябре 1924 г. из Индии, Николай Константинович посетил Францию и США. На обратном пути он заехал в Берлин, Каир и Коломбо (Цейлон). По дороге с Цейлона в Сикким Рерих побывал в Мадрасе, где впервые встретился с руководителями теософского движения, однако никаких попыток сближения с ними не последовало. Показав свою незаинтересованность в «работе на Россию», теософы автоматически выпали из планов Рериха. А конкретно эти планы заключались в следующем: организовать из Индии научно-художественную экспедицию в Центральную Азию, дойти до границ Советского Союза, побывать на родине, наладить в Москве связи для будущего сотрудничества и только после этого вернуться в Индию, чтобы по-настоящему приступить к той исследовательской работе, ради которой он так упорно стремился в эту страну. Индия, полностью изолированная от «Нового Мира», т. е. от Советского Союза, никак Рериха не устраивала. Это была для него Индия прошлого. Индию будущего художник видел идущей рукой об руку с его свободной родиной к светлой мечте человечества.

Большой авторитет художника и ученого и энергия его американских сотрудников позволили Николаю Константиновичу добиться в Нью-Йорке согласия провести экспедицию под американским флагом и оформить нужные для этого документы. Конечно, никаких указаний о возможном посещении СССР в них не было и не могло быть. Здесь Рериху пришлось действовать в одиночку и негласно, чтобы не увеличивать подозрений англичан. С этой целью Николай Константинович и заехал в декабре 1924 г. в Берлин, чтобы посетить там советское полпредство. Полпред Н. Н. Крестинский был достаточно хорошо инфор-

мирован о заграничной деятельности и отношении Рериха к Советскому Союзу, чтобы со всей серьезностью отнестись к беседе с художником.

Николай Константинович сообщил Крестинскому, что он собирается провести в странах Центральной Азии научно-художественную экспедицию. Хотя она и пойдет под американским флагом, но он готов предоставить в распоряжение Советского Союза все собранные материалы и просит, чтобы советские дипломатические представители в Центральной Азии в случае надобности взяли экспедицию под свою защиту.

Одновременно Рерих ознакомил Крестинского со своими наблюдениями над политической обстановкой в Индии, рассказал о проникновении англичан в Тибет и их агитации против СССР. Николай Константинович не стал скрывать от советского посла своих философских взглядов и намерений способствовать сближению народов Востока и Советского Союза на почве общности, которую он находил между идеологией научного коммунизма и буддийской философией. Это дало повод наркому иностранных дел СССР Г. В. Чичерину, которому по просьбе Рериха были пересланы стенограммы его бесед с Крестинским, охарактеризовать художника как «полукоммуниста-полубуддиста» [6, 96].

Философское мировоззрение Рериха, конечно, не ограничивалось рамками буддийских философских школ или их современной интерпретацией. Скорее всего, интерес к буддизму нашел более благоприятную почву, чем иные философские системы Индии, благодаря постоянным стремлениям художника согласовать этику Востока с революционными преобразованиями человеческого общества своей эпохи. Отрицание кастовых привилегий и некоторые этические постулаты буддизма представляли Рериху в этом отношении богатейший материал.

К марту 1925 г. Николай Константинович переехал из Дарджилинга в столицу Кашмира Сринагар, чтобы подготовить экспедицию к походу через Западный Тибет и Синьцзян в пограничные с СССР районы. Мы не будем останавливаться как на этой, так и на последующих центральноазиатских экспедициях художника [о них подробно см.: 4, 253; 19; 25, 257; 33; 34; 35; 36] и лишь приоткроем одну малоизвестную страницу жизни художника, связанную с его деятельностью в Британской Индии.

Визит Рериха в советское полпредство в Берлине, очевидно, был замечен английской разведкой. Не имея формальных поводов запретить экспедицию, шедшую к тому же под американским флагом, англичане мобилизовали все силы, чтобы сорвать ее косвенными путями. Препятствия возникли уже на первых этапах в Кашмире, где на экспедицию было совершено вооруженное нападение, причем среди нападавших опознали личного шофера английского резидента Дж. Вуда. 1 апреля 1925 г. Николай Константинович писал В. Шибяеву: «Привет с озер Кашмира. Холодно. Лежит снег. Вчера нашу лодку чуть не разбило бурей, но вдруг наступила тишина», и мы успели до нового шквала укрыться в речку. Перед нами лежит дорога на Гилгит [...] Боремся за разрешение идти в Ладак. Масса препятствий. Сражаемся» [16].

Через две недели в письме опять заметка: «Пробиваемся на Лех, но пока без результатов». Когда же экспедиции удалось выйти за пределы официальной сферы влияния английских колониальных властей, Рерих записал в путевом дневнике: «Наконец можно оставить всю кашмирскую ложь и грязь [...]. Можно забыть, как победители играют в поло и гольф, когда народ гибнет в заразах и в полном отупении.

Можно отвернуться от подкупных чиновников Кашмира. Можно забыть о нападении вооруженных провокаторов на наш караван с целью задержать нас. Пришлось шесть часов пробыть с поднятым револьвером. А в довершение всего полиция составила от нашего имени телеграмму, что мы ошиблись и нападения не было. Кто же тогда ранил семь наших слуг? [...] Можно отвернуться от правительства, вскрытых писем, задержанных посылок, подсланных сыщиков. Что сделали с Индией и Кашмиром? Только в горах чувствуете себя в безопасности» [6, 100].

Но тут Рерих ошибся. Его желание отвернуться и забыть колонизаторов оказалось односторонним. Преследования не прекращались и за пределами Кашмира. По наущению англичан китайские власти Хотана задержали экспедицию, отобрали оружие, а затем арестовали ее участников. Только благодаря вмешательству советского консула в Кашгаре, с которым Рериху удалось снестись, караван смог через три месяца продолжить свой путь. Когда же Рерихи, после посещения в 1926 г. Москвы, Советского Алтая и Бурятской АССР, возвращались через Тибетское нагорье в Индию, их экспедиция встретила еще более серьезный, хорошо организованный заслон. В двух переходах от Нагчу ее задержали подчиненные Лхассе воинские соединения. Не подготовленный к зимней стоянке караван вынужден был провести пять месяцев в условиях суровой тибетской зимы. По существу, это была верная ставка на его гибель. Все сообщения Рериха о бедственном положении экспедиции застревали в каких-то таинственных инстанциях, и западная пресса уже пестрела сенсационными известиями о том, что экспедиция Рериха пропала без вести. Лишь в марте 1928 г. Николаю Константиновичу удалось повести караван дальше, но круглым путем. Последствия вынужденной зимней стоянки были трагическими. Пять человек из состава экспедиции умерли. Что же касается вьючных животных, то из ста двух осталось десять, а из этих десяти лишь два оказались способны продолжать путь.

Впоследствии подтвердилось, что караван был задержан правительством Лхассы по прямому требованию англичан, пытавшихся не допустить Николая Константиновича обратно в Индию. Попытка эта не удалась, и 28 мая 1928 г. экспедиция Рериха достигла Дарджилинга, откуда она больше трех лет назад начала свой небывалый в истории научных исследований Центральной Азии путь. Лишь после его завершения Николай Константинович приступил к налаживанию систематической, рассчитанной на многие годы научно-исследовательской работы. В этих целях 29 июля 1928 г. был создан специальный Гималайский институт «Урусвати» («Свет утренней звезды»).

Однако обосноваться в Сиккиме Рерих не захотел и перенес деятельность института в Кулу. Как и весь Северный Панджаб с западной частью Гималайского хребта, долина Кулу отвечала археологическим, историческим, филологическим и другим научным интересам Рериха. Вдоль реки Беас, протекавшей по долине, проходил древний, все еще функционирующий путь из Индии в Тибет, на Кайлас, Ладак, Хотан, а оттуда через Гоби до самого Алтая. Этот путь притягивал к себе Рериха и был использован им при дальнейших, меньших по масштабам экспедициях.

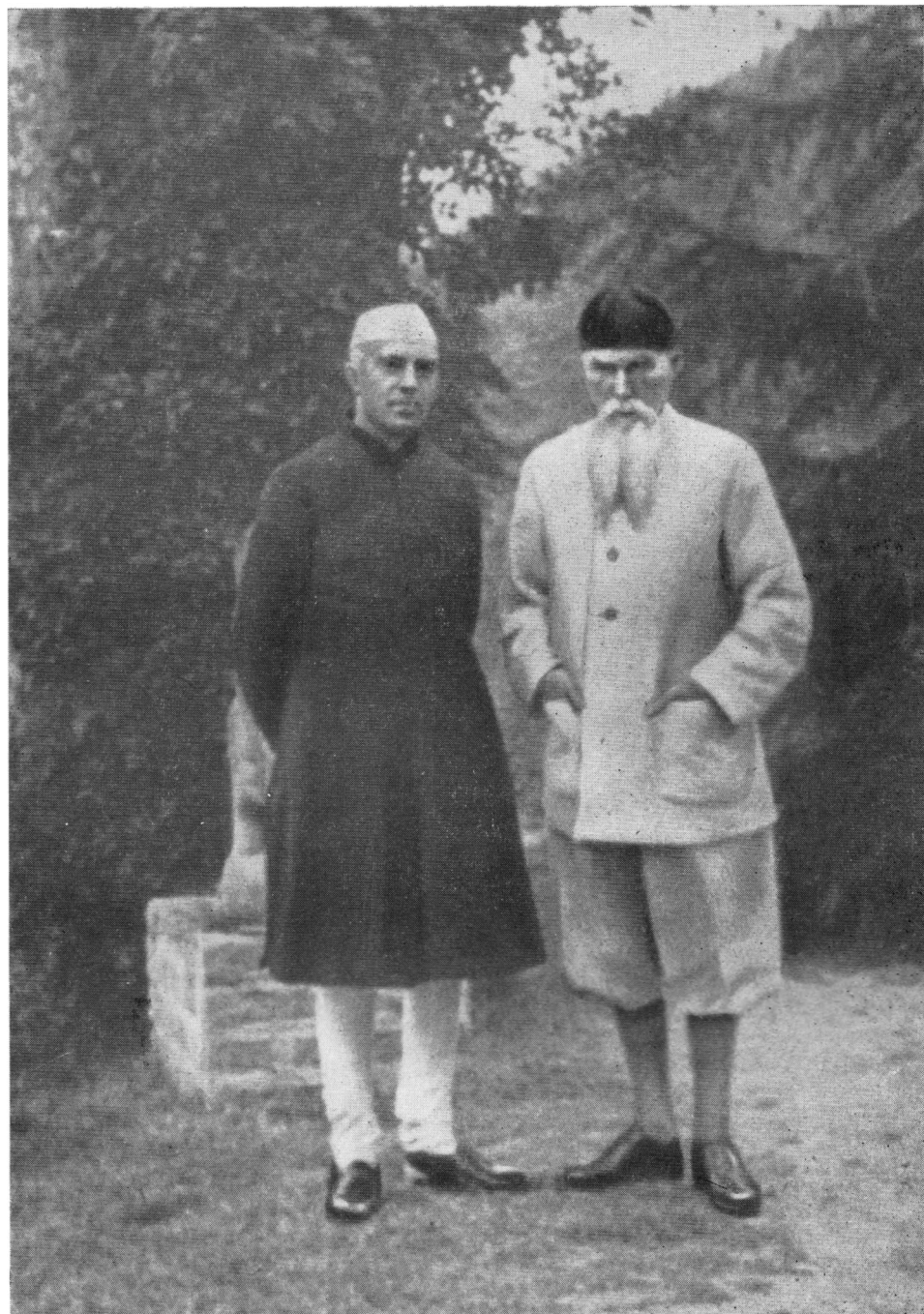
Рерихи переехали в Кулу в конце декабря 1928 г. и поселились на Гималайских склонах в окрестностях местечка Нагар. Через несколько месяцев Николай Константинович и Юрий Николаевич поехали в Европу и США, чтобы наладить контакты с европейскими и американскими научными учреждениями. И здесь Рерих натолкнулся

на очередную попытку англичан исключить Индию из сферы его деятельности. Когда весной 1930 г. Николай Константинович и Юрий Николаевич зашли к британскому консулу в Нью-Йорке, чтобы возобновить свои визы на въезд в Индию, им было заявлено, что визы возобновит министерство иностранных дел Великобритании. Однако в Лондоне — без каких-либо объяснений причин — в визах было категорически отказано. Энергичные хлопоты, в которых участвовали такие влиятельные лица, как герцог Соммерсет, кардинал Брун, архиепископ Кентерберийский, писатели Г. Боттомлей и Дж. Голсуорси, а также некоторые дипломаты аккредитованных в Англии государств, остались тщетными. В «Листах дневника» Рерих писал по этому поводу: «Дело о визе нашей так разрослось, что его возили по коридорам министерства в тачке. Наконец, я спросил определенно, когда будет выдана виза? Нам ответили, что она выдана не будет (опять-таки без всяких объяснений). Я спросил, — это окончательно? И господин в желтом жилете ответил — окончательно! Тогда я сказал: „По счастью, в этом мире нет ничего окончательного“. Наш друг французский посол Флорио, разразившийся целой нотой по поводу наших виз и имевший об этом целые длительные словопрения с британским правительством, посоветовал нам возвратиться в Париж [...]. В Париже продолжалась эта война на ставку крепости нервов. Некоторые эпизоды ее, несмотря на трагизм, были даже забавны. Так, когда шведский посол граф Эренсверд сделал свое представление по нашему делу, ему было сказано, чтобы он не беспокоился, так как и посильнее державы не имели успеха» [12, очерк «Пропуск»].

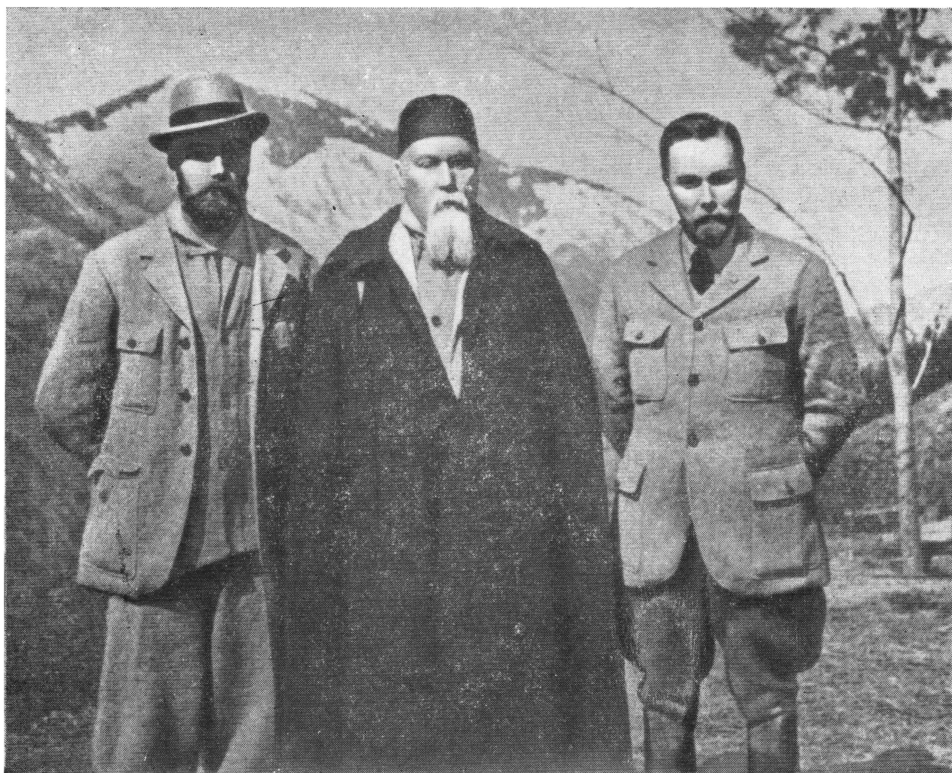
В Париже дело с визой вперед не продвинулось, и Николай Константинович с Юрием Николаевичем, запасясь визами в Пондишери (французское владение в Индии) и другие европейские владения в Азии, выехали туда без разрешения английских властей на въезд в Британскую Индию, где жила Елена Ивановна и была начата работа в институте «Урусвати». После месячного пребывания в Пондишери, где Николай Константинович уже успел начать археологические раскопки, ему и Юрию Николаевичу наконец были выданы визы от имени вице-короля Британской Индии. Похоже, что Рерих, проживающий в непосредственном соседстве с Индией, оказался для колониальных властей более неудобным, чем Рерих, взятый под их строгий надзор.

Надзор за ним и вмешательство в его деятельность со стороны англичан не прекращались до конца их владычества в Индии. В 1943 г., когда Англия в союзе с СССР воевала против гитлеровской Германии, отношение британских властей ко всему русскому в Индии не изменилось. В дневниках Рериха мы читаем: «Американский майор повез от Далай-ламы подарки Рузвельту. Американцы в Лхассе. Индусы в Лхассе. Итальянцам можно быть в Тибете. Всем можно, только русским нельзя. Не так давно Юрий спрашивал в Дели о поездке в Тибет, и опять длинный нос. И не Тибетское правительство против. Мы имели достаточно уверений от тибетцев и китайцев. Весь затор — в британцах. Почему? даже причины не скажут. И теперь, когда за Москвою так ухаживают, русские ученые допускаются в Индию лишь в неотступном „сопровождении“. Представитель агентства ТАСС не может переменить квартиры, ибо рядом должен жить надзиратель» [12, очерк «Почему»].

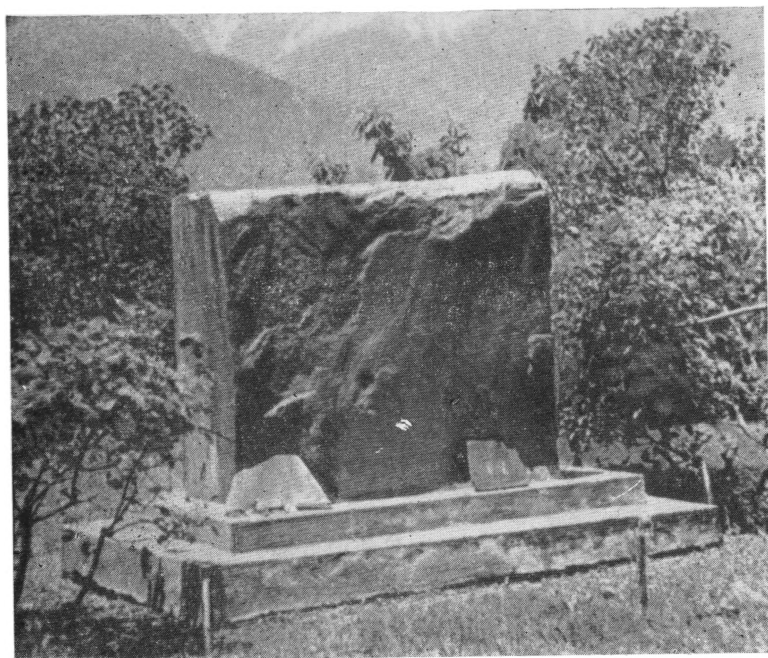
По возвращении в Кулу в 1930 г. Николай Константинович немедленно принялся за проведение в жизнь планов научно-исследовательской работы института «Урусвати». Вскоре он уже мог записать: «К сроку трехлетия института вышел первый „Ежегодник“ за тридца-

Дж. Неру и Н. К. Рерих

Н. К. Рерих с сыновьями Юрием и Святославом. Кулу, 1933 г.

Памятник-камень на месте сожжения тела Н. К. Рериха в Кулу

тый год, в котором участвуют Президент Археологического института в Америке доктор Маггофин, известный французский археолог граф де Бюиссон, биохимик Харвардского университета В. Перцов и директор Института. Номер „Ежегодника“ посвящен выдающемуся санскритологу проф. Ланману, состоящему почетным советником нашего Музея по отделу науки. Нельзя не отметить, что за последнее трехлетие состав почетных советников по отделу Науки усилился крупнейшими научными именами, как то: проф. Милликан, проф. Раман, проф. Метальников, док. Свен-Гедин, проф. Эйнштейн, сэр Джагадис Боше, док. Меррил. По отделу Археологии, кроме док. Маггофина, принимает участие док. Хьювигт. Члены-корреспонденты Института находятся как в Америке, так в Европе и Азии, при этом многие университеты и научные учреждения выразили желание кооперировать как собраниями, так и печатными трудами» [21, 301].

Деятельность института «Урусвати» опиралась на самые широкие интернациональные связи. Николай Константинович привлек к сотрудничеству и обмену научной информацией десятки научных учреждений Азии, Европы, Америки. Директором института «Урусвати» состоял старший сын художника — Юрий Николаевич. Он же ведал этнолингвистическими исследованиями и археологической разведкой. В области лингвистики и филологии народов Азии велась большая работа — собирались и переводились на европейские языки редчайшие письменные источники, изучались древние полузабытые диалекты.

Младший сын Николая Константиновича — Святослав Николаевич занимался изучением искусства и руководил ботаническим отделом института, проводя одновременно исследования в области тибетской фармакопеи.

Обмен ботаническими и зоологическими коллекциями производился с Мичиганским университетом, Панджабским университетом, Парижским музеем естественной истории, Гарвардским университетом, Всесоюзным институтом растениеводства АН СССР. За информацией и образцами для пополнения своей уникальной коллекции обращался в «Урусвати» и наш крупнейший ботаник-растениевод акад. Н. И. Вавилов. При институте была открыта биохимическая лаборатория с отделом борьбы против рака, велось изучение космических лучей в высокогорных условиях, ежегодно проводились экспедиции как в самой долине Кулу, так и далеко за ее пределами — в Лахуле, Бешаре, Кангре, Лахоре, Ладаке, Занкаре, Спити, Рупшу и в северо-восточных районах Китая (Внутренняя Монголия). Экспедиционные отряды систематически снабжали институт новыми материалами.

Интенсивная и плодотворная деятельность института привлекла к Индии внимание многих западных ученых и продолжалась вплоть до второй мировой войны. Вспыхнувшая война прервала международные сношения, определявшие саму структуру научной работы института, и она почти прекратилась. В июле 1940 г. Николай Константинович занес в дневник: «Сперва мы оказались отрезанными от Вены, затем от Праги. Отсеклась Варшава [...]. Постепенно стали трудными сношения с Прибалтикой. Швеция, Дания, Норвегия исчезли из переписки. Замолк Брюгге. Замолчали Белград, Загреб, Италия. Прикончился Париж. Америка оказалась за тридевять земель, и письма, если вообще доходили, то плавали через окружные моря и долго гостили в цензуре [...]. Дальний Восток примолк. Из Швейцарии Шауб-Кох еще двадцатого мая просил срочно прислать материалы для его книги. Но и Швейцария уже оказалась заколдованной страной. Все нельзя. И на Родину

невозможно писать, а оттуда запрашивали о травах. Кто знает, какие письма пропали... Наконец обнаружилось, что и в самой Индии началась цензура. Оказалось, что в Кулу цензором не кто иной, как местный полицейский. Вполне ли грамотен? Проявил он свой досмотр тем, что по небрежности вложил свою записку в письмо ко мне [...]. Грустно видеть, как события обрубают все ветви работы. И не вырасти новым побегам. Будет что-то новое, но когда?» [12, очерк «На острове»].

Напряженная научно-исследовательская деятельность не сказывалась отрицательно на интенсивности творчества Рериха-художника. Если индийская тема стала появляться в живописи Николая Константиновича с 1905 г., то, конечно, жизнь в Индии с начала 20-х годов не только внесла изменения в саму индийскую тематику, но и повлияла на искусство Рериха в целом. Величавая природа Азии, особенно горный мир Гималаев, открыли художнику натуру, может быть, больше всего главную в полную меру своего таланта. Некоторые критики пытались утверждать, что таким главным были мистические настроения художника, обретшие в Индии сверхблагодатную почву. Но подобные выводы строились на поверхностном знании живописных произведений Николая Константиновича после 1923 г. и полнейшем игнорировании традиционных для восточного искусства мифологических сюжетов. Только этим можно объяснить малоубедительные высказывания о народном происхождении рериховского Леля и мистическом — Кришны. Между прочим, многие из первых созданных в Индии полотен художника — «Жемчуг исканий», «Песнь водопада», «Песнь утра», сиккимские пейзажи (1924) — вообще не отражали мистических аспектов индийского мировоззрения и даже не имели никакого отношения к восточной мифологии. Они были продолжением или, вернее, углублением того «философского пейзажа», который занимал ведущее место и в первом периоде творчества Рериха.

В искусстве Николая Константиновича всегда ощущалась «перекличка» двух аспектов философского осмысления действительности — аспекта «дальнего прицела» (как в прошлое, так и в будущее) с аспектом событий «дня настоящего». Синтезируя зримое в сегодняшнем дне с тем, что уже заволокло пеленой времени или находится еще у порога открытий, художник одинаково использовал и русские народные былины и индийские сказания тысячелетней давности. Однако нельзя не признать, что величественная природа Гималаев оказалась для Рериха наиболее подходящим фоном для передачи своих чувств и идей о космической эволюции человечества, о безграничных возможностях его пытливого гения. И если в 10-е годы искусство Рериха тяготело иногда к символотворчеству, то в индийском периоде наблюдается обратное явление. Художник сознательно отходит от абстрактно-универсальных символов и стремится расширить лексику своих изобразительных средств путем широкого использования реальных элементов хорошо выражающей его духовные искания природы. Это способствовало дальнейшему развитию пейзажной живописи Рериха. В ней с новой силой прозвучали торжественные аккорды возвышенно-прекрасного в сочетании с идеями активного, героического гуманизма.

Индия помогла Рериху реализовать и взгляды на совместимость национального с интернациональным. Сохранив до конца своих дней живые впечатления от родины и не допуская ни малейшей фальши в русской тематике, Рерих сумел с большой проникновенностью постичь и творчески воспроизвести в чужеродных образах духовную жизнь других народов. Причем это было сделано с глубиной и знанием, позво-

лившим индийским художественным критикам единодушно сойтись во мнении, что именно русскому художнику Рериху впервые в мировом искусстве удалось по-настоящему показать изумительный горный мир Гималаев, раскрыв его духовную сущность даже для самой Индии. Так Россия и Индия нашли в лице Рериха яркое доказательство интернациональных основ искусства, общечеловеческих принципов реально-го художественного мировосприятия.

Изучение всего привнесенного Индией в искусство Николая Константиновича — задача искусствоведов. Но даже и не задаваясь ею специально, можно с уверенностью сказать, что без Индии не сложилась бы та неповторимая формула творчества Рериха, к которой он сам сознательно стремился, не состоялось бы Рериха-художника для Рериха-мыслителя.

Обширная научная деятельность, слава большого художника, передовые гуманистические взгляды и поддержка борцов за освобождение Индии сблизили Рериха с прогрессивными кругами индийской общест-венности и завоевали ему в Индии громадную популярность. Раз-личные научные и художественные съезды и конференции считали сво-им долгом посылать в далекий горный поселок Нагар приглашения и приветствия. Многие индийские ученые, художники, писатели, общест-венные деятели поддерживали с Рерихом личное знакомство и сотру-дничали с ним. Для Николая Константиновича были широко открыты страницы индийской печати. В «Листах дневника» художник писал: «Установились связи не только с семьею Тагора, но и со многими пред-ставителями философской мысли Индии — Свами Рамдас, Шри Вас-ваи, Свами Фомкар, Свами Джаганисварананда, Шри Свами Сара-свати...» [12, очерк «Индия»].

Список индийских друзей и публикаций Рериха и о Рерихе в Ин-дии занял бы десятки страниц. Отдельными изданиями вышли книги художника: «Радость искусству» с предисловием С. Радхакришнана, «Прекрасное единение» с введением Б. Гарги и предисловием Абанин-драната Тагора, «Гимават» и «Гималаи — обитель света».

Индия горячо поддержала идею и деятельность Рериха по охране культурных ценностей при военных столкновениях. В декабре 1945 г. в Нью-Йорке возобновил послевоенную деятельность Комитет Пакта и Знамени Мира Рериха. В 1946 г. за Пакт высказалась Всеиндийская конференция культурного единства, а в 1948 г. Пакт был одобрен пра-вительством свободной Индии, возглавляемым Джавахарлалом Неру. В 1954 г. в Гааге на основе Пакта Рериха был подписан Заклю-чительный акт Международной конвенции о защите культурных ценностей, который вскоре ратифицировали многие государства, в первую очередь СССР [подробно см.: 37].

Джавахарлал Неру высоко ценил многостороннюю деятельность Рериха в Индии и встречался с ним лично. В мае 1942 г. он посетил художника в Нагаре. В воспоминаниях Николая Константиновича мы читаем: «Неделю у нас Неру с дочкою. Славный, замечательный дея-тель. К нему тянутся. Каждый день он кому-то говорит ободрительное слово. Наверно, сильно устает. Иногда работает до четырех часов утра. Святослав написал отличный этюд портрета. Самый портрет будет десять футов вышиной и шесть в ширину. Сзади знамя Конгресса. Го-ворили об Индо-Русской культурной ассоциации. Пора мыслить о ко-операции полезной, сознательной» [13, 236].

Так еще за несколько лет до освобождения Индии будущий лидер ее правительства и русский художник строили планы русско-индийско-го культурного сотрудничества.

Отношение Неру к Рериху лучше всего характеризуется его словами, сказанными на открытии посмертной выставки художника в Дели в декабре 1947 г.: «Когда я думаю о Николае Рерихе, то поражаюсь размаху его деятельности и богатству творческого гения. Великий художник, великий ученый и писатель, археолог и исследователь, он освещал многие аспекты человеческих устремлений. Уже само количество картин изумительно — тысячи картин, и каждая из них — замечательное произведение искусства. Когда вы смотрите на эти полотна, на которых так часто изображены Гималаи, кажется, что вы улавливаете дух этих великих гор, наших древних стражей, веками возвышавшихся над равнинами. Картины его проникнуты духом нашей истории, нашего мышления, нашего культурного наследия, они говорят нам так много не только о прошлом Индии, но и о чем-то постоянном и вечном, что мы все не можем не чувствовать себя в большом долгу перед Николаем Рерихом, который запечатлел этот дух в своих великолепных полотнах» [32, 2].

Неру вторят и другие прогрессивные деятели Индии. С. Радхакришнан в предисловии к книге Н. К. Рериха «Радость искусству» писал: «Я надеюсь, что эта сильная книга великого провидца пробудит в нас сознание той обыденности, в которой мы погрязли, и поможет нам избавиться от нее». Абаниндранат Тагор открывает сборник художника «Прекрасное единение» словами: «Я счастлив, что на последующих страницах мой друг Николай Рерих выразил то, что чувствует вообще каждый восприимчивый человек в ценностях искусства, в том числе и величайшего, быть может, из всех искусств — искусства жизни». Д-р Калидас Наг пишет о художнике: «Мы благодарны ему за то, что он создал яркий, образный эпос снежных Гималаев. Рерих — первый русский посланец красоты, который принес Индии бессмертные заветы искусства, и мы всегда будем благодарны ему за его вдохновенные мысли и доброжелательную деятельность по сближению России и Индии» [32, 17].

Так в теме «Рерих и Индия» после вопроса о том, что значила для Рериха Индия и что она дала ему, возникает вопрос о том, что Рерих дал Индии? Ответ на него можно получить только после кропотливого изучения индийских архивов.

Конечно, и первый вопрос нельзя исчерпать в пределах одной статьи. Искусство Н. К. Рериха, его научные и философские труды, литературное творчество, его общественная деятельность тесно связаны с Индией и могут служить предметами самостоятельных исследований. Что же касается отдельных этапов, то нам представляется правомерным разделить его деятельность на три периода: 1) Русский период жизни Рериха, период, так сказать, изучения Индии художником и ее влияния на него на расстоянии. Дневники Николая Константиновича, его публикации и переписка до 1917 г., хранящиеся в наших архивах (больше всего в Рукописном отделе Государственной Третьяковской галереи), а также тщательный анализ интерпретации некоторых художественных образов (в основном религиозных сюжетов) могут значительно восполнить наше представление об этой стороне жизни и творчества художника. 2) Период жизни Рериха в западных странах (1917—1923), в котором основное место занимали подготовка к переезду в Индию и усилия художника поехать в эту страну. Эпистолярное наследство Рериха за этот период находится главным образом в частных архивах. Много материала можно обнаружить в «Листах дневника» художника и в стихотворениях из сборника «Цветы Мории», автобиографический характер которых далеко не в полной мере выявлен.

3) Период жизни и деятельности Рериха в самой Индии. Здесь особое место занимают налаживание прямых связей между Индией и Советским Союзом (экспедиция 1925—1928 гг.) и примерно последние десять лет жизни Рериха — интенсивная подготовка к переезду из Индии в Советский Союз. Основные материалы по этому периоду хранятся в архиве Н. К. Рериха (Нагар, Кулу), ими изобилует также переписка художника с его корреспондентами в Прибалтике в 30-е годы (частные архивы) и послевоенная переписка с И. Э. Грабарем, М. В. Бабенчиковым, В. Ф. Булгаковым [см. 3, 252; 14; 15].

С позиций самого Николая Константиновича мы не смогли бы обнаружить изолированной темы «Индия». Перед художником как основная задача жизни всегда стояла проблема, которую можно выразить лишь в сочетании слов «Россия и Индия». Рерих не мог рано или поздно не выехать из России в Индию, как не мог и «променять» Россию на Индию. Преодолев множество трудностей и достигнув Индии в 1923 г., художник не пытался обосноваться там, пока не побывал в СССР и не поставил в известность Советское правительство о своем отношении к Октябрьской революции, о своей неизменной принадлежности к Советскому государству и русскому народу, о своих планах сближения народов Советского Союза и Индии. Он это и сделал в 1926 г. в Москве при свиданиях с наркомом А. В. Луначарским и Г. В. Чичериным. Многие из задуманного Николаем Константиновичем было тогда положительно оценено нашими государственными деятелями. Художнику разрешили посетить Алтай и Бурятскую АССР, помогли оснастить экспедицию в обратный путь на Индию, снабдили ее членов советскими экспедиционными паспортами [подробнее см.: 6, 96].

У Николая Константиновича были все основания считать удачно разрешенной одну из сложнейших для него задач — установление контактов с советскими должностными лицами. Этими контактами Рерих очень дорожил и старался поддерживать их, что было далеко не просто. Англичане, предприняв две попытки не пустить его в Индию, дали ему недвусмысленно понять, что связи с СССР грозят захлопнуть перед ним двери в Индию. В последующие годы всю переписку с Советским Союзом и советскими дипломатами за границей Рериху приходилось вести через третьих лиц, в основном проживавших в Париже и Прибалтике. Так продолжалось до начала второй мировой войны. В годы Великой Отечественной войны Николай Константинович давал знать о себе на родину через Американско-Русскую культурную ассоциацию (АРКА), созданную по инициативе руководителей музея им. Рериха в Нью-Йорке [подробнее см.: 30].

Рериху так и не удалось полностью реализовать свои планы сотрудничества с советскими научными и художественными организациями. Но это была уже не его вина. Все, что можно было сделать в условиях колониальной Индии для поддержания тесных связей с Советским Союзом, он сделал.

Готовиться к окончательному возвращению в СССР Николай Константинович начал после Монгольской экспедиции 1935 г. После этого он уже не выезжал за пределы Индии, а в его дневниках, публикациях и письмах все чаще и чаще появляются упоминания о России. У Рериха не было намерений отстраниться от деятельности возникших по его инициативе научных и культурно-просветительных учреждений и тем более способствовать их ликвидации. Это чрезвычайно усложняло его положение. Ведь достаточно было бы открыто объявить о своем решении переселиться в СССР, как отношение власть имущих кругов к его деятельности в Индии и в западных странах круто изменилось бы и

развал некоторых дорогих его сердцу учреждений оказался бы неизбежным.

Кроме того, Николай Константинович не мог рассчитывать на быстрое оформление нужных документов для въезда в СССР и для ввоза туда из Индии архивов, научных коллекций и картин. Советские дипломаты в Индию не допускались, а испрашивать разрешение через Лондон было рискованно и грозило самыми нежелательными последствиями.

Есть основание полагать, что художник хотел воспользоваться Прибалтикой как промежуточным звеном на пути из Индии в СССР. Так, в письме от 24 августа 1938 г. к Р. Я. Рудзитису и Г. Ф. Лукину (членам правления рижского музея им. Рериха) Николай Константинович просил выяснить возможность пересылки из Индии в Латвию и размещения в рижском музее своих архивов [10].

Имелась у Николая Константиновича и тенденция увеличивать число своих картин в рижском и пражском музеях. Эти картины оставались собственностью художника и могли быть взяты им с собою при переезде в Советский Союз.

В 1940 г. Николай Константинович записывает в «Листах дневника»: «Каждые сборы и радостны и потрясающи. Черта наносимая определяет, но и ограничивает. Не все уместится. Значит, и в Индии приются гости. Кто о них позаботится? Друзей-то мы знаем. Но текуч слой человеческий. Сегодня одни, завтра другие. Достаточно навиделись. Пусть будет, как должно быть. В сборах всегда кроется и начало чего-то. Конец или начало?» [12, очерк «Сборы»].

Нападение гитлеровской Германии на Советский Союз отняло у Николая Константиновича надежду на скорое возвращение домой, в Россию. Однако изменившаяся политическая обстановка впервые позволила ему более открыто высказывать свои политические симпатии и предпринимать действия, согласные со своими патриотическими чувствами. В Индии были проведены выставки и продажи картин Николая Константиновича и Святослава Николаевича, организованы денежные сборы в пользу русского Красного Креста и на военные нужды Красной Армии. Юрий Николаевич, немного изучавший военное дело, сразу же после открытия военных действий на русском фронте официально выразил свою готовность вступить в ряды Красной Армии. Святослав Николаевич, выступая по радио и с лекциями, особо подчеркивал решающее значение Советского Союза в разгроме гитлеровской Германии. Очерки и воззвания Н. К. Рериха в военные годы отличались публицистической остротой и большим патриотическим накалом.

Когда на полях сражений еще гремели выстрелы, Николай Константинович уже ратовал за осуществление своих планов о культурном сотрудничестве между Индией и СССР. В апреле 1944 г. он заносит в «Листы дневника»: «Уже до войны писал я Щусеву и в Комитет по делам искусств о желательности устройства русской выставки в Индии. Была выставка русских военных плакатов, но хотелось бы выставку вообще русского искусства. Хотя бы не тяжелые для транспорта вещи, но достаточно показательные для достижений наших художников. Выставка такая была бы встречена сердечно. Скажут, не теперь, а когда-то после войны. А почему бы и не теперь? Приезжают в Индию и ботаники и энтомологи, а ведь культурно-художественные связи не менее важны и неотложны» [12, очерк «Знаменосцы»].

Сразу же после окончания войны Рерих начал хлопоты о возвращении в Советский Союз. Поначалу корреспонденция из Индии в

СССР шла через Америку. Письма находились в пути до трех месяцев. С установлением воздушного сообщения между Индией и СССР связь Николая Константиновича с родиной стала значительно интенсивней, чем в предвоенные годы. Однако в июле 1947 г. состояние здоровья художника резко ухудшилось. Около трех месяцев он провел в постели, затем ненадолго наступило улучшение. А 13 декабря 1947 г. внезапное ослабление сердечной деятельности оборвало земной путь Николая Константиновича.

Через три дня на гималайских склонах перед домом художника запылал погребальный костер. Здесь вскоре был установлен камень с надписью: «Тело Махариши Николая Рериха, великого друга Индии, было предано сожжению на сем месте 30-го магхар 2004 года Викрам эры, отвечающего 15 декабря 1947 года. ОМ РАМ».

В доме, где художник прожил последние годы жизни и где хранятся его архивы, теперь учрежден мемориальный музей его имени. О благоустройстве и расширении музея много заботится Святослав Николаевич Рерих. Проживая постоянно в Бангалуре, он ежегодно проводит летние месяцы в Нагаре. В 1964 г., когда повсеместно отмечалось девяностолетие со дня рождения Н. К. Рериха, Святослав Николаевич писал оттуда: «В этом году прибавили еще 25 картин Николая Константиновича. Лично мне кажется, что больше пятидесяти картин здесь выставлять сейчас не нужно. Оформляем постройку особого здания музея. Нелегко, так как подавать строительный материал надо на людях. Большая дорога еще не дошла. Все это берет много времени [...], кругом идут работы по заготовке материалов для постройки, а вокруг памятника Николаю Константиновичу и на дорожках, ведущих к нему, укладываются каменные плиты. Будет хорошо. Очень много посетителей» [24].

В 1957 г., через десять лет после смерти Н. К. Рериха, в Советский Союз переселился на постоянное жительство его старший сын — Юрий Николаевич. Он привез с собой около 400 полотен, отобранных и упакованных в ящики для отправки на родину еще при жизни их создателя. С выставок этих картин в Москве и в других городах Советского Союза началась вторая, посмертная жизнь Николая Константиновича у себя на родине. Его самобытное искусство и вся его многогранная деятельность привлекли к себе заслуженное внимание. В последние годы издано несколько монографий, альбомов и иных исследовательских работ о художнике, в их числе: Ю. Н. Рерих. Листы воспоминаний, — «Приключения в горах», кн. 1, М., 1961; В. П. Князев а. Н. К. Рерих (монография), Л., 1963; «Николай Рерих. Альбом репродукций», вступительная статья А. Юферовой, М. 1970; публикация «Листов дневника» Н. Рериха, «Прометей», историко-биографический альманах. т. 8, М., 1971.

В 1974 г. исполнится 100 лет со дня рождения Николая Константиновича Рериха, и нам представляется, что тема «Рерих и Индия» приобретает в связи с этой юбилейной датой особую актуальность и заслуживает дальнейших исследований.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Беликов П. Ф., Библиография произведений Н. К. Рериха, — «Ученые записки Тартуского государственного университета», вып. 217, Тарту, 1968.
2. Беликов П. Ф., Рерих и Горький, — там же.
- 2а. Беликов П. Ф., Князев а. В. П., Рерих, М., 1972 («Жизнь замечательных людей»).
3. Булгаков В. Ф., Встречи с художниками, Л., 1968.

4. Ефремов Ю. К., Н. К. Рерих и география,— «Вопросы географии», сб. 50, М., 1960.
5. Журавлева Л., Жизнь, отданная искусству,— «Художник», 1971, № 7.
6. Зарницкий С., Трофимова Л., Путь к Родине,— «Международная жизнь», 1965, № 1.
7. Зелинский А. Н., Памяти Ю. Н. Рериха,— «Известия Всесоюзного географического общества», вып. 3, т. 95, М., 1963.
8. Маковский С., Силуэты русских художников, Прага, 1922.
9. Рерих Н. К., Держава света, Нью-Йорк, 1931.
10. Рерих Н. К., Дневниковые записи (в рукописях) и переписка,— Архив Г. Р. Рудзитис, Рига.
11. Рерих Н. К., Единство (в рукописи),— там же.
12. Рерих Н. К., Листы дневника. Моя жизнь,— Неопубликованные очерки из архивов П. Ф. Беликова, Таллин, и И. М. Богдановой, Москва.
13. Рерих Н. К., Пандиджи,— «Октябрь», 1958, № 10.
14. Рерих Н. К., Письма М. В. Бабенчикову,— Центральный государственный архив литературы и искусства СССР. фонд 2094.
15. Рерих Н. К., Письма И. Э. Грабарю,— «Советская культура», М., 10.XI.1962.
16. Рерих Н. К., Письма В. А. Шибяеву,— архив Г. Р. Рудзитис, Рига.
17. Рерих Н. К., Письма и другие материалы,— Рукописный архив Государственной Третьяковской галереи, фонд 44.
18. Рерих Н. К., Пути благословения, Рига, 1924.
19. Рерих Н. К., Сердце Азии, Нью-Йорк, 1929.
20. Рерих Н. К., Собрание сочинений, кн. 1, М., 1914.
21. Рерих Н. К., Твердыня пламенная, Париж, 1932.
22. Рерих Н. К., Толстой и Тагор,— «Октябрь», 1958, № 10.
23. Рерих Н. К., Цветы Морни, Берлин, 1921.
24. Рерих С. Н., Письмо П. Ф. Беликову от 22.V.1964,— Архив П. Ф. Беликова, Таллин.
25. Рерих Ю. Н., Экспедиция академика Н. К. Рериха в Центральную Азию,— «Вопросы географии», сб. 50, М., 1960.
26. Рерих Ю. Н., Вампилов Б. Н., Виктор Викторович Голубев,— «Проблемы востоковедения», 1959, № 3.
27. Роллан Р., Собрание сочинений, т. XIII, М., 1958.
28. Рылов А., Воспоминания, М., 1954.
29. Тагор Р., Собрание сочинений, т. 12, М., 1965.
30. American-Russian Association Ins. Annual Reports, New York, 1944—1947.
31. Nicholas K. Roerich. Bibliography (1889—1936), Karachi, 1936.
32. Nicholas Roerich by His Contemporaries (a Few Excerpts), Bangalore, 1964.
33. Roerich G. N., Sur les pistes de l'Asie Centrale, Paris, 1933.
34. Roerich G. N., Trails to Inmost Asia, London, 1931.
35. Roerich N., Altai Himalaya, New York, 1929.
36. Roerich N., Shambala — the Resplendent, New York, 1930.
37. Shibayev V. A., The Roerich Pact and Banner of Peace (Aims and History), Lahore, 1935.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ниже впервые публикуются очерки Н. К. Рериха из третьей подборки «Листов дневника». Очерки написаны в 1934—1947 гг., систематизированы и пронумерованы самим автором, составившим три подборки. Первая из них содержит 222 очерка, вторая — 92 очерка и третья — 659 очерков. Двум последним подборкам, содержащим много автобиографического материала, Н. К. Рерих присвоил дополнительно название «Моя жизнь». Полный комплект подборок находится у С. Н. Рериха (Бангалур, Индия). Предлагаемые очерки взяты из архива П. Ф. Беликова.

Наггар

Поднялись из Дарджилинга со всеми вещами, чтобы переехать в старинное место Наггар. Берега Беаса связаны и с Риши Виасой, собирателем Махабхараты, и с Александром Великим, войско которого не пошло дальше этой горной реки. Здесь проходили и Будда и Пад-

ма Самбгава, здесь жил Аржуна и другие Пандавы. Недалеко Манали — от Ману. Горячие ключи Басишту и долина Маникарн-Парвати с серебряной рудой. Через Ротанг — уже тибетская природа. Все скопилось в изобилии... Древняя Кулута!

К Рождеству 1928 года доехали до Наггара (по-русски Вышгород). Еще не перешли Беас, из Катрайна увидели высоко на холме дом. «Вот там и будем жить». Нам говорят: «Невозможно! Это поместье раджи Манди. Дом не сдается». Но если что-то должно быть — оно и делается. Все устроилось, несмотря на немалые препятствия. Все-таки преодолели.

На север от нас — Манали, Аржунгуфа, Джагадсуг, Басишта, а за ними снежный Ротанг. Путь на Тибет, на Кайлас, на Ладак, на Хотан — через Гоби — на Алтай. Древний путь.

На восток — Чандер Кани перевал — за ним Малана (особый монхмерский язык) — Спити — Тибет.

На запад — Бара Бхагал, — а за хребтами Кашмир, Пир Пензал, а там и Памир.

На юг — дорога на Симлу, на Манди, на озеро Равалсар, а там и жгучие равнины Индии.

Наггар — место древнее. Несколько старинных храмов. Когда-то здесь были, по словам китайских путешественников, буддийские вихары. Теперь и следа не осталось. Сохраняется предание, что где-то здесь захоронены священные книги во времена тибетского иконоборца Лангдармы. Покровитель долины Нар Синг иногда показывается в виде старца в белом. Гуга Чохан, старый раджпутский Раджа, тоже почитается хранителем долины.

Разных богов в долине — триста шестьдесят. У нас письменное условие между богом Джамлу, британским правительством и нами о пользовании водою. Гремят барабаны и режут длинные трубы, когда боги посещают друг друга в дни ярмарок. В лесу затерялся храмик — там подвизался отшельник Пахари Баба. Деодары, сосны, дубы еще теснятся по склонам, но много лесов уже нарушено. Внизу под холмом, на старой дороге звенят колокольцы каравана. Чарует зов караванный. Откуда? Куда? С какими вестями?

1937 (№ 49)

Выставки

Несмотря на армагедонные дни, наша выставка прошла очень удачно. В Индоре останутся двадцать две картины. В день открытия махараджа пожертвовал Русскому Красному Кресту на медикаменты 50.000 рупий. Пришла телеграмма о желании военного фонда иметь моего Александра Невского. Поехал Александр Невский. Так русская выставка творит русское дело.

И в Бароде удачно. Затем Ахмедабад и Траванкор. Мадрас и Люкноу хотя выставку, но вряд ли подойдет по времени. Святослав пишет из Бароды: «Выставка будет продолжена. Народу на эту выставку идет масса. Прямо тысячи валят каждый час. Никто ничего подобного не видел. Все кругом запружено толпами. Здесь заметно обратное от Индора. Там было прогрессивное правительство, а здесь народ. Я говорю раза четыре в день и иногда перестаю даже двигаться от усталости. С раннего утра до вечера я с толпами и среди людей. И, нужно сказать, еще выдерживаю напряжение. Мехта послал правительству свою рекомендацию о покупке картин. Шастри, хранитель музея, тоже дал свою рекомендацию. Все в порядке и все прекрасно».

В Ахмедабаде много добрых знаков. Выставка устроена Обществом поощрения и развития искусства в Индии (Бхарат Кала Мандал). Президент бар. Чинубай, председатель Р. Равал. Отпечатано сердечно составленное приглашение. В газетах отзывы, жаль, что здесь никто по гуджарати не читает. В Мизиндии большая статья Тампи. В Таймс оф Индия хорошая статья, также и в журнале Индора и в Хинду проф. Варма отлично пишет.

Кончаю «Горыныч», «Грозный» и «Силы Небесные с нами невидимо служат». Кончил «Огни победы». Начат «Александр Невский» — Победитель на поле битвы. Начаты «Борис и Глеб», спешающие на помощь.

В Сколяр появился «Горький». В Модерн Ревью послан «Иконный терем». В двух цейлонских журналах «Шамбала». В Вижен — «Радж Раджесвари», «Царица Небесная» и «Мир». В Пиес — «Здоровье». Повсюду сочетались две темы — Русь и Гималаи.

30 декабря 1941 (№ 309)

Гималаи

Вот и еще две гималайские темперы ушли. Многие сотни их улетели. Иногда бывает жаль, что они так скоро бесследно исчезают. Не жаль самих вещей — пусть себе путешествуют. Может быть, поражают кого-то! Но жаль, что нельзя по ним сложить панораму наших азийских странствий. Бывает, мы с Еленой Ивановной по ним вспоминаем многое пережитое — вершины, восходы, закаты, бури, снега, радость солнца, горные озера, реки, водопады, орлиные гнезда монастырей тибетских...

Трудно будет без Гималаев, без долины Кулуты, без снежных перевалов. Вот тогда и пригодились бы путевые темперы. Портативны они. Даже при малом багаже возможно иметь их хоть сотни три-четыре. Но многое уже разлетелось и по Индии, по Америке, по Европе. Этих странников уже не сыскать. И теперь Елена Ивановна любит иногда посмотреть эту горную страну и вспомнить все радости нашего странствия, все преодоленные трудности, встречи и добрые и недобрые.

Конечно, память в складках своих хранит все такие вехи и при случае показывает их. Но иногда Елена Ивановна любит и в красках посмотреть азийскую панораму. Гималаи! Сколько к ним устремлений. Как широка и как прекрасна эта обширная горная страна. Крыша мира. От Памира через весь Тибет, от Куэн-Луна до индийских равнин — неизмеримо в красоте многообразной.

Когда мы шли после Танглы через перевалы в 22.000 ф., кругом вставали несчетные снеговые вершины. Кто побывал во всех этих извилинах и ущельях? Много ли видели легуны над Эверестом? Да и то говорят, что они вместо Эвереста сняли Макалу. Велика литература о Гималаях, но мала она сравнительно. И каждый-то день что-то новое и чудесное, и грозное и прекрасное.

Гималаи! Вот перед нами на север две вершины Гепана в 23.000 футов, так схожие в очертаниях с Белухой. Каждый день новое освещение, новые небеса. Суровый перевал Ротанг — нынче под ним в Рале семьдесят локтей снега. Все неисчерпаемо, ново и чудесно. Неповторяемы очертания камня. Самоцвет!

24 марта 1943 (№ 392)

Королевское Азиатское Общество в Бенгале обратилось к Юрию с предложением сделать во время юбилейных празднеств доклад о сношениях Индии и России. Именно Юрий может сказать авторитетно на эту тему. У него собран богатейший материал. Как истинный историк, он умеет говорить беспристрастно, а это сейчас редко встречается. Кроме обширного научного, имеется литературный и художественный материал, доказывающий, как издавна было русское сердце открыто к красоте Индии.

Переводы Жуковского «Наль и Дамаянти», «Бог и баядера», Бальмонт — «Асвагоша», «Сакунтала», Бальтрушайтис — «Бхагават Гита» и «Гитанджали» Тагора. «Садхана» и другие произведения поэта широко читались в русских просторах. Мои «Лакшми Победительница», «Девассари», «Гайатри» появлялись в московских «Весах» и в других изданиях. «Индийский путь» оказался как бы предвестником волны внимания к Индии.

По Руси восторженно читались «Провозвестие Рамакришны» и пламенные книги Вивекананды. Во время построения Буддийского храма и мечети (доказывавших широту воззрения народа Русского) возникла мысль о перевозке в Питер древнего индусского храма. Этот эпизод должен быть отмечен. Из своей последней поездки в Индию Щербатской вернулся с идеей перевезти древний индусский храм. Вместе с мечетью и Буддийским храмом такое прекрасное привхождение было бы и современно и замечательно. Мы схватились за предложение Щербатского.

В скромной квартире сестер Шнейдер (племянниц Минаева) в составе комитета Буддийского храма мы обсуждали, как привести в исполнение мысль Щербатского. Местные расходы были не так велики, и наша трудовая складчина могла бы их осилить. Но вопрос транспорта был много труднее. Следовало послать архитектора, который бы тщательно промерил и пронумеровал все части храма. Затем в разобранном виде поездом доставили бы храм в Бомбей, где все было бы погружено на пароход Добровольного флота для прямой доставки в Питер.

Список расходов стал сильно возрастать. Флот не соглашался даром доставить такой тяжелый груз. Завязалась бесконечная волокита, денежная помощь не явилась, и нам горестно пришлось сложить оружие. А жаль, безмерно жаль — ведь индусский храм в Питере был бы таким прекрасным знаком дружбы. Почему быть лишь в Баку храма Большого Огня?

В Калькутском музее одиноко висит большая картина Верещагина из серии «Индия — Гималаи». Где же все прочие? Вот две маленькие книжки жены Верещагина об их гималайских — индусских поездках. Написаны довольно примитивно, но и за то спасибо. Как нужен инвентарь русских произведений — иначе летопись русского искусства будет неполной. Вот после выставки в Сан-Луи восемьсот русских картин канули в бездну, а где они? Много русских прошло по Индии — Сталь, Голубев, Авинов, Ростовцев, и только в забытых журналах имеются их заметки. И теперь бывали Вавилов, Щербиновский, Ульянишев, Перов — многие, но и эти путники прошли почти без следа.

Давно хотелось иметь индусский музей в Питере. Помню, с грустью мы узнали, что Виктор Голубев подарил свои индийские собрания в музей Гимэ и в музей Чернуцкого. Мы надеялись, что он уделит хотя бы часть для нашего Музея Императорского Общества Поощрения

художеств. Впрочем, где этот музей? И еще мечтали мы послать стипендиатов нашей школы в Индию, но тут помешала война.

Где-то по русским просторам странствует книга «Основы буддизма» Наталии Рокотовой (псевдоним Е[лены] И[вановны]). Читались с радостью книги об Индии Рагозиной. Теперь, как говорят, на Руси книги поглощаются читателями. Хочет знать русский народ и в широком познании приобретает великую мощь. О друзьях, о братьях хочет узнавать народ. Если кто может помочь такому доброму познанию, пусть сделает безотлагательно. Хотелось иметь в Индии русскую выставку, о чем я писал Потемкину, Грабарю, Щусеву — не знаю, дошли ли письма? Почта трудна. Святослав выхлопотал у здешнего Правительства разрешение на русскую фильмовую выставку здесь. И такое ознакомление желательно.

В гряде разрозненных сведений трудно понять, где нечто обособленное и где осколок целого ряда событий. Афанасий Тверитянин был в Индии и ценно запечатлел свое странствие. Но ведь таких наверно было много, но следы их завалены грозными обвалами. Множество костей белеют на караванных путях. Индусские селения на Волге, но почему на одной Волге? Ведь жил индусский раджа в Яблоницах под Питером.

Монах оставил свои записи о Гималаях, но таких хождений было много, и немало странников устремлялось в Беловодье. Вот недавно Сураварди был причастен к Московскому Художественному театру, но и в иных местах могли быть друзья — сотрудники. Цыганка ворожит — «Кала пани», помня свой исход из далекой Индии. Сибиряк повествует об Иосафе Царевиче Индийском. Веды — ведать. Дом — дама. Дым — дхума. Дэва — Див. Лель — чудный пастух. Лал — красный, прекрасный. Открыто прекрасное сокровище народов.

20 ноября 1945 (№ 559)

Т. В. Грек

**МОГОЛЬСКИЕ МИНИАТЮРЫ XVII в.
С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ ДВОРЦОВЫХ ПРИЕМОВ — ДАРБАРОВ
(Сравнительная характеристика групповых портретов)**

Портрет — это своеобразный, притом очень емкий с точки зрения содержащейся в нем информации, документ. Именно в портрете особенно тесно соприкасаются действительность и художественное творчество. В отношении могольской миниатюры эти положения в полной мере распространяются не только на индивидуальные портреты, но и на многофигурные композиции — групповые портреты. Именно в этих произведениях содержится ценный материал, характеризующий не только какую-то конкретную личность, но и взаимоотношения шаха и его приближенных, положение того или иного придворного. Состав представленных в многофигурных композициях персонажей, их расположение также представляют определенный интерес.

На специфику этой группы портретов, представляющих, как правило, изображение официальных церемоний при могольском дворе, наложив свой отпечаток особая форма могольской государственности. Огромная территория империи Великих Моголов была разбита на наделы (джагиры) небольшой группы феодалов, всего около 500 человек. Джагир был временным условным владением. Его величина и расположение, а также личный состав джагирдаров время от времени менялись шахом из опасения сепаратистских тенденций или желания привлечь или наказать кого-нибудь из эмиров. Индусские раджи и феодалы, признавшие себя вассалами Великого Могола, но сохранившие наследственные земли и полноту власти над подданными, тем не менее зависели от шаха, который подтверждал их права и в отдельных случаях вмешивался в порядок наследования.

Джагирдары обычно не жили в своем джагире, управляя им и собирая налоги при помощи уполномоченного — вакила. Местом их пребывания, так же как и индусской знати, часто бывала столица. При дворе было легче добиться милости шаха поднесением ему богатых даров или иными заслугами, получить более доходный джагир, добиться высокого чина — мансаба.

Могольские художники были очевидцами многих событий придворной жизни, они были хорошо знакомы с придворной иерархией и этикетом. Благодаря присущему им стремлению к точной, достоверной передаче окружающего они раздвинули рамки группового портрета, превратив его в подлинно исторический документ.

В настоящей статье сделана попытка рассмотреть групповой портрет в его развитии, определить различные этапы его истории, а также дать характеристику особенностей этого вида портретной живописи.

* * *

Групповой портрет появился в могольской миниатюре почти с самого возникновения этой школы. Он фиксирует колоссальное количество событий и персонажей, показывая незыблемость форм этикета, оставаясь формально неизменным и в то же время ярко характеризуя самое главное — изменения в подходе к изображению человека.

Групповые портреты представляют собой своеобразную хронику придворной жизни, живо откликающуюся на самые разнообразные события. Их сюжетами служат пышные приемы, беседы, встречи, празднества и т. д. По содержанию и по трактовке сюжета они могут быть разбиты на несколько довольно четко прослеживаемых групп: портреты официальные, аллегорические, романтические и портреты-наброски — материалы для первых трех групп.

В наиболее интересную и обширную группу официальных групповых портретов входят в основном изображения дворцовых приемов — дарбаров. На каждодневных утренних и вечерних дарбарах разбирались государственные дела, решались вопросы, связанные с управлением империей, объявлялись милость или неудовольствие шаха по отношению к его приближенным и сановникам, подносились дары шаху. Дарбары происходили также по случаю восшествия шаха на престол или годовщины этого события, приема послов или победоносного военачальника и т. д.¹ Многие из таких дарбаров, чем-то выделявшихся из верениц каждодневных, обязательных по этикету, изображались придворными живописцами, и часть этих работ сохранилась до наших дней.

Одним из наиболее ранних произведений подобного типа является хранящаяся в Ленинграде в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина миниатюра с изображением дарбара Джахангира, где шах изображен с соколом в руке [5, рис. 12]. Джахангир здесь представлен сидящим на троне под роскошным балдахинном в кругу сыновей и придворных; вся обстановка соответствует хорошо известным описаниям этих церемоний. Перед шахом слева в верхнем ряду стоят трое юношей. Это, несомненно, его сыновья, о чем свидетельствуют занимаемое ими место, роскошная одежда, драгоценности и вооружение, а также портретное сходство, без труда устанавливаемое при сравнении изображений второго и третьего юношей с хорошо известными портретами второго сына Джахангира — Парвеза [19, 218, 232] и третьего — Хуррама [19, 193—194]. Первый молодой человек с перчаткой на руке, видимо, старший сын шаха — Хосров. Его иконография изучена плохо, так как сохранилось мало его портретов. Однако нельзя предположить, чтобы на этом месте, перед принцами, художник поместил кого-либо, кроме старшего сына шаха. Да и многие известные изображения Хосрова, хотя и уступающие этому в художественном отношении, обнаруживают портретное сходство.

Изображение этого дарбара по стилистическим особенностям (профильные изображения более достоверны, чем трехчетвертные)

¹ Среди этих церемоний особой пышностью отличались коронационные торжества, празднование Нового года и дней рождения шаха и его родителей. Эти даты отмечались по лунному календарю. Большинство же придворных праздников отмечалось по солнечному календарю.

и бытовым реалиям (плоская форма тюрбанов, длинные и узкие концы камарбандов) можно отнести к началу XVII в. Однако для точной его датировки есть и другие основания, прежде всего исторические. В середине первого года правления Джахангира (1605/06) Хосров под предлогом поездки к могиле деда бежал из ставки шаха, пытаясь собрать приверженцев и выступить против отца. Однако вскоре он был схвачен и впоследствии содержался в заключении. В марте 1606 г. Джахангир приказал снять цепи с ног Хосрова и разрешил ему гулять в саду. В этом же году Хосров пытался еще раз организовать заговор против шаха, но его снова постигла неудача. В 1612 г. Джахангир посылал за Хосровом и приказал ему бывать при дворе, возможно желая рассеять распространившиеся слухи о смерти принца. Из этого напрашивается вывод, что с середины 1605 г. до 1612 г. Хосров не появлялся на шахских дарбарах [22, стр. 51, 55—59, 62, 64, 68].

Отождествление изображения юноши, стоящего перед Джахангиром, со старшим сыном шаха Хосровом позволяет показать то большое значение, которое придавалось этому виду изобразительного искусства при могольском дворе. Так, при сравнении одной из миниатюр Британского музея, имеющей подпись миниатюриста Манохара [9], работавшего при дворе Джахангира, с миниатюрой «Дарбар Джахангира с соколом» нетрудно заметить несомненное портретное сходство между Хосровом на дарбаре и юношей, подносящим шаху чашу с вином, на миниатюре Манохара.

Сравнение еще одной работы Манохара [6, рис. 19] с совершенно аналогичной композицией, но другим персонажем, включенным вместо Хосрова, позволяет предположить, что это авторское повторение миниатюры, сделанное уже после 1605 г., т. е. после восстания Хосрова. Опальный сын шаха не мог изображаться стоящим перед Джахангиром, что и вызвало появление второй композиции Манохара.

Определение миниатюры «Дарбар Джахангира с соколом» как одного из самых ранних образцов группового портрета подтверждается также и тем, что остальные персонажи этой композиции выглядят значительно моложе, чем на других известных официальных групповых портретах, имеющих дату исполнения позже 1606 г. Особенно показательны в этом отношении изображения раджи Бир Сингх Део, раджи Бхао Сингха, Абу-л Хасана, Ходжи Джахана, Итабар Хана и Анираи.

Раджа Бир Сингх Део стоит сразу же за Джахангиром справа, он держит в руках чаури — опахало. На других групповых портретах раджа занимает также место в непосредственной близости от Джахангира. До настоящего времени было известно два изображения этого человека. Еще в 1930 г. И. Щукин определил (на миниатюре Музея Виктории и Альберта в Лондоне с изображением дарбара Джахангира) персонаж, стоящий справа, сразу за Джахангиром, как раджу Бир Сингх Део [19, LIV]. Эту композицию И. Щукин датирует 1610—1614 гг.

Им же был отождествлен с Бир Сингх Део по портретному сходству персонаж, стоящий в первом ряду придворных на миниатюре Бостонского музея [19, LV], выполненной в 1619 г. Сейчас можно, также основываясь на портретном сходстве, прибавить к этим двум изображениям еще два. Безусловно, тот же человек изображен на «Дарбаре Джахангира с соколом» и на «Большом дарбаре» [6, рис. 32, № 9]. Из всех известных четырех портретов Бир Сингх Део самым ранним, безусловно, является его изображение на «Дарбаре Джахангира с соколом»: на его смуглом энергичном, даже несколько жестоком лице еще не заметно признаков старости. Несмотря на то что художник отметил свисающий двойной подбородок, толстые щеки и общую полноту

и тяжеловесность фигуры, это еще не старый человек, кожа передана упругой, морщин на ней нет. Особенно это заметно при сравнении изображения с другими портретами Бир Сингх Део. Так, наиболее близкой по времени к рассматриваемой миниатюре является дарбар Музея Виктории и Альберта, но там кожа на лице рассматриваемого персонажа передана уже дряблой и морщинистой, а при сравнении с его портретом на миниатюре со сценой «Большого дарбара» эта разница при полном портретном сходстве становится еще более заметной: это уже пожилой человек, кожа дряблая, морщинистая, свисающая на подбородке. Следует отметить, что во всех портретах общим остается отвислая нижняя губа и выражение лица, имеющее неприятный оттенок жестокости.

Раджа Бир Сингх Део — один из самых близких Джахангиру представителей индийской знати. Особую милость этот глава банделов заслужил, убив в 1602 г. министра Акбара Абу-л Фазла, пытавшегося устранить Джахангира от наследования [22, стр. 24, 25, 204, 231]. Учитывая важность услуги, оказанной Бир Сингх Део Джахангиру, не приходится удивляться его постоянному присутствию в непосредственной близости к монарху на изображенных могольскими миниатюристами групповых сценах из жизни двора Джахангира.

Одним из самых любопытных персонажей могольского двора был начавший свою карьеру еще при Акбаре Абд-ур Рахим Хан-и Ханан, сын знаменитого Байрам Хана, регента (вакила) в первые годы правления Акбара. Выполняя сложные и ответственные обязанности в государственном аппарате, Хан-и Ханан в то же время был покровителем поэтов и художников. Он был хорошо образованным человеком, писал стихи на нескольких языках, в том числе на санскрите и хинди. Его поэтический псевдоним был «Рахим». Известно, что именно как поэт Хан-и Ханан был признан одним из «девяти сокровищ» могольского двора (науратан). Хотя он в основном покровительствовал персоязычным поэтам, среди его друзей был и Тулси Дас, стихами которого на хинди Абд-ур Рахим восхищался. Хан-и Ханан был не только поэтом, но и переводчиком: так, он перевел на персидский язык Вакиат-и-Бабури [15, стр. 36, 39, 220, 221, 263, 269].

Яркая личность образованного, обладающего широтой взглядов Абд-ур Рахима часто привлекала внимание могольских художников², тем более что он сам покровительствовал мастерам миниатюры [16]. На рассматриваемой миниатюре Абд-ур Рахим изображен стоящим в профиль первым в ряду после сыновей шаха. На воротнике его одежды надпись: «Портрет Хан Ханана». Биография Хан-и Ханана хорошо известна из ряда источников. Родился он в 1556 г. Судя по его внешности на этой миниатюре, ему здесь не более 50 лет, что является еще одним подтверждением датировки дарбара первым годом правления Джахангира. Из всех известных изображений Абд-ур Рахима рассматриваемый портрет может быть признан самым ранним. Так, на миниатюре Музея Виктории и Альберта он представлен уже глубоким старцем, у него белоснежная борода, морщины бороздят лицо. Однако характерная линия профиля не оставляет сомнений в том, что это изображение одного и того же человека: здесь идентичны линия бровей, рисунок надбровных дуг, изгиб рта. Таким образом, несмотря на значительную разницу в иконографии этих двух изображений, в основ-

² Абд-ур Рахим изображался не только на групповых портретах, известны его индивидуальные изображения. Большой интерес представляет миниатюра, где он представлен позирующим художнику Даулату.

ном вызванную возрастными изменениями, можно с полной уверенностью сказать, что оба они — изображение Абд-ур Рахима Хан-и Ханана. Щукин датирует миниатюру из Музея Виктории и Альберта 1610—1614 гг., следовательно, Абд-ур Рахиму здесь около 60 лет. Хан-и Ханан прожил долгую, полную политических интриг жизнь. В первый период правления Джахангира он был в особом фаворе у шаха [22, стр. 28, 113, 147, 149], этим объясняется то, что на ранней композиции он занимает одно из центральных мест.

За Абд-ур Рахимом стоит, также в профиль, Хан Азам, известный и под именем Азиз Кока. Он был одним из крупнейших могольских сановников, одно время занимал пост правителя Гуджарата [22, 153]. Его служба началась еще при Хумаюне. Джахангир в своих мемуарах [22, 138] характеризует этого представителя могольской знати как «притворщика» и «старого служивого волка». Хан Азам неоднократно появляется при дворе Джахангира. Он сопровождает шаха во время преследования восставшего Хосрова в 1605 г. И именно к этому году должно относиться его изображение на «Дарбаре с соколом», так как несколько позднее, в 1606—1607 гг., он уже не бывал на приемах, впад в немилость после обнаружения его письма к Али Хану [22, 79—80]. Текст письма Хан Азама нам неизвестен. Его содержание, вызвавшее негодование Джахангира, свидетельствовало о предательских намерениях Хан Азама. Джахангир заставил Хан Азама прочесть это письмо в многолюдном собрании. Как он отмечает, Хан Азам сделал это совершенно спокойно, без тени волнения, а «те, кто присутствовал на этом подобном раю собрании слуг Акбара и Джахангира и слышал чтение письма, дали волю языку в упреках, проклятьях и брани» [22, 81]. Разгневанный шах, учитывая опытность Хан Азама в государственных делах и то, что он был молочным братом Акбара, не убил его (это намерение у него вначале было), а после временной опалы назначил в 1608 г. на пост наместника Гуджарата.

Благообразный облик Хан Азама, с правильными чертами лица, седой бородой, поджатыми губами и опущенными глазами, как его запечатлел неизвестный мастер, выполнивший этот групповой портрет, несет какую-то внутреннюю напряженность. Его внешность соответствует тому впечатлению, которое складывается на основании упомянутых выше высказываний Джахангира об этом человеке. Хан Азам довольно часто присутствовал на сохранившихся групповых портретах. На «Дарбаре с соколом» он, так же как и рассмотренные выше персонажи, выглядит моложе, чем на других миниатюрах. Разница менее заметна по сравнению с его портретом на дарбаре Музея Виктории и Альберта и на «Большом дарбаре» [6, т. 32, № 4] и довольно значительна по сравнению с его изображением на миниатюре, где представлен дарбар, датируемый Щукиным 1618—1620 гг. («Бостонский дарбар»). Лицо Хан Азама на бостонской миниатюре имеет старческое, чуть брюзгливое выражение, черты суше, много морщин [19, LV, № 13].

Из общей массы придворных несколько выделен стоящий перед правой группой сановник с листком рукописного текста в руке. Надпись на этой фигурке с именем изображенного не сохранилась. Однако несомненная портретность позволяет и тут идентифицировать личность рассматриваемого персонажа. Это знаменитый Асаф Хан (Мирза Абул Хаса). Его иконография хорошо известна. Наибольшее сходство обнаруживается при сравнении этого портрета с изображением Асаф Хана на групповом портрете (дарбар Джахангира), хранящемся в Музее Виктории и Альберта, где он также дан в профиль. На более близком по времени «Большом дарбаре» лицо Асаф Хана

повернуто в три четверти, что затрудняет сравнение, хотя и не вызывает сомнения в правильности идентификации. Большое внимание, уделенное художником этому персонажу, вполне объяснимо: Асаф Хан был одним из могущественнейших феодалов двора Джахангира и занимал ряд высоких и ответственных постов. К тому же он был родственником шаха. Наконец, Асаф Хан был покровителем искусств, в частности живописи.

Тонко и тщательно выписаны незаурядные черты лица Итабар Хана (надпись — «Портрет Итабар Хана»). И здесь также прослеживается портретное сходство с другими известными изображениями Итабар Хана. Если судить по его внешности, то, по-видимому, самым ранним портретом Итабар Хана является его изображение на «Дарбаре Джахангира с соколом». Лицо Итабар Хана и его фигура выглядят довольно молодо. Уверенная, почти медалерная линия очерчивает изящный профиль, с длинным заостренным носом, опущенными углами сжатого рта. Усов и бороды нет. Кожа смуглая, гладкая, без морщин. На «Большом дарбаре» Итабар Хан (№ 13) повернут художником в три четверти, его черты тщательно прорисованы и моделированы. Узкое смуглое лицо без бороды и усов, с характерно сжатыми губами и опущенными углами рта еще не несет заметных возрастных изменений. Интересно отметить, что Итабар Хан смотрит на шаха. Это — попытка связать воедино действующих лиц композиции не только формально (все они члены одного общества и участвуют в общем действии), но и художественными средствами — взглядами, как в данном случае, иногда попой. Значительно старше Итабар Хан выглядит на миниатюре Бостонского музея [19, LIV, № 2] и на миниатюре с изображением сцены празднования Аб-паши, где его пожилой возраст подчеркивается согбенной спиной и морщинами на заостренном лице.

В данном случае, так же как и в случае с портретами Хан Азама наблюдательность могольских художников и достоверность создаваемых ими портретов подтверждаются данными письменных источников. В этом отношении любопытно провести параллель между изображениями Итабар Хана и его описаниями в воспоминаниях Джахангира. В 1607 г. Итабар Хан, которому Джахангир очень доверял, был назначен начальником крепости Гвалиор, где содержались важные государственные преступники [22, 113]. И действительно, на миниатюре 1605 г. и даже на миниатюре 1612—1615 гг. («Большой дарбар») он изображен энергичным, живым человеком, с умным выражением лица. Итабар Хан на миниатюре Бостонского музея, датируемой 1618 г., изображен уже довольно пожилым человеком. А в 1622 г. Джахангир отмечает, что его давний слуга (Итабар Хан) становится старым и дряхлым [22, 231]. На миниатюре со сценой празднования Аб-паши [10, рис. 1] Итабар Хан изображен уже согбенным старцем. Эту миниатюру, следовательно, нужно датировать не 1617 г., как это сделал издавший ее П. Браун, а на несколько лет позднее.

Изображения остальных придворных слишком плохо сохранились (Махабат Хан, раджа Бхао Сингх) или их иконография недостаточно четко прослеживается (Ходжа Джахан, Анирай), видимо, из-за отсутствия яркой индивидуальности в чертах лица или просто незаинтересованности мастера в сюжете, что не позволяет расположить эти изображения в четко хронологической последовательности, исходя из возрастных изменений, и сравнить друг с другом. Часть же портретов вообще не удалось определить, надписи на них не сохранились, а сличение по портретному сходству не дает возможности с полной уверенностью назвать их имена. В некоторых, правда довольно редких, случаях уста-

новление тождества представляется затруднительным даже при наличии нескольких изображений, снабженных надписями с указанием имен (здесь не имеются в виду ошибки и поздние приписки). Причиной этого является еще сохранившаяся условность, особенно заметная в передаче некоторых деталей лиц в трехчетвертном ракурсе. Так, пожилой белобородый мужчина в пышном большом тюране, лицо которого дано в трехчетвертном повороте, имеет надпись: «Портрет Кулидж Хана». Персонаж с этим же именем представлен на миниатюре «Большой дарбар» (№ 2). В целом между этими двумя старцами сходство улавливается и по ряду внешних признаков (белая борода, несколько загнутый книзу нос) и по общему выражению как бы чуть близоруких глаз. Но имеется и ряд различий, особенно в линиях бровей. В одном случае (на раннем портрете) они переданы идеально правильными дугами, в другом («Большой дарбар») брови сдвинуты к переносице и приподняты, что увеличивает напряженность взгляда. Да и сама манера передачи глаз менее условна, чем на первой миниатюре.

Кулидж Хан начал свою службу еще при Акбаре — в 1572 г. Джахангир, неоднократно упоминающий о заслугах Кулидж Хана в своих мемуарах, назначал его на высокие посты [22, стр. 21, 84, 135, 198, 199]. Кулидж Хан принадлежал к числу самых высоких сановников государства. Его мансаб достигал нескольких тысяч лошадей. Кулидж Хан был также поэтом. Умер он в возрасте 80 лет в 1611 г. Лицо Кулидж Хана на миниатюре с изображением «Большого дарбара» настолько тщательно выполнено, что не представляло труда определить еще один его портрет в групповой композиции «Бостонского дарбара» (№ 34).

Такой же подход к изображению лиц, портретируемых в трехчетвертном повороте, замечен при рассмотрении изображений Мирзы Гази [см. 5, рис. 12]. В то же время профильные изображения на этой же самой миниатюре менее условны, точнее передают внешность модели.

Мастер, написавший рассмотренный групповой официальный портрет «Дарбар Джахангира с соколом», обладал незаурядным талантом и сумел создать интересное и значительное произведение, отличающееся высокими художественными достоинствами. Эта миниатюра, свидетельствуя о его одаренности, показывает еще раз, что могольские художники успешно решили труднейшую проблему группового портрета — создание законченного единства группы при равном положении отдельных персонажей.

Решение этой задачи представляется особенно сложной для художника могольской школы миниатюры — школы сугубо придворной, где, казалось бы, образ шаха должен был занимать особое положение и выделяться всеми возможными средствами.

Единство группы достигается прежде всего простым, спокойным композиционным построением. Фигуры шаха и придворных расположены в пределах одной пространственной зоны, на плоскости, композиция симметрична и уравновешенна. В геометрическом центре миниатюры помещен шах, справа и слева от шаха и в нижней половине миниатюры размещены придворные, стоящие правильными рядами, занимая половину всей плоскости миниатюры. Фоном служит решенный плоскостно интерьер, где яркие ткани драпировок гармонируют с нарядными одеждами, вооружением и украшениями придворных и шаха, привлекая внимание зрителя яркостью красок и тонкостью исполнения. Однако даже этот сверкающий фон с обилием тщательно выполненных деталей не становится доминирующим, так как с ним связаны в единое гармоничное целое и лица изображенных с различными оттен-

ками кожи — от очень смуглого до чуть кремового. Именно лица, подчеркнутые четкими контурами, обращают на себя внимание зрителя, привлеченное яркой и нарядной миниатюрой. Жизненность лица каждого персонажа, особенно разительная по сравнению с безличной пестротой остальных деталей произведения, невольно задерживает внимание. Миниатюра своим малым размером, самой техникой исполнения предназначена для детального и внимательного рассмотрения.

Могольские художники полностью использовали для привлечения внимания зрителя декоративные качества миниатюры, выработавшиеся за долгое время, когда она была лишь украшением или иллюстрацией в рукописи. Могольские портретисты используют все возможности техники миниатюры, они придают особую выразительность своим творениям, сочетая изысканность и крепость линии со сверкающими пятнами локальной расцветки. Они населяют свои композиции громадным по сравнению с миниатюрной живописью других стран числом людей, стремясь каждого из них ярко и точно охарактеризовать. Индивидуальная характеристика придана не только лицам изображенных. Даже их позы, подчиненные придворному этикету, на первый взгляд, хотя и производят впечатление однообразия, имеют различные оттенки. Особенно это заметно в наклоне головы, в ее посадке; временами индивидуализируется и осанка.

Таким образом, в одном из самых ранних групповых портретов XVII в. уже четко проявились характерные его черты — прежде всего, точное отображение действительности, подчеркнутый интерес к особенностям, присущим портретируемому лицу. Аристократическая феодальная формула сохраняется внешне, в основном в композиционной схеме, в определенной статичности поз. Однако сквозь жесткие оковы этикета и придворного характера этого направления индийской миниатюры пробиваются новые, свежие решения, замечен новый подход художника к своей модели, хотя и сохраняются некоторые элементы условности. Делаются попытки не только передать портретное сходство, но и запечатлеть психологическое своеобразие отдельных персонажей.

Следует отметить, что на раннем групповом портрете Джахангира и его приближенных изображено значительное число представителей местной индусской знати, среди них Бир Сингх Део, Анираи, раджа Бхао Сингх, раджа Джаганнатх. Еще двое придворных должны быть отнесены к индусской знати по этническому типу.

Таким образом, если не считать Джахангира и его сыновей, то почти четверть присутствовавших на этом приеме — это индийские владетельные особы или их сыновья. Такое же соотношение между мусульманской и местной индийской знатью наблюдается и при рассмотрении портретируемых лиц на миниатюре Музея Виктории и Альберта, где из одиннадцати придворных четверо (Анираи, Бхао Сингх, Бир Сингх Део, Рам Дас Качхваха) — индусы.

В состав двора и могольского чиновничьего аппарата уже со времени Акбара включаются представители местной феодальной знати. Акбар, обладавший трезвым политическим инстинктом, правильно решил задачу расширения базы своей власти, понимая, что насущной необходимостью было привлечение феодалов-индусов. Он добился этого, так как пятая часть эмиров при нем были индусами [1, 84]. Поддержка Акбара индийскими, в основном раджпутскими, владельцами обеспечивалась как родственными (путем браков) связями, так и с помощью политики веротерпимости, своеобразного компромиссного синкретизма. При преемнике Акбара — Джахангире, судя по данным миниатюр, число феодалов-индусов при дворе увеличивается.

В более поздних произведениях, а именно в групповых портретах, выполненных в 1610—1615 гг., новое отношение к портретируемому персонажу достигает наивысшего уровня. Именно в это время создаются самые яркие произведения, в которых заметны большие сдвиги, особенно в трактовке черт лица. Общие композиционные приемы, трактовка поз, решение фона меняются меньше. Разница особенно заметна в передаче лиц портретируемых, которые в более поздних произведениях значительно ближе к натуре. Почти исчезает условность. Отдельные черты, передававшиеся ранее без стремления индивидуализировать их, теперь привлекают внимание художника своеобразием у каждого персонажа. Так, очень четко передается линия бровей, овал лица, форма подбородка. Особенно интересует художника разрез глаз. Несколько иное отношение к позам: они передаются свободней, появляется попытка связать отдельные персонажи друг с другом жестом, поворотом головы.

В это время на миниатюрах многие лица изображаются не в профиль, а в трехчетвертном повороте. Увеличение в произведениях начала XVII в. числа изображений в три четверти и почти в фас представляется немаловажным явлением в процессе развития портрета в первой половине XVII в. Дело в том, что как только появилось требование передачи портретного сходства в миниатюрах, выполненных акварелью или темперой, при очень малых размерах изображения стало естественным ориентироваться именно на профильное изображение. Линия профиля наиболее простая, легко запоминаемая и характерная. В то же время она наиболее графична. Поэтому вполне понятно, что на смену трехчетвертному ракурсу с его условной передачей черт лица (как в могольской школе в самый начальный период ее существования под влиянием миниатюрной живописи Ирана) приходит профильное изображение, помогающее решать новые задачи. Появление же снова трехчетвертного оборота на более поздних миниатюрах связано, видимо, с тем, что профиль меньше, чем фас, дает возможность психологической характеристики. При попытке охарактеризовать не только внешность, но и внутренний мир человека могольские портретисты начала XVII в. стали прибегать к этому более трудному ракурсу. Таким образом, психологическая сквозность, присущая портретному изображению, преодолевается в трехчетвертных изображениях.

Это явление особенно характерно для групповых портретов второго десятилетия XVII в. (позднее число трехчетвертных изображений снова уменьшается) — времени наивысшего расцвета жанра группового портрета. Именно этим временем датируется один из самых больших групповых портретов, известных до сих пор [6, табл. 32].

Композиция представляет собой дарбар Джахангира, видимо, большой прием, судя по составу и многочисленности собравшихся. Это произведение построено по тому же плану, что и остальные дарбары. В центре помещен Джахангир, сидящий на тахте под балдахином. Справа и слева от него — две группы придворных, стоящих правильными рядами друг против друга. Между этими двумя группами остается проход к трону шаха. Шах и его окружение занимают нижнюю половину миниатюры, верхняя заполнена тентом с беседками, драпировками, штандартами — обычной нарядной обстановкой дарбаров, трактованной плоскостно и составляющей фон миниатюры. Схема построения миниатюр с подобными сюжетами, видимо, была почти обязательна. Здесь, как и в композиционном построении всех официальных групповых портретов того времени, выдержана симметричность и уравновешенность. Каждый из 76 изображенных охарактеризован

удивительно четко, поражает убедительностью портретного сходства. Не все лица одинаково удались художнику. Больше внимания он уделял тем из портретируемых, которые обладали особенно приметной внешностью или занимали высокие посты. Однако и отдельные лица и вся композиция в целом свидетельствуют о таланте мастера, имя которого осталось неизвестным. Миниатюра не имеет подписи. Уверенная рука автора этого произведения оставила галерею портретов первой четверти XVII в.

Рассмотрение некоторых из них поможет более точно датировать миниатюру и установить ряд особенностей стиля и методов художника, работавшего в тот период.

Очень показателен в этом отношении портрет Мирзы Гази (№ 19). Он был талантливым поэтом и музыкантом, а также одним из самых близких семье шаха лиц, так как его сестра была женой старшего сына Джахангира — Хосрова. В 1607 г. Мирза Гази был назначен командующим группой войск, посланной Джахангиром в Кандахару. Он удачно вел борьбу с персами, подавил восстание в Кандахаре и впоследствии был назначен начальником крепости [22, стр. 71, 75, 80, 133]. Естественно, что Джахангир питал к Мирзе Гази чувство большого расположения. В своих воспоминаниях Джахангир писал о нем: «Часть округа Мультана была добавлена к джагиру Мирзы Гази, хотя он уже имел джагиром всю область Тхатта. Он был также повышен в ранге до 5000 рупий и 5000 лошадей; губернаторство Кандахара и защита этой области, являющейся границей Индостана, были поручены его превосходному управлению; Мирза Гази обладает различными совершенствами, а также пишет хорошие стихи. Он употребляет в качестве псевдонима имя Вакари». Мирза Гази умер в 1612 г., и Джахангир опять посвящает ему несколько хвалебных строк [22, 223—224]. Портреты Мирзы Гази встречаются и на других миниатюрах этого и более раннего периода. Этот удачливый и талантливый человек изображался всегда в непосредственной близости к шаху. Его положение на миниатюрах еще раз подтверждает, что размещение отдельных персонажей не случайно, что могольские художники точно передавали сложную систему местничества, чиновную иерархию.

Во всех изображениях Мирзы Гази наблюдается портретное сходство, но трактовка лица в разных по времени произведениях несколько различна. Так, на «Дарбаре Джахангира с соколом» черты его лица по сравнению с другими изображениями несколько сглажены. Не отмечены ни характерный излом бровей, ни довольно широкий овал скуластого лица, что прослеживается на других его портретах, а, наоборот, эти детали даны приближенно к условным изображениям прекрасных юношей иранской традиции. Все же и здесь сомневаться в правильности идентификации не приходится, даже несмотря на отсутствие надписи с именем изображенного. В лице схвачено наиболее характерное: выражение мечтательных глаз, энергичная складка рта. Разница лишь в том, что портрет Мирзы Гази на «Большом дарбаре» ближе к натуре, портретность ярче выражена. Известен и индивидуальный портрет Мирзы Гази работы знаменитого могольского художника Манохара. В этой последней миниатюре очень много общего с рассматривавшимися выше портретами Мирзы Гази, относящимися к 1605—1610 гг., — начиная от орнамента ткани одежды и расположения складок тюрбана вплоть до одинаково переданных мельчайших черт лица. Рисунок бровей, зрачки глаз, обращенные кверху, энергичная складка губ даны на всех портретах одинаково. Все эти очень похожие изображения характерны и чрезвычайно высокой техникой исполнения.

Манохар был одним из крупнейших портретистов времени Джahanгира. Известен целый ряд его подписных работ, однако творческий почерк художника пока еще недостаточно изучен. Поэтому в данном случае трудно говорить о его авторстве, основываясь лишь на сходстве отдельных деталей, хотя авторство Манохара и не исключено.

На примере сравнения различных изображений Мирзы Гази, Махабат Хана, Хан Азама, Бир Сингх Део и других исторических персонажей начала XVII в. видно, что даже при разной манере письма в разных по времени работах (возможно, выполненных разными мастерами) сохраняется общность облика, а это уже значительно больше, чем простая фиксация внешнего сходства. Правда, художественное воплощение психологического состояния выражено здесь очень простым, чтобы не сказать примитивным, языком. За основу берется какая-либо одна сторона характера, и дается она статично.

Однако сдвиги, происшедшие за какие-нибудь пятнадцать лет, разительны. В ранних миниатюрах могольской школы нет портретных изображений, а имеются маски-типы. Они составляют из обобщенных, иногда идеализированных, черт. Условность этих персонажей и отличительные черты каждого типа не были выработаны в самой могольской школе миниатюры, а были принесены туда извне. Маски-типы имеют свою специфику и развиваются по-разному.

Стремление к индивидуализации облика, к портретности появляется прежде всего при изображении крупных исторических деятелей, особенно шахов. Например, шах Акбар в иллюстрациях к его жизнеописанию «Акбар-наме» представлен уже не типовым изображением шаха, а портретным, с фиксацией конкретных черт конкретного физического облика [23, табл. IIA]. Затем могольские художники переходят к реалистической трактовке при изображении и менее значительных персонажей. Наконец, намечается переход к передаче психологической сущности оригинала. Таким образом, в последнем случае прославляется уже не идея верховного правителя, а конкретный правитель.

Эволюция художественного мышления могольских художников происходит чрезвычайно быстро (не потому ли, что в истоках этой школы нет единой стойкой традиции?), весь этот процесс занимает около трех десятков лет.

Такие быстрые сдвиги вначале именно в области группового портрета объясняются тем, что наряду со стилевым и техническим единообразием, появившимся в результате коллективной работы и стандартной выучки художников в хорошо организованной придворной живописной мастерской, художники пользовались определенной свободой, особенно в сюжетах из современной жизни, в изображениях современников. Эти сюжеты — жанровые и исторические сцены, иллюстрировавшие жизнеописания шахов, — ближе всего подходят по типу к групповому портрету, где также необходимо было связать действующих лиц единым настроением и композицией.

Однако при переходе в жанровых и исторических сценах от типовых изображений людей к портретным стало необходимым строже выдерживать придворную иерархию, что особенно сказывалось при изображении официальных церемоний. Этим и объясняется специфика могольского многофигурного портрета в отличие от индивидуального; последний появился позже, но в нем ярче развились реалистические тенденции.

Успехи в портретной живописи обуславливаются, как правило, изменениями в восприятии человеческой личности. Исключения не со-

ставляет в этом отношении и своеобразный реализм, присущий творениям могольских художников. Характерные образцы официального группового портрета также дают этому подтверждение как реалистической трактовкой персонажей, так и составом изображенных там людей.

Среди придворных высоких рангов, стоящих в застывших согласно этикету позах, представлены поэты, ученые, врачи. Иногда в такие многофигурные композиции включаются художники, известные музыканты, танцоры. Имеются также и представители феодальной интеллигенции: знаменитый поэт и переводчик Накиб-хан [6, табл. 32, № 41], поэт и музыкант Шауки (№ 45), врач Мир Али Хаким (№ 30).

Особенностью этого произведения и примыкающего к нему изображения приема Джахангира из Бостонского музея является то, что здесь изображены исторические лица, одновременное присутствие которых при дворе было невозможно в силу разных причин. Это свидетельствует о том, что некоторые групповые композиции того времени в отличие от первых лет XVII в. уже не изображают какую-то конкретную церемонию. Это репрезентативные портреты шаха и сонма его блистательных приближенных. Состав свиты отражает не присутствовавших на конкретном дарбаре, а окружение шаха вообще.

Рассмотрение этнического состава присутствовавших на «Большом дарбаре» дает основание полагать, что во время создания этой композиции представители индусской знати также занимали значительное место при дворе, о чем свидетельствуют изображения одиннадцати раджей и их сыновей. Кроме этих лиц, чьи портреты снабжены именами, к числу представителей индийской знати следует отнести двух придворных, имена которых плохо сохранились, но тем не менее титулы раджи и раи читаются. Некоторые имена настолько стерты, что их чтение может быть дано лишь предположительно, например Сундар Дас (№ 64). Поскольку на плечи этого человека накинута шаль, которую обычно носят раджпуты, а имя Сундар Дас часто упоминается в «Тузук-и Джахангари» (отмечается, например, что в 1614 г. он получил титул Рай Райана), то не исключена возможность, что на рассматриваемой миниатюре изображен именно он. Если учесть, что этнический тип еще нескольких присутствующих свидетельствует тоже об их индийском происхождении, то примерно четверть представленных на дарбаре лиц принадлежит к числу индийской знати.

Развитие или, во всяком случае, сохранение отмеченных выше новых традиций в портрете заметно вплоть до середины XVII в. Свидетельством этого служит миниатюра, на которой изображен, по-видимому, «коронационный» дарбар Шах Джахана [6, табл. 33]. На этой миниатюре Шах Джахан представлен сидящим на троне, в окружении своих сыновей — Дары Шикоха, Шуджи, Аурангзеба, Мурад Бахша и придворных. Имена изображенных не указаны, однако ряд персонажей легко определить по портретному сходству. С этой точки зрения любопытно сравнение рассматриваемой миниатюры с миниатюрой, хранящейся в Британском музее [9, рис. XX]. Оба произведения имеют много общего и по составу изображенных лиц и по их расположению. Так, отдельные персонажи занимают просто тождественное положение по отношению и к шаху и к другим придворным. Это, прежде всего, Даулат Хан, Мирза Рустам.

Миниатюра Британского музея не закончена, это лишь подготовительный набросок, выполненный черной тушью, местами видны исправления, однако лица проработаны удивительно тщательно и очень выразительны. Все изображенные, кроме нескольких, затерявшихся на

заднем плане, имеют пометки с указанием имени либо занимаемой должности. При сравнении с этими названными самим художником изображениями на нашей миниатюре устанавливается целый ряд лиц— Асаф Хан [ср. 6, табл. 33, № 3 и 9, табл. XX, № 4], Даулат Хан (Хавасс Хан) [ср. 6, табл. 33, № 6 и 9, табл. XX, № 10] и многие другие. Можно дополнить число идентифицированных персонажей путем сравнения этой миниатюры с индивидуальными портретами представителей знати двора Джahanгира и Шах Джahanа. При этом сравнении определяются еще махараджа Джасвантх Сингх, Мир Мухаммад Саид (Мир Джумла), Асалат Хан [17, т. II, рис. 195, 196, 198].

Следует отметить, что по сравнению с этой неоконченной миниатюрой-наброском Британского музея «коронационный» дарбар не дает такой точной характеристики, такой близости к натуре, какая ощущается в первом случае. Лица на «коронационном» дарбаре выписаны менее тщательно даже по сравнению с написанным акварелью и гуашью (т. е. сделанным в той же технике миниатюры) дарбаром Джahanгира. Сравнение официальных групповых портретов начала XVII в. с подготовительными набросками дает другую картину. Набросок в технике «сияхи калам» одного из дарбаров Джahanгира, датируемый Кумарасвами 1617 г. [13, табл. XXXIII], выполнен с большой наблюдательностью, но современные ему произведения в красках не уступают этому наброску в точности характеристики изображенных людей.

В то же время детали архитектурного убранства помещения, яркие инкрустации и ткани, своеобразная форма кронштейнов, поддерживающих балдахин, очень внимательно переданные художником, позволяют определить помещение, изображенное еще на некоторых миниатюрах [9, рис. XXI; 10, рис. LVIII; 19, рис. LV]. Здесь уже наблюдается нечто принципиально новое по сравнению с миниатюрами, изображающими дарбары начала столетия, где архитектурное убранство помещения играло лишь декоративную роль (в композиционном и смысловом решении миниатюры). Однако передача внешности портретируемых персонажей в «коронационном» дарбаре еще достаточно точна, поэтому сравнение внешнего облика изображенных и их биографических данных позволяет довольно точно датировать и эту миниатюру. Прежде всего, это произведение могло быть написано до 1627 г., т. е. до начала правления Шах Джahanа. Возраст самого шаха, которому на этой миниатюре около 35 лет, а также его сыновей— они здесь еще совсем мальчишки—заставляет предположить, что миниатюра выполнена где-то между 1627 и 1630 гг. Эта датировка представляется еще более вероятной при рассмотрении особенностей в трактовке некоторых придворных. Так, упоминавшийся выше Асаф Хан выглядит значительно старше, чем даже на одном из последних групповых портретов времени Джahanгира [19, табл. LV].— он изображен с бородой, в которой пробивается седина. Сравнение его портрета с его же изображением на миниатюре со сценой дарбара Шах Джahanа, где шаху около 50 лет и где, следовательно, и Асаф Хан тоже должен выглядеть значительно старше, действительно убеждает, что во внешности Асаф Хана произошли значительные изменения. Из человека средних лет— таковым он показан на «коронационном» дарбаре— он превратился в старика, что подтверждает датировку этого изображения.

Показательна также с точки зрения изменения внешности в зависимости от возраста и датировки миниатюр личность Ходжи Абу-л Хасана Турбати, одного из крупнейших сановников Джahanгира, часто изображавшегося придворными миниатюристами. Иконография Ходжи Абу-л Хасана Турбати хорошо известна. Находится он и в числе при-

дворных, изображенных на «коронационном» дарбаре Шах Джахана — он стоит за шахом, опершись на трость, его лицо дано в профиль. Его наружность претерпела значительные изменения по сравнению с изображениями, относящимися к началу XVII в. [5, рис. 1]. На «коронационном» дарбаре Шах Джахана он выглядит совсем старцем, у него седая, довольно длинная борода, рот сжат, углы губ опущены. Лишь характерная линия довольно крупного носа осталась без изменения. Ошибки в идентификации, однако, быть не может, так как имеется ряд его портретов различного возраста, к тому же на незаконченном дарбаре Шах Джахана из Британского музея есть пометка с его именем.

Умер Абу-л Хасан Турбати в 1632 г. Возможно, портрет на «коронационном» дарбаре — его самое последнее прижизненное изображение. На более поздних миниатюрах, выполненных заведомо после 1632 г., он изображается более молодым [18, табл. 5, № 13]. Видимо, в основу его посмертной иконографии легло изображение, близкое по времени миниатюре с дарбаром из Бостонского музея (около 1619 г.). Таким образом, дата смерти Абу-л Хасана Турбати может служить дополнительным подтверждением датировки «коронационного» дарбара концом 20-х — началом 30-х годов XVII в. Пожалуй, наибольшая близость между изображением Абу-л Хасана Турбати на «коронационном» дарбаре и другими его портретами наблюдается при сравнении этого портрета и миниатюры, хранящейся в Вашингтоне в Галерее Фрира. Это произведение датировано 1618—1620 гг. на основании одновременного присутствия на миниатюре Шах Джахана и Мир Джумлы [14, рис. 10], а также ее сюжета — вручения Джахангиром книг шейхам Гуджарата. Однако лицо Ходжи Абу-л Хасана на этой миниатюре, где он изображен стариком с белой бородой, да и вся фигура, имеющая старческий облик, не соответствуют остальным его изображениям на миниатюрах этого периода [19, рис. LV]. Следует предположить, что в данном случае лишь сюжет миниатюры относится к 1618—1620 гг., а выполнена она была из династических соображений значительно позже, возможно, даже в первые годы правления Шах Джахана.

Таким образом, в начале второй четверти XVII в. могольская портретная живопись, как это и видно из рассмотренных групповых композиций, сохраняет яркую и четкую портретность, и, судя по передаче возрастных изменений, художники не теряют связи с натурой. Но, несмотря на еще очень высокие достижения художников в передаче сходства, уже есть некоторая тенденция уменьшения роли портретности, особенно в репрезентативных композициях. Большой акцент делается теперь на передачу бытовых реалий и архитектурного убранства.

Групповая композиция более позднего времени — середины XVII в. — свидетельствует о дальнейших изменениях в этом же направлении. Характерный образец группового портрета середины XVII в. — миниатюра с изображением дарбара Шах Джахана в «Диван-и хасс» (Зале частных приемов) [6, рис. 34]. Нижней границей датировки этого произведения служит время постройки изображенного на ней здания «Диван-и хасс» — 1637 г. Точнее ее можно датировать, обратившись к сюжету. Многофигурная (27 человек) композиция представляет собой прием шахом приехавшего из Ирана в Индию Али Мардан Хана, помещенного художником слева от шаха, в непосредственной близости от трона, первым в ряду трех придворных. Этот богатый и знатный иранец, поссорившись со своим сюзереном, приехал в Индию в 1638 г., что служит некоторым основанием отнести миниатюру к этому же времени.

Сравнивая этот групповой портрет — сцену приема Шах Джахана в «Диван-и хасс» — с предыдущей миниатюрой, изображающей Шах Джахана в молодости, можно заметить разницу в соотношении между портретами и фоном, на котором изображена сцена. Во всех официальных групповых композициях начала 40-х годов изображаемые персонажи представляют лишь необходимым добавлением к пышному белому мрамора помещению, в центре которого сидит шах и размещены самые важные лица. Две группы придворных в правом и левом нижних углах миниатюры отнесены в сторону для того, чтобы показать как можно полнее отделку помещения. Фигуры стоящих в нижнем ряду срезаны по пояс, и это объясняется не экономией места, т. е. желанием поместить больше людей, а лишь намерением оставить незакрытой тонкую резьбу мраморной ограды. Можно определенно сказать, что основное внимание здесь уделено художником роскошному помещению «Диван-и хасс», яркому цветовому контрасту белого мрамора и сверкающих тканей одежд и орнаментов на здании.

Безусловно, лица сохраняют портретное сходство, однако не имеют столь яркой индивидуальной характеристики, которая была непременным условием групповых официальных портретов первой четверти XVII в. Судя по надписи, среди изображенных находится Али Мардан Хан — он стоит сразу за колонной, перед шахом. Сравнение его внешности на этой композиции и на миниатюре со сценой приема Шах Джахана, хранящейся в Национальной библиотеке в Париже [11, рис. IV] (имеет ту же пометку — Али Мардан Хан), свидетельствует о снижении роли портретного сходства в групповых композициях. К такому же выводу можно прийти на основании рассмотрения изображения Саадалла Хана, стоящего за колонной, за шахом, с другими его изображениями на групповых официальных портретах. Все они даны более обобщенно, чем его же индивидуальные портреты [7, 152].

У трона шаха сидит его второй сын — Аурангзеб. Идентификация Аурангзеба произведена не столько по портретному сходству, сколько на основании политических симпатий изображенных на этой миниатюре царедворцев. Здесь представлены сторонники Аурангзеба. Направо от Шах Джахана стоит Саадалла Хан — вазир, которого Дара Шихох «позволил себе с необыкновенной дерзостью оскорбить» [3, 67]. За ним находится Шаиста Хан (Мирза Абу Талиб), впоследствии настаивавший на казни Дары. Несколько ниже помещен мало расположенный к первенцу шаха Касим Хан [3, 77]. Слева от трона стоит махараджа Джасвантх Сингх, игравший важную роль в возведении на престол Аурангзеба.

Еще меньше внимания фиксации индивидуальных особенностей лиц уделяется художником в групповой миниатюре дарбара Шах Джахана в «Диван-и амм» (Зале общих приемов) [5, рис. 19].

Красочно и выразительно запечатлел здесь художник одну из самых торжественных церемоний могольского двора. Центральное место в композиции занимает фигура шаха, сидящего на тахте под роскошным балдахином. Это, безусловно, Шах Джахан. Идентификация не оставляет сомнения, так как внешность шаха и его иконография хорошо известны по ряду других миниатюр. Персонажи, окружающие шаха, размещены в соответствии с этикетом могольского двора. Перед лицом шаха, в непосредственной близости к нему, — его сыновья и внук. Несколько дальше, справа и слева от трона, высшие сановники государства. В нижней части композиции — ряды придворных менее высоких рангов.

Сам шах и его приближенные одеты в роскошные одежды из парчовых и шелковых тканей, орнамент которых, тщательно переданный художником (полоски или мелкие цветочки, разбросанные симметрично по ромбовидной сетке), столь характерен для могольских тканей XVII в. Не ускользнули от внимания художника специфическая форма тюрбанов, несколько свисающих над затылком, с широкой полосой ткани, плотно охватывающей голову, пояса с широкими и короткими концами, орнаментированными крупными цветами. Обе последние детали одежды распространяются во второй четверти XVII в. Тщательно и достоверно переданы и другие бытовые реалии: ювелирные украшения, оружие. Они, так же как и ткани, находят много аналогий среди сохранившихся предметов прикладного искусства и в других миниатюрах со сценами могольского быта времени Шах Джахана. Особенно большое внимание уделено миниатюристом изображению парадного помещения, в котором происходит дарбар. Здесь настолько велика точность в передаче форм аркад, их сложного декора, что можно без труда узнать «Диван-и амм», постройка которого началась при Шах Джахане. Величественные беломраморные аркады «Диван-и амм», обрамленные яркими красками завес и ковров, а также одежды придворных занимают чуть ли не половину композиции.

Включение сюда этого памятника архитектуры может служить неплохим ориентиром для датировки миниатюры. Однако в данном случае точнее позволяет установить время создания этого произведения его сюжет, хорошо определяющийся по аналогичной композиции, хранящейся в Национальной библиотеке в Париже и имеющей надпись, которая раскрывает ее содержание [11, рис. IV]. На обоих произведениях, очевидно, изображено событие 1640 г.: Шах Джахан разрешил старшему сыну Дара Шикоху в своем присутствии сидеть на специальной тахте [3, 63]. Таким образом, период, в который могла быть выполнена миниатюра, сужается — его границами следует считать 1640 г. и дату воцарения Аурангзеба, т. е. 1657 г.

Основное в этом произведении — стремление подчеркнуть особое положение шаха, его величие и пышность двора. Этому подчинена композиция миниатюры, уравновешенная и симметричная, где центральное место отведено шаху, и ее цветовое решение. Она построена на контрасте белых аркад и ярких красок одежд, завес и ковров, рядом с пестротой которых геометрические плоскости величественных колонн особенно заметны. Самое яркое пятно — фигура шаха в оранжевой джаме, оттененная золотой рамкой тахты, на которой он сидит, и сочной зеленью фона за спиной шаха. Лишь фигура шаха не подавляется пышностью убранства, что происходит с застывшими между колонн рядами придворных.

Обращаясь к изображениям остальных персонажей на рассматриваемой миниатюре, следует указать, что сходство здесь все же передается. Однако поскольку лица трактованы обобщенно, с выделением лишь особенно характерных подробностей, идентификация с достаточной долей уверенности может быть произведена лишь при наличии дополнительных, подтверждающих портретное сходство обстоятельств. Так, перед шахом на низенькой тахте должен сидеть не кто иной, как старший сын Дара Шикох. Лицо последнего хорошо известно по ряду его индивидуальных портретов. Однако на всех его известных индивидуальных изображениях, выполненных с большой тщательностью, отмечены детали, ускользнувшие от мастера, создавшего сцену дарбара (или не интересовавшие его). В этом случае полагаться лишь на портретное сходство невозможно, и если бы не было добавочных основа-

ний, вытекающих из сюжета композиции и письменных источников того времени, то идентифицировать Дару Шикоха было бы затруднительно. Не отличаются особой выразительностью лица и остальных изображенных здесь людей.

При рассмотрении состава двора на групповых портретах времени правления Шах Джахана бросается в глаза заметное сокращение представителей индусской знати. Так, на миниатюре 1627 г. [6, рис. 33] находится только махараджа Джасвант Сингх, раджа Ануп Сингх и раджа Батал Сингх, т. е. всего трое из 46 человек. На более поздних официальных портретах число индусов еще меньше.

В работах некоторых историков указывается, что «при ближайших преемниках Акбара — Джахангире и Шах Джахане феодалы-индусы составляли важную классовую и политическую опору власти Могольских падишахов». На основании данных миниатюр равнозначное определение роли феодалов-индусов на протяжении правления Джахангира и Шах Джахана представляется неправильным.

Официальные групповые портреты последних лет правления Шах Джахана правдиво передают сложную обстановку того времени. Они являются иллюстрацией ожесточенной борьбы за власть, образно раскрывая соперничество отдельных группировок придворных и разницу в их политической ориентации.

* * *

Итак, сравнительный анализ групповых официальных портретов первой половины XVII в. дает основание полагать, что ранние многофигурные композиции (характерной является миниатюра с изображением дарбара Джахангира 1605 г.), несмотря на их официальный характер, представляются результатом непосредственного наблюдения художником действительности и старания адекватно ее отразить.

Однако уже во втором десятилетии XVII в. групповой официальный портрет из фиксации придворной церемонии превращается в произведение репрезентативного характера, дающее представление лишь о величии и мощи шаха, блеске и значении его двора. Характерной особенностью этих композиций является включение в групповой портрет персонажей, не присутствовавших во время исполнения произведения при дворе (или уже умерших), но своим значением повышавших представительность приема у шаха. Примером таких композиций могут быть названы «Большой дарбар» и миниатюра со сценой дарбара Джахангира из Бостонского музея. Но и в этот период сквозь жесткие рамки придворного характера школы и необходимости отражения сложного этикета все же видны результаты беспристрастного наблюдения действительности художником.

В 30-х годах XVII в. изображения людей в групповых портретах утрачивают свою яркую портретность. Они несколько обобщаются, иногда идеализируются. На первый план в официальной портретной живописи выступает пышная дворцовая обстановка. Придворные лишь дополняют представление о величии шаха, часто выступая только в виде нарядной безликой толпы.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова К. А., Очерки общественных отношений и политического строя Могольской Индии, М., 1957.
2. Ашрафян К. З., Форма землевладения и землепользования в Индии, М., 1965.

3. Бернье Ф., История последних политических переворотов в государстве Великого Могола, М., 1936.
4. Грек Т. В., Два индийских портрета начала XVII в.,— «Сообщения Государственного Эрмитажа», т. XXIV, Л., 1964.
5. Грек Т. В., Индийские миниатюры XVI—XVIII веков, М., 1971.
6. Грек Т. В., Индийские миниатюры,— «Альбом индийских и персидских миниатюр», М., 1962.
7. Искусство Индии, М., 1958.
8. Ansari M. A., Court Ceremonies,— «Islamic Culture», vol. XXXV, № 3.
9. Binyon L. and Arnold T. W., The Court Painters of the Great Moguls, Oxford, 1921.
10. Brown P., Indian Painting under the Mughals 1550 to 1750, Oxford, 1924.
11. «Bulletin de la Société Française de reproductions de manuscrits à peintures», 10 année, Paris, 1926.
12. Clarke S., Thirty Moguls Paintings, London, 1922.
13. Coomaraswami A., Catalogue of the Museum of Fine Arts, vol. VI, Boston, 1930.
14. Ettinghausen R., The Emperor's Choice,— «De Artibus Opuscula», vol. XV, 1961.
15. Ghani M. A., A History of Persian Language and Literature at the Mughal Court, Allahabad, 1930.
16. Haq M., The Khankhanan and His Painters,— «Islamic Culture», vol. IV, 1931.
17. Martin F. R., The Miniature Painting of Persia, India and Turkey, vol. I—II, London, 1912.
18. Pinder-Wilson R. H., Three Illustrated Manuscripts of the Mughal Period,— «Ars Orientalis», vol. II, 1957.
19. Stchoukine I., Portrait Moghols: deux darbar de Jahangir,— «Revue des arts asiatiques», t. VI, 1929—1930.
20. Stchoukine I., Portraits Moghuls, III,— «Revue des arts asiatiques», t. VII, 1931—1932.
21. Stchoukine I., Portraits Moghuls, IV,— «Revue des arts asiatiques», t. IX, 1935.
22. The Tuzuk-i-Jahangiri, Transl. by A. Rogers, London, 1909.
23. Welch S. C., The Art of Mughal India, New York, 1963.

А. П. Раскин

ВЫХОДЦЫ ИЗ ИНДИИ В США

(1901—1946 гг.)

Изучение внешних миграций населения в период капитализма и империализма — задача чрезвычайно важная и актуальная. Вдвойне важно изучение этой проблемы для двух таких стран, как США и Индия, одна из которых по праву может быть названа «страной иммигрантов», а другая в течение длительного времени являлась одним из важнейших районов эмиграции рабочей силы.

Проблема внешних миграций индийского населения в общем плане поставлена И. П. Труфановым [2, 110—128]. Нельзя не согласиться с выводом автора о том, что полное освещение этого вопроса — задача необычайно трудная, а небольшое число статей на эту тему далеко ее не исчерпывает.

Немногим лучше обстоит дело и с изучением иммиграции в Соединенные Штаты в рамках интересующего нас периода. В советской литературе на эту тему существуют две монографии, разделенные по времени выхода периодом почти в десять лет. Книга Л. А. Баграмова «Иммигранты в США» [1] представляет большой интерес для каждого, кто занимается проблемой иммиграции в США. Но, как справедливо указывается во введении, она далеко не исчерпывает эту тему. Другой автор, А. Н. Шлепаков [5], посвятил свое исследование интереснейшему аспекту американской иммиграции — ее воздействию на положение рабочего класса США. Однако, сколь ни важен этот аспект сам по себе, за пределами исследования остаются другие, не менее важные проблемы, среди которых, в частности, иммиграционная политика США в отношении выходцев из стран Азии. Хотя частично эта проблема затрагивается как общими курсами истории США, так и отдельными монографиями (в том числе и двумя названными), ее детальное изучение все еще не проведено.

В Соединенных Штатах существует обширная литература, посвященная восточной иммиграции в эту страну [7; 11; 19; 21], однако ввиду малочисленности индийской иммиграции ее положение почти не освещается. Тем не менее изучение этого вопроса представляет определенный интерес, так как, во-первых, проникнутая расистским духом иммиграционная и натурализационная политика Соединенных Штатов в отношении индийцев справедливо рассматривалась последними как «наиболее реальное свидетельство» отношения официальной Америки к индийскому народу, а во-вторых, изучение иммиграционной политики США в отношении индийцев помогает яснее увидеть ее расистскую основу, поскольку здесь легко различим широко используемый ка-

муфляж «заботы» об интересах рабочих в Америке, которым якобы угрожает массовый наплыв дешевой рабочей силы — иммигрантов из разных стран Востока.

* * *

Неизвестно, кто был первым иммигрантом из Индии на Американском континенте и когда он там появился. Документы отмечают, что в 1820 г. в США въехал иностранец из Индии, но поскольку этническая принадлежность иммигрантов в те годы не регистрировалась, то вероятнее всего предположить, что это был один из проживавших в Индии европейцев [9, 138]. Затем въезд индийцев регистрировался в 1859—1861 гг. в количестве 2, 5 и 6 человек [6, 356]. В конце XIX в. своеобразную группу индийских иммигрантов составили члены религиозной организации «Миссия Рамакришны», осевшие в США после выступления главы организации Свами Вивекананды на Мировом конгрессе религий 1893 г. в Чикаго. Последователи Вивекананды обосновались главным образом в Нью-Йорке и Сан-Франциско [18, 305]. Весьма немногочисленные индийские иммигранты конца XIX — начала XX в. были в основном студентами, религиозными деятелями, учеными, интеллигентами; однако наряду с ними в США появляются небольшие группы индийских крестьян.

Трудовая иммиграция индийцев в США шла как непосредственно из Индии, так и через Канаду. Основную массу иммигрантов составляли сикхи из Панджаба, в большинстве — бывшие солдаты английской колониальной армии. Многие из них служили в полицейских отрядах и воинских подразделениях, расквартированных в британских портах в Азии, таких, как Сингапур, Гонконг, а также в международном сеттльменте Шанхая. Там они получали некоторую информацию об экономических возможностях в Канаде или США. В период восстания ихетуаней в Китае солдаты английской колониальной армии близко соприкасались с представителями других национальностей, которые бывали в Америке и, вероятно, рассказывали о ней индийцам. В результате после окончания военной службы некоторые сикхи перебирались в Канаду, преимущественно в провинцию Британская Колумбия. Поскольку вначале их было немного, а канадские предприниматели нуждались в дешевой рабочей силе, индийцы сравнительно легко находили работу. Для приезда новых иммигрантов не было серьезных препятствий. Это положение менялось по мере того, как число индийцев, прибывавших в Канаду, увеличивалось. Сельское население Панджаба, Гуджарата, Ауда, Бенгалии и других районов Индии, привлеченное письмами соотечественников, часто приходившими вместе с денежными переводами, сотнями выезжало в Канаду в 1907 и 1908 гг. Массовая иммиграция дала толчок разнузданной антииндийской кампании, которая закончилась принятием ограничительных законов, резко сокративших количество индийских иммигрантов [3]. Насколько эффективны были меры, принятые канадским правительством, можно представить исходя из следующих данных о численности индийских иммигрантов по годам [6, 356]:

1905 г.	1906 г.	1907 г.	1908 г.	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.
45	387	2124	2623	6	10	5	3	5

Результатом антииндийской кампании в Канаде явилась переориентация иммиграционного потока в США. Небольшое число индийцев, находившихся здесь к 1907 г., начало заметно возрастать. Если

в 1906 г. в США прибыл 271 индийский иммигрант, то уже в 1907 г. число прибывших поднялось до 1072, а в 1908 г.— до 1710. В их составе было много индийцев, переместившихся в западные штаты (Калифорния, Орегон, Вашингтон) из Канады. Индийцы возлагали большие надежды на Соединенные Штаты, рассматривая их как убежище от преследований в Канаде, Южной Африке и других странах [17, 60]. Эти иллюзии, однако, вскоре развеялись. Появление «индусов» (так называли выходцев из Индии в США независимо от их религиозной принадлежности) было встречено в штыки расистски настроенными элементами населения. В значительной степени такой прием был подготовлен и обусловлен волной антияпонской и вообще антиазиатской истерии, прокатившейся по Тихоокеанскому побережью США в начале XX в. Существовавшая здесь «Лига исключения японцев и корейцев» была переименована в «Лигу исключения азиатов»¹, имея в виду индийцев [17, 61]. Антииндийские выступления в некоторых городах, в том числе в Сиэтле, Эверетте и Беллингеме, носили погромный характер. Наиболее крупный инцидент произошел в сентябре 1907 г. в Беллингеме, где около 200 индийцев, работавших на лесозаготовках, были насильственно выдворены из города, причем многим были нанесены тяжелые увечья [17, 61]. В антииндийскую кампанию включилась пресса западных штатов. Характерная в этом плане статья появилась в журнале «Overland Monthly», где некая мисс Бьюкенен заявляла, что «индусское нашествие» грозит миру с тех пор, как «письмена Веды отдали мир арийцам». «Маленькое облачко на горизонте,— запугивала своих читателей Бьюкенен,— становится угрозой именно потому, что им пренебрегают; между тем оно увеличивается по мере того, как ветры с Востока несут его все ближе». По мнению автора, госдепартамент США должен «внести поправку в Веды», признав невозможным сосуществование на одном континенте двух ветвей арийской расы [18, 305—306].

Кроме антииндийской пропаганды иммигранты начали сталкиваться и с дискриминацией, проводимой властями. Многим из них отказывали в праве на въезд под предлогом «заболеваний» или возможности превращения в «бремя для общества»². Подобная практика приветствовалась британским правительством, которое отнюдь не было заинтересовано в увеличении числа индийцев в США, рассматривая иммигрантов как потенциальных врагов английского господства в Индии. Надо сказать, что основания для беспокойства у Англии были, так как помимо трудовой иммиграции в США обосновались и индийские политические эмигранты. В 1908 г. известный представитель индийской общины в США Таракнатх Дас³, выходец из Бенгалии, начал выпускать сначала в Сиэтле, а затем в Нью-Йорке ежемесячный журнал «Free Hindustan». При издании журнала Дас опирался на поддержку американских издателей ирландского происхождения, сочувствовавших борьбе Индии за независимость [6, 358]. Канадские власти с ведома и одобрения британского правительства сделали Соединен-

¹ Измененное название Лиги — «Asiatic Exclusion League». Под термином «exclusion», широко употребляемым в американской литературе, имеется в виду запрещение въезда в США представителям определенных национальностей.

² В США был запрещен въезд больным и психически ненормальным лицам, преступникам, а также тем, кто мог явиться «бременем для общества». Практически под эту формулу подводились все, кто был почему-либо неугоден правительству США [1, 24].

³ Один из наиболее активных политических эмигрантов, письмо которого Л. Н. Толстому послужило непосредственным толчком для его работы над знаменитым «Письмом к индусу» [4, 148].

ным Штатам полуофициальное предложение об исключении индийцев, используя в качестве повода уже известные события в Беллингеме [6, 356].

Неблагоприятные факторы, с которыми столкнулись индийские иммигранты в США, оказали свое воздействие на индийскую иммиграцию. В 1909 г. в Соединенные Штаты въехали 337 человек — в пять раз меньше, чем годом раньше. Однако в 1910 г. в связи с закрытием Канады для индийцев и резко увеличившейся потребностью в дешевых рабочих руках на строительстве железных дорог в США прибыло максимальное число индийцев, когда-либо въезжавших в страну, — 1782. Большую часть иммигрантов по-прежнему составляли сикхи, которых в Калифорнии, имея в виду их головные уборы, презрительно именовали «тряпичными головами» [9, 141]. Журналы тихоокеанского побережья вновь запестрели заголовками о «нашествии индусов». Широко публиковались выводы одного из чиновников иммиграционной комиссии, который заключил, что индийцы являются самой нежелательной частью иммиграционного потока из Азии. «Лига исключения азиатов» объявила, что в Калифорнии находится 10 тыс. «индусов» (на самом деле их общее количество на всем Западном побережье никогда не превышало 6 тыс.), и потребовала от правительства решительных мер по борьбе с «индусской угрозой». В течение всего 1910 г. лига проводила яростную кампанию против иммиграционного комиссара Сан-Франциско Харта Норса, допускавшего неосторожные высказывания о том, что индийцы найдут в США благоприятные возможности для работы. Лига добилась его смещения, что привело к усилению жесткости в отношении иммигрантов. В начале 1911 г. лига с триумфом сообщила, что усилия дали свои плоды и иммиграция «индусов» резко сократилась [17, 62].

* * *

Несмотря на свою малочисленность, индийская община внесла определенный вклад в экономическое развитие Тихоокеанского побережья США. Подавляющее большинство эмигрантов были опытными сельскохозяйственными рабочими и, по мнению американской печати, могли бы принести большую пользу, если бы получили возможность обрабатывать землю. Однако вначале им приходилось работать в тех отраслях, где больше всего ощущалась необходимость в дешевых рабочих руках. Значительное число иммигрантов работало на деревообрабатывающих предприятиях штатов Вашингтон и Орегон. Важнейшими центрами, где селились индийцы, стали города Сун, Астория, Линтон и Бридал. Второй отраслью, которая привлекала труд иммигрантов, было железнодорожное строительство. В течение нескольких лет сотни индийцев работали на постройке Западной тихоокеанской железной дороги. Согласно отчетам строительных кампаний, трехмильный туннель «Спринг Гарден» был выстроен исключительно руками 1700 индийских рабочих. После окончания строительства туннеля многие иммигранты стали ремонтными рабочими на Южно-Тихоокеанской и Северо-Западной железных дорогах, а затем передвинулись на юг, на строительство Сакраменто Северной — электрифицированной линии, соединившей города Окленд и Чико. Те, кто не нашли работы на железных дорогах, переместились в металлургическую и консервную промышленность Окленда, а также на серебряные рудники штата Невада [10, 147—148; 18, 305].

Около 1910 г. началось перемещение индийцев из промышленности и строительства в сельское хозяйство. Первоначально они концентрировались в районе г. Чико, работая на фруктовых плантациях. Из района Чико они передвинулись к г. Сакраменто и в долину реки Сан-Хоакин, где в качестве сезонных рабочих использовались на различных видах сельскохозяйственных работ, включая садоводство. Группы индийцев спустились в дельту реки на плантации спаржи и сахарной свеклы в районе г. Стоктона. Община индийских иммигрантов никогда не была достаточно велика для того, чтобы занять важное место на рынке труда Западного побережья. Находясь в постоянном движении вследствие сезонного характера работы, особенно в сельском хозяйстве, они не создали никакой трудовой организации, которая защищала бы их интересы. С. Чандрасекхар утверждает, что индийцы в большинстве случаев добивались стандартного уровня заработной платы. Однако, исходя из данных, относящихся к иммигрантам из стран Востока в целом, это утверждение представляется весьма сомнительным и вызванным конъюнктурными соображениями.

Условия жизни индийских иммигрантов оставляли желать лучшего, так как им приходилось селиться в любых условиях, предложенных нанимателями. Чаще всего они жили во временных постройках, предоставляемых в непосредственной близости от фабрик или лесоразработок. Однако сравнительно высокий уровень заработной платы в сочетании с низкими расходами на жизнь, не превышающими 3 долл. в месяц на человека [18, 305], привели к тому, что в руках индийцев стали скапливаться довольно значительные суммы. Некоторые посылали деньги в Индию, другие откладывали с тем, чтобы, вернувшись на родину, выкупить заложенное имущество, третьи же в годы, предшествовавшие первой мировой войне, арендовали землю в самих Соединенных Штатах. Небольшие, но успешно действующие сельскохозяйственные колонии индийцев возникли первоначально в районе г. Стоктона. Фермерская деятельность приносила доход, и постепенно индийские колонии образовались вокруг ряда населенных пунктов.

С 1913 г. некоторые индийцы начали арендовать землю специально для разведения риса. Первая мировая война, резко увеличившая потребность в продовольствии, привела к подъему этой отрасли сельского хозяйства. Одновременно происходила социальная дифференциация в индийской общине. Отдельные землевладельцы-индийцы нанимали для работы своих соотечественников, образуя зажиточную верхушку так называемых индусских рисовых королей [10, 148]. В 1920 г. индийцами обрабатывалось около 45 тыс. акров под рисом, 35 тыс.— под овощами и 3 тыс. акров под фруктовыми деревьями [10, 148]. Вклад индийских иммигрантов в развитие земледелия западных штатов увеличивался тем, что они обрабатывали по существу целинные земли, по тем или иным причинам не занятые американскими фермерами. Примером может служить освоение долины Импириэл Вэли. Ее жаркий и влажный климат коренные американцы переносили тяжело, а привыкшие к жаре индийцы успешно возделывали там хлопков, зерновые, люцерну и другие культуры.

Колонии индийцев, как и выходцев из других стран Азии, вначале состояли почти исключительно из мужчин, живших группами под руководством собственных лидеров, зачастую обязанных своим положением знанию английского языка. Семья в индийской общине была явлением чрезвычайно редким, так как в отличие от британских доминионов Соединенные Штаты не разрешали въезд женам и детям индийцев. Это правило распространялось на все категории индийских

иммигрантов. Даже те из них, которые въезжали в США временно, по торговым делам, не имели права ввозить с собой семью. Этим правом обладали только представители тех стран, с которыми у США были договоры по торговле и навигации. Такого договора у Индии с Соединенными Штатами не было, тем не менее торговые представители США имели специальный привилегированный статус в Индии, предоставленный им Великобританией [27, 205]. Ввиду близости положения индийцев с положением американцев мексиканского происхождения первые тяготели к включению в испано-американскую субкультуру. Этот процесс в основном закреплялся женитьбой индийцев на мексиканских женщинах. Некоторые женились на американках соответствующего социального круга. Многие индийцы, женившись, прекращали сезонные передвижения, переходя к оседлой жизни. Затем начинался процесс американизации. Родившиеся в индийских семьях дети посещали американские школы, где учились говорить только по-английски. Редко слыша дома язык своих отцов, на котором, как правило, говорил лишь один из родителей, они фактически полностью ассимилировались с окружающим населением. Таким образом, индийская община в Америке, увеличиваясь за счет слабого притока индийцев-мужчин, их мексиканских или американских жен и рожденных в Америке детей, теряла при этом свой однородный этнический состав [17, 149].

* * *

Индийцы, как и другие иммигранты азиатского происхождения, являлись объектом дискриминационной политики со стороны как местных, так и центральных органов власти США. Разумеется, немногочисленная индийская община не привлекала к себе особого внимания рестрикционистов (сторонников ограничения иммиграции), но, вызванная в основном японской иммиграцией, волна шовинизма обрушилась и на индийцев. Уже примерно с 1907 г. в ряде сельских округов Калифорнии раздавались требования об ограничении права землевладения для выходцев с Востока. В 1913 г. в штате был принят «Закон об иностранном землевладении», который в основном был направлен против японцев, однако под его действие попадали и те несколько сот индийских фермеров, которые обосновались в долине Сан-Хоакин и Импириэл Вэли. Существовавшие в законе лазейки позволяли сохранять за собой уже обрабатываемые земли, в частности, переписывая их на родившихся в Америке детей, но дальнейший рост индийского землевладения был сильно затруднен [подробнее см.: 26, 303—315].

Прямые нападки на индийцев вел в Конгрессе США член палаты представителей от Калифорнии Денвер Черч. Избранные в конгресс при поддержке «Лиги исключения азиатов» Черч и сенатор Эллисон Смит от штата Южная Каролина внесли в 1914 г. билль об исключении «индусских» чернорабочих. Билль был передан для изучения в иммиграционную комиссию палаты представителей, где его решительно поддержал генеральный комиссар бюро иммиграции Энтони Каминетти. В комиссии взяли верх сторонники либерального иммиграционного законодательства, и билль Черча не прошел. Неудача не обескуражила авторов, продолжавших борьбу за принятие билля. В августе 1914 г. Черч заявил в палате представителей, что «большой процент» 350-миллионного индийского народа страстно желает перенести свою «полную суеверий, отсталую» культуру на Американский континент. Для того чтобы слушатели поняли, чем это грозит Соединенным Штатам, Черч дал следующую характеристику индийской культуры: «Са-

мым страшным из индийских богов был крокодил, и, чтобы умиротворить гнев этого покрытого чешуей и зубастого чудовища, любящие, но суеверные матери бросали с берегов Ганга своих беспомощных отпрысков в пасть крокодила» [17, 64]. Усилия Черча и его единомышленников увенчались успехом в годы первой мировой войны, когда завершился общий переход Соединенных Штатов в сторону жесткого регулирования потока иммигрантов.

В декабре 1916 г. в Конгресс был внесен законопроект, ставивший своей целью резкое сокращение иммиграции в США. Одним из его основных положений было требование проверки грамотности, направленное против иммигрантов из стран Восточной и Южной Европы [5, 157—158]. Для индийской иммиграции более существенным был другой раздел нового закона, устанавливавший так называемую барьерную зону. Искусственными границами выделялись определенные участки земной поверхности в качестве районов, из которых нежелателен приезд иммигрантов в США. Эта зона включила большую часть Южной и Юго-Восточной Азии: Индию, Бирму, Таиланд, Индокитай и некоторые другие районы [9, 141].

Кроме сравнительно широкой оппозиции новому иммиграционному закону в целом существовала и небольшая оппозиция специально включению в барьерную зону Индии. В Конгресс была направлена подписанная несколькими сотнями человек петиция, содержащая протест против ограничения иммиграции из Индии на том основании, что индийцы являются ветвью арийской (индоевропейской) расы. Однако вскоре американскими шовинистами был найден способ покончить и с той слабой поддержкой, которая оказывалась индийцам в США. Поводом для этого послужило раскрытие так называемого индусского заговора на Тихоокеанском побережье в 1917 г. Группа индийцев, стремившихся к освобождению своей родины, решила воспользоваться благоприятной с их точки зрения обстановкой для того, чтобы начать вооруженную борьбу в Индии. Для перевозки в Индию была закуплена большая партия оружия. Индийцы были арестованы по обвинению в нарушении американского нейтралитета, а после вступления США в войну обвинены в связях с Германией и осуждены как агенты иностранной державы [6, 8, 299—310; 20, 175—176]. Как и следовало ожидать, из-за этого усилились антииндийские нападки расистов всех рангов. Власти штата Калифорния в 1919 г. обратились в Конгресс с резолюцией, требовавшей запретить «враждебным иностранцам» заниматься бизнесом. Кроме того, власти штата решили требовать от каждого иммигранта сертификата о том, что он является «хорошим, высокоморальным гражданином, соблюдающим законы и клятву преданности США» [5, 219]. В свете только что прошедшего процесса индийцам трудно было рассчитывать на то, что они будут признаны лояльным элементом; что же касается морали, то бюро трудовой статистики штата Калифорния в докладе от 6 января 1919 г. заявило, что «индийцы не имеют морали» и являются наиболее нежелательными иммигрантами [27, 205].

В послевоенные годы для США характерно резкое усиление борьбы за ограничение иммиграции. Американские рестрикционисты, размахивая жупелом «красной угрозы», требовали в ряде случаев полного прекращения иммиграции. Их требования нашли отражение в принятых Конгрессом биллях 1921 и 1924 гг. Суть их сводилась к тому, что для иммигрантов вводились квоты, соответствующие в первом случае 3% от числа лиц данной национальности, находившихся в США в 1910 г., а во втором случае — 2% соответствующего числа этих лиц в 1890 г. Это за-

конодательство, ставившее «нордические» расы в явно привилегированное положение, практически сводило азиатскую иммиграцию к нулю [5, 218—230, 235—237]. Иммиграционная квота для стран барьерной зоны была установлена в размере 100 человек в год; но и этой квотой индийцы не могли воспользоваться, поскольку закон 1924 г. содержал оговорку о том, что «ни один иностранец, непригодный для гражданства, не будет допущен в Соединенные Штаты» [5, 236]. Пригодность же для гражданства определялась серией решений Верховного суда США, принятых в 1921—1923 гг. В нашумевшем деле по лишению гражданства японского уроженца Озава Верховный суд США в 1922 г. подтвердил существовавшее ранее положение, согласно которому только представители «кавказской» (индоевропейской) и «негроидной» рас желательны для иммиграции и гражданства.

Индийцы, относящиеся к индоевропейской расе, согласно этому правилу, казалось бы, имели все права на иммиграцию и натурализацию. Но это толкование встретило яростную оппозицию тех, кто, подобно некоему проф. Пратту Фейрчайлду, считал, что «эта страна будет страной белых, но не в новейших антропологических интерпретациях, которые включают индусов и другие темнокожие группы, а в значении, которое было обычным среди интеллигентных людей 150 лет назад» [9, 141]. Спустя несколько месяцев после дела Озава, Верховный суд рассмотрел аналогичное дело Б. С. Тхинда — индийца, приехавшего в США в 1913 г., и постановил, что Тхинд (а в качестве прецедента это распространялось на всех индийцев) является лицом, непригодным для гражданства. Свое решение Верховный суд мотивировал тем, что Тхинд не является ни «черным», ни «белым», причем судья, рассматривавший дело, нашел блестящий аргумент, предложив сравнить цвет кожи Тхинда с цветом кожи любого белого американца с улицы [9, 142]. Кроме того, в решении суда фигурировали ссылки на то, что, принимая иммиграционные статуты 1790 и 1875 гг., а также более поздние решения, Конгресс обозначал словами «белый человек» только европейцев.

Этот прецедент имел далеко идущие последствия. Во-первых, он позволял отказывать в праве на въезд даже тем 100 индийским иммигрантам, которые предусматривались ежегодной квотой. Фактически индийскую квоту использовали англичане и другие европейцы, проживавшие в Индии. За два десятилетия, прошедшие после дела Тхинда, в США по индийской квоте въехало более тысячи европейцев [17, 69]. Во-вторых, американское правительство придало приговору по делу Тхинда обратную силу и на этом основании приступило к изъятию натурализационных сертификатов у тех индийцев, которые стали гражданами США до этого прецедента. Такая политика правительства вызвала восторг у расистов Калифорнии, где осело большинство индийских иммигрантов. Раздавались голоса, призывавшие усилить применение «Закона об иностранном землевладении» против теперь уже официально признанных «нежелательными» индийцев. В защиту индийцев высказался орган умеренных и либеральных кругов американского общества — еженедельник «The Nation». «Соединенные Штаты,— писалось в журнале,— достаточно громко протестуют против применения ретроактивного конфискационного законодательства против иностранцев, когда в роли иностранцев выступаем мы сами. Будем ли мы с той же верностью охранять права собственности иностранцев на своих собственных берегах?» [22, 336—337].

С крайним неудовольствием встретили решение по делу Тхинда в Индии. Осложнилось положение американских импортеров и миссионеров в Индии. Последние обратились с открытым письмом к американ-

скому народу, которое широко публиковалось в Индии, а в Соединенных Штатах было напечатано в «The Nation». В письме говорилось о неблагоприятном резонансе, который получило дело Тхинда в широких кругах индийской интеллигенции [17, 67—68; 14, 447].

Ретроактивное применение прецедента Тхинда вызвало резкие протесты индийской общины в США. В 1923—1926 гг. натурализационные сертификаты были отобраны приблизительно у 60 человек. Для индийцев и членов их семей потеря американского гражданства была настоящей трагедией, так как они оставались без всякого подданства и находились под постоянной угрозой потери всего имущества и высылки из страны. Жены индийцев, лишенных гражданства, также теряли его, независимо от того, были они коренными американками или нет. Права гражданства сохранялись только за рожденными в Америке детьми.

Упорную борьбу за сохранение гражданства тем индийцам, которые его уже получили, вел Таракнатх Дас. В ряде статей он вскрывал юридическую несостоятельность решения Верховного суда и прямо указывал на его (решения) расистскую окраску.

Остановить процесс денатурализации удалось лишь в 1926 г. на основе другого судебного прецедента, связанного с делом Сахарам Ганеш Пандита. Последний был натурализован в 1914 г., женился на американке, владевшей землей в Калифорнии, и приобрел дом в Лос-Анджелесе. После решения по делу Тхинда он в соавторстве с коренным американцем Чейзом опубликовал памфлет, в котором доказывал, что Конгресс, принимая натурализационные статуты 1790 и 1875 гг., включал народы Индии в белую расу. В июне 1923 г. в суде было начато дело по лишению прав американского гражданства самого Пандита. В отличие от дела Тхинда судья, рассматривавший дело Пандита, пришел к выводу, что правительство США не имеет права лишать гражданства тех лиц, которые были натурализованы в соответствии с законодательством, действовавшим в момент натурализации. Если натурализационный сертификат выдавался при полном соблюдении юридических формальностей, то вступал в действие принцип *res judicata* (завершенное дело) и решение суда не подлежало пересмотру. Несмотря на благоприятный исход дела Пандита, прецедент Тхинда не был отменен и индийцы продолжали оставаться нежелательными для иммиграции [16, 106—107].

* * *

Годы с 1926 по 1946 были периодом борьбы индийских иммигрантов за отмену расистских ограничений на въезд и натурализацию индийцев в США. Один из соратников Таракнатха Даса добился поддержки сенатора Копленда и члена палаты представителей Целлера. Сам Дас убедил в 1926 г. сенатора Рида внести в Конгресс резолюцию, гарантировавшую права гражданства тем индийцам, которые получили их до дела Тхинда. Резолюция обсуждалась в иммиграционной комиссии сената, куда входили Рид и Копленд. Там она встретила сильнейшую оппозицию, исходившую от калифорнийских расистов, Американской федерации труда, а также от председателя комиссии сенатора Джонсона, автора иммиграционных законов 1921 и 1924 гг. В 1927—1928 гг. Копленд и Целлер пытались внести на рассмотрение Конгресса билль, увеличивавший число рас, признаваемых белыми, включив туда и индийцев. Как и предыдущий, этот билль был похоронен в комиссии Конгресса [16, 107; 17, 70; 9, 142]. Незначительная уступка была сделана лишь в 1935 г., когда правительство США предоставило права граждан-

ства всем «нежелательным» иностранцам, служившим в армии США. Это позволило Тхинду и нескольким другим индийцам вновь натурализоваться в качестве ветеранов первой мировой войны [27, 205].

В 1937 г., с образованием «Лиги индийского благосостояния» во главе с Мубарак Али Ханом, начался этап организованной борьбы индийских иммигрантов за свои права. Возникшая в годы депрессии, эта лига ставила своей задачей помощь безработным индийцам. Ее лидеры важнейшим условием успеха считали предоставление индийцам права натурализации, так как иностранцы не включались в большую часть программ общественных работ. С этой целью Али Хан, выработав петицию и собрав под ней около 5 тыс. подписей, начал весной 1939 г. активную лоббистскую деятельность в Вашингтоне. Лига добилась рассмотрения своих предложений в иммиграционной комиссии палаты представителей. Лига привлекла ученых-антропологов, подтвердивших принадлежность индийцев к арийской расе, но тем не менее билль о признании индийцев «белыми», внесенный в июле 1939 г. членом палаты представителей Джоном Лезинским, принят не был — против него выступил тот же оппозиционный блок, что и против билля 1927—1928 гг.

Последняя попытка добиться для индийцев прав гражданства путем создания нового судебного прецедента была сделана в 1940 г. Кхайрати Рам Самрасом, развернувшим активную деятельность в этом направлении. От настойчивого и неудобного ходатая избавились, призвав его в армию США, где спустя 3 месяца он автоматически получил права гражданства. К этому же году относится и первое прямое выступление Индийского национального конгресса против дискриминации индийцев в США.

Частично проблема индийской иммиграции была решена только в 40-е годы, что связано с изменившимся отношением США к Индии в ходе второй мировой войны. Индия заняла важное место и в американских планах послевоенного переустройства мира, поскольку в ходе войны стало ясно, что независимость Индии — вопрос недалекого будущего.

Смягчилось и иммиграционное законодательство США в целом. Это выразилось в снятии наиболее жестких иммиграционных ограничений в отношении Китая, который был союзником США в войне. В 1943 г. Китаю была предоставлена иммиграционная квота, а китайским иммигрантам разрешили натурализоваться в США. Поскольку Индия также являлась союзницей США, индийская община активизировала свои действия, направленные на получение иммиграционных и натурализационных прав для индийцев. В 1944 г. был создан ряд новых организаций, добивавшихся изменения законодательства, касающегося индийцев. Наиболее влиятельной из них была «Индийская лига Америки» во главе с Сирдаром Сингхом. Лига издавала свой ежемесячник «India Today» и находилась под влиянием Индийского национального конгресса. Вашингтонским филиалом лиги, выполнявшим лоббистские функции в столице США, был «Национальный комитет за свободу Индии», организованный Анул Сингхом. «Индийская ассоциация за американское гражданство», также организованная в 1944 г., занималась пропагандой научных и деловых достижений индийской общины как оснований для изменения иммиграционной политики [17, 73—74].

Напряженность индо-мусульманских отношений в Индии вызвала раскол и среди организаций индийцев в США. С 1944 г. «Лига индийского благосостояния» ориентировалась на Мусульманскую лигу в Индии, ратуя за разделение страны как единственный способ разрешения религиозного конфликта. «Лига благосостояния» имела собственную позицию и в вопросе об иммиграции. Суть расхождений лиги с осталь-

ными организациями индийской общины заключалась в том, что она считала достижимым в американских условиях предоставление гражданства лишь тем индийцам, которые приехали в США до 1924 г. (до дела Тхинда). Другие же индийские группы считали необходимым бороться за полную свободу иммиграции и натурализации в пределах квоты. «Лига благосостояния» привлекла на свою сторону сенатора В. Лэнджера, который дважды — в 1943 и 1944 гг. — вносил соответствующие законопроекты в Конгресс, но оба раза неудачно.

С большим успехом действовали индийские группы, стоявшие на других позициях. Несомненным их успехом было то, что за снятие ограничений в пределах квоты высказалась такая влиятельная газета, как «Нью-Йорк Таймс» [13]. В газете подчеркивалось, что после снятия ограничений на китайскую иммиграцию нелогично игнорировать такие же мероприятия в отношении Индии, солдаты которой воюют за американские интересы. Через месяц эта аргументация прозвучала в билле, направленном в Конгресс членами палаты представителей Эмануэлем Целлером и Кларой Люс [24]. Билль Целлера—Люс поддержали влиятельные печатные органы и видные общественные деятели страны. Ежедневник «The Nation» представил свои страницы президенту Индийской лиги Сирдару Сингху, изложившему подробные аргументы в пользу принятия билля [23, 607]. Впервые в истории защиты прав индийских иммигрантов их требования были поддержаны президентом и госдепартаментом. Рузвельт направил поддерживающее билль письмо в иммиграционную комиссию палаты представителей. Государственный секретарь США также высказался за принятие билля, предвещая, что в ином случае могут возникнуть осложнения в отношениях с будущей независимой Индией [17, 75]. Несмотря на такую широкую и влиятельную поддержку, билль Целлера—Люс был провален в иммиграционной комиссии палаты представителей блоком южан-демократов и республиканских изоляционистов. Президенту Трумэну, сменившему Рузвельта, пришлось лично встречаться с лидерами антииндийской оппозиции в Конгрессе, чтобы убедить их не препятствовать принятию билля. Наконец, проведя в различных подкомиссиях и комиссиях более двух лет, билль Целлера—Люс был принят Конгрессом и вступил в силу после подписания его президентом 2 июля 1946 г. [17, 76—78; 12, 153].

Несмотря на восторг, с которым встретил принятие билля Сирдар Сингх [25], нельзя считать, что вопрос об индийской иммиграции был решен, так как самый факт сохранения ничтожной квоты был проявлением прежней дискриминационной политики в отношении Индии. В течение года, отделявшего принятие билля от получения Индией независимости, квотой воспользовались всего 18 индийских иммигрантов [15, 466].

Динамика и численность индийской иммиграции с 1901 по 1947 г. включительно представлены в Приложении. В отличие от цифр, приводимых в тексте, Приложение дает численность въезда в США как квотных, так и неквотных иммигрантов, к которым относились близкие родственники граждан США, ученые, священнослужители и студенты [см. 15, 467—468].

В настоящем очерке мы пытались сделать лишь краткий обзор событий, сопровождавших появление в США небольшой общины выходцев из Индии. Несмотря на свою малочисленность, индийские иммигранты столкнулись с жесткой расовой дискриминацией, длительное время унижавшей национальное достоинство индийского народа. Хотя иммиграционная политика США по отношению к Республике Индии мало изменилась в сравнении с колониальным периодом, незначи-

ная иммиграция индийцев в эту страну сохранилась, приняв со временем форму так называемой утечки мозгов. Изучение этой специфической формы иммиграции, несомненно, представляет большой интерес, однако оно выходит за рамки настоящего исследования.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Баграмов Л. А., Иммигранты в США, М., 1957.
2. Труфанов И. П., К вопросу о внешних миграциях населения Индии,— «Страны и народы Востока», вып. V. Индия: страна и народ, М., 1968.
3. Фурсова Л. Н., Расизм в иммиграционной политике Канады,— «Народы против расизма», М., 1970.
4. Шифман А. И., Лев Толстой и Восток, М., 1971.
5. Шлепаков А. Н., Иммиграция и американский рабочий класс в эпоху империализма, М., 1966.
6. Ванерjee К. К., East Indian Immigration into America: Beginnings of Indian Revolutionary Activity,— «The Modern Review», 1964, vol. CXVI, № 5.
7. Barth G., Bitter Strength. A History of the Chinese in the United States, 1850—1870, Cambridge (Mass.), 1964.
8. Brown G. T., The Hindu Conspiracy, 1914—1917,— «Pacific Historical Review», 1948, vol. XVII, № 3.
9. Chandrasekhar S., Indian Immigration in America,— «Far Eastern Survey», 1944, vol. XIII, № 15.
10. Chandrasekhar S., The Indian Community in the United States,— «Far Eastern Survey», 1945, vol. XIV, № 11.
11. Daniels R., The Politics of Prejudice. The Anti-Japanese Exclusion, Berkeley — Los Angeles, 1962.
12. Divine R. A., American Immigration Policy, 1924—1952, New Haven, 1957.
13. In Justice to India,— «New York Times», 10.II.1944.
14. Indian Rights in the United States,— «The Nation», 1923, vol. CXVII, № 3041.
15. Ireland R. R., Indian Immigration to the United States, 1901—1964: Retrospect and Prospect,— «Indian Journal of Economics», 1966, vol. XLVI, pt IV, № 183.
16. Garner J. W., Denationalization of American Citizens,— «The American Journal of International Law», 1927, vol. XXI, № 1.
17. Hess G. R., The «Hindu» in America: Immigration and Naturalization Policies and India. 1917—1946,— «Pacific Historical Review», 1969, vol. XXXVIII, № 1.
18. The Hindu in America,— «American Review of Reviews», 1908, vol. XXXVII, № 5.
19. Kung S. W., Chinese in American Life. Some Aspects of Their History, Status, Problems, and Contributions, Seattle, 1962.
20. Lovett R. M., The United States and India. A Footnote to Recent History,— «The New Republic», 1931, vol. LXVI, № 852.
21. Miller S. Cr., The Unwelcome Immigrant. The American Image of the Chinese, 1785—1882, Berkeley — Los Angeles. 1969.
22. «The Nation», 1923, vol. CXVII, № 3040.
23. «The Nation», 1944, vol. CLVIII, № 21.
24. «New York Times», 3.IV.1944.
25. «New York Times», 29.VII.1946.
26. Olin S. C., European Immigrant and Oriental Alien: Acceptance and Rejection by the California Legislature of 1913,— «Pacific Historical Review», 1966, vol. XXXV, № 3.
27. Rao K. P., Indians Overseas,— «Annals of the American Academy of Political and Social Sciences», vol. CCXXXIII, May, 1944.

Приложение

Численность индийской иммиграции в США

1901/02 г.— 20	1913/14 г.—188	1925/26 г.—45	1937/38 г.— 9
1902/03 г.— 84	1914/15 г.—172	1926/27 г.—50	1938/39 г.— 1
1903/04 г.— 83	1915/16 г.— 82	1927/28 г.—51	1939/40 г.— 2
1904/05 г.— 258	1916/17 г.— 80	1928/29 г.—38	1940/41 г.— 3
1905/06 г.— 145	1917/18 г.— 69	1929/30 г.—56	1941/42 г.— 0
1906/07 г.— 271	1918/19 г.— 61	1930/31 г.—51	1942/43 г.— 0
1907/08 г.—1072	1919/20 г.— 68	1931/32 г.—65	1943/44 г.— 1
1908/09 г.—1710	1920/21 г.—160	1932/33 г.—50	1944/45 г.— 0
1909/10 г.— 337	1921/22 г.—353	1933/34 г.— 1	1945/46 г.— 0
1910/11 г.—1782	1922/23 г.—223	1934/35 г.— 0	1946/47 г.—16
1911/12 г.— 517	1923/24 г.—156	1935/36 г.— 0	1947/48 г.—36
1912/13 г.— 165	1924/25 г.—154	1936/37 г.— 0	

А. Д. Дридзо

НАЧАЛО ИММИГРАЦИИ ИНДИЙЦЕВ В ВЕСТ-ИНДИЮ

Появление на островах Вест-Индии иммигрантов из Азии связано с отменой рабства и было вызвано попытками плантаторов найти рабочих, которые заменили бы на плантациях рабов-негров.

Как известно, отменить рабство в Британской империи было решено в 1833 г. Предполагалось освободить рабов (за огромную компенсацию их владельцам) с августа 1834 г. Освобождение это, однако, было неполным: рабы должны были еще ряд лет работать на своих хозяев, проходя период так называемого ученичества. Недовольство рабов, грозившее новыми восстаниями (в последнее десятилетие рабства на одной только Ямайке негры восставали дважды — в 1824 и 1832 гг.), усугублялось следующим обстоятельством. Плантаторы, стремясь выжать из «учеников» все, что только было возможно, эксплуатировали их еще более жестоко и относились к ним еще хуже, чем до отмены рабства. Все это заставило английское правительство сократить срок «ученичества» и в 1838 г. объявить бывших рабов свободными уже без всяких оговорок и ограничений.

Как только это решение вступило в силу, негры начали массами покидать плантации. Они явочным порядком занимали пустующие земли, создавая там мелкие крестьянские хозяйства, либо переселялись в города, где основными их занятиями стали ремесла, мелкая торговля и т. п.

На Малых Антильских островах земель, удобной для обработки, было очень мало и города были крайне невелики. Здесь большинство бывших рабов оказалось не в состоянии прокормить себя и свои семьи; им пришлось в конце концов вернуться на плантации. Иммиграция на эти острова из Азии (и из Европы) была поэтому ничтожной.

Положение на Ямайке и особенно на Тринидаде сложилось иное. Свободных земель здесь было достаточно, и отток рабочих с плантаций принес их хозяевам огромные убытки. Разорившиеся плантаторы требовали помощи как от местных властей, так и от английского правительства. Убытки терпели не только владельцы плантаций, жившие на островах, но и крупнейшие латифундисты, которые обычно никогда не посещали своих заморских владений. Они постоянно жили в Лондоне, занимая видные места в правительстве, в парламенте, принадлежа к числу влиятельнейших деятелей Сити. Всем этим и объясняются масштабы поисков новых источников рабочей силы, энергия, с которой поиски проходили, а главное то, что результаты сказались достаточно быстро.

Обращение в данном плане к Индии было вполне понятным. Эта крупнейшая британская колония переживала тогда тяжелые времена. Жестокая колониальная эксплуатация, подрыв традиционного ремесленного производства, земельные реформы, результатом которых явилось внедрение систем заминдари и райятвари,— все это разоряло индийский народ, лишало его средств к существованию, сделало постоянным атрибутом индийской действительности голод, уносивший миллионы жизней. В этих условиях колонизаторы рассматривали эмиграцию части населения — наиболее обездоленной, наиболее обременительной поэтому для властей и наиболее взрывоопасной — как одно из средств смягчения противоречий колониальной Индии. Причем имелась в виду, как правило, эмиграция в другие британские колонии, где тогда ощущалась нехватка рабочей силы.

Все эти проблемы, относящиеся к предыстории нашей темы, нами не рассматриваются, так как им уделяли значительное внимание многие из авторов, занимавшихся индийской эмиграцией в целом. Однако, подробно перечисляя те причины, по которым индийцы были вынуждены покидать родину, большинство буржуазных ученых ограничивается лишь констатацией следствий, оставляя при этом в стороне причину сложившегося положения — колониальное порабощение Индии британскими колонизаторами. Лишь после провозглашения независимости Индии появляются первые значительные работы, где это нашло отражение [9; 7, 336—337].

Вывоз индийских рабочих в другие английские колонии проходил под неослабным надзором колониального правительства Индии и юридически оформлялся довольно долго и не без затруднений. Прежде всего, колониальная администрация ставила перед собой цель — ни в коем случае не допустить ущерба британским интересам в Индии. Этими интересами она не желала поступаться даже в пользу других колоний. Рассматривая индийских эмигрантов как «своих» граждан, администрация эта многие десятилетия держала их под своим контролем, направляла в колонии, где они жили, своих представителей и т. п. Отсюда и трудности в оформлении, а иногда и прямое запрещение эмиграции, отсюда и споры с администрацией других колоний.

Но сложности не исчерпываются этими разногласиями внутри господствующего класса, разногласиями между разными группами британских колонизаторов, находившими отражение и в политике правительства Англии.

Довольно скоро после начала иммиграции сведения о тяжелом положении законтрактованных рабочих-индийцев проникли в печать. Решительными ее противниками выступили английские аболиционисты, разоблачавшие плантаторов, которые превращали иммигрантов из Индии, по сути дела, в рабов.

Оппозиция постепенно росла и в самой Индии. Если говорить о коренном населении, то вначале она исходила из кругов нарождавшейся национальной буржуазии, затем ее социальная база расширилась. Характерно, что колонизаторы опасались именно этого аспекта антиэмиграционных настроений, с тревогой отмечая, что материалы о тяжелом положении индийцев за океаном, появившиеся сначала в англо-индийской периодике, были затем перепечатаны и в газетах на бенгальском языке [2, 153].

Все это не могло не оказать влияния на то, как протекал вывоз индийцев. Самые первые этапы этого вывоза, первые главы истории индийской эмиграции колониального времени отношения к нашей теме не имеют. Они связаны с историей о-ва Маврикий,— как и Вест-Индия, «са-

харной колонии», но расположенной гораздо ближе к полуострову Индостан. «Опыт» этого острова и некоторых других (Реюньон и пр.) позволил затем организовать массовую эмиграцию законтрактованных рабочих и в американские колонии — сначала в Британскую Гвиану, а затем и на Ямайку и Тринидад.

Мы не подвергаем здесь рассмотрению историю борьбы вест-индских плантаторов за разрешение ввозить рабочих из Индии, равно как и различные перипетии прохождения этого вопроса в парламенте и правительстве Англии. Для нашей темы указанный аспект особого значения не имеет. Кроме того, в данной области существуют основанные на не публиковавшемся еще архивном материале работы британских, американских и индийских историков (кроме упоминавшихся книг Кондапи и Кампстон укажем еще статью Эдгара Эриксона [5]). Предметом же нашего непосредственного изучения станет судьба индийцев уже на Антильских островах.

Иммиграция индийцев в Вест-Индию была разрешена так называемым Актом XXI, принятым индийским правительством 16 ноября 1844 г. Некоторые модификации были внесены Актом XXV на следующий год и Актом VIII (1847) [13, 114]. Ниже приведем основные положения этих актов.

Индиец должен был согласиться на выезд совершенно добровольно. Ему следовало разъяснить, куда именно он едет, какая работа его ожидает, как она будет оплачиваться. Вербовку должны были проводить государственные органы в лице специально выделенных для этой цели представителей — «эмиграционных агентов» и «протекторов». Агенты осуществляли непосредственный набор рабочих. Протекторы (местопребыванием их были порты, через которые шла эмиграция, — Калькутта и Мадрас) должны были обеспечить законность вербовки, выдать соответствующие свидетельства, следить за соблюдением установленных правил. Бывали случаи, когда обе эти должности совмещались. В так называемых депо, где собирали завербованных перед посадкой на корабли, проводился медицинский осмотр. Отправка корабля не разрешалась, если женщин было менее 25%, а с 1870 г. — менее 40% общего числа эмигрантов. На корабле обязательно должен был следовать врач [5, 135—136].

Такова была буква закона, но фактически дело обстояло иначе. Во-первых, вербовка на местах осуществлялась не эмиграционным агентом, а целой армией подрядчиков и субподрядчиков. Эмиграционный агент только нанимал себе помощника, этот — уже от себя — еще помощников, которые делали то же самое, и т. д. Например, в распоряжении Т. Кейрда, набиравшего рабочих для Вест-Индии в 1844—1845 гг., было 600 человек. За каждого завербованного помощник агента получал 45, 75, а иногда 100 рупий. Правда, часть этих денег шла субподрядчикам, — по-видимому, не очень значительная, ибо субподрядчик последней инстанции довольствовался уже только одной-двумя рупиями [9, 82; 5, 138].

Во-вторых, администрация тем самым как бы устранялась от «грязной работы» по непосредственной вербовке, а многие ее представители, несомненно, извлекали из нее немалые доходы. Э. Эриксон, например, упоминает об эмиграционных агентах, «достойных доверия» [5, 136]; значит, были и такие, которые «доверия» не оправдывали, и обойти молчанием их действия уже не представлялось возможным.

Такая система вербовки, видимо, вполне устраивала колониальные власти. Решающую роль играло здесь то, что в случае необходимости ответственность можно было возложить на непосредственных исполни-

телей, причем не англичан, а индийцев, набранных из элементов иногда просто уголовных¹ [5, 138; 7, 337].

И не мудрено, что вербовщики эти — с ведома администрации — бессовестно обманывали вербуемых. Очень характерны в этом плане результаты опроса, проведенного немногим больше десяти лет назад на Тринидаде американским исследователем Мортонем Классом. Его информаторы — старики, сами прошедшие когда-то процедуру вербовки или слышавшие рассказы о ней, в один голос заявили, что вербовщики при оформлении контракта прибегали к самому беззастенчивому обману. Вербуемым были обещаны легкая работа («просеивание сахара») и высокие заработки; ни то, ни другое, как вскоре оказалось, не соответствовало действительности [8, 9]. Бывали даже случаи, когда при заключении контракта обещали канцелярскую должность. Однако во всех сопроводительных документах предусмотрительно указывалось: профессия — рабочий [4, 293].

Скоро вербовщики уже примелькались на базарах, у колодцев, у караван-сараев, — словом, там, где скапливалось много народу. Население довольно быстро разобралось в том, что это за люди. Во многих работах говорится о ненависти, которой они были окружены [10, 82]. И все-таки вербовка продолжалась. Чем это можно объяснить? Прежде всего, поистине безвыходным положением многих миллионов трудящихся в колониальной Индии. Даже понимая, что вербовщик их обманывает, люди подписывали контракт, спасаясь от голодной смерти [8, 9—10]. Кроме того, многие вербуемые совершенно не представляли себе, где находится пункт назначения, далеко ли это или нет. В связи с вербовкой ходили слухи не то о Бирме, не то о Китае, не то о каких-то пустынях [10, 82]. От рабочих скрывали даже, что придется пересечь море. А это в соответствии с нормами индуизма у высоких каст многих, преимущественно континентальных, народов означало потерю касты. Одно вербовочное агентство еще в 1836 г. писало своему клиенту: «Туземцы совершенно ничего не знают о месте, куда они едут, или о продолжительности путешествия, которое они предпринимают». И не удивительно, что некоторые из законтрактованных, бежав с плантаций уже на Тринидаде или в Британской Гвиане, верили, что смогут добраться до Индии... пешком [4, 89; 10, 10, 90].

Английский исследователь Доналд Вуд, характеризуя разницу между работоторговлей в Африке и вербовкой законтрактованных рабочих в Индии, приходит к следующему, на наш взгляд, справедливому выводу: «Ни один работоторговец... не стал бы отбирать тех, кто, очевидно, не в состоянии был выдержать марша к... загону для рабов, и ни один капитан невольничьего судна не стал бы покупать тех, кто казался неспособным выдержать суровый переход через Атлантику. Он рассчитывал на прибыли в Бразилии или на Кубе, это было его заработок. Поэтому-то африканцев и выбирали... сильных, в расчете на то, что они смогут работать долго. При отборе же индийцев... найти достаточное число подходящих кандидатов часто бывало трудно. Успех вербовочной работы измерялся только напслненностью судовых трюмов» [14, 117—118].

В таких условиях злоупотреблений было чрезвычайно много. Людей не просто обманывали, их похищали, силой загоняли в «депо», лишали даже того мизерного пособия, которое полагалось эмигранту по закону [2, 117]. Фикцией оказывалась и очень стройная (на бумаге) система

¹ Иногда эта «мафия» даже навязывала администрации свои условия, применяя для воздействия на нее саботаж и бойкот.

медицинского осмотра. По циничному признанию одного чиновника, смертность на кораблях колонизаторы стремились снизить так: отправляемых не сажали на пароход до самого момента отплытия [8, 12—13]. Но и это, разумеется, не помогало. Ведь на каждого пассажира приходилось не более 7,2 кв. фута пространства, иначе говоря — чуть больше 2 кв. м [14, 149]. Почти с каждого корабля по прибытии его в порт назначения снимали по 15—20 трупов. Из первой партии, отправленной на Ямайку в 1845 г., умерло во время морского перехода десять человек, а большинство остальных было в таком состоянии, что один из плантаторов, пришедший на пристань, прямо заявил — таких ему и даром не надо [2, 102, 116]. Были периоды (особенно в начале 60-х годов), когда смертность достигала 50%; в 1858 г. корабль «Солсет», взявший в Калькутте 323 пассажира, доставил в порт только 119 [13, 118; 14, 149].

Таким образом, условия, при которых проходила вербовка, не оставляют сомнений в том, насколько бесправным и тяжелым во всех отношениях было положение эмигрантов². Не менее тяжелым оказывалось оно и по прибытии на место. Однако прежде чем перейти к рассмотрению того, что происходило с индийскими рабочими на Антильских островах, следует выяснить два важных вопроса. Мы имеем в виду этническую и социально-кастовую принадлежность эмигрантов.

Трудности в решении этих вопросов связаны прежде всего с недостаточным количеством материала. Те статистические данные, которыми располагают исследователи, касаются лишь вывоза законтракованных рабочих из двух основных портов Индии, откуда направлялись за океан «невольничьи корабли», — Калькутты и Мадраса (здесь можно назвать еще Бомбей, но он не играл заметной роли). Правда, судовой врач каждого судна получал список пассажиров и передавал его иммиграционным властям. К сожалению, только часть этих списков сохранилась до наших дней. Их использовал в своей работе уже упоминавшийся Доналд Вуд [14, 141].

Довольно рано основным пунктом отправки индийцев в Вест-Индию стала Калькутта. За 1845—1892 гг., как отмечает Мортон Класс, из 93 569 рабочих, вывезенных на Тринидад, через Калькутту выехало 88 304, т. е. более 94%, а через Мадрас — только 5265. Лишь один раз — в 1847 г. — из южноиндийского порта было вывезено на Тринидад больше рабочих, чем из Калькутты. Класс пишет далее, что с 1872 г. тринидадские плантации через Мадрас рабочей силой уже не снабжались [8, 10].

Приведенные данные взяты Классом из брошюры чиновника английской колониальной администрации в Индии Каминса, направленного в конце прошлого века со своего рода ревизией за океан. Но обращение к другим источникам ставит некоторые выводы Каминса под сомнение. Так, давая показания парламентской комиссии Сэндерсона в 1909 г., некий Уорнер, бывший эмиграционный агент из Калькутты (1881—1889), работавший до этого (1869—1881) в иммиграционном департаменте Тринидада, отмечает, что ввоз туда рабочих через Мадрас прекратился еще в 1860 г. [4; 29; 14, 140]. Вуд в своей книге перечисляет даже рейсы Мадрас — Порт-оф-Спейн, которые совершались в 1846, 1847, 1858, 1859 и 1860 гг. По-видимому, не исчерпывая и эти данные, потому что протектор иммигрантов Тринидада в своем выступлении перед той же комиссией упоминает о прибытии мадрасских рабочих в более позднее время (правда, лишь раз — в 1906—1907 гг.) [4, 293].

² Мы не касаемся дальнейшей (в 60-е годы и позже) модификации эмиграционных законов, ибо принципиально эту оценку она изменить не может.

Но даже и выяснение роли двух портов в эмиграции индийцев на Тринидад существенно не поможет нам определить этническую принадлежность эмигрантов. Естественно предположить, что далеко не все выезжавшие из Калькутты были бенгальцы и не все пассажиры судов, отходивших из Мадраса,— тамилы. В свое время нам уже приходилось указывать на это обстоятельство [1, 92]. Обращение к имеющимся материалам, при всей их немногочисленности, такое предположение подтверждает. Прежде всего, среди самых первых групп ввезенных рабочих были так называемые «горные кули» из горного района Чхота Нагпур в Бихаре и из прилегающего к нему дистрикта Бардван. В официальных документах они значились как люди касты дхангар, состоящей из сельскохозяйственных рабочих [3, 95; 10, 10]. Об этих же рабочих спрашивали в комиссии Сэндерсона уже известного нам Уорнера (применяя термин «племена из джунглей и санталы»). Уорнер ответил, что ввоз санталов происходил до 70-х годов включительно, но затем их стали направлять преимущественно на чайные плантации Ассама, и в 80—90-е годы XIX в. среди иммигрантов на Тринидад санталов уже не было [4, 29].

Санталы, а также другие «племена джунглей» из указанных выше районов, принадлежавшие в значительной части к той же группе мунда, находились на более низком уровне развития, чем большинство других народов Индии. Именно в тот период, когда начался массовый вывоз законтрактованных рабочих, колониальная администрация стала осуществлять планомерное «освоение» территории мунда, распространив на нее действие «земельных законов», что поставило эти племена в безвыходное положение. Лишенные средств к существованию, они уже в конце первой трети XIX в. становятся резервом дешевой рабочей силы — сначала для Ассама, потом и для более отдаленных районов, а затем — снова для Ассама и Северной Бенгалии. Предприниматели, пользуясь отсталостью мунда, извлекали из эксплуатации их большие выгоды; санталы и другие представители этой группы соглашались работать за самую низкую плату на самых трудных условиях. Вербовка среди мунда продолжалась до последнего времени, причем завербованные предназначались по-прежнему для выполнения самой тяжелой и низкооплачиваемой работы [1, 92; 7, 337—338]. Однако мунда не составляли и не могли составлять большинства среди завербованных уже хотя бы в силу своей небольшой численности.

Гвианский историк Дварка Натх упоминает в своей работе тамилы и гуджаратцев [10, 10]. Определенный процент их среди законтрактованных, безусловно, был: ведь предки тамилы и гуджаратцев, приморских жителей, совершали морские путешествия еще тысячи лет назад. Но процент этот был невысок.

В таком случае, правда, возникает вопрос — почему большинство уехавших за океан происходило из внутренних районов страны, а обитатели приморских местностей, для которых морские путешествия были делом привычным, оказались в меньшинстве? Но противоречия здесь, как нам представляется, нет, и вот почему. Гуджаратцы и тамилы, издавна знакомые с морем, обладали сравнительно широким кругозором. Они, по-видимому, яснее представляли себе, в какую далекую страну придется ехать, и в большинстве своем предпочитали если уж эмигрировать, то на Цейлон, где и тогда было немало тамилы и куда с 1847 г. выезд был разрешен официально [14, 140]. Подтверждение этому находим в приведенных выше данных о незначительном числе рабочих, ввезенных на Тринидад через Мадрас.

Думается — и приведенные далее материалы это подтверждают,—

что все сказанное можно распространить и на бенгальцев. Действительно, плодородная Восточная Бенгалия сама притягивала мигрантов, а уроженцы ее предпочитали далекой Вест-Индии более близкий и многим уже знакомый Ассам [там же, 145].

Наконец, большинство индийцев Тринидада говорит сейчас на хинди, а не на тамили и гуджарати. Это дает основания предполагать, что среди покидавших родину индийцев больше всего было уроженцев северной и центральной частей страны. В пользу такого вывода говорят следующие данные.

Во-первых, контракты с рабочими перед отплытием составлялись в трех языковых вариантах — на хинди, урду и на «коити» [4, 293]³. Однако на самом Тринидаде распространяемые среди индийцев брошюры с текстом иммиграционных законов печатались только на хинди и урду [там же, 294].

Во-вторых, выводы известного специалиста по истории сахарной промышленности Нозля Дирра, пользовавшегося официальными отчетами, свидетельствуют, что на первом этапе эмиграции преобладали уроженцы Бихара и Соединенных Провинций (Уттар Прадеш). Мадрас давал не более 10%, панджабцев было еще меньше [3, 95]. Как мы увидим дальше, это соотношение в дальнейшем особых изменений не претерпело. Так, по данным одного из уполномоченных индийского правительства, среди иммигрантов, переехавших на Тринидад до конца 1871 г., было: уроженцев Северной и Центральной Индии — 41,7%, Бихара — 29,3%, Западной Бенгалии — 21,9%⁴, Центральной Бенгалии — 3,6% и т. д. [14, 146].

Далее, по немногочисленным отчетам, содержащим интересующие нас данные о сравнительно раннем времени (1867—1868, 1877—1878, 1878—1879), около половины (точнее, 46,5%) ввезенных на Тринидад индийцев происходило с северо-запада страны, 27,9% — из Ауда, 16,2 — из Бихара, 5,4% — из Бенгалии, остальные — из Панджаба, Центральной Индии, Ориссы, княжеств. С юга и с запада было в 1877—1878 гг., например, лишь чуть больше 6% (131 человек из 2151) [14, 145; 8, 11].

Лет через тридцать в своих показаниях комиссии Сэндерсона Уорнер особо подчеркивал, что ни уроженцев нижней Бенгалии, ни южан на остров не ввозят уже давно. «Лучшей» и, по-видимому, наиболее многочисленной группой он считает выходцев из Лакхнау, Файзабада⁵, Бенареса, Горакхпура и других городов Соединенных Провинций [4, 29]. Как известно, родной язык жителей этих мест — хинди. Другой чиновник, также работавший в иммиграционном ведомстве, тогда же указывал, что бенгальцев среди законтракованных мало, южан почти нет, зато много бихарцев, панджабцев и жителей Аудха [4, 178]. Иными словами, говорящих на хинди было опять-таки большинство.

Материалы корабельных списков, использованные в книге Вуда, позволяют иногда конкретизировать и эти данные. Так, на судне «Кочин», совершавшем рейсы в 1869—1870 гг., уроженцев Северной Индии было больше половины — 58%. Это были выходцы из дистриктов Газипур, Бенарес, Азамгарх, Джанпур, Аллахабад. Характерно, что наибо-

³ Имеется в виду, вероятно, письменность кайтхи, которой пользовались в ряде районов Бихара.

⁴ Эти данные представляются нам сомнительными; не идет ли здесь речь скорее о пункте выезда, т. е. о Калькутте?

⁵ Один из индийских поселков на Тринидаде (ныне город) был даже назван Файзабадом, другой — Лакхнау и т. п.

лее значительно представленный бихарский дистрикт — Аррах — граничил с Северо-Западными провинциями [14, 146].

Наконец, этого же мнения придерживаются и Артур и Хуанита Найхофф, авторы первого обобщающего исследования по индийцам Вест-Индии. Их книга интересна тем, что в ней нашли отражение кое-какие не использованные в более ранних работах данные, например официальный отчет об эмигрантах, отплывших из Калькутты в 1908 г., 91% которых составили уроженцы Соединенных Провинций и Ауда.

Привлечение отчетов за другие годы не внесло существенных коррективов.

Бывали годы, когда панджабцев и бенгальцев становилось чуть больше (в 1908 г. из 2445 человек первых было шесть, а бенгалец всего один), но процент уроженцев долины Ганга никогда не опускался ниже 80—90 [11, 17]. Далее А. и Х. Найхофф приводят тот же аргумент о значении абсолютного преобладания хинди на Тринидаде, что и автор этих строк в своей статье 1961 г., когда он не имел еще возможности воспользоваться их книгой [1, 92].

Таким образом, можно констатировать отсутствие существенных разногласий по поводу этнической принадлежности большинства иммигрантов. Невзирая на недостаток материала, можно с уверенностью назвать те области Индии, откуда ведет свое происхождение основная масса индийцев Тринидада и других Антильских островов.

Обращаясь к социально-кастовой характеристике иммигрантов, отметим прежде всего, что соглашались ехать за океан, как правило, самые нищие, обездоленные люди, иногда оказавшиеся к тому же в конфликте с законом. Определенный интерес представляет характеристика иммигрантов, данная членом британской палаты общин Дж. Гомпсом во время дебатов «по сахарному вопросу» в 1848 г., т. е. через три года после начала вывоза индийцев на Тринидад. Защищая точку зрения своей партии и не скупясь на выражения, он говорит о «лентяях, попрошайках, беглецах, ворах, бродягах, праздношатающихся, развратниках, больных, беспутных, отвратительных, аморальных, покрытых болячками; некоторые из них — жрецы, другие — конюхи, некоторые — фигляры, иные — портные, пекари, кондитеры, только не сельскохозяйственные рабочие. Многие охотно брили своих товарищей, а взять в руки мотыгу отказывались» [12].

Цитата эта интересна во многих отношениях. Высокомерие колонизатора и расиста сочетается в ней с критикой колониальной администрации (индийской и тринидадской), плохо, по мнению оратора, выполняющей возложенные на нее задачи. Но есть в ней и другое. Возможно, вопреки желанию члена палаты общин, эта характеристика звучит и как обвинительный акт против тех, кто довел людей до такого положения, кто выбил их из привычной колеи и погнал за десятки тысяч километров искать спасения от нищеты. Если же обратиться к анализу конкретного материала, содержащегося в этой речи, то мы увидим среди иммигрантов, во-первых, деклассированные элементы, уже потерявшие связь с определенной профессией, во-вторых, ремесленников, разоренных в результате тех процессов, которые происходили тогда на всей территории порабощенной англичанами Индии, в-третьих, представителей как низших, так и высших каст, поставленных здесь на один социальный уровень.

Очень интересно в этой связи и одно из показаний, сделанное перед комиссией Сэндерсона. Чиновник, непосредственно занимавшийся эмиграцией из Индии, отметил, что среди уезжающих немало людей,

потерявших касту, а также вдов, выходящих потом на новом месте жительства замуж⁶ [4, 175].

Анализ интересующего нас материала осложняется тем обстоятельством, что до 1875 г. эмиграционной статистики в Индии вообще не существовало. Правда, в списках пассажиров была рубрика кастовой принадлежности, но велись эти списки небрежно, кроме того, сохранились они далеко не полностью [14, 141].

В принципе и вербовщики, и плантаторы, и иммиграционные власти Тринидада предпочитали рабочих низших каст. С более высокими кастами, подчеркнул в своих уже цитированных показаниях Уорнер, бывает много беспокойства, в частности из-за пищи [4, 29; 8, 11].

Среди населения Тринидада, да и среди исследователей, сложилось мнение: подавляющее большинство законтрактованных рабочих принадлежало к низшим кастам. Не касаясь сейчас вопроса об утрате касты после переезда через море, отметим лишь, что абсолютизировать это положение не следует, и вот по каким причинам. Прежде всего, то, что мы знаем о кастовой принадлежности иммигрантов, не всегда точно. Чиновники, ведшие записи, были мало подготовлены для этой задачи, часто они вообще не указывали каст иммигрантов, нередко указывали их неверно, кроме того, в разных районах Индии многие касты назывались по-разному, а функции и престиж каст в различных провинциях тоже далеко не всегда были одинаковы. Наконец, обстановка не исключала и такого варианта, как сознательный обман со стороны того или иного иммигранта, по каким-то причинам указавшего не свою касту, а другую, ту, к которой он на самом деле не принадлежал.

Обратимся для примера к некоторым спискам пассажиров сравнительно раннего времени. Таковы, например, документы судна «Брюс», перевезшего в 1859—1860 гг. 191 пассажира из Мадраса на Тринидад. Из этого числа было 13 мусульман, следовательно, индуистов остается 178. Однако для подавляющего большинства есть только лингвистические данные (108 тамилы и 18 телугу, итого 126). Остается, таким образом, 52 человека. Но есть данные о кастах для 61 человека, т. е. некоторые тамилы и телугу охарактеризованы и с этой точки зрения, хотя большинство таких характеристик не получило.

Почти все мадрасцы, о которых есть нужные нам данные, принадлежат к низшим кастам: 49 — параяны (неприкасаемые слуги и батраки) и 9 — чаккилийяны (неприкасаемые кожевники и сапожники). Двое принадлежали к помещичьей касте тотти [14, 142].

В том же году подобные рейсы совершало другое судно — «Клара». Из 189 его пассажиров мусульман было 14, а число каст, представленных среди остальных, составляло 23. Но больше всего на этот раз было представителей касты веллала (45) — одной из самых высоких у тамилы (в нее входили крестьяне-землевладельцы, мелкие, да и не только мелкие, помещики). Параянов же было почти в два раза меньше — 24, и даже если прибавить к ним паланов (неприкасаемая каста батраков) — их было 19 и 9 чаккилийянов, то веллала и представителей других высоких и средних каст все равно на борту было больше. Среди них Вуд называет двух четти (каста торговцев), двух каммаланов (многочисленная ремесленная каста), девятих землевладельцев — маратхов.

Однако эти данные могут показаться нетипичными, ибо выезжали

⁶ Это обстоятельство представляет первостепенный интерес с индологической точки зрения.

в основном не через Мадрас, а через Калькутту. Обратимся к материалам по этому порту. Отчет за 1877—1878 гг., о котором уже шла речь, содержит и данные о кастовом составе эмигрантов, выезжавших через Калькутту. Из 18 488 человек — мусульман было 2250 (чуть больше 12%), христиан — семеро. Остается 16 231 человек. Кастовая их принадлежность характеризуется следующими цифрами: низшие касты — 8807 человек (около 48%), земледельческие — 4438 (больше 24%), брахманы — 2223 (больше 12%), ремесленники — 763 человека.

Эти цифры подтверждаются теми, которые извлек из официальных отчетов Д. Вуд. По его подсчетам, за 1876—1885 гг. через Калькутту на Тринидад выехал 17 441 индус, в том числе принадлежавших к низшим кастам — 41,5%, к земледельческим — 32, к высшим (включая брахманов) — 18, к ремесленным — 8,5%.

Как видим, соотношение принципиально не меняется. Не изменилось оно, в общем, и далее [8, 12; 14, 144—145].

У одного из исследователей индийской эмиграции встречаются сведения, что реальный процент брахманов был, вероятно, еще выше. Оказывается, некоторые из них давали неверные сведения о своей кастовой принадлежности, ибо колониальные власти старались брахманов не вербовать [6, 54]. Но брахманы появились на острове в первые же годы ввоза индийцев, что видно хотя бы из следующего: уже в 1845 г. на одной из тринидадских плантаций был зафиксирован один рабочий-брахман. На корабле «Пуна» (1868—1869) брахманы занимали среди пассажиров второе место, в 1880—1881 гг. на «Джамне» — третье [14, 143].

Эти данные уже сами по себе позволяют пересмотреть кое-какие оценки. Важные коррективы можно внести, обратившись и к материалам других авторов.

Возьмем, например, статью Н. Дирра, основанную на различных официальных публикациях. В первые годы эмиграции, указывает он, шире всего были представлены раджпуты (одна из высоких каст, занятием которой было в прошлом военное дело) и чамары — неприкасаемая каста сапожников. Довольно значителен был процент таких высоких и средних каст, как ахиры (скотоводы), курми и коири (земледельцы), кунби, также занятые в сельском хозяйстве. Среди ремесленных каст чаще всего упоминаются тели (с севера и востока Индии, занятие — маслоделие и торговля маслом), сонары (ювелиры), лохары (кузнецы), лодхи (писцы), нуния (работающие с селитрой). Из самых низших — неприкасаемые дхоби — прачки (среди неприкасаемых каст Дирр называет еще дум и досад). По его подсчетам, брахманы среди эмигрантов составляли не более 1% [3, 95]. В вопросе о брахманах, как мы видели, с автором трудно согласиться; что же касается других каст, то данные корабельных списков ставят под сомнение и оценку роли раджпутов, выдвигаемую Дирром. Хотя людей этой касты и можно было встретить на первых же кораблях (а на «Элизе» в 1851 г. они занимали по численности даже четвертое место), они никогда не были в большинстве [14, 114].

Другой вывод Дирра корабельные списки подтверждают. Чамаров, действительно, среди иммигрантов было довольно много. На «Акбаре» они (1859) делили первое место с багди (низкая каста рыбаков, батраков и носильщиков из Бенгалии и Бихара). Среди пассажиров «Пуны» (1868—1869) их было больше всех — 40. В 1880—1881 гг. на борту «Джамны» они также составляли самую большую группу — 37 завербованных.

В дополнение к кастам, отмеченным Дирром, можно, руководст-

вуюсь списками, назвать еще земледельцев кахаров; касту садгоп, также земледельческую, известную главным образом тем, что брахманы могли принимать из их рук воду, и, наконец, торговцев банья [там же].

Приведенные материалы при всей их неполноте дают возможность сделать следующие выводы. Во-первых, обращает на себя внимание высокий процент высших каст, прежде всего брахманов. Во-вторых, очень низкой оказывается доля ремесленных каст. В-третьих, следовательно, низшие касты составляют хотя и значительную часть, но меньше половины иммигрантов. Отсюда вытекает, что при всей важности кастового критерия определяющим был момент экономический, а кастовый отступал на второй план.

Не лишены интереса и данные о грамотности среди иммигрантов. Мы, правда, располагаем ими применительно лишь к концу XIX — началу XX в., причем речь идет о грамотных на хинди или урду. Их было всего 5—6% [4, 293—294]. По-видимому, какую-то их часть составляли мусульмане, знакомые с Кораном в переводе на индийские языки [5, 142]. Появление грамотных людей не вызвало у плантаторов никакого энтузиазма: эксплуатировать таких рабочих было, конечно, сложнее.

Из сказанного выше видно также, что среди иммигрантов индусы составляли подавляющее большинство.

Наконец, очень важно для нас указание и на то, что уже в первой группе законтрактованных были индийцы, для которых такая работа стала, в сущности, профессией. Так, на первых же кораблях, которые пришли в Кингстон (Ямайка) и Порт-оф-Спейн (Тринидад), было по нескольку человек, уже завербованных когда-то на плантации о-ва Маврикий, проработавших там несколько лет и даже в известной мере овладевших за это время французским языком [2, 99; 14, 113]. Однако такие люди составляли среди иммигрантов ничтожное меньшинство. Впоследствии, правда, их стало больше.

Материалы об этническом и социальном составе иммигрантов представляют нам необходимой основой для дальнейшего исследования истории и этнографии индийцев, переселенных на Антильские острова.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Дрицко А. Д., Индийцы острова Тринидад,— «Страны и народы Востока», вып. II, М., 1961.
2. Cumpston I. M., Indians Overseas in British Territories, 1834—1854, London, 1955.
3. Deerr N., Indian Labour in the Sugar Industry,— «International Sugar Journal», March 1938.
4. Emigration from India to the Crown Colonies and Protectorates. Report on the Committee on Emigration from India to the Crown Colonies and Protectorates. Presented to Both Houses of Parliament... June 1910, pt II, London, 1910.
5. Erickson E. L., The Introduction of East Indian Coolies into British West Indies,— «Journal of Modern History», London, 1934, vol. VI, № 2.
6. Gillion K. L., Fiji's Indian Migrants, Melbourne, 1962.
7. Jha J. C., Indentured Indian Migration,— «Journal of Indian History», 1970, vol. XLVIII, pt II.
8. Klass M., East Indians in Trinidad. A Study of Cultural Persistence, New York — London, 1961.
9. Kondapi C., Indians Overseas, 1838—1949, Bombay, 1951.
10. Nath D., A History of Indians in British Guiana, London, 1950.
11. Niehoff A. and J., East Indians in the West Indies. Milwaukee, 1960 (Milwaukee Public Museum Publications in Anthropology, № 6).
12. Parliamentary Debates, vol. XCIX, 1848.
13. Roberts K. W., The Population of Jamaica, Cambridge, 1957.
14. Wood D., Trinidad in Transition, New York — London, 1968.

А. А. Дехтярь

ПРИСУЖДЕНИЕ ПРЕМИЙ ИМЕНИ ДЖАВАХАРЛАЛА НЕРУ ГРАЖДАНАМ СССР

В апреле 1967 г. в связи с двадцатой годовщиной установления дипломатических отношений между Индией и Советским Союзом правительство Индии приняло решение учредить ежегодные Премии имени Джавахарлала Неру для советских деятелей науки, культуры и искусства, которые внесли выдающийся вклад в дело индийско-советской дружбы, способствуя своей научной деятельностью и творчеством ее укреплению.

В статусе Премии имени Неру указано, что она присуждается советским гражданам, которые внесли такой вклад либо переводами на русский язык индийской классики, либо собственными произведениями об Индии, опубликованными в СССР. Учреждаемые индийской стороной Премии имени Неру по характеру схожи с премиями журнала «Страна Советов» («Совьет Лэнд») в Индии, которые присуждаются гражданам Индии в знак признания их заслуг в деле развития дружбы между Индией и СССР.

Ежегодно должно присуждаться не более восьми премий: две первые, две вторые и четыре третьи. Лауреаты приглашаются в качестве гостей индийского правительства в Индию, где в торжественной обстановке им вручаются премии.

Для присуждения Премии имени Дж. Неру создан комитет, в который входят представители обеих сторон — советской и индийской. Почетными председателями комитета являются Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин и Премьер-министр Индии И. Ганди.

В составе комитета — общественные деятели, писатели, ученые. Так, в настоящее время с индийской стороны в комитет входят президент Индо-советского общества культурных связей К. П. Ш. Менон, посол Индии в СССР К. С. Шелванкар и известный писатель Мулк Радж Ананд. Советская сторона представлена в комитете министром культуры СССР Е. А. Фурцевой, поэтами А. А. Сурковым и Е. А. Долматовским, академиком Б. Г. Гафуровым, президентом Общества советско-индийских культурных связей Н. В. Голдиным и журналистом В. И. Чернышевым.

Предусматривается выдвижение кандидатур на Премию с обеих сторон, поэтому советской стороне приходится проводить большую дополнительную работу по ознакомлению индийских коллег с тем, что делается в нашей стране в направлении, соответствующем статусу премии. Затем рекомендованные произведения литературы переводятся на

индийские языки, составляются биографии кандидатов, устраиваются выставки и т. д. Словом, делается все возможное, чтобы дать индийцам максимум информации о той или иной кандидатуре. В выдвижении же кандидатур принимают участие самые широкие слои советской общественности. Это право предоставляется творческим союзам и общественным организациям всех городов и республик.

За время своего существования комитет присуждал премию трижды — за 1967, 1968 и 1969 гг. Высокое признание получила деятельность более чем тридцати советских писателей, поэтов, журналистов, ученых и художников из РСФСР, Азербайджана, Литвы, Таджикистана, Казахстана и т. д.

Среди лауреатов Премии наиболее многочисленную группу составляют писатели и поэты. Тема Индии издавна существует и развивается в советской литературе. Одним из первых обратился к ней крупнейший советский поэт Н. С. Тихонов. От ранних стихов («Сами», «Индийская казнь» и др.), посвященных борьбе индийцев за национальное освобождение, поэт пришел к глубокому осмыслению судьбы индийского народа (в произведениях последних лет «Белое чудо», «Серый Хануман» и др.). Н. С. Тихонов стал первым лауреатом Премии в 1967 г. В том же году было отмечено поэтическое творчество Мирзо Турсун-заде и Зульфий. Близость культурного наследия среднеазиатских республик СССР и Индии способствовала в циклах стихов этих поэтов об Индии воссозданию яркого и верного облика индийского народа. Годом позже Премия была присуждена писателю В. К. Рейсмерису за сборник стихов об Индии и сотруднику музея Л. Н. Толстого писателю А. И. Шифману за монографию «Толстой и Восток», в которой автор показал влияние идей Толстого на индийскую общественную мысль, в частности на идеи великого сына индийского народа Мохандаса Карамчанда Ганди.

В 1969 г. собрание произведений писателей — лауреатов Премии дополнили стихи об Индии известных советских поэтов Евгения Винокурова и Эдуарда Межелайтиса, а также исторический роман молодого казахского писателя А. Алимджанова «Сувенир из Отрара», написанный на индийском материале.

К лауреатам-писателям примыкают лауреаты-журналисты. В 1967 г. Премию получили О. Бенюх за репортаж «Взломщики сердец» и преподаватель Московского университета, специалист по индийской истории, Л. В. Шапошникова за ряд книг об Индии («По Южной Индии», «Дороги джунглей», «Парава — летучие рыбы»).

Советских художников также интересует жизнь и культура дружественного индийского народа. Многие из них побывали в Индии и воплотили свои впечатления о ней в произведениях изобразительного искусства. Работы четырех художников были удостоены Премии. Среди них живописные работы академиков живописи С. Чуйкова (1967 г.) и Д. А. Налбандяна (1968 г.), народного художника СССР М. Абдуллаева (1969 г.), а также скульптурные портреты индийских общественных деятелей, принадлежащие классику советского изобразительного искусства Е. В. Вучетичу (1968 г.).

Индийская тематика стала материалом для творчества некоторых советских музыкантов. Премии 1969 г. удостоены композитор С. А. Баласанян за балет «Шакунтала» и балетмейстер Н. В. Данилова за постановку балета «Читра» в Куйбышеве по мотивам известного произведения Р. Тагора.

Наконец, лауреатами Премии стали советские ученые-индологи самых различных специальностей. Особое место среди них занимают со-

трудники Института востоковедения Академии наук СССР. Премии присуждались директору института академику Б. Г. Гафурову (в 1969 г.) за вклад института в укрепление научных связей между обеими странами, заведующему отделом стран Южной Азии, автору более ста научных работ по Индии В. В. Балабушевичу (в 1968 г.), скончавшемуся в 1970 г., и заведующему отделом литератур Востока Е. П. Чельшеву (в 1967 г.) за монографии «Современная поэзия хинди», «Литература хинди» и ряд статей об индийских литературах. Кроме того, лауреатами Премии стали старейший искусствовед-индолог, автор многих научных работ по искусству Индии, заведующий сектором Института истории и теории искусств С. И. Тюляев (в 1968 г.) и сотрудник Института этнографии АН СССР Н. Р. Гусева (в 1969 г.) за создание пьесы «Рамаяна» по мотивам древнеиндийского эпоса и за участие в постановке этой пьесы на сцене Центрального детского театра в Москве.

Комитет учредил не только персональные, но и коллективные премии. Так, Премией в 1968 г. был награжден журнал «Страна Советов» за вклад в развитие дружеских отношений между двумя странами. За год до этого журнал отпраздновал свое двадцатилетие. За это время тираж журнала повысился от 500 до 550 тысяч экземпляров. Теперь журнал выходит на двенадцати индийских, непальском и английском языках. Большой вклад журнала в укрепление дружбы с Индией был отмечен еще ранее, когда Всеиндийский совет мира присудил ему медаль «Шанти сандеш».

В 1969 г. коллективная Премия была присуждена трем преподавателям кафедры индийских языков Института международных отношений МИД СССР. З. М. Дымшиц, В. И. Горюнов и О. Г. Ульциферов получили эту высокую награду за учебник хинди, который является первым практическим курсом этого языка, изданным в СССР.

Значение Премий имени Неру в развитии дружеских отношений между народами СССР и Индии трудно переоценить. Став новой интересной формой научного и культурного сотрудничества, они стимулируют интерес обеих стран друг к другу, способствуют развитию в них научного и художественного творчества.

В. В. Анненков

ИНДИЙСКО-СОВЕТСКАЯ МОНОГРАФИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РАЙОНИРОВАНИЮ ИНДИИ

Во вступительной речи на XXI конгрессе Международного географического союза его президент, индийский ученый Ш. Чаттерджи, назвал экономическое районирование одной из наиболее важных прикладных проблем современной географии [6].

Проблема экономического районирования, разрабатывавшаяся в Советской России в связи с задачами рационального размещения производительных сил, стала в последние десятилетия актуальной не только для социалистических государств, она возникает и при попытках регионального планирования в капиталистических и развивающихся странах. Из молодых государств так называемого третьего мира значение вопросов экономического районирования, пожалуй, наиболее осознано в Индии, что отчасти можно объяснить огромными размерами страны и большим разнообразием социально-экономических, демографических, природных, этнических условий в различных частях этого субконтинента. Свидетельством тому служит изданная в 1968 г. на английском языке работа «Экономическое районирование Индии: проблемы и подходы»¹.

Примечательно, что книга подготовлена совместно индийскими и советскими географами. С индийской стороны основным автором была ныне покойная д-р Фулрани Сен Гупта [2], возглавлявшая отдел географии и картографии в Организации генерального регистратора Индии; часть материалов подготовил бывший генеральный регистратор Ашок Митра. С советской стороны главным исполнителем была Г. В. Сдасюк, научный сотрудник Института географии АН СССР; автором теоретического введения и научным консультантом всей работы являлся проф. В. В. Покшишевский (Институт этнографии АН СССР).

Книга уже рецензировалась в советских научных журналах [5; 4; 1]. Тем не менее ярко выраженная методологическая направленность всей работы и отраженный в ней опыт сотрудничества специалистов различных школ, видимо, еще неоднократно будут привлекать внимание советских экономистов и географов, занимающихся развивающимися странами.

Как показывает подзаголовок работы, ее задачей была прежде всего общая постановка проблемы экономического районирования приме-

¹ Sen Gupta P. and Sdasyuk G., *Economic Regionalization of India: Problems and Approaches*, New Delhi, 1968 (Census of India 1961. Monograph Series, vol. I, № 8).

нительно к развивающейся стране; поиски принципов и методов ее решения. Такое общее направление вполне оправданно, так как даже в подходе к экономическому районированию в развивающихся странах наблюдается большой разноразбой. Например, на региональном семинаре ООН по размещению промышленности и развитию районов, проходившем в августе 1968 г. в г. Минске, представители плановых органов развивающихся стран и эксперты международных организаций открыли дискуссию о содержании понятия «район» и сущности экономического районирования. Дискуссия показала, что региональное планирование в этих странах во многих случаях не опирается не только на сетку районов, но даже на научно обоснованные принципы и критерии экономического районирования [3].

Структура рецензируемой монографии подчинена указанной выше задаче. Книга состоит из трех частей: ч. I. Концепции, принципы и методы экономического районирования; ч. II. Подход к экономическому районированию по отраслям и компонентам; ч. III. Экономическое районирование Индии. В первую часть (занимающую одну восьмую объема монографии) входят две главы, написанные Г. В. Сдасюк (гл. 1. Проблемы экономического районирования в развивающихся странах на примере Индии; гл. 2. Развитие концепции генерального экономического районирования Индии), и глава, подготовленная Ф. Сен Гуптой (гл. 3. Принципы и методы экономического районирования). Вторая часть (три пятых объема книги), содержащая обширный фактический материал по Индии, состоит из глав о территориальных сочетаниях естественных ресурсов (Ф. Сен Гупта), о сельскохозяйственном и промышленном районировании (Ф. Сен Гупта и Г. В. Сдасюк), о транспорте и формировании экономических районов (Г. В. Сдасюк). Наконец, небольшая (менее восьмой объема книги) третья часть содержит анализ научного подхода к природному и экономическому районированию Индии и сведения об исторически сложившейся в этой стране системе регионального деления для целей планирования. В приложении даны статьи А. Митры об уровнях регионального развития и внутренних миграциях населения в Индии.

Авторы исходят из материалистической методологии районирования, признающей объективное существование экономических районов, формирующихся на известной ступени развития товарного производства и промышленности. Г. В. Сдасюк в первой главе, проследившая процесс образования районов в Индии (в колониальный период и в условиях независимого государства), подчеркивает роль индустриализации и углубления порайонной специализации сельского хозяйства в становлении экономического единства различных частей страны. Ф. Сен Гупта отмечает влияние территориальных различий в естественноресурсной базе хозяйства на процесс районообразования (гл. 3).

Позиция Ф. Сен Гупты отличается от подхода географов-детерминистов, выделяющих экономические районы по своеобразию природной среды. Сен Гупта считает, что экономические районы не идентичны физико-географическим, ибо в основе их формирования лежат не природные, а социальные процессы, прежде всего специализация производства. Последняя в условиях развивающейся страны нередко основывается на различиях в пространственных сочетаниях естественных ресурсов.

В третьей главе поставлены интересные вопросы последовательности экономического районирования. Автор предлагает трехступенчатую систему районирования Индии. Нижнюю ступень составляют узкоспециализированные микрорайоны, формирующиеся на базе однородных

ресурсных ареалов. Среднюю ступень представляет комплексный экономический район, включающий несколько разнородных ресурсных ареалов. В качестве примера указывается долина Дамодара (мезорайон), объединяющая три типа микрорайонов: ареалы угледобычи, лесные районы, обрабатываемые земли. В мезорайоне должен быть представлен хотя бы один производственный цикл национального значения (в долине Дамодара таким стержнем является энергетика). Кроме того, в мезорайоне должны находиться несколько экономических центров национального и регионального значения. Наконец, верхнюю ступень образуют производственные комплексы типа крупного экономического района (макрорайон), в которых широкий набор ресурсов открывает возможность автономного экономического развития. Для районов этого ранга характерна самообеспеченность продовольствием, скоропортящимися товарами, строительными материалами и топливом.

Сен Гупта отмечает, что крупные экономические районы выделяются далеко не в каждой развивающейся стране. В странах с небольшой территорией и населением производственный комплекс типа крупного экономического района может быть создан только на основе их экономической интеграции.

Указанная схема предполагает и определенную последовательность самого процесса районирования. На первом этапе выделяются и изучаются природные районы различного ранга, а также ресурсные районы. На втором этапе группировка ресурсных районов по принципу взаимодополняемости приводит к выделению мезорайонов. На третьем этапе проводится генеральное экономическое районирование, выделяются макрорайоны, т. е. автономные группы соседних мезорайонов. Таким образом, все районирование осуществляется «снизу вверх».

Теоретическую схему районирования Сен Гупта подкрепляет опытом разработки конкретной сетки экономических районов Индии. В стране выделено 129 микрорайонов, 42 мезорайона и 7 макрорайонов. В монографии дается краткая характеристика макрорайонов и мезорайонов.

Основными единицами региональной статистики и планирования в Индии в настоящее время являются штаты, т. е. административно-политические образования, выделенные по этнолингвистическому признаку. Сетка штатов не совпадает с сеткой экономических районов, предложенной в монографии. В большинстве случаев штаты образуют как бы промежуточное звено между мезо- и макрорайонами. Так, Андхра Прадеш включает 3 мезорайона, Махараштра — 6 мезорайонов и т. д. Однако есть и исключения: штаты Панджаб и Хариана объединены в один мезорайон, штат Мадхья Прадеш приравнен к целому макрорайону. Для увязки экономического районирования с административно-территориальным делением авторы сетки экономических районов стремились проводить их границы по границам штатов.

Конечно, рассмотренная схема экономического районирования Индии нуждается в дальнейшей разработке и уточнении. В частности, придавая большое значение ресурсным предпосылкам районирования, авторы почти не затронули проблему влияния на формирование экономических районов (особенно низшего ранга) системы экономических центров. Внимание авторов концентрировалось преимущественно на вопросах генерального экономического районирования, призванного наметить территориальные рамки развития крупных производственных комплексов, создаваемых государственным сектором.

Самостоятельный интерес представляют картографические приложения к монографии. Среди четырнадцати карт, посвященных природ-

ным районам Индии,—общая картосхема природного районирования и карты отдельных районов с указанием месторождений полезных ископаемых. На восьми картах отражены «населенческие» проблемы страны, в том числе обеспеченность хозяйств землей, соответствие плотности заселения ресурсам, внутренние миграции в 1951—1961 гг. Карта сельскохозяйственных районов содержит интересные данные о продуктивности земель в связи с природными, социально-экономическими условиями и техническим уровнем хозяйств. Четыре карты посвящены промышленности и транспорту. Наконец, естественным завершением работы служат картосхема районирования страны для целей планирования и карты основных экономических районов (всего семь карт).

В целом рецензируемая монография представляет интерес не только для специалистов по Индии, но и для широкого круга экономистов и географов, занимающихся развивающимися странами. В монографии освещены одновременно и практическая важность проблемы экономического районирования, и ее сложность, многосторонность, требующая привлечения к исследованиям больших научных коллективов.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Минц А. А., Ценный результат советско-индийского научного сотрудничества,— «Известия АН СССР, серия географическая», 1970, № 1.
2. Сахаров И. В., Фулрани Сен Гупта (1913—1968),— «Известия ВГО», Л., 1969, т. 101, вып. 5.
3. Сдасюк Г. В., Уткин Г. Н., Страны «третьего мира»: актуальные вопросы размещения промышленности и регионального развития,— «Известия АН СССР, серия географическая», 1969, № 3.
4. Уткин Э., Экономическое районирование Индии: проблемы и подходы,— «Новые книги за рубежом по общественным наукам», М., 1969, № 9.
5. Экономическое районирование Индии: проблемы и подходы,— «Известия АН СССР, серия географическая», 1968, № 5.
6. Chatterjee S. P., Economic Regionalization in India, Presidential Address, 21st International Geographical Congress, Calcutta, 1968.

I. V. Sakharov

INDIAN STUDIES AT THE ORIENTAL COMMISSION OF THE GEOGRAPHICAL SOCIETY OF THE USSR

In the USSR comprehensive scientific study of India is being carried on at various research centres of the Academy of Sciences (Institute of Oriental Studies, Institute of Geography, Institute of Ethnography, etc.) and at other research institutions and universities in Moscow, Leningrad, Tashkent, Baku, Erevan and other cities. At the same time, the importance of the voluntary research associations is ever growing. In particular, a substantial contribution to the advancement of Indian studies has been made by the Geographical Society of the USSR.

A considerable activation in this field took place at the Society after India had gained her independence and established friendly relations with the USSR.

The setting up of the Oriental Commission within the Central Organisation of the Geographical Society in Leningrad (December 1955) was the start of a very important stage in the development of the study of India. In the Commission indologists constitute a numerous and efficient body of workers.

Among the subjects in which the Oriental Commission has particularly interested itself in recent years are the economic regionalisation of India (V. A. Pulyarkin, I. V. Sakharov, G. V. Sdasyuk, a. o.), India's food problem (L. A. Knyazhinskaya a. o.), migration and urbanisation (L. I. Bonifatieva, B. P. Suprunovich, a. o.), the ethnic geography of the country (I. V. Sakharov), the Scheduled Tribes (M. K. Kudryavtsev, S. A. Maretina, B. P. Suprunovich, a. o.), the economic geography of West Bengal (I. V. Sakharov), Indians overseas (G. L. Dmitriev, A. D. Dridzo, Y. V. Maretin, A. P. Raskin, B. P. Suprunovich, I. P. Trufanov, A. D. Yurov a. o.), Russo-Indian contacts and especially Russian travellers to India (A. V. Korolyov, N. G. Krasnodembskaya, G. P. Kurilenko, E. Y. Lusternik, R. R. Orbeli, V. V. Perzmakher, a. o.).

Indologists — members of the Oriental Commission maintain efficient scientific contacts with their Indian colleagues. Some of them have taken part in various international scientific congresses. During the past years the Geographical Society of the USSR has been visited by quite a number of indologists from abroad, mostly from India (S. P. Chatterjee, L. S. Bhat, O. H. K. Spate, A. Mitra, P. Sen Gupta, B. K. Roy Burman, M. R. Ranganatha, A. R. Desai, a. o.), and some of them have read papers at the

meetings of the Oriental Commission and published them in the Commission's transactions.

Now the Oriental Commission of the Geographical Society represents one of the most important centres of the initiation, promotion and co-ordination of comprehensive Indian studies in the USSR and pays great attention to the popularisation of knowledge about India among the Soviet people, with the aim of strengthening friendly relations between our two great countries.

Part I. List of Meetings

The present chronicle, based on different sources including archive materials, is a complete enumeration in chronological order of all the papers relating to India read at the Oriental Commission's meetings (including the joint meetings of the Commission with other units of the Geographical Society) and at the conferences, sessions etc. in which the Commission has actively participated, with mention of the dates of the meeting, the names of the speakers, and the titles of the papers; of all the visits of guests from abroad; and of all the articles about India published in the Commission's transactions.

At some meetings, along with the reports about India, the reports about other countries were read as well. In such cases the present chronicle deals with the papers on India only, the other papers being omitted.

1955

December 9: A. V. Korolyov. Russian and Soviet writers and artists on India.

1956

March 29: G. P. Kurilenko. The first Russian ambassadors to India in the 18th century (Semyon Malenky and others).

April 12: V. S. Vorobyov-Desyatovsky. G. S. Lebedev, the first Russian indologist and founder of the European theatre in India at the end of the 18th century.—V. A. Romodin. History and geography of the states of Dir and Swat, inhabited by the Afghans.

October 12: Meeting devoted to the memory of V. S. Vorobyov-Desyatovsky. Speeches by A. V. Korolyov, G. A. Zograf and V. A. Romodin.—R. R. Orbeli. Little known traveller Raphail Danibegov and his book «A voyage to India» (1815).

1957

May 16: V. I. Kalyanov and G. A. Zograf. India (personal impressions).

June 13: T. A. Shumovsky. The Arabian marine encyclopaedia of 1490 and the question of the geographical discoveries of the Arabs in the Indian Ocean and the Western Pacific.

October 17: I. V. Sakharov. New administrative set-up of India and its economic significance.

1958

January 10: I. V. Sakharov. New administrative set-up of India and its economic significance (second reading of the paper read on October 17, 1957).

February 14: Discussion of the book «Asia» (Moscow, 1957) by A. V. Korolyov.—V. V. Perzmaher. India in Korolyov's book.

April 28: Joint meeting of the Oriental Commission and the Commission of Medical Geography.—V. N. Latyush. Geography of leprosy in India.

October 3: G. N. Roerich. Research work in Mongolia, Tibet and the Himalayas in 1923—1957.

November 14: A. V. Korolyov. N. K. Roerich's art inheritance and its value for geography.

December 3: I. V. Sakharov. The role of railways in the distribution of productive forces and formation of economic regions in India.

December 22: Joint meeting of the Oriental Commission and the Department of Historical Geography.—A. I. Andreev. N. I. Chelobitchikov, a Russian merchant and traveller to India (18th century).

1959

January 8: Joint meeting of the Oriental Commission and the Department of Economic Geography.—L. I. Bonifatieva. Impressions of a tour of India.

January 15: Joint meeting of the Oriental Commission, the Commission of Medical Geography, the Department of Ethnography, the Department of Historical Geography, the Astronomo-Geodetic Society (Leningrad Branch), and the Russian Palestine Society. Celebration of the 75th anniversary of birth of A. V. Korolyov, Vice-Chairman of the Oriental Commission.—Speeches by Academician V. V. Struve, G. N. Roerich and others.

January 30: R. I. Barannikova. Religious festivals in India.

March 23: A. M. Lyubarskaya. English poet and traveller Wilfrid S. Blunt and his struggle against colonialism.

May 22: A. D. Dridzo. East Indians in West Indies.

At the end of 1959 the Oriental Commission published a collection of articles (in Russian):

Страны и народы Востока. География, этнография, история. Выпуск I. Под редакцией академика В. В. Струве. Москва. Издательство восточной литературы, 1959, 354 стр. [Академия наук СССР, Восточная комиссия Географического общества Союза ССР]. Countries and peoples of the East. Geography, Ethnography, History. Vol. I. Edited by Academician V. V. Struve. Moscow, Oriental Literature Publishing House, 1959, 354 pp. (USSR Academy of Sciences. The Oriental Commission of the Geographical Society of the USSR).

Articles on India: I. V. Sakharov. New administrative set-up of India, pp. 5—29; I. V. Sakharov. Natural conditions and resources of Bihar and West Bengal and their economic evaluation, pp. 66—109; V. A. Romodin. Dir and Swat (A historical and geographical sketch), pp. 110—128.

1960

April 14: G. P. Kurilenko. Pyotr Trenogin, a Russian traveller to Central Asia and India (17th century).

May 26: Meeting dedicated to the memory of G. N. Roerich (1902—1960).—Speech by A. V. Korolyov.

June 17: Reception of the famous Indian artist S. N. Roerich and his wife Devika Rani Roerich, arranged by the Presidium of

the Geographical Society and the Oriental Commission, with Academician E. N. Pavlovsky, President of the Society in the chair.

October 20: Meeting devoted to the memory of G. N. Roerich.— B. I. Pankratov. G. N. Roerich as a tibetologist.— L. N. Gumilyov. G. N. Roerich as a historian of Central Asia.— A. V. Korolyov. G. N. Roerich as a traveller.

January 17: V. I. Kalyanov. Information on the work of the Section of Indology at the 25th International Congress of Orientalists (Moscow, August 1960).

May 15: Conference on economic regionalisation of India convened in Moscow by the Institute of Geography with participation of the members of the Oriental Commission.— O. B. Oskolkova (Moscow). Research work in the field of economic regionalisation of India.— L. I. Bonifatieva. Problem of the formation of economic regions in India.— I. V. Sakharov. The basic criteria of the economic regionalisation in India.— V. A. Pulyarkin (Moscow). The application of Soviet experience in economic regionalisation to the Indian situation.

May 31: E. Y. Lusternik. First voyages of Russian ships to India in 1871—1872.— G. P. Kurilenko. A Russian traveller in the East (on the occasion of the 125th Anniversary of P. I. Pashino's birthday).— A. V. Korolyov. Names and terms: *India, Indian subcontinent, Indostan; Indians, Hindus, Hinduists.*

October 11: A. V. Korolyov. Indian artist S. N. Roerich and the importance of his art for gaining knowledge of India.

December 15: M. Y. Ioseleva. The origin of magic numbers in the ancient East (Egypt, Mesopotamia and India).

• • •

At the end of 1961 the Oriental Commission published a collection of articles (in Russian):

Страны и народы Востока. География, этнография, история. Выпуск II. (Под редакцией председателя Восточной комиссии академика В. В. Струве и заместителя председателя А. В. Королева). Москва, Издательство восточной литературы, 1961. 284 стр. (Академия наук СССР. Восточная комиссия Географического общества Союза ССР).

Countries and Peoples of the East. Geography, Ethnography, History. Vol. II (Edited by Academician V. V. Struve, Chairman of the Oriental Commission, and A. V. Korolyov, Vice-Chairman). Moscow. Oriental Literature Publishing House, 1961. 284 pp. (USSR Academy of Sciences. The Oriental Commission of the Geographical Society of the USSR). Dedicated to the Memory of George N. Roerich.

Articles on India and on the Indians. In memory of Yuri (George) Nikolaevich Roerich, pp. 3—5; I. V. Sakharov. Economic consequences of the partition of Bengal (1947), pp. 13—29; I. V. Sakharov. Raw materials and fuel for iron and steel industry of East India, pp. 30—60; A. D. Dridzo. East Indians of Trinidad, pp. 89—102; A. M. Lyubarskaya. British poet and traveller Wilfred S. Blunt and his struggle against colonialism, pp. 130—142.

1962

January 17: B. V. Bratus. The teaching of the Russian language in India (personal impressions of 1961).

March 21: Joint meeting of the Oriental Commission and the Department of Economic Geography.— K. M. Popov (Moscow). A research trip to India (personal impressions).

May 17: Joint meeting of the Oriental Commission and the Department of Physical Geography, Department of Ethnography and Lecturing Bureau.—A. M. Ryabchikov. India in 1961 (personal impressions).—A. V. Korolyov. Life and work of N. K. Roerich, G. N. Roerich and S. N. Roerich.

October 24: F. L. Bogdanov. The art of Ajanta.

1963

February 12: I. P. Trufanov. Singapore and its population.

August 23: Joint meeting of the Oriental Commission and the Department of Economic Geography.—L. S. Bhat (Research worker of the Regional Survey Unit, the Indian Statistical Institute, New Delhi). Regional planning in India.

1964

May 12: T. A. Shumovskiy. The Arabs and Sea.

May 19: Joint meeting of the Oriental Commission, the Department of Economic Geography and the Commission of Population and Urban Geography.—I. V. Sakharov. Some characteristics of the migration of the Indian population (with particular reference to West Bengal).

May 25—29: The 4th Congress of the Geographical Society of the USSR was convened in Moscow. Official delegates of the Congress, members of the Oriental Commission: I. V. Sakharov (Central Organization of the Society), L. I. Bonifatieva and A. M. Ryabchikov (Both of the Moscow Branch of the Society).—Paper on India: *May 26:* L. I. Bonifatieva and A. M. Ryabchikov. Regional problems of multipurpose utilization of natural resources in South Asia.

August 24: A visit to the Geographical Society by Dr. (Miss) P. Sen Gupta, The Chief of Cartography Division at the Office of the Registrar General, India (New Delhi).

October 9: Meeting commemorating the 90th anniversary of N. K. Roerich's birthday.—F. L. Bogdanov. Suites (paintings) by N. K. Roerich.—A. V. Korolyov. N. K. Roerich and St. Petersburg University.

November 4: F. L. Bogdanov. The book by the progressive Indian writer Yashpal about his tour to the Soviet Union.

* * *

In the middle of 1964 the Oriental Commission published a collection of articles (in Russian):

Страны и народы Востока. География, этнография, история. Выпуск III. Под редакцией А. В. Королева и И. В. Сахарова. Москва, издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1964. 211 стр. (Академия наук СССР. Восточная комиссия Географического общества СССР.)

Countries and Peoples of the East. Geography, Ethnography, History. Vol. III. Edited by A. V. Korolyov and I. V. Sakharov. Moscow, «Nauka» Publishing House, Central Department of Oriental Literature, 1964. 211 pp. (USSR Academy of Sciences. The Oriental Commission of the Geographical Society of the USSR). Dedicated to the 75th birthday of Academician V. V. Struve.

Articles on India: A. M. Ryabchikov. India as seen by Soviet geographers, pp. 5—12; L. I. Bonifatieva. Rural-urban migration of India's population, pp. 13—28; G. V. Sdasyuk. Urgent problems of the geography of electric power generation in India, pp. 29—41.

April 17—18: Members of the Oriental Commission met Mr. A s o k M i t r a, the Registrar General and ex officio Census Commissioner for India (New Delhi).

September 21: The Geographical Society was visited by Prof. O. H. K. S p a t e of the Australian National University (Canberra).

October 8: The Oriental Commission took part in the Session arranged by the Institute of the Peoples of Asia and the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences, by the Oriental Department of Leningrad University, the Geographical Society of the USSR, and the Soviet-Indian Cultural Relations Society, which was devoted to the 125th Anniversary of the birth of the outstanding Russian indologist Prof. I. P. M i n a y e v.—Papers read by the members of the Oriental Commission: E. Y. L u s t e r n i k and D. E. B e r t e l s. I. P. M i n a y e v's materials in the Soviet archives.—T. E. K a t e n i n a, T. S. M a s l o v and E. Y. L u s t e r n i k. I. P. M i n a y e v and St. Petersburg University.—I. V. S a k h a r o v. I. P. M i n a y e v as geographer.

October 25: Joint meeting of the Oriental Commission and the Commission of Population and Urban Geography. Discussion on the book «The Population of India. A demographic survey» by V. V. P e t r o v (Moscow, «Nauka» Publishing House, 1965).—Participants in the discussion: I. V. S a k h a r o v, T. S. B a t a l i n a, V. V. P e t r o v (Moscow).

November 3: I. V. S a k h a r o v. Migration between East Pakistan and India following the partition of Bengal in 1947.—S. A. M a r e t i n a. The hill peoples of Assam and Nagaland.—M. K. K u d r y a v t s e v. The Anthropological Survey of India (personal impressions).—R. I. B a r a n n i k o v a. Hindi taught in a Leningrad school.

* * *

In the middle of 1965 the Oriental Commission published a collection of articles (in Russian):

Доклады Восточной комиссии. Выпуск 1 (2). (Под редакцией академика В. В. Струве). Ленинград, 1965. 107 стр. (Географическое общество Союза ССР).

Papers of the Oriental Commission. Vol. I (2). (Edited by Academician V. V. Struve). Leningrad, 1965. 107 pp. (Geographical Society of the USSR). Dedicated to the 80th Anniversary of the birth of A. V. Korolyov, Vice-Chairman of the Commission.

Articles on India and the Indians: F. L. B o g d a n o v. The book by the progressive Indian writer Yashpal on his tour to the Soviet Union, pp. 6—13; I. P. T r u f a n o v. The ethnic composition and mode of life of the Singapore population, pp. 14—25; on Indians in particular see pp. 23—25.

By the end of 1965 the Commission published a collection of articles (in Russian):

Страны и народы Востока. География, этнография, история. Выпуск IV. Под редакцией академика В. В. Струве и А. В. Королева. Москва, издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1965. 264 стр. (Академия наук СССР. Восточная комиссия Географического Общества СССР).

Countries and Peoples of the East. Geography, Ethnography, History. Vol. IV. Edited by Academician V. V. Struve and A. V. Korolyov. Moscow, «Nauka» Publishing House, Central Department of Oriental Literature. 1965. 264 pp. (USSR Academy of Sciences. The Oriental Commission of

the Geographical Society of the USSR). Dedicated to the 10th Anniversary of the Oriental Commission.

Articles on India and the Indians: L. I. Bonifatieva. Data on towns and cities in «Census of India, 1961», pp. 3—14; I. P. Trufanov. The population of Singapore, pp. 39—56; on the Indians in particular see pp. 53—55.

1966

January 6: Y. V. Maretin. The characteristics of Indo-Balinese culture (in connection with the publication of the book «The Island of Bali» by L. M. Dyomin, Moscow, 1966).—G. P. Kurilenko. Some forgotten Russian travellers to India in the 17th century.

January 24: Joint meeting of the Oriental Commission and the Commission of Population and Urban Geography.—I. V. Sakharov. Some problems of Calcutta (in connection with the publication of the book «Calcutta — India's city» by Asok Mitra, Calcutta, 1963).

February 28: B. P. Suprunovich. The Scheduled tribes (Adivasis) of India.—S. A. Maretina. The Bodo states in Assam.—M. K. Kudryavtsev. The language problem for the Adivasis of India.

April 20: V. V. Perzmaher. Seafaring traditions in India.—I. P. Trufanov. External migrations of the Indian population.

May 18: Y. V. Maretin. Indians in Indonesia.—A. D. Yurov. Indians in the Republic of South Africa.

May 24: Joint meeting of the Oriental Commission, the Department of Economic Geography, the Department of Ethnography, the Department of Historical Geography and the Saltykov-Shchedrin Public Library.—I. V. Sakharov. The acquisition of foreign books and periodicals on geography, ethnography, history and economy of foreign countries (with particular reference to the literature on India) by the libraries of Moscow and Leningrad, and some general problems of acquisition of publications from abroad.

November 2: T. A. Shumovsky. The geographical scope of Shota Rustaveli's poem «The Knight in the Panther's Skin».—V. V. Perzmaher. Unknown Russian sailors to India in 1860's.—O. A. Belobrova. India in ancient Russian art.

November 24—26: A Conference on problems of economic regionalisation in the developing countries, arranged by the Oriental Commission, the Moscow Branch of the Geographical Society, and the Institute of Geography of the USSR Academy of Sciences took place in Moscow.

Papers on India:

November 24: A. M. Ryabchikov and G. D. Bessarabov (Moscow). The typology of changed natural landscapes as a basis for regionalisation of land resources (with particular reference to South Asia).

November 25: L. I. Bonifatieva (Moscow). Urbanisation and problems of the formation of economic regions in the developing countries (with particular reference to India).—G. V. Sdasyuk. Some characteristics of the formation of economic regions in the developing countries (A case study of India).—I. V. Sakharov. Some problems of economic regionalisation in India (with particular reference to West Bengal).

November 26: A. A. Tolokonnikova. Centres of irrigation as one of the bases for the consolidation of economic regions in the developing countries of Asia.

December 21: Meeting commemorating the centenary of the birth of Academician Th. I. Stcherbatsky (1866—1942).—A. N. Zelinsky (Moscow). Academician Th. I. Stcherbatsky and certain problems of the cultural history of the Kushans.—B. I. Kuznetsov. Problems of gnoseology in Dharmakirti's «Samtanantarassiddhi».

* * *

In November 1966 a brochure was published in Moscow (in Russian): Тезисы докладов на тему «Проблема экономического районирования в развивающихся странах», Москва, 1966. 45 стр. (Московский филиал Географического общества СССР. Восточная комиссия Географического общества СССР. Институт географии Академии Наук СССР).

Summaries of papers on «Problems of economic regionalisation in the developing countries». Moscow, 1966, 45 pp. (The Moscow Branch of the Geographical Society of the USSR. The Oriental Commission of the Geographical Society of the USSR. The Institute of Geography of the USSR Academy of Sciences).

Summaries of papers on India: A. M. Ryabchikov and G. D. Bessarabov. The typology of changed natural landscapes as a basis for the regionalisation of land resources (with particular reference to South Asia), pp. 12—14; G. V. Sdasyuk. Some characteristics of the formation of economic regions in the developing countries (with particular reference to India), pp. 20—22; L. I. Bonifatieva. Urbanisation and formation of economic regions in the developing countries of Asia (with particular reference to India), pp. 22—24; I. V. Sakharov. Certain problems of the formation of economic regions in India (with particular reference to West Bengal), pp. 40—43; A. A. Tolokonnikova. Centres of irrigation as one of the bases for the consolidation of economic regions in the developing countries of Asia.

1967

January 11: Joint meeting of the Oriental Commission and the Department of Economic Geography. Information about the Conference on the problems of economic regionalisation in the developing countries, Moscow, November 1966 (Reports by the participants of the Conference).—I. V. Sakharov. Papers on India read at the Conference (Information).

January 25: Joint meeting of the Oriental Commission, the Department of Historical Geography, and the Department of Ethnography devoted to Republic Day.—V. V. Perzmakher. A Russian naval explorer Y. F. Lisyansky in India in 1799 (from archive materials).—I. V. Sakharov. Some characteristics of the ethnic composition and the social structure of the West Bengal population (Materials for the paper prepared by the author for the Second All-Union Inter-Departmental Scientific Conference on Population Geography, Moscow, January—February, 1967).

January 30 — February 4, Moscow: The Second All-Union Inter-Departmental Scientific Conference on Population Geography, arranged by the Geographical Society and Moscow University.

Papers on India read by the members of the Oriental Commission:

February 1: Symposium on Problems of Migration and Formation of Population.—L. I. Bonifatieva. Some characteristics of urbanisation in South and South-East Asia.—B. P. Suprunovich. Rural migrati-

ons and trends in the distribution of population in India.—I. V. Sakharov. Some characteristics of migrations in West Bengal.

April 5: Meeting devoted to the 75th Anniversary of the birth of B. I. Pankratov.—V. A. Velgus. On ancient navigation in the Indian Ocean.

May 24: T. V. Grek. Durbars at the Court of the Great Moghols (miniatures from the Hermitage collection).—V. I. Kazakov (Moscow). Language problems in India, with particular reference to Maharashtra.

June 31: Joint meeting of the Oriental Commission, the Department of Economic Geography and the Commission of Population and Urban Geography. Dr. (Miss) P. Sen Gupta (The Chief of the Geography and Cartography Division at the Office of the Registrar General, India, New Delhi). Regional approach to demographic problems and resource development in India.

June 2: Joint meeting of the Oriental Commission, the Department of Economic Geography, the Department of Mathematical Geography and Cartography, and the Commission of Population and Urban Geography. Dr. (Miss) P. Sen Gupta (New Delhi). Office of the Registrar General (ex officio Census Commissioner for India) and its work in the field of geography and cartography.

October 17: Session devoted to the 50th anniversary of the Great October Socialist Revolution.—E. Y. Luster'nik. The study of Indian history in Leningrad (1917—1967).

November 22: V. V. Perzma'kher. Unpublished letters from Gerasim Lebedev to I. F. Krusenstern (1797—1802) found in the Leningrad archives.

December 13: I. V. Sakharov. Indian studies at the Russian Geographical Society—the Geographical Society of the USSR, 1845—1967 (Materials for the paper prepared by the author for the 21st International Geographical Congress, New Delhi, 1968).

* * *

In December 1967 the Oriental Commission published the first collection of articles on India (India—land and people):

Индия—страна и народ. (Ответственный редактор И. В. Сахаров). Москва, Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1967. 271 стр. (Академия наук СССР. Географическое общество СССР. Восточная комиссия.—Страны и народы Востока. Под общей редакцией академика В. В. Струве и члена-корреспондента АН СССР Д. А. Ольдерогге. Выпуск V).

India—land and people. Edited by I. V. Sakharov. Moscow, «Nauka» Publishing House, Central Department of Oriental Literature, 1967, 271 pp. (USSR Academy of Sciences. Oriental Commission, Geographical Society of the USSR.—Countries and Peoples of the East. Under the general editorship of Academician V. V. Struve and Corresponding Member of the Academy of Sciences of the USSR D. A. Olderogge. Vol. V). Dedicated to the 20th Anniversary of India's Independence (1947—1967).

Contents: I. V. Sakharov. (Leningrad). The Oriental Commission of the Geographical Society of the USSR and its Indian studies, pp. 5—22; M. M. Saifulin (Moscow) and L. P. Ulyanova (Moscow). Some features of the Indian federation, p. 23—37; I. V. Sakharov (Leningrad). The ethnic composition of the population of West Bengal, pp. 38—49; N. R. Guseva (Moscow). The sects among the

Sikhs, pp. 50—72; B. P. Suprunovich (Moscow). The problem of the minor peoples and tribes (Adivasis) of India, pp. 73—88; S. A. Maretina (Leningrad). The ethnic composition of the hill peoples of Assam, pp. 89—99; M. K. Kudryavtsev (Leningrad). The Anthropological Survey of India, pp. 100—105; M. K. Kudryavtsev. Dr. Verrier Elwin, pp. 106—109; I. P. Trufanov (Leningrad). On the external migrations of the Indian population, pp. 110—128; Y. V. Maretin (Leningrad). On the Indian influence on the Balinese culture, pp. 129—149; A. D. Dridzo (Leningrad). First monograph on the East Indians of Trinidad, pp. 150—154; L. I. Bonifatieva (Moscow). The problem of determining India's urbanisation level, pp. 155—163; G. V. Sdasyuk (Moscow). Industrialisation and the formation of economic regions in India, pp. 164—194; V. A. Pulyarkin (Moscow). Natural conditions and agriculture of the Kashmir Valley, pp. 195—208; R. R. Orbeli (Leningrad). The history of Raphael Danibegov's book «A voyage to India», pp. 209—219; V. V. Perzmaher (Leningrad). Russian sailors in India in the 1760's (from archive materials), pp. 220—228; T. V. Grek (Leningrad). The Portrayal of Kabir in Indian miniatures of the 17th century Mogul school, pp. 229—235; A. N. Zelinsky (Moscow). Academician Th. I. Stcherbatsky and some problems of the cultural history of the Kushans, pp. 236—257; A. N. Zelinsky. Inauguration of G. N. Roerich Monument in Moscow (August 17, 1965), pp. 258—264; V. V. Petrov (Moscow). From ancient Rajputana to present-day Rajasthan, pp. 265—270.

1968

February 7: T. A. Shumovskiy. «Great Islands» in marine encyclopaedia written by Ahmad b. Majid (15th century).

March 25: Joint meeting of the Oriental Commission, the Department of Economic Geography and the Commission of Population and Urban Geography.—L. A. Knyazhinskaya (Moscow). The growth of the population and the food problem in India.

March 27: Discussion on the collection of articles: «Countries and Peoples of the East». Under the general editorship of academician V. V. Struve and D. A. Olderogge, Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences. Vol. V. India—land and people. Edited by I. V. Sakharov. Moscow, 1967. Participants in the discussion: O. B. Oskolkova (Moscow), L. A. Knyazhinskaya (Moscow), N. G. Krasnodembskaya, V. L. Afanasiev, A. M. Reshetov, P. M. Dolukhanov, V. A. Romodin, G. P. Kurilenko, V. V. Perzmaher, I. V. Sakharov, D. A. Olderogge. Written reviews by: A. M. Ryabchikov (Moscow), E. Y. Burnashev (Moscow), P. A. Barannikov.

May 29: S. A. Maretina. On the so-called «castes» in the Island of Bali.—T. V. Grek. Personal impressions of a tour of India (January-February, 1968).

November 13: P. A. Barannikov. The language problem in modern India.—N. G. Krasnodembskaya. Russian indologists and ethnographers I. P. Minayev and A. M. and L. A. Merwarth in Ceylon.

* * *

In 1968 the «Mysl» Publishing House published a collection of articles prepared by the Moscow Branch of the Geographical Society of the USSR with the participation of the Oriental Commission (in Russian):

«Экономическое районирование развивающихся стран», Москва, 1968, 222 стр. («Вопросы географии», сб. 76).

From the contents: G. V. S d a s y u k. Some aspects of the formation of economic regions in the developing countries (A case study of India), pp. 66—95; L. I. B o n i f a t i e v a. Urbanisation and formation of economic regions in India, pp. 96—106; I. V. S a k h a r o v. The ethnic composition of the population and the federative structure as factors in the formation of economic regions in India, pp. 107—124; A. K. V a f a. A series of economic-geographic monographs on the regions of India (Review article), pp. 187—203.

In the same year the Central Department of Oriental Literature of the «Nauka» Publishing House published the book:

«Problems of Economic Regionalisation in the Developing Countries». Moscow, 1968. 196 pp. (In English).

This book consists of the same papers as the above-mentioned one, with the exception of that by A. K. Vafa.

1969

March 26: I. V. S a k h a r o v. Personal impressions of a trip to India and Nepal (February 1969).

April 14: Joint meeting of the Oriental Commission, the Department of Economic Geography, and the Commission of Population and Urban Geography.—L. I. B o n i f a t i e v a (Moscow). Problems of controlling the development of towns in India.

October 8: Joint meeting of the Oriental Commission and the Commission of Geomorphology and Palaeogeography.—A. Y. S h c h e t e n k o. The role of geographical environment in the establishment of the food producing economy in ancient Hindustan.—Y. A. Z a d n e p r o v s k y. The Ahar culture of South Rajasthan, its genesis and place in India's Post-Harappan history.

December 10: P. F. B e l i k o v (Tallin). Nicholas Roerich and India.—V. P. K n y a z e v a. Ascertaining the dates of Roerich's paintings of the Indian period.

* * *

In 1969 the Oriental Commission published a collection of articles:

Страны и народы Востока. Под общей редакцией члена-корреспондента АН СССР Д. А. Ольдерогге. Вып. VIII. География, этнография, история. М., изд-во «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1969. 312 стр. (Академия наук СССР. Географическое общество СССР. Восточная комиссия.—Сборник посвящен памяти председателя Восточной комиссии, академика В. В. Струве).

Countries and Peoples of the East. Under the general editorship of D. A. O l d e r o g g e, Corresponding Member, Academy of Sciences of the USSR. Vol. VIII. Geography, Ethnography, History. Moscow, «Nauka» Publishing House, Central Department of Oriental Literature, 1969. 312 pp. (USSR Academy of Sciences. Geographical Society of the USSR. Oriental Commission.—The volume is dedicated to the memory of Academician V. V. S t r u v e, Chairman of the Oriental Commission).

From the contents:

B. I. K u z n e t s o v. Problems of gnoseology in Dharmakirti's «Samtanantarassiddhi», pp. 186—187.—F. L. B o g d a n o v. Mural paintings of ancient India, pp. 188—203.

1970

January 26: Meeting devoted to Republic Day. I. V. S a k h a r o v. Introductory speech.—V. V. P e r z m a k h e r. Changes of place-names

in India after independence.—V. P. Knyazeva. N. Roerich's paintings of India (Commentary with colour slides).

January 27: Joint meeting of the Oriental Commission, the Department of Economic Geography, the Department of Ethnography, and the Commission of Population and Urban Geography.—Dr. Bikram Keshari Roy Burman (Deputy Registrar General of India, New Delhi). Social studies at the Census Organisation of India, with particular reference to the study of the Scheduled Tribes.

March 16: Joint meeting of the Oriental Commission, the Commission of Population and Urban Geography, devoted to Independence Day of Mauritius.—I. V. Sakharov. The ethnic composition of the population of Mauritius.

May 6: Joint meeting of the Oriental Commission and the Leningrad Indological Seminar.—Dr. Magadi Rangaswamiya Ranganatha (Linguist, Office of the Registrar General of India, Calcutta). The language situation in modern India.

October 28: A. P. Raskin. East Indian immigrants in the USA.

December 7—11: The First Conference of Soviet Indologists took place in Moscow, with the following papers read by the members of the Oriental Commission:

December 7: E. Y. Lusternik. Old and new features of the liberation struggle in Central India during the 1880's.—P. A. Barannikov. Polylinguism in India.

December 9: V. V. Perzmaher. The Indian Fleet in the struggle against European conquerors in the XVI—XVIII centuries.—G. V. Sdasyuk. The formation of economic regions in independent India.—V. A. Pulyarkin. Problems of agricultural regionalisation of India.

December 10: B. P. Suprunovich. On the study of the political geography of India.—L. A. Knyazhinskaya. Population as a factor in the socio-economic development of India.—L. I. Bonifatieva. Characteristics of urbanization in India.—A. N. Zelinsky. On the possibility of constructing a model of Buddhism.

December 11: Y. V. Maretin. Indian influences and the problem of the originality of Indonesian culture.—I. V. Sakharov. The influence of politico-administrative boundaries on the ethnic awareness of the population and on the pattern of the ethnic processes in India¹.—M. K. Kudryavtsev. The main characteristics of the village communities of Northern India.—S. A. Maretina. The formation of social strata and classes among the hill peoples of North-Eastern India.

1971

January 26: Meeting devoted to Republic Day. E. Y. Lusternik. Introductory speech.—I. V. Sakharov. Recent changes in the administrative-territorial set-up of India.—S. A. Maretina. Meghalaya, the new state of India.

January 29—February 3: A Conference was convened in Moscow by the Central Organisation, the Oriental Commission, and the Moscow

¹ In the published version of the paper distributed among the participants of the Conference, the author deals with general questions of the ethnic geography of India: И. В. Сахаров, Основные особенности этнолингвогеографии Индии (Доклад на I Всесоюзной конференции индологов, Москва, декабрь 1970 г.), Ленинград, 1970. 15 стр. (Географическое общество СССР).—I. V. Sakharov. The principal characteristics of the ethnolinguogeography of India (Paper presented at the First All-Union Conference of indologists, Moscow, December 1970). Leningrad, 1970. 15 pp. (In Russian).

Branch of the USSR Geographical Society jointly with some other organisations and institutions.

Papers on India read at the Conference².

January 30: L. I. Bonifatieva and V. G. Bylov. Some characteristics and problems of the geography of manpower resources in South Asian countries.—I. V. Sakharov. Regional economic development of India in the context of ethnic geography³.

February 1: V. A. Pulyarkin. The influence of natural factors on the agricultural boundaries in the developing countries (with particular reference to India).—V. A. Pulyarkin. The place of animal husbandry in the traditional agricultural economy of South Asian countries.

February 3: G. V. Sdasyuk. The territorial combinations of natural resources and the formation of India's economic regions.—A. M. Goryacheva and N. N. Chizhov. Analysis of the statistical surface of India's urban settlement network.

March 24: L. B. Alayev (Moscow). A year in India. Results of a research trip to India in 1968.

March 26: Joint meeting of the Oriental Commission, the Group of General Ethnography in the Leningrad Branch of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences, and the Leningrad Seminar of Indologists.—L. B. Alayev (Moscow). Communities of castes in rural India and their place in a village communities' typology.

April 13: S. I. Averbukh (Kharkov). The significance of ancient Greek sources for the study of the history of North-Western India at the end of the 4th century B. C.

May 19: G. A. Zograf. Visiting India's universities (November, 1970 — February, 1971).—E. I. Lubo-Lesnichenko. A trip to India in February-March, 1971. Impressions of an art expert.

June 22: Joint meeting of the Oriental Commission, the Leningrad Branch of the Institute of Ethnography, and the Leningrad Seminar of Indologists.—Dr. Akshayakumar Ramanlal Desai (Head of the Department of Sociology, University of Bombay). Some aspects of the language policy in India.

October 6: D. A. Olderogge. The Siddis, a tribe of African origin in India.—S. A. Maretina. A Series of Census Monographs on minor peoples and tribes (published in «Census of India 1961»).

1972

January 27: Meeting devoted to Republic Day.—E. Y. Lusternik. Introductory speech.—I. V. Sakharov. Analysis of the provisional results of the 1971 Census of India.—A. M. Senkov. The project of constructing the shortest waterway connecting the USSR and India.

* * *

At the beginning of 1972 the Oriental Commission published the second book in the series «India — land and people» (In Russian):

² Synopses of all the papers with the exception of that by A. M. Goryacheva and N. N. Chizhov have been published in: География и развивающиеся страны (Проблемы использования природных и трудовых ресурсов). Тезисы докладов (29 января — 3 февраля 1971 г.). Москва, 1971. 142 стр. Geography and the developing countries (Problems of the utilization of natural and manpower resources). Synopses of papers (January 29 — February 3, 1971). Moscow, 1971. 142 pp. (In Russian).

³ In the published synopsis a wider range of questions of India's ethnic geography is discussed.

Индия — страна и народ. Книга 2. Составитель и ответственный редактор И. В. Сахаров. М., изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1972. 308 стр. (Академия наук СССР. Восточная комиссия Географического общества СССР.—«Страны и народы Востока». Под общей редакцией члена-корреспондента АН СССР Д. А. Ольдерогге. Вып. XII).

India — land and people. Book 2. Compiled and edited by I. V. Sakharov. Moscow, «Nauka» Publishing House, Central Department of Oriental Literature, 1972. 308 pp. (USSR Academy of Sciences. Oriental Commission, Geographical Society of the USSR.—«Countries and Peoples of the East». Under the general editorship of Corresponding Member of the Academy of Sciences of the USSR D. A. Olderogge. Vol. XII). In Russian.

Contents: G. V. Sdasyuk (Moscow). Geographical problems of the Overcoming of Regional Imbalances in India's Economic Development, pp. 5—20; V. A. Pulyarkin (Moscow). Natural Factors and Boundaries of Agricultural Regions in India, pp. 21—35; A. M. Ryabchikov and V. A. Nikolayev (Moscow). Landscapes of Chota Nagpur Plateau and West Bengal Plains, pp. 36—44; L. A. Knyazhiskaya (Moscow). Growth of Population and Food Problem in India, pp. 45—63; P. Sen Gupta (Delhi). Some Characteristics of Internal Migration in India, pp. 64—73; L. I. Bonifatieva (Moscow). The Regional Differences in Urbanisation of India, pp. 74—89; R. C. Nigam (Calcutta). Languages of India and Role of the Census in the Study of the Linguistic Situation in the Country, pp. 90—108; A. M. Dyakov (Moscow), I. V. Sakharov (Leningrad). Some Characteristics of Ethnolinguistic Statistics in India (The Review of Language Volume of 1961 Census), pp. 109—138; A. M. Dyakov (Moscow), I. V. Sakharov (Leningrad). Linguistic Composition of India's Population (A. Brief Regional Survey of the 1961 Census' Data), pp. 139—179; B. K. Roy Burman (Delhi). Some Characteristics of the Distribution of the Scheduled Tribes in India, pp. 180—185; M. K. Kudryavtsev (Leningrad). On the Languages as the Media of Education in the Schools for the Scheduled Tribes in India, pp. 186—195; S. A. Maretina (Leningrad). The Ethnic Composition of Nagaland's Population, pp. 196—203; B. P. Suprunovich (Moscow). Indian Tamils in Ceylon (The Problem and its Solution), pp. 204—218; I. M. Oransky (Leningrad). On the Ethnography of the Parya Group Speaking an Indian Language (Hissar Valley, Soviet Central Asia), pp. 219—233; G. L. Dmitriev (Tashkent). On the History of Indian Settlements in Central Asia (The Second Half of the XIXth — the Beginning of the XXth Century), pp. 234—247; V. V. Perzmakher (Leningrad). Y. F. Lisyansky in India (1799), pp. 248—259; P. M. Dolukhanov (Leningrad). Palaeogeography of the India Stone Age, pp. 260—274; V. A. Rannov (Dushanbe). Soviet Central Asia and India during the Palaeolithic Period (An Attempt of Comparison of the Archeological Periodisations), pp. 275—297; Indian Studies at the Oriental Commission of the Geographical Society of the USSR (Chronicle of Work, 1967—1971), pp. 298—301.

Part II. Summaries of the articles published in «India — land and people» series, books 1—3

Индия — страна и народ. Ответственный редактор И. В. Сахаров. Москва, издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1967. 271 стр. (Академия наук СССР. Географическое общество

СССР. Восточная комиссия.— «Страны и народы Востока». Под общей редакцией академика В. В. Струве и члена-корреспондента АН СССР Д. А. Ольдерогге. Вып. V). Сборник посвящен двадцатилетию независимости Индии (1947—1967).

India — land and people. Edited by I. V. Sakharov. Moscow, «Nauka» Publishing House, Central Department of Oriental Literature, 1967. 271 pp. (USSR Academy of Sciences. Oriental Commission, Geographical Society of the USSR.— «Countries and Peoples of the East». Under the general editorship of Academician V. V. Struve and Corresponding Member of the Academy of Sciences of the USSR D. A. Oldergge. Vol. V). Dedicated to the XXth Anniversary of India's Independence (1947—1967). [In Russian.]

I. V. S a k h a r o v

The Oriental Commission
of the USSR Geographical Society and its Indian studies

Attainment of political independence by India and establishment of friendly relations between the USSR and India were very significant factors in the development of indology in the Soviet Union. In these conditions it became necessary to find new forms of organising research into the problems of India and of other Asian and African countries as well. Therefore in 1955 in Leningrad it was decided to establish the Oriental Commission, a special unit within the Geographical Society of the USSR for further promoting of Oriental studies.

The first part of the article deals with the main principle underlying the work of the Commission. The Oriental Commission is an interdisciplinary scientific organisation, and its work is based on voluntary lines. By and large, its membership is drawn from various research institutions, high schools, etc. Its activities are not limited to the geographical studies only but embrace ethnography, demography, history, culture, etc. The main forms of the Commission's work are reading and discussing of papers at regular meetings of members, and issuing of the transactions containing scholarly articles.

In the second part of the paper the Indian studies of the Commission are discussed in detail. Since its very establishment, the studies of India have occupied an important place in its work. In the Oriental Commission, indologists constitute the most numerous and active body of workers and cover a very wide range of questions such as the economic significance of the linguistic reorganisation of states, the formation of economic regions in the context of the country's federal set-up, the migration of the population and urbanisation process, the ethnic and economic problems of West Bengal, the Scheduled Tribes of India, Indians overseas, Russo-Indian contacts in the past and present (especially Russian travellers in India), etc. The author points out that the Oriental Commission of the Geographical Society of the USSR pays great attention to the initiation, promotion and co-ordination of comprehensive Indian studies and to the popularisation of knowledge about India among Soviet people thus contributing to the strengthening the friendly relations between these two great countries.

The article contains as an appendix a chronological list of all the Commission's meetings (during 1955 to 1966) at which the papers about India have been read.

Some Features of the Indian Federation Today

In the first part of the paper written by M. M. Saifulin a short analysis is made of the measures taken in independent India to reorganise the administrative-territorial set-up of the country. In particular, the partition of the former state of Punjab into two new states, Punjab and Haryana, with the constituting Chandigarh as an Union territory, is discussed. It is pointed out that although India's states were reorganised on a linguistic basis, the minor peoples and tribes did not receive regional autonomy. The author tells of the struggle of the minor peoples of North-Eastern India for autonomy within the framework of the Indian Union. The author comes to the conclusion that in general the reorganisation of the Indian Federation is an important step towards a successful solution of the problem of national relations within the country.

In the second part of the paper written by L. P. Ulyanova the basic peculiarities of India's federative structure are discussed. The author thoroughly analyses the constitutional provisions and the latter's practical implementation with special reference to the balance of powers between Federal Government and the states. She points out that though, according to the Constitution, the key positions relating to the vital matters of all-Indian significance are in the hands of the Centre, the Indian states are vested with important and manifold powers and functions in various spheres of political and economic life. It is concluded that a considerable flexibility is inherent to India's federal structure and that within the framework of the Indian Federation can be traced two simultaneous tendencies, one towards unitarianism, the other towards regionalism and decentralisation.

I. V. Sakharov

Ethnic Composition of population of West Bengal

The paper deals with the relationship between the ethnic composition of West Bengal's population (with particular reference to the Calcutta Industrial Region), on the one-hand, and its social and occupational structure, on the other. In this state the non-Bengalis represented mainly by the immigrants from other states, are very numerous and account for a considerable proportion of the general population. The non-Bengali population as a whole as well as individual ethnic groups into which it is subdivided, is unevenly distributed not only over territory of West Bengal but also among different industries and occupations and among different classes and social strata. The social and economic standing of the Bengalis and the non-Bengalis is on the whole quite different in this state. While the peasantry (including the rural elite), the lower strata of bourgeoisie, and the urban middle classes, are here represented mostly by Bengalis, the working class employed in large manufacturing industry, in coal mines, on tea plantations, transport, etc., and the urban lower social groups in general, on the one side, and the upper stratum of bourgeoisie, on the other, come, mainly or to a great extent, from the ethnic minorities. The main regions of the concentration of non-Bengali people even feature some kind of «distribution» of industries, occupations and professions among the various communities. A kind of well pronounced ethnic

«anomalies» in certain branches of the social and occupational structure can be observed here, and some professions and trades are identified with a certain ethnic group or groups. An attempt is made by the author to explain this phenomenon.

N. R. Guseva

The sects among the Sikhs

Religious movements as well as the emergence of sects within a religion, are often linked with a definite ethnic environment which nurtures these movements or sects. Characteristic examples of this are provided by the Sikh movement which for centuries rested on the Jat ethnic environment, and by the process of the emergence of sects within Sikhism, many of which, according to the author, are associated with certain ethnic subgroups within the Jat population. It is likely that these subgroups are the survivals of the ancient division of the Jats into tribes.

Not all Sikh sects may be traced to their original ethnic sources, since the division of the Jats into tribes has long been erased, and the groups, if any, usually exist in the form of castes. However, if a sect is associated with one of the castes whose tribal origin may be traced, then that caste may be considered the ethnic environment of the sect. Thus, the Namdhari Sikh sect is closely connected with the Ramgarhia caste, the Nihang sect — with the landless lower castes, the Khandalia sect — with an ethnic group of non-Jat origin.

It is maintained that as a religious teaching, Sikhism is a further development of the Vedic doctrine in the form in which it was practised by the Scythian tribes (according to most scholars, the appearance of the Jats in India is connected with the Scythian invasions of this country). The author analyses the sharp anti-caste, anti-Brahman nature of the Sikh doctrine, its non-recognition of polytheism, complex rituals and some other features of Hinduism which were formed chiefly east of the Punjab as a result of the mixing of Vedic cults with local pre-Aryan cults. She sees it as a struggle between new and old forms of Aryan belief.

B. P. Suprunovich

The Problem of Scheduled Tribes (Adivasi) in India

A sizeable part of India's population is constituted by the numerous peoples and tribes which are the descendants of the most ancient population of India and are usually referred to as the «Adivasis» (aboriginal peoples). Their total numerical strength in 1961, according to the Census, was 30 million which was 6.7 per cent of the general population of the country. These ethnic communities economically and socially lag behind the other India's peoples and differ from them in racial traits, in language, in social organisation, material and spiritual culture, etc. The Indian Parliament striving to help the Adivasis to overcome their backwardness, granted special legal status to them: according to the Constitution, the majority of these communities are classed with the category of the so-called «Scheduled Tribes». The author discusses the demographic, social, and economic characteristics of this heterogeneous group of Indian population and critically analyses different approaches to the solution of the Adivasi problem.

The ethnic composition of hill peoples of Assam

The hilly areas of Assam and of the adjoining regions of Meghalaya, Manipur and Tripura are populated by many peoples and tribes who trace their origin from East Asia. They speak the languages of the Tibeto-Burmesse group of the Sino-Tibetan linguistic family with the exception of the Khasis who speak the Mon-Khmer language of the Austric family. Anthropologically, all of them belong to the South Mongoloid subrace. In the past, one group of these peoples, the Bodos, were the founders of the early-class states that covered a considerable part of Assam.

As regards their economic and cultural type, the aboriginal peoples of Assam and of adjoining regions are hoe agriculturists. All the peoples have attained the stage of neighbour community, although most of them retain many survivals of primitive society in their social organisation.

The hilly areas of the region under review are populated by the following peoples (from West to East): the Garos of the Bodo group, and the Khasis who have a matrilineal social structure; the Mikirs who ethnographically are close both to the Bodo group and to the Nagas; the Dimasas who like the Garos belong to the Bodos but are patrilineal and patrilocal. A group of numerous tribes of Kuki-Chin who occupy the entire southern part of Assam and the bordering areas of Manipur and Tripura are divided into three main subgroups: the Meitheis, the principal people of Manipur, the Chins who include some smaller ethnic communities passing through a comparatively developed stage of feudalism (the most numerous among them being the Lushais, or Mizos), and the Kukis who include, barring the rather developed Tippera, many hill tribes. The hills of Manipur are also populated by some Naga tribes, related to those of Nagaland. Lastly should be noted some ethnic groups who are dispersed amongst other peoples of the Assam plains, particularly the plains Bodos.

At present the minor peoples of Assam are encouraged to develop their culture and economy. Their active participation in the struggle for national autonomy, and in the discussion concerning the problem of the official language of Assam testifies to the growth of their political activity and ethnic consciousness.

M. K. Kudryavtsev

Anthropological survey of India

In carrying out socio-economic and cultural reforms in such a multinational country as India, the Government is grappling with a variety of problems that require a scientific solution. A special scientific body — the Anthropological Survey of India (ASI) — acts as an adviser to the Government and various organisations. During his sojourn in India the author has got acquainted with the structure and work of this body. The ASI has its headquarters in Calcutta and four regional stations in various regions: the Central Indian Station in Nagpur, the Couth Indian Station in Mysore, the Assam Station in Shillong and the Andaman Station in Port-Blair. The ASI has competent specialists, laboratories, museums and extensive libraries and conducts research in physical anthropology, ethnography, sociology, linguistics, folk-lore, and the arts of the so-called Scheduled Tribes and castes. Results of field, laboratory and

theoretical studies are published in the form of monographs and articles in the «Bulletin of the Anthropological Survey of India» and other periodicals. The Central Government, the state governments and many organisations take an interest in these researches regularly consulting with the ASI when they have to prepare bills and carry out practical measures in the fields of economy, public education, and health of the various peoples of India. The head of the ASI is an *ex officio* adviser to the Government on questions relating to social anthropology. All this testifies to the important role which this science plays in India.

M. K. Kudryavtsev

Dr. Verrier Elwin

Dr. Verrier Elwin (1902—1964) greatly contributed to the development of Indian anthropological science. An Englishman by origin he spent a greater part of his life in India, living and working in the very midst of the aboriginal population of Central and Eastern India. Dr. Elwin wrote more than 20 large monographs and many articles on ethnography, folklore, popular art and religious beliefs of many peoples and tribes. For the most part he was a field explorer. His works are noted for the original presentation of material, deep penetration into the internal world of the peoples he studied, sympathy for these peoples and an ardent desire to help them. After he acquired Indian citizenship in 1945, he was appointed in the post of a government adviser to the questions concerning the tribes of the North-Eastern Frontier Agency. His death in 1964 was a grave loss both for Indian ethnographic science, and for the Government whom he consulted for many years.

I. P. Trufanov

External migration of the Indian population

The emigration of Indians which assumed a large scale in the 1830's has so far been little studied by Soviet scientists. The author tries to outline in this paper the general features of these migrations considering socio-economic conditions peculiar both to India in the colonial period (general economic decline, the break-up of rural communities, dispossession of land, degradation of handicrafts, etc.) and to the countries which attracted Indian immigrants (abolition of slavery in British colonies, the resultant acute shortage of cheap labour, etc.). Attention is paid to the methods of recruiting Indian migrants. The forms of Indian overseas migrations varied but as it is shown by the author the recruiting has always been undertaken in the interests of capitalist entrepreneurs who exploited Indian labourers.

At present Indians constitute a majority or a sizable part of the local population in a number of countries: Mauritius, Guiana, Ceylon, Malaysia, etc. In these countries Indians are socially heterogeneous, but the bulk of them is made up of the working people. The author shows the large contribution made by the Indian immigrants to the economic development of some countries where they constitute a basic labour force in some industries and agriculture. Indians overseas resist the assimilation with the indigenous population. Usually they form separate communities

and retain their specific religion and cultural traditions. In some countries the problem of the citizenship of Indians is now quite acute. To solve it, it is necessary to display a sober and comprehensive approach taking into account both the interests of Indians and the interests of other groups of population.

Y. V. M a r e t i n

The Indian influences on the Balinese culture

In most works, scholarly and popular, the island of Bali is being referred to as a stronghold of Hinduism, and its culture is regarded either as Hinduist, or Hinduist-Balinese, or Indo-Balinese. Far from denying the immense importance of Indian influences on the formation of the Balinese culture, the author pays attention to another aspect of this problem and tries to reveal the extent of originality of the Balinese culture. He describes the characteristic features of this culture and seeks to prove that the so-called Indo-Balinese culture is an essentially Balinese one though it adopted some elements of the Indian culture, mainly in the sphere of religion. The problem of Indian influences is viewed on the background of the general problem of Indian influences on the Indonesian culture. To confirm his propositions, the author discusses the book *The Island of Bali* (Moscow, 1964) by the Soviet expert on Indonesia L. M. Dyomin, and other sources, and argues that the culture of Bali is not an Indo-Balinese but a quite original one. The analysis of Hinduism on Bali shows that by and large it is made up of animism and ancestor worship with features characteristic for most of the peoples of Indonesia, and that only the philosophico-dogmatic principles, and partly the pantheon were borrowed from Hinduism. The author suggests that the religion of the Balinese should be called Balinese Hinduism.

The indigenous nature of Balinese culture may be proved by an analysis of the material culture of the local population: their tools, abode, clothing, etc. The originality of this culture is traced in the arts as well, despite the presence of a strong Indian stream. In all these spheres the Balinese demonstrate their affinity with the kindred peoples of Indonesia. It is the same with social organisation, with the exception of the castes which are in fact the transformed Indian varnas. However, recent researches by some scholars (first of all C. Hooykaas, and S. A. Maretina) show that these varnas embrace very small proportion of the people and do not play any functional role in the Balinese society.

The study of Balinese culture enables indologists to ascertain how Indian culture spread among other peoples, which of its elements were borrowed, how and to what extent these elements were transformed in new environment. The author insists on the thesis that the culture of a people is the result of its own development though it can be enriched by external influences.

A. D. D r i d z o

First monograph on the East Indians of Trinidad

East Indians in Trinidad. A study of cultural persistence (New York and London, 1961) by Morton Klass is the first book devoted to this ethnic group of the island's population. Based on the author's field

investigations, the book contains a comprehensive and detailed description of an East Indian village. Morton Klass is the first scholar to have shed light on many aspects of the way of life and culture of the Trinidad Indians. It would be no exaggeration to say that it is no longer possible to study the ethnography of Trinidad without recourse to the monograph under review. Nevertheless it should be noted that the book does not lack some shortcomings. First of all the reviewer refers to the section on history, which is too brief and contains some factual errors. A much broader presentation of the island's political life is also needed. However, as a whole, the book is interesting and useful.

L. I. Bonifatieva

Determining India's urbanisation level

The proportion of the urban population in a country's total population is usually regarded as an indicator of the level of urbanisation. In terms of this criterion India ranks among the less urbanised countries of the world. In 1961, only 18 per cent of her total population lived in towns. Such a small percentage reflects certain specific features of India's urbanisation connected with the relatively slow development of her productive forces.

However, this indicator alone is obviously inadequate for determining the level of India's urbanisation because it is a country with a very large population. Therefore it is necessary in this case to take into account both the share of the urban population and its absolute size. In 1961, India had an urban population of 79 million being surpassed only by the United States, the USSR, and China. The great size of urban population makes the urbanisation process in India especially important from economic point of view. It is also necessary to take into account another indicator, namely the degree of the development of large cities. In this respect India has reached the level of the highly urbanised countries. In the first 60 years of this century the population of the large cities (i. e. towns with population of 100,000 and over) increased five times while the total urban population increased three times. At the beginning of this century large cities accounted for less than one-fourth of India's urban population. At present almost half of the town-dwellers are concentrated in such cities. As for the number of the biggest cities with population of more than one million each and for their aggregate population, India stands to the same rank as Great Britain or Japan. Thus, according to the author, while determining the level of India's urbanisation it is necessary to take into account various indicators.

G. V. S d a s y u k

Industrialisation and the formation of economic regions in India

Although India is chiefly an agrarian country, industrialisation, especially the development of heavy industry, has become a most dynamic factor influencing the entire national economy and the formation of economic regions. The author discusses the trends of development and the distribution of the leading branches of heavy industry in the post-Inde-

pendence period, such as the electric power production, the iron and steel industry, the non-ferrous metal industry, the engineering, the chemical industry, etc. Industrialisation modifies and accelerates the formation of major economic regions. The most developed maritime territories which gravitate towards the largest sea ports (the North-East region with Calcutta as its main economic centre, the Western region with Bombay and the Southern region with Madras) are gradually becoming full-fledged economic regions. The development of heavy industry makes up the missing links in the older production cycles connected with the processing of agricultural raw materials. The whole economic structure undergoes changes, new production cycles make their appearance. In the colonial period, the regional specialisation was determined chiefly by the unequal division of labour between the colony and the metropolitan country. Now the importance of the industries supplying the home market is ever growing. The regional power grids play the role of an important region-forming factor that consolidates the economic unity of the regions. The process of rapid growth of capitalism is increasingly accompanied by an accelerated economic development of the backward and remote areas of the country. In these areas rich in minerals, power and timber resources, new industrial centres are growing, and they become nuclei of new industrial-territorial complexes. The active participation of the state in the development of heavy industries exerts a great influence on India's economic progress, on change in the spatial distribution of productive forces, and on formation of economic regions.

V. A. P u l y a r k i n

Natural conditions and agriculture in the Kashmir Valley

The author characterises the natural factors influencing the geography of agricultural production in the Kashmir Valley. The main spatial differentiations of the agriculture and of the animal husbandry of the region are associated both with climatic variations at different altitudes, and with the three major elements of the relief (alluvial plain, old terraces, and mountain slopes) at different hypsometric levels. The socio-economic factors, such as feudal survivals in the agricultural economy, low productivity of peasant farms, the poor communications with other regions, etc., also play an important role. The low development of the territorial division of labour, undiversified structure of agriculture and the weak interconnections between branches of economy account for the inadequate utilisation of natural resources. Yet the agrarian reforms carried out in the Valley after India gained independence have opened wide vistas for the advance of agricultural production in Kashmir.

R. R. O r b e l i

The history of Raphail Danibegov's «Journey to India»

A Journey to India written by the Georgian traveller Raphail Danibegov (Danibegashvili) is known only in the Russian translation published in Moscow in 1815. The original manuscript in Georgian has not so far been discovered. Prior to the publication of this work R. Danibegov twice visited India with a diplomatic mission. Besides India where he

lived for many years he also visited Turkey, Burma, Tibet, Sinkiang and Siberia. He went on his first trip which lasted for three years, in 1795; the second trip took place from 1799 to 1813. On his return he stayed in Moscow where he wrote his book.

An analysis of the book on the background of Danibegov's biography shows that it is not a travelling diary polished by the writer, nor auto-biographic memoirs, but a literary work specially prepared for publication. The book produces an impression that its author travelled according to an itinerary. However, the route fixed in the book is a fictitious itinerary which does not correspond to the real chronological sequence of Danibegov's travels in India. The book is written in the form of the itinerary of one trip but in actual fact the author used the materials relating to the two trips. Moreover, Danibegov mentions neither any date (except the beginning of his journey in 1795) nor the duration of his sojourn in different places. This may be explained by the fact that the text for translation into Russian had been prepared by Danibegov with a view to provide information on India and the countries contiguous to it for the Russian commercial circles, but for some reasons he decided to conceal the true purposes of his trips and his long sojourn in India. The form of itinerary aptly coincided with his interests and intentions.

Danibegov's notes were based on his own observations and first-hand data. It is unlikely that the book was written from his memory. He seemed to have made notes which he used subsequently. It is possible that the lost Georgian manuscript was more lengthy, and Danibegov's book was an abridged version. The literary polishing broke up the chronological sequence and exactness of the author's observations and distorted the actual facts from his biography. Nevertheless, *A Journey to India* contains much interesting data and is worthy of the attention of historians.

V. V. P e r z m a k h e r

Russian seamen in India in the 1760's (from archive materials)

The article written on the basis of unpublished archive materials (log books, summaries of log books, reports, financial accounts, etc.) deals with the visits paid by Russian sailors to India in the 1760's when they underwent training on British ships. Lieutenant Nikolai Tulubyev and midshipman Fyodor Dubasov visited Bombay, Surat, and other ports on the Western seaboard of India. Dubasov's log book gives a detailed description of these cities and contains interesting data on the Indian economy and way of life. Midshipmen Prokhor Alisov and Ivan Salmanov made valuable notes about Madras and Calcutta and about the anti-British insurrection in Bengal in 1763—64. The log book of midshipman Nikifor Poluboyarinov contains beautifully drawn views of the Indian coast. In the log book of sub-lieutenant Timofei Kozlyaninov some ports of Southern India are described. The navigation and hydrographic data of the Indian Ocean collected by the sailors were of value for seafarers. The above mentioned materials found in archives testify to a considerable contribution made by Russian sailors to the study of India and the Indian Ocean.

T. V. Grek

Portrayal of Kabir
in Indian miniatures of the 17th-century Mogul school

The author makes a stylistical analysis of all known miniatures of the Mogul school portraying Kabir, the outstanding Indian poet of the second half of the 15th and early 16th centuries. As all the portraits painted in the 17th century reproduce the same image, the author believes that an earlier original existed. These miniatures are also of interest because they shed some light on the Bhakti religious reformation movement which played an important role in the social life of the Mogul Empire. Kabir's portraits, and the scenes showing visits of the Mogul aristocracy to the poet tell of the spread of his ideas at the Mogul court, apparently among Muslim intellectuals.

A. N. Zelinsky

Academician Th. I. Stcherbatsky and
some problems of the cultural history of the Kushans

The principal change in the theoretical foundation of Buddhism during the Kushan epoch consisted in the elaboration of an entirely new conception of Nirvana, which holds central place in the Buddhist teaching on salvation. If in the early Hinayana Buddhism of the 5th — 1st century B. C., Nirvana meant a suppression of all vital processes (nirodha), a complete destruction of the personality in what can conditionally be called «absolute nothingness», in the later Mahayana Buddhism the concept of Nirvana merged with the concept of the Buddha as the «absolute completeness» of being (Dharma-kaya) and as the source of great compassion (mahakaruna) and love for people. Once a Teacher, the founder of Buddhism became a Saviour, and was thus endowed with a new, superhuman, godlike aspect. The new theory declared the infinite turnover of the elements of being (dharma), including the world of human passions and sufferings (samsara), illusory and «void» (sunyata) and was not considered as an antithesis to Nirvana as was the case in the Hinayana teaching. On the contrary, faith in the supernatural power and knowledge of Buddha destroyed the very illusion of a manifestation of the world, and also the difference between samsara and nirvana according to the formula: samsara-sunyata-nirvana-dharma-kaya. Thus, the change in the philosophical view, expressed in the recognition of the illusoriness of the world went hand in hand with the emergence of a theological conception that was entirely alien to former Buddhism and differed radically from all other Indian religious and philosophical systems. Comparing the change in Buddhist practice under the Kushans with the changes in its theory and taking into account the role of the Kushan rulers, who supported the new trend in Buddhism politically, the author concludes that we are here faced with a complex process in which the Kushans played a decisive role creating the optimal conditions for the development and spread of Mahayana Buddhism in Asia.

A. N. Zelinsky

Roerich monument in Moscow

A monument to George N. Roerich, the outstanding Russian orientalist who spent many years in India and made a great contribution to the strengthening of friendly ties between the Soviet Union and India, was opened in the Novo-Devichy Cemetery in Moscow on August 17, 1965. The author outlines briefly the biography of Roerich, points to the landmarks in his cultural and social activities, and describes some aspects of his scientific work associated with the cultural history of the peoples of India and Central Asia. He emphasises Roerich's role as an outstanding traveller and specialist in the history of Russo-Indian cultural relations.

V. V. Petrov

From Ancient Rajputana to present-day Rajasthan

The author reviews a new monograph in the series devoted to major regions of India, that has been prepared by workers from the Department of the Geography of the capitalist and the developing countries, in the Institute of Geography of the U.S.S.R. Academy of Sciences. The monograph *From Ancient Rajputana to Present-Day Rajasthan* was written by L. A. Knyazhinskaya and published in 1965 by the Central Department of Oriental Literature, Nauka Publishing House. The reviewer gives a high appraisal of Knyazhinskaya's study.

* * *

Индия — страна и народ. Книга 2. Составитель и ответственный редактор И. В. Сахаров. М., издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1972. 308 стр. (Академия наук СССР. Восточная комиссия Географического общества СССР.— «Страны и народы Востока». Под общей редакцией члена-корреспондента АН СССР Д. А. Ольдерогге. Вып. XII).

India — land and people. Book 2. Compiled and edited by I. V. Sakharov. Moscow, «Nauka» Publishing House, Central Department of Oriental Literature, 1972. 308 pp. (USSR Academy of Sciences. Oriental Commission, Geographical Society of the USSR. «Countries and peoples of the East». Under the general editorship of Corresponding Member of the Academy of Sciences of the USSR D. A. Olderogge. Vol. XII). [In Russian.]

G. V. Sdasyuk

Geographical problems of the overcoming of regional imbalances in India's economic development

The task of a «balanced regional development» is a core consideration in the development plans of many former colonies and dependent countries. The attainment of economic self-reliance by the developing countries is linked with the transformation of the colonial type of the

sectoral and spatial structures of their economy. The latter is characterized by highly uneven pattern. Regional disparities in social-economic development levels, urban systems and in the stages of region formation process in India are analysed and differences in problems and prospects faced by different regions are stressed. There are limited possibilities to disperse heavy industrial projects. To provide all the backward areas with social infrastructure the mobilization of a country's financial resources is required. The concentration of production is one of the ways of such mobilization. Elaboration of rational balances between concentration and decentralisation of production region-wise during different stages of development is of extreme importance in applied geography as well as in theoretical research.

V. A. Pulyarkin

Natural factors and boundaries of agricultural regions in India

Food crops in India, and most important of them — grains are usually grown far beyond the boundaries of areas with natural conditions most favourable for their cultivation. As for industrial crops, the tendency of their concentration only in regions with optimal conditions is far more pronounced. Cash crops which are produced for export and which should correspond to a world standard of cost and quality have been particularly vulnerable to the pattern of natural conditions. When the production of a crop is oriented to the home market, the areal distribution of that crop depends to a great extent on the comparative advantage of various crops. Therefore, the boundaries of the distribution of the home-market oriented industrial crops are mainly represented not by the critical boundaries resulting from the extremal characteristics of natural conditions (as in the case of grains) but by the boundaries of the equilibrium of different crops.

Thus, the joint effect of several components of natural conditions as well as the impact predominantly exerted by only one of these components influence the localisation of the boundaries of agricultural regions in India. Most important is the role of climatic conditions, namely the amount of precipitation. The winter temperature is also important. At the same time, the distribution of individual crops is closely associated with the crop-pattern characteristic for a certain region as well as for India as a whole, or, in other words, depends on economic factors.

A. M. Ryabchikov and V. A. Nikolayev

Landscapes of the Chota Nagpur Plateau and West Bengal Plain

The characteristics of the landscapes is based on the authors' personal observations. Three peneplanation stages are distinguished on the Chota Nagpur Plateau: 900 m — 1,000 m level — Mesozoic-Paleocene, represented by outliers, or *pats*, 500 m — 700 m level — Oligocene-Miocene, forming the major part of the Plateau, and 150 m — 300 m level — Lower-Quaternary. These surfaces are armoured by lateritic crusts of various ages and thicknesses. A soil section characteristic for the locality situated 30 km south of Ranchi is described, and a table of the analyses of these soils is given. Four landscape types are singled out in this

region and the different ways in which they are used by man are shown: (1) The Chota Nagpur Plateau proper, (2) The marginal belt of the Chota Nagpur erosional low-mountain plateau, (3) Pediment (the western part of the Bengal Plain), and (4) The Bengal alluvial plain.

L. A. Knyazhinskaya

Growth of population and food problem in India

This paper is a preliminary account of some field observations, sample surveys and personal impressions of the author in her half-year trip to India in 1966—1967. In the first part of the paper a general description of the India's chronic food deficit which in 1966—67 turned into the most acute crisis, is given. This continuing shortage is due to the increasing food demand as a result of the high natural growth of population and some changes in its composition, on the one hand, and the stagnation of agriculture worsened by the recent severe draughts, on the other. The statistical comparison between the rate of population growth and foodgrain production after independence confirms the conclusion about the further worsening of the present low level of per capita consumption which is insufficient for the reproduction of the working force of the nation. The second part of the paper deals with some bourgeois theories for the solution of the «food-population» problem. The author analyses here the two most common for India approaches, which she defines as: (1) demographical determinism and (2) agrotechnological reformism.

The third part deals with various aspects of the «family planning programme» in India, considering it as a progressive measure from the social-hygienic point of view, which is, however, unscientifically treated by some scientists and politicians as a panacea for all ills. The forecast for growth of population in the next two decades is given and the amount of its future food requirement is evaluated. The author stresses that even if birth rate is to some extent slowed down, the huge amount of future food requirements will necessitate the mobilisation of all domestic resources. The last part of the paper contains an analysis of two possible ways of the mobilisation of the country's food resources, viz.: 1) the reclamation of new virgin lands (under the conditions of the active participation of public sector), and 2) the introduction of intensive methods of agriculture.

P. Sen Gupta

Some characteristics of internal migration in India

In India the proportion of migrants to the total population has remained steady since 1901, but the decennial growth-rate of migrants has been usually faster than that of population in all intercensal periods except for 1931 and 1951. The short-range migrations (within the State boundary) are more intense than the long-range migrations (across the State boundary). Mobility within the State boundary shows the pre-dominance of movements from rural to rural areas, while the movement across the State boundary is pre-eminently from rural to urban areas. The over-

all migratory movements in India still show the characteristic migration-pattern of underdeveloped countries. A considerable amount of mobility is still from rural areas into rural employments.

There has been a heavy in-migration of population to the five States — West Bengal, Maharashtra, Madhya Pradesh, Mysore, Assam and the Union Territory of Delhi. Except for Assam immigration to these States has been stimulated by the progress in urbanization and industrialization. Outflows exceed inflows in nine States, of which Uttar Pradesh ranks first with Bihar, a close second followed by Madras, Punjab, Kerala etc. The net balance in outmigration is maximum in the Ganga Plain, the most densely populated and overwhelmingly rural part in the country. In intensity of net outmigration, the densely populated Kerala state ranks first. Prior to partition the movement of population in India was lopsided; an overwhelming proportion of the migrants moved towards East. In postpartition period the progress in industrialization and urbanization has stimulated the mobility of population in various directions. The maximum flow of population was, however, towards East and West where lie Calcutta and Bombay, the major industrial magnets of the country.

L. I. Bonifatieva

The regional differences in urbanisation of India

There are many specific peculiarities in the process of urbanisation in different regions of India. Proceeding from Indian statistics one can select a group of principal indicators capable of bringing out the regional features of urbanisation. Among those indicators are the share of urban dwellers in the total population, the absolute size of the urban population, and the level of development of the cities. The development of urbanisation exerts a substantial influence on the occupational pattern of the active population. Non-agricultural, «urban» sectors: manufacturing industry, construction, transport and trade services are coming to the fore, located chiefly in towns but gradually becoming widespread also in the countryside which is being increasingly subjected to diverse urban influences.

Different social indicators can be used for determining the level of urbanisation. The process of urbanisation is directly linked with the migration of the population. One can use such an indirect indicator of the size of migration as the sex ratio. The larger the migration the bigger the numerical preponderance of men. Among the indirect indicators of urbanisation may be considered the level of literacy. The analysis of the above mentioned indicators allows to determine the two most urbanised regions. The first of them comprises the northern part of the country (the states of Punjab, Uttar Pradesh, West Bengal and the territory of Delhi). The second region includes the states in the South and West (the states of Madras, Mysore, Maharashtra and Gujarat). Regional differences in urbanisation depend on the level of economic development and national, cultural, religious, and historical peculiarities. The influence of natural conditions is also rather important.

R. C. Nigam

Languages of India and the role of the Census in the study of the linguistic situation in the country

Languages of India are quite numerous and belong to four distinct language families, viz., the Austro-Asiatic, Dravidian, Sino-Tibetan and the Indo-European. Independent India, ever since 1947 has been tackling the emerging socio-cultural problems which had their origin in linguistic diversity of the country. The question of spreading education among the masses, devising suitable language instructional media, and development of official and link languages of the country have been engaging the attention of the government. Therefore it is necessary that basic data on the languages of the country should be made available. This data should be of three kinds, one, correct figures for all the languages speakers, secondly, technical information on the language structure of India and thirdly, informations on the socio-cultural aspects of the particular language speakers including the use and functions of different languages current in the country.

The history of the Indian Census has shown that only through the agency of Census India has been able to collect most of the linguistic informations of this country. Ever since 1881 the Indian Census has been instrumental in supplying information on the languages and the strength of different languages speakers. In the 1961 Census once again work on language census was done on an elaborate scale, and comprehensive scrutiny of Census data was conducted. The results of the same were published in 1964 through the widely acclaimed publication which is entitled as «Census of India 1961, Vol. I, Part II C(ii). Language Tables». In addition, the Census Organisation took up further programmes of linguistic survey in specified areas and made further progress in the field of linguistic knowledge by collecting more field data so that these informations may be used in filling the gaps of knowledge by the time the 1971 Census again comes up.

During the 1971 Census, the Census Organization proposes to continue language work on a more comprehensive scale. Efforts will be made to prepare the language census report in such a way that no language may remain «unclassified». Further care will be taken to gather more detailed information on linguistically difficult areas like Himalayan, Pahari, Kuki, NEFA, Gondi etc. Further efforts are proposed to be made to analyse and tabulate subsidiary languages data of the 1971 Census more meaningfully. This bilingualism data is further proposed to be supplemented by language situational studies in each of the states and union territories so that the use and functions of important languages in the specific areas of multi-lingual character could be suitably determined.

A. M. Dyakov and I. V. Sakharov

Some characteristics of ethnolinguistic statistics of India (the review of language tables of 1961 Census)

The Indian demographic and social statistics do not provide any data on nationalities or ethnic groups (with the single exception of the so-called Scheduled Tribes). Therefore, the data on languages is used as

the main source of information on the national (ethnic) composition of India's population. Such data is collected during population censuses, and the statistical publications of the Census Organisation (i. e. the Office of the Registrar General, India) represent the main source of information on this matter. The paper contains a detailed analysis of the 1961 Census volume specially devoted to the languages spoken in India («Census of India 1961. Vol. I. India. Part II-C(ii). Language tables». With an Introductory Note on Classification by R. C. Nigam, Linguist, Office of the Registrar General, India. [Edited by] A. Mitra. Delhi, 1964. VI, CCXLIV, 534 pp., 9 maps). It is pointed out that as a source of information on the language situation in India, the 1961 Census is in many respects much superior to the previous ones. This Census was more thoroughly prepared and was conducted on a much wider scale than that of 1951. The 1961 Census returns have been much more thoroughly processed and rationalised (for example, for systematizing and grouping of the primary linguistic data, use was made of a new and generally improved, though sometimes unnecessarily simplified classification of languages elaborated by R. C. Nigam) and are on the whole notable for higher trustworthiness, reliability and accuracy.

At the same time, the volume under review is not free from some deficiencies. Criticism is levelled, in particular, at the basic structure of the volume, and at its contents such as the absence of a unifying principle in the grouping of material, the insufficiency of the information on mother tongues when compared to languages, etc. The methods of presentation of the linguostatistical material from the viewpoint of the requirements of spatial interpretation (the incompleteness of data for districts, and almost total absence of maps) are also criticised. The authors propose some suggestions for improving the structure and methods of presentation of statistical material which could be used in the preparation of the analogous volume (or volumes) of the 1971 Census.

However, the All-India language volume of the 1961 Census should be considered a great success on the part of the Office of the Registrar General, as it is the result of a great deal of painstaking work that brought valuable results, and due credit should be given to R. C. Nigam and his colleagues (Dr. M. R. Ranganatha and others) who spared no efforts in carrying out this Herculean task. Thus, the authors conclude their paper with the following words by Asok Mitra on the volume: "In fact it is a matter of great pride that so much should have been done in so many directions by so few in so short time with such devotion and dedication".

A. M. Dyakov and I. V. Sakharov

Linguistic composition of India's population (a brief regional survey of the 1961 Census' data)

The linguostatistical data of the Indian Censuses provide the most valuable materials for the study of national question in India, and their importance can scarcely be overestimated. However, although many years have elapsed since the language data collected during the 1961 Census has been published, this material has, strange to say, not yet been properly and adequately discussed (at least, from the ethnolinguogeographical point of view) in academic literature both in India and abroad. Using the data published in the All-India language volume of the 1961 Census,

the authors analyse in detail the linguistic make-up of the population of India as a whole and of her states and union territories, and in a condensed and generalised form give a rich reference data relating to the size and distribution of Indian peoples speaking different languages.

B. K. Roy Burman

Some characteristics of the distribution of the
Scheduled Tribes in India

The first part of the paper deals with the pattern of distribution of the tribal people by states, districts, and territorial units of lower order. The statewise statistical data give the impression that the tribals constitute only a small proportion of the population almost throughout of India. The author points to the fact that the data by such lower administrative units as talukas and their equivalents give much more reliable and meaningful information. They show that there are 287 units of lower order than districts where the Scheduled Tribes make up more than half of the local population, and that almost a half of India's tribal people live in the territorial units where they are the majority people. This is of great significance for the cultural orientation of the Scheduled Tribes and for formulation of strategies of their social and economic development.

In the second part of the paper it is noticed that the main regions of the concentration of the tribal people in India are located in the contact territories where two or more national regions populated by other peoples border on each other. The author suggests that the survival of some «pockets» of tribal concentration in the border areas is not due to the tribals' isolation from the neighbouring peoples; on the contrary, it was facilitated by the fact that some of the tribes played a specific role either as *bridge* communities (e. g., the Totos between the Bhutias and the Koches) or as *buffer* communities (e. g., the Kukis between the Mizos and the Nagas). In such cases the political and economic interests of those dominant peoples between which these tribes were placed contributed to the stability of the ethnic identity of these tribes. As in the past India was divided into a large number of princely states, and correspondingly there were much more border areas in the country than now, many tribes, as B. K. Roy Burman suggests, were likely to have played the roles of «bridges» and «buffers», and it would be of great interest to examine the location of the existing pockets of tribal concentration with reference to the political boundaries of different kingdoms at different periods of India's history. It is quite possible that many of the Scheduled Tribes could preserve their separate culture, not because they were isolated, but because they had to maintain a special type of contact or they had to perform a special role.

The author comes to the conclusion that the views expressed by some people, that the tribals are bound to gradually shed their distinctive traits in the near future, as they live very much interspersed with other peoples, are not always based on a realistic appraisal of the situation. He maintains that the pockets of tribal concentration are more likely to function as the areas of regeneration of tribal socio-cultural and political aspirations in the present day context of democratisation of national life.

On the languages as the media of education in the schools
for the Scheduled Tribes in India

The paper is devoted to one of the important social problem of contemporary India, viz., the cultural development of ethnic minorities, particularly of those belonging to the Scheduled Tribes. This group of India's population comprises over 200 ethnic communities with a total population of 30 million. To help these peoples overcome their economic and cultural backwardness, special government and social organisations have been set up. A lot has already been done in combating illiteracy among the tribals. Several tribal communities have now abandoned the nomadic life and turned to agricultural cultivation, while others have been attracted by industry. However, much still remains to be done. The author having acquainted himself with rural and urban schools for many of these peoples tells of his impressions of the effect of elementary education amongst the various tribes in the context of their ethnic and linguistic peculiarities. The greatest effect is achieved in those areas where instruction is given in the native language which is at the same time the language of the majority of the population (for example, the Khasis of Assam). A lower effect is obtained when instruction is given not in the native language of the respective Scheduled Tribe but in the language of the surrounding peoples (the Hindi schools for the Mundas and the Orsons in the Ranchi region). In those areas where instruction is given in some third language (the schools for the Birhors and the Asurs in South Bihar, in the Munda linguistic environment with the instruction in Hindi) that is of no use to them in their daily life, the effect is practically insignificant. Those who receive their elementary education in this way are forced to make use of it in some other regions. The author comes to the conclusion that the unification of all these peoples in the one category of the Scheduled Tribes and the attempt to work out one approach to such different tribes as the Birhors and the Khasis, is unjustifiable, at least as far as education is concerned. The approach should be more differentiated in this case.

S. A. Maretina

The ethnic composition of Nagaland's population

The numerous tribes (with the combined numerical strength of 360,000) which are known as Nagas make up the bulk of the population of Nagaland, the state lying in the north-east of India. Being long isolated from the rest of India in almost inaccessible hills and facing constant local migrations of people and resettlement of tribes, the Nagas have developed a peculiar way of life and an original culture. The existence of many languages and dialects is a factor that hinders the consolidation of the Nagas into one nationality. They practice hoe cultivation and retain many institutions of the patrician in their social organisation. So far the Nagas have not been systematically studied.

The main tribes of Nagaland (from South to North and then to North-East) are as follows: the Kachchas (very poorly studied); the Angamis, one of the largest and most consolidated tribes; the Rengmas who are kindred to the Angamis; the Semas who differ from most Nagas due to the reten-

tion of strong hereditary chiefs; the Lhotas who preserve their communal way of life to a great extent; the Ao tribe whose characteristic features are collective administration and a developed system of age classes. The smaller tribes include the Sangtams, Yachumis, Changs, Phoms, Kalyo-Kengyus, etc, who are poorly investigated. The Konyaks are the largest tribe in the north-eastern part of Nagaland.

The last few decades in Naga history were very turbulent. Their struggle for autonomy was very long and was crowned by the setting up of their own State only in 1962. Notwithstanding serious complications, this young State scored some success in developing its own culture and raising the political consciousness of its people.

B. P. Suprunovich

Indian Tamils in Ceylon (The problem and its solution)

This article deals with the question of the place of the Indian Tamils in the economic and political life of Ceylon. The problem of Indian Tamils is considered in relation to Indo-Ceylon relations. Indian Tamils in Ceylon are persons born in India and their descendants. Although they produce a large part of the national income and an overwhelming part of the export production, most of them have no rights of citizenship, and are the most oppressed and exploited group of the population of the island. The immigration of Indians to Ceylon that began in the 1830's, was closely connected with the development of tea plantations. Only in the period between the censuses of 1871 and 1946 did the net immigration of Indians exceed one million, but it was greatly shortened after the world depression during the 1930's. In the 1950—60's emigration exceeded immigration. Nearly two thirds of the Indian Tamils were born in Ceylon. The great majority of them are employed in the tea gardens and concentrated in the plantation districts of the Central Highland.

Unsuccessful attempts to solve the problem of the Indians in Ceylon were undertaken as early as the pre-independence period. In 1947, 1953, and 1954 J. Nehru negotiated with the Prime Ministers of Ceylon. The Shastri-Bandaranayike agreement signed on October 30, 1964 envisaged some measures for the solution of the problem. In spite of some political and economical difficulties the agreement came into being. This agreement consolidates the legal status of the Indian Tamils and removes the main obstacle in the further improvement of the relations between India and Ceylon.

I. M. Oransky

On the ethnography of the Parya group speaking an Indian language (Hissar Valley, Soviet Central Asia)

The distribution, occupations, ethnographical peculiarities, and folklore of the Paryas, an ethnic group speaking an Indian language, that was recently discovered in Central Asia are discussed in the article. This small agricultural community migrated to the Hissar Valley from Afghanistan, however linguistic evidences and certain legends point to the fact that the starting point of their migration was one of the regions in North-Western India. Various names applied to the Parya group and its subdi-

visions are met with in the literature on the tribes and castes of the Punjab and North-West India. It is quite probable that this community is one of the offshoot groups of the Changars which were registered in Indian Censuses at the end of the last century. However, the final solution of the problem of to which ethnic and language group are the Paryas linked by descent perhaps will only be attained when some reliable data on the languages and ethnography of similar groups in North-Western India, Pakistan and Afghanistan are obtained.

G. L. Dmitriev

On the history of Indian settlements in Central Asia
(the second half of the XIXth — the beginning of the XXth century)

This article deals with the life and activities of Indians who settled in the territory of Turkestan and Bukhara in the second half of the 19th and the beginning of the 20th centuries. It contains information on the factors responsible for the appearance of Indian settlements in Central Asia, on the size of the population of the settlements, the religions, castes and the social status of Indians. Drawing on archive materials and literature, the author characterises the internal life of the Indian settlements, their relations with the Russian colonial administrators and the Bukhara rulers, their activities in home and foreign trade, in capitalist enterprise, money-lending operations, etc. The article highlights the ethnographical characteristics of the Indians, their role in the history of cultural relations between the peoples of India and the peoples of Central Asia and Russia.

V. V. Perzmaher

Y. F. Lisiansky in India (1799)

This article deals with the voyage of the famous Russian naval explorer Y. F. Lisiansky to India in 1799. The unpublished diaries of Lisiansky used by the author contain a detailed description of the cities of Madras and Bombay. Y. F. Lisiansky writes about the life and original culture of Indian people with great insight and deep respect. The information on the struggle of Mysore against the British, which is to be found in the diary is of considerable interest. The data on navigation and the hydrography of the Indian Ocean and in particular the directions concerning the navigation near the coasts of India and Ceylon were of great value. Lisiansky's records of his voyage to India show the Russian people's great interest in this country, its culture and its people. They also illustrate the fact that Russian navigators made a considerable contribution to the study of India and the Indian Ocean.

P. M. Dolukhanov

Palaeogeography of the Indian Stone Age

Extensive geological and geomorphological studies have proved the existence of four glacial phases in the Himalaya mountains and the Kashmir valley. There are many reasons for believing that these phases

were contemporaneous with the main glacial stages in Europe (Gunzian, Mindelian, Rissian and Würmian). The earliest Stone Age remains in the Northern India (the Pre-Soan tools) are held to be synchronous with the second glacial phase. The evolution of the Soan chopper — chopping industries was taking place during the Middle and Upper Pleistocene age and only towards the end of the 4th glacial phase did the Middle Stone Age industries make their appearance. New investigations made by A. P. Khatri in the Narbada valley date the earliest pebble stage there (the Mahadevian industry) to the Mid Pleistocene Age. The evolution of the Chellean-Acheulian hand-axe complexes takes place during the Mid and Upper Pleistocene Ages. The appearance of the Series II industries is attributed to the final stage of the Upper Pleistocene Age. The comparison of India with Soviet Central Asia, on the one hand, and with Africa, on the other, reveals a striking similarity of these territories as far as Stone Age evolution is concerned. These areas make part of a hypothetical zone of the Emergence of Man. These areas are characterised by the existence of Pebble Cultures thought to be the earliest industries created by the tool-producing Hominidae. With the course of time the evolution of the Stone Age cultures in these areas takes a somewhat different pace when compared to the periglacial Europe and the Near East. Mostly due to environmental conditions neither Mousterian nor Upper Palaeolithic techniques of European type appear in these areas.

V. A. R a n o v

Soviet Central Asia and India during the Palaeolithic period
(an attempt of comparison of the archaeological periodisations)

The author examines the periodisation of the Palaeolithic Age in Central Asia and India and compares the principal cultures of the period in these areas. In Central Asia the following Palaeolithic cultures can be distinguished: pebble cultures of the Soan type, and Levallois-Mousterian industries subdivided into several local types,— two variants of the upper Palaeolithic. In India this period can be divided as follows: Chelles-Acheul group in the South, and Soan group in the North. Then comes a scarcely studied Middle Stone Age that ends by the Late Stone Age connected with microliths of geometrical forms.

The resemblance between the Palaeolithic industries in these vast areas is primarily evident in the existence of special methods of chipping stones, methods different from those which could be met with in Europe and Africa. They can briefly be summed up in the following way: 1) The development of special techniques for the preparation of core and the production of chipped stones and tools by «pebble-techniques», 2) the broad use of the pebble-tools survives here, in contrast to Europe, until the final stage of the Palaeolithic Age, 3) a percentage correlation between Levalloisien and Tayacian-Clactonien flakes in India and Central Asia is different from that characteristic for Europe, and 4) the existence of «pebble-techniques» leads to the appearance of special forms of tools functionally identical but typologically different from European ones. The similarity between the remains of the Soan type and pebble-tools of Central Asia is beyond doubt. Judging by materials from the Sangao cave, the Levalloisien technical traditions developed late in the Soan stage and in the early stages of the other cultures of the Middle Stone Age in India, and this permits one to suppose the probable strong influence of the

Central Asia's Levalloiso-Mousterian culture upon the neighbouring territories including India. As to the Upper Palaeolithic, this stage is usually not distinguished in the periodisation of the Palaeolithic Age in India. According to the author, further researches will reveal a greater resemblance between the Upper Palaeolithic Age of Central Asia and the later part of the Middle Stone Age of India.

In conclusion, it is pointed out that Palaeolithic cultures of the territories under consideration developed in their own way. At the same time, there is no doubt that contiguous areas exerted a reciprocal influence on each other's development. However, this influence was stronger in certain periods and weaker in some others.

Indian Studies of the Oriental Commission
of the Geographical Society of the USSR
(Chronicle of Work, 1967—1971)

In this chronicle a complete enumeration of all the papers relating to India read at the Oriental Commission's meetings and at the conferences, sessions, etc., in which the Commission has actively participated is given. The dates of the meetings, the names of the speakers, and the titles of the papers are mentioned.

* * *

Индия — страна и народ, книга 3 — настоящий том.
India — land and people, Book 3 — the present volume.

I. V. Sakharov

Population of India: an analysis of the provisional
results of the 1971 Census

In 1971 a Census has been successively conducted in India by the Census Organisation headed by A. Chandra Sekhar, the Registrar General of India. After giving a brief account of the Indian Census Organisation, the author analyses the provisional results of the 1971 Census of India as reflected in two publications recently issued from the Office of the Registrar General (Census of India 1971. Series I. India. Paper 1 of 1971. Provisional population Totals. New Delhi, 1971. 57 pp., maps; and Supplement, 230 pp., maps). In particular, the size and distribution of the population, its growth rate, density, sex ratio, and the extent of literacy are discussed. Special attention is paid in the paper to the demographic data concerning cities, i. e. towns with a population of 100,000 and over.

I. V. Sakharov

The ethnic geography of India: a brief sketch

Writing about India, the ethnologists, much like demographers, linguists, economists etc., usually disregard the geographical spatial approach. On the other hand, in geographical works on India, including even

those devoted to population geography, little attention, as a rule, is paid to the ethnic problems. As a result, the ethnic geography of this country remains up-to-now inadequately studied.

The investigation of the spatial aspect of the ethnic situation in present-day India is of great theoretical and practical importance. An attempt is made in this paper to describe briefly the ethnolinguistic situation in contemporary India from the viewpoint of ethnic geography. The first part is devoted to the study of the ethnolinguistic composition of India's population. The complex situation which is peculiar of Bihar, Hindustan and Rajasthan is discussed in greater detail. None of the censuses has so far been capable of showing the real ethnolinguistic diversity of this vast area (for which, according to the author, *the territorially continuous ethnic transitionality* is characteristic), and in order to help to overcome this data gap, the conducting of a special additional census or sample survey is suggested. In the second part of the paper the author analyses the ethnolinguistic Census statistics in spatial terms and establishes basic features of the ethnic geography of India. Two types of *intermediate* ethnic regions, the *mixed* and the *transitional* ones, are distinguished which differ from each other by the character of the interaction of the ethnic components of their population. The third part of the paper contains a study of the relationship between ethnic geography, on the one hand, and natural geographical environment, the politico-territorial division of the country, and her economic geography, on the other. In particular, the author deals with the remaining non-conformity of the existing administrative-territorial set-up of India to the ethnic pattern of her population. At the same time, the problem of the reverse influence which is exerted by the federal structure of India on the character and direction of ethnic processes and on the formation of ethnic regions and of their boundaries is analysed. The author briefly discusses India's inter-regional economic disparities in the context of ethnic geography, considers the relationship between the ethnic breakdown of the population, on the one hand, and its social and occupational structure, on the other, that are characteristic for some multi-national regions and cities, and examines the influence exerted by the ethnolinguistic composition of India's population upon the formation of economic regions in this country in the context of the existing federal structure, etc. In conclusion, the directions are traced in which, in the author's opinion, special ethnogeographic research should be undertaken.

G. V. S d a s y u k

Problems of economic regionalization and regional
planning in India at the XXIst International Geographical
Congress (New Delhi, 1968)

Problems of regionalization for planning in India were among the leading topics discussed at the XXIst International Geographical Congress In Delhi (December 1968). The paper contains a detailed account of these discussions. There are several concepts and hierarchy levels of regional systems developed so far: physiographic, resource-based, administrative, economic, integral, etc.; macro and micro approaches are used to study them. Economico-territorial «dualism» typical for the developing countries, and influence exerted by large public sector undertakings on the backward areas are among the most complicated issues dealt with. Mathematical

methods (factor analysis, component analysis, general field theory, etc.) are increasingly applied to delineate regions and to forecast trends in their development. The author comes to the conclusion that Indo-Soviet scientific co-operation in the field of geography was fruitful and proved applicability of the Soviet economic regionalization theory and methods to the specific conditions of India and the other «third world» countries.

L. I. Bonifatieva

The prospective growth of India's capital

The proportion of urban population in India is low (about 20 per cent in 1971). But at the same time there are few great conurbations in this country. Among them Delhi is to be noted the population of which has been increasing rapidly (1.4 million in 1951, 2.4 million in 1961, and 3.6 million in 1971). The preparation of a master development plan for Delhi has been undertaken. It embraces a special National Capital Region with an area of 52 thousand square kilometres and a population of 11.1 million in 1961. The towns in the National Capital Region are intended to develop in an integrated manner with Delhi, so that their planned expansion will not only help them to achieve a better economic and social base but also simultaneously to help Delhi to overcome some difficulties and problems to which it is subjected now.

T. B. Lahiri

Urban canvas of West Bengal

The paper deals with some peculiarities of the formation, modern state and perspective changes in urban pattern of the state of West Bengal against the background of its economic development. Two main urbanized areas are distinguished in West Bengal: the Calcutta — Hooghly and Asansol-Durgapur conurbations. Development of new towns is embarrassed due to high cost of infrastructure and due to great capital investments which are necessary for arranging new jobs in basic industries. The author maintains that it is necessary to intensify the rise of urban population and industrial development. According to the author, by 1981 the urban population would achieve about 20 million, with 3.2 million engaged in industries. So in agricultural areas the urban population may rise four or five times while in the industrial employment about eight — ten times, and in industrially developed areas about two times only. Despite this, the dominating position of the Calcutta Metropolitan District will remain both in urban network and in industrial development. The construction of Haldia New Port in the lower reach of the Hooghly river will fortify this.

B. P. Suprunovich

Rural migrations and changes in the geography of rural population in India

Rural migrations made certain alterations in the population geography of rural India during the XXth century. According to 1961 Census data, 108.8 mln of migrants were registered in rural areas.

and 19,7 mln of rural born people were registered in urban areas. The main regions of out-migration of the rural population include Bihar, eastern districts of Uttar Pradesh, Tamil Nadu, and also Orissa, Rajasthan, Andhra Pradesh and modern Punjab. The rural areas attracting in-migrants are Assam Valley and Tripura, the western districts of Mysore State, plantation region of West Bengal, the Himalayan districts of Kumaon division, Canganagar district in Rajasthan State etc. The author examines three main directions of rural migrations: 1) migrations of plantation labourers, 2) migrations of colonizing type for the purpose of developing land for cultivation, and 3) the resettlement of displaced persons in rural areas. Such migrations lead to settling of scarcely populated territories, creation of new agricultural areas, development of productive forces in agriculture in the regions of in-migration, at the same time relieving rural overpopulation and pressure on the land in the areas of old settlement. Rural migrations have contributed to the formation of plantation economy. They have acted to intensify the ethnic consolidation and ethnic interaction. In future rural migrations are most likely to occur between neighbouring areas due to the development of irrigation projects and reclamation of waste lands for agriculture.

V. A. Pulyarkin

Animal husbandry in the framework of India's traditional peasant farming

In traditional peasant farming in India cattle breeding is completely subordinated to the interest of crop cultivation. Cattle are primarily kept as draught animals and not for the products to be obtained from them. In these conditions the cow becomes merely the means by which the livestock is reproduced. Without rejecting conclusions on the bad state of animal husbandry in India, it must be recognized that these conclusions are often exaggerated because they are based on an European approach to the evaluation of cattle productivity. The problem of a fodder base is fundamental for any improvement in this branch in India. Its solution is complicated by the sharp seasonal variation in ensuring grazing land, by a constant reducing of the pasture area, and by worsening of grass cover. Only an intensification of agriculture can create the prerequisites for the development of specialised and effective animal husbandry.

S. A. Maretina

The formation of social strata and classes among the peoples of North-Eastern India

Among the hill peoples of N.-E. India the formation of a class society is a mostly complicated and uneven process. Among some of them (of the Bodo group) this process was going on at the beginning of the II millennium A. D. and was connected with the early-class units of these tribes. During that period the gradual transformation of the old clans into socially privileged groups and the establishment of a class society took place.

Other peoples that had not created their own states in medieval times evolved rather independently, without intensive contacts with the more

developed peoples of the surrounding plains. Among them the process of class-formation took place inside of the neighbour community and manifested itself in the stratification of the latter, firstly into social strata, and later into classes. This process progressed unevenly in different regions, and in some regions the equality in the community only began to break down towards the end of the XIXth century. Peculiar to this period is a more or less developed hierarchy of social groups which is a result of the transformation of the blood-related clans. Mostly the emergence of the social strata on the base of clans was connected with the problem of the elder and younger branches of clans, which originally had only prestigious meaning. As the primitive society had been converted into an early-class society, so this division into superior and inferior clans became the base for the rise of social inequality inside the community. The process led to the elevation of the noble clans and to the establishment of a clan hierarchy. The next step was the usurpation of the community lands by the ruling group, and this testifies to the beginning of the transformation of the social strata society into a class one.

At the beginning of the XXth century all the hill peoples received a new stimulus for the class-formation processes when commodity — money relations began to penetrate their territory. The impact of this factor which brought new forms of stratification became universal. If the intrinsic development of the process of social stratification was very specific, the influence of commodity — money relations acted in a levelling way, stimulating similar phenomena among different peoples and forcing all communities to follow the same pattern of development. The very character of stratification changed. The formation of social strata in the conditions of autochthon development did not necessarily mean property stratification. The social factor (that is the affiliation to a certain clan or strata) remained the leading one, and it was social position that provided the opportunity for economic privileges. On the contrary in modern conditions property stratification plays the leading role. It means that in a social body new relations of economic inequality evolve which sooner or later lead to the appearance of classes peculiar to the capitalised village. This process is primarily connected with the emergence of private landownership that itself leads to the breaking down of the equality principle in the community and to the gradual disintegration of this institution.

Modern trends resulted in a greater unevenness of development. Many of the peoples that previously occupied a lower level from the point of view of social development began to develop faster leaving behind their neighbours. The levelling influence of the new economic factors removes the specific forms of social stratification and gives way to the further property stratification and disintegration of the community.

D. A. Oldero g g e

The Siddis, an ethnic group of African origin in India

It was only in the middle of the XIXth century that as a result of the research by R. F. Burton the existence of the Siddis, a minor ethnic group of African origin, came to light. However, for a long period of time this community remained unstudied. In 1969 Prof. R. K. Trivedi (India, Delhi University) published an ethnological description of the Siddis of

Gujarat, and in 1970 Prof. D. K. Bhattacharya presented an anthropological study of them.

Reporting the results of their investigations, the author gives a comparison of the Siddis and the Africans who had been brought to America and who lost their languages, accepted the manners and customs of the surrounding peoples but preserved their anthropological type and certain traits of culture: some of their cults and rites survived as well as the rhythm, melodies and musical instruments connected with them.

L. B. Alayev

Landless labourers in agriculture in the 19th century,
North-Western Provinces of India

The paper is based on the Settlement and Revenue reports of 1816—1881 and Census reports of 1872 and 1881 on the districts of the contemporary state of Uttar Pradesh in India. The attempt is made to evaluate the percentage of landless labourers in agricultural population and the role of their labour in agriculture. Three ways of calculation are suggested: 1) through the interpretation of the Census data of 1872 and 1881; 2) through the summing-up of local figures from various districts; 3) through the counting of the lowest castes population which formed the main part of landless labourers, according to the 1881 Census report. The conclusion is that landless labourers constituted on the average 30% of agricultural population. In some places of Upper Doab landless labourers performed more than half of the total amount of agricultural labour. The author is of the opinion that these labourers were of medieval and even ancient origin, most of them were unconnected with the modern processes of pauperization of peasants and development of capitalist relations in agriculture. They were in a state of personal or collective dependence on the land-holders and constituted from a remote time an integral part of the Indian village community.

E. M. Medvedev

The towns of Northern India during the 6th—7th centuries
(according to Hiuen Tsiang).

Drawing from the description of India by Hiuen Tsiang — a Buddhist pilgrim from China, the author shows the decline of the towns of North India in the 6th—7th centuries A. D. and at the same time points that this decline was characteristic not for all regions of India and took place in different areas for different reasons: in the North-Western part of the country it was brought on by the invasion of the Ephtalites, in the Himalayan belt it was connected with the historical backwardness of this area during the pre-Gupta period, in Magadha it was the result of destructive wars in the 6th and early 7th centuries. In other parts of India towns were flourishing and many could be distinguished by their large population, wealth and size. On this basis the author considers that in the majority of the areas of North India, and specifically in those which played a crucial role in the Middle Ages, town life and culture generally continued to develop. The author polemicalises with those indolo-

gists who see as absolute the naturalisation of the Indian economy in the 6th—7th centuries in connection with the development of feudalism. An attempt is also made in the paper to delimit the major cultural-economic zones in North India.

M. K. Kudryavtsev

The Buddhist university in Nalanda

In ancient and medieval India there were many higher educational institutions of different types. In some of them, especially in those attached to one of the Buddhist monasteries, people could get not only general but specialised education as well. Such an institution was the famous Nalanda University which flourished in the VIIth—XIIth centuries. Thousands of monks and other people received education there in grammar, logic, mathematics, astronomy, medicine, etc. Nalanda was also the centre of research in various fields of science. Scholars of different schools and religions, from different parts of the country regularly assembled here to discuss scientific problems. Nalanda and other similar universities graduated highly qualified officials, teachers, physicians, and other specialists for the rulers of different states. Nalanda housed a very rich library with thousands of manuscripts in different languages. The manuscripts were not only read and studied but copied and translated into some other languages to be dispersed in India and other countries. Nalanda was a big international centre of education and science. Students from neighbouring as well as from remote countries, such as Tibet, Indo-China, Indonesia, China, etc., arrived in Nalanda. Scholars, for the most part Buddhists, for example, the famous Chinese pilgrims Hiuen-Tsiang and I-Tsing, came here to improve their knowledge.

Y. A. Zadneprovsky

The protohistoric Ahar culture of South Rajasthan

One of the most important cultures of the post-Harappan period in India is the Ahar culture in South Rajasthan and Madhya Pradesh. It is represented by more than 50 sites which were thoroughly investigated by such well-known archaeologists as R. C. Agrawal, B. B. Lal, H. D. Sankalia, S. B. Deo, Z. D. Ansari and V. N. Misra.

A detailed report on the results of the excavations at Ahar by Sankalia, Deo, Ansari (1969) is the main source of scientific research on Ahar culture. The full description of stratigraphy, dwellings, and so on, the classification of the pottery discovered in these sites presents an important contribution to the protohistoric archaeology of India. However, critical analyses show that the subdividing of Ahar I period into 3 phases is not stratigraphically proven. This division into phases is insufficiently substantiated in published graphical documents.

Some contradictions and errors are noticeable in the study of the pottery of Ahar site. For example, the occurrence of about 40 sherds of Buff ware in phase Ia is not sufficient proof for making a separate sub-phase. There should be more substantive evidence for the distinction of cultural traits. Again the occurrence of some painted sherds and of lustrous red ware may only mean contact with Gujarat but not actually

a separate cultural sub-phase Ic. To sum up, there is a remarkable homogeneity in the pottery complex of Ahar I, which distinguishes it from other chalcolithic cultures of India.

The chronology of Ahar is based on a comparative study of its pottery and other finds, with those of Lothal and Rangpur and also on the carbon-14 dates of Ahar. It is highly significant that Kayatha has yielded evidence of an Ahar culture between the Kayatha cultural deposit and the Navdatoli (Malwa), thus providing us with a clear chronological picture. Despite the carbon-14 evidence for a date ranging from 2000 to 1200 B. C., D. P. Agrawal (1971) has shortened the chronology of Ahar by 400 years, i. e. from 2000 to 1600 B. C.

D. P. Agrawal and D. K. Chakrabarty have advanced different theories of the origin of Ahar culture. At present we can only presume that it is a product of three elements, namely, autochthonous, Harappan and foreign. Thus, in our present state of knowledge of the protohistory of India, the Ahar culture appears to be one of the earliest. All available evidence supports the opinion that the Ahar culture first appeared in a fully-developed state and seems to have been introduced into South Rajasthan from outside.

P. F. Belikov

Nicholas Roerich and India

This article concerns the close ties of the outstanding Russian artist Nicholas Roerich (1874—1947) with India. The author discusses N. Roerich's scientific, literary and artistic activities in India, his connections with Indian cultural and political personalities (Rabindranath Tagore, Jawaharlal Nehru, est.), the latter's opinions about Roerich and his role in the cultural and scientific life of India.

The impact of some Indian philosophical systems on Roerich's world outlook, as well as the influence of Indian mythology on his art are also briefly analyzed.

A special place is given to Roerich's progressive anticolonial views, his contribution to the propaganda of Soviet achievements, his efforts to establish scientific and cultural contacts between India and the Soviet Union, and his patriotic activities during the Second World War.

T. V. Grek

The Mogol Miniatures of the XVIIth Century Depicting Scenes of the Court Receptions (Durbars): Comparative • Characteristics of Group Portraits

On the basis of a comparative analysis of official group portraits, it can be concluded that the early multi-figured compositions are a result of the artist's direct observation of reality, and his striving to adequately represent it. As early as the second decade of the XVII century, the official group portrait can be seen to be assuming representational characteristics. The characteristic peculiarity of these works is the inclusion of people who were absent or even dead at the time when the ceremony was depicted, but whose noteworthiness heightened the importance of the reception at the Court of the Shah. However, even here, in the

official (representative) portraits of the first thirty years of the XVIIth century, one comes across traces of the artists' sober reflection of reality. In the third decade of the XVIIth century, the representation of people in group portraits loses its documentary precision. They become rather generalised, sometimes idealised. The lush palace surroundings are of greater importance for the painter than people present at the reception. The people standing before the palace, only serve to enhance the might of the Shah, and often look like nothing more than a smart crowd.

A. P. Raskin

Immigrants from India in the USA (1900—1946)

This article deals with the problem of immigration from India to the U.S.A. during the first half of the 20th century. The objects of study are the social structure and the direction of the Indian immigration stream, as well as the numerical strength, the principal occupations and the social and legal status of East Indian immigrants in America. Small groups of East Indians constituted mostly by the Sikhs settled chiefly in the Pacific States (Oregon, Washington and California). The majority of them were engaged in timber cutting, railway construction, and in the manufacturing industries. During the period preceding the First World War the East Indian workers shifted towards agriculture where they were employed mainly as hired labourers though some of them succeeded in setting themselves up as small independent farmers. Though not large in number, the immigrants from India contributed a great deal to the agriculture of the Pacific States as pioneers in the development of virgin and unused lands. They cultivated many valuable crops among which rice was of particular importance.

The author pays considerable attention to an analysis of the East Indian immigration and naturalization policy of the U.S.A. Even the first small groups of East Indians which arrived to the American Continent at the beginning of the 20th century were confronted with racist discrimination and became the object of persecution and badgering. The racist elements often started direct violence against the newcomers which resulted in such incidents as the merciless slaughter of 200 Indian wood-cutters in Billingham. The anti-Indian campaign was supported by official representatives of the United States Government. They came out with malicious attacks against the East Indians even in the US Congress. This resulted in a considerable diminishing of the immigration from India to this country in the years preceding the First World War. After the War the U.S. Government tried to exclude from American citizenship those East Indians that had been naturalized in previous years. The Third case offered a precedent which gave the US Government the possibility for the total prohibition of further immigration and naturalization of East Indians in this country. The revocation of this bill was obtained during the years of the Second World War as a result of the persistent struggle of the immigrants from India for their rights. The East Indians obtained the right for immigration within the limits of a small quota of 100 persons a year. This compromise may be partly explained by the growth of India's international importance during the years of the Second World War and also by new strategy in the foreign policy of the U.S.A.

A. D. Dridzo

The beginning of East Indian immigration to the West Indies

The introduction of indentured workers from India into the West Indies is connected with the abolition of slavery in the Antilles and the exodus of the ex-slaves from the plantations. The bulk of East Indians went to Trinidad and to British Guiana. During 1845—1917 (when this system was abolished) about 150,000 people came from India to Trinidad, and now East Indians compose about 40 per cent of the Island's population. For the most part, the early immigrants came not from the maritime provinces of India but from the inner parts of the country, mostly from the North-West Provinces (now Uttar Pradesh) and Bihar. The majority of them spoke Hindi and related dialects as mother tongues and were Hindus by religion. There was a high percentage of the Brahmins among them (in some years up to 18 per cent); the members of low castes constituted only about 50 per cent of immigrants. The number of those belonging to artisans' castes was very small. Therefore the author concludes that economic motives for emigration from India were the strongest factor, and the caste affiliation played a relatively minor role.

A. A. Dekhtyar

The awarding of the Jawaharlal Nehru Prize to citizens of the USSR

In April 1967, in connection with the 20th anniversary of the establishing of diplomatic relations between India and the Soviet Union, the Indian Government decided to set up an annual Jawaharlal Nehru Memorial Prize for Soviet scientists and artists who made a notable contribution to Indo-Soviet friendship. In order to award the Prize, a Committee was created in which representatives of both countries take part. The honorable presidents of the Committee are President of the Council of Ministers of the USSR A. N. Kosygin, and the Prime Minister of India Mrs. I. Gandhi. The article contains a brief information about the awarding of the Prize to Soviet writers, poets, journalists, artists, sculptors, composers, scientists, etc. The author points out that the awarding of the Nehru Prize has a great significance in the further development of friendly relations between the peoples of the USSR and India.

V. V. Annenkov

Indo-Soviet Monograph on the Economic Regionalisation of India

The author discusses the structure and content of the book «Economic Regionalization of India. Problems and approaches», New Delhi, 1968 (Census of India 1961. Monograph Series. Vol. I. Monograph № 8), written by late Dr. (Miss) Phulrani Sen Gupta (Head of the Geography and Cartography Department at the Office of the Registrar General, India) and by Dr. (Mrs) Galina Sdasyuk (Senior Research Worker in the Institute of Geography, USSR Academy of Sciences) and edited by Asok Mitra, with scientific consultation of Prof. V. V. Pokshishevsky. The volume under review which has been brought out just on the eve of the 21st International Geographical Congress, represents a good example of true collaboration of Indian and Soviet co-authors.

CONTENTS

I. V. Sakharov. Population of India: an Analysis of the Provisional Results of the 1971 Census	5
I. V. Sakharov. The Ethnic Geography of India: a Brief Sketch	27
G. V. Sdasyuk. Problems of Economic Regionalisation and Regional Planning in India at the XXIst International Geographical Congress (New Delhi, 1968)	61
L. I. Bonifatieva. The Prospective Growth of India's Capital	79
T. B. Lahiri. Urban Canvas of West Bengal	87
B. P. Suprunovich. Rural Migrations and Changes in the Geography of Rural Population in India	97
V. A. Pulyarkin. Animal Husbandry in the Framework of India's Traditional Peasant Farming	116
S. A. Maretina. The Formation of Social Strata and Classes among the Peoples of North-Eastern India	130
D. A. Olderogge. The Siddis, an Ethnic Group of African Origin in India	147
L. B. Alayev. Landless Labourers in Agriculture in the XIXth Century, North-Western Provinces of India	153
E. M. Medvedev. The Towns of Northern India during the 6th—7th Centuries (according to Hiuen Tsiang)	168
M. K. Kudryavtsev. The Buddhist University in Nalanda	184
Y. A. Zadneprovsky. The Protohistoric Ahar Culture of South Rajasthan	190
P. F. Belikov. Nicholas Roerich and India	211
T. V. Grek. The Mogol Miniatures of the XVIIth Century Depicting Scenes of the Court Receptions (Durbars): Comparative Characteristics of Group Portraits	237
A. P. Raskin. Immigrants from India in the USA (1900—1946)	255
A. D. Dridzo. The Beginning of East Indian Immigration to the West Indies	267
A. A. Dekhtyar. The Awarding of the Jawaharlal Nehru Prize to Citizens of the USSR	278
V. V. Annenkov. Indo-Soviet Monograph on the Economic Regionalisation of India	281
I. V. Sakharov. Indian Studies at the Oriental Commission of the Geographical Society of the USSR (1955—1972). (Part I. List of Meetings. Part II. Summaries of Articles Published in «India — Land and People» Series, Books 1—3). In English	285

СОДЕРЖАНИЕ

И. В. Сахаров (Ленинград). Население Индии по предварительным данным переписи 1971 г.	5
И. В. Сахаров (Ленинград). Краткий очерк этнической географии Индии	27
Г. В. Сдасюк (Москва). Проблемы экономического районирования и регионального планирования Индии на XXI Международном географическом конгрессе (Нью-Дели, 1968)	61
Л. И. Бонифатьева (Москва). Перспективы развития столицы Индии	79
Т. Б. Лахири (Калькутта). Особенности урбанизации штата Западная Бенгалия	87
Б. П. Супрунович (Москва). Аграрные миграции и сдвиги в географии сельского населения Индии	97
В. А. Пуляркин (Москва). Скотоводство в рамках традиционного крестьянского хозяйства Индии	116
С. А. Маретина (Ленинград). Образование сословий и классов у горных народов Северо-Восточной Индии (к проблеме классообразования)	130
Д. А. Ольдерогге (Ленинград). Сидди — африканцы в Индии	147
Л. Б. Алаев (Москва), К вопросу о роли труда безземельных в сельском хозяйстве Северо-Западных провинций Индии в XIX в.	153
Е. М. Медведев (Москва). Города Северной Индии в VI—VII вв. (по данным Сюань Цзана)	168
М. К. Кудрявцев (Ленинград). Буддийский университет в Наланде (V—VII вв.)	184
Ю. А. Заднепровский (Ленинград). Культура Ахар в Южном Раджастхане	190
П. Ф. Беликов (Таллин). Николай Рерих и Индия	211
Т. В. Грек (Ленинград). Могольские миниатюры XVII в. с изображениями дворцовых приемов — дарбаров. (Сравнительная характеристика групповых портретов)	237
А. П. Раскин (Ленинград). Выходцы из Индии в США (1901—1946 гг.)	255
А. Д. Дридзо (Ленинград). Начало иммиграции индийцев в Вест-Индию	267
А. А. Дехтярь (Москва). Присуждение премий имени Джавахарлала Неру гражданам СССР	278
В. В. Анненков (Москва). Индийско-советская монография по экономическому районированию Индии	281
И. В. Сахаров (Ленинград). Изучение Индии в Восточной комиссии Географического общества СССР (1955—1972 гг.). (Ч. I. Список заседаний. Ч. II. Краткое содержание статей, опубликованных в сборниках «Индия — страна и народ», книги 1—3). На англ. яз.	285

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

вып. XIV

Индия — страна и народ

Книга 3

*Утверждено к печати
Восточной комиссией
Географического общества СССР
Академии наук СССР*

.*

Редактор *О. М. Гармсен*
Младший редактор *Н. И. Иванова*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *М. В. Погоскина*
Корректоры *К. Н. Драгунова*
и *М. З. Шафранская*

*

Сдано в набор 29/IV 1972 г.
Подписано к печати 7/VIII 1972 г.
А-10061. Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага № 1
Печ. л. 20,75 + 0,25 п. л. вкл.
Усл. печ. л. 29,4. Уч.-изд. л. 27,68.
Тираж 1900 экз. Изд. № 2942. Зак. № 556
Цена 2 р. 27 к.

*

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

